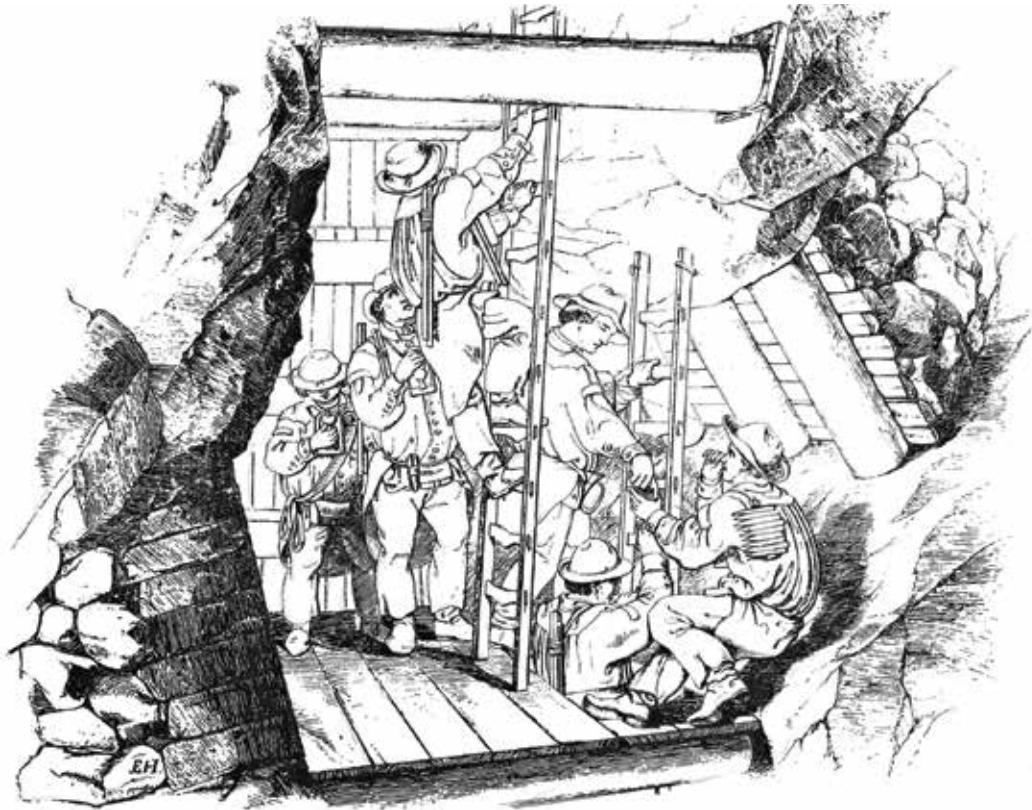

ЧАСТЬ III

**ВОСПОМИНАНИЯ
СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ СГАО «ВИСМУТ»**

1945—1990

Поездка в Германию группы "отцов" и "детей".
Около здания Генеральной дирекции. Зигмар. Апрель 2008 г.

Ветераны СГАО «Висмут» на общем собрании членов некоммерческого партнерства «Висмутяне». Февраль 2011 г. Москва

Третья часть книги содержит воспоминания ветеранов «Висмута» о деятельности общества (1945—1990), опубликованные в открытой печати и в Интернете, написанные или рассказанные специально для этой книги.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

ГЛАВА 1

Георгий Николаевич Котельников¹

За ураном от Эльбы до Меконга²

В Европу

1946 г. В Новосибирском геологическом управлении мне сказали, что наша группа геологов-сибиряков в количестве пяти человек вылетела в Москву уже две недели назад, и я должен ее догонять. Утром я вылетел из Новосибирска и во второй половине дня прилетел в Москву. Встретил земляков-геологов, был представлен начальству, получил продуктовые карточки и пропуска в столовые и определился на жительство в общежитие на Большой Ордынке, где совместно размещались сибирская и уральская группы Северной экспедиции. Коллеги ввели меня в курс дела и сообщили, что помимо нашей Северной есть еще и Южная экспедиция, которая будет работать в Чехословакии, а мы направляемся в Германию.

Ранним прохладным утром на открытом грузовике мы проскочили по просыпающейся Москве и доехали до аэродрома Внуково, где погрузились в старый, выдавший виды грузовой самолет Ли-2. В Берлине приземлились на аэродроме Шенефельд, где нас встретили на двух легковых машинах и грузовом «студебеккере». На виллу в Дрездене в районе Вайсер Хирш приехали уже в сумерках. Распорядилась на вилле высокая красивая блондинка-немка. После ужина ребята остались в гостинной смотреть и слушать рояль, игравший без музыканта по перфорированным бумажным лентам, а я ушел. Не понравились мне снисходительно-насмешливые взгляды немки, которые она бросала, меняя ленты проигрывателя, на наших ребят, искренне восхищавшихся впервые увиденной приставкой к роялю.

Около полуночи неожиданно зазвонил телефон на столике у кровати. Сквозь непонятные немецкие фразы откуда-то прорвался русский голос. Звонила, как она представилась, Мария Васильевна Бесова — начальник первого Объекта. Она спросила: «Прилетел ли генерал Мальцев?» Я не знал

ни о генерале, ни об Объектах и мог только сказать, что, кроме группы прилетевших геологов, на вилле сейчас никого нет. Судя по голосу, сообщение о прибытии геологов ее не порадовало, и она попросила не задерживаться и завтра же выезжать из Дрездена.

Утром мы побродили по окрестностям вблизи виллы и часов в десять выехали на юг. Удручающее впечатление производили руины Дрездена, разбитого бомбами американцев.

Через несколько часов мы доехали до Шнееберга, где нас встретили другие представители и повезли в соседний городок Обершлему.

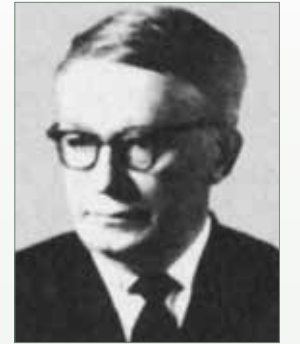
Машины остановились у темно-серого многоэтажного здания в центре города. На зеркальных стеклах дверей и окон дома была вытравлена эмблема — изящные женские руки держат в полураскрытых ладонях кусочек вещества, испускающего лучи, и надпись Kurhotel.

В Обершлеме я прожил недолго, еще несколько дней я пробыл в городке Шнееберг, где постоянно жили геолог В.Н. Низовский и геофизик Д.Ф. Зимин. В районе этих двух городов ползали по старым и восстановленным нами горным выработкам и познакомился с геологическими отчетами.

Моя легкая жизнь быстро кончилась. Трое из состава Северной экспедиции — геофизик Н.Д. Гутин, техник-геолог Павел Шулгин (оба уральцы) и я — получили назначение на первый Объект, где начальником был полковник А. Бахвалов, и выехали на постоянную работу в г. Иоганнзеоргенштадт.

Кроме нас троих и Бахвалова, в городе уже были три советских специалиста из группы Бесовой — геологи П.В. Прибытков, Н.Ф. Новиков и девушка-радиометристка, прибывшие в Германию на десять дней раньше нас. Начальником шахты Фришглюк был репатриант Пряхин, а хозяйственной деятельностью управлял второй репатриант Косица.

При первой беседе Бахвалов спросил меня о профиле моей прежней работы, и я сразу же заявил, что всю жизнь (а мне было всего-то 25 годков!) занимался поисками и съемкой и хотел бы и здесь продолжить работать в области геологического картирования хотя бы в масштабе 1:100000, так как на более мелкие масштабы в Европе я не

Г.Н. Котельников

¹ Биография Г.Н. Котельникова — см.: часть I, глава 2 настоящего издания.

² Как искали и добывали уран. Сборник статей-воспоминаний ветеранов атомной промышленности. М.: Геос, 2002.

рассчитывал. Бахвалов объяснил, что в Германии еще в начале столетия была составлена геологическая карта масштаба 1:25000, а мне придется начать с рудничной геологии и документации выработок в масштабе 1:50. После «миллионки» и «двухсоттысячки», которыми я занимался в Сибири, это было колоссальным укрупнением масштабов и, соответственно, сокращением поля деятельности с десятков тысяч квадратных километров площади в сезон до обслуживания нескольких забоев. На мои бурные возражения о несовместимости профиля и нерациональном использовании съемщика-поисковика полковник резонно заметил, что прежде чем искать, нужно знать, что искать, а это я постигну только под землей в должности рудничного геолога.

«Вы еще меня впоследствии благодарить будете, — резюмировал он наш разговор и добавил. — Сейчас нужны рудничные геологи и горняки. Их нет, и поэтому каждый советский специалист будет делать то, что нужно сейчас, а не то, что кому-то хочется».

Я уже знал, что геолог П.В. Прибытков в приказном порядке был назначен начальником шахты и геологом одновременно и прекратил опасные разговоры, но вышел из кабинета с твердым намерением убраться из Германии как можно скорее. А сейчас могу сказать, что несколько лет работы рудничным геологом, а потом главным геологом разведочно-эксплуатационного Объекта оказались хорошей школой и помогли мне в дальнейшем успешно проводить поисковые работы на уран в разных странах и грамотно оценивать найденные рудопоявления. Кстати говоря, П.В. Прибытков быстро вошел в роль шахтляйтера и оставался на этой должности до своего отъезда на Родину.

Помимо основной работы на шахтах, с которой мы быстро освоились, вскоре пришлось принять самое деятельное участие в отправке первого эшелона с рудой на Родину. Каждый из нас был назначен начальником участка и получил в свое ведение несколько вагонов, рудный бункер и десятка три-четыре немецких рабочих. Руда из складов, где она была упакована в металлические канистры, пересыпалась в деревянные ящики. Каждый ящик взвешивался до и после засыпки руды и проходил сложную маркировку: писалось что-то около пяти групп цифр и индексов. Я отвечал за отправку смолковых руд с шахты Фришглюк, а П.В. Прибытков руководил погрузкой вторичных — отенитовых и торбернитовых руд с Гюнтер-шахт.

При радиометрической ревизии шахты Фришглюк было отмечено около десятка пунктов с повышенной радиоактивностью. Наиболее интересными оказались радиоактивные аномалии, приуроченные к тонким

жилам северо-западного простирания, по которым сразу же была организована проходка забоев. Лучшее урановое оруденение мы встретили на жиле №8, где мощность урановой смолки на солидных отрезках составляла 5—8 см, а в раздувах достигала 30 см. В жилах №1, 9 и Нойгеборен Кляйнкинд («Новорожденный младенец») мощность смолки (Peschblende) редко превышала 2—3 см.

Первый, весьма скромный государственный план по добыче урана был спущен нашему Объекту в октябре 1946 г. Несмотря на то, что у нас уже кое-что было добыто попутно при разведочных работах и лежало в «зачаке», первый план возлагал на коллектив серьезную ответственность, и рабочая обстановка стала более напряженной. На Гюнтер-шахт в эксплуатации находились всего две ураноносные жилы — Михаэлис-шпат и недавно найденная жила Новая, так что месячное задание этой шахты составляло всего одну шестую общего плана Объекта.

Наладив контроль за проходкой и добычей руды по известным немногочисленным жилам, мы смогли заняться новой работой — поисками ураноносных жил в древних заброшенных выработках. Помимо общегеологических представлений о возможности нахождения новых жил, существовали документы о спорадической добыче урана в прошлом, да и старые немецкие горняки рассказывали о своих встречах с урановым оруденением в ныне отработанных серебряных жилах. Так, в одном из старых горных актов упоминалось о находках линз урановой смолки в жилах Зильберхофунг («Серебряная надежда») и Ваксфорд.

Глубокой осенью сорок шестого года из Москвы приехала большая группа известных советских геологов. В задачу этой группы или комиссии, как ее окрестило местное начальство, входило ознакомление с состоянием дел, консультация геологов-производственников и выдача рекомендаций по направлению дальнейших работ.

По молодости и наивности мы требовали от докторов и профессоров ответов на самые сложные вопросы рудообразования, часть которых не решена и сейчас — более четверти века спустя.

Лично мое любопытство охладил академик Сергей Сергеевич Смирнов — руководитель группы.

Он с юношеским энтузиазмом лазил со мной по самым дальним выработкам, пробирался на животе по очистным забоям, карабкался по узким ходкам рудоспусков и успевал на ходу заострять мое внимание на многих актуальных проблемах. Когда количество моих вопросов превысило, видимо, разумную норму, Сергей Сергеевич сказал мне дословно следующее: «Местный участ-

ковый геолог всегда знает свое месторождение лучше любого приезжего академика».

В первые месяцы нашей работы в саксонских Рудных горах, пока мы находились в плену авторитетных представлений, перспективы роста добычи урана казались весьма ограниченными и усилия направлялись на разворот работ по немногим, уже известным жилам.

Первые сомнения в неизбежности доставшихся по наследству геологических представлений появились в ходе ревизионных работ, когда мы начали встречать проявления урановой минерализации вдали от известных рудных тел, а также в процессе детального изучения и прослеживания ураноносных жил.

Поэтому от практики случайных находок старых отвалов и выработок мы перешли к ревизионным работам на базе богатых архивных материалов Фрайбергской горной академии. Первую связь с академией установила освобожденная от всех других работ камеральная группа при главном геологе акционерного общества «Висмут» Р.Ф. Нифонтове. Вскоре мы напрямую стали получать архивные материалы из этой старейшей в мире горной академии.

Весь сорок шестой год и почти весь сорок седьмой мы практически не вылезали из-под земли. Все наши усилия были направлены прежде всего на развитие эксплуатационных работ на известных рудных жилах и проведение ревизионных, а также подземных работ на многочисленных древних выработках Саксонии.

Узкий фронт работ из-за малого количества известных тогда ураноносных жил и крайней неравномерности в них уранового оруденения все время держал нас в напряжении, грозя срывом планового задания по добыче урана.

Коэффициент рудоносности известных тогда жил держался в пределах 0,05—0,01, то есть на ста метрах проходки по жиле руда встречалась всего на 5—10 метрах. Мощность уранового оруденения измерялась миллиметрами, реже — сантиметрами. Раздувы до 30 см и более были исключительными событиями.

Показателен пример борьбы за выполнение плана добычи урана в декабре 1946 г. на 2-м Объекте в районе г. Обершлемы.

Наступило уже 28 декабря, а месячный план добычи был выполнен всего на 20%. Соответственно, и месячный и годовой планы всего «Висмута» (тогда еще войсковой части №27304) были под угрозой. А это грозило серьезными неприятностями для всех. За спиной И.В. Курчатова, настойчиво требовавшего уран для экспериментов, маячили весьма внушительные фигуры Л.П. Берии, ответственного за урановый проект, и само-

го И.В. Сталина, державшего проблему под своим личным контролем.

Всех выручила штольня «Марк Земмлер», где 28 декабря 1946 г. неожиданно было встречено очень богатое оруденение.

В связи с Рождеством (Вайннахт) и приближающимся Новым годом большая часть немецких горнорабочих разъехалась по домам. Рождественские праздники — святое дело, и удержать немцев в забое было трудно.

И тогда под землю полезли советские сотрудники, начиная от немногочисленных солдат и кончая инженерами самого высокого ранга. Работали непрерывно и неистово, не поднимаясь на поверхность до вечера 31 декабря. Под землей и ели, и пили, и спали, бурили и взрывали, грузили и откачивали вагонетки, засыпали рудой круглые жестяные банки-канистры. Никаких смен не было. Человек работал изо всех сил, что называется до упаду, а затем его сменял другой — и так непрерывно, до безусловного выполнения плана добычи.

На встречу Нового года многие пришли еле держась на ногах, но довольные и радостные, благодаря чувству выполненного долга.

К осени сорок седьмого года положение с добычей урана стабилизировалось, наладилось геологическое обслуживание действующих рудников, поток специалистов из СССР неуклонно возрастал, и мы смогли выделить время и силы для решения других задач.

Было созвано совещание геологов и геофизиков по проблеме поисков урана в Саксонии, на котором всесторонне рассматривались возможности использования имеющейся аппаратуры и применения известных в то время поисковых методов. А вся-то наша геофизическая аппаратура была представлена лепестковыми электроскопами для лабораторных определений урана в пробах и образцах и верным другом — радиометром ПР-5. Было еще немного радиометров ВИРГ, но они были менее надежны и исчезли. А ПР-5 весил 8 килограммов и изрядно натер нам и плечи, и шею.

Для экспериментов наместили районы Обершлемы-Ауэ и Иоганнсгеоргенштадта. Вскоре мы поняли, что это самые неподходящие для опытов районы, но тогда у нас ничего лучше не было.

Большая часть известных там рудных тел располагалась непосредственно под городскими кварталами и была надежно перекрыта асфальтом и брусчаткой дорог и площадей, застроена многоэтажными домами или экранирована мощным чехлом современных рыхлых отложений. В таких условиях оба испытывавшихся метода (эманационная съемка и гамма-метод) не дали положительных результатов, но в некоторых случаях эманометр все же от-

метил слабое повышение активности.

Дополнительным аргументом в пользу эманационного метода служили известные нам по литературе успешные работы, выполненные в начале 1930-х гг. советскими геологами на среднеазиатском месторождении Табашар.

В то время ни советская, ни зарубежная промышленность какой-либо полезной эманационной аппаратуры не выпускали, и нам пришлось приступить к кустарному изготовлению необходимого количества приборов. Насколько я знаю, этот метод в других странах не применялся, хотя в Германии и Чехословакии он сыграл решающую роль, особенно после истощения объектов для ревизии.

Основу прибора — лабораторные электроскопы типа СГ-1м мы получали из СССР, а все остальное (насосы, камеры, осушители, фильтры, треноги) конструировали сами и размещали заказы на изготовление крупных партий в ближайших немецких мастерских и заводах.

Работы начали прямо против г. Иоганнсгеоргенштадт, на правом берегу реки Шварцвассер. Первые 16 аномалий носили точечный характер и были отбракованы мной и Л.Ч. Пухальским.

Тогда мы с ним представляли собой весь инженерно-технический персонал поисковой партии, причем выступали в этой роли не целиком, а «половинками», так как я одновременно продолжал работать главным рудничным геологом 1-го Объекта, а Леонид Чеславич — главным геофизиком 5-го Объекта в Аннаберге.

Эманационные аномалии с 17 по 20 номер были выявлены в течение двух дней и на местности уложились в одну линию северо-западного простирания длиной около 200 метров.

У нас появилось предположение, что аномалии отмечают рудоносную жилу типа «фляхе», и для ее вскрытия немедленно были заложены канавы. В одной из канав в двух метрах от поверхности радиометры зафиксировали сильную радиоактивность, которая неуклонно возрастала по мере

Олег Леонидович Кедровский³

Интервью с О.Л. Кедровским записал Г.Г. Андреев в апреле 2009 г.

В 1943 г. я окончил Московский институт железнодорожного транспорта и получил специальность «Строительство тоннелей и метрополитенов». Мой первый производственный опыт начался в должности инженера участка, а затем я был начальником участка строительства Метростроя. Вначале я работал на станции «Павелецкая», позже — на станции «Курская». Это была

углубления канавы. Наконец канава прошла рыхлые отложения и уперлась в монолитную скалу, где не было видно ни жилы, ни руды, а радиоактивность превысила несколько тысяч микрорентген в час. Решили на этом месте заложить шурф и углубиться на несколько метров в скальный грунт.

Первый же взрыв выбросил на поверхность обломки прекрасной урановой смолки. Оказалось, что сползшая вниз по склону плита пустой породы толщиной всего 60—70 см перекрыла и замаскировала рудную жилу.

Это была наша первая находка на новой площади новым методом, и рады мы были безмерно. В наших руках появилось надежное поисковое средство, и мы смогли увидеть свет божий, выбравшись из вековой тьмы древних выработок. Но это громко сказано. Фактически от рудничной работы нас никто не освобождал, и за план добычи металла мы несли полную ответственность. Просто разрешили сформировать поисково-разведочную партию, подобрать и обучить операторов и включить эти работы в план финансирования.

Тем временем один за другим были открыты новые рудные участки: Апрельский, Майский, Июньский, Августовский, Сентябрьский и Октябрьский. В июле на поверхности открытия не было, но на шахте №204 (разведочной) подземные выработки вскрыли прекрасную руду.

Рудный район Вайсер Хирш («Белый олень») открывали одновременно двумя методами: ревизией и эманационной съемкой.

Конец 1948-го и начало 1949 г. запомнились визитами высокого начальства. Тогда мы не очень задумывались о причинах столь резко возросшего внимания к нам, но потом сообразили: эксперименты Курчатова завершены, и металл нужен для серийного производства.

Побывал у нас маршал Соколовский, и вскоре по району начали демонстративно днем перевозить артиллерийские батареи и на высотах оборудовать огневые позиции. С маршалом довелось встретиться еще раз в Брамбахе.

для меня большая практика и очень ответственная работа с высококвалифицированными коллективами Метростроя, которая заложила во мне соответствующие качества руководителя подземных горных работ.

После трех с половиной лет работы в Метрострое я с группой своих коллег-ме-

тростроевцев — инженеров и проходчиков был направлен в командировку в «Висмут» (Германия), где перед нами были поставлены ответственные задачи участия в процессе создания Советским Союзом ядерного оружия. В то время на территории СССР не было найдено необходимого количества запасов урана для производства первой ядерной бомбы. На территории же Германии существовали старые урановые рудники и месторождения, которые весной 1945 г. захватили американцы, но затем по Ялтинским соглашениям были вынуждены нам их отдать.

Это был известный еще с давних пор курорт Радимбад, где минеральные воды протекают в местах залегания урановой руды. В отделе ЦК нам рекомендовали применять самые современные методы для быстрейшего вскрытия урановых месторождений и добычи так нужного СССР металла.

Практики работы на подобных рудниках у нас не было, но проходка горизонтальных и вертикальных выработок была метростроевцам хорошо знакома. Вначале мы должны были пройти несколько стволов, а затем вскрыть месторождение горизонтальными выработками. Должен сказать, что эта задача была по тем временам очень сложной, так как скорость проходки вертикальных выработок была довольно низкой. А без вертикальных выработок мы не могли начать вскрытие месторождений.

По приезду в Германию меня очень волновал вопрос: как я буду работать с немецкими рабочими и специалистами?

Дело в том, что многие из нас, молодых специалистов, плохо знали немецкий язык. А нам нужно было работать с немецким рабочим персоналом, причем на участках было всего по 1—2 советских специалиста. Поэтому приходилось срочно осваивать язык, были организованы курсы.

Мы очень быстро нашли общий язык с немецкими специалистами, стали общаться с ними по-немецки и успешно руководить производством. А они, в свою очередь, тоже быстро осваивали русский язык. Этот наш диалект в шутку называли «висмутшпрахе».

Я считаю, мне очень повезло, что я попал на работу в «Висмут», и что организатором этого предприятия и его первым генеральным директором был назначен Михаил Митрофанович Мальцев — генерал-майор войск НКВД, по образованию инженер-электрик, который имел большой опыт руководящей работы и был очень грамотным, требовательным и целеустремленным руководителем. Эти качества он прививал и нам, молодым специалистам. Он тратил на нас много времени, чтобы мы быстрее входили в курс дела и могли самостоятельно принимать решения на ответственных участках работ. Вскоре я

был назначен начальником шахты на Объекте 3 (Шнееберг), а в дальнейшем мне было поручено руководство управлением капитального строительства общества «Висмут».

Шахта Зибеншлеен, на которой я начал работать в Шнееберге, была старая, ранее она использовалась для получения красок на урановой основе и была довольно «слабенькая» по содержанию металла. Мы потратили большие средства на строительство Объекта и огромный труд на горные работы, а эффект был небольшой.

В первый раз, когда я пошел в шахту, я был поражен примитивностью, которая там царила.

В одной из выработок я увидел на креплении из кирпичной кладки дату «1520 год». Представляете, это же более 400 лет тому назад! Вагонетки, в которых производилась транспортировка горной массы, были объемом 0,25 кубометра, узкоколейка разваливалась от старости, рудничный подъем работал очень медленно. И мы занялись реконструкцией рудника. Надо было все привести в порядок, ликвидировать тупиковые рудничные дворы, где вагонетки загружались в клетки или разгружались в скипы. Такой оборот вагонеток в тупиковых руддворах был трудоемким и малопродуктивным. Пришлось одновременно делать реконструкцию старых выработок и вести проходку новых стволов, квершлагов и штреков.

В этой работе мне, тогда тридцатилетнему молодому человеку, очень помогли мои помощники, немецкие специалисты — оберштейгер Йоханнес Шмидт, опытный, убежденный сединами человек, и главный маркшейдер Фильдбингер, пользовавшийся авторитетом как у советских, так и у немецких специалистов.

Оба относились ко мне очень доброжелательно, по-товарищески, советовали, помогали, делились опытом. Я со своей стороны разговаривал с ними, уважая их достоинство, не унижая их невыполнимыми требованиями и задачами. Это сразу создало благоприятную атмосферу и очень помогало мне успешно решать многие сложные задачи, которые ставились перед моим коллективом.

Многому научили меня немецкие рабочие, которые вели себя дисциплинированно, четко выполняя работу в соответствии с принятыми нормами и правилами. Правда, была одна особенность, которая приучила меня к правильному общению с ними. Нельзя было, например, дать рабочим поручение выполнить какую-то работу к определенному сроку, сказать, что приду проверить, а затем не прийти и не проверить. Авторитет твой после этого падал, но я этого никогда не допускал.

Поэтому дисциплинированность, аккуратность в ведении работ, соблюдение

О.Л. Кедровский

³ Биография О.Л. Кедровского — см.: часть 1, глава 4.

принятых технологических норм и правил, стремление закончить работы в указанные сроки являлись залогом успешного выполнения ответственных заданий.

Откровенно говоря, первое время у наших немецких товарищей было какое-то настороженное отношение к нам. Мне казалось, что они боялись нашего проявления жестокости, связанного с тем, что они проиграли затеянную Германией войну, и опасались, что мы будем в нашей практической деятельности мстить им за это, заставляя работать непомерно.

Но, наоборот, в то тяжелое послевоенное время разрухи советское руководство стремилось создать им нормальные условия жизни. Несмотря на огромные трудности, связанные со стремительным ростом числа трудящихся, всех рабочих размещали либо в арендуемых «Висмутом» жилых домах, либо в построенных бараках. Для них строили столовые и обеспечивали медицинским обслуживанием. На каждом Объекте была организована торговля для снабжения рабочих продовольствием и товарами первой необходимости (отделы продуктово-вещевого снабжения), которые после 1950 г. реформировались в так называемую организацию «хандельорганизацон» (НО Wismut).

Для стимулирования успешной работы горняков с 1945 г. был установлен следующий порядок: за отличное выполнение работ и превышение норм проходки выработок или добычи урановой руды бригадам выдавался в дополнение к обычному поощрительный продуктовый паек, называемый в народе сталинским, что очень ценилось немцами в то голодное время. В него входили 10 банок овощных консервов, по 1 кг муки, масла и сахара, 2 кг мяса, 2 кг творога или сыра. Кроме того, практиковалось премирование радиоприемниками, велосипедами, текстильными товарами и обувью.

Постепенно мы все ближе узнавали друг друга, и должен вам сказать, что с удовольствием вспоминаю, как работал с немецкими рабочими и специалистами, как они относились ко мне в процессе выполнения заданий, которые я им давал.

Но чтобы достичь такого взаимодействия, нам надо было доказать им, что мы работаем не на авось, показать, как мы сами умеем все организовать и выполнить. Однажды, когда надо было срочно построить копер, установить шкивы, возвести армировку ствола, навесить новые клетки, где можно было разместить две вагонетки, чтобы быстрее выдавать наверх горную массу, мною была поставлена задача произвести эти работы в течение двух-трех дней.

Вначале немецкий коллектив высказал свое сомнение в реальности выполне-

ния задания в такие короткие сроки, но затем, когда я им показал, как это возможно сделать и что для этого необходимо, они со мной согласились. Мы заранее привезли на место все оборудование и материалы, на направляющих и армировке просверлили отверстия и заготовили крепеж, подготовили все оборудование и материалы для монтажа. После проведения в течение двух дней подготовительных работ мы за один день смонтировали копер и оснастили ствол новым клетевым подъемом. И подобных примеров было достаточно много⁴.

Был такой случай. Я работал начальником шахты Зибеншлеен (Sieben Schlehen) на Объекте 3 (Шнееберг). Однажды мне сообщают, что к нам едет с проверкой состояния работ генеральный директор М.М. Мальцев. Делал он это регулярно, на всех Объектах, был он очень требовательным человеком и не терпел расхлябанности. Мне стало известно, что накануне он проверял шахты на другом Объекте, там было много замечаний, в частности он ругался, что эстакады для откатки горной массы плохо работают, вагонетки соскакивают с рельс, так как они плохо закреплены и расползаются, что в восстающих невозможно пройти по лестницам, так как они захлаплены и засыпаны породой. Я все это учел и к приезду генерального директора заставил сварить все рельсовые стыки и не только на эстакаде, но и под землей, привести в порядок восстающие и рудничные дворы. Немецкие рабочие все это сделали великолепно: они понимали, что дисциплина и порядок очень важны в горном деле. А очистные работы у нас и до этого велись правильно.

Поэтому, когда приехал Мальцев, он был приятно удивлен, что у нас все в порядке. Я ему рассказал, что мы сделали для устранения замечаний, которые были им обнаружены на других шахтах. Михаил Митрофанович остался удовлетворен нашей работой. Такой порядок постоянно поддерживался на нашей шахте и в дальнейшем. Ко мне приезжали с других шахт смотреть, как надо работать.

Тем не менее основной проблемой оставалась добыча урана и недостаточное количество его разведанных запасов. Это меня очень беспокоило, и я об этом говорил своим помощникам-немцам.

Как я уже упоминал, оберштейгером у меня работал Й. Шмидт. Он был не только хороший горняк, но и отличный геолог, знал это месторождение как свои пять пальцев. Вот он-то вместе с нашим главным маркшейдером Фельдбингером обратил мое внимание на то, что основные жилы пересекаются с вторичны-

ми трещинами, и возможно там, где они пересекаются, образуются узлы с богатыми штучными рудами. Это предположение проверили, и оно подтвердилось. Мы срочно изменили всю нашу методику геологоразведочных работ и начали работать по-новому. И дело пошло. Да так хорошо, что мы смогли сделать запасы штучной руды в каморках и по мере необходимости выдавать штучную руду для выполнения плана. Но так как у остальных Объектов (Иоганнгеоргенштадта и Аннаберга) было сложное положение с добычей урана, заместитель главного геолога общества Кузнецов (толковый специалист с Дальнего Востока) предложил нам доложить о нашей методике ведения геологоразведочных работ на совещании в генеральной дирекции «Висмута», что мы с моим главным геологом Виктором (фамилию не помню) и сделали. После этого совещания и на других Объектах тоже стали вести геологоразведку урана по этой методике, искать узлы богатых руд в пересечениях жил, и все стали выполнять план.

Вскоре меня назначили главным инженером рудоуправления. Когда я пришел туда, то позвал геолога и попросил сделать мне общую карту рудоуправления (в него входило шесть или семь шахт). Говорю: нарисуй, где проходят жилы, а потом я тебе кое-что покажу. Мы вместе пошли в шахты. Вначале спустились в мою прежнюю шахту. На карте я обозначил все секущие основных жил с второстепенными трещинами и показал на пересечениях, где узлы и штучная руда. Поручил геологам обозначить секущие по всему рудному полю и на картах всех других шахт. Выполненную карту принесли мне, и я красным карандашом пометил, где нужно искать уран. Они были в недоумении, не понимали, в чем дело. Я объяснил свою методику.

В этом деле главным было участие немцев. Ведь это же оберштейгер Шмидт и главный маркшейдер Фильдбингер помогли мне найти секции и пересечения жил (Швеебенде). С моей стороны потребовались терпение и некоторые усилия, чтобы расположить их ко мне, русскому специалисту, чтобы они не видели во мне врага. Между нами не было антагонизма. Я уважал их достоинство и мнение, не прижимал их, как говорится, к ногтю, а наоборот, поощрял, и у нас создался хороший рабочий коллектив. Вот это одно из ярких воспоминаний о моей работе в «Висмуте».

Расскажу еще про один случай. Я работал начальником шахты Риттер. Это была старая шахта, со старым оборудованием, но запасы урана там были. Приняв эту шахту, я на следующий день начал проверять, как вчера работали. Смотрю — все бригады выполняли план. Второй день — тоже выполнили. Там же все измерялось в кубометрах, а штучная руда отгружалась в основном в ящиках.

Руда блестела, как смола, а вокруг — желтые пятна. И как только это «гнездо» находили, то не надо было никаких радиометров и дозиметров. Тут же прибегали русские солдаты, грузили руду в ящики из-под патронов и отправляли на поверхность.

В общем, план по объему горной массы вроде бы выполнялся, а урана извлекалось мало. Я тогда задумался: как поднять производительность по добыче урана. Надо было резко увеличить объемы очистных работ. А у меня на шахте старые компрессоры, воздуха нет, и давление примерно три атмосферы. Сколько я на бригадиров ни давил, они мне говорят: «Шеф, мы готовы работать, но воздуха нет, давления нет, что мы можем сделать?»

Главным механиком на шахте был немец примерно моего возраста, 32–33 лет, заносчивый, в войну был членом национал-социалистической партии Германии и механиком на линкоре «Бисмарк». И хотя я со все-

На переднем плане — отваль шахты Риттер, на заднем плане — шахта №76 и ее отваль (фото из архива Wismut GmbH, 1999)

ми немцами вел себя ровно, разговаривал с ними по-товарищески, и они отвечали тем же, этот механик относился ко мне настороженно, видимо, не соглашался со своими коллегами-немцами, что они со мной общаются по-хорошему.

И вот я ему говорю: «Ты же механик, ты же на «Бисмарке» был, что же ты не можешь поднять давление воздуха?» В общем, я его, как говорится, зацепил. Спустя некоторое время он говорит: «Шеф, давайте попробуем использовать поршневые моторы с самолетов «мессершмитт» в качестве компрессоров». Я ему отвечаю: «Давай пробовать». Притащили двадцать моторов, смонтировали, и тут же давление воздуха поднялось, оживилась работа на очистных и проходческих работах, а план по добыче урана стали выполнять.

Еще одна проблема, которая меня очень беспокоила, — обеспеченность предприятия квалифицированными горными кадрами. Как я уже говорил, людей было много, но нужных специалистов крайне мало. И тогда я

решил организовать на своей шахте №3 (Шнебергер) горняцкую школу по подготовке специалистов необходимых для нас профессий.

Совместно с оберштейгером Шмидтом и главным маркшейдером Фельбингером мы разработали программу обучения: что учащиеся должны знать и какие дисциплины сдавать. В зависимости от уровня подготовки мы определили четыре квалификационные категории.

Первое, что должны уметь горняки, — читать чертежи. Чтобы лучше их освоить, я предложил делать макеты сооружений, изготовленных в соответствующем масштабе. Ученики складывали из этих элементов по чертежам требуемые конструкции креплений выработок, эстакад, копров и других сооружений. Это значительно облегчало освоение учебных материалов. Изготовлением таких масштабных элементов и макетов у меня занималась целая бригада. Лекции читали квалифицированные немецкие штейгеры Шмидт, Коль и Конг.

Принимала экзамены комиссия, председателем которой был я. Окончившие школу составляли наш основной кадровый костяк. Мы всячески стремились дать работающим возможность учиться, давали освобождение от работы на определенные дни. Срок обучения был в пределах года. И как было потом приятно, когда бывшие ученики приветливо здоровались со мной, встречаясь на работе под землей или на поверхности⁵.

После нескольких лет работы на шахтах Объекта 3 меня назначили начальником управления капитального строительства (УКС) общества «Висмут». Его генеральным директором, как я уже говорил, был М.М. Мальцев. Меня как начальника управления капитального строительства он обязывал еженедельно по субботам приезжать к нему и подробно докладывать, что сделано за прошедшую неделю, где и как вели проходку стволов, горизонтальных выработок, какие бригады, где и как строили жилье для рабочих, столовые, больницы, стадион. И надо сказать, что он не только контролировал иправлял меня, но и помогал мне. Строительство было хорошо обеспечено материалами.

Металл, лес и оборудование мы получали из СССР, у нас было достаточное количество рабочих. УКС руководил работой двенадцати Объектов (или строительных управлений), которые работали по всей южной территории ГДР: прокладывали электросети, водопроводы, строили не только промышленные объекты, но и жилье, спортивные и культурные сооружения. Руководство «Висмута» очень беспокоилось о том, чтобы люди не только

работали в хороших условиях, но и имели возможность в свободное время отдыхать, заниматься спортом. Мы соорудили спортивный зал с закрытым бассейном в пригороде Хемница, сделали открытый пруд, построили Дворец культуры трудящихся «Висмут» на 900 мест. При этом мы обращали внимание немецких строителей на то, что все это останется в ГДР и перейдет в собственность ее народа. Строительство велось очень тщательно, аккуратно, с выполнением всех строительных норм и правил, которые существовали на тот период времени. Например, строительство Дворца культуры трудящихся «Висмут» мы вели методом народной стройки очень быстро. В этом процессе участвовали практически все трудящиеся «Висмута», привлекались и советские солдаты. Начали где-то в феврале, а 7 ноября, в день празднования годовщины Октябрьской революции, мы сдали его в эксплуатацию. Было торжественное заседание и выступление артистов Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии им. Александра, с воцоргом воспринятое публикой, которую в основном представляли немецкие рабочие и специалисты. Потом в этом Дворце культуры выступали многие известные советские артисты, певцы и музыканты.

Практически все строительство новых объектов начиналось с того, что я рассматривал и решал проблемы, кто и как будет там работать, каких специалистов туда пошлю. Трудность была в том, что задания, которые мы получали на строительство, не всегда были обеспечены рабочими нужных специальностей. Рабочих у нас было много, в том числе мобилизованных, но специалисты требовались самые разные, потому что помимо проходки горных выработок УКС занималось строительством промышленного и гражданского назначения: жилья, служебных помещений, стадионов, домов отдыха и санаториев, клубов и других объектов, необходимых для жизнедеятельности «Висмута».

Мне пришлось участвовать и руководить строительством стадиона в г. Ауэ, где в основном жили горнорабочие «Висмута». За очень короткий срок (4 месяца) по указанию М.М. Мальцева на месте старого стадиона мы построили новый, с трибунами на 22 тыс. зрителей. Там были футбольное поле, легкоатлетические дорожки, площадки для волейбола, баскетбола и т.д.

Строительно-монтажные работы на строительстве стадиона выполняло управление, руководителем которого был Хцинский — толковый монтажник родом из Днепропетровска. Чтобы сдать объект вовремя, я предложил ему вести монтажные работы по прокладке коммуникаций параллельно со строительными работами.

Это помогло нам сдать стадион в срок к 20 августа 1950 г. Открывал его Председатель Правительства ГДР Отто Гротеволь.

Еще одно строительство, которое осталось в моей памяти, — это Эрлабрунн, больница для горнорабочих. Сроки строительства, как обычно, сжатые. Здание огромное, полукругом, метров триста в длину и несколько этажей в высоту. Больница рассчитана на 1000 коек в главном корпусе и на 200 — в инфекционном отделении. Я посмотрел проект и говорю Мальцеву: «Михаил Митрофанович, наверное, у меня за такой срок не получится». А он мне отвечает: «Ну, ты мне еще будешь рассказывать! Делай! Всем, чем надо, я тебе помогу, но чтобы больница была сдана в срок. Я уже Отто Гротеволь пригласил на открытие».

Единственное, на чем я настоял, что нужно заложить в смету строительства три миллиона на послеосадочный ремонт. Строили мы как раз весной. А весна была гнилая: то дождь идет, то снег. Надо было прокладывать много труб, монтировать котельную, устанавливать специальное оборудование, а у меня таких специалистов было мало, и пришлось привлекать частные фирмы. Вот с ними потом пришлось «поколбаситься» из-за неразберихи с тем, кто должен подписывать приемо-сдаточные акты выполненных работ и как они должны быть оформлены в соответствии с новым законодательством ГДР. Но это было потом.

Приезжаю я через месяц на стройку и вижу, что основная наружная стена в одном месте отстроена только на пол-этажа, в другом — на 3 этажа, в третьем — на 2. Я испугался, что здание развалится, и заставил делать ленточные решетки из арматуры на ширину кирпичной стены, укладывая их на слой уложенного кирпича, создавая тем самым армированную кирпичную стену. Вначале немцы стали недоверчиво крутить головами, но потом поняли, в чем дело, и сделали все как надо. Главное, их надо было убедить и доказать, что это можно и нужно сделать.

В срок мы уложились. Оставалось дня три до сдачи объекта. И тут ко мне в кабинет вбегает Иван Михайлович Варфоломеев — начальник строительного отдела, куратор строительства Эрлабрунна, один из тех, кто с Дзержинским занимался колониями беспризорников. Закрывает плотно дверь и говорит:

— Олег! Ты знаешь, все полы проваливаются!

— Как проваливаются?

— Идет докторша, каблучком раз — и проваливается. А там под каблучком линолеум и половая доска. А она сгнила.

— Почему?

Он показывает мне кусок сгнившей доски.

— Анофелис.

— Что это? — спрашиваю я его.

— Это грибок такой. Он разрушает дерево.

А нам через три дня больницу сдавать. Что делать? Решаем срочно ехать в Эрлабрунн. И только я выхожу за дверь, телефон мой в кабинете надрывается — вызывают к начальству. Секретарю говорю: объясни, что уехал на объект.

Приехали на место, пошли на первый этаж. Идут две молоденьких докторицы, и от их каблучков действительно пол проваливается. Идем, говорю Варфоломееву: по комнатам посмотрим. А про себя думаю: почему же доска сгнила?

И тут смотрю я в угол комнаты — гладко. А там должен быть «продух» — отверстие для вентиляции подпольного пространства. Ни в одной комнате эти «продухи» не были установлены, и пол сопреп. Закрыв я дверь покрепче и стал материть Варфоломеева. Первый и последний раз в жизни я так ругался и допустил со своей стороны такое хамство. Мне до сих пор стыдно, ведь Варфоломеев — хороший, честный человек. Я потом у него в Москве на даче был, попросил прощения. А тогда нужно было срочно исправлять положение. Послали на все 12 объектов телефонограммы: «Немедленно поменять все половые доски, прислать новый линолеум в Эрлабрунн, о количестве сообщить». Дальше надо было определить количество строителей для срочной укладки полов и наклейки линолеума.

Часа три я там с Варфоломеевым провозился, назначил ему трехдневный срок под его личную ответственность, чтобы успеть к сдаче больницы. Но, конечно, все уже знали о случившемся. Только возвратился из Эрлабрунна на работу, не успев пообедать, а секретарь меня вызывает к В.Н. Богатову — заместителю Мальцева. Он мне говорит:

— Я все знаю. И вот, чтобы тебя спасти, объявляю тебе выговор.

— За что выговор? — спрашиваю я.

— За срыв сроков сдачи объекта в эксплуатацию и перерасход сметы строительства.

— Никакого срыва срока не будет, — отвечаю я ему, — и перерасхода сметы тоже не будет, так как мной предусмотрены деньги на послеосадочный ремонт.

Как сказали, так и сделали. Больница была сдана в срок, 8 мая 1951 г.

И еще об одном. Строительство новых шахт и других объектов по добыче урана шло очень интенсивно. Например, за короткий срок должны были сдать готовый объект. А для этого надо было пройти ствол, поставить и оснастить копер, установить подъемную машину, пройти околоствольные выработки, руддворы, основные квершлаги и штреки. Значительный объем при этом занимали

⁵ Аналогичные школы подготовки горняков были организованы в «Висмуте» с первых лет работы по приказу М.М. Мальцева (по данным сайта www.wismut.su).

работы по креплению выработок, монтажу копров, эстакад, бункеров и прочих сооружений. Основным материалом тогда служило дерево, поставляемое из СССР. Для того чтобы ускорить строительные-монтажные работы и крепление выработок, было решено производить заготовки элементов крепления выработок и строительных конструкций централизованно. Создали специальное производственное предприятие, руководителем которого был наш специалист Россовский — большой энтузиаст этого дела. И работа закипела.

Бывало утром едешь — еще проходят ствол. Через пару дней уже ставят копер, подземную машину монтируют. А вот где бункера навесили, и пошла горная масса.

Николай Иванович Чесноков⁶

Начало добычи урана в Рудных горах послевоенной Германии⁷

В конце 1946 г. после окончания Московского горного института я был направлен на работу в Подмосковский угольный бассейн, в комбинат «Москвоуголь», на шахту №42 Смородинской группы шахт треста «Донской уголь» в качестве начальника участка. Хотя я окончил институт по специальности «Разработка рудных месторождений», весь наш немногочисленный выпуск 1946 г. по распоряжению министра В.В. Вахрушева был распределен в угольную промышленность, так как отрасль была сильно разрушена во время войны, особенно пострадали шахты Донбасса и Подмосковья.

Имея опыт работы в угольной шахте Караганды в военном 1942 г., мне не пришлось долго работать начальником участка. Уже в 1947 г. я стал главным инженером шахты №42, начальником которой был Николай Фролович Дьяконов, а затем — Николай Леонтьевич Лукьянов (позднее оба работали в «Висмуте» и возглавляли крупные добычные Объекты 1 и 8). В дальнейшем, когда я работал главным инженером крупной шахты №41 треста «Донской уголь», мне пришлось впервые встретиться с немецкими рабочими. Это были бывшие горняки Силезии и Рура, отобранные среди военнопленных немцев, которые базировались в лагере около жилого поселка шахты. Две угольные лавы, в которых они работали, были лучшим участком шахты №41 по масштабам добычи угля и содержанию очистного пространства. Техника безопасности при производстве горных работ соблюдалась ими безукоризненно, дисциплина труда была высокой. Меня удивляло: когда я появлялся в лаве при обычных ежедневных

Вспоминая работу в «Висмуте», хотел бы сказать, почему мне нравилось там работать. Это была высокая ответственность, самостоятельность в принятии решений, когда ты должен все решать сам и немедленно, нацеленность на получение нужного результата.

Первые четыре года работы в «Висмуте» под руководством Михаила Митрофановича Мальцева — опытного, вдумчивого, требовательного и жесткого руководителя — научили меня многому. Я приобрел огромный опыт работы в интернациональном коллективе с трудолюбивыми немецкими рабочими и ответственным инженерно-техническим составом. Это была серьезная производственная школа, которой я многим обязан.

обходах горных работ, первый же увидевший меня немецкий рабочий кричал: «Ахтунг, хауптинженер ист хир!» («Внимание, главный инженер здесь!»). Все рабочие по стойке смирно приветствовали меня — молодого специалиста-инженера. Я здоровался с ними и просил продолжать работу. С немецким начальником смены (десятиником) мы обсуждали ход добычных работ в лаве и другие организационные вопросы.

Хотя мы, советские люди, ненавидели фашистов, но воспитанные в советские годы в духе интернационализма не чувствовали после Великой Отечественной войны глубокой вражды к немецкому народу, в том числе и к военнопленным.

Работая с немцами на шахте №41, я познал немецкую пунктуальность в характере простых рабочих-горняков. Немцы-военнопленные работали на шахте хорошо. После хорошей работы у них оставались заработанные деньги — советские рубли, которые накапливались на их счетах в Сбербанке. Из этих денег с военнопленных вычитали за содержание в лагере и питание. Когда их освободили, а это произошло уже в начале 1948 г., немцев, едущих на Родину в Германию, нельзя было узнать. Переодетые в новые костюмы и пальто, в модных ботинках, с чемоданами, полными подарков для родных, они уезжали с нашей шахты домой.

В следующем, 1949-м, году меня пригласили работать в Германию, в «Висмут», куда я выехал вместе с семьей в начале февраля 1950 г. Судьба сложилась так, что мне снова пришлось работать с немцами, но уже у них

на родине, на урановых рудниках в Рудных горах Саксонии.

Прибыв с семьей поездом в Хемниц, я прежде всего прочитал на вокзале: «Хемниц — ворота к серебряным рудам Саксонии». Все это было для нас ново и интересно. Главным инженер — технический директор «Висмута» спросил меня, в какой район Рудных гор хотел бы я поехать работать. Мне было все равно, поэтому я сказал: «Куда пошлете, но желательно, чтобы было жилье для моей семьи и интересная для горного инженера работа на рудниках».

После беседы я был направлен в г. Шнееберг на Объект 3 главным инженером шахты №10-72 (Зибеншлеен). Главными задачами для нашей шахты были геологоразведочные и подготовительные работы, а также добыча урановой руды и, прежде всего, урановой смолки, которая встречалась в жилах.

Расскажу немного о том, что мне удалось узнать в горном музее Шнееберга и Фрайбергском горном архиве Саксонии. Разработка Шнеебергского рудного поля началась в XII веке. Известно, что около 1185 г. в районе Чорлау на юго-востоке этого поля велась промывка касситерита. В XIII и XIV столетиях добывали медь (медный колчедан, медный блеск и другие медные руды) на рудниках Давид в районе Обершлемы и Хохен Форст около Вейсбахы. В XIV веке в центре нынешнего Шнееберга на рудниках Санкт-Георг и Альте добывали серебряные руды. С середины XIV до середины XV века шла добыча кобальтовых и висмутовых руд. С 1550 по 1600 г. возобновилась добыча серебряных руд на более глубоких горизонтах действовавших ранее рудников. В XVII—XVIII веках на Шнеебергском рудном поле разветвляется более интенсивная горно-промышленная деятельность: идет закладка новых шахт, разведка и вскрытие более глубоких горизонтов, разведка флангов месторождения и другие горные работы. В это время открываются крупные шахты: Вайсер Хирш, Бейст, Нойяр, Зибеншлеен, Адам Хебер и др.

Шнеебергское рудное поле характеризуется обилием руд — кобальтовых, никелевых, висмутовых, серебряных, урановых — в жилах так называемой пятиметалльной формации. В других жилах и рудных телах содержатся медные, цинковые, свинцовые, железные, марганцевые, вольфрамовые, молибденовые, мышьяковые руды.

В этом районе, уникальном в минералогическом плане, было очень интересно работать горному инженеру. Уран, висмут, никель, кобальт и серебро содержались в жилах Адам Хебер, Хильфе Готес, Даниель и Катарина. Уран содержался также в жилах Санкт-Георг, Фюрстен Фертраг, Фрелихе

Аусзихт, Ной Глюк, Готес Зеген, Анна, Зибеншлеен, Вольфанг. Урановые руды, особенно урановую смолку для получения красок, начали добывать здесь в 1825 г. Наибольшее их количество было добыто в 1850—1854 гг. Добыча велась вплоть до 1940 г., в небольших количествах, в основном для производства красок. По данным профессора Эльснера, на Шнеебергских рудниках за период с 1825 по 1831 г. было добыто штуфной урановой руды около 37 тонн со средним содержанием 5,35%, или в пересчете на уран — 7,38 тонны. Всего за этот период в Рудных горах Саксонии было добыто 13 907 кг урана, то есть на долю Шнееберга приходилось 53%. По данным завода синих красок в Ауэ, где перерабатывались урановые руды, в 1939 г. на завод было поставлено 263,3 кг урановой руды с рудников Шнееберга.

Шахта Зибеншлеен с висмутовским номером 10-72 объединяла три ствола: вертикальный №72, пройденный недавно, старинные наклонные стволы №49 и 83.

Наклонная шахта Адам Хебер расположена около озера Фильцтайх, или, как его называли в Средние века, рудничного пруда Фильц. Вода этого пруда поступала через штольню в рудники и приводила в движение подъемную установку, а также рудничные поршневые насосы для откачки воды с более глубоких горизонтов. После этого вода направлялась на штольню «Марк Земмлер» и по ней уходила через речку Шлему в реку Цвиккауэр Мульду. Вот на такой старинной шахте в районе Шнееберга и на десятках других подобных древних шахт в различных районах Рудных гор Саксонии начинали добывать уран после войны.

На шахте №10-72 кроме жилы Адам Хебер уран добывали из жилы Фрелихе Аусзихт и ряда других более мелких рудных жил и прожилков. На расстоянии 125—300 м от каждой шахты располагались породные отвалы. После отбора проб на уран и положительных результатов опробования началась переработка этих породных отвалов рудо-сортировочными установками РАС и получение в результате сортировки урановых штуфных руд. Это была хорошая добавка к подземной шахтной добыче урана.

Вторая крупная шахта в Шнееберге, на которой велась интенсивная добыча урановых руд, называлась Вайсер Хирш. При этой шахте была действующая обогатительная фабрика. Жила Вайсер Хирш в 1946 г. давала урановую руду с содержанием 8,2% висмута, 3,7% кобальта и никеля.

Третьей крупной шахтой была Бейст. Здесь наряду с начальником шахты и главным инженером ведущую роль играли главный геолог и главный геофизик шахты. На жильном урановом месторождении эти специалисты

Н.И. Чесноков

⁶ Биография Н.И. Чеснокова — см.: часть I, глава 4 настоящего издания.

⁷ Из книги «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: «Информ-Знание», 1998.

определяли направления горных работ, места нарезки новых очистных блоков и контролировали отбойку урановой смолки или других урановых минералов на горно-подготовительных и очистных работах. Их помощниками были участковые геологи, операторы-радиометристы, коллекторы, которые давали ежедневную информацию о ходе работ по подготовке и выемке руды и после обсуждения положения дел с главным геологом и геофизиком шахты вносили соответствующие коррективы в направления проходческих и очистных работ. Эти указания получали на еженедельных нарядах горные мастера и непосредственно горнорабочие. Все шло оперативным образом.

В 1950 г. была проведена большая кампания по уменьшению объемов горных работ и закрытию малоперспективных по урану участков и рудников в целом. Это позволило уменьшить численность работающих в «Висмуте» с 195 906 человек в 1950 г. до 153 112 в 1951-м и снизить себестоимость единицы продукции на 23%.

В 1951–1953 гг. широко развернулось движение передовиков производства: появлялись специализированные бригады проходчиков горизонтальных горных выработок, восстающих выработок и бригады на очистных работах в блоках. Началась проходка стволов шахт скоростным методом, проходка квершлагов и полевых штреков — все это способствовало ускоренному вскрытию новых рудоносных участков Шнеебергского рудного поля, новых ураноносных жил и росту добычи урановых руд. Бригады проходчиков-скоростников были в почете. На шахте №10-72 по окончании скоростной проходки мы вручали каждому рабочему новый велосипед или радиоприемник. Бригады за хорошие результаты работы представлялись к правительственным наградам, а такие, как Зепп Вениг, стали Героями труда Германской Демократической Республики.

Развернувшееся движение способствовало сплочению коллектива горняков, снижению текучести рабочих кадров и повышению производительности труда. Наряду с опытными советскими специалистами трудились и местные горняки с большим трудовым стажем, я бы сказал, почетные горняки Рудных гор Саксонии. Так, на шахте №10-72 работал оберштейгером чех Цапущек, а оберштейгером Объекта 3, куда входила шахта, был известный в Шнееберге горный инженер Шмидт.

Для повышения квалификации местных кадров в «Висмуте» были созданы два профессиональных училища и горный институт. На шахты пришли молодые люди, кто-то стал бурильщиком, кто-то — радиометристом или коллектором-геологом. Целая группа помощников из числа немецкой молодежи выросла вокруг опытного спе-

циалиста — главного геолога нашей шахты Степана Борчанинова. Впоследствии многие из них стали профессиональными геологами, получили инженерные дипломы, окончив висмутский горный институт.

Геофизическую мастерскую на шахте №10-72 возглавлял сравнительно молодой человек — бывший радист Руди, в годы войны летавший на самолетах вермахта. Он очень хорошо разбирался в радиометрической аппаратуре, чинил радиометры и, как настоящий ас, гонял на мотоцикле БМВ. Мы дружили.

Автомобиль, на котором я ездил на шахту в Шнееберг к Фильцтайху из Ауэ, где я жил с семьей, водил уже пожилой немец Вальтер Пельц — добрейший человек. Он с большим уважением относился к своему автомобилю ДКВ, а затем к «опелю» П-4, который всегда был в отличном состоянии.

В начале 1950-х гг. после успешной горной разведки месторождения Нидершлема урановые шахты Шнеебергского рудного поля (Объект 3) объединились с Объектом 9 в г. Ауэ, где неуклонно росла добыча урана на строящихся рудниках месторождений Нидершлема и Альберода.

Нам нужны были кадры советских специалистов-геологов, геофизиков, горняков, и мы их получили. Генеральный директор «Висмута» генерал-майор Михаил Митрофанович Мальцев летом 1952 г. прислал в наше распоряжение 100 молодых специалистов, окончивших советские вузы. К этому времени, в мае 1951-го, я был назначен начальником Объекта 9 в Ауэ. Чтобы выполнить план добычи урана, который ежегодно увеличивался в 1,5–2 раза, нужно было научить молодых советских инженеров и техников оперативно решать задачи производства.

За лето 1952 г. мы построили для прибывших трехэтажный дом и распределили на работу по специальности. Работы было много. Особая задача состояла в проходке глубоких стволов шахт для подъема грузов и вентиляции с поверхности на нижние горизонты действующих рудников Нидершлема.

Также планировалась проходка каскады слепых подъемных и вентиляционных стволов шахт с горизонта 240, на более глубокие горизонты месторождения — 540 и глубже. Высота этажа на рудниках месторождения Нидершлема-Альберода составляла 60 метров. Вскрытие нижних горизонтов, разведка месторождения и добыча урана шли одновременно. Такой режим работы на урановых рудниках «Висмута» позволял в короткий срок резко увеличить добычу урана, особенно на жильных гидротермальных месторождениях Рудных гор Саксонии.

Добытые штупные урановые руды (смолка) упаковывались в металлические ящики,

за каждый из которых забойщику шла дополнительная оплата. Далее ящики вывозились на рудный склад шахты, откуда на автомашинах свозились в цеха опробования. В первые годы деятельности «Висмута» эти руды после опробования отгружались в железнодорожные вагоны и отправлялись для дальнейшей переработки в Советский Союз.

Рядовые урановые руды грузились в шахтные вагонетки, выдавались на поверхности, разгружались в рудные бункеры и в дальнейшем вывозились автотранспортом на обогатительные фабрики «Висмута».

Обогатительные фабрики для переработки рядовых руд имелись во многих районах Рудных гор Саксонии. В 1953 г. в «Висмуте» их насчитывалось десять: №19, 20, 25, 38, 49, 60, 75, 79, 95 и 96. По производительности в основном это были мелкие предприятия со старым оборудованием, принятые в 1948 г. в собственность СССР. На них, как и на старых рудниках Саксонии, были проведены большие работы по реконструкции, которые позволили использовать их для добычи и обогащения урановых руд. Здесь имелись цеха гравитации, где на вибрационных столах выделялись из рядовой руды наиболее богатые по урану смолковые руды. Оставшиеся рядовые урановые руды перерабатывались по схеме фильтрационной технологии, широко используемой в течение многих лет в цветной металлургии.

Для коллектива советских и немецких специалистов и всех горняков Объекта 9 1952-й был годом бурного развития геологоразведочных и шахтостроительных работ на двух богатейших по урану месторождениях Нидершлема и Альберода. Стволы шахт №13-бис, 38, 66, 207, 208 и 250, на которых быстро росла добыча урана, не справлялись с выдачей горной массы, требовалась закладка новых стволов с поверхности на более глубокие горизонты. Росли объемы горно-капитальных работ, проходились квершлаг и полевые штреки, слепые стволы шахт и гезенки. С ростом глубины разработки месторождений нужно было решать вопросы водоотлива и проветривания рудников. Ствол шахты №186 на месторождении Альберода также с трудом справлялся с объемами выдачи грузов.

В этих условиях только глубокие стволы, пройденные до горизонта 540 метров и глубже, решали задачу дальнейшего развития горных работ и роста добычи урановых руд на этих жильных месторождениях. Были заложены грузовые глубокие стволы шахт: с поверхности до горизонта 540 (№366) и до глубины 1080 метров (№371).

Одновременно схемой вскрытия и условиями проветривания рудных полей ме-

сторожений Нидершлема и Альберода обуславливалась закладка вентиляционных стволов шахт на глубокие горизонты: №372 и 373 — до горизонта 990, №208W — 720 и №208 — 810 метров. В дальнейшем, в связи с ростом глубины разработки месторождения Нидершлема-Альберода, были пройдены глубокие стволы шахт №382 и 383 с поверхности до глубины 1305 м для подачи свежего охлажденного воздуха. Кроме того, на шахте №382 была смонтирована современная холодильная установка.

Чтобы вовремя решить задачу своевременного вскрытия запасов урана на этих уникальных урановых месторождениях, нужно было организовать скоростные проходки намеченных стволов шахт. И эту задачу успешно решил коллектив шахтостроителей Объектов 9 и 11.

Прежде всего, проектной организацией СГАО «Висмут» был составлен проект скоростной проходки ствола, в котором были учтены все известные в мире к этому времени технические решения: шахтостроителей и проходчиков СССР, США, Южной Африки и многих других стран.

Кроме проекта нужны были специальные механизмы и оборудование: проходческие копры, проходческие полки, подъемные лебедки, проходческие бады, раздвижная опалубка, оборудование для подачи жидкого бетона за опалубку и многое другое. Большинство оборудования было изготовлено на месте заводами СГАО «Висмут» в Цвиккау и Ауэ, остальное было поставлено из Советского Союза. Одновременно нужны были хорошие проходчики, бригадиры и сменные мастера — организаторы и специалисты по проходке стволов шахт. В первое время мы не обошлись без помощи «Сталиншахтпроходки» (в дальнейшем — «Донецкшахтпроходка») — крупнейшей советской шахтостроительной организации. Из Донбасса прибыли бригадир и начальник участка проходки, остальных проходчиков мы подобрали на месте, в «Висмуте».

И скоростные проходки начались. За короткий период мы достигли на проходке ствола шахты №366 скорости 80 м в месяц, что стало для «Висмута» хорошим началом. В дальнейшем эти достижения были значительно улучшены на проходке других глубоких стволов шахт как в Нидершлеме (Объект 9), так и на месторождении Цобес (Объект 6), Роннебургском рудном поле (Объект 90) и в долине Эльбы, на месторождении Кенигштайн.

После создания Германской Демократической Республики, в соответствии с соглашением между правительствами СССР и ГДР от 22 августа 1953 г. и уставом от 21 декабря 1953 г., с 1 января 1954 г. было учреждено смешанное Советско-Германское акцио-

И.И. Толмачев

нерное общество «Висмут» для выполнения работ на уран на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях.

В 1951—1955 гг. работал на Объекте 111 (Аннаберг) главным геологом шахт №21, Виктория, Нидершлаг, Теллерхойзер, затем — начальником геологического отдела того же Объекта. Кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник. Почти 10 лет отдано им «Висмуту» и 40 лет — науке. Всю жизнь проработал в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева АН КазССР (Алма-Ата). В настоящее время — пенсионер. Живет в Новой Зеландии с дочерью Ольгой — учителем музыки.

Игорь Иннокентьевич Толмачев

Первое воспоминание

Почти за полгода до окончания Казахского горно-металлургического института (г. Алма-Ата Казахской ССР) в 1951 г. меня, студента-дипломника 5-го курса, пригласили для беседы в особую московскую комиссию. Темой разговора было получение моего согласия на оформление заграничной командировки для работы по специальности. Я ответил, что согласен. «Тогда защищайте диплом и ждите вызова в Москву. Ваша деятельность засекречена. Все узнаете в Москве», — сказали мне.

Все это было интересно, загадочно и непонятно.

Защитившись, я получил диплом горного инженера-геолога и по вызову явился в Москву, в 8-е управление Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ). В то время Министерства среднего машиностроения еще не существовало (оно было создано в 1953 г.) В ГУСИМЗе мне выдали удостоверение МИД о направлении на работу в ГДР и деньги (5000 руб. — солидная сумма). На Белорусском вокзале я купил билет на поезд Москва — Франкфурт-на-Одере. И вот вместе с группой геологов-однокурсников (более 12 человек) — выехал по назначению. После голодных лет учебы в техникуме (1942—1946) и институте КазГМИ (1946—1951) нас обеспечили такими деньгами, что мы могли очень сытно и вкусно поесть разной снеди — «компенсация» за все голодные годы учебы. В поезде ехали весело и дружно и на каждой остановке запасались едой.

Мы прибыли в Брест, «перешли» на другую колею, затем проехали через Польшу и вот мы во Франкфурте-на-Одере. Здесь нас ждал сопровождающий с автобусами, на которых мы выехали в Зигмар (предместье г. Хемниц). В течение многих часов езды мы знакомились с новой необычной обстановкой. Всего 6 лет прошло после войны. На меня очень сильное впечатление произвели красивая природа, ухоженные дома, чистота в городках, обилие цветов и великолепные автомобильные дороги — автобаны. После белорусских деревень, разоренных войной, Германия выглядела цветущим садом, хотя мы видели много и разрушенных домов. Другая страна, чужой язык, а впереди неизвестность: куда, зачем, что будем

делать, — такие мелькали мысли. Но мы были молоды, здоровы, патриотичны и верили в хорошее будущее, особенно после войны, когда жизнь начала налаживаться. У меня, да и у всей нашей группы было приподнятое настроение, мы были полны энергии для свершения еще неизвестных дел.

Приехав в Зигмар, разместились в хороших гостиницах, где обслуживал немецкий персонал. Утром мы направились в Центральное управление — большой особняк, охраняемый автоматчиками, со строгой пропускной системой. В просторном зале нас принял генеральный директор АО «Висмут» В.Н. Богатов, сменивший на этом посту организатора общества — генерал-майора М.М. Мальцева, который вел первые отработки и добычу руд.

Богатов выслушал каждого специалиста: где и какой вуз окончил и по какой теме защитил диплом. Затем он вкратце рассказал, что работать мы будем на разных объектах ГДР и что наша главная задача — выполнение плана добычи урановой руды, доразведка месторождений, наращивание прироста запасов руды и полный ввод в эксплуатацию всех месторождений. На ознакомление с обстановкой и адаптацию в новых условиях работы с немецким персоналом нам давался один год; начиная со второго мы должны были работать на полную мощность.

Мы, молодые специалисты, справились с поставленными задачами. Следует особо отметить, что на первых порах эксплуатация шахт велась не специалистами, а молодыми солдатами под руководством офицеров. Поэтому эффективность работ была невысокой. Однако честь и хвала офицерам и солдатам тех лет, которые в трудных и опасных условиях выдали не одну тонну урановой руды. С приходом большого количества специалистов — геологов, горняков, геофизиков, механиков, маркшейдеров, экономистов, плановиков, хозяйственников — резко повысился объем добычи, обеспечив крупными запасами урановой руды на десятки лет многие объекты ГДР.

Особой похвалы заслуживают главный геолог Р.Н. Нифонтов и его коллеги, которые ревизовали и открыли урановые руды в Рудных горах Германии, как в старых отва-

лах, так и в отработанных древних шахтах и штольнях. Их творческие геологические знания в достижении цели достойны всяческого уважения и могут служить примером для будущих поколений российских геологов.

После совещания геологов в Зигмаре я был определен в г. Аннаберг (Объект 111), в который и прибыл в августе 1951 г. Коллектив советской колонии (около 300 человек) компактно располагался в нескольких многоэтажных домах с удобствами. Рядом находилось здание управления, охраняемое автоматчиками на всех этажах и у входа. Недалеко в особняке имела хорошая столовая для советских специалистов. Была карточная система на продукты питания и товары в очень большом количестве и по низким ценам. Моя зарплата составляла 2000 немецких марок и 2000 рублей в советской валюте, что обеспечивало высокий жизненный уровень специалиста.

Вход в управление был по особым пропускам, которые нам выдали. Меня вызвал главный геолог Объекта 111 Георгий Константинович Жуков, сообщил свое решение назначить меня главным геологом шахты №21. Он сказал: «Будете добывать этот минерал — урановую смолку, настуран», — доставая образец из сейфа.

Теперь я окончательно понял, зачем нас послали в Германию. В обиходе слово «уран» не употреблялось, говорили «металл», или иногда «смолка». Затем мы поехали на шахту №21, которая располагалась почти в центре Аннаберга, была огорожена высоким забором с автоматчиками у входа и на вышках (нас охраняли пограничники из ведомства Л.П. Берии).

Шахта №21 — наклонная под углом 80 градусов, по падению жили. Мы, в прорезанных робах, резиновых сапогах, в касках и с карбидными лампами, спустились на первый горизонт глубиной в 120 м, обошли много выработок — квершлагов, штреков, восстающих, которые подсекали жили различной мощности. Общее впечатление было шоковое. Кругом тьма, отовсюду большими струями бежит вода, ходим в ней почти по колено, трудно разглядеть, где жила, а где горная порода; в забоях, где отбивали руду перфораторами, стоял страшный шум. Одним словом, я абсолютно ничего не понимал, о чем мне говорил Г.К. Жуков. Потом спустились еще глубже на 100 метров, закончили там первый осмотр шахты и поднялись на поверхность. Этот первый спуск в шахту запомнился на всю жизнь. Теперь я вспомнил слова гендиректора — «даю год на знакомство и адаптацию к условиям». В течение трех месяцев я каждый день спускался в шахту, изучал ее, и это принесло свои плоды. Я стал хорошо ориентироваться во многих горных выработках и, в сочетании

с геологическими планами, уже мог задавать правильную проходку новых штреков по новым жилам и т.д. Вот здесь-то и пригодились мои знания по геологии, минералогии, начертательной геометрии и другим наукам, полученные в институте.

Вторым важным делом было освоение немецкого языка. Я крепко сел за учебу в действующих кружках нашего управления. Через полгода я уже работал с немцами без особых трудностей, постоянно общаясь с горняками и геологами. В шахте постоянно звучало приветствие «Глюк ауф!», что означало «Счастливого возвращения наверх!». Мой многолетний опыт рудничного геолога показал, что работа горняков и геологов в шахте очень опасна. Нужно быть всегда собранным и внимательным даже к мелочам.

Аннаберг — это старинный средневековый город, расположенный на крутых склонах холмов, покрытых лесом и кустарниками, с многочисленными мелкими речками и ручьями и живописным рельефом, которые дают базальтовые останцы. В 1490 г. местный крестьянин, копая колодец, нашел кусок самородного серебра, и с этого времени Аннаберг стал городом горняков, добывающих серебро. Под городом располагается огромное количество старых горных выработок, которые были пройдены рудознателями с 1600 по 1850 г. в связи с добычей никеля, кобальта, висмута, черного минерала (смоляной обманки) для получения красок и, конечно, серебра для изготовления денег и посуды.

Здесь впервые был найден никелевый минерал и назван аннабергитом. В городе существует традиция — марш горняков с оркестром, играющим аннабергский марш. Это торжественное шествие людей, работающих под землей и одетых в красивую старинную форму.

Особо следует отметить, что именно в Рудных горах Германии впервые в мире зародилось учение о рудных полезных ископаемых (трактат Агриколы XV века). Здесь была создана знаменитая Фрайбергская академия с ее великолепным минералогическим музеем, где учился М. Ломоносов и другие знаменитые ученые мира.

Нам, геологам, выпало счастье поработать в изумительной природной геологической лаборатории, именуемой Рудные горы Саксонской Швейцарии, с ее уникальной серебряно-никеле-кобальто-висмут-урановой формацией.

По количеству сотрудников Объект Аннаберг был невелик. Под руководством т. А.В. Гришина, а затем В.И. Степанюк — этих талантливых руководителей, настоящих наставников молодых специалистов, наш Объект был на хорошем счету, постоянно выполнял план по добыче руды и отличал-

ся хорошими показателями в общественной жизни (художественная самодеятельность, спорт и т.д.). Среди сотрудников царил дух доброго товарищества, взаимопонимания и интересного постоянного общения друг с другом, как на Объекте, так и с другими коллективами в Ауэ, Гере, Зигмаре и других городах, куда мы постоянно выезжали на автобусах с песнями под аккордеон. Мы жили полнокровной, осмысленной жизнью, часто встречались с коллективами немецких предприятий. В общественной жизни нашего коллектива огромную роль играли: В.И. Степанюк, З. Соловьева, Б. Скозобцев, Аня и Валентин Назаркины, Лена Кудрявцева, Юра Анисимов, Жора Лисовский, Флора Мальченко, Юра Мальченко, Прохо-

Второе воспоминание

Объект 111 был представлен тремя территориями:

1. Город Аннаберг с Центральным управлением, шахтами №21, 28, 33, 78 и нашим местом проживания.

2. Город Мариенберг с рядом шахт, около 30 километров к северо-востоку от Аннаберга.

3. Район Беренштайн-Нидершлаг, примерно в 25 километрах к юго-западу от Аннаберга.

Нидершлаг располагался на границе с Чехословакией. Границей служила неглубокая речка. На стороне ГДР находился протяженный крутой склон, в котором было пройдено несколько штолен, подсекающих рудные жилы с урановой смолкой, и две глубокие шахты.

Центральное управление состояло из производственного, геологического, геофизического, хозяйственного (транспорт, столовая, детсад, советский клуб) и планово-экономического отделов, а также 1-го отдела. В нем работали советские специалисты, которые руководили немецким техническим персоналом на шахтах. Среди горняков были бывшие военные немцы, воевавшие и с нами, и в Африке с англичанами. Были также немцы, которые находились в плену в СССР, работали на шахтах Кузбасса, говорили по-русски и особенно чисто матерились, вызывая наш восторг по их знанию русского языка.

Работали в управлении и советские военные в звании от капитана до подполковника. Некоторые из них занимались подготовкой членов СЕПГ для работы среди немецких шахтеров. Надо отдать должное, что во время восстания в Берлине в июне 1953 г. немцы-горняки нашего Объекта не поддержали эту акцию и не участвовали в ней. Думаю, что советские специалисты своим поведением и деловой дружествен-

ров, А. Кашеев, Женя Быстров, Лида Кривич, Лариса Толмачева, семья Сметюховых, Мария Соснова и многие другие.

Прошло 57 лет со дня моего прибытия в Аннаберг, но память о молодости, о свершенных делах, о замечательных людях того периода не забывается!

Заканчиваю первое воспоминание. Хотелось еще продолжить о том, как мы встретили смерть И.В. Сталина, какие жесткие режимные условия сохранения секретности существовали в этот период, и как мы это воспринимали и пережили. Было очень нелегко, но мы прошли хорошую школу жизни. Мы родились в СССР и на всю жизнь остаемся его патриотами.

ной совместной деятельностью, как на шахтах, так и на отдыхе (спортивные соревнования, посещение немецких школ, фабрик и т.д.) помогли избежать конфликта на шахтах.

Прошло всего два года с тех пор, как в 1949 г. образовалось новое государство — Германская Демократическая Республика. В то время начали складываться новые дружественные взаимоотношения с немецким населением. Мы вместе участвовали в первомайских демонстрациях, возлагали венки советским солдатам, похороненным на кладбище в Аннаберге, встречались с коллективами городской власти, полицейскими, общались, познавая друг друга. Очень многие немцы впервые видели русских, им было интересно просто посмотреть на нас. Во время этих мероприятий выступал оркестр немецких коллег, затем были танцы, а в завершение — хороший ужин с русской водкой. Подобные встречи снижали напряженность взаимоотношений с немцами, воспитанную в нас войной, а на шахтах легче работало с горняками.

Наш Объект 111 и вся его документация были засекречены (код Алтай-телефон). Даже комсомольцы назывались «физкультурниками», а члены партии — «членами профсоюза». Связь обеспечивали солдаты и офицеры. Запрещалось посещение ресторанов, разговоры о работе. Очень строгие меры принимались в случае утери пропуска, секретной документации, ключей от сейфа и т.п. В целом это была постоянная психологическая нагрузка, и мы жили в постоянном нервном напряжении. Нас спасало от депрессии активное участие в спортивных играх, поездки на экскурсии, встречи с коллективами других Объектов, а также вечеринки в честь дней рождения и молодежные свадьбы.

Режимные условия жизни играли и положительную роль: заставляли быть дис-

циплинированными, собранными и внимательными при обращении с секретными материалами. Это диктовалось послевоенной политической обстановкой, вызванной враждебным отношением к нашей стране со стороны Запада.

* * *

Несколько слов о том, как наш коллектив встретил сообщение о смерти И.В. Сталина. В это время я жил в одной комнате с Женей Быстрым. Он включил радиоприемник, и мы услышали эту печальную новость. Нам позвонили из управления и сказали собраться на траурный митинг в большом зале. Когда мы пришли, зал был уже полон, в нем было около 200 человек. Всюду чувствовалось большое скорбное напряжение. И когда начались выступления руководителей Объекта, то весь народ в зале плакал — это было что-то невероятное. Это была искренняя, глубокая и безутешная скорбь о руководителе государства, с именем которого связана Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне.

Феномен народной любви и уважения к И.В. Сталину до сих пор не разгадан. Следует заметить, что немцы часто произносили слова И. Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

После войны молодое государство ГДР получило в наследство разрушенное хозяйство. Именно созданное в этот момент АО «Висмут» предоставило голодному немецкому населению десятки тысяч рабочих мест с хорошим продовольственным обеспечением.

* * *

В то время на шахте №21 кроме специалистов работали и советские солдаты, которые у ствола шахты под землей сортировали руду в вагонетки, а горняки-немцы направляли их наверх. Работа была тяжелая и вредная для здоровья. Строгий закрытый режим после смерти Сталина так и не изменился, просуществовав еще долгие годы.

Часто после смены солдат собирали в зале, и я как геолог читал им лекции о строении шахты и где лежит руда. После начала моей монотонной речи вся группа моментально засыпала, но я продолжал читать больше часа. Я прекрасно понимал трудности работы под землей. Солдаты были молодые, по 18—20 лет. Особенно тяжелый и вредный труд был на складе готовой продукции, где офицеры и солдаты сортировали и паковали концентраты (урановую смолку) в картонные бочки и зашивали дно этих бочек иглами. В зале склада стояла пыль, вентиляторы не успевали очищать зал. Офицеры активно принимали участие в погрузке и отправке урановой продукции в СССР. Рабочий день был укороченный, все работали

споро и ритмично. Гораздо позже была обеспечена нормальная техника безопасности, и тогда в работе стали принимать участие и немецкие коллеги.

По долгу своей геологической службы мне приходилось сотни раз лазать по самым древним подземным выработкам. Приведу один любопытный пример в Аннаберге. Я приехал на шахту Виктория, получившую свое название по крупной жиле на северо-востоке Аннаберга. Жила — это трещина в горных породах, заполненная минералами, в том числе кварцем и урановой смолкой. Жилы бывают разной толщины (мощности), от нескольких сантиметров до нескольких метров, и протяженность от сотен метров до нескольких километров. На шахте кругом охрана из автоматчиков. Я показал пропуск, зашел на территорию и прошел в кабинет геологов. Там я встретил геолога участка Курта Миллера и дал ему задание одеться в шахтную робу и следовать за мной с фонарем на выход с территории шахты. Затем мы сели в машину и поехали. Курт ничего не понимал. Тогда я показал ему старый план горных выработок 1830 г., где была обозначена штольня (горизонтальная выработка у подошвы горы) в 2 км около речушки, под горою. И мы нашли ее. Вход в штольню был высотой около 2 метров и шириной около метра. Она была прикрыта большими кустарниками и не привлекала к себе внимания. И вот мы влезли по колено в воду, прошли несколько десятков метров, воды стало меньше (уклон к выходу). Свод штольни — овальный, узкий, в крепких породах, и мы решили идти дальше. Примерно через 100 метров обнаружили на стене выбитую надпись «1825». Идем дальше — видим дату «1826». Затем обнаружили несколько жил. По одной из них шла выработка, и мы двинулись вглубь. Решили передохнуть. Курт закурил, и мы начали разговаривать, а струйка дыма стала уходить по нашему входу вглубь выработки. Курт и я сразу догадались, что поток воздуха идет по направлению к нашей шахте Виктория. Мы ринулись искать выработку и, побродив по многим лабиринтам, через час нашли ее и встретили наших работающих горняков. Для нас это была сенсация, а для охраны — настоящее ЧП. Ведь можно было проникнуть в шахту, минуя охрану, а время было очень беспокойное.

Особенно меня восхитила старая немецкая документация, вычерченная очень четко, точно и красиво. А еще — знание рудознатцев тех времен о том, как нужно точно и экономно выходить на рудные жилы. Нужно бережно относиться к архивным документам и уметь их использовать.

* * *

В.П. Назаркин в годы работы в Аннаберге (1955 г.)

Теперь слово о наших аннабергских «колонидах»: кем они были и кем позже стали.

Георгий Константинович Жуков, главный геолог Объекта 111. Стал одним из ведущих специалистов-геологов в управлении Средмаша (Москва).

Юрий Иванович Мальченко. Посвятил себя науке. Кандидат технических наук, заведующий лабораторией, ученый секретарь института горного дела АН КазССР, автор научных трудов.

Валентин Павлович Назаркин, начальник шахты №78 (Аннаберг). Стал руководителем СГАО «Висмут». Обладая огромным опытом в горном деле, творческим подходом к решению технических задач, создавая и внедряя новые технологии для облегчения труда горняков, Валентин Павлович внес существенный вклад в развитие общества «Висмут», став лауреатом Государственной премии СССР. Он воспитал целую плеяду крупных руководителей из немецких и советских специалистов. Валентин Павлович занимал ответственные должности в Средмаше, одним словом — государственного ума человек.

Валентин Павлович обладал высоконравственными качествами — скромностью, умением дружески поддержать в трудную минуту, был замечательным семьянином и интересным собеседником.

Георгий Дмитриевич Лисовский защитил кандидатскую диссертацию, стал заведующим лабораторией отдела ИГД в г. Усть-Каменогорске. Во время второй командировки в ГДР отдал много сил СГАО «Висмут», став секретарем парткома. Это высокая честь и ответственная, трудная работа, с которой Георгий блестяще справился.

Володя (Владимир Дмитриевич) Сенин. Начальник шахты №21, высококвалифицированный горный инженер. Много труда вложил в добычу урановых руд. Дважды был в длительной заграничной командировке в ГДР, работая в СГАО «Висмут» с полной отдачей.

Борис Сергеевич Скозобцев. Стал кандидатом технических наук, классным специалистом в горном деле.

Ваш замечательный и необходимый сайт⁸ напомнил мне о моих однокурсниках-друзьях, которые активно трудились в СГАО «Висмут» в Ауэ, Гере, Шварценберге и других Объектах.

Слава (Вячеслав Прокопьевич) Щуров. Рудничный геолог, позже — кандидат геолого-минералогических наук. НИИ-10 (Москва).

Юра (Юрий Сергеевич) Данилов. Главный геолог ЦГП СГАО «Висмут» (Грюна). Выдающийся геолог, умница, замечательный организатор и душевный человек. Во время

третьей командировки в ГДР был направлен по решению ЦК на должность главного геолога СГАО «Висмут».

Юра Казанин. Фронтвик, позже — доктор геолого-минералогических наук. ИГН им. К.И. Сатпаева, г. Алма-Ата.

Супруги Иншины, Павел Викторович и Валентина Матвеевна. Оба — кандидаты геолого-минералогических наук, чудесные люди и настоящие ученые.

Братья Ильченко, Владимир и Виталий. Опытнейшие геологи по поискам и разведке урановых руд.

Слава Балуков. Стал руководителем крупных экспедиций в Казахстане.

Митя (Дмитрий Иванович) Марченко. Рудничный геолог ряда шахт в Шварценберге. Позже занимался поисками урана в Казахстане.

Все висмутяне внесли большой вклад в оборону СССР и заслуживают всемерного уважения.

* * *

Особо следует подчеркнуть, что СГАО «Висмут» сделал из нас хороших специалистов, преданных своей профессии, научил понимать великую немецкую культуру и взять от нее все лучшее, что было в течение многих веков создано немецким народом.

Жизнь внутри советской колонии в 1951—1955 гг. помогла понять и укрепить чувство глубокого товарищества и ценность добрых взаимоотношений в условиях чужой страны, другой культуры. Наши хорошие отношения сохранились на все оставшиеся годы. Этот период для нас был большим духовным взлетом, что отразилось в развитии и совершенствовании СГАО «Висмут» как своеобразной, оригинальной структуры «государство в государстве», сыгравшей ключевую роль в обороне СССР и в мирном использовании урана совместно с немецкими коллегами.

* * *

1955 г. для меня был счастливым. Во-первых, моя супруга Лариса Валентиновна родила сына Леонида, во-вторых, мы возвратились на Родину, в Алма-Ату. В-третьих, я сдал экзамены и был принят в аспирантуру АН КазССР, которую успешно окончил в 1961 г. и получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. Диплом был утвержден ВАК в Москве и подписан академиком К.И. Сатпаевым — президентом АН КазССР. В том же 1961 г. Лариса родила дочь Ольгу. Это было незабываемое событие. Сейчас дети стали взрослыми, имеют высшее образование, семьи и идут своей дорогой.

Январь 2009 г. Новая Зеландия

Начало пути

Определенную роль в выборе моей геологической профессии сыграло увлечение «красивыми камнями» еще в детстве, когда я оказался в начале тридцатых годов в строящемся тогда на Кольском полуострове г. Хибиногорске (ныне Кировск). Здесь в то время форсировались работы по разведке и добыче «камня плодородия» — апатита. Сахаровидный апатит и кроваво-красный эвдиалит в нашем детском восприятии были окаменевшими лопарскими сахаром и кровью. Мы находили их в отвалах шурфов и штолен. Вскоре, в 1937 г., мы оказались в г. Мончегорске, где сооружался комбинат «Североникель», и меня опять удивили своей красотой сульфидно-никелевые руды с вкраплениями и витиеватыми темно-зелеными и золотистыми прожилками минералов меди и никеля.

Шел 1941 г. Уже началась война. Отец, инженер-строитель треста «Кольстрой», работал на сооружении военного аэродрома в районе станции Оленья, расположенной в 20—25 километрах от города. Этот аэродром, превратившийся в наше время в крупную авиабазу, и сейчас используется авиацией, в том числе оснащенной атомными и термоядерными зарядами. Именно отсюда 30 октября 1961 г. взлетел самолет-носитель Ту-95-202 с супербомбой — «изделием 202», весом 26 тонн и заданной мощностью взрыва около 50 мегатонн в эквиваленте тринитротолуола, взявший курс на полигон острова Новая Земля.

Но все это случилось через 20 лет, а тогда мы эвакуировались на Урал и через два месяца прибыли в г. Каменск-Уральский, а точнее на расположенный в его окрестностях УАЗ — Уральский алюминиевый завод, конечную цель нашего пути. Здесь, на УАЗе, в то время сосредоточились специалисты и оборудование алюминиевых заводов страны, которые были эвакуированы из западных районов. Директором этого единственного теперь в стране завода «крылатого металла» был назначен директор Днепровского алюминиевого завода (Запорожье), наш будущий министр Е.П. Славский, с именем которого связано решение атомной проблемы в СССР.

Состав преподавателей в школе №2 УАЗа, где я продолжил учебу, был сильным. Многие из них прибыли сюда из крупных городов западной части страны. Еще раньше я

Николай Иванович Калякин⁹

Мой путь к урану¹⁰

увлекался книгами исследователей Арктики и Заполярья — Амундсена, Нансена, нашего Урванцева. Однажды преподаватель физики увидел у меня книгу «В поисках радия» Д.И. Щербакова и предложил мне сделать доклад об X-лучах, вручив мне еще и книги В. Рентгена и М. Кюри. К этому времени я уже проявлял большой интерес к еще не совсем мне понятной, но иногда мелькавшей на страницах газет теме урана и его колоссальном (если считать в энергетическом эквиваленте) преимуществе по отношению к другим источникам энергии. Интерес к этой теме прививал и наш преподаватель физики.

На выпускном вечере директор школы, поздравив нас с вступлением в новую жизнь, во время застолья, устроенного по этому случаю, сообщил, что эти «сто грамм» выделены школе по указанию директора комбината Е.П. Славского. Несмотря на то, что для меня это были первые сто граммов, я до сих пор убежден, что там не было и 25—30 градусов!

Оставив Каменск-Уральский, УАЗ и многих своих друзей и товарищей по учебе, в сентябре 1943 г. мы возвращались в Мончегорск на комбинат «Североникель». По пути, во время одной из стоянок поезда в г. Буге, я успел сбегать в нотариальную контору, снять три копии с выпускного аттестата и тут же направить одну из них в Московский геологоразведочный институт. Вскоре через директора комбината я получил вызов в Москву.

У входа в здание МГРИ шла распаковка ящиков с учебным имуществом: институт только что возвращался из эвакуации, из г. Семипалатинска. При беседе с Е.Е. Захаровым, заместителем директора по учебной части, определилась моя профессиональная судьба:

— Зачем вам на геологический факультет, если у вас в аттестате все пятерки, да и физику с математикой вы обожаете? Я советую на геофизический, — сказал он. А чтобы я не брыкался, добавил:

— К тому же, на геологический факультет у нас прием закончен. Геофизика — это та же геология, но на более современном уровне, с применением самых современных физических методов поисков месторождений, — окончательно сразил он меня.

На третьем курсе у нас началась специализация — электро- и сейсморазведка,

⁹ Биография Н.И. Калякина — см.: часть I, глава 4.

¹⁰ Как искали и добывали уран. Сборник статей-воспоминаний ветеранов атомной промышленности. М.: Геос, 2002.

Н.И. Калякин

магнито- и гравиметрия, радиометрия и физико-химические методы поисков месторождений. Практика проводилась на полигоне института под Загорском (ныне Сергиев Посад), на окраине села Рязанцы. Руководитель практики профессор А.И. Заборовский в беседе с нами перед выходом на профили сказал, что сначала мы сделаем модели аномалий физических полей. По его указаниям мы вырыли приличную по нашим представлениям канаву глубиной около двух и длиной до двадцати метров, заложили туда старые буровые штанги (это был прообраз аномалий над залежью железных руд), посыпали их солями ряда химических элементов и добавив серной кислоты (это были аномалии электрического и физико-химического полей). После этого Александр Игнатьевич сказал:

— А теперь заложите все это сверху вон той помойкой и засыпьте землей как было.

В ответ на наше недоумение, при чем здесь помойка, он пояснил:

— Нам нужна еще аномалия для радиометрии, а в этой помойке находится один миллиграмм радия, раствор которого вылила сюда по ошибке лаборантка одного из институтов. Перерабатывать ее им было дорого, да и вряд ли можно извлечь радий обратно, поэтому они решили продать нам помойку вместе с радием за восемьсот рублей.

Вот такая у нас произошла первая встреча пусть не с самим ураном, но с продуктом его распада — радием.

Курс ядерной физики нам читал известный физик-ядерщик И.С. Шапиро. Он обратил наше внимание на только что вышедшую в «Желдориздате» книгу Г.Д. Смита «Атомная энергия в военных целях» и настоятельно просил нас с нею ознакомиться. В этой книге были изложены в том числе и последствия атомных взрывов над Хиросимой и Нагасаки. Так я впервые узнал о реальном энергетическом эквиваленте урана, ужасах атомных бомбардировок, не зная еще о том, что и мне придется принимать участие в отечественном атомном проекте.

28 апреля 1949 г. я защитился, получив диплом горного инженера-геофизика. По этому случаю мы устроили празднества, позже отметили и Первомайские праздники. Деньги кончились, стипендии больше не будет, и мы, новоиспеченные инженеры, уже не первый день полуголодные лежали в общежитии на Студенческой.

В хозяйстве Мальцева

— Давай-ка, Николай, — сказал мне Володя Плахотник — такой же молодой инженер, но «чистый» геолог, — позвони своему полковнику. Он ведь давно тебя разыскивает в своей хитрой организации, может, что-нибудь подбросит?

И я позвонил.

— Давай срочно сюда, на Солянку, 12. Я тебя разыскиваю уже несколько дней, виза кончается! — не сказал, а скорее прокричал он в телефонную трубку.

«В хозяйство Мальцева» — так было записано в моем направлении на работу, которое мне вручил полковник Печенев.

— Вот тебе загранпаспорт, вот 4500 рублей на экипировку и другие расходы (годовая стипендия! — успел удивиться я), вот билеты до Берлина, — сказал он и добавил, что до 11 мая я должен пересечь границу в связи с окончанием срока визы.

Через два дня с Белорусского вокзала под звуки песни «А я остаюсь с тобою, родная навеки страна. // Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна» мы, медленно набирая скорость, расставались с Москвой, с Родиной. Вот и Брест, таможня. Таможенник, выложив из чемодана все металлические предметы, продолжает шуровать в нем, вытаскивает подушку, крутит ее в руках. Тут я вспомнил, что в ней у меня еще год назад спрятан золотой корпус часов, которые я купил по просьбе сестры, но так и не отправил, продав механизм для оплаты расходов на печатание и оформление дипломного проекта.

— А это у вас что такое, молодой человек? — показывает мне находку таможенник.

— Подушку купил в Москве, на Тишинском рынке, а что в ней — не знаю, — лукавил я, взяв грех на себя.

— Сейчас проверим, это похоже на золото, — продолжил он и исчез куда-то на несколько минут.

— Держите вашу поклажу, это не золото, — сказал он, возвращая мне документы и чемодан.

Так закончилась история с моим приобретением у входа на рынок, ловко разыгранная тишинскими жуликами перед опытным покупателем. Он вручил мне мое «золото» обратно, я с досады пошел в туалет, бросил его в унитаз, дернул за ручку, и оно куда-то уплыло.

Итак, мы в Берлине на Силезском (Восточном) вокзале. Осматривая и знакомясь с ним, я обратил внимание на большой застекленный проем с надписью «Ресторан». Там никого не было, и только за одним столиком сидел посетитель в сером спортивном костюме с тиролькой на голове, сзади которой, как и положено, торчал хвостик. Немец, решил я. Вдруг этот немец, не вставая с места, начинает манить меня пальцем. Что за фамильярность, — подумал я и отвернулся. Но тут же почему-то вновь повернулся в сторону этого немца, и та же картина — пальчик! Я начал внимательно присматриваться к нему и признал в этом «немце» Николая Брезгунова — прошлогоднего выпускника нашего институ-

та. По его предложению мы успели посетить Рейхстаг, из пола которого он выковырял себе на память кусочек смальты.

«Пол, по которому ходил Гитлер», — говорил он.

До отхода поезда мы со всей своей группой успели посетить только что открытый памятник нашим воинам в Трептов-парке.

На следующий день, уже поздно вечером, мы достигли конечной цели нашего пути — г. Карл-Маркс-Штадта (ныне снова переименованного в Хемниц). «Хозяйством Мальцева» называлась, как мы поняли по прибытии сюда, войсковая часть №27304, впоследствии преобразованная в Советско-Германское акционерное общество «Висмут» (СГАО «Висмут») со штаб-квартирой в Зигмар-Шенау на одной из окраин города, рядом с железнодорожным вокзалом. В то время в его систему входили управления материально-технического снабжения, капитального строительства, административное и геологическое, ряд других вспомогательных подразделений, ну и, конечно, режимные службы с политотделом. Инфраструктура, или так называемые Объекты, были представлены к нашему приезду уже довольно широкой сетью горнодобывающих, разведочно-поисковых и обогатительных предприятий, а также предприятий инженерно-технического обеспечения.

Начальником этого «хозяйства» был М.М. Мальцев, еще в недавнем прошлом боевой генерал-майор, прошедший через горнило Великой Отечественной войны. Он командовал военно-строительными частями, сооружая сначала оборонительные рубежи, начиная с Брянска, а затем участвуя в военно-инженерной подготовке наступательных операций Верховного командования. Заключительной, по иронии судьбы, стала для него операция по разгрому фашистской группировки под Сталинградом, разработанная Генштабом в 1942—1943 гг. и получившая название... «Уран»! В 1943 г. после успешного завершения операции М.М. Мальцев был отозван на строительство комбината «Воркутауголь», а в 1946 г., как он пишет в автобиографии, был «направлен в Германию со специальным заданием по разработке урановых месторождений и добыче стратегического сырья».

Новейшую историю создания и расширения сырьевой базы для нашей урановой промышленности и открытия месторождений урана в Германии можно начать с Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав в 1945 г., на которой была установлена демаркационная линия раздела Германии между секторами стран-союзников и СССР.

Фактическая линия соприкосновения

войск стран западной коалиции и СССР проходила восточнее демаркационной линии, в частности в районе Саксонских Рудных гор, которые в основном оказались на территории, занятой силами США, Англии и Франции. Зная о существовании урана в Рудных горах, вслед за войсками была послана американская комиссия по оценке его запасов. Немецкие геологи оценивали их скромно, едва насчитывая пятнадцать тонн, а перспективы открытия новых месторождений урана практически отрицали. Эту цифру подтвердила и американская комиссия.

Сразу после отвода войск западной коалиции за демаркационную линию, уже в 1945 г., сюда, с той же целью оценки запасов урана в Рудных горах, направляется советская комиссия под руководством С.П. Александрова. Он был одним из первых ветеранов отечественной урановой промышленности. Еще в 1914 г. вместе с Д.И. Щербаковым, тогда еще студентом Петербургского горного института, он принимал участие в Московской радиевой экспедиции, нацеленной на обнаружение радиевых минералов в Средней Азии. В дальнейшем он был активным участником восстановления и эксплуатации рудника Тюя-Муюн в 1922—1925 гг., а в 1938—1954 гг. был связан с изучением и развитием производительных сил северо-восточных районов страны. Именно в этот период он был отозван для работы в вышеупомянутой комиссии. В ее состав входил крупный минералог, впоследствии (1953) академик А.Г. Бетехтин и ряд других крупных советских ученых-геологов. Их оценка запасов урана была в десять раз больше той, которую дали американцы. Начавшийся в связи с этим разворот поисково-ревизионных работ резко увеличил и эту цифру, которая уже к концу 1946 г. выросла еще в десять раз и достигла 1500 тонн. Это большая заслуга советских геологов и геофизиков — Р.В. Нифонтова, Д.Ф. Зимина, Г.Н. Котельникова, П.В. Прибыткова, И.В. Чиркова, З.А. Некрасовой и других специалистов, прибывших в 1946 г. в Саксонскую промышленно-разведочную партию — пионеров открытия крупнейших запасов урановых руд в Рудных горах. Обнаружение урана с помощью ревизионных работ в старых горных выработках, пройденных ранее для добычи других элементов пятиметалльной формации, открытие новых месторождений более современными методами и аппаратурой следовали одно за другим. Запасы урана росли как снежный ком, рассыпавшись широким ожерельем по северным склонам Рудных гор, увеличив ранее полученные результаты в десятки и сотни раз! За эти достижения М.М. Мальцеву, С.П. Александрову, Р.В. Нифонтову в 1949 г. были присвоены звания

Героев Социалистического Труда, а Д.Ф. Зиминову, Г.Н. Котельникову, А.А. Шаfranову, В.М. Шишову и ряду других работников, освоивших открытые месторождения, — звания лауреатов Сталинской премии первой степени.

В мае 1947 г. Саксонское горное управление было преобразовано в отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут», а в феврале 1948 г. М.М. Мальцев, уполномоченный доверенностью ГУСИМЗ (Главное управление советского имущества за границей) при Совмине СССР, подписал акт сдачи-приемки немецких горнорудных предприятий в собственность СССР в счет репараций с Германии.

Но вернемся к началу моей трудовой деятельности в этом огромном горнорудном производстве. В большом просторном кабинете, куда мы пришли с начальником геофизического отдела В.И. Холминым, за Т-образным столом сидел М.М. Мальцев. После короткой беседы со мною он спросил у Виктора Ивановича:

— Куда мы его?

— В Беренштайн на Объект 7, там у нас пока никого нет, кроме военнослужащих, — ответил Виктор Иванович.

На следующий день я был в Беренштайне — пограничном с Чехословакией городке, часть которого была расположена на ее территории и называлась Вайперт. Директором Объекта в то время был Наум Маркович Темкин, с которым мы встречались, правда, на разных возрастных уровнях. Я признал в нем руководителя профкома на апатитовом руднике в г. Кировске, где в начале тридцатых годов я учился в школе. Так с ходу у нас установились добрые отношения с воспоминаниями о Хибинах, горах Кукисвумчорр и Юкспор, где добывали апатит-нефелиновые руды. Обрисовался и круг моих задач после первого знакомства с Объектом на шахтах и непосредственно в рудных забоях, по которым меня весьма бойко прогоняли военнослужащие. Они практически бежали по выработкам, низко наклонившись, чтобы не удариться о какой-либо выступ пород сверху или сбоку. Я понял, что это была проверка: каков новый начальник, сможет ли он так же быстро бегать и лазать по горизонтальным и вертикальным выработкам? Несмотря на то, что горные выработки были для меня в новинку — ведь нас в институте готовили в основном на полевые геофизические работы — экзамен я выдержал. Наши солдаты и офицеры были моей первой опорой в работе. Сразу после победы в Великой Отечественной войне они были брошены в новый бой, за уран, и развернули это сражение широким фронтом, выполняя функции от начальников

шахт, главных инженеров, геологов, геофизиков до рядовых радиометристов-операторов, коллекторов, взрывников и других специалистов. Работали они просто прекрасно. У меня со всеми ними установились хорошие дружеские отношения.

Круг задач, теперь уже наших, сводился к радиометрическому контролю за процессом добычи руды, к сокращению ее потерь на всех этапах производства, обеспечению исправной аппаратурой шахт и поисковых эманационных работ, организации каротажного отряда, лаборатории, камеральных работ и многому другому. Надо отметить, что вскоре у меня появились и первые гражданские специалисты — жена нашего политура, майора Васина, которую я назначил заведующей лабораторией, и жена главного геолога шахты №34 Сергея Игнатьевича Егорова, руководившая камеральной группой. Мастерской по ремонту геофизической аппаратуры руководил Миша Тылисов — мой большой помощник из солдат, ранее угнанных из нашей страны и призванных в армию при их освобождении в Германии. Как же они не любили немцев!

Вместе мы ввели количественную калибровку рудничных радиометров (эталонных не было!) непосредственно при их получении и спуском в шахты, используя для этой цели те же руды, но запаянные в металлические трубки. Располагая датчики на установленных от них расстояниях, радиометрист отмечал положение стрелки прибора для каждого из сортов руд. Это были прообразы будущих ЭМК — эквивалентных мер концентрации, которые в дальнейшем я широко использовал в различных областях радиометрии. Для оценки возможных потерь руды в отвалах я ввел их гамма-съемку с составлением планов на маркшейдерской основе. К концу года геологоразведочная партия Объекта, благодаря проведенным ревизионным работам и эманационной съемке, существенно прирастила запасы урана, обеспечив перспективу развития объекта.

По-прежнему оставался острым вопрос обеспечения аппаратурой всего комплекса радиометрических работ. На Объектах радиометры насчитывались единицами, в лучшем случае — десятками, а требовались сотни и тысячи! На одном из совещаний у начальника геологического управления Р.В. Нифонтова в присутствии М.М. Мальцева геологами и геофизиками принимается решение о производстве аппаратуры непосредственно силами СГАО «Висмут». В г. Цвиккау, в тридцати километрах к западу от Зигмар-Шенау, был создан Объект 100. Быстрыми темпами на смену отечественным ПР-5, 6, 7 разрабатывается серия «вис-

мутовских» радиометров:

1. РЗ — радиометр забойный, с индикацией гамма-излучения на слух головными телефонами.

2. РУ — радиометр универсальный, с удлиненной гильзой (датчиком), позволяющий контролировать шпур, высокие «потолки» в блоках благодаря телескопическому держателю датчика, имевший слуховую и визуальную индикацию, ставший на многие годы основным прибором.

3. РУ (к) — каротажный вариант того же прибора, оснащенный кабелем длиной 120 м и набором сочленяющихся штанг для каротажа горизонтальных и вертикальных (восходящих) скважин камерно-алмазного бурения.

4. РКС — радиометрическая контрольная станция для контроля горнорудной массы в вагонетках и автомашинах; в последующие годы было выпущено несколько модификаций таких установок.

5. РАС — радиометр автоматической сортировки руд на транспортерах, прообраз будущих радиометров для РОФ (радиометрических обогатительных фабрик) и количественных определений содержания урана в движении.

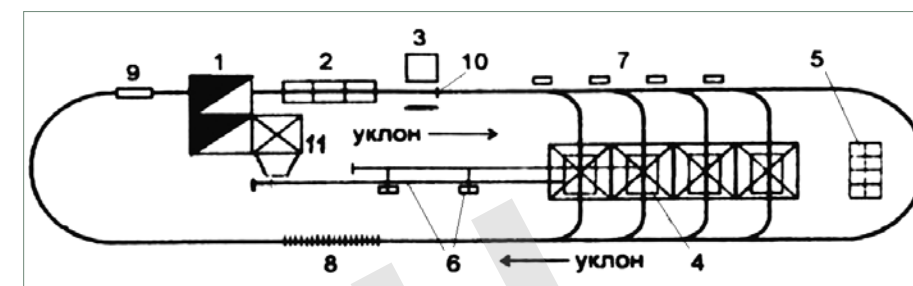
6. КАС — контрольная автоматическая станция, созданная на базе РАС, но со звуковой или световой индикацией для контроля за возможной утечкой руды на шахтных проходных.

7. АРКС — автоматическая контрольная станция, отличающаяся от РКС автоматической подачей вагонеток в зону контроля и автоматическим управлением перевода стрелок при разное вагонеток по бункерам с заданным содержанием урана (четыре сорта).

8. ЛБР — лабораторный бета-радиометр.

9. РКМ — радиометр командирский малогабаритный, в кожаном футляре которого были все элементы обычного радиометра; вес его не превышал 300 граммов.

Основной вклад в разработку этих и последующих приборов внес молодой и талантливый радиоинженер Ю.И. Иванов. Все разработки этого периода связаны с его именем. Мы на Объектах принимали участие в их испытании, освоении и при необходимости в уточнении отдельных параметров совместно с Юрием Ивановичем, который был постоянным и заинтересованным представителем завода на наших Объектах. Радиометр РАС разработан Л.Ч. Пухальским совместно с группой военнослужащих. За какие-то два-три года геофизическая служба «Висмута» была полностью укомплектована необходимой аппаратурой. Ряд приборов поставлялся в соцстраны и даже в СССР, где я их встречал много лет спустя на наших урановых предприятиях.

В 1950 г. вслед за провозглашением ГДР (7 октября 1949 г.) встал вопрос о снижении себестоимости добываемого урана. Одной из таких мер было объединение, укрупнение Объектов. Наш Объект в Беренштайне соединили с Объектом 4 в Аннаберге, и я был назначен главным геофизиком этого укрупненного Объекта 7. Одним из моих друзей был начальник ОТИЗ (отдел труда и зарплаты) Джон Викторович Быстров. Будучи сыном генерала МВД, он часто по воскресеньям посещал друга своего отца — одного из заместителей М.М. Мальцева. Каждое такое посещение он широко афишировал у нас в столовой:

— Анчоусы опять отведал у генерала — ах, какая прелесть, — смаковал он.

Но однажды я встретил Джона в сопровождении старшего лейтенанта Саши Беспалова, тоже моего друга.

— Куда ты его? — спросил я. — За что?

— За анчоусы, — ответил Саша.

Так мы расстались с Джоном Викторовичем. Больше я его не встречал. Как вскоре стало известно, тот заместитель Мальцева, у которого Джон ел анчоусы, сбежал на Запад, в американскую зону. Впоследствии его доставили оттуда наши «длинные руки» и, закрученного в ковер, вернули обратно, отправили в Москву.

Этот случай побега своего заместителя дорого обошелся М.М. Мальцеву. Как рассказывал много лет спустя его сын В.М. Мальцев, к этому времени уже член-корреспондент АН РФ, Михаила Митрофановича вскоре после этого происшествия вызвали к «хозяйну». Он прилетел на служебном самолете в Москву. Дома все переживали: что-то будет завтра? Мать собрала поутру кое-какую поклажу, необходимую в таких случаях, считывая на худшее, и он на машине, поданной от Л.П. Берии, отправился к тому на доклад.

— Сулейменов не мною назначен, его направили ко мне по вашему указанию, — сказал Мальцев.

Они поговорили на эту тему еще немного.

— Ну ладно, пойдём к «хозяину», — сказал Берия, — он нас ждет. Как он скажет — так и будет.

Шагая с трубкой по кабинету, И.В. Сталин расспросил Мальцева, как идут дела по

Рис. 16. Схема радиометрического контроля горнорудной массы на поверхностном комплексе урановой шахты. Разработка УКС СГАО «Висмут», руководитель Л.Н. Миронов (начало 1950-х гг.):

- 1 — ствол шахты с вагонеточным и скиповым подъемниками;
- 2 — вагонетки;
- 3 — установка РКС или АРКС;
- 4 — круговые опрокидывающие бункеры породы и руды;
- 5 — зона контроля штучных руд в ящиках;
- 6 — транспортеры с установками РАС;
- 7 — электромагниты перевода стрелок;
- 8 — компенсатор высоты;
- 9 — толкатель вагонеток;
- 10 — стопор; 11 — приемный бункер скипа с питателем

урану, каковы перспективы увеличения добычи? Ответами Мальцева он, по-видимому, остался доволен и сказал: «Хорошо, поезжайте обратно, продолжайте свою работу».

Но вскоре после возвращения его из Москвы в СГАО «Висмут» прибыл В.Н. Богатов. Среди нас поползли слухи, что это будущий преемник начальника нашей войсковой части №27304. С тех пор в течение почти года мы видели их только вместе и искренне сочувствовали в душе нашему руководителю и организатору СГАО, догадываясь о его замене.

Летом 1951 г. в Аннаберге меня посетили: Л.Ч. Пухальский, к этому времени ставший начальником геофизического отдела в управлении СГАО, и П.И. Солонков — старший инженер отдела по аппаратуре. Они предложили мне должность главного геофизика на самом крупном в то время Объекте по добыче урана — Объекте 2 в Обершлеме. Не без колебаний я согласился: главным геофизиком там работал мой приятель по институту Петр Ларионов.

— Ты обрати там внимание на малый выход беднофабричных руд, — сказал мне в напутствие Леонид Чеславич. — Нас рокировали.

Город Обершлема до войны был всемирно известным курортом радоновых вод, концентрация радона в них превышала 20 тыс. эман (2 млн кюри) на литр при фоновой концентрации всего около одного эмана. Здесь до войны был построен прекрасный ансамбль «Куротель», основу которого составлял четырехэтажный Ш-образный корпус.

В нескольких километрах к западу располагался Шнееберг и примерно на таком же расстоянии к востоку — Ауэ, горнорудные предприятия Объекта 9, набравшие к этому времени темпы роста добычи урана, и в первую очередь месторождение Нидершлема-Альберода, где главным геологом работал мой сокурсник по институту Альберт Дьяконов. Впоследствии он говорил: «После моего прихода и анализа геологической обстановки на месторождении я развернул направление горных выработок на девяносто градусов, и пошел «большой уран»».

Наши Объекты были рядом, а впоследствии они сбились под землей горными выработками.

В Обершлеме в моем распоряжении было около тридцати инженерно-технических работников, из которых десять — главные геофизики шахтных управлений. Я достаточно быстро освоился на новом месте и стал присматриваться более внимательно к работе операторов на подземных установках РКС. При очередном посещении шахтоуправления №4 вместе с его главным геофизиком Ю.В. Хромовым

мы задержались на одной из них.

ХРОМОВ Юрий Васильевич (род. 1926). Окончил геофизическое отделение геологоразведочного факультета Московского нефтяного института имени Губкина (в 1949 г.). В 1949—1954 гг. — старший геофизик, главный геофизик рудника, начальник геолого-геофизического отдела СГАО «Висмут».

Наблюдая за показаниями прибора и последовательностью прохождения вагонеток, я заметил, что у некоторых из них стрелка отклоняется не вправо, а влево, зашкаливая за нулевую отметку. Обратив на это внимание Юрия Васильевича и оператора, я попросил последнего вывести «ноль» прибора в среднее по шкале положение, благо такая возможность была в нем заложена. И опять стрелка прибора у некоторых вагонеток солидно и медленно поползла до тридцати делений влево!

— Похоже, что «ноль» прибора находится где-то здесь, — и я показал на новое положение нулевой отметки.

Несколько подумав, Хромов согласился.

— У вас при прокатке вагонеток через РКС с них, по-видимому, сыпается руда и постепенно это приводит к повышению фона в области расположения кассет со счетчиками, а при установке между ними вагонеток с низким или близким к нулю содержанием урана в руде происходит экранирование этого «фона» и стрелка прибора идет влево, зашкаливая за ноль.

— Пожалуй, да, — снова согласился со мной Юрий Васильевич.

— Надо вводить нулевые вагонеточные эталоны, — сказал я, — а пока выберите вагонетку с наименьшим содержанием урана и примите ее показания за ноль.

Наутро мне позвонил Л.Г. Шварц — главный инженер Объекта, раньше других приходивший на работу.

— Что ты там натворил? Давай вставай и делай то же самое на других шахтоуправлениях. И никаких экспериментов: делай везде так же и сейчас же, — сказал он после приведенных мною выше пояснений.

Эффект превзошел все ожидания. Шахта, которая не выполняла план по выдаче бедных руд, к утру следующего дня оказалась впереди других по этому показателю! На автомобильной РКС стали образовываться очереди. Еще через день Лев Григорьевич вызвал нас с Н.К. Кошколдой — начальником ОТК, в ведении которого находилась приемка руды.

— Вы видите, что творится на автомобильной РКС. Даю вам один день, и чтобы завтра же не было очередей, поставьте вторую РКС!

Так был решен вопрос выхода беднофа-

ричных руд.

Лев Григорьевич был замечательным руководителем и специалистом. До этого он работал в «Гипроникеле» в Ленинграде и часто бывал в Мончегорске на комбинате «Североникель». Нам, еще молодым специалистам, было чему у него поучиться.

Мой предшественник П.С. Ларионов оставил мне в наследство 1200 км горных выработок, по которым не было проведено гамма-профилирование. Этот «презент» мне преподнес Е.Т. Данько, бывший в то время главным геологом Объекта, на совещании у Г.Г. Солопова — заместителя генерала по геологии. А что такое 1200 километров выработок? Это только на бумаге по маркшейдерским планам в масштабе 1:1000 один километр и двести метров! Прошу начальника отдела кадров подобрать мне 12—15 грамотных женщин для проведения камеральных работ по составлению профилей. Материалы самого профилирования поставляли шахты, хотя и эта работа была не из легких даже для коллектива операторов более 1000 человек, из которых я не мог использовать для этих целей свыше десяти процентов, не ослабляя контроль забоев. Четыре-пять моих новых работниц я разместил в своей рабочей комнате.

И тут мне позвонил из Зигмара Л.Ч. Пухальский.

— Надо послать людей на курсы главных геофизиков шахт.

— Людей у меня нет, — отвечаю я, не подумав о последствиях, — есть только женщины.

Что тут началось!

— А мы что, не люди? Мы, может быть, тоже хотим на курсы главных геофизиков шахт!

— Кто из вас, — спрашиваю я, — желает работать под землей?

— Я! — бойко отвечает А.Т. Ахметченко, артистка из Башкирского драматического театра.

Надо сказать, что она хорошо справлялась со своими новыми обязанностями на небольшой шахте №65, не стесняясь своей горняцкой робы, которую она артистически надевала перед спуском в шахту.

Удивил нас однажды и сам Ахметченко — главный геофизик шахтоуправления №6. Как-то раз он отнес на ремонт в нашу радиомастерскую свой портативный по тем временам радиоприемник весом не более трех килограммов, собранный на двойных радиолампах.

— Захожу в мастерскую, — говорит он, — и вижу, как ребята, солдаты, ремонтируют какой-то радиоприемник. И вдруг мы слышим:

— ...предатель и англо-американский шпион, изменник Родины Берия арестован!

— По дороге к вам, — продолжал он, — я встретил полковника Н.С. Чугунова, с которым мы часто сталкивались по контрольной аппаратуре на шахтных проходных и по другим режимным делам, — грамотного офицера и специалиста своего дела, и рассказал ему только что услышанное.

— Цыц! Замолчи и никому об этом не говори, если не хочешь неприятностей, — отреагировал полковник.

Но уже к вечеру все об этом знали. Ахметченко был прав!

Начиналась замена кадров, отработавших свой срок за рубежом. Вместо наших Я.С. Мальченко и Л.Г. Шварца с Объекта 1 из Иоганнгеоргенштадта, где недра по урану были уже существенно подработаны, были переведены на должности начальника Объекта и главного инженера В.Я. Опланчук и Н.Ф. Дьяконов.

Меня вскоре перевели в управление СГАО «Висмут» в Зигмаре в связи с отъездом Л.Ч. Пухальского. В управлении мне много времени приходилось уделять подготовке вновь прибывающих из Союза геофизиков — военнотрудовых, которые приходили на смену демобилизованным — читать лекции вплоть до генералов, проявивших интерес к урану не только для того, чтобы быть в курсе службы их солдат и офицеров, но и для того, чтобы осознанно воспринимать суть нарастающей атомной мощи страны в целом. Значительное внимание приходилось уделять выпуску и разработке аппаратуры на заводе.

Но подходил к концу срок и моего пребывания за рубежом (я пишу «пребывания», как говорят кадровики, хотя на самом деле это были годы напряженнейшего труда и моего профессионального роста).

Работая в СГАО «Висмут», мы не только обеспечили развивающуюся атомную промышленность страны сырьем, давая львиную (до пятидесяти процентов) долю урана, когда отечественная горнодобывающая урановая отрасль еще только набирала силы, но были готовы выполнить другие задачи в этом направлении. Мы с чувством выполненного долга, с достоинством и благодарностью к немецкому народу покидали Германскую Демократиче-

Ю.В. Хромов

После возвращения с одного из Объектов. Справа, в форме горного инженера первого ранга — Н.И. Калякин (1953 г.)

скую Республику.

В памяти остались замечательные люди. Помимо упомянутых выше это главные геофизики шахтоуправлений —

Акционерное общество «Висмут»

Сразу после окончания Второй мировой войны в штабах американской армии рассматривался документ, в котором ставилась задача атомной бомбардировки двадцати, а затем и семидесяти городов нашей страны — Москвы, Ленинграда и многих других крупных промышленных центров. В апреле 1949 г. было объявлено о создании Организации Северо-Атлантического договора (НАТО). Американская печать сообщала, что «создан союз, целью которого является война с Советской Россией». После успешного испытания первых атомных бомб в Советском Союзе Сталин говорил, что если бы мы задержались с этим на один-полтора года, то испытали бы на себе американские атомные бомбы.

За годы войны американские ученые успели не только разработать и испытать атомную бомбу в пустыне штата Невада, но и применить ее, практически полностью уничтожив японские города Хиросиму и Нагасаки. К началу Второй мировой войны все основные теоретические исследования по предстоящему овладению новым видом энергии — атомной — в Германии, СССР, Франции, Англии и США были успешно завершены. В нашей стране этот процесс затруднялся не только из-за участия в войне, но практически полного отсутствия самого урана. Его запасы, не говоря уже о добыче, были весьма скромными, и требовалось срочное выявление новых ураноносных провинций и месторождений, как на территории Советского Союза, так и на территории поверженной Германии.

О наличии урана в Германии известно было давно. Он добывался здесь еще в XIX веке для использования в качестве красок. Именно здесь еще в 1789 г. он был открыт в Рудных горах как новый элемент немецким химиком М.Г. Клапротом. Новая эра использования урана как источника атомной энергии связана с именами французских ученых — А. Беккереля, М. и П. Кюри и многих других их последователей, в том числе российских и советских, открывших и изучавших исключительное свойство урана — радиоактивность. Тем не менее немецкие геологи не находили его на территории своей страны в достаточных количествах и ввозили урановые руды (концентраты) из других стран.

После разгрома Германии наши союзники по антифашистской коалиции провели ревизию запасов урана в недрах (известная

Ю.И. Булгаков, И.Г. Жувагин, И.Г. Зотов, А.Г. Кузнецов, А.И. Смелов, А.М. Сорокин и многие, многие другие, с которыми мне довелось вершить эти большие дела.

миссия «Алсос»), после окончания которой согласились с оценкой немецких геологов (15 тонн). Сразу после отвода войск союзников за демаркационную линию, установленную на Крымской конференции глав правительств трех союзных держав — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля (4—11 февраля 1945 г., Ялта), сюда, в саксонские Рудные горы, в том же 1945 г. срочно направляется советская комиссия, в задачу которой вменяется экспертиза запасов урана в советской оккупационной зоне.

Экспедиция работала под руководством С.П. Александрова, одного из ведущих специалистов по радиоактивным рудам того времени. Еще в 1922 г. он проводил обследование Тюя-Муюнского месторождения радиоактивных руд в Средней Азии (современная Киргизия), а в последующие годы был связан с работами на Дальнем Востоке и Колыме, и уже в 1945—1946 гг. присутствовал на испытаниях атомной бомбы США на атолле Бикини, был советником А.А. Громыко в Атомной комиссии ООН. Результаты работы комиссии, благодаря, в первую очередь, опыту и геологической интуиции С.П. Александрова, были весьма обнадеживающими — его оценка запасов урана в Рудных горах составила 150 тонн! И это при том, что запасы урана на всех известных к тому времени месторождениях Советского Союза (Тюя-Муюнское, Табошарское и другие) были соизмеримы с этой цифрой. На минерально-сырьевой базе наших месторождений уже в мае 1945 г. был создан первый горно-химический комбинат №6 по добыче и переработке урановых руд (Чкаловск¹¹, Таджикистан).

Для более глубокого изучения ураноносности Рудных гор в сентябре 1945 г. создается геологоразведочная партия, которая уже в апреле 1946 г. преобразуется в промышленно-разведочную под руководством Р.В. Нифонтова. Партия в быстром темпе провела ревизионные работы на известных месторождениях цветных металлов — Иоганнсгеоргенштадте, Обершлеме, Шнееберге, Аннаберге и Брайтенбрунне с оценкой в их недрах запасов урана и попутной добычей его. Цифра оказалась ошеломляющей (1500 тонн) и доселе неизвестной для исследователей земных недр! В июле того же года партия укрупняется, и на ее базе создается Саксонское горное управление, преобра-

¹¹ Город Чкаловск был основан в 1946 г. как поселок при Ленинадском горно-химическом комбинате (прим. ред.).

зованное позднее в отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут», в комплекс работ которого входила в том числе и плановая добыча урана. В 1948 г., благодаря успешным поисково-ревизионным работам, вводятся в эксплуатацию месторождения Беренштайн, Мариенберг, Фрайгаль, Нидерпелель, Сайфенбах и крупнейшее по запасам урана месторождение Нидершлема-Альберода. В следующем, 1949-м, году интенсивные поисковые и разведочные работы привели к открытию месторождений Цобес, Шнекенштайн и Берген.

Из года в год лавинообразно росло количество открываемых месторождений, которые широким ожерельем рассыпались по северным склонам Рудных гор. Одновременно росла и добыча урана. Ежегодно наращивая его запасы, которые в десятки и сотни раз превзошли приведенные выше цифры, СГАО «Висмут» последовательно превращалось в комплекс горно-химических предприятий. Максимальное количество работающих в «Висмуте» достигло в 1950 г. 196 тыс. человек, количество советских специалистов — 11 тыс. и военнослужащих — 10 тыс. человек.

Правительство СССР и лично И.В. Сталин постоянно держали добычу и наращивание запасов урана под особым контролем. В СГАО «Висмут» приезжали В.М. Молотов и А.И. Микоян.

Частыми гостями во Дворце культуры были работники искусства — труппы ГАБТ, театров Советской армии и имени Вахтангова, Краснознаменный ансамбль песни и танца имени Александрова, хор имени Пятницкого, Воронежский и Уральский народные хоры, певцы — Д. Михайлов, Л. Зыкина, артисты кино — Н. Черкасов, М. Ульянов и многие другие.

Особенностью добычи урановых руд является наличие продуктов его распада — радия и радона — газа, не имеющего запаха, вкуса и цвета, с удельным весом в несколько раз выше воздуха. Он гремучей змеей опускается вслед за горнорабочими на все более глубокие горизонты по мере отработки месторождений. Опасность его и продуктов его распада заключается в высокой токсичности, связанной с ионизирующими излучениями. В отличие от других факторов горного производства — горных ударов с выбросом больших масс породы, углеводородов, в частности, метана, которые в значительной степени являются случайными и к настоящему времени не полностью предсказуемы, радонное выделение, или, говоря более строгим языком — эманирование горных пород, является постоянно действующим фактором. Концентрация радона может быть определена в любую минуту и даже заранее расчи-

Отто Гротевальд и Вячеслав Молотов в Иоганнсгеоргенштадте

тана по коэффициентам эманирования руд, их агрегатного состояния и концентрации урана. Для подавления радонного выделения при проходке горных выработок широко применялось покрытие стенок слоем бетона, что резко снижало его концентрацию. Для снижения степени воздействия радона и пылеподавления использовались фильтры Петрянова, бурение шпуров было мокрым, применялось орошение выработок водой.

На горизонтах, глубина которых достигала 1800 метров, например, на месторождении Нидершлема-Альберода, где температура благодаря геотермическому градиенту (29,4 м/град) поднималась до 50—60 и даже 65 °С, проветривание выработок осуществлялось охлажденным кондиционированным воздухом. В рудных забоях, где мощности дозы излучения повышались до предельно допустимых, производилась ротация забойной группы горняков с переводом их на проходческие безрудные забои (защита временем от ионизирующих излучений). Все эти мероприятия позволили обеспечить нормальные условия работы и свести до минимума случаи профессиональных заболеваний, что контролировалось и подтверждалось ежегодными медицинскими осмотрами всего персонала.

В 1953—1955 гг. стала функционировать дозиметрическая служба, а позднее и экологическая, в задачи которой входило выяснение влияния деятельности СГАО «Висмут» на окружающую среду и население.

В СГАО «Висмут» использовались пионерские и передовые технологии, разработанные здесь в производственных процессах, к работе привлекались научно-исследовательские и проектные институты нашей страны, которые обеспечили высочайший уровень проводимых работ и успешное выполнение задачи в установленные сроки по безусловному обеспечению исследований

И.В. Курчатова в области атомной энергии для военных, а затем и мирных целей.

Правительство страны высоко оценило самоотверженный труд советских специалистов, которых через школу СГАО «Висмут» за годы его деятельности прошло более 100 тысяч. Они с честью выполняли возложенные на них задачи. В 1949 г. после успешного испытания первой советской атомной бомбы были отмечены званиями Героев Социалистического Труда С.П. Александров, М.М. Мальцев — организатор и первый генеральный директор СГАО «Висмут», и Р.В. Нифонтов, ставший начальником Геологического управления СГАО. Из 37 удостоенных тогда звания лауреата Сталинской премии первой степени были и одиннадцать лауреатов из СГАО «Висмут». Рядом с именами таких прославленных творцов атомного оружия и техники, как академики И.В. Курчатова, Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров, стояли имена С.П. Александрова, Ш.С. Данелия — начальника Объекта 2 в г. Обершлеме, Д.Ф. Зимины — инженера-геофизика, Г.Н. Котельникова — инженера-геолога, С.С. Панчева — главного инженера, Н.М. Хаустова — начальника планово-производственного отдела, С.А. Шафранова — зам. начальника геологического управления, В.М. Шишова — начальника ОТК, Н.М. Эсакя — заместителя генерального директора по горным работам, Б.И. Якушенкова — начальника УКС. Не были забыты и немецкие

специалисты — А.Х. Ратнер и Н.В. Риль.

СГАО «Висмут» было школой передового опыта. Здесь вырастали и совершенствовались специалисты как из СССР, так и из ГДР. Многие из них и поныне работают на ответственных постах различных отраслей народного хозяйства страны. Так, например, В.В. Кротков до недавнего времени был генеральным директором ОАО «Атомредметзолото», В.Я. Опланчук — генеральным директором Киргизского ГХК, О.Л. Кедровский — директором отраслевого института ПромНИИпроект. Тысячи и тысячи висмутян работают в других ведомствах и производствах, используя опыт работы в СГАО «Висмут».

По соглашению между правительствами СССР и Германии хозяйственная деятельность СГАО «Висмут» с первого января 1991 г. была прекращена. С момента образования СГАО «Висмут» прошло около 50 лет. За это время были практически полностью выработаны разведанные запасы урана в Саксонских рудных горах. Из 718 тыс. тонн урана, добытых Советским Союзом к моменту объединения ФРГ и ГДР, 231 тыс. тонн, по данным немецкой стороны, была добыта в СГАО «Висмут». По решению правительства Германии начался снос шахтных комплексов, затопление горных выработок, рекультивация земель. Так закрылась последняя страница славной истории Советско-Германского акционерного общества «Висмут».

лектив твоих сослуживцев; прекрасное материальное обеспечение и отличные жилищно-бытовые условия — все это реалии той жизни, о которой мы даже не могли и подумать, но в которой волею судеб мы очутились.

А начиналось все очень просто. В конце 1952 г. я учился на пятом курсе горного факультета Ленинградского горного института. Дело шло к завершению, на носу диплом, но никаких планов, даже наметок на будущее место работы у меня не было. Куда ехать — Донбасс, Кузбасс, Воркута, Караганда? Выбор богатый. И вот в это время у нас в деканате появился военный, майор с петлицами, указывающими на принадлежность его к ведомству МВД. Пока мы гадали, что бы это могло значить, выяснилось: да, это майор Макаров, приехавший из Москвы отбирать молодых специалистов, то есть нас, дипломников, для работы на заграничных предприятиях. Начались собеседования. Первыми пошли отличники. И сразу же начался отсеив. Дело в том, что в те времена у многих советских людей родители (в основном отцы) были объявлены врагами народа (статья 58 Уголовного кодекса — измена Родине). По этой

причине их дети для намечаемой работы не подходили. Таких у нас нашлось несколько человек. Кроме них, некоторые просто отказались, пожелав работать на отечественных предприятиях. В связи с этим на собеседование пошли хорошисты. У меня на пятом курсе троек не было, и я попал в их число. С родителями у меня было все в порядке (мать — домохозяйка, отец — военный), поэтому, когда мне было предложено поехать на работу за границу, то я согласился. Нас, выпускников, на горном факультете было около 120 человек (шесть групп, из которых пять — пластовики, то есть будущие угольщики, и одна группа — рудники). Из этого количества было отобрано около двадцати человек, в том числе из моей группы ГИ-1 шесть (Готовцев, Дундуков, Лутков, Лисовский, Стеценко, Чуткин). Из других групп — Мельниченко, Половинкин, Горяинов, Сазонов, Ладыгин и другие. Кроме горняков были отобраны будущие специалисты и с других факультетов — геологоразведочного, металлургического и маркшейдерского. Мы заполнили специальные анкеты, и нам было сказано ждать вызова из Москвы. 4 июля 1953 г. я защитил диплом на отлично, и мне была присвоена квалификация горного инженера по разработке месторождений полезных ископаемых. Каникулы я проводил в г. Горьком, у родителей. Именно туда и пришел в начале августа 1953 г. вызов в Москву. Я явился по вызову в организацию ГУСИМЗ (Главное управление советского имущества за границей), которое размещалось в здании недалеко от Курского вокзала. Принимала меня молодая симпатичная женщина (фамилию не запомнил), которая объявила мне, что я направляюсь на работу в Германскую Демократическую Республику (предприятие — почтовый ящик №1051). Она любезно пояснила, что это лучший вариант из имеющихся (были еще Венгрия и Чехословакия), и что материальное обеспечение прекрасное, а посему нужно одеться поскромнее и брать с собой вещей по минимуму, так как все можно приобрести на месте. В Москве я пробыл, по моему, сутки-двое и примерно 12 августа в составе группы из 15–20 человек молодых специалистов, таких же, как и я, поездом Москва — Франкфурт-на-Одере с Белорусского вокзала отбыл в ГДР.

По прибытии во Франкфурт мы были доставлены автобусом в г. Карл-Маркс-Штадт (бывший Хемниц), где находилась главная контора нашего заграничного предприятия. Выяснилось, что мы будем трудиться в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут», генеральным директором которого был В.Н. Богатов. Часто наше предприятие называли «хозяйство Богатова». Всех прибывших стали распределять по местам

работы — Объектам, которые находились в разных районах и городах ГДР. Я получил назначение на Объект 6, который находился в г. Ауэрбах, что в Саксонии. На первое время нам выдали деньги — это были марки. После окончания процедуры оформления и устройства в гостинице, поскольку на свои Объекты мы разъезжались на следующий день, мы решили погулять по городу. Впечатления незабываемые! Поразила в первую очередь пустота улиц, хотя было всего около 19–20 часов вечера. Где люди? Куда они все подевались? Нам это было в диковинку. Потом выяснилось, что такая картина характерна не только для ГДР, но и для других стран (Польши, Венгрии, Чехословакии и других). Вызывали восхищение чистота и ухоженность улиц и домов, много зелени и цветов и, конечно, наличие всевозможных товаров в магазинах. Не откладывая дел в долгий ящик, я сразу же купил светлый летний костюм, чтобы сменить свой потрепанный пиджачишко черного цвета и такого же сорта брюки. Теперь я уже выглядел по-заграничному, так что не стыдно было показаться на Объекте. Про характер будущей трудовой деятельности нам в конторе ничего не было сказано, и мы строили разные догадки по этому поводу: что это за висмут, каким образом его добывать и так далее.

На следующий день я на автомаши-

Главный геофизик В. Слепков и начальник ОТК Б. Готовцев на шахте №181

На Объекте 6 (1954 г.). Слева направо: А. Хорошилов, Г. Зырянов, Б. Готовцев, Л. Зворыгин, В. Селиванов

Б.Е. Готовцев — выпускник ЛГИ

Борис Евгеньевич Готовцев

Незабываемые годы

Начиная свои воспоминания о моем пребывании в ГДР, могу с уверенностью сказать: нам чертовски повезло, что мы после окончания института попали именно в АО «Висмут» и именно в ГДР, а не в какую-то другую страну.

Да, это были незабываемые годы, память о которых сохраняется на всю жизнь. Просматривая многочисленные фотографии тех времен, я вспоминаю и узнаю знакомые лица своих товарищей и сослуживцев. И хотя не могу всех назвать по фамилии, ведь прошло уже более пятидесяти лет, все равно я счастлив и рад, что они позволяют мне снова и снова окунуться в атмосферу тех лет, того золотого времечка, которое не забудется никогда! Да разве можно забыть те ощущения, те чувства, которые ты испытал, попав впервые в почти что в сказочные условия заграничной жизни, резко контрастирующей с нашей суровой действительностью. И в самом деле: интересная, ответственная работа на прямо-таки идеальных шахтах: сухих, не газовых и не обводненных; дружный сплоченный кол-

не, которая приезжала из Ауэрбаха, выехал на место своей работы — Объект 6. Сразу бросилось в глаза прекрасное состояние дорог — мы ехали по автобану, построенному, очевидно, после прихода Гитлера к власти, который такими автобанами застроил всю Германию. Где-то через час пути вдали показались в синеватой дымке горы.

Это же саксонские Рудные горы, подумал я и спросил у шофера (он был немец):

— Sind das Sächsische Erzgebirge?

— Ja, ja, — был ответ.

Так вот где мне предстояло трудиться? Примерно через полтора часа мы были на месте.

Управленческий аппарат Объекта располагался в большом трехэтажном здании в центре города. Здесь, в отделе кадров, я получил назначение на должность старшего инженера-контролера шахты №181, которая находилась в местечке Готтесберг примерно в 20 километрах от Ауэрбаха. Всего в составе шестого Объекта значилось 5 шахт, самой крупной из которых была шахта №277 (месторождение Цобес), затем шахты №364, 241 (Шнекенштайн), №181 и 254 (Берген). На каждой шахте имелся отдел технического контроля в составе начальника отдела и одного или нескольких старших инженеров-контролеров (в зависимости от мощности шахты). Работники отдела должны были обеспечивать контроль

за правильностью технологии добычи полезного ископаемого, а также определение его количества и качества с последующей отгрузкой потребителю. Административно отдел подчинялся руководству шахты (начальнику и главному инженеру), по всем же остальным вопросам (определение количества добытых ископаемых, качества, транспортировки) работники отдела руководствовались инструкциями и положениями, исходящими из отдела технического контроля, входящего в состав основных подразделений данного Объекта. В свою очередь ОТК Объекта непосредственно подчинялся восьмому отделу главной конторы АО «Висмут». Начальником ОТК Объекта 6 был в то время М.И. Аксенов, старшим инженером — А. Жевлаков. Начальником восьмого отдела АО «Висмут» был Н.В. Любченко.

После своего представления руководству ОТК Объекта я пошел устраиваться с жилплощадью. У меня было направление в одну из комнат общежития для прибывающих специалистов, которое оказалось совершенно незаселенным, со следами недавно выехавших из него жильцов (обрывки

бумаг, газет, остатки еды и т.д.), что произвело на меня крайне нехорошее впечатление. Расстроенный, я вышел на улицу и тут же столкнулся со своими однокашниками из института — Сазоновым и Ладыгиным, которые прибыли на Объект несколькими днями раньше меня. Они тут же предложили мне перейти к ним, благо комната была большая. Я согласился. Выяснилось, что они оба тоже попали по распределению в ОТК: Сазонов — на шахту №277, а Ладыгин — на шахту №244. Здание общежития находилось возле столовой, что было очень удобно, так как нам предстояло в ней завтракать, обедать и ужинать.

На следующий день на автобусе, который доставлял советских специалистов к месту работы, я прибыл на шахту №181. Автобусы отходили от столовой (на каждую шахту свой автобус). После окончания рабочего дня эти же автобусы доставляли нас с шахт опять же к столовой. Очень удобно.

Начальником шахты №181 был В.Д. Кузин, по специальности механик — крепко скроенный молодой мужик, старше меня, может быть, на год-два, главным инженером — В.В. Тризна — инженер с большим производственным стажем, возрастом где-то около 50 лет. В то время все основные подразделения шахты возглавляли советские специалисты: главный геолог — А. Коберидзе, главный маркшейдер — А. Глазунов, главный механик — В. Черкасов, начальник БВР — Т. Лайко, главный геофизик — В. Слепков. Меня направили к начальнику ОТК шахты Г.И. Киселеву — симпатичному молодому человеку чуть постарше меня. Мы расположились в его кабинете, и он начал вводить меня в курс дела: объяснил, что АО «Висмут» занимается добычей урановой руды, которая после обогащения на соответствующих обогатительных фабриках отправляется в Советский Союз. Урановые месторождения в ГДР разрабатывались как подземным, так и открытым способом. Наиболее качественная руда с высоким содержанием урана, так называемая «смолка», залежала на значительной глубине в виде жил различной мощности с большим углом падения, очень часто почти вертикально. Узнав, что я угольщик, он прочитал мне целую лекцию о способах и технологии добычи урана, его транспортировке, определении его количества и качества. После этого мы отправились в шахту. Основной горизонт был вскрыт вертикальным стволом, оборудованным клетевыми подъемниками. Глубина ствола составляла порядка 300—400 метров. От ствола отходил квершлаг, вскрывавший залегающие в недрах урановые жилы, вдоль которых проходились штреки — откаточные и вентиляционные. Расстояние между ними по вертикали было около 50 метров. Отра-

ботка жилы велась блоками длиной по простиранию около 100 метров. На границах блока проходили восстающие, соединяющие откаточный и вентиляционный штреки, оборудованные лестничным и транспортным отделениями. По мере отработки жилы в блоке через каждые 6—8 метров устраивались рудоспуски, по которым излишки горной массы выпускались на откаточный горизонт, грузились в вагонетки и транспортировались к стволу с последующей выдачей на поверхность и далее — в отвал. Отработка блока велась буровзрывным способом с селективной выемкой руды. После обнажения рудной жилы ее отбойка велась отбойными молотками на настил из досок и брезента, уложенных на почву блока, с последующей загрузкой в металлические ящики, спуском их на откаточный штрек и откаткой к стволу на специальных тележках. Поднятые на поверхность тележки с ящиками подавались к специальным рольгангам, по которым ящики с рудой направлялись к пункту радиометрического замера, где определялась в зависимости от содержания урана сортность добытого материала, в соответствии с которой ящики группировались на складских эстакадах для последующей отправки автомобильным или железнодорожным транспортом потребителю.

Все работы в шахте — проходка горных выработок с помощью буровзрывных работ, отбойка руды, ее транспортировка и выдача на поверхность, обслуживание машин и механизмов — велись немецкими рабочими-специалистами, во главе которых стоял штейгер. При этом особую группу в общем штате рабочих составляли радиометристы, которые с помощью специальной индивидуальной переносной аппаратуры (радиометров) выявляли наличие урановой жилы по испускаемому ею гамма-излучению. Радиометристы были в подчинении у главного геофизика шахты В. Слепкова — моего ровесника и выпускника нашего института.

У них также был старший радиометрист — Вольфганг Хендель (примерно моего возраста). Так как шахта была небольшая, мы с моим начальником обошли все выработки, а поднявшись на поверхность, он ознакомил меня с работой радиометрического пункта, который обслуживался нашими солдатами. Дело было в том, что все, связанное с готовой продукцией, находилось в нашем непосредственном ведении. В связи с этим для каждой шахты, на каждом Объекте были выделены специальные воинские подразделения, которые ежедневно с понедельника по пятницу прибывали к началу рабочего дня на автобусах на соответствующую шахту и по окончании рабочей смены убывали в свои казармы. Контингент подразделения составляли моло-

дые солдаты ежегодного призыва из различных уголков Советского Союза. Кроме обслуживания радиометрического пункта и склада готовой продукции, в обязанность указанного подразделения входил ежедневный отбор геологических проб из горной массы вычистных забоев с целью контроля чистоты отбойки урановой руды. Подразделение подчинялось непосредственно ОТК шахты. Следует также отметить, что телефонную связь шахты с внешним миром обслуживали советские солдаты-связисты. В связи с оборонным значением добываемого материала, территория промплощадки каждой шахты была обнесена по периметру высоким забором из колючей проволоки со сторожевыми вышками и с оборудованием контрольно-пропускного пункта для входа-выхода из шахты. КПП был осна-

У Бранденбургских ворот

щен специальной радиометрической аппаратурой, подающей сигнал в случае выявления гамма-излучения. Охрана осуществлялась специальным воинским подразделением, казарма которого находилась вблизи от КПП.

Так прошел мой первый рабочий день в ГДР. Ну а дальше начались рабочие будни. Каждый день я спускался в шахту, как правило, вместе со своим начальником. Мы обходили все подготовительные и очистные забои, благо их было не так много, проверяли с привлечением радиометристов правильность применяемой технологии отбойки руды, выявляли случаи ее нарушения, которые обычно заключались в том, что вместо отдельной отбойки урановой жилы и вмещающей ее породы, что значительно увеличивало время цикла очистной выемки и ее трудоемкость, при взрывании шпуров производился как бы расстрел продуктивной жилы, при котором она смешивалась с пустой породой, то есть разубоживалась, что резко снижало качество готовой продукции и приводило к неоправ-

Наш хор

данным ее потерям. Определить, умышленно это делалось это или нет, не представлялось возможным. Выехав из шахты, мы обязательно посещали склад готовой продукции.

Вспоминаю, что в том году стояла отличная погода — золотая осень. Солнце, несмотря на ноябрь месяц,

светило ласково и приветливо, воздух был чист и прозрачен, и мы, выехав из шахты, не спешили в свой кабинет, а шли к ближайшей торговой палатке, покупали по бутылке пива и булочке с сосиской, намазанной горчицей, открывали бутылки (они закрывались специальными пробками, которые висели на горлышке) и пили пиво прямо из горла, что для меня тогда было в диковинку. Вот это было здорово!

В ноябре 1953 г. руководством АО «Висмут» было проведено совещание с молодыми специалистами, прибывшими в ГДР. В своем докладе генеральный директор «Висмута» В.Н. Богатов отметил хорошую работу прибывших специалистов, поставил перед нами определенные задачи и пожелал дальнейших успехов в нашей профессиональной деятельности и освоении немецкого языка. За добросовестное выполнение служебных обязанностей мне приказом по «Висмуту» была объявлена благодарность.

Что касается немецкого языка, то в этом вопросе мне здорово повезло: я учил его в школе с пятого по десятый класс и на первом курсе института и, несмотря на убогость его преподавания (долбили-то в основном грамматику), определенная основа в нас была заложена. К тому же он мне нравился, и к его изучению я относился более серьезно, чем, например, мои сверстники. Поэтому, попав в Германию, я довольно свободно объяснялся с немецкими товарищами в магазинах, столовой, парикмахерской и т.п., постоянно пополняя свой словарный запас. Для изучения

немецкого языка на Объекте в сентябре были организованы курсы, где могли заниматься все желающие и в первую очередь прибывшие молодые специалисты. Но и на этих курсах упор делался опять же на грамматику, что для меня уже было пройденным этапом. За добросовестное отношение к изучению

языка (примерно через полгода занятий) и за успешную сдачу экзаменов в последующем (в середине 1955 г.) руководство «Висмута» дважды объявляло мне благодарность. Однако с разговорной речью дела шли не так блестяще. Не хватало практики, так как большую часть времени на работе мы проводили в своей среде, а не с немецкими коллегами.

В трудах и заботах незаметно пролетели осень и зима. В апреле 1954 г. мой начальник был переведен в ОТК на Объект, а меня назначили на его место — начальником ОТК шахты №181. Работы прибавилось, так как я остался один, но я уже полностью освоился со своими обязанностями, работа меня не пугала, и я по-прежнему ежедневно спускался в шахту. Часто ко мне присоединялся наш главный геофизик Валентин Слепков.

В шахте нас поджидал старший радиометрист Вольфганг Хендель, и мы вдвоем обходили все актуальные точки. Приходилось затрачивать много энергии, так как, чтобы попасть в очистной забой блока, необходимо было подниматься по вертикальным лестницам, установленным в восстающих. Вспоминаю, что я обычно поднимался и спускался по восстающим всегда бегом, благо сил было в избытке. Посещение забоев, где, как правило, трудились два-три горняка, начиналось с традиционного немецкого горняцкого приветствия «Глюк ауф!», что означало «счастливого поднятия вверх», а фактически — подняться вверх живым. Затем следовал осмотр забоя и радиометрический контроль горной массы под ногами на предмет ее радиоактивности. В случае ее отсутствия радиометр издавал отдельные звуковые щелчки, и стрелка на шкале прибора стояла на нуле. Если же при отбойке руды была нарушена технология ее выемки, то есть сама продуктивная жила была взорвана вместе с породой, и вся горная масса упала на почву выработки, то в этом случае в наушниках аппарата слышалось сплошное шипение, а стрелка полностью зашкаливала. Это уже было ЧП, которое влекло за собой штрафные санкции. Если же все было в порядке, то я угощал немецких горняков папиросами «Казбек» или «Герцеговина Флор», которые они очень ценили. Мы закуривали (шахта была не газовая) и начинали вести разговоры за жизнь. Частенько встречались рабочие, которые побывали у нас в плену. Обстановка всегда была спокойная и деловая.

Примерно в это время возле шахты была построена кантина — столовая, в которой обычно после выезда из шахты питались немецкие рабочие. Мы тоже не оставались в стороне. Как правило, после окончания наряда, проводимого начальником шахты, наш небольшой и дружный коллектив шел в столовую на завтрак, после которого мы рас-

ходились по своим рабочим местам. Кроме посещения шахты я занимался на поверхности вопросами учета готовой продукции, ее складирования и отправки потребителю. Также приходилось почти ежедневно подводить итоги работы военнослужащих, прикрепленных к нашей шахте. Чаще всего на первое место выходил сержант И.С. Щербина. Еще мне запомнился ефрейтор Юрий Розов.

Теперь хочу немного остановиться на нашей жизни вне работы. Как я уже писал, Объект 6 располагался в г. Ауэрбах, в провинции под названием Фогтланд, что в Саксонии, непосредственно в Рудных горах, образующих естественную границу между ГДР (северный склон) и Чехословакией (южный). Высота гор — около 1000 метров, они густо покрыты лесами, сложены древнейшими палеозойскими образованиями — серыми и красными гнейсами, слюдяными сланцами и гранитами, которые из-за своей крепости доставляли немало хлопот горнякам при проходке горных выработок. Здесь исстари, со времен Средневековья, велась добыча руд цветных металлов — серебра, свинца, никеля, цинка, олова, железа. Во время моего пребывания в этих местах месторождения свинца, цинка и серебра были почти исчерпаны, зато велась добыча олова, никеля и урановой руды.

Ауэрбах — небольшой городок с населением около 5—6 тыс. жителей — расположен в живописном месте на склонах гор, покрытых зеленью. Главная улица проходит внизу долины. По верху проложен железнодорожный путь, соединяющий Ауэрбах с такими же городками (Родевитц, Фалькенштайн), а также с более крупными (Цвиккау, Плауэн, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт). Городок тихий, уютный. Промышленность представлена в основном текстильной производством (ткани, ковры, кружева и т.д.), основанном на местной продукции сельского хозяйства — шерсти и льне.

Нашего брата, то есть советских специалистов, было на Объекте человек 250. Семейные жили в отдельных квартирах, холостяки — в общежитиях: женщины занимали целый этаж в одном из зданий, мужчины — в трех отдельно стоящих строениях. Отопление зданий было печное, угольными брикетами. Уборка помещений, а зимой и топка печек, осуществлялась службой — это были пожилые фрау. Раз в неделю топилась баня. Работали два магазина (продуктовый и промтоварный), парикмахерская, ателье по пошиву одежды. Неженатые питались в столовой (завтрак, обед и ужин). Культурный досуг мы проводили в клубе, расположенном в шикарном двухэтажном особняке, который находился в большущем парке.

По выходным дням нам показывали разнообразные кинофильмы, а иногда из СССР

приезжали концертные бригады, в составе которых бывали и знаменитости, в том числе Майя Плисецкая и Владлен Давыдов. Регулярно устраивались танцы под радиолу, в которых мы принимали активное участие. Не очень часто, но все же посещали мы и местный кинотеатр, в котором я посмотрел такие фильмы, как «Девушка моей мечты», «Мулен Руж» про знаменитого французского художника Тулуз-Лотрека и другие, название которых не помню. Первые посещения кинотеатра вызывали у нас неподдельное удивление, так как заходить в него можно было и во время сеанса: фрау-капельдинер с фонариком отводила тебя на свободное место.

Был в клубе и бильярд, и, конечно, буфет, где мы с удовольствием попивали разнообразные вина, такие как венгерские «Токай» и «Промантор». Я уже не говорю о богатом выборе многочисленных сортов немецкого пива, любители которого поглощали его в невероятных количествах. Помню, что особенно ценился «Бокбир».

Нельзя не отметить и довольно частые поездки по различным достопримечательным местам ГДР. В субботу или в воскресенье нам выделялся автобус, и все желающие, а таких набиралось человек 25—30, отправлялись на экскурсию.

Мы ездили в Берлин, Лейпциг, где ежегодно осенью устраивалась промышленная выставка-ярмарка (Leipziger Messe), Мейсен (родина немецкого фарфора), Веймар (памятник великим деятелям Германии Гете и Шиллеру), Саксонскую Швейцарию с купанием в реке Эльбе, Обервизенталь (катание на лыжах) и др. Летом в хорошую солнечную погоду мы выезжали на природу, в основном на озера для купания и загара.

Большое внимание в «Висмуте» уделялось и спортивной жизни. Ежегодно между Объектами проводились спартакиады здоровья, которые включали в себя соревнования по футболу, волейболу, кроссу, легкой атлетике (бег, прыжки, толкание ядра), городкам. Активное участие в этих соревнованиях принимала и сборная команда нашего Объекта. Не оставался в стороне и я, участвуя в соревнованиях по легкой атлетике (бег на средние дистанции) и кроссу.

Широко была развита художественная самодеятельность: в преддверии больших праздников между Объектами проводились смотры, преимущественно по хорошему пению. С

Дмитриенко, Таранец, Щепетильников и Готовцев после удачной охоты на зайцев (декабрь 1956 г.)

Б. Готовцев в кабинете геологов

Б. Готовцев и главный геофизик Объекта 6 И. Лучин

этой целью на Объекте еженедельно в вечернее время устраивались репетиции, в которых активное участие принимала наша молодежь. Я тоже пел в хоре, которым руководил геофизик А.И. Саяпин. Наш коллектив неоднократно занимал призовые места.

Не могу не отметить и такой вид досуга (по крайней мере своего), как

охота. Дело в том, что детские годы я провел в небольшом приволжском городке Плесе Ивановской области, где жили мои родители. Городок небольшой, очень живописный, раскинулся на крутых холмах правого берега Волги. Со всех сторон он окружен лесами, в которых было полно ягод, грибов и, конечно, дичи (заяц, лиса, тетерев, рябчик, утки). Поэтому все свое свободное время мы, мальчишки, проводили в лесу, а также на небольшой лесной речке Шохонке, протекающей рядом с городом и впадающей в Волгу. Когда я пошел в первый класс, отец подарил мне ружье 28-го калибра, переделанное из винчестера. Охотиться с ружьем я стал с 4-го класса, но в 1946 г., когда я учился в 8-м классе, отца перевели в Иваново, и на охоте был поставлен крест. Во время учебы в институте тоже было не до охоты, хотя в душе я никогда о ней не забывал. Поэтому появившись в Ауэрбахе и узнав, что на Объекте есть охотничий коллектив, я, не раздумывая, и получив разрешение начальника Объекта (таков был порядок), в ближайший выходной день выехал на автобусе в Карл-Маркс-Штадт, где находилось правление Центрального общества охотников АО «Висмут», вступил в него и приобрел в охотничьем магазине общества двуствольное ружье 12-го калибра с необходимыми аксессуарами. Таким образом, мои мечты об охоте воплотились в жизнь с самой лучшей стороны, о которой я не мог и думать.

Обычно наш коллектив выезжал на охоту на специально выделенном автобусе ранним утром в субботу. К вечеру мы на нем же и возвращались. Охотились (и очень удачно) на серых куропаток, которые во множестве водились в сельскохозяйственных угодьях (немцам в то время запрещалось иметь охотничье оружие), зайцев и уток.

В ноябре 1954 г. мне был предоставлен отпуск, который я провел у родителей в Горьком. Вернувшись, трудился все на той же шахте, а в марте 1955 г. был переведен в ОТК

Объекта 6 на должность старшего инженера.

Мой круг обязанностей значительно расширился: в подчинении у нас были ОТК всех шахт Объекта, а также склад готовой продукции. В нашем отделе было три человека: начальник отдела И.В. Сергеев, я и В. Цымбал — тоже старший инженер. За отделом была закреплена легковая автомашинка с немецким шофером, которого звали Вилли Зэрер. Рабочий день обычно складывался из посещения какой-либо шахты и спуска в нее вместе с сотрудниками ОТК этой шахты для контроля за очистной выемкой урановой руды. Обычно на шахты выезжали В. Цымбал и я.

В августе 1955 г. я вторично ездил в отпуск в СССР. За это время начальником ОТК Объекта вместо Сергеева был назначен Иван Семенович Киричек — потомственный донецкий шахтер из Горловки. Это был умудренный опытом горный инженер (ему было в то время под 50) с большим производственным стажем, очень порядочный, добросовестный человек, на работу приходил, как правило, раньше всех. Так как наш отдел занимался готовой продукцией, мы должны были ежедневно по поступающим с шахт ведомостям подсчитывать непосредственное количество металла в урановой руде, находящейся в железных ящиках, в соответствии с ее сортностью, что требовало много времени, так как основными счетными механизмами были ручной арифмометр и канцелярские счеты. Иван Семенович владел ими в совершенстве, и мы с Васей Цымбалом восхищались его работой. На подсчет уходил целый день, поэтому Иван Семенович оставался на хозяйстве в отделе, а мы ездили по шахтам. Постепенно расчетами овладел и я, в результате чего мне было доверено заниматься этой бухгалтерией.

Летом 1955 г. на наш Объект прибыла большая партия молодых специалистов — геофизиков и горных инженеров, в основном из Москвы. Среди них было много симпатичных девушек, в одну из которых я влюбился. Теперь после работы мы вдвоем часто совершали вечерние прогулки по Ауэрбаху и вообще все свободное время старались проводить вместе. В результате в конце января 1956 г. после регистрации брака в советском консульстве в Карл-Маркс-Штадте мы сыграли свадьбу у нас на Объекте.

Так как все молодые специалисты были комсомольцами, то на Объекте была комсомольская организация во главе с освобожденным секретарем. Помню, что им был Арий Николаевич Власов-Головатый. Свадьбы такого рода были у нас нередким явлением. Подбор гостей производился при непосредственном участии секретаря комсомольской организации. Обычно присутствовало человек 30—40. Наша свадьба прошла весьма успешно. Было

очень весело, много смеха, музыки и танцев. Для обустройства семейной жизни нам сразу же была предоставлена двухкомнатная квартира с полным набором мебели, сначала в здании столовой, затем — в отдельном коттедже, а под конец — в четырехэтажном здании, где проживали все наши семейные. Началась и наша семейная жизнь, которая продолжается уже 54 года. В январе 2011 г. мы отметили бриллиантовую свадьбу. Моя жена, Нина Константиновна Васильева, окончила в 1955 г. Московский геологоразведочный институт по специальности «инженер-геофизик» и в том же году была направлена в АО «Висмут». На нашем Объекте она работала заведующей лабораторией радиометрии.

В январе 1957 г. я был назначен начальником ОТК нашего Объекта в связи с отъездом Ивана Семеновича Киричка в Советский Союз. Работы прибавилось. Теперь уже приходилось самому вести ежедневные подсчеты добычи готовой продукции и подводить итоги работы каждой шахты и Объекта в целом за каждый месяц. Но в этой области наступило значительное облегчение: на смену устаревшим арифмометрам и бухгалтерским счетам пришли электрические счетные машины, что значительно сократило время проведения расчетов. Да к тому же мне в штат добавили должность учетчика, так что я полностью освободился от всех расчетов. С ними успешно справлялась моя учетчица Руфина Сергеевна Тимофеева. Штаты ОТК на шахтах были полностью укомплектованы молодыми специалистами — горными инженерами из Москвы, Харькова, Днепропетровска, Кузбасса. В памяти остались такие фамилии, как Ладыгин, Кузнецов, Саенко, Петриченко, Бобин.

В связи с этим хотелось бы также отметить, как с течением времени менялась кадровая обстановка на предприятиях АО «Висмут». Если в начале моего приезда (1953) все службы на шахтах, как я уже ранее отмечал, занимали советские специалисты, то к концу моего пребывания (1957) советские специалисты сохранились лишь в ОТК и частично в геофизике. Даже начальником нашего Объекта стал немецкий коллега, по-моему, Зеemann.

В феврале 1957 г. в нашей семье произошло знаменательное событие — родился сын,

а в начале мая того же года в связи с окончанием срока заграничной командировки мы выехали в СССР.

Под конец своих воспоминаний я просто не могу не упомянуть имена руководителей Объекта 6, под началом которых я набирался производственного и жизненного опыта. Это, прежде всего, Николай Васильевич Стадниченко, который был назначен начальником Объекта в 1954 г. — горный инженер с богатым производственным опытом, лауреат Государственной премии за внедрение циклической организации труда на шахтах комбината «Ростовуголь». На смену ему в 1956 г. пришел Евгений Степанович Евтюхов — тоже горный инженер с большим производственным стажем, редчайшей души человек.

Главными инженерами Объекта 6 были: Иван Иванович Белов, Александр Иванович Антоненко, Бигчентаев; начальниками шахт — Кузин, Волынский, Вольхин, Тимофеев.

Также хочется добрым словом помянуть и моих сослуживцев — геофизиков Корсуня, Лучина, Кечина, Осипова; геологов Щепетильникова, Алексеева, Безгубова; экономистов Кузнецову, Мальгину, Демину; бухгалтеров Антоненко и Михееву.

После возвращения на Родину я трудился сначала в проектно-институте «Центрогипрошахт» инженером, старшим инженером, руководителем группы (1957—1967), а в начале 1968 г. был переведен в Министерство угольной промышленности СССР в управление экспертизы проектов и смет, где прошел путь от старшего эксперта до заместителя начальника управления.

В январе 1992 г. в связи с ликвидацией министерства я вышел на пенсию. В ноябре 2010 г. отметил юбилей — 80-летие со дня рождения.

И вот теперь, оглядываясь назад и сравнивая различные периоды моей жизни, могу смело сказать, что самые лучшие годы — это годы моей молодости, которые выпали на период пребывания в Германской Демократической Республике, на период трудовой деятельности в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут» в 1953—1957 гг. Это были незабываемые годы. Спасибо тебе, «Висмут»!

Николай Иванович Чесноков¹

Продолжение работ по добыче урана СГАО «Висмут» (1953–1990)

Соглашение о создании СГАО «Висмут» было подписано в 1953 г. по инициативе правительства Советского Союза. Первым председателем правления Советско-Германского акционерного общества «Висмут» был избран министр тяжелой

промышленности ГДР Фриц Зельбман, коммунист, побывавший при нацистах в тюрьме Моабит. Этот человек, с громад-

Н.И. Чесноков

¹ Из книги «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: «Информ-Знание», 1998.

ным жизненным опытом и волевыми качествами, прекрасным знанием основных положений марксистско-ленинской теории, — мог наизусть процитировать в беседе отдельные положения «Капитала» К. Маркса или других произведений Маркса, Энгельса, Ленина.

На Цвиккауэрштрассе в г. Зигмар, в здании, отведенном для аппарата правления, 21 декабря 1953 г. прошло первое заседание: был утвержден устав СГАО «Висмут» и руководство Общества. Устав Общества «Висмут» был подписан И.Ф. Семичастным и Ф. Зельбманом. Генеральным директором Общества был утвержден советский горный инженер Валентин Никанорович Богатов, техническим директором — Алексей Александрович Александров.

В.М. Молотов и Отто Гротеволь на руднике Иоганнсгеоргенштадт

Были кратко подведены итоги прошлых лет деятельности советского отделения «Висмута», одобрены направления развития горных предприятий Общества и поставлены задачи дальнейшего технического прогресса на всех участках работы предприятия.

В последующие годы показатели работы Общества «Висмут» непрерывно улучшались, особенно на развивающихся Объектах 9, 6 и 90. Достижению хороших результатов способствовало внедрение передовой организации работ в забоях шахт, на фабриках и других предприятиях и применение новой, более совершенной техники.

В немалой степени успеху способствовали рабочие и инженерно-технические работники своими предложениями по рационализации и изобретательству. Так, только за 1955 г. было подано 4200 рационализаторских предложений, из которых принято 1500 с экономией 13,5 млн марок ГДР. Это в два раза больше, чем в 1954 г. Технический план СГАО «Висмут» ежегодно предусматри-

вал проведение ряда мероприятий по улучшению условий труда.

Так, в области горных работ в промышленных условиях испытывался ряд новых, более производительных систем разработки. Особое место было отведено опытным работам по внедрению новых систем разработки на месторождениях Роннебургского рудного поля. Это системы, достаточно широко применяемые в шахтах Советского Союза и за границей. Их особенностью является управление кровлей обрушением без возведения крепи в выработанном пространстве. Тем самым исключался весьма трудоемкий процесс — крепление. Эти обстоятельства, а также отбойка руды глубокими скважинами позволили получать по системе более высокие технико-экономические показатели.

Полученные результаты опытных работ показали, что применяемые новые системы разработки в шахте Шмирхау имеют лучшие технико-экономические показатели. Производительность труда рабочего по блоку при новых системах возросла в 2—3 раза, что позволило снизить себестоимость добываемой руды.

Значительная работа была проведена и по оснащению шахт механизмами.

Так, уровень механизации погрузки породы при проведении горизонтальных выработок составил более 75%, электровозной откатки — около 97%. В 1955 г. была модернизирована породопогрузочная машина ПМЛ-63, и вскоре этими модернизированными машинами заменили весь парк.

Была разработана конструкция контактного электровоза с увеличенным сцепным весом, расширено применение на шахтах контактной электровозной откатки.

С целью более оперативного руководства всеми участками работ, лучшего использования механизмов, обеспечения материалами, порожняком и т.д. на шахтах, объектах и при управлении создали диспетчерскую службу, возглавляемую опытными немецкими и советскими работниками.

Большое внимание было уделено модернизации бурильных молотков, проведено промышленное испытание новых буровых молотков ВН-55, которые показали производительность на 25—30% выше применяемых молотков ВН-16, за короткий период была произведена замена парка буровых молотков на новые.

С начала 1956 г. начали применяться новые советские телескопные перфораторы ТП-45, буровые машины БМК-2Б, буровые станки БЭС-2М и другое оборудование.

Были разработаны схемы автоматизации водоотливных установок и переведено на автоматическое управление значительное количество насосных установок.

Одновременно проводились работы по усовершенствованию шахтных сортировочных комплексов. На всех новых шахтах было предусмотрено в проектах и осуществлено строительство технологических комплексов по новым схемам с дистанционным управлением, опрокидками и конвейерами, механическая загрузка и разгрузка клетей, автоматическое управление подъемными лебедками террикоников и другая механизация. Этим, по существу, положили начало созданию полностью механизированных шахт с частичной автоматизацией производственных процессов. Проведение этого мероприятия значительно облегчило труд рабочих, занятых на поверхности, и повысило производительность труда. По такой схеме был оборудован комплекс реконструированной шахты №38 и строящихся шахт №366 и 371 Объекта 9 и шахт №367 и 368 Объекта 90.

Значительный вклад в выполнение показателей плана внесли передовые бригады на проходке горных выработок и очистных работах. Бригада Вальтера Кольма шахты №206 прошла 465 метров квершлага за месяц, бригада Мюллера шахты №6 многозабойным методом достигла прохождения за месяц 164 метров восстающих. В очистном блоке бригада Каспера на шахте №13 отработала 2433 кв. метра жилой площади за месяц, бригада Дебеля-Наузигата отработала 12 343 кв. метра очистных и прошла 63,8 метра восстающих. Такие результаты достигнуты бригадами благодаря циклической организации труда и полной загрузке рабочего времени. Значительное количество проходческих бригад на шахтах Объекта достигли средних скоростей проходки выработок 120—170 метров в месяц.

Деятельность СГАО «Висмут» в 1955—1956 гг. характеризовалась дальнейшей активизацией коллектива немецких и советских трудящихся в направлении улучшения технико-экономических показателей деятельности Общества. Развернулось движение передовиков труда, внедрение новаторских методов, постоянное повышение квалификации трудящихся, улучшение организации труда, внедрение рационализаторских предложений.

Руководство СГАО «Висмут» постоянно поддерживало эти передовые начинания. В совещаниях технической интеллигенции принимали участие советские и немецкие руководящие работники. В этой работе активно участвовал обком СЕПГ «Висмута», секретари обкома Алоиз Бройтигам и Альфред Родэ внесли большой личный вклад. Выступали перед коллективом и секретари ЦК СЕПГ. Газета «Нойес Дойчланд» писала 18 апреля 1956 г.: «На совещании ИТР СГАО «Висмут», посвященном проблемам III партийной конференции, в прошлую субботу

выступил секретарь ЦК СЕПГ профессор Курт Хагер. Товарищ Хагер остановился на чрезвычайно важном значении продукции СГАО «Висмут» для всей социалистической системы мира, учитывая происходящий промышленный переворот в мире и развивающееся мирное соревнование с мировой капиталистической системой. В качестве решающей задачи он назвал постоянное повышение квалификации инженеров и техников, так как проблему полной механизации и автоматизации производства можно решить только на основе глубоких знаний.

Первый заместитель генерального директора товарищ Чесноков в своем вы-

ступлении во время дискуссии подчеркнул выдающиеся достижения горняков СГАО «Висмут», которые в 1955 г. сэкономили 13,5 миллиона марок путем осуществления рационализаторских предложений, что в два раза больше, чем в 1954 г. То, что еще имеются большие резервы для повышения производительности труда, подтверждается тем, что горняки используют на свою основную работу только 50% чистого времени. Поэтому улучшение организации труда должно сыграть решающую роль. Товарищ Бейер из молодежной бригады имени Филиппа Мюллера сообщил, что во исполнение решений III партконференции был создан актив новаторов, который занимается вопросом применения но-

Посещение строительства рудника Дрозен в 1979 г. Слева направо: Н.И. Чесноков, Л.М. Тормышев, Н.Б. Карпов, Евгений Субботин, Г.Г. Андреев

вых механизмов».

Частыми гостями «Висмута» были и руководители ГДР. В города Ауэ и Шварценберг приезжал Вильгельм Пик, во Дворце культуры горняков «Висмут» в Зигмаре выступали на одной из конференций Отто Гротеволь, министр тяжелой промышленности и первый председатель правления СГАО «Висмут» Фриц Зельбман и многие другие.

Был гостем и выступал в том же Дворце культуры Зигмара заместитель председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян. Будучи по делам в Германской Демократической Республике, одну из шахт СГАО «Висмут» в г. Иоганнсгеоргенштадт посетил Вячеслав Молотов.

На этой встрече были обсуждены вопросы дальнейшей деятельности СГАО «Висмут», в том числе объемы производства и поставок урана на пятилетку 1971—1975 гг., применения на предприятиях новой экономической системы с сохранением принципа взаимной равной выгоды сторон и обеспечения более эффективной работы. Также Генеральной дирекции было поручено подготовить до 1 марта 1969 г. прогноз производства геологоразведочных работ на уран на период 1971—1985 гг.

Одновременно протоколом от 11 июля 1968 г. к соглашению от 7 декабря 1962 г. между Правительством ГДР и Правительством СССР о продлении деятельности смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут», учрежденного в соответствии с соглашением от 22 августа 1953 г., продлено действие соглашения о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 1985 г. Протокол по уполномочию Правительства ГДР подписал А. Нойманн и по уполномочию Правительства СССР — В. Новиков.

Последующие 10 лет (с 1971 по 1980 г.) деятельности СГАО «Висмут» характеризовались ритмичной и стабильной работой по выполнению установленных показателей по разведке, добыче и обогащению урановых руд. В этот сравнительно длительный период в ГДР, в «Висмуте», неоднократно бывали руководящие работники Минсредмаша СССР и заместители председателя Совета Министров СССР. В один из приездов в ноябре 1975 г. заместителя председателя Совета Министров СССР И.В. Архипова и министра среднего машиностроения СССР Е.П. Славского состоялась их встреча и беседа по делам СГАО «Висмут» и перспективам дальнейшего сотрудничества с первым секретарем ЦК СЕПГ Эрихом Хонеккером. На встрече присутствовал посол СССР в ГДР Петр Абрасимов. Встреча состоялась 14 ноября 1975 г. в здании ЦК СЕПГ в Берлине.

* * *

К выдающимся достижениям в области науки и техники этого периода деятельности можно отнести:

- внедрение рациональных технологий очистной выемки, обеспечивающих отработку запасов урана с минимальными потерями, а также использование соответствующих высокопроизводительных горных механизмов и средств микроэлектроники;
- внедрение автоклавного выщелачивания и автоматизации управления процессами обогащения руд на гидрометаллургических заводах №101 и 102;
- полный перевод рудника Кенигштайн на добычу урана химическим способом, что является достижением мирового уровня;
- отработку запасов урановых руд в целике г. Роннебург, при полном обеспечении безопасности горных работ;
- рационализацию транспортных перевозок, что позволило сократить парк автотранспорта на 300 единиц и получить большую экономию жидкого топлива.

В результате осуществленных мероприятий по науке и технике в 1971—1975 гг. удалось получить экономический эффект 0,3 млрд марок, в 1976—1980 гг. — 0,6 млрд марок ГДР.

В следующей пятилетке 1981—1985 гг. эта цифра достигла величины 1,2 млрд марок ГДР.

Благодаря этому было обеспечено повышение производительности труда по чистой продукции на 30%, сокращение численности трудящихся в СГАО «Висмут» на 1200 чел., в том числе численности управленческого персонала — на 680 человек.

В период 1971—1985 гг. наряду с производственной развивалась и экономическая деятельность. Одновременно совершенствовались и взаимоотношения партнеров по СГАО «Висмут». Это являлось следствием происходивших в СССР и ГДР изменений в области планирования, управления и хозрасчета. СГАО «Висмут» должно было в дальнейшем обеспечить на основе расширения воспроизводства полное покрытие затрат полученной выручкой.

В июле 1979 г. в Берлине были проведены переговоры по финансовым вопросам, связанным с деятельностью СГАО «Висмут». В результате переговоров 11 июля 1979 г. министром финансов СССР В.Ф. Гарбузовым и министром финансов ГДР З. Бемом был подписан протокол, которым с 1 октября 1979 г. устанавливались цены на урановую продукцию, поступающую из ГДР в СССР, в соответствии с методикой ценообразования, принятой в СЭВ в отношении других товаров. В дальнейшем на подобных встречах проходило обсуждение, и принимались

решения по урегулированию и других вопросов, связанных с деятельностью смешанного Общества «Висмут».

Генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер в июне 1984 г. на Экономическом совещании в Москве выразил готовность продолжать деятельность по производству урана на совместном советско-германском предприятии «Висмут».

В ноябре 1984 г. председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф обратился к Председателю Совета Министров СССР с предложением провести межправительственные переговоры о научно-технических и производственных задачах СГАО «Висмут» и о совершенствовании экономических отношений на период пятилетки 1986—1990 гг.

В ответном письме Председатель Совета Министров СССР 19 августа 1985 г. заявил о своем согласии с проведением межправительственных переговоров в IV квартале 1985 г. в Берлине.

Такие переговоры состоялись в ноябре 1985 г. С советской стороны делегацию возглавлял первый заместитель председателя Совета Министров СССР И.В. Архипов, со стороны ГДР — первый заместитель председателя Совета Министров ГДР А. Нойманн. В составе советской делегации активно работал министр Е.П. Славский.

Альфред Нойманн в почти часовом докладе сделал глубокий анализ производственной деятельности СГАО «Висмут» за пятилетку 1981—1985 гг. и изложил важные вопросы дальнейшей работы Общества на период до 1990 г.

На поисковые и геологоразведочные работы предусматривалось финансирование в размере 1020 млн марок ГДР, или 198 млн рублей. Было сохранено паритетное финансирование перспективных поисковых и разведочных работ за счет средств из госбюджетов обеих сторон — по 37 млн переводных рублей в период 1986—1990 гг.

Необходимые капитальные вложения для строительства производственных мощностей и для модернизации и реконструкции имеющихся основных фондов были установлены в объеме 2,5 млрд марок ГДР, или 490 млн руб., что примерно соответствовало объему прошлой пятилетки 1981—1985 гг.

К 1981 г. в деятельности СГАО «Висмут» возникли и значительные проблемы. Ряд рудников Роннебургского рудного поля, таких как Шмирхау и Ройст, перешли в стадию доработки запасов. Такая же ситуация возникла и на руднике Кенигштайн. Ставилась под вопрос экономическая целесообразность вскрытия и обработки запасов глубоких горизонтов VI каскада на месторожде-

нии Нидершлема-Альберода в Рудных горах Саксонии.

На глубине ниже 1700 м залегают запасы урана, но стоимость отработки этих запасов подлежала точному расчету и оценке. Новые рудники Роннебургского рудного поля — Дрозен и Беервальде — еще не вышли на производственные мощности, предусмотренные проектом.

Указанные проблемы вели к увеличению себестоимости добываемой продукции в 1986—1990 гг.

Рост себестоимости также будет иметь место в 1990 г. по сравнению с 1985 г. в связи с увеличением протяженности вертикальных и горизонтальных вскрывающих месторождения горных выработок.

Возрастающая глубина разработки урановых месторождений ведет к увеличению расходов на проходческие работы, рудничный транспорт, рудничное проветривание и охлаждение воздуха и на содержание горных выработок в условиях возрастающего с глубиной давления горных пород.

Для компенсации удорожания себестоимости в 1985—1990 гг. были определены мероприятия по внедрению передовой технологии и других научно-технических разработок в следующих направлениях:

1. Широкое использование средств микроэлектроники и ЭВМ для автоматизации производственных процессов и создания информационных систем с целью высвобождения до 300 человек рабочей силы. Для этого предусматривалось:

- создание и внедрение автоматизированных систем для проектирования горных работ;
- поэтапный переход на централизованное управление процессами обогащения на гидрометаллургических заводах;
- внедрение автоматизированных систем конструирования и изготовления изделий на механических заводах СГАО «Висмут».

2. Более широкое применение подземного выщелачивания бедных урановых руд.

3. Дальнейшее совершенствование применяемых систем очистной выемки, а также создание и внедрение геофизических методов и аппаратуры.

4. Дальнейшая рационализация работы складочного хозяйства.

5. Электрификация подземных работ и повышение энергетического коэффициента полезного действия при сокращении расхода электроэнергии.

6. Дальнейшее совершенствование буровой техники и технологии бурения для геологоразведки.

Все эти мероприятия четко выполнялись замечательным коллективом трудящихся СГАО «Висмут» в 1986—1990 гг. Финансовые

расчеты между сторонами в это время производились согласно подписанному министром финансов протоколу по курсу: 1 переводной рубль равен 5,15 марки ГДР.

Немецкой стороной на переговорах было предложено произвести уточнение статьи 10 соглашения по СГАО «Висмут», в которой определены экономические условия для поставки урана, в том числе цены. Стороной ГДР было предложено сохранить действующую внешнеторговую цену 65,97 руб./кг до 1990 г., так как она основывается на действующем по СЭВ принципе ценообразования.

В соответствии с действующим в ГДР законодательством предлагалось начиная с января 1986 г. внести в состав себестоимости продукции взнос в общественные фонды в размере 80% от фонда заработной платы. Взнос в общественные фонды подлежал отчислению в госбюджет в целях накопления средств для улучшения условий труда и жизни трудящихся ГДР.

На переговорах было принято предложение стороны ГДР об увеличении численности правления СГАО «Висмут» с каждой стороны до трех человек, для чего следовало уточнить текст статьи 3 соглашения. В итоге переговоров в Берлине 14 ноября 1985 г. по обсужденным вопросам был подписан протокол к действующему соглашению от 7 декабря 1962 г.

Одновременно этим протоколом был продлен срок действия соглашения от 7 декабря 1962 г. между правительствами СССР и ГДР о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 2000 г.

Протокол был подписан по уполномочию Правительства СССР И. Архиповым и уполномочию Правительства ГДР — А. Нойманном.

Общая сумма капвложений за 1954—1990 гг. составила 12 284 млн марок ГДР. С 1960 г. до 30 июня 1990 г. на строитель-

стве в районе Ауэ, на месторождении Нидершлема-Альберода; Роннебургском рудном поле, в Восточной Тюрингии, на руднике Кенигштайн в районе Эльбских песчаных гор.

Численность трудящихся СГАО «Висмут» составляла по состоянию на 31 декабря 1990 г. 27 920 человек, большинство из которых имели высокую квалификацию и большой стаж работы в Обществе.

Акционерный капитал Общества, который принадлежал равными долями обеим сторонам, составлял по состоянию на 30 июня 1990 г. 4417,435 млн марок ГДР, и после перехода на новую валюту по состоянию цен на 1 августа 1990 г., согласно вступительному балансу, — 2757,119 млн марок ФРГ, из них 2200 млн ДМ — основные средства урановых предприятий, 400 млн ДМ — основные средства неурановых производств и 176,5 млн ДМ — оборотные средства.

Деятельность СГАО «Висмут» с 1954—1990 гг. возглавляло правление под руководством председателей Фрица Зельбмана, Эриха Марковича, Хорста Камински и Николая Чеснокова.

Генеральными директорами были В.Н. Богатов, В.А. Собко, С.Н. Волощук, Хорст Бельманн и Хорст Рихтер.

В последние годы, в условиях позитивного развития мировых процессов, направленных на разоружение, сокращение и последующую ликвидацию ядерного оружия, а также в связи с ограничением национальных программ строительства новых и расширения действующих атомных электростанций, потребность в природном уране резко сократилась.

В соглашении между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах от 9 октября 1990 г. (статья 8) установлено: хозяйственная деятельность Советско-Германского акционерного общества «Висмут» прекращается с

Георгий Михайлович УТЕХИН. Специалист в области металлогении и геологии месторождений полезных ископаемых.

После окончания в 1952 г. Ленинградского горного института работал на геологической съемке различных масштабов, занимался изучением геологии и прогнозированием месторождений полезных ископаемых — вольфрама, бора, урана, сурьмы и ртути, свинца и цинка — в различных регионах СССР и за рубежом (ГДР).

Последние годы работал ответственным исполнителем ряда тем и заместителем главного редактора прогнозно-минералогической карты региона БАМ масштаба 1:500 000. Кандидат геолого-минералогических наук. Отличник разведки недр.

Добровольный участник Великой Отечественной войны (с конца 1941-го по август 1944 г.) в составе 1-й Белорусской партизанской бригады особого назначения и.м. В.И. Ленина. Имеет правительственные награды, в том числе два ордена Отечественной войны, медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

ство новых рудников, обогатительных и других предприятий или на их реконструкцию было израсходовано 10 857,1 млн марок ГДР. Добыча урана последние 20 лет велась в трех районах ГДР: Западных Рудных горах,

1 января 1991 г.

Георгий Михайлович Утехин

ГДР глазами геолога

История взаимоотношений России и Германии не является гладкой и однонаправленной. Периоды покоя и взаимовыгодного сотрудничества чередовались с периодами вражды и военного противостояния. Особенно кровопролитным было противостояние в ходе Второй мировой войны. После поражения гитлеровской Германии наступил период затишья. Он продолжается до настоящего времени и характеризуется сотрудничеством двух стран в разных областях. Однако наиболее тесным и плодотворным это сотрудничество было с восточной частью Германии, которая в октябре 1949 г. была провозглашена в качестве самостоятельного государства — Германской Демократической Республики (ГДР).

Одними из первых в сферу сотрудничества нашей страны (тогда СССР) и ГДР были вовлечены геологи. Особый интерес для их деятельности представляло выявление перспектив рудоносности и, в первую очередь, ураноносности территории ГДР. О том, что эти перспективы весьма благоприятны, свидетельствовали многие признаки, как прямые, так и косвенные.

Для выяснения возможных направлений сотрудничества в области поисков и разведки промышленных концентраций урана на территории ГДР из Москвы туда была направлена комиссия во главе с академиком В.И. Смирновым еще до провозглашения государства ГДР. Формально эта территория значилась как Советская зона оккупации Германии. Уже тогда в Рудных горах, в районе Обершлема-Альберода, была начата проходка экспериментальных горных выработок. Работы проводились под эгидой Советской военной администрации в условиях весьма ограниченного использования наших специалистов. Эти работы дали серьезный положительный результат, так как проводились фактически, как оказалось, на площади крупного месторождения урана.

После провозглашения ГДР с ее правительством было заключено соглашение о совместном проведении работ по поискам, разведке и добыче полезного ископаемого. Для этого было создано специализированное предприятие — Советско-Германское акционерное общество «Висмут», управляющееся совместной администрацией и использовавшее технических специалистов как ГДР, так и СССР.

Поисково-разведочные работы привели к выявлению новых ураноносных площадей и расширению фронта работ. Возникла потребность в привлечении с нашей

стороны не только опытных, но и молодых специалистов, окончивших вузы горно-геологического профиля. И такие специалисты прибывали по мере необходимости. Вновь прибывшие товарищи планомерно приходили на смену тем, кто отработал установленный срок.

Автор настоящей статьи работал в ГДР в качестве специалиста геологического профиля дважды. Первый раз — по окончании Ленинградского горного института, с 1955-го по 1957 г. Затем выехал на Родину в связи с поступлением в очную аспирантуру на кафедре геологии месторождений полезных ископаемых Ленинградского горного института. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1962 г. был приглашен для работы в ГДР вторично, уже по инициативе руководства заграничного предприятия, где работал в 1963—1964 гг.

В течение первого срока пребывания в ГДР мне пришлось поработать на двух объектах. Сначала это был район наличия урановых месторождений жильного типа в Саксонских Рудных горах. Рудная минерализация приурочена там к останцам кровли и экзоконтактам Айбенштоцкого (Карлсбадского) гранитоидного массива. Управление и административные службы объекта дислоцировались в г. Ауэ. Территориально в сферу деятельности объекта входили месторождения уже упоминавшегося района Обершлема-Альберода, где рудная минерализация была вскрыта горными выработками еще во второй половине 1940-х гг.

По прошествии 10 лет с помощью эксплуатационно-разведочных работ ореол развития рудной минерализации был значительно расширен как на флангах, так и на глубину. Глубина проходки отдельных выработок достигала 1,5—1,6 км. И вообще, в 1955—1957 гг. это был самый мощный на территории ГДР объект по добыче полезного ископаемого.

За время проведения работ здесь были основательно проработаны вопросы технологии всего процесса получения металла, включая методику подсчета запасов. Последняя была оригинальной: подсчитывалось количество руды и металла не на объем горной массы, а на один квадратный метр жильной площади. Этому благоприятствовали выдержанность рудных тел (жил) и содержание в них урана.

В связи с разработкой методики подсчета запасов нельзя не упомянуть имени глав-

Г.М. Утехин

ного геолога В.В. Токарева, представителя Дальневосточной геологической школы. Он привлекался к работе на объекте неоднократно и за свой труд удостоился особого расположения руководства заграничного предприятия. Оно (предприятие) способствовало в деле трудоустройства специалиста после окончания заграничной командировки. Местом его работы стала одна из геологических организаций в г. Ленинграде.

Наряду с планомерными эксплуатационно-разведочными работами силами объекта проводились поиски новых рудоносных участков, предварявшиеся крупномасштабной геологической съемкой. Эти задачи решала геолого-съемочная партия (ГСП), в штат которой я был зачислен по прибытии в ГДР. В то время ГСП проводила геологическую съемку с попутными поисками масштаба 1:10000 на площади в районе г. Шнееберг, несколько западнее его. Воспоминания об этой работе — самые добрые.

Во-первых, это была живая и интересная работа, связанная с регулярным выездом «в поле». А там — документация горных выработок: канав и шурфов. Эти выработки проходились по сети, соответствующей масштабу съемки, а в случае необходимости эта сеть, где нужно, сгущалась. С проходкой канав и шурфов задержки не было: в ГСП было достаточно рабочих.

Наш персонал — геологи, геофизики и другие — добирался из Ауэ к месту работы на автомашинах типа ГАЗ-67. Рабочие же прибывали каждый своим путем: кто-то на принадлежащих объекту автобусах, кто-то на мотоциклах. У немцев в то время мотоцикл был самым распространенным средством передвижения. За хорошую работу рабочих периодически награждали ценными подарками, среди которых нередко значились и мотоциклы. Невольно приходится вспоминать, что у нас на Родине в советские времена самым ходовым подарком были почтенные грамоты.

Во-вторых, в процессе документирования горных выработок неизбежным было общение с рабочими. А это — и форсированное получение языковой практики, и знакомство с особенностями менталитета германского народа, с которым всего лишь 10 лет назад мы победоносно завершили одну из кровопролитнейших войн на земле. У меня как у участника Великой Отечественной войны — бывшего партизана, уже сложилось какое-то мнение о немцах. Это мнение не было исключительно негативным. Ведь во время войны немцы были разные: и те, которые убивали охотно, и те, которые делали это, выполняя приказ. К нам, хоть нечасто, но все-таки переходили добровольно (сдавались в плен) немцы, которым затеян-

ная Гитлером война была ненавистна. В процессе непосредственного общения я увидел, что немцы в основной своей массе — работающий и сугубо дисциплинированный народ. Например, те же проходчики горных выработок работали, как у нас говорят, от звонка и до звонка. По заведенному расписанию было положено 50 минут работать и 10 — отдыхать. Этот распорядок соблюдался неукоснительно. Во время 10-минутного отдыха рабочие курили и ели свои belegte brote (бутерброды). А 50 минут — непрерывная работа киркой, ломом или лопатой. И дело продвигалось очень даже заметно.

На пути к месту полевых работ нам приходилось проезжать через г. Шнееберг, расположенный у подножия одноименной горы или, точнее, возвышенности. Поднявшись по склону возвышенности, вы оказываетсяе гипсометрически выше города примерно на 120—150 метров. Несмотря на небольшое в общем-то превышение, значительное время года (весной и осенью) ощущается климатический контраст между «верхом» и «низом». Так, весной, когда в городе таял снег, на горе оставался устойчивый снежный покров, а на ее склонах мельтешили фигурки лыжников. Точно так же и осенью: на горе выпадал снег, предвестник зимы, а в городе люди ходили без пальто.

Работа в районе Шнееберга оставила в моей памяти след еще и благодаря грибам, которые я собирал, переходя от одной горной выработки к другой. Значительная часть площади работ располагалась в пределах лесного массива. Я с удовольствием таскал две сумки: одну для геологических образцов, другую — для грибов.

Немцы относились к грибам почему-то безразлично. Но когда узнали, что я заядлый грибник, стали подсказывать мне, где находятся грибные места. Так что я, когда позволяло время, отходил немного в сторону от площади работ и в течение 20—30 минут наполнял грибную сумку.

Работа в ГСП не только позволяла, но даже обязывала нас знакомиться с месторождениями и рудопроявлениями за пределами сферы деятельности объекта. В ореоле влияния Айбенштоцкого гранитоидного массива с его сателлитами располагались проявления минерализации одного типа. Но в каждом из них имелись какие-то свои особенности. Все это было необходимо знать при поисках промышленных концентраций урана.

Особый интерес представляли рудоносные зоны к югу от Ауэ, непосредственно у границы с Чехословакией (район г. Йоганн-георгенштадт), и к западу — в районе г. Ауэрбах. На первом объекте производилась подземная добыча руды. При этом рудонос-

ная зона переходила под землей из пределов ГДР в соседнюю республику.

В районе Ауэрбаха, который является уже частью Фогтланда, мы осмотрели глубокий разведочный шурф и набрали кучу рудоносных образцов. Рудовмещающая среда здесь несколько отличается от той, которая известна в районе Ауэ. В то время минерализацию участка относили к «скарново-жильному» типу. Проходка шурфа была закончена, и мы могли его посетить лишь при содействии немецкого горного мастера (штейгера). Фамилию его я не запомнил, но он врезался в мою память как большой энтузиаст своего дела, интересовавшийся не только горным делом, но и минералогией (имел неплохую минералогическую коллекцию).

Город Ауэ может быть отмечен не только как один из центров горнорудной промышленности. Он стоит на пути, по которому ежегодно весной проходила велогонка мира. Здесь либо начинался, либо заканчивался один из этапов велогонки на территории ГДР (в зависимости от того, где было самое начало: на территории Польши или Чехословакии). Этап заканчивался (или начинался) на городском стадионе. Мы за этим следили по телевизору. Ну а немцы наблюдали за соревнованиями вживую: стадион всегда был заполнен до отказа задолго до финиша.

При этом зрители под руководством специального дирижера репетировали акт встречи лидеров гонки. Хором исполняли какую-нибудь бравурную мелодию и в такт мелодии покачивались то в одну, то в другую сторону. И периодически хором же скандировали: «Фор — фор — фор!» («Вперед — вперед — вперед!»). Причем делалось это настолько четко и дружно, что даже нам, сидящим у телевизора, хотелось присоединиться к совершающим это действие.

Если конец следующего этапа был в Чехословакии, то это были Карловы Вары. За финишем на этом этапе мы тоже следили по телевизору и всегда замечали одну особенность, а именно — различие в поведении зрителей в Ауэ и в Карловых Варах. В Ауэ зрители сидели на своих местах до конца, пока последний велосипедист не пересечет финишную прямую. В Карловых Варах пропускали только головную группу. Затем вся зрительская публика высыпала на стадион и почти смешивалась с продолжающими прибывать спортсменами. И тут в наших рядах зрителей-телевизионщиков раздавалось громкое: «Ну! Славяне!»

Условия жизни были вполне нормальными: трехкомнатная квартира со всеми удобствами, кроме телефона. В клубе был бильярдный зал, комната для игры в настольный теннис (пинг-понг). На улице —

волейбольная площадка. На объекте было немало приличных шахматистов. Иногда мы устраивали турниры с немцами, тоже сотрудниками объекта. Командная победа, как правило, была за нами. А вот в футбол мы обычно проигрывали немцам. Ряд футболистов-немцев, работавших на объекте, входил в команду «Висмут», выступавшую в высшей лиге чемпионата ГДР.

В Ауэ мы жили не в одном месте, а были расселены по разным домам, в каждом из которых жили по 2—3 семьи из числа советских сотрудников. В одном доме со мной, этажом выше, жила семья ленинградского геофизика, тоже выпускника горного института — А.В. Сорокина. По вечерам мы иногда «бились» с ним в шахматы. Этим продолжали заниматься даже в Ленинграде по окончании заграничных командировок. Наши квартиры находятся недалеко одна от другой, на Васильевском острове, в микрорайоне под названием «Голодай». Кроме того, какое-то время мы и работали в одном институте — ВСЕГЕИ.

Хотелось бы упомянуть еще о том, что в Ауэ многие наши сотрудники, в том числе и я, существенно пополнили свои домашние библиотеки книгами, которые в СССР были большим дефицитом. В городе был великолепный книжный магазин, где можно было заказать желаемую книгу, и через неделю полторы нужная книга уже была на прилавке. И, пожалуйста, к вашим услугам! Только плати денежки. Кстати, по тем меркам, небольшие.

Однако, выполняя наш заказ, продавец магазина (по слухам, бывший ээсовец) записывал не только наши фамилии, но и адреса. А так как книги покупали практически все наши сотрудники, у продавца на руках был полный их список, с адресами.

Меня в то время несколько насторожила такая манера торговли книгами. Зачем продавцу знать не только фамилии, но и адреса покупателей? Я не стал озвучивать свои сомнения. Подумал: если что-то не так, то наверняка существуют люди, как с нашей стороны, так и со стороны ГДР, которые этим вопросом заинтересуются.

И только во второй свой приезд в ГДР, живя в Зигмаре — пригороде Карл-Маркс-Штадта (Хемница), я вспомнил книжный магазин в Ауэ и его продавца. Поинтересовался, какова судьба и того и другого. Узнал, что магазин давно закрыт, а его продавец удостоился внимания спецслужб: опять же, по слухам, он оказался агентом английской разведки.

Возвращаясь к теме своей работы в Ауэ, отмечу, что поездки в район Шнееберга не были каждодневными. Один-два дня в неделю отводились на камеральную об-

работку собранного каменного материала (петрографические, минералогические и другие лабораторные исследования) и составление геологической карты на основе всех данных. Это дело обычно сопровождалось дискуссиями. Если дискуссионные вопросы не разрешались «за столом переговоров», заказывали автомашину, ехали в район полевых работ и на месте разрешали споры. При этом иногда выявлялись неточности в документации горных выработок. Бывали случаи, когда одни и те же явления трактовались по-разному представителями разных школ. Тут нельзя не отметить, что у руководителей акционерного общества еще до приезда нашей партии молодых специалистов сложилось мнение о качестве и уровне подготовки представителей разных школ. Начальник геологического управления акционерного общества Вишератин свою оценку выразил кратко и точно: «Лучшие геологи — из Ленинградского горного института, лучшие горняки — из Свердловского горного института, лучшие металлурги — из Московского института цветных металлов». Не исключено, что именно поэтому меня как выпускника ЛГИ зачислили на должность старшего геолога, в то время как некоторые другие начали свой путь с должности геолога.

Тем временем дело с составлением карты планомерно продвигалось, и к моему отпуску карта была составлена на 80—85% площади съемки. Были утрясены также все концептуальные вопросы. Так что в отпуск я поехал с чувством выполненного долга.

По возвращении из отпуска еще в Москве я узнал, что в дальнейшем мне предстоит работать не в Ауэ, а на другом объекте. В ГСП (Ауэ), где я работал до отпуска, дело то ли завершилось, то ли было близко к завершению. А на новом для меня объекте геологические работы расширились, и требовалось кадровое пополнение.

Новым местом работы была Роннебургская геологоразведочная экспедиция, в задачу которой входило обеспечение запасами горнорудного предприятия с администрацией в г. Гера, расположенном в 7—8 километрах западнее г. Роннебург (немецкая земля Тюрингия). И горнорудное предприятие, и экспедиция рассматривались в качестве единого объекта, хотя последняя пользовалась значительно большей административной и финансово-экономической автономией по сравнению с ГСП в г. Ауэ.

Территориально объекты в городах Ауэ и Гера-Роннебург располагались относительно недалеко друг от друга (по прямой от Ауэ до Геры примерно 55 км к северо-западу). Однако геологические условия залегания вмещающих пород и оруденения

существенно различны. В Саксонии оруденение жильного типа размещено в породах нижнего палеозоя (в основном ордовика-силура), метаморфизованных до уровня зеленосланцевой и амфиболитовой фаций, а отчасти и более глубоко метаморфизованных. В Тюрингии рудовмещающие породы принадлежат к более высокому стратиграфическому уровню (предположительно силуру-девону), и оруденение генетически связано с «черносланцевыми» горизонтами — граптолитовыми сланцами.

Если в Саксонии метаморфизм затушевывал следы первичной слоистости пород, а их залегание определяется направлением сланцеватости, то в Тюрингии слоистость пород не затушевана ничем (метаморфизм дошел лишь до фации филлитов), и все складчатые формы фиксируются четко.

О том, что формирование первичных концентраций урана произошло более или менее синхронно с осадконакоплением, у подавляющего большинства исследователей сомнений не вызывало. Казалось бы, в таком случае и рудные тела должны быть стратиформными. Однако в действительности картина является более сложной. А осложнили ее более поздние геологические процессы — диагенез, метаморфизм и эпигенез в широком его понимании.

Автор приносит извинения читателю за вынужденный экскурс в детали геологии, но избежать его он считал для себя непростительным. Ведь в читательской массе геологи наверняка будут преобладать, а для них хотя бы самые общие геологические сведения, думается, необходимы.

Разновременные наложенные геологические процессы привели к существенному усложнению формы рудных тел, в силу чего оконтуривание последних в процессе подсчета запасов полезного ископаемого стало весьма непростым делом. Изначально рудные тела оконтуривались по результатам опробования керн разведочных скважин без учета элементов складчатости. На разрезах ее как бы ни существовало вовсе. Мы с начальником камеральной партии Б.М. Сардисламовым прилагали усилия к выявлению структуры рудовмещающих черносланцевых образований (ритмично переслаивающихся углито-глинистых и углито-кремниевых сланцев). Для этого изучали их не только по керну скважин, но и в естественных обнажениях, как на площади рудного поля, так и за его пределами. В итоге было принято решение строить геологические разрезы с учетом складчатых форм. Это привело к необходимости сгущения сети буровых скважин: на фоне общей изоклиальной складчатости относительно крупные складки осложнялись более мелкими (разных порядков). Это позволило

уточнить контуры рудных тел и приблизить их к истинным. Однако избежать погрешностей полностью было невозможно даже теоретически. Дополнительные уточнения призвана была дать эксплуатационная разведка. И только с учетом различных поправочных коэффициентов процесс подсчета запасов заметно ускорился.

Говоря о подсчете запасов в конкретных условиях Роннебургского рудного поля, я не могу не назвать фамилии человека, который этим процессом руководил и возглавлял его. Это был прекрасный человек и знаток своего дела Юрий Сергеевич Данилов. Постоянное общение с ним в рамках общего важного дела сблизило нас и в общечеловеческом плане. Мы были с ним в одной компании не только на работе, но и в часы досуга. Даже доверяли друг другу некоторые семейные тайны. Кроме этого, Юрий Сергеевич был неплохим для нашего уровня шахматистом. По крайней мере, во встречах с ним я считал для себя удачным ничейный исход шахматной партии.

Юрий Сергеевич впоследствии в течение значительного времени возглавлял направление по подсчету запасов в рамках всего заграничного предприятия. К сожалению, судьба уготовила ему короткую жизнь, и он безвременно ушел из жизни в расцвете своих творческих сил.

Коллектив Роннебургской геологоразведочной экспедиции был дружным и сплоченным. Этому в немалой степени способствовали личностные качества начальника экспедиции, которым в то время был Анатолий Алексеевич Алексеенко. Он был в меру либеральным, но без излишеств. Хорошо знал людей, так как все они были на виду: жили в одном доме. Кому можно было доверять — доверял. Могу однозначно сказать, что мы с Б.М. Сардисламовым пользовались полным доверием начальника экспедиции. По роду своей работы нам необходимо было выполнять геологические маршруты в районы, иногда весьма отдаленные от Роннебурга. А для этого требовался легковой автотранспорт. Я не помню ни одного случая, когда бы Анатолий Алексеевич отказал нам в просьбе выделить для маршрута автомашину. Обычно только спрашивал:

- Когда вернешься?
- В 18 (или, скажем, в 19) часов.
- Ну смотри, не опаздывай.

И мы старались быть пунктуальными. Ну а выехав из Роннебурга, мы были хозяевами положения. Для посещения какого-то пункта А мы могли до него доехать любым путем: через пункты, например, Б и В или Г и Д. Свобода передвижения позволяла нам побывать всюду, где нам хотелось. Так, однажды нам захотелось обследовать зону

экзоконтакта одного гранитного массива у самой границы с ФРГ. Ковыряясь у одного из обнажений, мы увидели примерно в 150 метрах часового на стороне Западной Германии. Увидев нас, он помахал нам рукой: поприветствовал. Мы ему ответили тем же.

Рядом с домом, где жили сотрудники экспедиции, находился клуб с активным залом, библиотекой и бильярдным залом. В последнем были два стола и рядом — площадка для настольного тенниса. Между жилым домом и клубом была оборудована волейбольная площадка, которая в нерабочие дни никогда не пустовала. Неподалеку был и стадион, где можно было поиграть в футбол.

Надо сказать, что условия для занятия спортом были благоприятны не только у нас, советских сотрудников. Они характерны для Германии вообще, не исключая и ГДР. Практически в каждой деревне существовал стадион, плавательный бассейн и хотя бы один теннисный корт. Спорту уделялось большое внимание, что обусловило успехи ГДР на международной арене.

Взаимоотношения наши с немцами, работавшими на совместном предприятии, были вполне нормальными. Дружили целыми коллективами, ежегодно устраивали совместно «месячники советско-германской дружбы». Каждая сторона поочередно организовывала праздничные мероприятия с концертами и застольем. Вначале это были действительно месячники — по длительности мероприятий. Затем длительность времени их проведения сократилась до двух недель, но они по-прежнему назывались месячниками.

Наступил момент, когда пришлось решать вопрос об отпуске. Из Ленинградского горного института пришло извещение о том, что меня приглашают для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру. Я получил требуемый отпуск, в ходе которого успешно сдал экзамены и был зачислен в очную аспирантуру. Тем самым была поставлена точка на продолжении моей заграничной командировки.

Было лето 1957 г. Будучи очным аспирантом Горного института, по совместительству работал во ВСЕГЕИ, куда был восстановлен без особых усилий. После защиты кандидатской диссертации (в 1962 г.) продолжал работать во ВСЕГЕИ уже на полном окладе. Однажды, будучи проездом в Москве по пути на полевые работы, случайно встретился со знакомым сотрудником организации, ведавшей направлением наших специалистов на работу за границей. В разговоре он спросил меня, не хочу ли я поехать в ГДР вторично. Я сказал, что поду-

маю об этом и после полевых работ сообщу о своем решении.

Непростое это было решение, так как во ВСЕГЕИ у меня открывалась хорошая перспектива научного роста. Многие зависело от того, что предложат в ГДР. Пришлось для выяснения этого вопроса организовать поездку в Москву. Там мне пообещали участие в составлении металлогенической карты Саксо-Тюрингии. Это было интересно, и я дал согласие на поездку. Но вызов пришел не сразу, а лишь в I квартале 1963 г.

Однако по приезде на место мне поручили курировать камеральные работы. Правда, сказали, что по роду своей работы я буду подключаться к составлению металлогенической карты. Так оно и было, но лишь «на общественных началах».

За прошедшие 5 лет после первой командировки на заграничные предприятия произошли существенные изменения. Некоторые объекты были отработаны или находились в стадии отработки, некоторые — открыты вновь. Геологическое управление трансформировалось в геологический отдел, начальником которого в то время был известный геолог-уранщик К.П. Ляшенко.

Жили и работали в Зигмаре — пригороде Карл-Маркс-Штадта, откуда мне надлежало регулярно выезжать на различные объекты: и туда, где были камеральные партии, и туда, где их не было. После нескольких поездок вошел в курс дела и почувствовал, что могу приносить пользу.

Изменения затронули не только структуру геолого-геофизических служб, но и кадровый состав структурных подразделений. В некоторых из них наряду с советскими инженерно-техническими работниками присутствовали и немцы, а в отдельных были полностью немецкие специалисты. Прежде всего, это относится к камеральной партии, обслуживавшей объект в г. Гера. Там широко применялись методы математической статистики, ибо одной из важнейших задач оконтуривания рудных тел были расчеты по определению среднего промышленного и бортового содержания металла в руде.

В результате постоянного общения с нашими и немецкими специалистами я уловил некую закономерность. Наши больше тяготели к широким построениям геотектонического и металлогенического плана. Немцам же были ближе точные методики. Вероятно, это отражало различия геологических школ двух стран. И это вполне понятно: в нашей огромной стране проявлены почти все типы геотектонических форм, предопределяющие подходы в деле прогнозной оценки территорий. В Герма-

нии и тем более в ее части — ГДР — в связи с ограниченностью площади на первый план выступают детальные исследования. Этот общий выход, конечно же, не исключает того, что в частных случаях возможны и существуют в действительности различные варианты.

Необходимость моей причастности (хотя и косвенной) к составлению металлогенической карты обязывала меня не замыкаться на отдельных объектах и узких вопросах. Требовался более широкий сектор обзорности. Для этого через работавших у нас немцев я стал контактировать с немецкими геологами, не имевшими отношения к нашему заграничному предприятию. Среди «наших» немцев я бы, прежде всего, назвал доктора Ватцнауэра, ставшего доктором (и профессором), работая на нашем предприятии в качестве платного консультанта. Он имел тесные связи с геологической службой Фрайберга и АН ГДР в Берлине. При встречах мы вели с ним дискуссии по разным спорным проблемам. В частности, Ватцнауэр был сторонником теории меланжа, в соответствии с которой предполагал, что кристаллические породы Рудных гор «переехали» сюда из Африки. Я старался убедить его в ошибочности такого представления. И делал это, как говорится, с фактами в руках.

Через доктора Ватцнауэра познакомился с сотрудником Берлинского геологического института, палеонтологом-граптолитчиком Хегерем. Я уже упоминал выше, что граптолитовые сланцы являются рудоносными в пределах Роннебургского рудного поля. Хегерь презентовал мне книгу со своей статьей, в которой по граптолитам устанавливается граница между силуром и девоном.

В одном из подразделений нашего предприятия в качестве петрографа-минералога работал некто Х. Шульц. Он был заочным аспирантом Фрайбергской академии. Через него я познакомился с геологами Фрайбергского геологического общества Гюнтером Хезелем, Людвигом Галлиреэром и другими. Наиболее тесно я контактировал с Г. Хезелем, с которым мы объездили множество точек с проявлением различной минерализации (не урановой) в Рудных горах. Однажды, осматривая минералогическую коллекцию Фрайбергского геологического общества, я обратил особое внимание на образцы рудовмещающих пород скарново-железорудного месторождения Пела. Спросил у Хезеля:

— Не находил ли здесь кто-нибудь минералов бора?

— Нет, — сказал Гюнтер.

— Но здесь должен быть бор. По всем признакам вероятность этого велика.

— Мы можем с вами туда съездить, и вы проверите. Рад буду, если ваш прогноз сбудется.

— Хорошо, я согласен.

И в условленное время мы направились на разрабатывавшееся ранее на железу месторождение Пела. Я был уверен, что это месторождение борно-железорудное. Именно скарновым концентрациям бора была посвящена моя кандидатская диссертация. И лишь только мы подошли к отвалам горной выработки, я среди преобладающего в отвалах магнетита увидел людвигит. Показал его своему спутнику и сказал: «Вот он, бор!»

Г. Хезель поздравил меня и удивленно заметил: «Как же его раньше-то не обнаружили?» И сразу же предложил мне написать об этой находке статью. Я, естественно, согласился. Какое-то время ушло на отбор материала для химического, спектрального и рентгеновского анализов (материал я отбирал собственноручно). Затем отработанный материал я послал в Москву своему коллеге из ИГЕМ АН СССР Л.И. Шабынину с просьбой произвести анализы в возможно кратчайшие сроки. Дело было своевременно сделано, мне были присланы результаты анализов, и я с легким сердцем написал основу статьи, передав ее немецким товарищам. И статья была довольно оперативно опубликована в немецком журнале «Прикладная геология».

С Г. Хезелем мы длительное время переписывались уже после моего окончательного возвращения в Ленинград. Он присылал мне отписки всех своих статей.

Мой вторичный приезд в ГДР совпал с развертыванием работ на совершенно новой площади, в юго-восточной части республики. Это был район городов Пирна и Кенигштайн, что неподалеку от Дрездена, юго-восточнее его. На новой площади рудоносными оказались осадочные (возможно, вулканогенно-осадочные) отложения верхнего мела, где представлен совершенно новый для территории ГДР тип уранового оруденения. По вопросу о его генезисе происходили дискуссии. Однако представлялось более или менее признанным, что источником металла в отложениях, аккумуляровавшихся в верхнемеловой мульде, были размывавшиеся ураноносные образования палеозоя и, возможно, более древние. Открытие новой рудоносной площади явилось результатом радиометрического изучения керн старых скважин.

Названный район интересен, кроме того, и с географической точки зрения. Он вытягивается широкой полосой вдоль левобережья реки Эльба. За свою природную красоту эта часть территории ГДР получила название Саксонской Швейцарии.

Приезжавшие сюда сотрудники нашего предприятия преследовали двоякую цель: ознакомиться с новым типом оруденения и полюбоваться красотой местного ландшафта. В поездках вместе с нами принимали участие и наши немецкие товарищи.

Об условиях нашей жизни и работы в Зигмаре коротко можно рассказать следующее. Зигмар — зеленый пригород Карл-Маркс-Штадта (которому сейчас вернули старое название Хемниц). Мы и наши жены иногда ездили в город за покупками, хотя в принципе все, что нужно человеку, можно было приобрести и в Зигмаре. Эти слова можно отнести к любому месту в ГДР, где существовал какой-нибудь магазинчик. Пусть он был без броской рекламы и уютился в каком-нибудь полуподвальчике, в нем можно было приобрести все, от ниток и иголок до пианино. Об этом свидетельствует мой собственный опыт. В одном из таких полуподвальчиков я купил пианино. Продавец лишь спросил меня, какой марки инструмент я хотел бы приобрести, какими средствами располагаю для этого, мой адрес и буду ли дома по названному адресу вечером между 20 и 22 часами. И действительно, вечером, в начале девятого, к дому подъехал небольшой грузовичок, в кузове которого находилось хорошо укрепленное и обернутое какой-то грубой тканью пианино. Хозяин лавочки, он же шофер, со своим напарником, видимо, родственником, на специальных ремнях аккуратно внесли пианино в мою квартиру и даже посоветовали, к какой стенке его лучше поставить.

В качестве дополнительного штриха к только что сказанному может служить случай, имевший место со мной же.

В свободное время я иногда совершал прогулку на велосипеде, что было и в этом случае. В пути возникла какая-то небольшая неисправность, устранить которую без инструмента я не мог. Спросил первого же встречного человека, есть ли поблизости какая-нибудь «металлическая» мастерская. Человек указал мне на находящуюся метрах в 150 жестяную мастерскую. Я подошел к мастеру и объяснил ему причину своего появления. «Один момент», — сказал мастер и принес связку ключей. Через 5 минут неисправность была устранена. Я поблагодарил мастера и спросил, сколько стоит работа. Услышав, что цена работы всего 20 пфеннигов, был поражен малостью суммы и, поблагодарив его еще раз, уплатил 50 пфеннигов. В самом деле, и 50 пфеннигов по тем временам — мизерная сумма.

Теперь, вообразите себе, что с вами что-то подобное произошло у нас, например, в Ленинграде. Во-первых, вы потратили бы уйму времени на поиски специальной

мастерской. Ни жестянщик, ни какой-либо другой мастер, если это не специальная мастерская, не стал бы заниматься этим. Во вторых, если вам посчастливилось найти мастерскую, то там заплатили бы энную сумму (конечно же, не эквивалентную 20 феннигам), получили бы квитанцию и предписание (устное) прийти через неделю-полторы. Каково?!

Дорога в Карл-Маркс-Штадт проходила (и, скорее всего, проходит) мимо рукотворного озера, на котором «на постоянной основе» обитали утки. И летом, и зимой. Если озеро покрывалось льдом, утки толпились на нем разновеликими кучками. Подкармливали их местные жители. Во время прогулок и мы с дочерью брали с собой кусочек хлеба для уток. Дочери было интересно смотреть, как к ее протянутой руке с хлебом со льда на берег выходит кучка уток, стремясь не упустить брошенный кусочек хлеба. А некоторые наиболее нахальные особи с вытянутой шеей приближаются к руке с хлебом, норовя выхватить его и быстро улизнуть.

В Зигмаре условия работы и отдыха были не хуже, чем на других объектах. Рядом с жилым домом находился клуб для собраний, концертов и всякого рода спортивных развлечений: бильярдный зал, площадка для настольного тенниса, шахматы, шашки. Ближе к жилому дому была волейбольная площадка. Там же — городки. Но в Зигмаре, сверх того, был прекрасный Дворец культуры (Kulturpalast) и великолепный плавательный бассейн.

На работу ездили на автобусе предприятия, который останавливался у скверика напротив дома. Желающие ходили на работу пешком. В хорошую погоду это была приятная прогулка. Я частенько пользовался велосипедом. Одним словом, все было хорошо. Но мне хотелось бы упомянуть о некоторых, казалось бы, незначительных деталях, касающихся нас и «наших» немцев.

В нашем жилом доме были два подъезда. В одном из них жили же, в другом — немцы. Утром, идя к рабочему автобусу, стоявшему на дороге за сквериком, немцы обходили скверик с одной стороны, мы — с другой. Так вот, с их стороны углы скверика оставались прямыми, не затоптанными, с нашей же они были закруглены. Это — наша привычка идти к цели кратчайшим путем. Добро бы путь был длинным. Но, увы, на этих закруглениях выигрывались 2—3 секунды, хотя автобус раньше означенного времени не тронулся бы с места.

Еще один случай. Приехав к Управлению на велосипеде, я поставил его на специальную пирамиду. На ней было много велосипедов — в основном немецких, не-

много наших. После работы привычным движением пытался взять свой велосипед и ехать домой, но транспортное средство не захотело отделяться от пирамиды. Оказалось, что его привязали к пирамиде цепочкой, которую закрыли на замок. Заглянул в окошечко рядом с пирамидой, где помещалась полицейская охрана. Увидев меня, дежурный пригласил зайти к нему. Он объяснил причину задержки. Оказалось, что на одной из педелей отсутствовал светоотражатель. Я не придавал этому значения: остальные-то три отражателя были на месте. Полицай, не торопясь, выписал ордер, предназначавшийся нашему заведующему клубом. От него я получал велосипед на прокат. В ордере была рекомендация доукомплектовать велосипед (поставить отражатель) или поменять его на полностью укомплектованный. Порядок превыше всего! И, кроме того, полицейский продемонстрировал бдительность.

Подобных деталей можно было бы привести множество. Они отражают особенности менталитета разных наций и народностей. Вместе с тем, живя рядом и постоянно контактируя, народы что-то и заимствуют друг у друга. Например, у наших женщин, да иногда и у мужчин, появляются особенности туалета, ранее им не свойственные. На смену длинным пальто приходят короткие, вместо широкополых шляп появляются шляпы иной формы, вплоть до шляп егетей (иногда и с пером). У немцев при заимствовании сигареты принято взамен отдавать 10 феннигов. При общении с нами они забывают этот обычай: не только бесплатно угощаются нашими сигаретами, но и сами нас угощают, не требуя денег.

Несколько слов о внутренней жизни нашей общины. Принято считать, что русские люди живут как бы разрозненно, не склонны к сплочению и взаимовыручке. Опыт показывает, что это не совсем так. За рубежом наши люди живут сплоченно и стараются держаться друг за друга. При этом внутри всей общины, конечно же, существуют разновеликие группы и группочки, члены которых связаны между собой по интересам, более тесно. Взять хотя бы существовавшую у нас секцию рыболовов и охотников. Членов секции объединяет общий интерес: любовь к охоте и рыбалке. В связи с этим я хотя бы в очень краткой форме поведаю читателю, что в ГДР у нас существовали три вида охоты: утиная, охота на зайца и охота на косулю.

На утиную охоту мы ездили в один из юго-восточных районов ГДР, в район г. Батцен. Это примерно посередине между Дрезденом и польской границей. Там существовали специально сооруженные «Батценские болота». Иногда к нам присо-

единялся местный егерь, который знал, что на привале мы устраиваем перекус с обязательными горячительными напитками. Мы старались налить егерю лишнюю стопочку, и он добрал на глазах. Не только не проверял нашу добычу и лицензию, но отдавал нам и то, что сам взял тут же, на наших глазах. Надо отдать ему должное, стрелок он был отменный: несмотря на то, что изрядно «принял на грудь», стрелял без промаха.

Охота на косуль была не менее захватывающей, чем на уток. Среди охотников, работавших в геологическом отделе, существовала договоренность о дележе добычи поровну с последующим приготовлением жаркого из дичи в семье одного из охотников, по жребью и поочередно. Каждый охотник старался не ударить в грязь лицом и сервировал стол не хуже, чем его предшественник.

Заячья охота были интересна, как вообще любая охота, но особенно — в районах старых терриконов. Зайцы в испуге забирались на терриконы и, встретив охотника, удирали от него, как правило, по горизонтали (бежать вниз с длинными задними ногами опасно). Двигаясь вокруг, заяц сталкивался с охотником с другой стороны. Охотник, развернувшись, держал на мушке место появления зайца. Самое неприятное — спускаться вниз за добычей по обледенелому террикону.

Надо сказать, что у немцев существует обычай, согласно которому раз в году, на Рождество, каждая семья должна приготовить жаркое из зайца. Для этого в определенное время осени производился массовый отстрел зайцев. Нужно было взять 300—400 зайцев за короткий срок. Поэтому иногда просили нас помочь им в этом ритуальном для них деле. И мы, конечно, помогали, обычно безвозмездно.

То, о чем говорилось выше, позволяет высказать некоторые соображения общего плана.

Первое. Целесообразна ли была поездка на работу за границей, что она дала нам и что не дала.

Думается, что работа в ГДР была безусловно полезной для нас как в профессиональном, так и в общепознавательном смысле. Территория ГДР, в первую очередь ее южная часть, оказалась уникальной ураноносной провинцией. Урановая минерализация на этой территории широко представлена как с точки зрения ее возраста, так и генетических типов. Упомянутыми в тексте генетическими типами месторождений не исчерпывается их полный перечень. Признаки урановой минерализации отмечались, например, в связи с отложениями перми. Прежде всего, нижней перми,

по-немецки, красного лежня (Rotliegende). Не исключалось их (признаков) наличие и в верхней перми — цехштейне (Zechstein).

Знакомство с принадлежащим ГДР богатством и разнообразием недр было бы полезно даже для очень опытного геолога, не говоря уже о молодых специалистах, вчерашних выпускниках вузов нашей страны.

Для тех, кто проявлял интерес к предмету «Геология месторождений полезных ископаемых», в ГДР имелись возможности для расширения своего профессионального кругозора. Чрезвычайно интересна минерализация так называемой пятиэлементной формации, с которой тесно связана урановая минерализация жильного типа. Видное место в перечне богатств занимает стратиформная медная минерализация в отложениях красного лежня. Своеобразны и интересны железорудные тюрингит-шамозитовые руды (оолитовый или близкий ему тип). Нам посчастливилось побывать на месторождении этого типа Виттсмангеройт (Wittsmangereuth). Всего не перечислишь. Однако никак нельзя пройти мимо одного из крупнейших в мире бурого угольных месторождений в районе Лейпцига. Бурый уголь служил здесь не только источником тепла, но и составлял основу «большой химии». Из смол, полученных из бурого угля, производится масса нужных и полезных продуктов. Из бурого угля в те времена производили даже водку.

Для горняков немалый интерес представляет система обработки бурого угольного месторождения. Отвальный мост, построенный в разгар войны (в 1943 г.), отрабатывает сразу два пласта угля. А породы вскрыши и межпластового горизонта вслед за продвижением моста заполняются образующейся пустотой, разравниваются и культивируются. На этом грунте, в частности, высаживается картофель.

Немалую роль играло знакомство со страной, находившейся в центре Западной Европы. Оно показывало, чего может добиться человек при бережном отношении к природе и стране в целом. Не могла не вызвать уважения ухоженность территории, чистота и порядок везде и во всем. Чего стоят прекрасные шоссейные дороги — автобаны — покрывающие страну, как говорится, вдоль и поперек! Они улучшают коммуникабельность населения, способствуют большей долговечности транспортных средств и вообще положительно влияют на развитие экономики. Правда, автобаны строились в расчете на неминуемую войну в будущем, но и с окончанием войны их значение для страны трудно переоценить.

Движимые чувством бережного отношения к природе, немцы на значительной части своей земли произвели искусствен-

ное озеленение. В лесу, где нам пришлось отдыхать и работать, деревья растут ровными рядами, которые легко просматриваются даже в местах разрастания различных кустарников. Несмотря на рукотворность леса, в нем растут и грибы, и ягоды. И, честно говоря, становится грустно, когда подумаешь о варварском отношении некоторых наших людей к зеленым легким планеты у себя на родине.

Второе. Нам была предоставлена возможность ознакомиться не только с производственными объектами ГДР, но также и с

Ф. Кремер. Памятник борцам сопротивления фашизму в Бухенвальде

памятниками культуры немецкого народа. Мы регулярно совершали автобусные экскурсии по примечательным местам страны пребывания. В первую очередь, это города Берлин, Лейпциг, Дрезден и уже называвшаяся выше Саксонская Швейцария с входящим в ее рамки г. Мейсен — родиной саксонского фарфора.

Экскурсия в Бухенвальд — один из гитлеровских лагерей смерти — произвела крайне тягостное впечатление. Мы увидели там орудия смерти и пыток. Все это давно и хорошо известно всему миру и не требует длительных пояснений.

Говоря об экскурсиях, нельзя не отметить огромного значения знания иностранного языка, в данном случае — немецкого, для экскурсантов. Если вы пытаетесь говорить с человеком на его родном языке, непременно почувствуете, как раскрывается его сердце и душа. Он старается выложить вам все, что знает по интересующему вас вопросу. Иногда даже больше, чем вы хотели бы знать в каждом конкретном случае. И это важно не только экскурсантам. Даже в ходе общения по работе несомненным преимуществом обладает человек, могу-

щий, хоть иногда и не без дефекта, говорить по-немецки.

Однажды мы производили опробование водных источников на определение химического состава вод и их радиоактивность. Один источник, существование которого отражено на карте, не могли найти на местности. Обратились по-немецки к находившейся неподалеку женщине с просьбой указать местонахождение источника. Она, показав его, в дополнение поведала нам целую историю, как и почему возник этот источник, и какие метаморфозы он претерпевал за время своего существования.

Благодаря сноскому знанию языка авто-ру пришлось однажды быть экскурсоводом. Два наших геолога (Я.Н. Белевцев и Л.И. Шабьнин), бывшие участники годичной сессии геологического общества ГДР, попросили в выходной день показать им что-нибудь интересное. Из возможных маршрутов, которые могли бы заинтересовать наших коллег-геологов, предпочтение было отдано Веймару. Этот город стал всемирно известным не в последнюю очередь благодаря именам Гете и Шиллера. Руководство предприятия выделило для поездки автомашину и шофера, и мы благополучно выехали в направлении на Веймар.

Осмотрев город, устремились к музею Гете. Был выходной день, и музей был закрыт. Нештатному экскурсоводу хватило знания языка, чтобы упрямому штатному экскурсоводу — любезную женщину лет 50—55 — открыть музей. В течение примерно часового рассказа мы узнали от нее столько, сколько не могли бы узнать из книг, возможно, за всю оставшуюся жизнь.

Третье. К тому, что говорилось об отношениях между людьми — нами, представителями страны Советов, и гражданами ГДР, — хотелось бы добавить несколько штрихов. В этом деликатном вопросе автор не склонен выступать в роли судьи с какими-то широкими обобщениями. Речь идет только о фактах, интерпретировать которые волен читатель.

Из сказанного выше явствует, что наше сотрудничество с немецкими товарищами было вполне нормальным и носило цивилизованные формы. Что же касается организованности и порядка, то кое-что мы могли бы заимствовать у наших немецких коллег. Если же взглянуть несколько шире и выйти за рамки пространства, являющегося полем деятельности нашего заграничного предприятия, то можно заметить некоторые нюансы. Они, эти нюансы, не всегда могут трактоваться однозначно.

Неоднозначность в оценке немецких ре-алий проявилась еще при жизни немецкого поэта Г. Гейне. Его устами было произнесено

примерно следующее: «Немцы любят цветы, ручных кошечек и собачек и... виселицы». По национальности Гейне был еврей, и не ясно, произнес бы он эти слова, если бы был немцем. Вполне можно допустить, что произнес бы. Так или иначе, но отношение некоторой части немцев к этому талантливому поэту заметно прохладное. Например, увидев однажды на груди одной из наших сотрудниц (немки) значок с изображением какого-то известного человека, я спросил:

— Чей портрет вы носите на груди?

— Шиллера.

— А можно ли приобрести значок с изображением Г. Гейне?

— ? (*Гробовое молчание.*)

Во время экскурсии в Бухенвальд наша группа находилась в крематории — части гигантского конвейера по массовому уничтожению людей, узников. Все увиденное вызывало у нас головокружение и чувство тошноты. Но вот в помещение вошла очередная группа экскурсантов. Немцев. Они равнодушно слушали экскурсовода, а некоторые из них что-то жевали. Я заметил, что стоявшая недалеко от меня женщина спокойно ела боквурст (сардельку).

Однажды мы в составе группы болельщиков присутствовали на футбольном матче между западногерманской командой, кажется, из Саара, и командой «Висмут» (ГДР). После матча, проходившего на стадионе Лейпцига, вся зрительская масса, превратившаяся в огромную толпу, ринулась к выходу. В этой лавине я зацепился за что-то ногой и не устоял. Упал. И вмиг ощутил, как на меня наступают каблуками люди. Огромным усилием я возвратил своему телу вертикальное положение и был вынесен толпой к какому-то (не своему) выходу. На поиски своего автобуса ушло не менее 20 минут.

Александр Михайлович СОЛОДОВ родился 18 июля 1930 г. в Таджикистане. Окончил с отличием Московский горный институт им. И.В. Сталина в 1953 г. Был направлен на работу в Министрство среднего машиностроения. Работал в «Висмуте» с 1954 по 1959 г. в специальной проектной бригаде Г.А. Никифорова.

До сих пор живы в памяти «венгерские события» 1956 г. Эхо этих событий мы почувствовали в ГДР. Так, учтивых обычно продавцов немецких магазинов будто под-

менили. На обращения советских покупателей они никак не реагировали, а продолжали разговаривать между собой. Как будто покупателей не существовало. И это — не в единичных случаях и не в одном месте. Подобные случаи отмечались даже в магазинах, существовавших специально для нашего обслуживания. Более того, имел место случай, когда нашу грузовую машину обогнала немецкая легковушка. В момент, когда она поравнялась с грузовиком, из нее была произведена автоматная очередь. К счастью, ни одна из пуль не задела водителя, и он благополучно добрался до базы.

Вскоре, впрочем, как только венгерский кризис был исчерпан, события в ГДР вернулись в нормальное русло.

Заканчивая свои краткие воспоминания о работе в ГДР, автор испытывает чувство легкой ностальгии. В целом это было светлое пятно в жизни каждого или почти каждого из нас, работавших в стране, во многом не похожей на Россию.

Обращаясь мысленно к тем, уже довольно далеким временам, и само существование ГДР представляется чуть ли не сказочным. Но это тоже было. Было первое на немецкой земле социалистическое государство.

Да простит меня читатель за некоторые «вольности» в суждениях. Было очень правильно, если бы это государство существовало подольше. И тогда было бы яснее, какая из двух систем более правильная. Конечно, по производительности труда ФРГ превосходила ГДР. Но в последней для рядового человека делали больше. И это осознано большинством населения бывшей ГДР, которым овладело чувство страха и неуверенности в своем будущем после воссоединения с ФРГ. Это не выдумка. Об этом я узнал от очевидцев. Ни минуты не сомне-

ваюсь, что на территории бывшей ГДР до настоящего времени есть люди, верящие в идею социализма.

Александр Михайлович Солодов

А.М. Солодов

Моя работа в «Висмуте» в составе бригады Г.А. Никифорова

Известный советский театральный режиссер А. Акимов писал, что мемуары являются весьма своеобразным жанром литературы. Военные деятели в своих вос-

поминаниях, как правило, утверждают, что если бы вышестоящее командование послушалось их рекомендаций, то была бы выиграна не только отдельная операция, но

и вся война. Не отстают от них и штатские мемуаристы, чрезвычайно преувеличивающие свою роль в описываемых событиях. Поэтому я заранее прошу извинить меня, если читатели почувствуют, что меня, помимо моей воли, заносит по поводу значения собственной персоны в описываемых событиях, касающихся моей работы в «Висмуте» в составе бригады Г.А. Никифорова в течение 1954—1959 гг. Эти заметки не представляют собой что-то цельное, а являются отдельными эпизодами, нанизанными как бусинки на нить памяти. А память, как известно, вещь ненадежная, учитывая, что со времени описываемых событий прошло более полувека.

В начале 1953 г., будучи студентом-дипломником шахтостроительного факультета Московского горного института им.

Отдых за шахматами.
Георгий Андреевич
Никифоров (слева),
Лев Николаевич Миронов
(1957 г.)

И.В. Сталина, я был приглашен в одну из пустующих аудиторий, где сидел человек в штатском, который представился майором Макаровым. Кроме меня, были поодиночке приглашены еще шесть человек из нашей группы. Он вручил анкету для заполнения и взял расписку о неразглашении. В анкете были вопросы:

участвовал ли я в белом движении, был ли в эмиграции, был ли интернирован, принимал ли участие в партийной оппозиции и т.п. — по малолетству я в этих событиях принимать участие не мог. С майором было еще несколько бесед. Наступило время распределения. Всех вызывали по одному на комиссию, кроме нас семерых. Нас как будто не существовало в природе. Это очень угнетало. Через некоторое время мне сообщили, что я должен явиться в спортзал Московского механического института, расположенный на территории Павелецкого рынка, напротив Павелецкого вокзала. Сейчас и рынок, и спортзал снесены, и площадь перед вокзалом значительно увеличилась. Там мне другой «майор» объяснил, что я должен явиться в здание фабрики-кухни, расположенной на Б. Тульской улице перед мостом Павелецкой железной дороги. Там располагалась организация, которая спустя много лет, претерпев множество изменений в наименовании, стала теперь называться ОАО ВНИИПромтехнологии. Нас пятерых (двое из семи были посланы в Кривой Рог) определили в отдел шахтостроения и горной механики. Главный инженер отдела — симпатичная и строгая Надежда Алексеевна

Коллегова (выпускница МГИ 1936 г.) — после года работы сообщила мне, что я должен в составе специальной бригады под руководством Г.А. Никифорова выехать в ГДР ориентировочно на полгода.

Я познакомился с Георгием Андреевичем Никифоровым. Это был довольно молодой, очень энергичный зам. главного инженера проекта Первомайского рудника в Кривом Роге. В прошлом боевой офицер, окончивший войну в Вене, хорошо владел немецким языком.

Забегая вперед, надо сказать, что он наиболее полно отвечал качествам, необходимым руководителю бригады. Существенным недостатком стиля работы Георгия Андреевича было создание нередко нервной атмосферы, что, естественно, не влияло положительно на восприятие его сотрудниками.

Георгий Андреевич НИКИФОРОВ родился 22.01.1919 г. в г. Улан-Удэ (Бурят-Монгольская АССР). Окончил Иркутский горно-металлургический институт (1940). Горный инженер по геологоразведочной специальности. После окончания института работал горным мастером, начальником участка на шахте Ононо-Оловяницкого рудника (1940—1941, Читинская обл.). В 1941—1946 гг. служил в Красной армии, награжден боевыми орденами, медалями. После демобилизации учился в аспирантуре НИИ-9 (1946—1949). С 1951 г. работал в ПромНИИпроекте. В 1954—1959 гг. возглавлял проектную бригаду в СГАО «Висмут». За успешное проектирование и участие в реконструкции объектов СГАО «Висмут» награжден орденом «Знак Почета» (1957).

Мы выехали в ГДР 20 июля 1954 г. В Бресте случилась нестыковка, в результате чего мы смогли посетить Брестскую крепость. На другой день выехали европейским поездом, тогда смена вагонных тележек при переходе на европейскую колею еще не практиковалась. По Польше проезжали 22 июля — в День возрождения Польши. Вокзалы были украшены портретами первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута и министра обороны, маршала Польши К. Рокоссовского. Странно было видеть прославленного советского маршала в польской форме.

Прибыли в Дрезден, где нас ждал висмутовский большой скоростной автобус «Австрофиат». Развивая на автобане скорость до 100 км/час, он за час доставил нас в Зигмар, где мы разместились на вилле на Паркштрассе, 2. Официально улица почему-то называлась Менделеевштрассе.

На следующий день нас представили в 3-м управлении и разместили по отделам. Я попал в горный отдел, где большинство сотрудников, начиная с начальника отдела В. Овчинникова, были выпускниками Московского горного: Ю. Дмитриев, И. Назаров,

Л. Стариков, А. Ягнаков. Кроме того, здесь работали: донбассовец В. Шарاپов, свердловчанин Н. Шведов и еще один уралец, фамилию которого я, к сожалению, не помню. Позднее к ним присоединился выпускник Московского цветмета А. Петросов (впоследствии — доктор технических наук, профессор Московского горного института). Обстановка в отделе была очень благожелательной по отношению друг к другу, и мы плодотворно сотрудничали.

Некоторое время спустя меня и Е. Котенко отправили во Фрайталь для ознакомления с состоянием горных работ на участках Фрайталя, Гиттерзее, Банневиц.

Эти данные были необходимы для составления бригадой заключения о дальнейшей целесообразности разработки этого чрезвычайно опасного в газовом отношении угольного месторождения. Нас хорошо приняли руководитель небольшого остававшегося на Объекте коллектива О. Колоколов (впоследствии профессор, доктор технических наук Днепропетровского горного института) и выпускник Ленинградского горного института Вадим Михайлович Мельниченко. Благодаря их содействию мы в течение двух недель выполнили свое задание, что вошло частью в заключение бригады. Предлагалось передать эксплуатацию рудника немецкой стороне, сжигать уголь на одной электростанции и передавать золу на обогатительную фабрику «Висмута». В таком режиме рудник проработал до 1959 г.

Евгений Александрович КОТЕНКО родился в 1930 г. в г. Ейске Краснодарского края. Окончил Московский горный институт в 1953 г. и был направлен на рудник Майли-Су. С 1954-го по 1948 г. работал в СГАО «Висмут» в проектной бригаде Г.А. Никифорова ПромНИИ-Ипроекта. С 1960 г. — зам. главного инженера проекта и одновременно начальник проектной бригады рудников Учхудука и Мурунтау. Лауреат Государственной премии СССР, профессор, доктор технических наук. Позднее — первый вице-президент Академии горных наук РФ, член Союза писателей РФ, автор многих стихотворных сборников и прозаических произведений.

К концу 1954 г. деятельность бригады была перенесена на рудники Роннебургского рудного поля в Тюрингии (Шмирхау, Лихтенберг, Пайцдорф, Ройст). Первые три разрабатывались небольшими шахтами до горизонта 120 м. Большие запасы и низкое содержание металла в руде требовали извлечения большого количества горной массы и применения систем разработки, в корне отличных от систем, применяемых на жильных месторождениях Саксонии. Проектное задание должна была делать Москва, что заняло бы очень много

времени. По инициативе Г.А. Никифорова на основании имеющихся данных бригада составила проектные соображения, которые шеф доложил на техсовете «Висмута». После оживленного обсуждения было принято решение немедленно начать строительство рудника Шмирхау с проходки вертикальных стволов, не дожидаясь окончания разработки проектного задания. Это решение заключало в себе значительную долю риска, но позволило начать строительство на полгода раньше.

В конце декабря 1954 г. состоялся разговор Г.А. Никифорова со мною и Е. Котенко. Он спросил, можем ли мы выпустить проекты проходки вертикальных стволов по параллельной схеме производства работ на руднике Шмирхау, если он получит рабочие чертежи основного проходческого оборудования из Союза, примененного им на проходке ствола «Северная Вентиляционная» в Кривбассе. Надо сказать, что, находясь в 1952 г. на практике в Кузбассе, я продолжительное время проработал горным мастером на проходке клетового и скипового стволов шахты №12 им. Л.М. Кагановича (впоследствии — шахта им. XXV съезда КПСС), проходимых по параллельной схеме шахтоуправлением «Черкасов Камень» комбината «Кузбассшахтострой» вблизи г. Киселевска. Поэтому на вопрос последовал наш ответ: да, можем. Чертежи были получены, изучены нами и переданы для изготовления оборудования на завод №536, где его руководитель А.А. Пшеничный быстро и качественно организовал его изготовление в двух экземплярах для клетового и скипового стволов рудника Шмирхау (стволы №367 и 368). В этот момент возникла непредвиденная ситуация. Узнав о наличии двух комплектов оборудования, А. Стариков без нашего ведома обратился к гендиректору В.Н. Богатову с просьбой передать один комплект для реконструкции ствола №366 на Альбероде с целью переделки прямоугольного ствола на круглый диаметром 5,5 метра. Гендиректор дал согласие, а шеф, узнав об этом, закатил мне разнос, как будто бы оборудование было у меня на материальном хранении. В итоге пришлось заказать третий комплект, в результате чего проходка более глубокого скипового ствола №368 началась позднее.

Так как немецкими правилами безопасности не предусматривалась параллельная схема сооружения стволов, я и один сотрудник бригады были посланы Г.А. Никифоровым на народное предприятие «Шахтбау» в г. Нордхаузен с целью получения отзыва на проект от единственной в республике шахтостроительной организации. Однако дирекция «Шахтбау» (доктор Арнольд, позднее профессор Фрайбергской горной академии) уклонилась от оценки проекта и ограничилась лишь выражением интереса, вызываемого осуществлением этой работы.

Е.А. Котенко

Некоторое время проходкой этих стволов руководил криворожанин Симченко. Это было самое трудное время освоения немецкими бригадами параллельного способа проходки. Благодаря разъяснительной работе ситуация нормализовалась и была достигнута скорость 58 м/мес., в то время как на немецких шахтах этот показатель не превышал 30 м/мес. Это событие отмечалось в прессе.

Ко мне обратился с просьбой о помощи глубоко уважаемый мной В. Овчинников. У них не ладятся дела на площадке шахты №366 с изъятым у нас комплексом. Я не могу ему отказать, да и обида притупилась. Мы с ним едем на промплощадку и на месте быстро решаем вопросы приспособления оборудования для ствола диаметром 5,0 м к стволу диаметром 5,5 м.

А. Солодов (второй слева) и В. Овчинников с коллегами

В августе 1955 г. я и Б. Дудников выпустили проект проходки фланговых вентиляционных стволов №369 и 370 рудника Шмирхау. Если первые стволы проходили на оборудовании, который не подвергся изменениям, то здесь на основании опыта проходки стволов №367 и 368 были внесены коррективы. Откатка

породы в вагонетках была заменена на транспорт самосвалами и впредь применялась на всех вновь проходимых стволах. Кроме того, только на этих стволах удалось сохранить проходческие подъемные машины с диаметром барабана 3,0 м в качестве постоянных, что позволило избежать сноса машинных зданий, демонтажа машин и сооружения их на новом месте, что не всегда удается при проходке круглых стволов и значительно уменьшило стоимость строительства. Все стволы за исключением №369 были пройдены без осложнений. В этом стволе была встречена линза каолина, порой занимавшая до 80% сечения ствола. Пришлось срочно заменять все временное крепление постоянным, и, к счастью, при дальнейшей углубке забоя линза вышла из сечения ствола. Если бы ствол был заложен на 5—20 м южнее, никаких бы осложнений не встретилось.

К этому времени относится отделение от шахтостроительного Объекта 11 в Лаутере Объекта 17 в Гере (начальник — Ларионов), занимающегося производством горно-капитальных и строительно-монтажных работ на рудниках Роннебургского рудного поля. С сотрудниками объекта Толмачевым и Долгополовым установились хорошие деловые

контакты, помогавшие решать все текущие проблемы.

Для ускорения разведочных работ на горизонте 120 м шахты №358, с которым должен был сбиться ствол №367, были заложены две разведочные слепые шахты на одну одноэтажную клеть с противовесом.

В марте 1956 г. мной и Е. Котенко был выпущен проект проходки сдвоенных стволов №374 и 374-бис на руднике Ройст. В отличие от предыдущих проходок эти стволы были оборудованы бадьями емкостью 1,5 куб. м вместо применявшихся ранее 1,0 куб. м. Это позволило достигнуть скорости проходки 123 м/мес. Но наивысший результат в «Висмуте» — 155,5 м/мес. — был достигнут на стволе №371 с оборудованием, спроектированным 3-м управлением (М. Алексеев и А. Куракин), коллективом под руководством специалистов треста «Сталиншахтопроходка» («Донецкшахтопроходка») З.Ш. Мустафина и Бондаренко.

Подводя итоги деятельности бригады за этот период, помимо внедрения в «Висмуте» первых круглых стволов и параллельной схемы производства работ при их проходке, необходимо отметить переход на вагонетки емкостью 1,5 куб. м вместо 0,65 куб. м, применение подъемных машин с диаметрами барабанов 4,0 и 6,0 м вместо 3,0 м (Е. Котенко). Впервые в практике «Висмута» была спроектирована и построена железнодорожная ветка нормальной колеи, осуществившая связь рудника Шмирхау с государственной сетью железных дорог (Игорь Горн). Это позволило впоследствии вывозить руду железнодорожным транспортом на строящийся под руководством бригады гидрометаллургический завод в Зелингштедте (В.П. Шулика, Л.И. Ильина). Завершились успехом работы в опытных блоках, позволившие выбрать наиболее подходящие системы разработки с учетом опасности возникновения эндогенных пожаров (Володя Марцев, Борис Забелин). Выполнен проект отработки карьера Кульмич (Виктор Воскобойников, Игорь Ильичев, Евгений Пальчиков). Над проведением всех этих работ бригада осуществляла авторский надзор.

В конце июля 1956 г. после двухлетнего пребывания в «Висмуте» я уехал в Москву, где получил первый отпуск за три года работы после окончания института. Затем последовали венгерские события, и я оказался в «Висмуте» в мае 1957 г. В это время резко возрос объем горно-капитальных работ на рудниках Роннебургского рудного поля — проходились стволы с №375 до 380, рудничные дворы, скиповый комплекс ствола №368, сбойки с выработками горизонта 120 м существующих шахт. Проходкой стволов в это время руководили опытные горняки — Тонких (впоследствии начальник главка в Минтрансстрое) и метростроевец Горяистов (позднее работник института Мо-

свинжпроект). Последней проходкой, спроектированной бригадой по просьбе 3-го управления, был проект сооружения ствола №208w (А. Солодов и М. Шустров), выполненный для объекта в Саксонии.

В марте 1959 г. я выехал в Союз и поступил в аспирантуру Московского горного института. В 1971 г. на кафедру физико-технического контроля производства, где я работал после защиты, приехал на 10-месячную стажировку доктор (по-нашему — кандидат технических наук) Рольф Штоль из института геофизики Фрайбергской горной академии.

Впоследствии он работал в НТЦ «Висмута» и защитил вторую диссертацию, став доктором наук в нашем понимании. Мы провели работу, которая легла в основу совместного доклада на ежегодно проводимом во Фрайберге Дне горняка и металлурга 21—24 мая 1974 г., в связи с чем я оказался во Фрайберге. Присутствующий там от «Висмута» бывший аспирант нашей кафедры Ильшат Абдульманов передал приглашение сотруднику МГИ посетить «Висмут». Приглашение было с благодарностью принято профессорами Н. Картавым, Р. Подерни и мной, и мы оказались в Зигмаре, где нашим пребыванием руководил зам. главного инженера Александр Витальевич Балдин. Мы посетили рудник Шмирхау, находившийся в то время на реконструкции, Пайцдорф и Беервальде, производившие на нас очень хорошее впечатление. На следующий день были на руднике Нидершлема-Альберода, где осмотрели комплекс оборудования для кондиционирования воздуха, и, спустившись по стволу №371 и двум слепым стволам, оказались на глубине около 2 км (самые глубокие горные работы в Европе). Это было мое последнее посещение «Висмута».

В 1956 г. в 3-е управление пришли работать выпускники Фрайбергской горной академии — холодно-официальный Хайнц Ханске и жизнерадостный, коммуникабельный Гюнтер Барт. В 1974 г., когда я находился во Фрайберге на Дне горняка и металлурга, опекающий меня Рольф Штоль свел меня с Гюнтером, который к этому времени был уже проректором Фрайбергской горной академии по учебе и воспитанию. Встреча была радостной и полной воспоминаний.

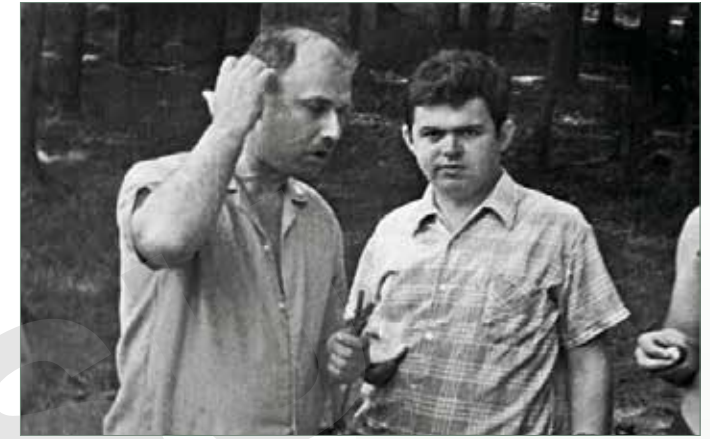
В 1975 и 1977 гг. по приглашению Р. Штоля и Г. Барта я приезжал с женой на машине во Фрайберг и, будучи независимым в транспортном отношении, посетил все памятные для меня города и веси. Включая Берлин. До сих пор храню памятный сувенир от Гюнтера — редкий, исчезающий вид искусств Рудных гор — литые оловянные фигурки средневековых саксонских горняков, работающих в забое под землей, на поверхности, на обогатительной фабрике и дефилирующих на горном параде.

В свою очередь я пригласил Гюнтера с женой Кристиной посетить Москву. По приезде предоставил в их распоряжение свою квартиру, где они проводили время со своим сыном Андреасом, оканчивавшим в то время обучение в Московском университете по специальности «геохимия». Гюнтер также приезжал в Москву в качестве руководителя делегации Фрайбергской горной академии на юбилей Московского горного института. В начале девяностых годов я спросил у членов делегации из Фрайберга, как поживает Гюнтер Барт? В ответ мне ледяным тоном ответили, что они не знают такой фамилии и ничего не могут мне сообщить. Я подумал, что не всем объединение Германии принесло лучшие времена.

Появился немецкий главный инженер проекта по Шмирхау — Брюкнер. Входя в курс дела, приступая к новым для него обязанностям, он с большим уважением и вниманием прислушивался к мнениям всех сотрудников, работающих по тематике его объекта.

В конце 1958 г., когда нашу бригаду влили в состав 3-го управления, в моей комнате расположились проектировщики — горняки Рихтер (по прозвищу Зееле — «душа»; я заметил, что немцы любят давать шуточные, ласковые прозвища), Мюллер и Хомбург. Хотя они работали по саксонским объектам, а я по тюрингским, ежедневное общение, сравнение советских и немецких методов ведения горных работ нас взаимно обогащали. По примеру моих соседей я обзавелся коротким белым халатом — униформой проектировщиков — и внешне ничем не отличался от немецких коллег.

Руководство общества часто организовывало технические экскурсии на народные предприятия ГДР горного профиля, что значительно расширяло представление о стране пребывания. Делегация во главе с главным инженером Алексеем Александровичем Александровым посетила Мансфельдский меднорудный комбинат в г. Эйсleben, где на значительной глубине разрабатывался пласт руды мощностью всего 0,3 м. Вагонетки с рудой емкостью 0,3 куб. м на длинных платформах широкой колеи поднимались

А.М. Солодов, д-р Рольф Штоль, геофизик из Грюны. Деловой разговор на пикнике

Г. Барт

Аугустусбург, у станции канатной дороги, август 1957 г. Пробег на велосипедах: А.М. Солодов, И. Васильева, Е. Винокуров, И. Ильичев, Н. Ильичева, Е. Тихонов, И. Котенко, Е. Пальчиков

на уровень руддвора по уклону по речной дороге мощным электровозом. На руддворе стволушкой двумя груженными вагонетками выбивал на ходу две порожних из неостанавливающейся шестиэтажной клетки. В это же самое время стволушкой на поверхности делал то же, меняя две груженые вагонетки на порожние, что производило сильное впечатление в отношении синхронности действий.

Представляло интерес ознакомление с оловянным рудником Альтенберг-Циннвальд, где рыхлое рудное тело, залегающее в чаше твердых пород, и будучи пронизано большим количеством выработок, проходивших ранее, в XIX веке, обрушилось и самозмельчилось. С горизонта, расположенного ниже, в устойчивых породах, проходились восстающие рудоспуски и выпускалась руда.

Во Фрайберге мы посетили свинцовый комбинат «Бляйэрцгрубе Альберт Функ» — последнее горное предприятие района.

В Зайдлице-Лютхайне на неглубоких подземных работах лопатками, насаженными на отбойные молотки, добывался высоко-

качественный каолин, являющийся сырьем для всемирно известной Мейсенской фарфоровой мануфактуры.

Угольные шахты им. К. Маркса (Цвиккау) и им. К. Либкнехта (Ольсниц) работали на большой глубине (около 800 м). На шахте им. К. Маркса с одной стороны копра была установлена современная подъемная машина, работающая по системе «генератор — двигатель», а с другой — паровая машина, изготовленная в 1911 г. на заводе «Кенигин Мариенхютте», в наше время — завод №536 «Висмута».

Интересным было посещение шахты им. Э. Тельмана в Кайзероде, где добываемые калийные соли транспортировались в громадных вагонетках емкостью 5,0 куб. м посредством бесконечной канатной откатки, рабочие перевозились на армейских полноприводных грузовиках, а ИТР — на мотоциклах со снятыми задними сиденьями.

При посещении проходки вертикального ствола «Мартин Хооп IX» (с обертштейгером Шредером) на угольной шахте под Цвиккау увидели настоящую архаику — бобинную подъемную машину с плоскими канатами. В то время как в самом Цвиккау работала канатная фабрика, выпускающая некрутящиеся круглые канаты, используемые при проходке всех вертикальных стволов.

Хорошее впечатление производила организация открытых работ по добыче бурого угля — основного энергоносителя в республике — на карьерах Мюхельн и Эспенхайн.

В целом посещаемые предприятия с подземными работами представляли собой скорее музеи горной техники с отдельными интересными техническими решениями. Горное дело в Германии шло к упадку. Закрывались полиметаллические рудники в Рудных горах, угольные шахты в Руре. Постиндустриальная эпоха ясно доказывала, что экономически выгоднее закупать полезные ископаемые в развивающихся странах, чем развивать горное дело у себя. «Висмут» на этом фоне выглядел современным предприятием, использующим самые передовые технологии производства работ.

Профком часто организовывал интересные экскурсии с посещением исторических и культурных объектов в городах Дрезден, Лейпциг, Мейсен, Веймар, Фрайберг, Потсдам и мест массового отдыха: Саксонская Швейцария, Обервизенталь, Крибштайн, Аугустусбург.

В связи с особым режимом Берлина его посещения были крайне редки. В канун 1955 г. бригаде в виде поощрения разрешили посетить Берлин. Прежде всего мы

побывали на Парижской площади с Бранденбургскими воротами. Это была зональная граница с английским сектором. Через колоннаду ворот просматривалась широкая прямая улица, в конце которой высилась Колонна Победы². Эта улица позднее была провокационно переименована в улицу 17 июня 1953 г. — дата первого послевоенного мятежа в социалистическом лагере. Это название улица носит до сих пор. Как нам рассказали, во время мятежа на квадриге Бранденбургских ворот западными провокаторами был установлен агитационный громкоговоритель, который был сметен артиллерийским снарядом вместе с квадригой, и на ее месте было установлено красное знамя.

Мы осмотрели расположенное рядом советское посольство, прошли по улице Унтер-ден-Линден («под липами»), посетили Дрезденскую галерею, находившуюся на Музейном острове, поскольку восстановление дворца Цвингер в Дрездене не было закончено. Он будет восстановлен к лету 1956 г., к 750-летней годовщине города. Было также посещение советского мемориального кладбища в Трептов-парке.

Хотя Рейхстаг находился совсем близко, и печально известной Берлинской стены еще не было, мы не могли подойти к нему — он находился в английском секторе. А жаль: это был великолепный памятник нашей воинской славы.

В октябре 1954 г. на торжества, посвященные пятилетию Республики в ГДР, прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с первым заместителем председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел В.М. Молотовым. В состав делегации входил член ЦК КПСС П.Н. Поспелов. Спустя несколько дней в сопровождении министра-президента (председатель Совета Министров ГДР) Отто Гротеволья они прибыли в Зигмар, где их встречал генеральный директор «Висмута» В.Н. Богатов.

Во Дворце культуры для немцев была организована встреча с делегацией. Толпа немцев и небольшая группа русских, прорвав оцепление, ворвалась во дворец и устремилась на балкон, который, к счастью, был пуст, и моментально заполнила его. Первым выступил В.М. Молотов, речь которого переводилась на немецкий язык. Затем выступил Отто Гротеволь. Опытный оратор, он начал свое выступление с горняцкого приветствия «Глюк ауф», на что зал ответил приветственным ревом. Речь Гротеволья не переводилась. По ее окончании все присутствующие встали и, сцепившись согнутыми в локтях руками, запели немецкую народную песню Vogelbeerbaum («Рябина»), причем во время пения ряды поющих раскати-

вались в противофазе по отношению друг к другу. Не зная слов, мы синхронно открывали рты и подтягивали мотив.

Дворец культуры широко использовался для проведения торжественных мероприятий, молодежных вечеров и встреч с интересными людьми. В памяти сохранились впечатления о встречах с прославленным полярным и военным летчиком М. Водопьяновым и председателем судебного комитета крейсера «Аврора» во время Октябрьской революции А.В. Бельшевым.

Летом 1958 г. в составе большого коллектива мы прибыли в Берлин для участия в спортивных соревнованиях. Остановились в Карлсхорсте, в гостинице «Волга», где висмутяне жили всякий раз, прибывая в Берлин. Вечером мы, пять человек, пошли прогуляться по длинной улице, пока не остановились перед чем-то знакомым зданием, стоящим в торце улицы. Вдруг память подсказывает мне, что это здание военно-инженерного училища, где подписывалась капитуляция Германии. Обращаюсь с вопросом к часовому, тот моментально вызывает начальника караула. Появляется представительный майор. Объясняю ему, что мы хотели бы осмотреть исторический зал. Отвечает, что ничего здесь нет. Я настойчиво прошу его еще раз. В ответ меня просят предъявить документы. Вид штатских, одетых под немцев, с консульскими удостоверениями с местом работы в воинской части, видимо, произвел на него должное впечатление, и, вызвав разводящего, он приказал провести нас к внутреннему дежурному. Тот, скучая от субботней

В.Н. Богатов (слева) и В.М. Молотов (справа)

Берлин, декабрь 1955 г. Бранденбургские ворота. Квадрига сбита артогнем в июне 1953 г. И. Васильева, Л. Троцкая, Н. Солодова, Н. Борцова, И. Горн, А.М. Солодов

Рейхстаг. Берлин, 1957 г. Б. Забелин, И. Ильичев, В. Марцев, И. Васильева, К. Силаева, М. Сучкова, В.И. Белов, А.М. Солодов

На фото слева: О. Гротеволь и В. Молотов поют вместе с залом

На фото справа: Колонна рабочих «Висмута» на демонстрации

тишины, чрезвычайно обрадовался нам и показал все, что представляло интерес. В то время, как выяснилось, здесь располагалась военная комендатура Берлина. Таким образом, мы посетили историческое место задолго до открытия там общедоступного музея.

В канун Первомайских праздников 1956 г. нам предложили принять участие в демонстрации горнорабочих «Висмута» в Карл-Маркс-Штадте. Все участники были в рабочей спецодежде, в касках с лампами-«надзорками» на головах.

Русских поставили в голову колонны. Когда мы были на подходе к площади, первый секретарь окружкома Карл-Маркс-Штадта Социалистической единой партии Германии Алоиз Бройтигам спустился с трибуны и прошел вместе с нами по площади. Это нас приятно удивило.

Спорт в «Висмуте» был широко представлен различными видами. Организацией спортивных мероприятий руководил начальник ПТО, затем главный инженер «Висмута» Н.И. Чесноков (выпускник МГИ 1943 г.). Его правой рукой был сотрудник 2-го управления Л. Лапушкин. Волейбол в ГДР тогда не был еще достаточно развит, и команда Гендирекции, состоящая из игроков-разрядников, уверенно обыгрывала команды институтов физкультуры, фактически превращая встречи в мастер-классы. Легкоатлетические футбольные и городошные команды были на всех объектах и регулярно встречались между собой. Два раза в год проводились общие соревнования.

Я занимался плаванием в бассейне «Спортпаласа» (Дворца спорта), но принимать участие в соревнованиях стеснялся. Однажды на нашу виллу прибыл Лева Лапушкин на чесноковском «меркьюри» и передал просьбу Николая Ивановича принять участие в соревнованиях, так как не хватало человека в команде пловцов. Игнорировать такой знак внимания шефа я не мог, и при-

шло мне ехать. Как ни странно, в своем заплыве, отставая вначале, я занял второе место, а в эстафете 4 x 100 м в составе команды — первое. Там я впервые выступил в одной команде с очень разносторонним спортсменом Сашей Балдиным. В дальнейшем наша команда, состоящая из четырех человек, где я был третьим (лучше меня плавал Саша и еще один пловец, работавший в Гендирекции, фамилию которого я, к сожалению, запаматовал) на восьми соревнованиях семь раз занимала первое место.

В 1957 г. сложился коллектив охотников и рыболовов во главе с Борисом Забелиным. Это был любитель на уровне профессионала, а может быть, он и был профессионалом. На его примере ярко подтверждалась поговорка — на ловца и зверь бежит. Крупный зверь всегда выходил на него, он ловил самую большую рыбу. На наших глазах весной в озере Крибштайн он поддел на крючок и выудил крупного золотистого линя — рыбу не хищную и не лоящуюся на спиннинг. В отличие от большинства удачливых охотников, которые хвалятся своими трофеями, Борис стеснялся своих успехов, стараясь держаться в тени. Несмотря на это, в окружной газете «Фольксштимме» появилась статья под названием «Как Борис убил дикого кабана», отмечающая мастерство охотника.

Немецкие охотники часто приглашали нас в свои уголья с просьбой помочь им в выполнении плана, который был для них велик. Помощь всегда происходила за счет многочисленных трофеев Бориса, который давал возможность менее удачливым и начинающим вроде меня принести один-два трофея.

В охоту меня вовлек Володя Марцев. Он и Аркадий Петросов были прекрасными стрелками. Поэтому, когда коллектив получил наряд на изготовление бокфлинта (двустволка с вертикальным расположением стволов) знаменитой фабрикой «Гебрюдер Меркель» («Братья Меркель»), этот наряд был единогласно передан Володе.

Он попросил меня сопровождать его в поездке в г. Зуль. Фирма располагалась в типичном двухэтажном жилом фахверковом доме. К нам вышли два старых «гебрюдера». Братишки обмерили Володю, и через некоторое время он получил прекрасное ружье. Задним числом возникает любопытный вопрос: не являлись ли «гебрюдеры» родственниками современной фрау бундесканцлерин Ангелы Меркель?

Охотились мы на уток в районе Баутцена, на зайцев — под Фрайбергом (недалеко были видны шахтные копры), на козлов — у Риттерсгрюна (в районе чешской границы) и в других местах. Надо сказать, что при очень большой плотности населения дичи было очень много, что свидетельствует о большом внимании и бережном отношении к природе в ГДР.

Новичкам везет. На первой охоте первым выстрелом я подбиваю утку. С неприятным чувством вижу, что она падает прямо на меня. Пытаясь избежать последствий, двумя руками поднимаю ружье над головой. Утка падает в воду в двух метрах от меня. На обратном пути в автобусе с волнением рассказываю о моих переживаниях. В тишине звучит заключение Бориса: настоящий охотник должен выдерживать падение медведя с высоты 25 метров. Громовой раскат хохота сотрясает автобус.

Едем куда-то вдвоем с шефом. Навстречу нам молоденькая фройляйн с трудом вращает педали мопеда. Шеф останавливает девушку и, указывая на меня, говорит, что у него есть прекрасный механик, который сможет быстро починить ее мопед. Фройляйн доверчиво его вручает мне, никогда не имевшему дела с ремонтом мототехники. Наугад выворачиваю свечу зажигания и, о радость, вижу, что металлическая стружка, приварившись, перемкнула электроды, не давая возможности образоваться искре. С трудом отдираю стружку, вставив свечу, завожу мотор и отдаю мопед хозяйке. Подпрыгивающая от радости фройляйн целует меня и исчезает в клубах выхлопных газов. Краем глаза вижу растерянно-досадное выражение на лице шефа — розыгрыш не удался.

В перерыве вместе с моими коллегами рассматриваем журнал, который в настоящее время назвали бы гламурным. Сталкиваемся с незнакомым для меня словом *sexbotme*. Видя мое непонимание, коллеги просят меня объяснить, как я представляю себе смысл этого слова. Меня вводит в заблуждение фонетическое сходство произношения слов *sex* и *sechs* (шесть), и я говорю, что, по-моему, это женщина, обладающая шестью достоинствами. Корчащиеся от сдерживаемого смеха коллеги

просят назвать эти достоинства. С трудом перечисляю: красота, изящество фигуры, ум... явно не дотягивая до заявленных шести достоинств. Под уже не сдерживаемый общий хохот Зееле-Рихтер объясняет мне значение этого нового для меня слова. От смущения готов провалиться сквозь землю, но почему-то не проваливаюсь.

Заканчивая свои отрывочные заметки, мне не хотелось бы, чтобы у читателя возникло впечатление о каком-то безоблачно-радостном существовании во время работы в «Висмуте». Бывали и трудные ситуации, и промахи. Как сказал философ: жизнь состоит из цепи неудач с редкими проблесками удач, и с ним нельзя не согласиться. Но память со временем отфильтровывает негативное, и годы работы в «Висмуте» представляются очень счастливыми.

P.S. В связи с 80-летием Московского горного института (ныне — Московский государственный горный университет) группа сотрудников в составе Е. Котенко, В. Курносова, А. Петросова, Б. Филимонова, А. Солодова, работавших в пятидесятые годы в СГАО «Висмут», по представлению ректората и при поддержке Н.И. Чеснокова была в 1998 г. награждена Минатомом РФ почетными знаками «Шахтерская слава».

После объединения Германии Карл-Маркс-Штадт, оплот рабочего движения в Саксонии, административный центр «Висмута», как сообщалось, по просьбе рабочего класса (?) стал опять называться Хемницем. СГАО «Висмут» было преобразовано в общество с ограниченной ответственностью «Висмут», занимающееся санацией и рекультивацией площадей, изъятых в свое время из хозяйственного оборота в результате деятельности СГАО.

Берлин, 1958 г.
Саша Солодов, Саша Балдин,
Боря Забелин

В.В. Марченко

Вячеслав Васильевич Марченко

Вячеслав Васильевич МАРЧЕНКО окончил Свердловский горный институт (1953). Работал на геологических поисках, разведке и разработке рудных месторождений Казахстана, Урала и в зарубежных странах. Доктор геолого-минералогических наук, заслуженный геолог Российской Федерации, лауреат Государственной премии.

Работа в СГАО «Висмут»: 1958—1959 гг. — главный геофизик Объекта 90 (Гера); 1960—1962 гг. — главный геофизик Объекта 9 (Ауз); 1965 г. — старший геофизик Дрезденской ГРЭ; 1966—1971 гг. — главный геофизик Центрального геологического предприятия (ЦГП).

Геологические и геофизические работы в «Висмуте»

СГАО «Висмут» было одним из крупнейших в мире уранодобывающих предприятий. За довольно короткий исторический срок на территории Саксонских Рудных гор, Фогтланда и Восточной Тюрингии советскими геологами были открыты и разведано около 70 месторождений, в том числе два уникальных по своим запасам.

Германские геологи провели ревизию старых месторождений Рудных гор и оценили общие возможные запасы урана в 15 тонн металла. В 1940—1944 гг. германские горные предприятия добывали в небольших количествах урановую руду в Шнееберге и Иоганнгеоргенштадте.

О радиоактивных рудах в Саксонии, разумеется, знали немецкие геологи, которые по заданию властей искали сырье для германского секретного оружия в начале войны. Радиометров тогда еще не было, поиски руд проводили визуально, а высокая концентрация радона в воде источников привела немецких поисковиков к выводу, что вся масса урана уже «разложилась», перейдя в газовую, радоновую фазу.

Поиски прекратили, а Рудные горы объявили неперспективными для атомного проекта.

Нередко в западной периодической и специальной геологической печати можно встретить суждения о том, как «повезло» советским экспертам и геологам после Второй мировой войны. Они обнаружили в Саксонских Рудных горах и Восточной Тюрингии уникальные урановые месторождения с громадными запасами, третьими по своей величине в мире.

Возникает вопрос «А почему же сами немецкие исследователи не смогли найти эти месторождения на своей территории, тем более что Германия имела в 1940—1945 гг. свой атомный проект?»

Хотя в Саксонских Рудных горах были известны многие урановые рудопроявления, не было соответствующей оценки величины их запасов. По заданию Советской военной администрации профессора Горной академии д-р Шумахер и д-р Эккерляйн представили анализ урановых ресурсов Рудных гор и дали «отрезвляющий результат»

(*ernuchterenden Ergebnis*): 80—90 тонн урана для Иоганнгеоргенштадта как места самого высокого запаса (потенциала).

Однако через полгода геологических поисков и тщательной ревизии старых шахт и горных выработок запасы урана советскими геологами были увеличены более чем в 100 раз. Было открыто крупнейшее в мире гидротермальное жильное месторождение Нидершлема-Альберода. А еще через два года, в 1949 г., было обнаружено и разведано целое рудное поле больших урановых месторождений в черных сланцах у Роннебурга. В конечном итоге общие разведанные геологические запасы здесь достигли гигантских размеров.

Так что же это: «везение», случайность или результат теоретического прогноза и целенаправленного геологического исследования?

Поскольку это принципиальный вопрос, постараемся ответить на него более подробно.

Известно, что российская, а затем и советская геологическая школа всегда отличалась детальным предварительным научным прогнозом исследуемой территории (на основе анализа ее металлогении, структурных особенностей и пр.) и четкой прикладной направленностью последующих геологических поисковых работ. Именно на этих принципах в довоенное время были опойсканы большие территории Советского Союза и открыты многочисленные рудные месторождения. К началу Великой Отечественной войны страна была обеспечена всеми необходимыми видами минерального сырья. Таких темпов геологических поисков и разведки не имелось ни в одной стране мира в то время.

Возвращаясь к вопросу об уране, отметим следующее. Еще в 1912 г. академик В.И. Вернадский указывал на «необходимость исследования радиоактивных минералов в Российской империи». В 1940 г. по его предложению была создана Комиссия по проблемам урана Академии наук СССР.

Вопросы геологии урана освещались в трудах Л. Семяникова (1899 г.), К.И. Богдановича (1912 г.) и других исследовате-

лей. Особенно плодотворными были работы В.А. Обручева (1929 г.), С.С. Смирнова, А.Е. Ферсмана, А.Г. Бетехтина, А.П. Виноградова, И.Ф. Григорьева, В.И. Смирнова (1930—1940-е гг.), Н.П. Лаверова, Ю.М. Дымкова, В.Г. Мелкова, Л.Ч. Пухальского и др.

Наши специалисты — теоретики и практики — тщательно изучали труды немецких ученых, в частности работы К. Шиффнера «Урановые минералы Саксонии», «Радиоактивные источники Саксонии» и др. (1908—1913 гг.). Следует отметить, что он обнаружил в штольне у Обершлемы урановые руды. Представляли интерес публикации: К. Дальмера «Жильные формации Рудных гор» (1896 г.), А. Пургольда «Урановые руды Иоганнгеоргенштадта» (1883 г.), Р. Шрайтера «Рудные жилы Мариенберга» (1927 г.), К. Кайля «Изучение Co-Ni-Ag в рудных жилах» (1931 г.), Х. Шнайдерхена «Рудные месторождения» (1941 г.) и др.

Однако, несмотря на такие исследования, промышленных месторождений для добычи урана в то время в Саксонских Рудных горах немецкими геологами обнаружено не было. Попытки начать такую добычу в 20—30-е гг. прошлого века в районе Нидершлага были неудачны. Уран добывался лишь попутно с другими рудами в небольших количествах.

Причина, видимо, заключалась в различии теоретических и прикладных геологических школ — германской и советской — в то время.

Немецкие геологи детально исследовали отдельные проблемы минералогии, геохимии, процессы формирования рудных жил, парагенезы минералов, радиогидрогеологии и др., не увязывая все это в едином обобщении и взаимосвязи.

В основе советской геологической школы был комплексный подход, с учетом анализа геотектонических особенностей и общей металлогении региона. Такой подход позволил теоретически, с новых позиций, оценить высокую геологическую перспективность Рудных гор нахождение в них крупных урановых месторождений.

Одновременно с ревизионными работами по всей территории Рудных гор, Фогтланда и Восточно-Тюрингского поднятия широко проводились геологические поиски с применением специальных съемок: гамма-радиометрической (измерение радиоактивности почвы) и эманиационной (измерение концентраций газа радона в почвенном воздухе).

Эти работы позволили выявить большое количество аномалий, детальные исследования которых с применением горных работ (шурфов, канав и штолен) привели к открытию новых месторождений, в том

числе крупнейших месторождений в сланцах нижнего палеозоя (Роннебургское рудное поле и др.). При этом нашими специалистами были разработаны новые методики геофизических измерений и способы интерпретации их результатов. Многие сделали для этого выдающийся ученый, теоретик и практик, Леонид Чеславич Пухальский — первый главный геофизик СГАО «Висмут».

За 45 лет деятельности СГАО «Висмут» советскими специалистами здесь было открыто 69 месторождений урана (из них два уникальных по запасам).

В пределах довольно небольшой территории (3 тыс. кв. км) геологами были найдены и разведаны месторождения самых различных типов: гидротермальные в рудных жилах Рудных гор, осадочно-метаморфогенные в черных сланцах палеозоя Северо-Восточной Тюрингии, в меловых песчаниках Эльбтальского грабена, в карбонатах цехштейна, в нижнепермских каменных углях Северо-Восточных Рудных гор и в вулканитах Северо-Западной Саксонии.

Большой вклад в первый период проведения поисков и разведки новых рудных объектов, в период становления и развития геологической службы СГАО «Висмут» внесли советские и немецкие геологи и геофизики: Р.В. Нифонтов, Д.Ф. Зимин, Г.Н. Котельников, Л.Ч. Пухальский, Г.К. Жуков, С.А. Шафранов, А.В. Сорокин, И.И. Толмачев, Ю.А. Кремчуков, Г.Г. Солопов, В.И. Смирнов, Н.С. Зонтов, Ю.А. Арапов, Ю.С. Данилов, К. Мюллер и многие, многие другие специалисты и ученые.

Наряду с проведением поисков и разведки происходило становление рудничной геологической службы на шахтах и карьерах. На каждой шахте было необходимо вести геологическую документацию горных выработок и очистных работ, рассчитывать прирост запасов металла и величину его отработки, учитывать потери и непрерывно отслеживать запасы металла в недрах.

Эти работы выполнялись коллективами геолого-геофизических отделов во взаимодействии с маркшейдерами и ОТК.

Заметим, что в то время (да и теперь) в практике разработки рудных месторождений на Западе, на шахтах отсутствует постоянная геологическая служба; для консультации привлекаются раз в полгода один или несколько геологов. Если бы наши специалисты использовали опыт западных геологов, это не позволило бы получить в СГАО

Месторождение Обершлема, шахта №366 и терриконы

«Висмут» такие результаты.

Объект 9

Самая большая геологическая служба была на жильном месторождении Нидершлема-Альберода (Объект 9). Рудная минерализация приурочена здесь к останцам кровли и экзоконтактам Айбенштокского (Карлсбадского) гранитоидного массива. Во время эксплуатации было установлено, что ореол рудной минерализации значи-

Геологический отдел.
Слева направо:
К.-Х. Линкерт,
Д.П. Славягин,
Н.И. Расторгуев,
В.М. Марченко,
А.Н. Шинкарев,
В.В. Марченко (1961 г.)

тельно распространяется как по флангам месторождения, так и на его глубину.

Здесь обрабатывались около 2 тыс. крутопадающих рудных жил на глубину до 2 километров. Через каждые 30 или 45 метров были пройдены горные выработки (штреки, квершлагги, восстающие и др.), все они были обеспечены вентиляцией, водоотливом и электротранспортом. Общая длина горных выработок на этих горизонтах достигла 4200 километров. Это расстояние больше, чем от Берлина до Урала!

На каждую жилу велась своя точная документация по мере ее отработки. Вся геологическая документация отслеживалась в едином ключе, несмотря на то, что месторож-

дение обрабатывалось шахтами №38, 254, 366, 371. Геологи встретились здесь с совершенно новой в мировой практике ситуацией. Необходимо было создать новые методики геологического обслуживания эксплуатационных работ и оперативного подсчета запасов.

Мировая практика не знала еще такой сложной геологической ситуации.

Применявшиеся ранее методы документации и подсчета запасов металла здесь оказывались весьма трудоемкими, либо вообще неприменимыми. Необходимо было искать новые подходы. Коллектив советских специалистов во главе с геологом И.В. Токаревым успешно справился с этой проблемой. Разработанная методика подсчета запасов была оригинальной: подсчитывалось количество руды и металла не на объем горной массы, а на один квадратный метр жильной площади. Этому способствовали выдержанность рудных тел (жил) и содержание в них урана.

Дружный коллектив советских и немецких специалистов геолого-геофизической службы Объекта 9 успешно решал все задачи по выполнению плана эксплуатационных работ.

Значительный вклад в разработку месторождения в то время внесли: Д.П. Славягин, В.И. Андрухин, Л.И. Бай, Г.И. Ведешкин, Н.Г. Вавилов, Р.В. Гецева, Ю.М. Горбачев, В.П. Долгов, С.Ф. Козлов, П.А. Казанцев, В.И. Калинин, И.В. Мисюркеев, А.П. Мочалин, Б.И. Марков, А.С. Назарюк, В.И. Непочатых, Ф.И. Пасечник, Н.И. Расторгуев, И.В. Токарев, Г.Н. Чирук, Ю.А. Шенгоф, Т.П. Юзленко, А.И. Шинкарев, А.П. Шпанов, В.П. Слукин, Ю.С. Усольцев, Ю.А. Флеров, К. Файерер, Г.Н. Чирук, К.-Х. Линкерт, К. Келер, В. Виттхун, З. Фогт, В. Мизель, В. Кесслер и др.

Советские специалисты Объекта 9 СГАО «Висмут»

Многое в деятельности горнодобывающего предприятия зависело от постоянной и точной работы геофизиков. Необходимо было

каждую смену отслеживать распространение оруденения в жилах, определять содержание металла в разведочных шпурах и подземных

Г.И. Ведешкин

Ю.М. Горбачев

Г.М. Утехин

В.И. Непочатых

На фото слева: Горные инженеры (слева направо): С.М. Фабрично, Т.П. Юзленко, В. Рахвалов, В.Г. Попов, В.В. Марченко, А.И. Бакулин (Ауэ, 1962 г.)

Справа: Едем на рыбалку с немецкими коллегами

скважинах, контролировать полноту выемки руды, предотвращать разубоживание руд и потери металла при закладке отработанного пространства. На поверхности осуществлялся замер всех вагонеток, поднимаемых из шахты, для разделения рудных и содержащих только пустую породу (измерения на рудоконтрольных станциях — РКС). Штуфные (очень богатые руды) замерялись в ящиках с помощью ионизационных камер. По всем этим данным проводился учет плана добычи металла по всему горнорудному предприятию.

Поскольку при разработке месторождения наряду с богатой рудой имелась и бедная, так называемая «некондиционная» руда, на поверхности отдельных шахт были построены радиометрические обогатительные фабрики (РОФ). Здесь такая руда промывалась, разделялась по крупности на отдельные классы и каждый кусок автоматически (в свободном падении) сортировался с использованием высокоскоростных радиометрических сепараторов. Аналоги такого автоматического комплекса в то время в мире не были известны. Теоретической основой радиометрической сортировки была «Теория контрастности урановых руд»,

разработанная главным геофизиком СГАО «Висмут» Л.Ч. Пухальским. На основе этой теории в последующем были созданы методы рентгенорадиометрической сортировки бедных руд нерадиоактивных металлов: свинца, никеля, редких металлов, марганца, бериллия и др.

В 1960—1962 гг. я работал главным геофизиком предприятия, заместителем был опытный Вилли Виттхун, контролем всей радиометрической аппаратуры занимались Зигфрид Фогт и Р. Шварц. Старшими геофизиками были А.П. Шпанов, И. Гютер (шахта №38), В.П. Слукин, Х. Фиккер (шахта №366), А.С. Назарюк, П. Бетчер (шахта №371).

Мы передавали свои знания немецким коллегам, они делились с нами опытом практической работы в шахтах; в целом это был дружный коллектив, который детально знал свою работу и хорошо ее выполнял.

В выходные дни часто мы проводили совместные встречи, семинары, отдыхали на природе, участвовали в совместных экскурсиях, ездили на рыбалку. Такое неформальное общение крепило советско-германскую дружбу наших специалистов.

Объект 90

Другим большим объектом были месторождения Роннебургского рудного поля с шахтами Шмирхау, Ройст, Пайцдорф, Лихтенберг и карьерами Кульмич, Зорге, Гауэрн и Штольценберг.

Генезис и геоморфология рудных тел здесь принципиально отличались от рудных жил на месторождениях Рудных гор. Рудовмещающие породы относились к более молодому стратиграфическому уровню (силур-девон). Хотя здесь прослеживались осадочные отложения, но они интенсивно метаморфизованы и осложнены складчатостью и многочисленными тектоническими нарушениями. Промышленное оруденение было связано с карбонатными и силикатными рудами: слюдястыми, глинистыми, кремнистыми черными сланца-

ми, рассланцованными известняками и межпластовыми телами диабазов.

Такие руды перерабатывались на гидрометаллургических заводах (ГМЗ) по различным технологическим схемам. Поэтому необходимо было учитывать не только содержание металла в рудах, но и вести отдельный учет по силикатным и карбонатным типам. Кроме того, рудные тела имели сложную морфологию и были существенно различными по содержанию урана.

Все это сильно осложняло прослеживание рудных тел и их геологическую документацию. Здесь также пришлось искать новые подходы в рудничной геологии при детальной разведке, подземной отработке и подсчете запасов. Такая методика была предложена

Шахта Шмирхау.
Геофизический комплекс РКС
на шахте

Г.М. Утехиным и Б.М. Сардисламовым, а впоследствии усовершенствована Ю.С. Даниловым, А. Скларовым и В.А. Петровым с применением математической статистики.

Комплекс рудничных геофизических методов при отработке этого месторождения включал: гамма-профилирование и точечное опробование горнопроходческих выработок, радиометрический контроль забоев, гамма-картаж скважин и шпуров, экспресс-анализ добытых руд на вагонеточных РКС (разделение по литологиям и содержаниям), лабораторные радиометрические измерения проб. Добыча руды

на карьерах контролировалась с помощью специальных РКС, осуществлявших измерения каждого автосамосвала с рудой. Впервые разработка методики геофизического обслуживания добычных работ в таких сложных условиях была разработана и успешно применена Л.Ч. Пухальским.

С 1958-го по 1960 г. я работал главным геофизиком Объекта 90. Моим заместителем был Райнхольд Новак. Старшими геофизиками на шахте Шмирхау были К.М. Плакида и З. Рабе; на шахте Лихтенберг — А. Теликовский.

Специалисты горнорудного комбината Шмирхау

Много сделали для развития рудника Ю.А. Алексеев, А.А. Алексеенко, Д.П. Бабак, В.А. Гудимов, В.И. Захаров, Б.Ф. Коваленко, И.П. Сергеев, В.А. Ильченко, Г.Е. Писковец, А.Н. Мочалин, Г.Н. Назаров, Б.Г. Рассохин, А.Н. Гаврилов, К.М. Плакида, Х. Рудольф и др.

Поскольку горнорудный комбинат Шмирхау был одним из важных в СГАО «Висмут», к нам часто приезжало руководство страны. Так, в 1959 г. на празднествах, посвященных 10-летию ГДР, на митинге выступал Председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь. Приветствовал его директор комбината Вальтер Дорн.

Объект 90 был под постоянным вниманием Генеральной дирекции и лично генерального директора СГАО «Висмут» С.Н. Волощука. Он строго контролировал

выполнение плана добычи руды и строительство новых шахт и карьеров. Тем более что в это время входил в эксплуатацию крупнейший гидрометаллургический завод в Европе в районе Зеллингштедта.

Эксплуатационные работы на месторождениях Роннебургского рудного поля осложняло то обстоятельство, что углисто-кремнистые сланцы самовозгорались при вскрытии их шахтными горными выработками.

Это была очень сложная проблема. При повышении температуры из руд выделялись окись углерода и радиоактивный газ радон. На руднике была создана дозиметрическая служба, и каждую смену во всех очистных блоках, забоях и горных выработках отбирались пробы шахтного воздуха. В случае повышенных концентраций радона сразу

В. Дорн

Р. Новак

К.М. Плакида

О.А. Задорин

З. Рабе

же проводилось дополнительное проведение свежим воздухом с поверхности. Кроме того, проводились исследования по бетонированию стенок горных выработок специальными твердеющими смесями. В конечном итоге и эта непростая проблема с

помощью специалистов из советских НИИ была решена.

Коллектив советских и немецких специалистов был удостоен почетного звания «Молодежное предприятие германо-советской дружбы».

Кристаллы ожелезненного кальцита. Западные Рудные горы

В итоге геологических поисков и последующей разведки запасы металла в недрах были существенно увеличены. Были разведаны месторождения, не выходящие на земную поверхность: Беервальде и Дрозен (Шмельнский грабен); Пайцдорф, Цайц, Кауэри, Криммичау; Кина, Вербен, Сербитц (Северо-Западная Саксония), Хауптманнс-грюн (Фогтланд); Пела (Рудные горы); Рудольфштадт (Южная Тюрингия) (Рис. 1).

Кроме поисков и разведки урановых руд, по заданию Министерства горной промышленности и геологии ГДР Центральное геологическое предприятие проводило поиски и разведку цинка, вольфрама, редких земель, плавикового шпата, бурого угля и др. Поскольку к 1966 г. почти вся территория Рудных гор, Фогтланда и Восточной Тюрингии была детально исследована радиометрическими методами (гамма- и эманационной съемками), поэтому поисковые геологические и геофизические работы в ЦГП были

ориентированы на применение глубинных поисков с автоматическим каротажем скважин. Эта методика была предложена профессором А.Н. Еремеевым и успешно использовалась в 1960—1980-х гг.

Основным направлением геофизических исследований начиная с 1966 г. стало планомерное систематическое изучение глубинного геологического строения всего региона деятельности ЦГП методами высокоточной магниторазведки (протонные магнитометры), различных модификаций электроразведки и детальной гравиметрической съемки. Главной задачей при этом являлось выявление пространственных закономерностей приуроченности месторождений и рудопроявлений урана к глубинным геологическим структурам Рудных гор и Восточной Тюрингии и выделение на этой основе площадей, перспективных для обнаружения новых месторождений.

Комплексная интерпретация материа-

Премьер-министр ГДР Отто Гротеволь на митинге шахтеров шахты Шмирхау

На фото слева: Генеральный директор СГАО «Висмут» С.Н. Волощук на карьере Кульмиц Объекта 90

Справа: Демонстрация 1 мая 1958 г. в г. Гера

Глубинные поиски с каротажем

лов таких геофизических измерений впервые в СГАО «Висмут» выполнялась на основе компьютерных расчетов. В.В. Марченко был разработан новый метод интерпретации — глубинное гравиметрическое зондирование (ГТЗ). Его использование позволило проследить распространение отдельных интрузий, продуктивных пород и тектонических структур на различных интервалах глубин.

Были установлены крупные глубинные тектонические разломы и определены углы их падения на глубину. Это позволило выявить некоторые новые закономерности пространственного размещения месторождений с учетом особенностей глубинного геологического строения.

Геологической основой интерпретации служили материалы геологических съемок масштабов 1:25000 и 1:50000, выполненных Б.М. Сельцовым, В.И. Величкиным, Б.Л. Рыбаловым и другими геологами. Полезные консультации оказывали Л.Ч. Пухальский и доктор геолого-минералогических наук Г.П. Пельмский. В итоге была составлена прогнозная карта по Восточной Тюрингии и Западным Рудным горам.

Основным методом при разведке месторождений были буровые работы, включая скважины и последующий анализ проб. Для подсчета новых запасов приходилось проводить работы в условиях с развитой инфраструктурой. Было не нарушить дороги, так как организация работ сумела избежать жалоб от населения. В итоге было

найдено место, где предстояло бурить, фиксировалось на киноплёнку, а после окончания проходки скважины все восстанавливалось в прежнем виде. С.И. Голиков сумел существенно повысить скорости проходки разведочных скважин с использованием алмазного бурения. Был организован ремонт бурового оборудования непосредственно на предприятиях СГАО «Висмут». Впервые была создана диспетчерско-технологическая служба ЦГП: все буровые бригады имели радиосвязь, резко сократились простои при монтаже буровых

вышек и аварии в процессе бурения. Отдача от этих мероприятий пришла сразу же, и все затраты быстро окупались.

Вскоре после создания ЦГП были организованы камеральная и тематическая партии, петрографическая и минералогическая лаборатории.

Большой вклад в открытие месторождений Саксонии и Тюрингии, их ускоренную разведку и эффективную эксплуатацию внесли советские и немецкие геологи и геофизики. При геологической разведке применялись самые передовые методы буровых работ, при подсчете запасов использовались специально созданные оригинальные методы и компьютерная интерпретация результатов геофизических измерений. Впервые в СГАО «Висмут» были внедрены методы гамма-спектрального и изотопного анализа, протонные магнитометры, высокоточная гравиметрическая съемка, мобильная электроразведка.

В период становления ЦГП успешно трудились Ю.С. Данилов, С.И. Голиков, Э.Л. Саруханян, Б.Ф. Кравцов, А.В. Жевлаков, В.В. Бурцев, Г.Г. Анненков, Н.Е. Костин, А.Н. Болотников, Е.А. Панкратов, Г.Г. Бельский, И.И. Шишкин, С.С. Старцев, А.Д. Попов, И.В. Митрофанов, Ю.Н. Панюшкин, А.В. Соколов, Е.А. Зырянов и др.

Для консультаций привлекались известные ученые ведущих головных геологических институтов Советского Союза: ВСЕГЕИ, ВИМС, ИГЕМ, МГРИ, СГИ и др. В повседневной работе использовались рекомендации академика В.И. Смирнова, Д.Я. Суражского, Ю.А. Арапова, Ф.И. Вольсона. Настольными книгами сотрудников ЦГП были монографии Б.М. Дымкова «Урановая минерализация Рудных гор», академика Н.П. Лаверова «Месторождения урана и редких земель» и др.

В проведении научных исследований и практических работах значительную техническую помощь оказывали ученые: Ю.А. Арапов, И.П. Шумилин, Е.М. Шмариович, Б.В. Воробьев, К.Е. Иванов, В.И. Данчев, А.И. Ежов, И.Н. Кадыров, А.Д. Каблуков, Б.И. Марков, И.П. Кушнарев, С.С. Малахов, В.К. Чесноков, Г.П. Пельмский, Б.М. Сельцов, В.И. Величкин, Б.Л. Рыбалов, И.Г. Мельник, И.П. Борзяк, В.А. Поликарпова, П.П. Шиловский, В.В. Оляха, А.К. Соколовский, А.В. Дьяконов, К.Г. Стафеев, Б.Г. Третьяков и др.

месторождение (Нидершлема) и выявлено более 30 средних и мелких месторождений, более 100 рудопроявлений и аномалий. Здесь трудились опытные геологи, геофизики, буровики, гидрогеологи и геохимики. Основными объектами геологических поис-

Саксонская ГРЭ

Это самая первая геологоразведочная экспедиция в «Висмуте», просуществовавшая более 40 лет. Сотрудники экспедиции в 1947–1990 гг. выполнили огромную работу по исследованию геологии всей территории Рудных гор. Было обнаружено крупнейшее

Рис. 1. Геологическая карта южной части ГДР (выкопировка из геологической карты ГДР, ред. Х. Кельбель, 1961 г.)

На встрече сотрудников ЦГП. Слева направо: Ф. Цумпе, Е. Данилова, В. Ольшлегель, Ж. Иордан, В.М. Марченко. Грюна, 1970 г.

Рис. 2. Тектоническая схема Восточной Тюрингии, Фогтланда и Западных Рудных гор (составил В.И. Величкин)

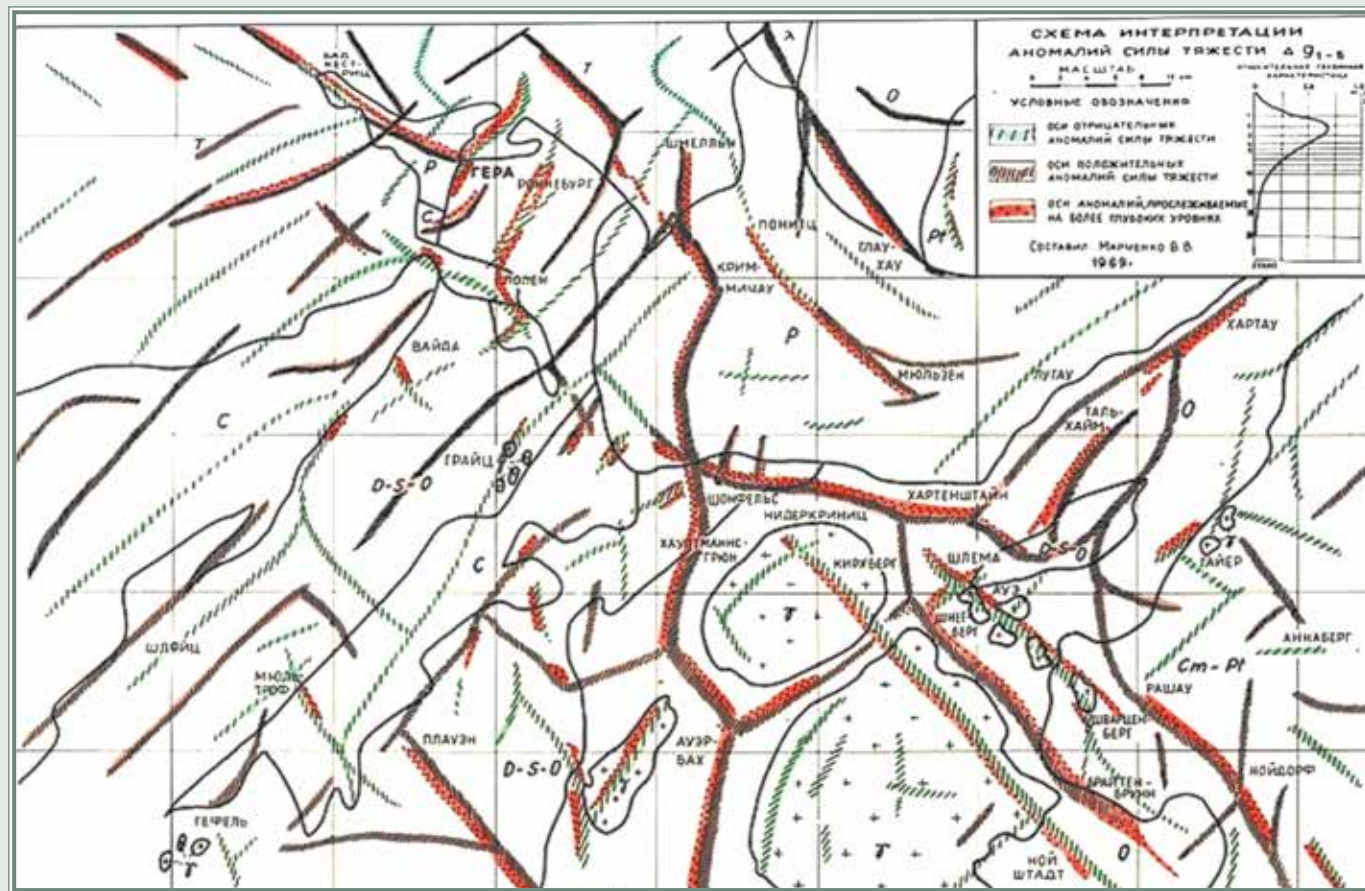

Рис. 3. Схема глубинных тектонических разломов по интерпретации ГГЗ

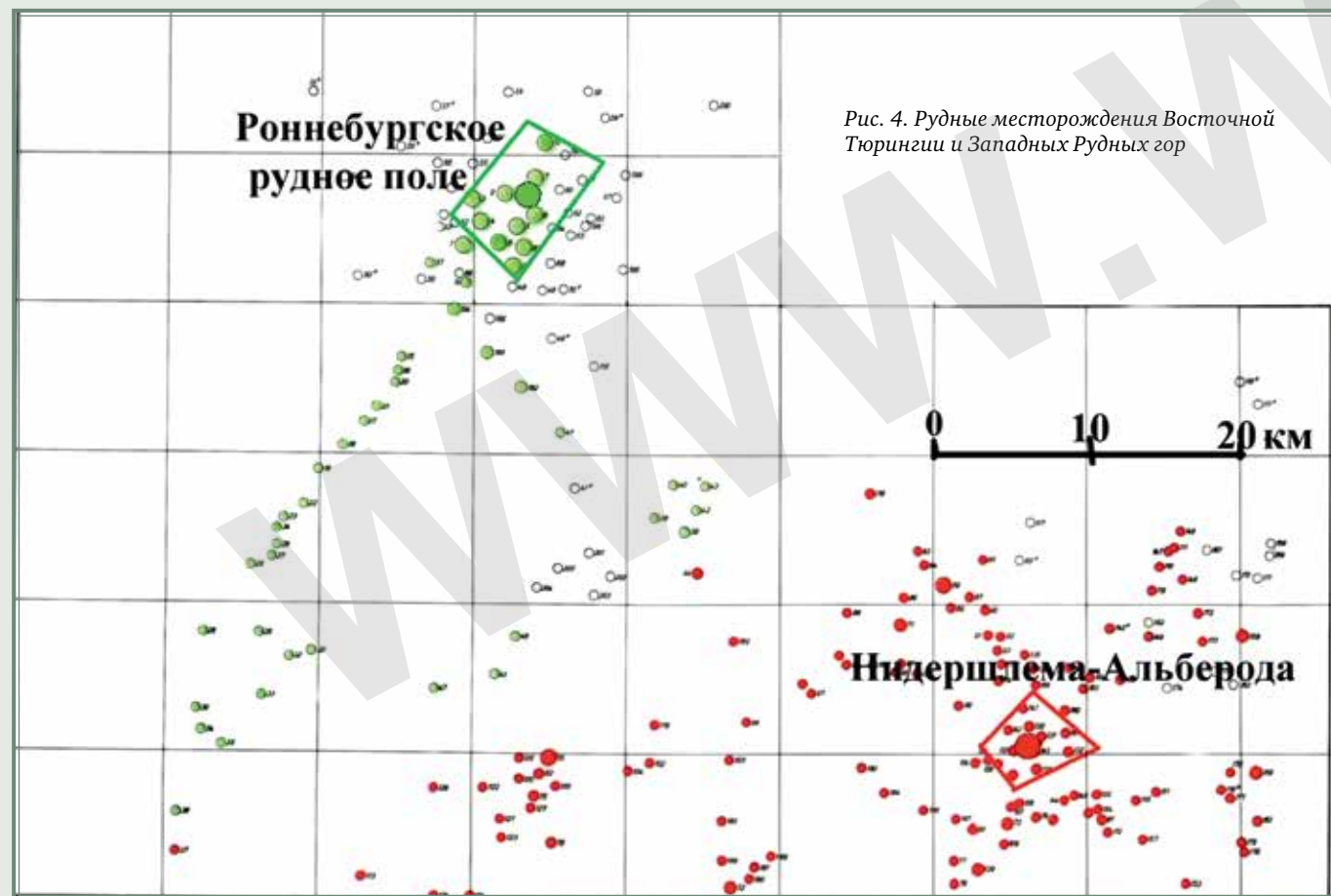

Рис. 4. Рудные месторождения Восточной Тюрингии и Западных Рудных гор

ков здесь были жильные и скарновые урановые месторождения.

В разное время здесь трудились советские специалисты: М.Х. Агишев, Г.М. Утехин, Д.М. Аксем, В.Г. Абатуров, И. Бессонов, П.А. Казанцев, В.И. Калинин,

Ю.Н. Лукин, А.П. Мочалин, Б.И. Марков, Ю.С. Усольцев, А.Н. Мулик, М.А. Изюмов, Ю.А. Флеров, Ю.В. Алтынцев, В. Уралов, Д.П. Бабак, В.И. Бондаренко, Г.И. Кузьмин, Г.Ф. Пыхтин, С.М. Палецких, С.В. Нечаев, Б.М. Крупин и др.

Бурение с гамма-каротажем в Восточных Рудных горах

По предложению министра геологии СССР П.Я. Антропова с учетом успешного опыта Советского Союза в ГДР были организованы массовые попутные поиски урана во всех геологических организациях и горнорудных предприятиях республики. Радиометрической ревизии подвергались все шахты, рудники, карьеры; музейные коллекции, керн старых скважин.

Эти работы увенчались большим геологическим открытием. Ревизионными работами геологов экспедиции Ф. Деккера и В.Н. Макарова при измерении в 1963 г. керна старых скважин, пробуренных народным гидрогеологическим предприятием, в районе Кенигштайна была обнаружена урановая минерализация. Последующими работами здесь было открыто крупное месторождение урана в песчаниках мелового возраста.

Тюрингская ГРЭ

После открытия первых месторождений в районе Роннебурга в Гере была образована Тюрингская геологоразведочная экспедиция. Специальные поиски были ориентированы на выявление осадочно-метаморфогенных месторождений в черносланцевых отложениях силура-девона. Здесь впервые в «Висмуте» применялась автомобильные и вертолетные радиометрические съемки на обширных территориях Восточно-Тюрингского поднятия, Тюрингского леса, Шварцбургского поднятия и Тюрингского бассейна. Выявленные аномалии проверялись бурением и горными выработками. Так были открыты, разведаны и переданы для эксплуатации несколько новых месторождений в районе Роннебурга и Шмельнского грабена: фланги месторождений Пайцдорф, Дрозен, Цайтц-Бальденхайм, Кауэрн, Прена, Унтитц, Криммичау, Лихтенберг-Северный,

Рудольфштадт. Одновременно были найдены осадочные месторождения Кульмич, Зорге, Гауэрн и Гера-Юг, которые сразу же разрабатывались карьерным способом. Много сил в поиски и разведку этих месторождений вложили специалисты: Ю.С. Данилов, А.А. Скларов, В.А. Петров, Н.З. Беденков, В.И. Карев, Ф.А. Жуков, Ю.А. Асташкин, Л.И. Овчинников, К.И. Володин, В.А. Гудимов, В.И. Захаров, Б.Ф. Коваленко, Ю.А. Роцин, Б.К. Собачкин, В.Н. Скосырев, Т.К. Янбухтин, Г.Е. Писковец, В.Д. Калмыков, Р.В. Гецева, А.А. Алексеенко, И.П. Гаврилов, Б.С. Ипатов, Г.А. Карвелис, С.С. Старцев, А.Н. Юдаков, В.П. Нионов, Г.Н. Крупин и др.

Дрезденская ГРЭ

После открытия уранового орудене-

Маршрут авто-гамма-съемки

Парад шахтеров в День горняка

Коллектив советских и немецких специалистов Дрезденской ГРЭ.
Слева направо: Н.С. Никулин, М. Кобелев, В. Соколов, В. Кочетков, В. Чесноков, К. Иванов, М. Михайловский, Ф. Деккер, В. Воробьев, В. Уханов, В.Р. Розе, В. Марченко, А. Каратанов, Г. Куличкин

ния в долине реки Эльба вблизи крепости Кенигштайн для его разведки и подсчета запасов была создана Дрезденская геологоразведочная экспедиция ЦГП. Одновременно решением Генеральной дирекции по предложению главного инженера СГАО «Висмут» Б.К. Середы был организован новый горнорудный комбинат «Кенигштайн».

Главным геологом Дрезденской экспедиции был назначен А.В. Соколов, главным геофизиком — С.И. Филиппов, начальником геологического отдела — Э.Л. Саруханян, его заместителем — Ф. Деккер, гидрогеологом — Б.С. Самсонов.

Успешно выполняли свою работу Г.А. Печенкин, С.Ш. Агамиров, М.Д. Михайловский, Е.В. Уханов, М.В. Кобелев, Г.А. Куличкин, А.И. Каратанов, В.А. Воробьев, И.П. Шумилин, З.А. Некрасова, В.Г. Эртнер, В.И. Кунаев, В.Н. Макаров, В.А. Кочетков, В.А. Поликарпова, И. Зауэр, П. Хаберлянд, Д. Эккарт, Х. Виттиг, П. Вечерек, Х. Фройнд, Б.Н. Зябрев, Ю. Лукин, Н.Г. Струков, А.В. Дьяконов и др.

На руднике Кенигштайн впервые в ГДР добыча урана осуществлялась по наиболее эффективной технологии подземного выщелачивания. Это позволило без строительства шахт и горных выработок «выкачивать» уран из глубокозалегающих горных пород не нарушая экологию окружающей среды.

Большую сложность при разведке и эксплуатации месторождения Кенигштайн представляло то обстоятельство, что оно располагалось на территории с развитой инфраструктурой и с большим количеством населенных пунктов. Возникло опасение, что окружающие деревни и города могут лишиться водоснабжения из своих колодцев и скважин. Большую и оригинальную работу по разведке месторождения проделали гидрогеологи во главе с Б.С. Самсоновым и геологи во главе с Э.Л. Саруханяном. Для исследования уникального колодца в крепости Кенигштайн Б.С. Самсонов сам спускался в него на глубину 150 метров. Два дня он документировал состояние этого колодца. Он критически оценил представленный проект строительства рудника и настоял на его изменении, что позволило сэкономить 40 млн немецких марок. Решение это поддержал генеральный директор СГАО «Висмут» С.Н. Волощук. Шахтные стволы на месторождении проходили передовым способом: бурением скважин большого диаметра. Для оценки водопритоков в шахтный ствол Б.С. Самсонов сам спустился в бадье в забой проходимой шахты и убедился в безопасности последующих горных работ в этой шахте.

И.Г. Мельник

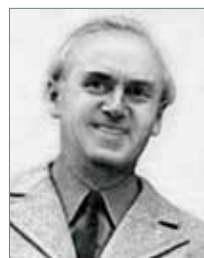
Б.Г. Самсонов

Г.А. Печенкин

В.Г. Эртнер

Б.Н. Зябрев

Лейпцигская ГРЭ

На фото слева: Первая руда нового месторождения

Справа: Ключ крепости Кенигштайн

После открытия в Советском Союзе урановых месторождений нового типа — липаритов Забайкалья и Казахстана — научным сотрудником ИГЕМ РАН Б.М. Сельцовым было высказано предположение о возможности нахождения месторождений этого типа в Северо-Западной Саксонии. Здесь, в районе северного обрамления Гранулитовых гор, геологическими съемками были установлены горные породы липаритовой формации. На первых порах поисковые работы в этом районе проводились геологами Б.М. Сельцовым, В.И. Величкиным, Б.Л. Рыбаловым, А.Н. Болотниковым и геологами Саксонской ГРЭ Б.П. Лашковым, И.С. Казановым, Э. Франц, З. Воцняком и др. После обнаружения рудопроявления урана в районе поселка Вермсдорф стала базироваться поисковая партия с проведением буровых работ. В 1969 г. были получены первые благоприятные результаты, и началась проходка горных выработок (глубокого шурфа с рассечками). Вначале это было небольшое оруденение (по

масштабам «Висмута»), но основная идея поисков в вулканогенной формации была подтверждена.

В 1971 г. была создана Лейпцигская ГРЭ (Производственный отдел Вермсдорф), в состав которой вошла часть сотрудников Дрезденской и Саксонской экспедиций.

Главной задачей было тщательное исследование областей липаритовой формации Среднегерманской кристаллической зоны. В дальнейшем в исследования были присоединены и другие районы: Мейсенский массив, Гарц и др. Поиски здесь были довольно трудными: все продуктивные горные породы и объекты поисков перекрыты молодыми осадочными породами. Это осложняло геологические, геофизические и геохимические поиски.

С 1975 г. начали широко применять изотопно-свинцовый метод поисков и оценки урановых проявлений, разработанный в ВИРГ. В результате детальных поисков были разведаны месторождения Кина-

Слева: Место базирования ГРЭ Вермсдорф

Справа: Геолог Б.П. Лашков

Шенкенберг, Вербен, Зербитц и «Южные рудопоявления».

В связи с ликвидацией СГАО «Висмут»

и запретом в дальнейшем добычи здесь урана эти месторождения не разрабатывались.

Сотрудники Лейпцигской экспедиции

Ю.Н. Лукин

В.И. Величкин

Н.Е. Костин

Б.М. Сельцов

Геологический отдел Генеральной дирекции

Большие успехи геологов СГАО «Висмут» в значительной мере обусловлены умелым руководством со стороны геологического отдела Генеральной дирекции. В разные годы во главе его были опытейшие специалисты — уранщики, ученые и практики. Это геологи: Г.Г. Солопов, Ю.А. Кремчуков, К.П. Лященко, А.А. Данильянц, Ф.К. Портнов, Ю.С. Данилов, К. Файерер, А. Райниш, Н.А. Довгаль, М.М. Катунин, М.И. Клыков, В.Н. Лало и др.; геофизики: Л.Ч. Пухальский, Н.А. Еремеев, Ю.П. Тафеев, А.И. Горшков, И.А. Лучин, Г.Ф. Шумков, К. Келер, Е.А. Богданович, В.В. Ивлиев, А.П. Васильев; гидрогеологи: Л.И. Лунев, И.И. Шишкин, В.Е. Ширяев, С.Ш. Агамиров, И.П. Сергеев, П.В. Сергеев, Л.С. Шищенко, Б.П. Севрюков и др.

Громадный опыт советских геологов по ускоренному развитию минерально-сырьевой базы СССР в годы индустриализации страны и в военные годы был с максималь-

ным эффектом использован в СГАО «Висмут». Здесь также за кратчайший срок были сделаны значительные геологические открытия, проведена ускоренная разведка месторождений и подсчитаны запасы полезного ископаемого.

Сотрудники отдела постоянно контролировали направления геологических исследований, движение запасов, потери и разубоживание руд при разработке месторождений. Геофизики отдела внедряли самые современные в то время методы измерений, радиометрического контроля и обогащения, компьютерные методы обработки и интерпретации данных измерений.

Геологический отдел всегда ощущал поддержку руководства СГАО: генерального директора С.Н. Волощука, заместителя генерального директора В. Рихтера, главного инженера Б.С. Середы, его заместителя В.Н. Смирнова.

Общие затраты на геологоразведочные работы с 1959-го по 1990 г. составили 5,5 млрд немецких марок.

На предприятиях СГАО «Висмут» в период 1946—1990 гг. самоотверженно трудились многие сотни геологов и геофизиков. Автор был не в состоянии упомянуть каждого из них. Приносим извинения тем коллегам, фамилии которых не нашли отражения в этой небольшой главе книги. Воспоминания о своей работе в СГАО «Висмут» они могут опубликовать на сайте www.wismut.su

В заключение отметим:

1. Руководством Советского Союза было своевременно учтено мнение наших специалистов о возможной перспективности Саксонских Рудных гор.

2. Интенсивное проведение геологических поисков и разведок привело к быстрому открытию одного из крупнейших урановорудных регионов мира.

Запасы и прогнозные ресурсы месторождений, открытых и разведанных в СГАО «Висмут» (тыс. т на 1990 г.)

Месторождения	погашенные	балансовые	прогнозные	всего
Роннебургское рудное поле	112,914	51,820	35,423	200,157
Рудное поле Шлема	80,413	1,032	5,017	96,603
Кенигштайн	19,257	4,304	4,251	27,812
Фрайгаль	3,977			3,977
Сев.-Зап. Саксония	6,660			
Прочие	34,949	6,100	22,257	48,301
Всего	251,510	57,922	74,727	383,510

Источник: [http://de.wikipedia.org/wiki/Wismut_\(Unternehmen\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Wismut_(Unternehmen))

3. В процессе геологоразведочных и эксплуатационных работ были созданы и широко использовались новые способы разведки и подсчета запасов, оригинальные геофизические исследования и компьютерные методы их интерпретации, прогрессивные технологии радиометрического контроля и обогащения руд.

Слева направо: Генеральный директор СГАО «Висмут» С.Н. Волощук, посол в ГДР П.А. Абрахимов, секретарь парткома В.М. Шелкалин

Рис. 5. Урановые рудники и фабрики в Тюрингии и Саксонии

Л.Ч. Пухальский

А.А. Данильянц

А.Н. Еремеев

Ю.П. Тафеев

А.И. Горшков

И.А. Лучин

К. Келер

Л.И. Лунев

Руководители геологической и геофизической службы СГАО «Висмут»

Николай Владимирович Демин

Н.В. Демин

Николай Владимирович ДЕМИН. Доктор технических наук, профессор Московского геолого-разведочного университета, работал в «Висмуте» с 1965-го по 1972 г.

Исследования по защите от радона в лаборатории вентиляции НТЦ

Свои воспоминания мне хотелось бы начать со студенческих лет, так как учеба в Московском институте цветных металлов и золота имела прямое отношение к развитию урановой промышленности СССР. Дело в том, что в институте со второго курса производился отбор на специальный факультет, который готовил специалистов по поискам, разведке, добыче урановых месторождений. Кроме основных предметов горной специальности на факультете, студенты изучали: радиометрию, медицинскую радиологию, специальные курсы по разведке, системам разработки урановых месторождений, обогащению руд и другие предметы, имеющие отношение к профилю специалиста. В 1955 г. состоялось распределение выпускников. Оно было уникально. Все иногородние были направлены в СГАО «Висмут», москвичи — в ПромНИИтехнологии. В этой организации началась моя научная деятельность. Она мало отличалась от научной работы в других научных организациях СССР. Несколько месяцев командировок на предприятия, где проводились экспериментальные работы, написание отчета и масса свободного времени для повышения своей научной квалификации. В институте я занимался проблемами горного давления, железобетонного крепления, а после организации лаборатории вентиляции — проблемой защиты от радона на рудниках, в частности противорадоновой изоляцией. В мировой практике этой проблемой никто не занимался. Было очень интересно, уже первые эксперименты показали высокую эффективность ряда минеральных и синтетических материалов, началось внедрение радоноизоляции на рудниках СССР.

Как я попал в «Висмут»? Бурное развитие урановой горной промышленности, естественно, сопровождалось нарушением экологической ситуации в районах добычи урана. Огромные площади земной поверхности изымались под отвалы добытой горной массы, под хвостохранилища и т.д. Выбросы вентиляторов сопровождалась загрязнением атмосферы и почвенного слоя продуктами распада радона.

В то же время проблемой радона начали, по существу, заниматься только после 1950-х гг., а данные по радону стали доступны только после 1955 г. В 1957 г. в Соединенных Штатах Америки была разработана концепция опасности скрытой

энергии дочерних продуктов распада радона (далее — ДПР) в воздухе, и введен термин «рабочий уровень» (WLM). Этот показатель стал фактически внесистемной оценкой облучения горнорабочих за счет ДПР. В Австралии величина предельно допустимой концентрации радона (ПДК) в рудниках — 3×10^{-10} кюри/м³, в СССР — в три раза меньше, 1×10^{-10} кюри/м³. В СГАО «Висмут» были приняты нормативы по аналогии с СССР, то есть ниже, чем в других странах.

В «Висмуте» вопросы охраны природы, здоровья горнорабочих и населения были приоритетными. Программа работ по нормализации радиационной обстановки на рудниках включала совершенствование вентиляции, применение противорадоновой изоляции, дегазацию радона, дренаж подземных вод, обогащенных радоном. Для оказания техпомощи по этой программе из ПромНИИтехнологии были командированы кандидат технических наук М.И. Кузнецов и я. Общее руководство по программе было возложено на генерального директора СГАО «Висмут» кандидата технических наук С.Н. Волощука.

Основные исследования по защите от радона проводились в лаборатории вентиляции НТЦ. Все результаты исследований проходили экспериментальную проверку в шахтных условиях с участием специалистов рудников. Практически все разработки широко внедрялись на рудниках. Лаборатория вентиляции, руководимая кандидатом технических наук Вадимом Михайловичем Мельниченко и его заместителем Гюнтером Шлоттом, располагала высококвалифицированными специалистами с немецкой и советской стороны. Это был слаженный коллектив специалистов в области вентиляции, радиационной безопасности кондиционирования, пылеподавления. Три немецких специалиста прекрасно объяснялись на русском языке, что позволяло преодолеть языковой барьер. Особенно следует отметить группы техников, которые проводили эксперименты на рудниках. Мне пришлось работать с группой, которую возглавлял Герхард Келлер. Он не только выполнял тяжелую горняцкую работу при эксперименте вместе с рабочими-коллекторами, но и квалифицированно обрабатывал результаты испытаний, имея диплом техника. Несколько слов о

советских специалистах лаборатории, работавших в то время. Вадим Мельниченко, заведующий лабораторией, обладал великолепными организаторскими способностями, был в курсе всех проблем производства, что позволяло лаборатории решать самые актуальные научные задачи. Г.Г. Андреев сочетал в себе теоретика и практика в области тепломассообмена. Его исследования способствовали более эффективной работе системы кондиционирования на Объекте 9. А.В. Кренин — специалист в области вентиляции. Разработанная им система дренажа радона из горного массива была успешно внедрена на руднике Шмирхау. Основным составом лаборатории включал немецких специалистов. Их отношение к советским специалистам было основано на уважении, стремлении решать совместно крупные научные задачи.

В течение трех лет мне пришлось непосредственно на Объекте 9 заниматься проблемой радона. С целью уменьшения содержания радона за короткий промежуток времени были разработаны и внедрены: планомерная изоляция отработанных пространств путем создания по всему горизонту искусственных горизонтальных щелей и перемычек, бетонные горизонтальные настилы в очистных блоках, противорадоновая изоляция в штреках на основе битумно-латексной эмульсии.

Отдел вентиляции на Объекте возглавлял Гюнтер Дебре, горный инженер, высококвалифицированный специалист в области вентиляции, кондиционирования рудничной атмосферы. Его отдел включал специалистов, квалификация и опыт которых были приобретены непосредственно на руднике. Они прекрасно разбирались в вентиляции, что позволяло оперативно

решать сложные задачи управления проветриванием рудника, отработывающего уникальное месторождение Нидершлема-Альберода.

Сложная радиационная обстановка сложилась на руднике Кенигштайн. Пролодка выработок на обводненных участках сопровождалась обильным выделением радона, что заставляло останавливать работы. В результате анализа гидрогеологических условий был получен прогноз выделения радона. Это позволило продолжить работы по проходке квершлага. Лаборатория вентиляции предложила метод ограничения выделения радона на обводненных участках путем деэманирования воды, поступающей в выработку.

На месторождении Шмирхау впервые в мировой практике был разработан и внедрен метод деэманирования радона в очистных блоках, который позволил резко сократить выделение радона в очистное пространство. Метод был внедрен А.В. Крениным и Эрхардом Кемпе.

К сожалению, за последние годы в западных публикациях появился ряд статей, в которых отмечается, что якобы шахты Восточной Германии являются местом экологической катастрофы, что добыча урана производилась ценой здоровья горнорабочих. На шахтах «Висмута» были введены самые низкие предельные нормативы по радону, оперативно внедрялись самые современные методы борьбы с радоном. Только в «Висмуте» применялась противорадоновая изоляция, дегазация радона из горных пород и деэманирование загрязненных шахтных вод. Ни в одной стране мира эти методы не применялись. Это дало возможность сохранить жизнь и здоровье многочисленному коллективу горнорабочих «Висмута».

Коллектив отдела вентиляции Объекта 9. В центре — Гюнтер Дебре и Иван Осипов, справа — Николай Демин и Гюнтер Шлотт (1966 г.)

Георгий Георгиевич Андреев

Г.Г. Андреев

Георгий Георгиевич АНДРЕЕВ родился в 1937 г. в Луганске. Окончил Харьковский горный институт в 1959 г. Горный инженер-механик. Работал во ВНИИОМШСе. Кандидат технических наук. В 1965 г. был командирован в СГАО «Висмут». Работал в НТЦ старшим инженером, начальником отдела. После окончания командировки в 1972 г. работал во ВНИИОМШСе. В 1974 г. снова командирован в СГАО «Висмут» и назначен на должность технического директора — зам. главного инженера Общества, работал до июля 1983 г. Лауреат Государственной премии СССР (1982).

Вспоминая «Висмут» и висмутян

1965 г. Минсредмаш. Оформление. Прибытие в «Висмут»

Август 1965 г. Москва. Большой дом на Ордынке. Легендарный Минсредмаш. Не без волнения захожу в здание. В бюро пропусков заявка на пропуск уже лежит. Поднимаюсь на второй этаж в отдел кадров. На каждом этаже серьезные молодые люди с пистолетами на поясе проверяют твой пропуск. В отделе кадров встречают ироничный Иван Ефимович Холин, доброжелательные и приветливые Лидия Стефановна Ветрова и Лидия Ивановна Ульянова. Через их руки прошли тысячи специалистов и членов их семей, отъезжающих в «Висмут». А специалисты приезжали со всех концов Союза. Говорят, что театр начинается с вешалки. Я бы продолжил — организация начинается с отдела кадров. Ни в одной другой организации я не встречал такого внимательного и доброжелательного отношения к своим кадрам, как в 8-м Управлении Министерства среднего машиностроения.

Прохожу стандартные процедуры: собеседования в ЦК комсомола (мне было 27 лет, и мы с женой был комсомольцами), ознакомительные беседы со специалистами 8-го Управления. После всех этих процедур получаю проездные документы и загранпаспорта, слушаю последние наставления Ивана Ефимовича о поведении в пути (черного и белого не брать, «да» и «нет» не говорить), и вот я с женой Ольгой и трехлетней дочкой Ниной еду в поезде Москва — Берлин до станции Франкфурт-на-Одере. В поезде мы одни в купе. Знакомых лиц нет. В Бресте таможенный и пограничный контроль. Стандартные вопросы, заученные ответы, понятливые взгляды пограничников и таможенников. Первый раз пересекаю границу Союза и въезжаю в другую страну. Какое-то щемящее чувство и в то же время тревожно-любопытное ожидание будущего.

Поздно вечером приехали в Зигмар. Нас у автобуса встречали, кроме сотрудника отдела кадров «Висмута», Вадим Мельниченко, мой давнишний друг по работе во ВНИИОМШСе в Харькове, и Валерий Придорогин из Донецка. Нас разместили в гостинице на третьем этаже Советского клуба. Мы немного посидели за ужином и расстались до утра. Утром пошел в Генеральную дирекцию и после оформления необходимых бумаг получил пропуск.

Квечеру прибыли на вокзал Франкфурта-на-Одере. Оказалось, что в поезде ехали еще несколько семей висмутян, возвращавшихся из отпуска. Встречающий собрал нас всех, дал нам 20 марок на дорожные расходы, погрузил на ожидавший нас комфортабельный автобус и отправил в Зигмар. Старшим по поездке — так, видно, решили еще в отделе кадров в Москве — был Михаил Николаевич Цыгалов, возвращавшийся с семьей из отпуска. Познакомившись, узнали, что он работает начальником горной лаборатории в НТЦ. Ехавшие с нами женщины тут же взяли Ольгу с Ниной под свою опеку, а меня — мужчины. Мы впервые почувствовали дух товарищества и взаимопомощи, который сопровождал нас потом в течение многих лет моей работы в «Висмуте» и был традиционен для коллектива «Висмута».

Первые незабываемые километры и часы на немецкой земле. Маленькие, аккуратные деревни и городишки. Опрятные дома, напомнившие мне дом, построенный Нуф-Нуфом из кирпича с черепичной крышей в сказке о трех поросятах. Двухполосный автобан и, конечно, заправочная «Морозовка» на полпути в Зигмар.

Поздно вечером приехали в Зигмар. Нас у автобуса встречали, кроме сотрудника отдела кадров «Висмута», Вадим Мельниченко, мой давнишний друг по работе во ВНИИОМШСе в Харькове, и Валерий Придорогин из Донецка. Нас разместили в гостинице на третьем этаже Советского клуба. Мы немного посидели за ужином и расстались до утра. Утром пошел в Генеральную дирекцию и после оформления необходимых бумаг получил пропуск.

Лаборатория вентиляции

Работать я начал старшим инженером в лаборатории вентиляции научно-исследовательской части 3-го управления. В управление входили проектная часть и научно-исследовательская. Научно-технический центр стал самостоятельным предприятием в 1968 г. Лаборатория вентиляции размещалась в старом здании банка на Цвиккауэрштрассе напротив вокзала Зигмар-Шенау.

Начальником лаборатории был Вадим

Михайлович Мельниченко, его заместителем — Вилли Шлезингер, говоривший по-русски (был у нас в плену), педантичный и аккуратный человек. Его вскоре на этой должности сменил Гюнтер Шлотт, работавший до этого, после окончания Фрайбергской горной академии, в отделе вентиляции на Объекте 9.

В лаборатории работали еще три советских специалиста: В.Д. Придорогин, А.В. Кретинин и Н.В. Демин.

Валерий Дмитриевич Придорогин окончил в 1953 г. Ленинградский горный институт и прошел путь от горного мастера до руководителя шахты в Кадиевке (Донбасс), тогда же защитил кандидатскую диссертацию по методам борьбы с пылью. В 1967 г. был назначен главным инженером Кенигштайна.

Анатолий Валентинович Кретинин окончил горно-металлургический институт в Алма-Ате, работал в Лениногорске в отделе вентиляции на полиметаллическом руднике. В лаборатории «Висмута» занимался вопросами вентиляции в очистных блоках Объектов 9 и 90.

Николай Владимирович Демин окончил спецфак Московского института цветных металлов и золота, кандидат технических наук. В 1965 г. он приехал в «Висмут» по линии техпомощи из ПромНИИтехнологии. Работал вначале на Объекте 9 в отделе вентиляции у Гюнтера Демре. Затем перешел на постоянную работу в лабораторию вентиляции НТЦ. Занимался методами борьбы с радоном и продуктами его распада.

Все мы дружили не только между собой, но и семьями.

Руководителем научно-исследовательской части Центра, был доктор Гюнтер Барт, позже он ушел на работу во Фрайбергскую горную академию. Его сменил доктор Эккельман. Главным инженером был Леонид Георгиевич Подоляко. В 1950-х гг. он работал в Чехословакии на предприятии «Яхимовские рудники». Курировал НТЦ заместитель главного инженера СГАО «Висмут» Виталий Николаевич Смирнов, который в 1956—1957 гг. работал по линии технической помощи от ПромНИИпроекта по выбору систем разработки для предприятий Роннебургского рудного поля.

Из немецких специалистов со мной вместе над проблемой охлаждения воздуха на глубоких горизонтах месторождения Нидершлема-Альберода работал Вольфганг Мюллер, примерно моего возраста, выпускник Фрайбергской горной академии. Настоящий исследователь, въедливый, критичный и трудолюбивый. Он разработал методики расчетов охлаждения воздуха при проходке тупиковых выработок с применением промежуточных воздухоохладителей

для условий 4-го и 5-го каскадов месторождения Нидершлема-Альберода. По этой тематике им была подготовлена диссертационная работа, которую он успешно защитил во Фрайбергской горной академии. Я выступал на его защите.

С удовольствием вспоминаю инженера Георги, который также занимался тепловым режимом рудника Нидершлема-Альберода. Небольшого роста, спокойный, трудолюбивый и симпатичный молодой человек. Как оказалось, он был любителем рыбной ловли и несколько раз инициировал совместные рыбалки на различных водоемах.

К сожалению, не могу вспомнить по фамилии всех инженеров и коллекторов, с которыми работали и спускались в шахту для выполнения экспериментальных работ и снятия показателей приборов на глубоких горизонтах. Но некоторых припоминаю: Хольбик, Хайнц Ремер, Гюнтер Янек. Это были надежные, трудолюбивые и дружелюбные люди. Вообще, должен сказать, что за все время работы в «Висмуте» мне ни разу не приходилось слышать ядовитого шипения ни в свой адрес, ни в адрес своих товарищей. Споры, дискуссии были, но оскорблений или недружеского обращения — никогда.

Конечно, основную роль в создании творческой атмосферы в лаборатории играл Вадим Михайлович Мельниченко. Он обладал даром организатора, коммуникабельностью и отличным знанием немецкого языка, что помогало ему быстро решать возникающие проблемы. И за это его уважали и ценили как немцы, так и русские.

В 1966 г. наша лаборатория переехала в Грюне. Там мы разместились во внутреннем здании на втором этаже. В 2010 г. я с группой висмутян был в Грюне. На месте здания НТЦ и ЦГП — большая лужайка. Все здания снесены.

Должен сказать, что проблема нормализации теплового режима на глубоких горизонтах (до 1800 м) захватывала не только требованием быстрого и эффективного ее практического решения, но и необходимостью решать научно-исследовательские задачи, которые еще не встречались в горной практике и горной теплофизике. Никто в мире не работал при таких температурах горных пород (более 65 градусов) и в таких больших объемах горных работ, не были из-

А.В. Кретинин

И.В. Дорофеев выступает после награждения его орденом Трудового Красного Знамени

Лаборатория вентиляции в здании старого банка. Справа: гостиница «Гливица», в которой мы обедали (фото автора)

Справа налево: Г. Барт, В.Н. Смирнов, Л.Г. Подоляко

Здание НТЦ и проходная в Грюне. В нем размещались руководство и горная лаборатория (фото из архива Wismut GmbH)

В этом здании НТЦ в Грюне на втором этаже была лаборатория вентиляции (фото из архива Wismut GmbH)

учены в реальных условиях вопросы тепло-массообмена, лучистого теплообмена между стенками выработок и рудничным воздухом и т.д. Все это было крайне интересно, и поэтому работа приносила мне истинное удовольствие. Даже специалисты из

других областей знаний принимали участие в наших работах. Геофизик Георгий Попков разработал методику и аппаратуру измерения влажности горных пород в массиве вокруг выработки в зависимости от температуры и влажности воздуха, продолжительности проветривания.

Основную теоретическую и расчетную основу для выбора системы охлаждения воздуха для глубоких горизонтов рудника дал научный коллектив Института технической теплофизики АН УССР под руководством академика А.Н. Щербаня. Разработку рабочего проекта осуществило Проектное предприятие.

Огромную поддержку и заинтересованность в решении проблем охлаждения воздуха для глубоких горизонтов рудника Нидершлема-Альберода оказывал главный инженер Объекта 9 Иван Васильевич Дорофеичев.

Все вопросы нормализации тепловых и радиационных условий работы горняков решались в тесном взаимодействии с отделом вентиляции Объекта 9 и его начальником Гюнтером Депре, отличным специалистом и человеком, заряженным на взаимопонимание и контакт.

Для проверки своих результатов мы приглашали корифеев горной теплофизики. К нам приезжал из ПромНИИтехнологии профессор Александр Фролович Воропаев, который интересовался нашими результатами, и у нас были долгие дискуссии. Был доктор наук Вилен Павлович Черняк из института горной теплофизики АН УССР. С результатами наших работ сотрудничи лаборатории выступали на международных конференциях. Вадим Мельниченко и Гюнтер Шлотт за свои до-

клады получили в 1968 г. серебряную медаль на международной конференции в Пршибраме. Я выступал в Ленинградском горном институте с докладом на Международной конференции по горной теплофизике.

Но самую высокую оценку работ по созданию системы охлаждения рудничного воздуха при отработке месторождения Нидершлема-Альберода получила группа специалистов «Висмута» при присуждении им Государственной премии СССР. Среди них был и Мельниченко Вадим Михайлович.

Отдел комплексной механизации

В конце 1960-х начинается бурное развитие механизации очистных и проходческих работ: внедрение самоходного погрузочно-доставочного оборудования, буровых кареток для проходки горизонтальных горных выработок, механизированных полков для проходки восстающих, бурение скважин большого диаметра. В НТЦ был организован новый отдел, который был призван заниматься механизацией проходческих работ. Мне предложили, учитывая мой опыт работы во ВНИИОМШСе, в нем работать начальником отдела. Я согласился. Определенную роль в этом сыграл разговор с Александром Витальевичем Балдиным, работавшим в то время техническим директором Общества, который был ярым сторонником внедрения самоходного горного оборудования и применения новой техники.

Отдел размещался на улице Цвиккауэрштрассе, напротив Гауссштрассе, в здании старой шпаркасы на третьем этаже.

Заместителем начальника отдела был Хайнрих Ридель, моего возраста, выдержанный, слегка ироничный, обладающий чувством юмора. Пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе.

Группой вертикальной проходки руководил Вольфганг Капуста — автор механизированного полка для проходки восстающих в неустойчивых породах. У него в группе работал Маттиас, бывший проходчик вертикальных выработок, Герой труда. Крепкий мужик, рыжеволосый, с голубыми глазами и кулаками, как пивные кружки 0,5 л. Краем уха слышал, что в игривом настроении он мог зажечь фонарь под глазом неудачливого собеседника.

Еще были группы горизонтальной проходки, транспорта, бурения скважин большого диаметра. Помню Хайнца Зайферта (механизация очистных работ), доктора Клауса Дитцеля (горизонтальная проходка), Диттера Клюге (техника для бурения), Альфред Борковски (механизация вспомогательных работ). Был еще переводчик, вроде турок, Исмаил. Он много и тесно работал с Юрием Смирновым, занимающимся враща-

тельным бурением, и с Анатолием Чувилыным, специалистом из ВНИИ твердых сплавов, работавшим по линии техпомощи по внедрению новых твердосплавных коронок. К сожалению, не все фамилии и имена остались в памяти. Но остались добрые, деловые и товарищеские отношения в коллективе и ко мне конкретно. Бывал с Ольгой в гостеприимном доме у Хайнриха Риделя и его супруги Бригитты.

Работа в отделе механизации в какой-то мере подготовила меня к следующему этапу моей работы в «Висмуте».

Второй приезд в «Висмут». Строительство рудника Дрозен

Второй раз в «Висмут» я был приглашен в 1974 г. на должность заместителя главного инженера Общества вместо уехавшего Александра Витальевича Балдина. Вначале я поехал один, а Ольга с детьми приехала позже.

Когда я перед своим вторым отъездом в «Висмут» проходил собеседование в оборонном отделе ЦК, то мне было сказано, что основная моя задача — строительство нового современного рудника Дрозен, который должен компенсировать выбывающие мощности старых рудников. Причем надо укладываться в нормативные сроки, то есть в 4 года. Меня в 8-м Управлении уже подробно информировали о намечающемся строительстве нового глубокого рудника. Рассказали, что проектирование находится в начальной стадии, место заложения стволов еще не выбрано, структурная скважина не пробурена и есть опасность встретить водонесные горизонты. И когда в ЦК я робко возразил, что еще не пробурена скважина, и как проходит стволы, мы еще не знаем, мне в ответ было сказано: как будете проходить стволы — ваше дело, но чтобы рудник был построен вовремя.

Прибыв в «Висмут», я был принят генеральным директором Общества Семеном Николаевичем Волощуком, который поставил мне задачу повысить эффективность ведения горных работ за счет применения новой техники и технологий. В пример ставил Александра Витальевича Балдина, на замену которого я приехал. И конечно, сказал о проектировании рудника Дрозен и о том, какие сложности могут встретиться при его строительстве. Должен сказать, что многолетние контакты с Семеном Николаевичем в рабочей обстановке и в свободное время показали мне, какой это уникальный и многогранный человек, пользовавшийся заслуженным авторитетом в коллективе Общества. Высокий профессионализм, цепкий ум и рассудительность были присущи ему при решении зачастую сложных проблем различного характера, возникавших в Обще-

стве. Мне, молодому человеку, было приятно работать с ним, и было, чему у него поучиться, за что я ему благодарен.

Потом был разговор с первым замом генерального директора Общества Вернером Рихтером. Официально я был назначен техническим директором Общества (по советскому штатному расписанию моя должность была — зам. главного инженера Общества) и подчинялся непосредственно ему. Обаятельный, скромный человек и высокопрофессиональный специалист, досконально знающий производство, Вернер Рихтер с самого начала располагал к себе. И каждый, кто с ним работал, чувствовал себя комфортно. На протяжении многих лет, работая с ним, я всегда находился в его атмосфере делового сотрудничества, открытости, человеческой дружбы и товарищества.

Начались трудовые будни. Я курировал технический отдел, начальником которого был Фред Вайраух. Замом у него был Анатолий Алексеевич Степин, кандидат технических наук, прекрасный специалист. В отделе капитального строительства начальником был Хайнц Нойман, в 1950-е гг. занимавшийся проходкой стволов на Объекте 9. Его заместителем — Дмитрий Трофимов, опытный шахтостроитель из «Кривбассшахтопроходки». Технологический отдел — начальник Эрвин Кринке. Заместителем у него был Юрий Мягкохлебов, опытный горный инженер из Желтых Вод. В сферу моей деятельности входили: НТЦ (директор — Бернхард Конецки, главный инженер — Юрий Яковлевич Евлюхин) и Проектное предприятие (директор — Ханске, главный инженер — Владимир Викторович Лопатин). Руководитель проектов по предприятиям Тюрингии — Борис Забелин. Все знакомые товарищи еще по первому заезду.

Лопатин и Забелин рассказали о проектировании рудника Дрозен. Предполагалось, что это будет мощный рудник производительностью 1000 тонн урана в год, оснащенный современной техникой, который придет на замену выбывающим. Не буду приводить технические подробности, расскажу здесь только о некоторых эпизодах.

Место заложения стволов №403 и 415 попало, к сожалению, на старый черешневый сад, прямо-таки чеховская история. Мы с Володей Лопатиным и Борисом Забелиным были там, когда ягоды уже поспели. Круп-

Отдел механизации в здании шпаркасы, на третьем этаже (1993 г.)

В.В. Лопатин

Б.П. Забелин

ные, темно-вишневого, почти черного цвета, очень сладкие ягоды. Деревья, наверное, нам это предательство не простили, что мы вскоре в полной мере и вкусили.

Первая сложность возникла после получения данных по структурным скважинам по осям стволов №403 и 415. Проходчиков ожидали три водоносных горизонта на первых ста метрах. Нужны были спецспособы проходки. Цементация или замораживание? Проектировщики приняли решение — цементация. Для выполнения работ пригласили народное предприятие из Гоммерна, специализировавшееся на цементационных работах, которые оно вело на севере ГДР при поисковых работах на нефть. Прибыло оборудование — буровые установки, мощные цементационные насосы и бригада во главе с бригадиром. Бригадир — молодой голубоглазый симпатяга с русыми кудрявыми волосами — оптимистично заявил, что, мол, ребята, задавим воду, не такую давили. Цементационное оборудование может развивать давление до 200 атмосфер. Так что не беспокойтесь. И пошла машина в ход, и грохочет, и ревет.

Прошло некоторое время после начала цементации, мне звонит Володя Лопатин и говорит, что надо ехать на Дрозен и разбираться. Ему звонил маркшейдер из Дрозена и сообщил, что все маркшейдерские отметки на поверхности поползли вверх. Скорей всего, это результат цементационных работ. Мы приехали на площадку ствола №415. Маркшейдер показывает результаты. Да, действительно отметки поползли вверх. Цементационные насосы работают и «дают» раствор. Ищем симпатягу-бригадира. Рабочие, улыбаясь, говорят, что скоро будет, он уехал по делам. Работы в дальнейшем остановили. Оборудование увезли, рабочие с бригадиром уехали. Но до нас дошли слухи, что в окрестностях Дрозена через несколько месяцев некоторые молодые мамы произвели на свет симпатяшек.

Однако неприятностей при проходке стволов №415 и 403 после проведенной цементации избежать не удалось. Причем совершенно с неожиданной стороны. Для монтажа проходческого оборудования необходимо было на стволах пройти технологический отход. Вскрыв 15 февраля 1976 г. проходкой 22-й метр технологического отхода на стволе №415, получили аварийный приток воды вначале порядка 100 м³/час, а

затем, 20 марта, максимальный приток достиг 470 м³/час, после чего уменьшился и к 30 апреля практически прекратился. Водоприток был из пермотриассовых доломитов, которые на структурной скважине были отмечены как «0,5 метра — потеря керна» и зацементированы не были. Для откачки воды использовались гирлянды шведских погружных насосов. Откачивая из ствола воду в течение трех месяцев, осушили все колодцы в округе. Пришлось срочно снабжать поселки привозной водой, искать новый водозабор и тянуть постоянный трубопровод для снабжения населения водой.

Вместе с водой из водоносного горизонта выносило много грунта. В месте водопритока под нижней частью бетонной крепи ствола и подошвой забоя образовалась промоина высотой около метра. В эту промоину я и гидрогеолог Иванов пролезли, чтобы уточнить картину разрушения за крепью ствола. То, что мы увидели, — удручало. Образовалась большая полость высотой метров девять, шириной метров пять, в радиальном направлении — метра четыре, обнажив ряд цементационных труб. Для того чтобы не происходило дальнейшее обрушение полости вокруг ствола, надо было срочно ее забетонировать. Прорубили в крепи ствола отверстие и залили быстротвердеющим бетоном. В дальнейшем при проходке этих стволов осложнений не было. Но перед проходкой вентиляционного ствола №416, гидрогеология которого была примерно такая же, применили замораживание для формирования ледопородного цилиндра глубиной 123 метра.

Потерю времени на цементацию и устранение аварий на стволах №403 и 415 я предложил компенсировать сооружением постоянных копров одновременно с проходкой стволов с последующей подвижкой смонтированных копров на пройденные стволы. Копры монтировались в 50 метрах от стволов. Об опыте проведения таких работ мне стало известно во время командировок из ВНИИОМШСа на Норильский горно-металлургический комбинат им. А. Завенягина. Обсудил этот вопрос с Лопатиным и Забелиным. Решили реализовать эту технологию.

Для копра ствола №403, имеющего вес 478 тонн, был принят оригинальный способ передвижения копра, четыре ноги которого опирались через гидроцилиндры на кессонные воздушные подушки, перемещающиеся по плоским направляющим. После перемещения копра на нужное место гидроцилиндры опускают его на фундаменты. Технология была разработана СМП-17 совместно с народными предприятиями «Нордхаузен» и тяжелого автотранспорта. Операция по продвижке была успешно осуществлена 26 августа 1981 г.

Командировка в «Донецкшахтопроходку» в 1977 г.

Для башенного копра №415, имеющего вес 4700 тонн, был применен метод перемещения по рольганговым звеньям, катящимся по четырем заранее смонтированным и отрихтованным направляющим. Тяговые усилия для перемещения копра создаются лебедками и системой полиспастов. Технология была разработана Проектным предприятием и СМП-17. На продвижке заранее смонтированного копра мы выиграли два года.

Неожиданной проблемой стала наладка подъемной машины МК 5 × 2 для ствола №403. Ни группа наладки завода-изготовителя, ни специалисты из других уважаемых наладочных организаций не могли довести до ума эту прекрасную машину, с современной системой управления. Сроки сдачи подземного комплекса поджимали.

Последней надеждой на спасение был главный инженер ПромНИИпроекта Леонид Андреевич Сергеев, работавший в 1965—1968 гг. в «Висмуте», профессионал высочайшего класса. К счастью, у него нашлось окно в рабочем графике, и он приехал в «Висмут» по линии технической помощи на пару недель.

Этого времени оказалось достаточно, чтобы вдохнуть жизнь в эту мертвую грудку металла и современной электроники. Как женщина, вытаскивая заколку из своих волос и встряхивая головой, распускает волосы и показывает их великолепие, так и Леонид Сергеев, найдя конкретную точку в схеме, дал машине заработать на всю мощность. Репутация советской подъемной машины была спасена.

В 1982 г. начались опытные очистные работы на блоке №729. Рудник Дрозен стал наращивать добычу урана. Первым и последним директором рудника Дрозен был Роланд Штельциг. С 1985 г. главным инженером рудника назначается Олег Мухарбекович Кастуев.

Для выбора технологии и оборудования для проходки стволов на Дрозене была организована ознакомительная поездка немецкой делегации на лучший в Союзе шахтопроходческий трест «Донецкшахтопроходка». Предварительно я съездил в Донецк и встретился с руководителем треста Рафиком Арминаковичем Туркян, лауреатом Ленинской премии, которой он был удостоен за скоростные проходки стволов, и договорился о времени и объекте посещения нашей делегации. Он предложил посмотреть проходку глубокого ствола на строящейся шахте им. Засядько. Нас интересовали, в первую очередь, современные комплексы проходки стволов и технология ведения работ. В состав делегации вошли: Хайнц Нойман — руководитель 4-го (капитальное строительство) отдела Генеральной дирекции, Лотар Роннеберг — директор организованного шахтопроходческого предприятия, Петер Вайскер — главный инженер проекта рудника Дрозен, бригадир проходчиков (фамилию не помню), Коля Грановский — переводчик и я. Нойман в 1950-х гг. проходил глубокие стволы на Объекте 9 и работал вместе со специалистами из «Донецкшахтопроходки» Мустафиным и Бондаренко, приехавшими по технической помощи для внедрения рейферных погрузчиков и скоростных технологий проходки стволов. И он с большим нетерпением ждал встречи со своим бывшим коллегой — Мустафиным, о котором отзывался с большим уважением.

Товарищи из «Донецкшахтопроходки» встретили и организовали все с традиционным шахтерским хлебосольством и гостеприимством. Мы были на проходке ствола на шахте им. Засядько, посмотрели в работе проходческий комплекс КС-2М и БУКС, и другое оборудование.

Слева на фото: Цементационные работы на стволе №415. Остатки черешневого сада (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH)

Справа: Баки для снабжения населения водой (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH)

Место заложения стволов №403 и 415 «Черешневый сад» (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH)

Л.А. Сергеев

Перемещение копра №403 на кессонной воздушной подушке (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und Sanierung», August 2004, Wismut GmbH)

Во временном здании подъемной машины МК 5 × 2. Почему не работает? Слева направо: П. Вайскер, Г.Г. Андреев, В.П. Назаркин, Б. Лобанов (фото из архива Г. Андреева)

Хозяева организовали в выходной день поездку на их базу отдыха на берегу Азовского моря. На обратном пути посетили заповедник «Хомутовские степи» с ковыльными волнами и перекати-поле.

В конце поездки встречались с Р.А. Тюркяном, обменивались мнениями и обсуждали интересующие нас вопросы. В частности Тюркян заинтересовался нашей технологией проходки сопряжений и пристольных выработок при помощи самоходных погрузочно-доставочных машин и буровых кареток вместо скреперных установок. Мы пригласили его в «Висмут» посмотреть

эффективность этой технологии.

Ознакомление на шахте им. Засядько с работой стволового проходческого комплекса убедило членов нашей делегации в целесообразности закупки и применения его для проходки глубоких стволов Дрозена.

Ну и наконец, Хайнц Нойман и остальные члены делегации были приглашены в гости к его давнему знакомому и коллеге — Заядину Шариповичу Мустафину. Стол изобилует татарскими блюдами (пальчики оближешь), в приготовлении которых хозяин дома, татарин по национальности, знал толк. Застолье перемежалось воспоминаниями Мустафина о работе и жизни в «Висмуте» в далеких 1950-х гг. Один забавный случай, произошедший с ним и его напар-

ником Бондаренко на Лейпцигской ярмарке, особенно нас развеселил. Бондаренко, один из лучших операторов треста, работающих на стволовых грейферах БЧ, обладал недюжинной силой. И вот, обходя павильоны на Лейпцигской ярмарке, они натолкнулись на стенд, хозяин которого демонстрировал свой гайковерт, заявляя, что никто не сможет открутить гайки, завернутые его инструментом. Бондаренко послушал его и попросил: «Дай попробую». Подошел, приложился к гайке своими «музыкальными пальчиками» и... раз — и открутил. Хозяин не поверил, закрутил снова гайку — пробуй. Но «музыкальные пальчики» Бондаренко открутили и эту гайку. На третьей гайке процесс повторился. Вокруг стала собираться любопытствующая публика. Хозяин, видя назревающую скандальную ситуацию, предложил сделать перерыв и зайти в его офис за стендом. Там он предложил выпить и закусить. Ребята согласились. Но когда он налил немецкий доппельт (40 граммов) водки, то ребята обиделись. Пришлось ему наливать в пивные стаканы. В общем, дело кончилось полюбовно — Бондаренко сказал, что больше его гайки откручивать не будет. Ребята ушли довольные, оставив хозяина в раздумьях о путях совершенствования своего гайковерта.

В Москве делегацию встретил сотрудник 8-го Управления Минсредмаша Иван Алексеевич Бычков, который в 1950 г. работал в «Висмуте» начальником производственно-технического отдела Объекта 10. Он любезно согласился показать достопримечательности Москвы членам делегации.

А Рафик Арминакович Тюркян потом приезжал в «Висмут» и убедился, что при нашей технологии проходки рассечек рудяков и околоствольных выработок с помощью самоходных погрузочно-доставочных машин и буровых кареток, можно давать производительность более 1000 м³/месяц. Посетовал только, что у них нет такого оборудования, которое производит «Висмут».

«Секретно» и «Совершенно секретно»

С первых дней своей деятельности «Висмут» был закрытой организацией, и сведения о его деятельности носили секретный характер. Это, в общем-то, в условиях конфронтации двух держав и ведения холодной войны, было понятно. Ведь добывали стратегически важный материал, имевший огромное военно-политическое значение. Поэтому все сведения о добыче, содержании и запасах урана в целом по «Висмуту», по его рудникам (производительность, размеры рудных полей, количество горизонтов, глубина работ и т.д.) и обогащательным предприятиям имели гриф «секретно» или

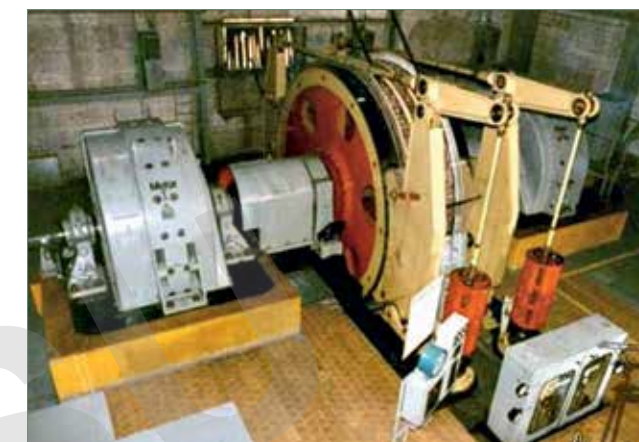
«совершенно секретно». Материалы «секретно» печатались на листах бумаги, имеющих диагональную зеленую полосу, материалы «совершенно секретно» — на листах с диагональной красной полосой. Перечень документов и различных форм, относящихся к тому или иному грифу секретности, ежегодно утверждался техническим директором Общества по представлению секретного отдела Генеральной дирекции. Мне пришлось с этой процедурой лично столкнуться во втором моем заезде, когда я работал техническим директором, заместителем главного инженера Общества. Происходило это следующим образом. Начальник секретного отдела принес мне целую пачку этих перечней и форм (высота стопки примерно 30 см), и каждый лист надо было посмотреть и подписать. Начальником секретного отдела в то время работал Михаил Максимович Ошкин. Очень интеллигентный, спокойный и доброжелательный человек. Он заранее со мной договаривался о дне и времени, когда он может прийти с этой пачкой документов, чтобы в спокойной обстановке подписать их, так как процедура эта длилась часа три. Под конец процедуры рука отваливалась. В один из таких дней, когда пальцы уже деревенели от процесса подписания, я ему говорю: «Михаил Максимович! А ведь половину сведений из тех листов, что мы с тобой подписываем, легко определить безо всяких сложностей. Вот, например, любой грамотный горный инженер по конструкции шахтного копра может определить, на какую глубину он рассчитан. Засекая время начала и окончания вращения шкива на копре, можно определить глубину подъема, количество горизонтов, так как скорость движения клетей — международный стандарт. Опять же, по движению шкива при перестановке определим количество этажей в клетке. Рассматривая поверхность, видим вентиляционные стволы. Становится понятным размер рудного поля. Зная это, можно с определенной точностью определить производительность и все остальные параметры рудника. А содержание урана в добываемой руде можно определить по просыпям на железнодорожных путях или автодорогах».

Михаил Максимович помолчал, потом спросил меня, кому я об этом говорил. Я ответил: «Никому, вот с вами рассуждаю». Он попросил: «Тогда больше никому не говори». И я продолжил ставить свои каракули.

Второй случай на эту тему произошел во время приезда министра Е.П. Славского на празднование 25-летия «Висмута». Ефим Павлович должен был произнести речь на торжественном собрании висмутян в Конгресс-халле Дрездена. Присутствовало несколько сотен немецких горняков в парад-

ных мундирах и при наградах. Все ждали выступления министра. Для своего выступления он поручил Валентину Павловичу Назаркину (в то время он работал заместителем руководителя 8-го Управления) подготовить справку о деятельности «Висмута». Я помог Валентину Павловичу в подготовке материалов. Чтобы придать яркость выступлению министра, решили дать оценку того, какое место среди уранодобывающих предприятий в мире занимает «Висмут». Сравнили цифру годовой добычи с другими производителями, оказалось третье место в мире, и эту фразу включили в справку. Сведения эти по тем временам были секретные. Ефим Павлович выступал как всегда энергично, почти не глядя в справку. Когда он громогласно назвал цифру и место в мире, сопровождая эту фразу энергичным взмахом руки, то зал восторженно загудел. А сидящий рядом со мной Михаил Максимович вжался в кресло и тихо меня спросил: «Кто писал ему выступление?» Я так же тихо ему отвечаю: «Вы же видите, он сам говорит, без бумажки».

Успех выступления Е.П. Славского был впечатляющий. Висмутяне получили высокую оценку своему труду и заслуженно гордились этим. Министр прекрасно понимал, что это значительно лучше и важнее, чем поддерживать секрет Полишинеля.

Подъемная машина МК 5 × 2 ствола №403 (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und Sanierung», August 2004, Wismut GmbH)

Делегация (справа налево): Х. Нойман, Н. Грановский, Л. Роннеберг, второй слева — Г. Андреев, остальные — сотрудники треста

М.М. Ошкин на экскурсии в Берлине. 1977 г.

Разработка и производство дизельной самоходной техники

Успех первого технического перевооружения рудников Роннебургского рудного поля, ликвидация эндогенных пожаров за счет внедрения высокоэффективной технологии отработки рудных тел слоями под твердеющей закладкой, создание мощной машиностроительной базы, выпускающей необходимое оборудование для предприятий Общества, создали предпосылки для дальнейшего совершенствования технологии и техники ведения горных работ. Этому способствовала работа Научно-технического центра и его лабораторий. Главный инженер НТЦ Юрий Евлюхин ознакомил меня с интересной работой, выполненной в горной лаборатории, по совершенствованию системы подготовки блоков с помощью наклонных съездов («рампентехнологи»). Однако с существующим пневматическим погрузочно-доставочным оборудованием, радиус действия которого был ограничен шлангом, эффект полностью не достигался. Требовалось оборудование с независимым, автономным приводом, которое могло бы преодолевать довольно крутые уклоны на съездах и обеспечивать высокую производительность работ, например, с дизельным приводом. Проанализировав выпускаемое в мире оборудование, мы пришли к выводу, что для наших специфических горнотехнических условий подходит однокубовая погрузочно-доставочная машина L-62 западногерманской фирмы.

Х. Нойман, Н. Грановский, И.А. Бычков, Л. Роннеберг в Москве

НТЦ выполнило технико-экономическое обоснование области применения новой технологии применения «рампентехнологи», возможного увеличения производительности труда забойщика и снижения затрат на ведение работ. Исследования дали хорошие результаты при работе в горнотехнических и горно-геологических условиях, известных на то время. Но для реализации этой «рампентехнологи» требовалось принципиальное решение руководства «Висмута», так как кроме изменения самой горной технологии необходимо было изготавливать прин-

ципиально новое для «Висмута» оборудование (дизельное погрузочно-доставочное оборудование, буровые станки для бурения рудоспусков), решать вопросы его обслуживания и ремонта, разработки новых сечений выработок под это оборудование и мн. др.

Я пошел на доклад к Генеральному. Семен Николаевич внимательно выслушал, задал вопросы и дал принципиальное согласие на продолжение работ, поручив доложить о нашем разговоре Вернеру Рихтеру и готовить доклад на НТС Общества. Разговор с Вернером был обстоятельный и долгий. Он сразу представил масштабность работ. Но в первую очередь надо было подготовить доклад на НТС. Он не будет легким. И Рихтер оказался прав. На НТС было много вопросов, как со стороны директоров рудников, так и со стороны геологов. Всех беспокоила наметившаяся тенденция к ухудшению горно-геологических условий при переходе к отработке флангов Роннебургского рудного поля. После активных обсуждений НТС было принято решение развивать это новое направление совершенствования технологии и техники с учетом конкретных горнотехнических и горно-геологических условий. И тут дело закрутилось. Была разработана программа «Развитие самоходной дизельной техники», охватившая практически все предприятия Общества. Первая задача — изготовление самой дизельной техники. Основное условие — все компоненты разрабатываемого оборудования должны производиться только в странах СЭВ. Изготовление первых образцов погрузочно-доставочных машин с емкостью ковша 1 куб. м было поручено заводу «Гормаш Ауэ». Для того чтобы учесть при разработке конструкции интересы и требования всех, кто будет работать с этим оборудованием, я организовал рабочую группу, состоящую из заинтересованных специалистов: конструкторов завода-изготовителя; горняков, которые будут работать на машинах; слесарей-ремонтников, которые будут ремонтировать; службы вентиляции, для учета требований санитарно-гигиенических условий; проектировщиков и сотрудников горной лаборатории НТЦ — для разработки технологии ведения горных работ, паспортов горных выработок и организации всей инфраструктуры обслуживания нового оборудования. Раз в неделю мы собирались в моем кабинете и решали возникающие проблемы. Это позволило в кратчайшие сроки (менее года) разработать и изготовить в 1976 г. первые образцы машин и приступить к их испытаниям. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что новое дизельное оборудование было создано в «Висмуте» в беспрецедентно короткое время. От начала разработки технического задания,

конструирования, испытания опытных образцов до серийного производства прошло всего 1,5 года. В 1980 г. объемы очистной выемки по технологии «рампентехнологи» с применением дизельной техники на ведущих рудниках Роннебургского рудного поля достигли 50%.

Эта работа по созданию и освоению самоходной дизельной техники доставляла мне огромное удовлетворение от реализации задуманных планов и возможности видеть востребованность плодов своей деятельности. Кроме того, работа над этой проблемой позволила мне познакомиться с большим количеством людей, которые также были заинтересованы в успехе дела, увлеченно и творчески искали оптимальные варианты решения. И такие люди были на всех предприятиях, связанных с решением этой проблемы. На руднике Шмирхау технический директор Рудольф Дейнеке, понимая преимущества самоходного дизельного оборудования, предложил вскрыть нижние горизонты наклонным съездом с помощью этой техники. На руднике Беервальде инициаторами вскрытия нижних горизонтов по этой технологии выступили технический директор Гюнтер Пич и главный инженер Петр Кузема.

На фото, приведенном выше, мы разговариваем с Йоханом Ботэ — одним из лучших бригадиров проходчиков рудника Пайцдорф, работавших в очистных блоках на дизельном самоходном оборудовании. Йохан Ботэ перешел в «Висмут» из угольной шахты в 1967 г. 24-летним парнем и успешно работал на руднике Пайцдорф до 1990 г.

Какое место занимает «Висмут» в моей пятидесятилетней трудовой деятельности? В общей сложности 18 лет — не такой уж и большой срок. Но по своему воздействию на меня как на специалиста и человека имел решающее значение.

Как предприятие, «Висмут» органично сочетал в своей деятельности производство, науку и проектирование, считая это залогом успешных результатов своей работы. Начав работать в НТЦ, я почувствовал это в своей повседневной деятельности. Тематика научно-исследовательских работ формировалась из конкретных запросов предприятий и перспективных планов развития «Висмута». Успешное решение правильно отобранных задач обеспечивало успешную работу Общества «Висмут». Это повышало ответственность и заинтересованность исполнителей в получении необходимых результатов. Полученный опыт в последующие годы я применял в процессе своей работы по организации и управлению НИОКР в системе высшей школы России.

Работая рядом с немецкими специ-

Работа над изготовлением нового рудничного оборудования позволила близко познакомиться и подружиться с Хельмутом Бергнером — директором завода KRB. Он с энтузиазмом воспринял предложение о разработке и изготовлении этого самосвала и погрузочно-доставочной машины, так как это позволяло развивать завод и его конструкторский потенциал. Мы много ездили с ним по ГДР в поисках нужных компонентов для изготовления самосвала. Дружили мы и семьями. Встречались, как говорится, домами. Наши дружеские отношения сохранились у нас до сих пор.

Работа по развитию дизельной техники сдружила меня с бригадиром проходческой бригады Рудольфом Хайнцем. Его бригада проходила с помощью дизельных погрузчика и самосвала наклонный съезд для вскрытия нижних горизонтов рудника Беервальде. Оборудование было изготовлено на заводе KRB. Мы частенько посещали с Хельмутом Бергнером бригаду Рудольфа, чтобы знать мнения и замечания горняков и вовремя внести изменения в конструкцию оборудования. Рудольф Хайнц в этом нам здорово помогал, так как был профессионалом своего дела и давал дельные замечания. В жизни и общении это был компанейский товарищ, любивший и понимающий юмор. Неоднократно мы семьями встречались в домах отдыха. До сих пор переговариваемся по Skype. Один из эпизодов нашего общения приведен в воспоминаниях об охоте.

Вспоминая о прошлом, думая о будущем

алистами, учился у них тщательности в проведении экспериментов, рациональной основательности и аккуратности. Неоднократно был свидетелем того, как поставляемый образец техники, разработанный и изготовленный на союзных предприятиях, приобретал новые качества после осмысления и доработки их немецкими специалистами.

Строгое соблюдение немецкими рабочими технологии ведения работ — залог безопасного и производительного труда. Это качество отмечал не только я, но и многие

Михаил Максимович Ошкин, начальник секретного отдела Гендирекции

Слева направо: Юрий Найденов, Вернер Рихтер, бригадир проходчиков Йохан Ботэ, Георгий Андреев. 1980 г.

наши специалисты.

И конечно, чувство коллективизма и товарищества, традиционно свойственное горнякам и горняцкому труду, было присуще всему коллективу «Висмута». Без всяких сомнений, это чувство особенно укрепилось и развилось в условиях социалистического общества ГДР.

Сейчас, после объединения Германии, предпринимаются ширококомасштабные усилия по криминализации истории ГДР, по дискредитации ее успехов в построении общества социальной справедливости. Да, как и в Советском Союзе, так и в ГДР, были допущены ошибки. Как сказал Маркус Вольф в своей книге «Игра на чужом поле»: «Мы потерпели крах, но не потому, что внедряли слишком много социализма, а потому, что слишком мало.

...преступления, имевшие место при Сталине, — это не преступление коммунизма, а преступление против коммунизма.

Но это не означает, что целая эпоха и ее положительный опыт должны исчезнуть из памяти человечества. Право на оплачиваемый и гарантированный труд, на бесплатное образование и здравоохранение, на обеспеченность жильем — является неоспоримым достижением социализма. Это стало очевидным сейчас, когда в обществе потребления и власти денег эти права отобрала. Поиск модели справедливого общества продолжается. События последнего мирового экономического кризиса показывают, что этот поиск актуален как никогда.

Могут ли люди в перспективе быть удовлетворены такой моделью цивилизации, основной чертой которой является подчинение всего диктату собственности? Власть денег прибегает к насилию не меньше, чем власть государства. Она действует не так явно, но не менее жестко.

Неясный страх перед будущим чувствуется повсюду и происходит оттого, что наша современная общественная система не только не в состоянии решить большие проблемы, перед которыми стоит человечество, но и порождает новые и еще большие проблемы»²³.

Не избежал участи пересмотра истории «в связи с вновь открывшимися фактами» и «Висмут». Открытые в России для широкого доступа архивы дают для работы с ними широкое поле деятельности. И это хорошо. Но давайте теперь откроем архивы, и не только спецслужб, в Германии и США, которые касаются деятельности «Висмута». В против-

ном случае история «Висмута» будет переосмыслена и переписана в угоду только одной точки зрения, точки зрения «победителя» в холодной войне.

Чем же все-таки был «Висмут»? Какой след он оставил в истории, и насколько история «Висмута» значима для двух народов, создававших это предприятие?

Безусловно, это история создания и деятельности уникального уранового предприятия, сыгравшего свою определенную роль в сохранении мира и баланса сил на планете.

С другой стороны, это история сближения и примирения двух народов, которые только что стреляли друг в друга. Процесс проходил постепенно, и не все было гладко. Но разум и стремление к спокойному миру восторжествовали.

В этой связи мне вспоминается эпизод, произошедший в 1965 г. в автобусе, развозившем немецких горняков после смены с шахты №371 Объекта 9. Мне его рассказал Анатолий Кретинин, ехавший в нем. Как правило, через пять минут после отправления автобуса все его пассажиры — уставшие после смены горняки — засыпали и синхронно качались, повторяя повороты автобуса. Но в этот раз попался мужичок, который будоражил весь автобус разговорами, что, мол, нас, немцев обидели, нас унижают, надо восстановить справедливость. Народ гудел, кто-то поддерживал, кто-то нет. Это продолжалось до тех пор, пока один пожилой немец не сказал: «Вот мы в свое время одного оратора слушали и шли за ним. И что осталось от Великой Германии? Вот еще одного дурака послушаем — останется один только Ауэ». Автобус грохнул от смеха.

В 2009 г. наша делегация висмутян была в Мюнхене. Пили пиво во всемирно известной пивной, связанной со многими событиями, вздыбившими весь мир. С нами за столом сидела немецкая супружеская пара из-под Страсбурга. Мы разговорились и после продолжительной, очень дружеской беседы пришли к выводу, что ни немецкому, ни русскому народу ничего друг от друга не надо, кроме мирного труда и дружбы. И что если бы простые люди — труженики — больше общались между собой и сами бы решали свои судьбы, то не было бы ни войн, ни ненависти.

Вспоминая все это, понимаешь, что самое значимое место в истории «Висмута» — это формирование **взаимопонимания, добрых человеческих отношений между простыми тружениками двух государств.**

Райнер Калиш, Георгий Георгиевич Андреев, Фриц Фишер, Бауман Роналд, Бернхард Конецки. Апрель 2008 г.

Слева направо: Клаус Хинке, Манфред Хоффман, Вернер Рихтер, Г.Г. Андреев, Хорст Йобс, Дитер Райман, Гюнтер Питч, Альфред Вильмут. Июнь 2009 г.

В архиве «Висмута». Слева направо: Е.Г. Субботин, Вернер Рихтер, Райнер Калиш, Г.Г. Андреев, Томас Хенчке, А. Сергеев, А.Г. Андреев, А.А. Андреев. 2 июня 2009 г. Хемниц.

²³ Маркус Вольф. Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки. М.: Международные отношения, 1998.

Евгения Ефимовна Данилова

Данилова Евгения Ефимовна (девичья фамилия — Еремеева) в 1951г. закончила Харьковский горный техникум, специальность — плановик-экономист.

СГАО «Висмут» в моей жизни

Е. Е. Данилова. ГДР. 1951 г.

Из 100 человек — выпускников Харьковского горного техникума — нас отобрали 5 человек; закрыли в аудитории, и под присмотром члена комиссии по набору кадров заставили писать автобиографии. Затем сказали: «никого не оповещать о подробностях, вы едете работать в «почтовом ящике № 27304».

У меня были совсем иные жизненные планы: я попадала в 5% выпускников, поступающих без экзаменов в Харьковский горный институт, но на мои планы мне было заявлено, что учиться уже достаточно, надо работать в интересах государства. Это слово «надо» меня сопровождало всю мою жизнь.

Нас везли железнодорожными составами, были в основном девочки и мальчишки; ехали, конечно, не «за деньгами» (да мы тогда еще и не знали цену деньгам) и не «за туманом и запахом тайги». Мы ехали в «никуда», ехали, потому что Родина позвала! Это сейчас звучит пафосно, а ведь это было на самом деле так. Мы, «висмутяне», спасли мир всему человечеству, так как были непосредственно причастны к событиям, предотвратившим третью мировую войну.

В 1951–1952 гг. в «Висмут» прибыла основная масса молодых специалистов, в основном — сразу после студенческой скамьи. В короткий срок для нас были созданы все условия для жизни и для работы (сейчас приходится удивляться, как это можно было создать за такое короткое время). Нам повезло: мы начали свою трудовую деятельность под началом опытных и профессиональных специалистов, самоотверженных, доброжелательных, чужеземных людей. Они нам были не только учителями и наставниками, но, по сути, и «отцами». Такие как Богатов, Богатырев, Милютин, Г.Г. Баяджан — главный инженер, начальник 29-го объекта, Гадашевич, Л.П. Носов — начальник планового отдела, Стеискал — начальник партии, с которым я непосредственно работала. Я его всю жизнь вспоминаю с благодарностью. Это он «проложил мне дорогу» в моей планово-экономической работе, помог мне стать профессиональным специалистом. С огромной теплотой вспоминаю Данилова Георгия Михайловича, Данильянца Александра Абрамовича, работавших главными геологами I-й геологоразведочной экспедиции.

Работали непосредственно с немецкими коллегами: они были старше, но отношения складывались очень доброжелательные, в духе сотрудничества. Пригодилось

мое знание (хотя и не на высоком уровне) немецкого языка.

На 29-ом объекте царила очень доброжелательная атмосфера как в производственных отношениях, так и просто человеческого общения. Фактически мы жили коммунально, все были как родные. Здесь я встретила свою любовь, и в 1952 году вышла замуж за Данилова Юрия Сергеевича, а в 1953г. у нас родилась дочь — Данилова Наталья Юрьевна (в настоящее время ее фамилия Левина). Я была в декретном отпуске с дочуркой только лишь 2 месяца (такое в то время было законодательство), затем мне предоставили нянечку из немецкого персонала, которая очень привязалась к дочке, а мы — к ней. Позднее вступили в строй ясли и детские сады.

Наш «первый заезд» продолжался с 1951 по 1957 гг.

* * *

«Второй заезд» — с 1967 по 1972 гг. В это время жены специалистов уже не имели права работать. Но они находили свое применение в организации и непосредственном участии в общественной жизни объектов «Висмута», в проведении различных мероприятий в сфере спорта, художественной деятельности, постановки самодеятельных спектаклей и организации концертов, организации досуга детей и взрослых.

Я занималась организацией мероприятий по укреплению дружбы советских и немецких женщин.

Большая и разносторонняя работа проводилась с детьми по линии родительского комитета. Особенно мне запомнился период работы, когда председателем родительского комитета был Балковой Петр Ильич — очень интересный и творческий человек. Мы организовывали вечера для ребят-старшеклассников на тему: выбор профессии. Приглашали специалистов из разных отраслей, которые в доверительной обстановке очень интересно рассказывали о своих профессиях и направлениях деятельности, давали ребятам свои рекомендации и тем самым открывали «окошки в будущее».

Польза от этих вечеров была огромная, ведь в условиях почти полной изоляции детей от родной страны и очень ограниченного круга общения со своими сверстниками нужно было формировать из них «личностей», четко понимающих свои цели в будущей жизни. В этом смысле большую пользу в воспитании ребят различных возрастов

имела деятельность Дома школьника, в котором в период моего пребывания работали Сиромолот Н.В., Голикова В. и др.

Огромную работу проводили в организации зимних и летних детских лагерей и работали в них в качестве руководителей Н.П. Подоляко, М.П. Евлюхина.

* * *

Я работала в течение 5-ти лет начальником зимних и летних лагерей, организованных для ребят-старшеклассников.

Со мной вместе работала М.С. Непомнящая — необыкновенная женщина, замечательный повар. Благодаря ей качество питания детей у нас всегда было на высоте. Со мной также работала опытный врач — Обухова, с которой нам пришлось пережить много волнующих событий.

Что такое в те годы организовать выездной лагерь для советских детей в чужой стране, да еще и своими силами, без опытных профессионалов-педагогов? Это были совершенно уникальные организации, и ответственность на сотрудников, воспитателей, а тем более директора, возлагалась огромная. Конечно, очень трудно было с подбором персонала: воспитателей подбирали в основном из преподавателей школ, но далеко не всякий подходил для работы в детском лагере: здесь ведь не так важно знать свой предмет, а самое главное — уметь работать с детьми, быть интересным для них, и, конечно, понимать степень ответственности за доверенных тебе детей. Подготовка к работе в лагере проводилась очень тщательно: заранее обсуждались и разрабатывались все мероприятия. Активное участие в этом принимали и руководители СГАО «Висмут»: Зверев Н.Д., Щелкалин В.М., Горожанкин Д.С., все это им тоже «крови стоило». Конечно, предпринимались все усилия, чтобы обеспечить четкую организацию жизни лагеря, предотвратить какие-либо сбои, насытить жизнь детей интересными занятиями, спортом, музыкой, т.е. предоставить нашим детям полноценный оздоровительный отдых. Старались, чтобы каждая минута их времени была заполнена полезными делами.

* * *

В подростковом возрасте энергии много, «кровь бурлит», и не всегда удавалось с этим справиться. Так, в зимнем лагере Шнееберг группа ребят ночью самовольно ушла из лагеря полазить по горам. Несмотря на договоренности со своей воспитательницей (заслуженный преподаватель географии), которая обещала сопровождать ребят в походе, договоренности с нами — руководством лагеря — об организации похода в сопровождении инструктора-спортсмена, прибытия которого мы ожидали, дети решили, что справятся сами. Взяли какие-то веревки, канат,

ночью выбрались из лагеря (даже сторожа с собаками не заметили) — и пошли покорять высоты. Не буду называть фамилии этих ребят, они, конечно, себя узнают. Без опыта, без хотя бы предварительных тренировок и знания правил альпинизма, ничего хорошего из этой затеи не могло получиться.

И действительно, произошла трагедия: поднимаясь друг за другом по канату, не соблюдая дистанции, парень, находящийся наверху, задел громадный булыжник, который оторвался и упал на нижестоящего мальчика и разбил ему голову.

Мы обнаружили пропажу детей рано утром. Только вышли из спального корпуса — а нам навстречу бегут ребята из группы и зовут на помощь. Мы на машине немедленно подъехали к речке: дальше машина не шла, и к нам через речку ребята уже несли пострадавшего на самодельных носилках.

Сразу была оказана первая медицинская помощь врачом Обуховой. Только мы с ней знали, в какой опасности находился мальчик. Благодаря хорошо налаженной связи с советским и немецким руководством, срочно были предприняты все меры по его спасению. А также благодаря вмешательству г-на Штриница удалось связаться с близлежащими больницами, из трех больниц нам навстречу выехали машины скорой помощи. Первой была машина из Дрездена. Прямо в машине скорой помощи началась активная работа медиков по спасению мальчика. На наше счастье в больнице в этот день на дежурстве находился очень известный немецкий врач — хирург, благодаря ему не было потеряно ни секунды драгоценного времени. В больницу съехались все: наши врачи, советское руководство, немецкие руководители, родители, только я никого не видела, находясь в шоковом состоянии, и только одна мысль меня сверлила: только бы остался жить!

Операция длилась долго, эти часы для всех нас были трагично тяжелыми. Из операционной вышел хирург, почему-то выбрал меня из массы людей, как будто прочитал мои мысли, и произнес: «Будет жить!». Моему счастью не было предела. Надо отметить, что Л.Д. Зверев, В.М. Щелкалин, Д.С. Горожанкин очень меня поддерживали, как могли успокаивали, и строго поручили оставаться на своем месте директора лагеря и продолжать работу. Мне, конечно, после всего случившегося очень трудно было согласиться продолжить работу, были опасения, что в Зигмаре начнется паника среди родителей, у которых дети находились в лагере.

Ребят, нарушивших дисциплину, собирались отправить на объект, к родителям, и затем оформлять их выезд из Германии в 24 часа, как было регламентировано при особо тяжелых нарушениях режима пребывания

Е.Е. Данилова. 1980-е гг.

советских специалистов в «Висмуте». Но в этой ситуации я вступилась за ребят: ведь находясь в чрезвычайных обстоятельствах, они все же не растерялись, не бросили травмированного товарища, быстро соорудили носилки, перенесли пострадавшего через речку. Принятие решений проходило в очень напряженной, нервной обстановке, все было на пределе. К счастью для всех жестких наказаний удалось избежать, ребята с родителями остались в Германии. А пострадавший прошел лечение, выздоровел, впоследствии поступил в институт, закончил его и сейчас успешно работает.

* * *

Летом организовывался детский лагерь в маленьком немецком городке на Балтийском море — Цинновце, очень любимый ребятами.

Инициатива организации этого лагеря принадлежала Дмитрию Степановичу Горожанкину. Он же меня уговорил быть начальником этого лагеря. Сейчас вспоминаю и себе удивляюсь: как я могла согласиться на эту работу, ведь территориальное месторасположение — очень далеко от Зигмара, на море, окружающее немецкое население — с совсем другим менталитетом и отношением к русским (они не знали, что за предприятие «Висмут» и кто такие и зачем — русские специалисты, работающие там). Все приходилось осваивать заново, вживаться в окружение. Конечно, все могло случиться: начиная от качества еды, воды, купания в море и т. д., т. е. можно было ожидать всяких провокаций. К тому же рядом — корабли с моряками, а у нас в лагере — симпатичные девочки — девушки; неподалеку дикий пляж — в общем, были соблазны.

Нам с Дмитрием Степановичем много пришлось поработать, чтобы подготовиться к заезду ребят и началу сезона: наладили связи со всеми необходимыми нам службами и организациями в городе, заключили договоры на поставку продуктов, договорились об организации развлекательных мероприятий.

Лагерь заработал. В первый заезд были только старшие ребята, позже брали и младших школьников. Этот лагерь на море был очень популярен среди ребят, а так как мест было все же мало, то в дальнейшем путевки получали только ребята с хорошей успеваемостью в школе и примерным поведением в других детских лагерях. Очень много было интересных мероприятий, в том числе воспитательного плана. Вот одно из них: мы устраивали «Дни самоуправления», в которые воспитатели и ребята менялись местами: дети руководили своими старшими наставниками. Исключение составляла только моя должность — начальника лагеря; я, конечно, контролировала ситуацию.

Подчас ребята меня умиляли: они так старались быть ответственными и добросовестными в роли воспитателей, так подражали им. Распорядок дня не менялся. При «руководстве» ребят дни проходили как-то особенно организованно, интересно, весело. Более всего меня удивлял Павел Шиловский. Он исполнял обязанности начальника лагеря, т. е. мои обязанности, естественно, подражая мне. За день они все так уматывались в роли старших — воспитателей и руководителей, что к вечеру все «валились с ног» — было уже не до проказ.

Зато в Зигмаре у руководства в такие дни не было покоя — особенно у Дмитрия Степановича Горожанкина, связь с нами поддерживалась ежечасно. А после он меня просил, чтобы я ничего такого не придумывала и не экспериментировала. Но мы все равно что-то придумывали, так как очень хотелось сделать пребывание наших детей в лагере интересным и запоминающимся. Все ребята у нас были замечательные. Я очень благодарна Ольге Холиной, которая нам, взрослым, очень помогала в воспитательной работе. Она пользовалась большим авторитетом как у младших ребят, так и у своих сверстников. А ведь впоследствии она стала блестящим педагогом, возглавляет учебные заведения, а талант проявился еще тогда, в нашей интересной лагерной жизни.

* * *

«Моим» ребятам сейчас от 50 до 60 лет. Со слезами на глазах от радости я имела возможность встретиться со многими из них на I съезде «висмутяне». Они с радостью подходили ко мне, напоминая о прошлых событиях, спрашивая: а вы нас помните? Я-то помню все и всех, только иногда трудно узнать в них, повзрослевших и немного постаревших, своих воспитанников. И я очень горжусь, что все они состоялись как личности, нашли свою профессию, нашли свое место в жизни, они были и остались умными, талантливыми, очень внимательными и красивыми.

К сожалению, я не всех видела, а хотелось со всеми пообщаться именно на съезде «отцов и детей».

Мое напутствие: дорогие ребята! Благодаря инициативе Георгия Георгиевича Андреева, Александру Андрееву, и другим активистам положено начало нашему движению, это настоящие «висмутяне» — это слово звучит гордо! Будь то человек из тогда Советского Союза или немецкие специалисты, и не все знакомые друг с другом — все они — «одной группы крови», я бы им все присвоила 5-ю группу — наивысшего качества.

Это люди самоотверженные, глубоко порядочные, трудолюбивые, с высочайшим чувством ответственности и порядочности, отзывчивые и человечные.

Ю.С. Данилов. 1980-е гг.

Иван Семенович Крашкин

Горный инженер, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, работал с августа 1950 по август 1954 года в САГ, СГАО «Висмут» в должностях начальника геолого-разведочной партии объектов 39 и 29, экспедиции объектов 90 и 29, в 1954 году до ликвидации объекта 29 совмещал должности главного инженера объекта и начальника геологоразведочной экспедиции. После ликвидации объекта 29 руководил самостоятельной экспедицией №2 (Роненбургской, Тюрингской), в 1954 году переведен на работу начальника производственно-технического отдела Геологического управления СГАО «Висмут».

Были еще две краткие поездки: одна в 1968 году по оказанию технической помощи, другая - в 1969 году по приглашению города Роненбурга на празднования 20-летия образования ГДР.

Моя деятельность в «Висмуте»

Коротко о себе. Родился в 1928 году в шахтерском селе Секирино Скопинского района Рязанской области. На окраинах села бельгийская компания вела добычу угля подземным способом. Отец - Крашкин Семен Егорович - в 14 лет начал работать на одной из шахт подземным рабочим. В Советское время был известным в Подмосковном угольном бассейне заведующим шахтой.

В 1945 году окончил среднюю школу в г. Скопине и в этом же году поступил в Московский Горный Институт им. И.В.Сталина. С шахтерским трудом познакомился рано: во время летних каникул после 8 и 9 классов работал рабочим маркшейдерского отдела шахты №46.

* * *

После окончания института планировал работать на шахтах Подмосковного бассейна. В комиссию по распределению молодых специалистов комбинат «Москва-уголь» направил запрос на меня. Во время дипломного проектирования в институте приехал подполковник и стал агитировать распределиться на работу на секретном производстве по специальности, но что это за производство, объяснено не было. На то и секретное. Всем выпускникам предлагалось заполнить довольно подробную анкету и иметь поручительство члена КПСС. Я заполнил анкету, рекомендацию мне дел доцент И.Д.Востров. После сбора анкет подполковник в институте больше не появлялся. В студенческой среде распространялись самые различные слухи о нашей будущей работе. Больше всего слухов о том, что направляют нас в Китай. После защиты дипломов представитель, собиравший анкеты, сообщил, что мы можем воспользоваться положенным нам отпуском, а по его окончании позвонить по определенному телефону. Что я и сделал в конце отпуска, находясь у родителей в Скопине. По телефону мне сообщили, что мои документы готовы и я должен прибыть в Москву и далее следовать к месту работы (еще неизвестному). В Москву я отбыл с чемоданом, в котором была пара

белья и свиной окорок, которым снабдили меня родители.

В Москве во дворе отдела кадров, располагавшегося тогда на улице Солянка, было множество молодых специалистов, среди которых ходили самые разные слухи о месте будущей работы. Я сдал свой паспорт в бюро пропусков, но мне его вернули, так как он оказался просроченным. Из отдела кадров сообщили, что вышлют новый. Вскоре я получил этот новый паспорт - синюю книжечку, из которой я, наконец, и узнал, что направляюсь на работу в ГДР. В отделе кадров со мной, конечно, еще раз провели инструктаж по правилам поведения за границей и сообщили, что на Белорусском вокзале я должен купить билет до Франкфурта на Одере, где меня и моих коллег встретят представители нашей будущей работы.

В Бресте, где происходила пересадка на поезд с более узкой, чем в СССР железнодорожной колеи, меня поразил таможенный зал. Большое впечатление произвела и сама таможня. В центре большого зала, образуя замкнутый прямоугольник, стояли столы. Все таможенники помещались внутри этого прямоугольника. На столах стояли досматриваемые вещи, рядом с вещами - их владельцы. В целом досмотр носил довольно поверхностный характер. По прошествии небольшого промежутка времени, таможенники возвращали нам наши паспорта, и мы переходили на другую платформу, где и находился поезд, который следовал уже непосредственно в Германию. Путешествие по Польше приятным назвать было нельзя, поскольку поезд состоял из вагонов пригородного сообщения.

В сам Франкфурт мы прибыли днем. Тут же огромное впечатление произвели разрушенные здания около вокзала. Необходимо, однако, отметить, что все было вычищено и убрано ровно настолько, насколько это вообще можно было вычистить и убрать. Новым для меня было и то, что на перроне не было носильщиков, а все грузы перемещались электротроками. Всех прибывших в Висмут встре-

И.С. Крашкин

тил представитель, нас разместили в комфортабельный автобус, который повез нас в Зигмар. В Зигмаре нас всех разместили в большой комнате человек на 10-12, а утром провели еще один инструктаж по правилам поведения. Инструктаж этот вели зам. генерального директора Висмута А.А.Солопов и начальник отдела кадров полковник Карпенко.

Точно не помню, в этот же самый день или в следующий, я был распределен на работу на объекте №30 в Тюрингии. Вместе со мной был отправлен мой однокашник

А.Мкыртытян и другие молодые специалисты. Нас собрал начальник отдела советских кадров Володя Соловьев, и на автобусе мы поехали в г. Ильминау, где и располагался объект №30. По дороге в ресторане «Христофор Крейц» - на пересечении двух автобанов, были мною и Акопом Мкыртычаном выпиты две бутылки московской водки, после чего поздно вечером и под хмельком прибыли мы в Ильминау. Мест в гостинице не оказалось, и ночь мы провели на каких-то диванах. Утром нас принял начальник объекта Пельх П.С., человек с жестким характером. Меня назначили начальником геологоразведочной партии №1, а Мкыртычана - начальником партии №5.

Несколько слов об Ильминау. Город расположен в центре Тюрингского леса и очень красив. Улицы идут по склонам невысоких гор, заросших хвойными деревьями. Город часто посещал Гете, и на вершине одной из этих невысоких гор расположился его замок, сохранившийся и до сих пор. На вершинах гор располагались также несколько туберкулезных санаториев. Чистые и опрятные улицы, по которым ходят местные жители - многие в кожаных шортах и небольших шляпах с пером.

За мной на DKW (была в городе такая машина с мотоциклетным двигателем и максимальной скоростью 60 км/ч) на следующий день приехал и.о. начальника ГРП - он же главный инженер объекта Д.М. Москаленко вместе со старшим инженером по горным работам.

Управление партией располагалось в городе Заальфельде. Заальфельд, расположенный вдоль реки Заале, - крупный промышленный центр, одним из основных предприятий которого был металлургический комбинат «Максгюте». Главная досто-

примечательность города - «Фенгротен» - грот, располагавшийся в горе на окраине города. Внутри пещеры было небольшое озеро, обросшее сталактитами, при искусственном освещении это создавало впечатление города с домами и замками. Эта достопримечательность пользовалась большой популярностью у населения. Советские рабочие и обслуживающее работы подразделение солдат размещались в двухэтажных коттеджах на окраине города, неподалеку, в таком же коттедже располагалось управление партией.

В течение первых дней моего пребывания в Заальфельде Д.М.Москаленко и Р.Д.Ищенко вводили меня в должность. Происходило это в одном из гастховов (трактиров) города, куда были приглашены все местные руководящие работники. Им сообщили, что я назначен начальником партии, рассказали обо мне кратко-ознакомительно, в том числе упомянули, что я горный инженер. С этого началась моя самостоятельная жизнь в «Висмуте».

Геологоразведочные и поисковые работы велись на обширной территории. Методика поиска и разведки состояла в следующем. Излучалась геологическая характеристика той или иной местности по детальным геологическим картам, на основе которых изучались участки возможного оруденения. После этого на этой площадке проводились так называемые профилирование. Через определенное расстояние (обычно 20 м) устанавливались колышки. По этим профилям через 20 м проводили забор воздуха из почвы, для чего в земле делали лунку шириной до (0,1 м), в которую вставляли перфорированную трубу и с помощью водяного насоса откачивали воздух, который проходил через прибор, фиксирующий наличие или отсутствие радона. Все эти операции проводила бригада из трех человек: двух местных рабочих и солдата, который работал на измерительном приборе. Одновременно в работе находилось несколько бригад. Данные, полученные прибором, расшифровывались геофизиками и затем передавались геологам, которые принимали решение о необходимости детальной разведки мест с повышенным содержанием радона. Рылись разведочные каналы глубиной до 1,5-2 м и длиной до 40-50 м. В случае обнаружения оруденения проходили из канавы мелкие шурфа, глубиной до 4-5 м, или глубоких шурфов, оборудованных механическим подъемом или лестницей. Из шурфов, как правило, на глубине 30 м осуществлялось проведение горизонтальных выработок, а в случае необходимости, и углубление шурфов. Дальнейшая разведка охватывала значительную площадь, на которой осуществлялось бурение скважин и их коротание. Заключительным этапом разведки

являлось проведение геологоразведочных стволов шахт и проводка горизонтальных подземных выработок. Образцы пород из шахт, шурфов и горизонтальных выработок отправлялись на анализ в Грюну. Обследование канав, шурфов, подземных выработок, осуществлялось советскими участковыми геологами совместно с радиометристами, функции которых выполняли солдаты.

Состав советских сотрудников был невелик. Главный геолог - Денисов, опытный специалист, влюбленный в свое дело. Главный геофизик - Суходольский и его супруга геофизик, молодые специалисты с высшим образованием толково и без суеты руководили геофизическими работами. Еще было два участковых геолога и молодая специалистка, выпускница Тульского горного техникума. Старшим инженером по горным работам был Г.Д.Ищенко, выпускник Липецкого горного техникума, инвалид ВОВ (потерял на фронте глаз), оптимист, отличный организатор производства.

Активные геологоразведочные работы партия вела на трех участках. На окраине Заальфельда, в районе Феенгроте, деревне Дитрисхюте и Липельсдорфе. В окрестностях Заальфельда в прежние времена велась разработка серебросодержащих руд. Горная выработка частично сохранилась и была затоплена. Разведочные работы осуществлялись с помощью трех шпуров и бурением двух скважин. С более детальной разведки участка была начата проходка ствола геологоразведочной шахты, на закладку которой приезжал главный инженер В.Александров.

Проходка глубоких шурфов и ствола шахт проводилась буровзрывным способом, для чего на участке был склад взрывчатого вещества, охраняемых полицейскими. Разработчиками вещества были немецкие рабочие. С этим складом произошел однажды анекдотичный случай. Около 4-х часов утра нас разбудил громкий стук в дверь коттеджа. К нам пришел, работавший в ночную смену рабочий и рассказал, что американцы (а Заальфельд находился недалеко от границы с ФРГ) обстреляли полицейский пост склада. В дело вмешалась местная криминальная полиция. Оказалось, что у взрывника остались неиспользованными бикфордов шнур и капсулы детонаторов. Он решил поугубить своего друга полицейского, несшего в то время дежурство на охране склада.

Другой анекдотичный случай состоял в том, что у меня угнали автомашину. Для сотрудников объекта по воскресеньям в одном из кинотеатров Ильминау устраивали просмотр советских кинофильмов. Обслуживающий меня всегда шофер отпросился на этот день и за рулем был шофер партии. около ше-

сти часов утра в понедельник по мне домой зав.гаражом Линке и сообщает, что машину угнали от вокзала Заальфельде. После того, как отвезти меня домой, шофер пошел поужинать в ресторан на вокзале, а когда вышел, машины не было. Я, как положено, сообщил о происшествии на объект, где меня «обрадовали» - придется за это нести материальную ответственность. По прошествии двух или трех дней, когда я был в стволе шахты на Феенгротен, мне по трубе сообщают, что машина нашлась. Дело было в том, что шофер оставил ключ зажигания в машине. Рабочие с участка Дитрисхюте ее завели и поехали, а чтобы не попасться на глаза избрали проселочную дорогу, где машина забуксовала, после чего они ее бросили. Там же эту машину и обнаружила дорожная полиция.

В период работы в Заальфельде запомнились мне так же контакты с одним из руководителей металлургического комбината Липсксхоте. Дело в том, что материальное обеспечение работ осуществлялось через объект и возникали затруднения с обеспечением сжатым кислородом для производства сварочных работ. тогда механик партии Гесс и предложил мне обратиться в Липсксхоте. Я был благожелательно принят одним из руководителей, и вопрос был решен.

Как я отмечал, партия вела интенсивные работы на трех участках, особенно большие работы велись на участке Феенгротен, не давшие, однако положительного результата, а так же работы на участке Липельсдорф. Значительная радиоактивность была отмечена в октябре 1950 года в районе деревни Дитрисхюте, где стали вестись обширные разведочные работы и был заложен ствол геологоразведочной шахты. Участок имел ограниченные запасы и был отработан шахтой объекта 90. Очень хорошо при производ-

Во время приема в Совете города Ронненбург (второй слева, сидит — бургомистр города Крелл, рядом - Крашкин И.С., среди немецких товарищей по работе

Вручение секретарем партийной организации шахты Шмирхау Шубертом Крашкину И.С. памятного подарка — бюста К. Маркса.

стве работ на участке правил оберштайгер Гауэр. В период разведки участка его посетил М.М.Мальцев. Меня он крепко отчитал за то, что плохо были сделаны соединения воздухоподающих шлангов, что я государственные деньги пускаю на ветер, а его только недавно строго отчитал Л.П.Берия за большие расходы. После Дитрихсхоте он посетил участок Фейенгротен и отбыл. Я был удивлен, что по итогам моей деятельности меня премировали мотоциклом БМВ.

Я полностью освоился с работой и у меня был хороший рабочий контакт с оберштайгером Гауэром, механиком партии Гессом, сотрудниками бухгалтерии, кадров. Партия выполняла все производственные планы. В начале декабря меня пригласил начальник объекта Дмитриев А.Г. и сообщил, что

Президиум торжественного собрания шахты Шмирхау. В первом ряду, слева направо: Р.Ланге — заместитель ген. директора СГАО «Висмут», Н.Д. Иванов — главный инженер СГАО «Висмут», И.С. Крашкн

для усиления руководства работами в ГРП 5 меня переводят туда начальником партии, а работавший там начальником партии мой однокурсник А.А.Мкыртчан остается моим заместителем. Необходимость моего перевода объяснялась тем, что в районе деревни Зорге-Зетндфор было обнаружено месторождение урана. Начались интенсивные работы по проведению мелких шурфов. Главным геологом партии была Надежда Николаевна Кондратьева - опытный геолог и прекрасная, доброжелательная женщина. Кроме работ в деревне Зорге партия вела геологоразведочные работы в городе Роненнбурге, на его окраине, примыкавшей к автострате.

Работа в Зорге, в основном, по проходке мелких шурфов была осложнена погодными условиями. Мокрый снег, дождь, заморозки. Была большая текучесть рабочих кадров. Руководство работами также осложнялось отсутствием квалифицированных кадров штайгеров.

На участке работы, как правило, велись около 10-12 часов ежедневно. В конце декабря 1950 года на участок прибыли представители охраны и приказали взять в периметр весь участок ведения работ, то есть установить по всему периметру столбы с колючей проволокой.

В начале января ухудшились наши бытовые условия. в близлежащей деревне Тайхмандор был арендован особняк, в одном крыле которого размещался персонал партии, а в другом - обслуживающая рота солдат. В деревне был так же магазин для советских сотрудников. Приблизительно в это время работы посетил В.Н.Богагов, в то время заместитель генерального директора. Осмотрел вместе со мной участок ведения работ, мы отобедали, и он уехал. От этого знакомства у меня остались неприятные воспоминания. Вел он себя вальяжно, с эдаким пренебрежением. Тем временем на участке уже начались работы по прокладке стволов. Работа велась вручную, особенно трудно было организовать откатку горной массы в отвал. Работавший там мотовоз регулярно сходил с рельсов лежащих на неустойчивом насыпном грунте.

В конце января или в феврале, точно не помню, вечером, на участок приехал М.М.Мальцев с адъютантом. Обошли участок, побывали в траншее и, очевидно, увидев мой заматанный вид, спросили, чем мне помочь. Я сказал, что начались эксплуатационные работы, и планировалось прислать специалиста по открытым горным работам и я рекомендовал моего друга и однокурсника В.А.Овчинникова, работавшего в это время в ОТК на 8 объекте. М.М.Мальцев сказал адъютанты: «Запомни», и недели через две Овчинников прибыл и был первым начальником карьера Зорге. Следует отметить, что период, когда работами руководил Мальцев, - это целая эпоха, характеризовавшаяся высокой требовательностью и, я бы даже сказал, жестокостью. с целью сосредоточения усилий на выполнении основных заданий. Практиковалась планирование целевых, то есть, выполнение повышенных заданий, по которым осуществлялся особый контроль, и величина которых была выше. Так мне приходилось выполнять целевые задачи по проходке шахтных стволов на участках Феенгротен и Дитрихсхоте.

В 1951 году Мальцев передал бразды правления В.Н.Богагову. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы, моя дочь и внучка М.Мальцева - лучшие подруги со времен обучения в Первом Московском Медицинском Институте. Она была знакома с генералом и неоднократно с ним встречалась на подмосковной даче. На этой почве я был

знаком с сыном генерала Мальцева, который был действительным членом РАН и заядлым альпинистом.

После сдачи в эксплуатацию участка Зорге темп работ несколько спал. Оруденение, обнаженное в районе Зорге, продолжалось и площадь его охватывала участки деревни Кацендорф и Кельшич.

Когда я уехал в отпуск в 1951 году и меня замещал Г.Д.Ищенко, произошло ЧП: 3 геологоразведочных бригады (3 солдата с аппаратурой и 6 рабочих), двигаясь по топографическим проходам, оказались на территории ФРГ, где были арестованы местной полицией. Немецких рабочих сразу отпустили обратно, а солдат доставили в близлежащий город Хаор, передали американцам, которые предложили им не возвращаться. Они продержали их в течение 2-3 недель, а потом были возвращены на территорию ГДР. За время моего пребывания в отпуске в районе наших работ возникла эпидемия менингита и был введен карантин. К нам в деревню был прикомандирован врач и были приняты меры по более жесткой санитарно-гигиенической обстановке. Поисковые и геологоразведочные работы охватывали, кроме района Кульлата, где велась проходка двух глубоких шурфов, так же и район Роненбурга. Работы переместились туда, а так же к Целенроде. В 1952 году был организован объект 90 в городе Гера, который вел работы в районе Зорге. В Роненбурге вскрытая глубоким шурфом местное оруденение было открытым способом отработано объектом 90. В конце 51 года у меня произошло очередное ЧП. В ФРГ сбежал кассир. В это время кассир развозил зарплату к местам, где производились работы по обширной территории по охране. В течение недели он развозил, а в субботу - сбежал. Я поучил очередной выговор и денежное взыскание. После этого случая кассира сопровождал полицейский.

Своеобразной была борьба за повышение производительности труда. Обычно летом проводились работы по добровольному повышению норм выработки. Работу эту выполняли местные партийные и профсоюзные организации, а спрос за реализацию этих мероприятий - с меня. Как-то летом 52 года приехал В.Н.Багагов и попросил меня вместе с ним на машине объехать район возможного оруденения. Во время поездки я ему сказал, что мне трудно одному руководить все возрастающими объектами работ. Все дело в том, что перед его приездом, где-то около месяца до этого, по абсурдному обвинению был выслан в Союз В.Н.Никаноров, мой однокурсник, с которым у меня сложились очень хорошие деловые и товарищеские отношения. В.Н.Багагов сказал, что ошибся,

направив Никанорова на работу в Висмут.

В 1952 году меня назначили начальником экспедиции. Главным геологом был Г.М.Данилов - опытный специалист со стажем работы по специальности в Узбекистане. Главным геофизиком была Т.М.Комарова, молодой специалист, влюбленная в свое дело, обаятельная девушка. в ней души не чаял главный гидрогеолог Пронин. Главным инженером я пригласил своего друга В.А.Овчинникова, который после работы начальником карьера Зорге, был инженером в производственном отделе объекта 90. Проработав в экспедиции он около 3 месяцев, а затем перешел в проектное управление. На место Овчинникова в Целенроде приехал Симаков. У нас с ним установился хороший тандем, однако вследствие развития буровых работ он был переведен на работу начальником буровых работ геолого-разведочной партии на одном из объектов в рудных горах, а затем районным инженером в Управление Висмута.

Возлагались надежды на участок в районе поселка Дошниц, где был проведен глубокий шурф и сеть горизонтальных выработок, но прогноз не подтвердился, и основные работы переместились в район Роненбурга. Приезжал Багагов, которому доложили состояние дел, после чего он уехал. Время пребывания в Висмуте запомнилось похоронами Сталина. Сочувствие мне выражали руководители ответственных организаций экспедиции и руководство города. В день похорон Сталина прошла торжественно-традиционная процессия работников экспедиции и жителей города.

Поскольку основной объем работ был сосредоточен в районе Роненбурга, к началу лета в городе был построен дом для советских специалистов, и в 1953 году руководство экспедиции переехало в Роненбург. Интенсивные, в основном буровые работы, велись на поле между Роненбургом и Шмирхау. На окраине Шмирхау был прорыт глубокий шурф, проходка которого осложнялась большими водопритоками. Последнее оказывало негативное воздействие на водоснабжение города и деревни. Кроме Роненбургского поля буровые работы велись на участке Пайцдорф и на участке Лихтенберг. В связи с отбытием в Союз начальника объекта 29, я, оставаясь начальником экспедиции, работал и главным инженером объекта.

В техническом руководстве весьма добросовестно проявил себя В.И.Халатин, молодой специалист. По его идее и техническому предложению был создан специальный цех по приготовлению глинистого раствора, снабжавшего буровые. Большая заслуга в успехе экспедиции так же принадлежит механику Максусу Шустеру, инженеру и интеллигенту.

В конце лета объект 29 был ликвидирован и основной состав советских работников, планово-экономического отдела, бухгалтерии, снабжения, работники отдела кадров, перешли на работу в экспедицию, которая стала самостоятельной производственной единицей СГАО «Висмут». Я в возрасте 25 лет стал руководителем предприятия, в котором работало около 3 тысяч местных работников и 250 советских сотрудников. Обнадеживающие результаты работ на поле Шмирхау давали основания на закладку ствола первой шахты. На его закладку приехал начальник третьего проектного управления, а мне предоставили честь вынуть первую лопату грунта из этой шахты.

События октября 1953 года не повлияли сколько-нибудь существенно на работу экспедиции. Под охрану был взят дом сотрудников, охранник был приставлен и ко мне. Инцидент был только в цехе в районе Пайцдорфа. Там один из местных активистов устроил что-то вроде собрания. Я туда приехал и в беседе с рабочими и с этим деятелем сказал, что в соответствии с законами ГДР, работы не могут быть проведены на неисправных предприятиях, а цех относился к их числу. По заявлениям этого деятеля, однако, мне позже пришлось давать объяснения в ВЧ.

* * *

В конце сентября 1953 года я уехал в отпуск. В поезде ехал в одном купе с начальником отдела советских кадров, майором, фамилии не помню, мне сообщили, что относительно меня планируется рокировка. В партии посчитали, что я был еще молод, чтобы руководить самостоятельным предприятием и планировали перевести меня начальником дрезденской экспедиции, входящей в другой объект, а начальника той экспедиции поставить на мое место. После возвращения из отпуска я в течение двух дней пребывал в неведении в Зигмаре, где случайно встретил Багатова. Он спросил меня, что я здесь делаю в рабочее время. Как позже оказалось, произошла путаница, и я остался на своей работе.

В конце 1953 года и в первой половине 1954 основной объем работ был сосредоточен на участках Шмирхау и Пайцдорф. На первом велись интенсивные буровые работы, а на втором осуществлялась разведка.

К этому времени я все больше задумывался о том, а что же будет дальше. Практически после возвращения в Союз пришлось бы все начинать сначала. Я решил ускорить это процесс и записался на прием к В.Н.Багатову и обратился к нему с просьбой отпустить меня в Союз. На приеме, прошедшем в благожелательной обстановке, он в моей просьбе отказал, так как считал, что я нужнее на своем месте. После этого я с подобной просьбой обратился в ЦК КПСС,

через месяц или несколько позднее мне корректно сказали, что мне подберут замену и тогда отпустят. В это же время Барехин предложил мне перейти на работу в геологическое управление на должность начальника производственно-технического отдела, практически главного инженера управления. Я дал свое согласие и в сентябре уехал в отпуск. По окончании отпуска я приехал в Москву в отдел кадров, мне сообщили, что со мной хотят побеседовать в ЦК. Инспектор ЦК говорил о моем письме с просьбой об откомандировании. Я ему сказал, что да согласие еще на год поработать в Висмуте и учитывая, что к этому времени прием в аспирантуру уже завершился, то я планировал выехать в Висмут. Однако, несмотря на это моя просьба об откомандировании осталась в силе. Инспектор мне сказал, что рассмотрит мое заявление. Примерно недели через две я получил телеграмму, что моя просьба удовлетворена.

* * *

На этом закончилась моя работа в Висмуте. В последующем мне дважды приходилось быть в Висмуте. В 1968 году. Инициатором поездки был Н.И.Чесноков. Дело в том, что в 60х годах в Подмосковном угольном бассейне осуществились грандиозные работы по коренному изменению правил добычи угля подземным способом. Создавалась и энергично внедрялась комплексно механизированная технология очистных работ, основных наиболее опасных и трудоемких процессов. Техническая и технологическая сторона этих работ осуществлялась ПНИУИ (Подмосковным научно-исследовательским и проектно-конструкторским институтом). Н.И.Чесноков посетил Узловский машиностроительный завод, где изготовили соответствующее оборудование и ПНИУИ. В беседе с директором института, В.Г.Поповым он предложил послать специалистов института в Висмут с целью возможной передачи опыта. В качестве сотрудников были рекомендованы я, работающий в то время руководителем горного отдела института и М.С.Алексеев, зам директора по проектно-конструкторской работе. Наша командировка в Висмут продолжалась 10 дней, мы посетили ряд шахт. Во время посещения одной из них, я встретился с бывшим штайгером Г.Рори, который в свое время руководил проходкой наклонного шурфа на окраине Ронненбурга.

Так заканчивается и моя работа в Висмуте записями в трудовой книжке. Принят на работу на должность инженера по технике безопасности, и в связи с окончанием срока заграничной командировки освобожден от должности начальника геологической партии.

Валентина Ивановна Жукова

Мой муж, ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ родился 11.11.1921 г. в дер. Абакумцево Ярославской обл. В 1939 г. поступил в Московский геологоразведочный институт. В августе 1941 г. с 3-го курса ушел добровольцем на фронт. Награжден боевыми орденами. В 1946 продолжил обучение в МГРИ и окончил его в 1949 г. по специальности инженер-геолог. Был направлен в СГАО «Висмут», где работал с мая 1949 г. по январь 1956 г.: 1949 — 1952 гг. — гл. геолог шахты, главный геолог Объекта №4 (Аннаберг); 1952 — 1954 гг. — старший районный инженер, начальник геологического отдела; 1954 — 1955 гг. — гл. геолог геологического управления, главный геолог СГАО «Висмут». По окончании заграничной командировки направлен в порядке перевода в Минсредмаш, где с 1956 г. работал в Геологическом управлении, в 8-ом управлении Первого главного управления Минсредмаша. Награжден орденами и медалями. В 1986 г. присвоено почетное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Скончался 24.11.1999 г.

Сквозь призму времени

Шел третий год Великой Отечественной войны...

Учебные заведения Москвы продолжали набор абитуриентов на новый, 1943, учебный год. Не знаю, как в других ВУЗах, но наш Московский геологоразведочный институт проводил прием без вступительных экзаменов. Среди поступающих — в основном девочки 1925 года рождения и старше. Мальчики до 1926 года рождения включительно подлежат мобилизации или уже в армии. Поступают только те, у кого бронь.

Учебный год начинается с середины октября. До этого нас направляют в Кривандино на строительство железнодорожной ветки, по которой планировалась доставка дров для Москвы.

Так произошло наше первое знакомство с земляными работами и жизнью в палатках. Мы отсыпали железнодорожное полотно, ровняли насыпи, вырубали деревья вдоль полотна. Уходили на работу и возвращались по звонку. Уставали, но пели бодрые маршевые или лирические песни.

На первом курсе института в каждой группе было всего по 2-3 мальчика. Но к третьему курсу (1946 год) стали появляться ребята-фронтовики. Среди них был и Георгий Константинович Жуков.

В августе 1941 года он в числе первых добровольцев-студентов 3-го курса МГРИ ушел в армию. В мае 1942 года, после завершения ускоренного курса обучения во Владимирском пехотном училище и присвоения воинского звания лейтенанта, был направлен в действующую армию на должность командира пулеметного взвода в 15 гвардейскую стрелковую дивизию. В ее составе участвовал в боях под Харьковом, Сталинградом, Белгородом. Был ранен. После госпиталя исполнял обязанности командира учебного взвода, затем был слушателем специальных курсов усовершенствования офицерского состава Красной армии (СКУОСКА) при Ген-

штабе. Награжден орденами «Красная звезда» и «Отечественной войны I степени». В 1946 году был от мобилизован для продолжения учебы и вернулся на III курс МГРИ.

«Новички» заметно отличались от нас. Были, во-первых, постарше, и, конечно же, более собранными, возмужалыми, серьезными.

Георгий Константинович сразу же и очень органично включился в общественную работу. Был парторгом, вел активную организационную работу в период выборов в органы государственной власти (Верховный Совет и др.). И ему это хорошо удавалось.

Здесь мы и встретились — учились в параллельных группах на геологоразведочном факультете. Окончили институт в 1949 году по специальности «горный инженер-геолог» и остались вместе, как оказалось, на всю жизнь...

* * *

Еще до конца учебного курса и защиты дипломов началась подготовка к будущему трудоустройству. В те годы это обычно происходило по распределению, согласно заявкам предприятий на молодых специалистов.

На нас с Георгием Константиновичем был запрос Всесоюзного треста «Союзспецразведка», в экспедиции которого (№19) мы проходили преддипломную практику. Но из этого, как потом выяснилось, ничего у нас с ними не вышло, хотя до самого нашего отъезда в Германию мы числились их штатными сотрудниками.

В институте фигурировали списки на два основных направления — страны Западной Европы и Магадан («Дальстрой»). Мало кто хотел в Магадан, но и в Западную Европу поехать добровольно хотели не многие. Это были страны, которые совсем недавно воевали против СССР, и не ясно было, как поведет себя по отношению к советским специалистам местное население, что за работа нас там ждет и т.д. Было любопытно — новые страны, новая жизнь, но пугала и неизвестность...

В.И. Жукова

Г.К. Жуков

Никаких официальных данных не было, но ходили слухи («сарафанное радио») о тяжелых условиях работы, об имевших место диверсиях и о враждебных действиях против наших граждан. Сразу вспоминалась пропавшая без вести наших студентов, проходивших практику в Молдавии в 1947 году. Последний раз их видели местные жители в руках бандеровцев. Студенты-выпускники старались найти любой способ выхода из этого списка.

«Невыездными» считались лица, родственники которых или они сами находились или находятся на временно оккупированной территории. Под эту категорию могла подойти и я. Но меня в этом списке не было, а Георгий Константинович был.

Мы в это время еще не были женаты, только раздумывали, а надо было уже как-то определяться, чтобы не оказаться «по разную сторону баррикад». И Георгий Константинович решил на этом сыграть. На собеседовании он сказал: «Я хочу жениться, а будущая жена, Жукова Валентина Ивановна, была в оккупации». Но в ответ на его «демарш» последовало: «Не важно, где была, важно, что делала!». И в результате в пресловутом списке оказались мы оба, но мне пришлось в автобиографии обстоятельно изложить все свои действия по каждому дню пребывания на оккупированной территории. Хорошо, что этих дней было всего тринадцать.

Тогда мы решили попробовать второй вариант. Мы еще не знали, в какую страну нас направят и чем придется заниматься. Георгий Константинович в период учебы по совместительству работал в трестах «Мосгеолнеруд» и «Спецразведка», занимался геологической съемкой. А я под руководством кандидата (позднее — доктора) геолого-минералогических наук МГРИ М.Д.Дорфмана два летних сезона занималась изучением минералогии вольфрамового месторождения Акчатау в Казахстане. Специализировалась по вольфрам-молибденовым и бериллиевым рудам. Вольфрам являлся стратегическим сырьем и был очень востребован. Таким образом, у нас вроде бы сложились определенные профессиональные направления: у Георгия Константиновича — съемка, у меня — минералогия вольфрама и бериллия, — которыми нам хотелось бы продолжить заниматься. Об этом я сказала на собеседовании, отметив, что в Западной Европе подобных крупных месторождений нет. На что мне ответили: «Зато есть кое-что более интересное и востребованное».

На этом наши попытки уклониться от заграничной поездки были исчерпаны. Теперь нас отправляли туда уже в приказном порядке.

Но на этом дело с оформлением не закончилось. Через некоторое время нас

вызвали на Лубянку. Мы вроде даже обрадовались новой возможности избежать заграничные. На Лубянке нас посадили в какую-то маленькую, без окон комнатку с тускло горевшей лампочкой под высоким потолком. Вскоре пришел товарищ и молча положил нам по стопке бумаг. Это были анкеты, в которых надлежало детально ответить на многочисленные вопросы о себе и ближайших родственниках чуть ли не до третьего поколения, живых и умерших, с указанием мест захоронения последних. Задача, прямо скажем, оказалась не из легких.

Когда мы закончили, и я с облегчением заметила, что, слава богу, не надо в очередной раз писать автобиографию, дверь моментально отворилась, и так же молча на стол перед нами легли соответствующие бланки. Было неприятное ощущение, что кто-то стоял за дверью или в комнате есть «жучок». Мы переговаривались и могли сказать что-нибудь не то, особенно я. Стало немного страшновато. Время-то было непростое. В конце 1948 года появились тревожные слухи о новых карательных акциях, а за ними последовали и настоящие действия. Не стал исключением и наш институт. Мы потеряли ряд преподавателей и студентов. Одни были арестованы и осуждены, другие, в ожидании возможного ареста, покончили самоубийством.

Среди репрессированных оказался доктор геолого-минералогических наук, профессор, зав. кафедрой Владимир Михайлович Крейтер. Он был арестован в мае 1949 года и осужден на 25 лет лагерей. Его кафедра была ликвидирована. Большой ученый и славный человек, он преподавал нам геологию рудных месторождений. Во время лекций часто с улыбкой, но с горечью в голосе говорил, что его могут обвинить в космополитизме за увлечение иностранными месторождениями, и советовал нам при случае делать вид, что мы ничего не слышали, ничего не знаем, забыть все, что он нам говорил. Действительно, в этом что-то было. Взять, хотя бы, тот же уран. Упомянулись американские, канадские, африканские месторождения, а в России их как бы и не было, даже мелких. Так же и по другим элементам, особенно стратегического значения. Но обвинили его по «Красноярскому делу». В 1954 году он был реабилитирован, а в 1964 году получил почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

По диплому у Георгия Константиновича оппонентом был Владимир Иванович Смирнов. Он принимал у себя на квартире. Мы ходили к нему вдвоем и всегда с тревогой: «А вдруг его уже не застанем дома, а нас задержат как соучастников, общающихся с неблагонадежным человеком?»

Так что, после посещения Лубянки нам и это направление не сулило ничего хорошего. Мы оказались между двух огней. Выбора не было. Будь, что будет...

Оформление, между тем, шло своим чередом уже без нашего участия, а мы продолжали трудиться над своими дипломами. В феврале 1949 года справили свадьбу. По такому случаю, в нашем доме на неделю включили свет. (В Москве в это время электричества еще не было). Оставалось ждать, чем кончится дело, какая из претендующих на наше будущее организаций «победит».

Первым закончило оформление заграничное предприятие. И значит, нам предстояло отправиться в Германию.

Мы прошли партийные комиссии разного ранга, получили всякие напутствия и директивные указания: никакого общения с местным населением помимо чисто производственных вопросов, по ресторанам не ходить, в конфликты не вступать и так далее...

В апреле 1949 года мы защитили дипломы, еще раз прослушали соответствующие напутствия уже в Министерстве (тогда это было «предприятие п/я 1040»), где нам выдали заграничные паспорта и железнодорожные билеты Москва-Берлин. Ехать надо было с Белорусского вокзала до Берлина, где нас (на Восточном вокзале) должен встретить представитель предприятия. Если нас никто не встретит, то мы должны сесть в поезд до Лейпцига. Но денег при этом никаких не дали, сказали: «Садитесь без билета. Если придет контролер, то делайте вид, что ничего не понимаете».

Нам выпал второй вариант. Между прибытием в Берлин и поездом, следующим в Лейпциг, был довольно длительный перерыв, и мы здорово намаялись. Хотелось пить, еще куда-то. Но, увы. Денег не было. Нас напутствовали, чтобы мы никуда от вокзала не отлучались. А рядом были Рейхстаг, Парк Победы, вход в Метро... Но мы твердо придерживались данных нам указаний и покорно жарились на солнце под открытым небом в ожидании встречающего, который так и не появился.

На поезд до Лейпцига сели без билетов. В вагоне оказалось еще несколько человек вроде нас. Для кондуктора наше поведение было, видимо, не в новинку. Он практически никак не среагировал на нас — безбилетников, и мы спокойно добрались до места. Здесь представитель наконец-то материализовался. Нас отвезли в приличную гостиницу, накормили. Утром отправили в Зигмар-Шенау (хозяйство М.М.Мальцева).

В Зигмаре нас принял Главный геолог Геологического управления предприятия

Роман Владимирович Нифонтов. Кратко объяснил наши будущие задачи. Нам было предписано выехать в г.Анаберг на объект №4. Определили зарплату в 1500 марок. Но поскольку мы числились молодыми специалистами, нам полагалось только 60% от этой суммы. Как потом выяснилось, зарплата определялась равной той, которую работники получали на своих предприятиях в России. Но мы таких справок из «Союзспецразведки» не взяли, просто не знали, что это надо было сделать. А там у нас зарплата была выше. Вскоре, правда, нас перевели на ставку 2000 марок (и 2000 в советских рублях). А пока выдали первую зарплату (по 1200 марок) и талоны на экипировку.

На второй день мы выехали в Аннаберг.

Аннаберг

Город расположен у подножия горы Пельберг, сложенной твердыми вулканическими породами — диабазами. Сам город стоит на холмах, дома и улицы располагаются на разных уровнях, в виде ступеней спускаясь к речке.

С высоты птичьего полета город кажется широко раскинувшимся, но мы видели только небольшую его часть — окраину, где расположено Управление объекта и дома, в которых жили наши сотрудники. Доминантой города и единственным высотным зданием в нем является Костел. Все остальные дома в городе — малоэтажные.

С прибывшей с нами женщиной (фамилии не помню) поселились в немецкую семью. Нам отвели небольшую комнату с двумя кроватями, маленьким (кухонным) столиком, парой стульев и электроплиткой, на которой мы быстро приготовили свой первый заграничный обед — молочную лапшу и какао. С хозяевами мы как-то не пересекались, кто они — не знали.

Через несколько дней нас расселили. Нам с Георгием Константиновичем представили трехкомнатную квартиру на первом этаже добротного старинного дома с оборудованной в подвале прачечной. По выданным в Зигмаре талонам нас экипировали. Выдали все, что необходимо на начало нормальной семейной жизни: две узкие железные кровати с пружинной сеткой, все постельные принадлежности, шторы на окна, скатерти, кухонную посуду, чайный и обеденный сервизы, личные носильные вещи и отрезки на костюмы.

Комнаты из-за малого количества мебели казались огромными. Отапливались единственной изразцово-печкой. Душа или ванной не было. Пользовались городской баней. В ней на душ вместе с раздеванием и одеванием отводилось 20 минут. Время

приема ванны было побольше. Но тут имелись другие ограничения. Вода наливалась служащей только горячая, примерно на 1/4 ванны, и кран намертво закрывался. Холодная вода текла свободно. При таком варианте окатиться после мытья можно было только холодной водой. Это работала система экономии воды, особенно — горячей. При таком раскладе мы предпочитали душ.

Столовой для советских специалистов еще не было, и нам выделили домработницу. Она занималась уборкой квартиры, готовила обеды, покупала продукты. В стране тогда еще действовала карточная система. Нам тоже выдали карточки с очень большими месячными нормами продуктов и промышленных товаров. Мы подкармливали и домработницу, и шофера, и своих родственников — каждому сотруднику предоставлялась возможность раз в месяц отправлять посылку на родину. Требования к посылкам были строгие. Вес должен точно соответствовать нормативу (3 или 5 кг), все швы на упаковке должны быть внутренними, кроме одного — на торце. Адрес пишется только строго слева от этого торца. Так что и в этом случае была запрещена всякая самодеятельность.

Первой домработницей у нас была фрау Элизабет, очень симпатичная молодая женщина, вдова. Муж ее не вернулся с войны. Она считала, что он в плену (у нас) и ждала, хотя к этому времени уже было сообщение об амнистии и отправке на родину (в Германию, в частности) всех военнопленных, за исключением лиц, совершивших тяжкие преступления. Она не верила, что он мог быть преступником, и надеялась на его возвращение. Все время спрашивала: «Правда ли, что отпустили всех?». Хотя мы не раз убеждали ее, что в России пленных больше нет.

Придя в себя после обустройства на новом месте, представились начальству, определились с будущей работой, получили новую порцию наставлений. Особые строгости касались обращения с секретными и рабочими документами, потери пропусков, ключей от сейфа, общения с местным населением, общего поведения, морального облика и т.д. Кроме основной работы мы должны были поочередно дежурить по ночам в Управлении у телефонов. В любое время дня и ночи могли последовать звонки из «ставки», и не дай бог, если у аппарата не окажется дежурного! Скандала, а то и наказания, не избежать.

На момент нашего приезда (1949 год) на объекте работали шахты №21 «Уранус» и №49 «Виктория» и рудник «Доротея». Шахтным геологом на «Виктории» работала Инна Чернышева, на других эти должности были вакантными. Георгия Константиновича назначили главным геологом шахты №21,

меня — геологом рудника «Доротея», включающего шахту с тем же названием и штольню «Буххольц».

Аннаберг относится к жильному типу месторождений пятиметальной (серебровисмут-кобальт-никель-урановой) формации. В древности его обрабатывали на серебро. Уран добывали попутно, как сырье для производства черной краски. Сохранились следы старых работ в виде поверхностных и подземных выработок. Оруднение в крутопадающих жилах месторождения распределено неравномерно, в виде гнезд и линз различного размера. По запасам урана Аннаберг относится к средним месторождениям.

В наши задачи входило обследование старых заброшенных выработок и оценка их рудоносности, обслуживание проводимых разведочных и очистных работ, оценка общих запасов.

Шахта «Доротея» — одна из старейших в Рудных горах. (Первые находки серебра в Аннаберге датируются серединой XV века). Она вскрывала один горизонт с многочисленными старыми выработками. Начальником шахты был старшина Ильин. Западная пресса писала, что он ходит с дубиной и бьет рабочих-немцев. Не знаю, так ли это. Мне подобно наблюдать не приходилось. Думаю, что это были происки антисоветской пропаганды. В помощниках у него был сержант Коля. Его приставили ко мне в качестве коллектора, телохранителя и проводника. Он хорошо знал расположение выработок, и с его помощью я довольно быстро освоила географию нашего «подземья».

Прежде всего, Коля провел меня по всем работающим горизонтальным и вертикальным выработкам и очистным блокам. В дальнейшем, такой обход мы делали ежедневно.

Разрабатывалась в это время только одна-единственная жила. В ее лежачем боку был пройден штрек с люками для выпуска породы из блоков, восстающие, ограничивающие очистные блоки, гезенки и засечки. Проходился квершлаг на подсечение новых жил.

Выемку руды и пустой породы требовалось проводить раздельно. Обычные работы велись взрывным методом, а рудные гнезда и линзы вскрывались и обрабатывались вручную с помощью перфораторов. Штуфная руда сразу же грузилась в ящики и выдавалась на поверхность. Были случаи, когда данная технология (случайно или умышленно) нарушалась, рудные линзы «отстреливались», что приводило к разубоживанию — переводу штуфной руды в рядовую. Чтобы этого не произошло, приходилось в такие ответственные моменты дежурить в забоях даже ночью.

Отработка блоков велась сплошной выемкой снизу-вверх методом подэтажных штреков, на пути которых встречались старые древние очистные пространства — отдельные камеры, восстающие и целые системы горных выработок. Обследование их было связано с риском. В любой момент могло произойти обрушение кровли, сход породы из восстающих. Под один из таких камнепадов мы однажды попали. Первым шел Коля, когда сверху начали сыпаться обломки. Его завалило почти полностью. На поверхности осталась только откиннутая в сторону рука с лампой. Мы работали с «карбидками», и он, видимо, старался, чтобы лампа не погасла, и мы не остались в полной темноте, если бы меня тоже засыпало. Но я не пострадала, только с ужасом наблюдала, как он постепенно исчезал под осыпающейся породой. В дальнейшем мы были более осторожными.

Попутно мы проводили обследование старых заброшенных выработок на уровне шахтного горизонта. Часть из них была обводнена, часть захлавлена всяким производственным мусором, превращена в туалеты, другие были труднодоступны или вообще недоступны. Выработки не освещались, принудительная вентиляция отсутствовала. Работали с карбидными лампами, которые в любой момент могли погаснуть. Ходили в робах, резиновых сапогах и в касках; никаких специальных средств индивидуальной защиты от радиации, даже простых респираторов, у нас не было.

Еще одно неудобство — на шахте не было нормального душа. После выхода на поверхность мы, просто умыв лицо и руки, передевались в свою одежду и шли домой. А поскольку дома у нас тоже никакой возможности вымыться не было, жизнь изрядно осложнялась. Но важность дела, которому мы служили, компенсировала эти бытовые проблемы.

Старые выработки проходились в твердых породах без крепления. Стенки их хорошо просматривались. Продвигаясь по выработкам, мы практически вели разведку их доступности, отмечая выемки засечки, где, возможно, были ранее обнаружены и отработаны рудные скопления, а также все подозрительные на этот счет участки. Позднее эти места проверяли радиометром. Значительных находок мы не обнаружили, но мелкие гнезда очень помогали, были своего рода заначками на случай, когда план добычи оказывался под угрозой.

Была в этом и своя экзотика. Пробираясь по выработкам, можно было наблюдать историю их прохождения, из XX века как бы переключаясь в Средневековье. Сначала

идешь в полный рост, затем пригибаешься все ниже. На стенках видны «стаканчики» — остатки от не полностью взорванных запальных шпуров. Дальше выработка сужается настолько, что приходится продвигаться на четвереньках и по-пластунски. На стенках видны уже следы кирки — основного орудия древних рудокопов. И не знаешь, что ждет впереди. Может быть, широкая камера, встречный штрек. Но чаще всего упираешься в глухой забой, и надо ползти назад, теперь уже задом.

Бывали курьезные случаи. Однажды из узкого прохода мы попали в широкую камеру, из которой наверх шла вертикальная выработка, снабженная дряхлой веревочной лестницей. Обратное возвращаться не хотелось. Рискнули подняться наверх — мы были молодыми и немного бесшабашными, особенно Коля. Он лез всюду, куда не надо. Решили попробовать и с огромным трудом выбрались на поверхность. Чтобы попасть на шахту, надо было либо вернуться назад, либо идти на проходную. Пошли на проходную. А территория шахт надежно охранялась нашими солдатами. Пропускной режим был очень строгим. Но мы думали, что мыто свои. Но, не тут-то было! Караульный отрез отказался нас пропустить, как мы не пытались объяснить ему случившееся, и что наши документы остались в нашей одежде, и что мы можем их принести. Для него это был не резон, и на нашу попытку все-таки пройти, полагая что он шутит, последовало грозное: «Стоять! Буду стрелять!» — и громкое клацанье затвора, вызвавшее переполох и недоумение у рабочих-немцев, хорошо нас знавших. Потом Коле караульный все-таки разрешил сходить за пропусками, но все равно вызвал наряд. Приехавшие разрешили нам переодеться и доставили в воинскую часть. В комендатуре по поводу происшедшего с нами немного пошутили, но, шутки-шутками, а данный инцидент показал, что на территорию тщательного охраняемого объекта можно, оказывается, проникнуть, минуя его проходную.

Ревизия штольни «Буххольц» не дала положительных результатов. Для оценки ее перспективности необходимо было проведение дополнительных геологоразведочных работ. В настоящее время она законсервирована.

Урана мы в штольне не встретили, зато в одной из выработок обнаружили погребок с бочками пива. Коля говорил, что они по своему воспользовались этим неожиданным открытием.

К середине 1950 года ревизионные и оценочные работы были закончены. Георгия Константиновича перевели на должность

старшего рудничного геолога геофизического отдела, а с 1 января 1951 года он стал Главным геологом объекта №4. Объект к этому времени начал расширяться, произошло его слияние с объектом «Беренштайн». Прибывали новые специалисты, расширялся круг поисковых (как подземных, так и поверхностных) работ, увеличивался план добычи. Это требовало усиления организационных мероприятий, введения в курс вновь прибывающих молодых специалистов, чем Георгий Константинович, как обычно, активно и добросовестно, и занимался.

С приходом новых геологов встал вопрос об освобождении женщин от работы в подземных условиях. Меня определили на должность старшего инженера по учету и отчетности, но чисто формально. Смены не было, и до перехода на работу в г.Зигмар я продолжала обслуживать шахту. Но спускалась под землю реже, в основном для сопровождения разных представителей.

Хорошая работа поощрялась денежными суммами в советских рублях и подарками. Наиболее ходовыми наградами были аккордеоны, ковры и комплекты шкурки стриженного кролика. Так что, к концу пребывания на объекте №4 мы имели все эти вещи и не в одном экземпляре.

В конце 1950 года мы выехали в первый свой отпуск. Каждый раз при отъезде не было уверен-

ности в возвращении, всегда собирались как насовсем. Еще по приезде в Аннаберг, мы купили четырехмесячного щенка немецкой овчарки. Это был красивый, ласковый, умный, шаловливый пес. Встал вопрос, как с ним теперь поступить. Мы решили отдать его в армию. Расставание было тяжелым, как будто мы теряли самого близкого друга. Барри, так звали нашего мальчика, чувствовал что-то неладное, загрустил, иногда казалось даже, что он плачет. Это вызывало слезы и у нас. С армейским кинологом договорились встретиться в парке. Сидели на лавочке. Кинолог сел рядом, незаметно взял у нас поводок, что-то сказал, встал, и Барри послушно пошел за ним — невероятно! Барри ведь не переносил даже форму военных, отчего безвинно страдал офицер, живший в нашем доме над нами.

Но самое главное, Барри не только не сопротивлялся, но даже не оглянулся. Это было ужасно. Как он мог? Я плакала...

По приезде из отпуска мы узнали, что Барри нет в городе. Его увезли куда-то в другую часть, потому что он пытался сбежать. Видимо, очнулся от этого непонятного наваждения и рвался домой. Нас это обрадовало. Значит, он все-таки не забыл свой дом и нас.

Мы снова приобрели маленькую собачку — Джека. Но и с ней вскоре пришлось расстаться. Мы передали ее в очень хорошие руки — одной немецкой семье.

За время нашего отсутствия вся «русская колония» Аннаберга переселилась в другую часть города, где жилые дома, Управление, столовая и клуб сконцентрировались на одной небольшой улице. Здесь же расположились и русские магазины. Нас поселили на первом этаже одного из домиков, в малогабаритную двухкомнатную квартиру с ванной и кухней, но без отопления. Помню, в квартире было очень холодно, а на дворе была зима, и мы ждали ребенка.

Вскоре нас переселили в более просторную трехкомнатную квартиру с печкой. Сюда мы и привезли своего новорожденного сына — Виталия.

Его жизнь началась под грохот праздничного салюта.

Это было в родильном доме. После вечернего кормления детей роженицы палаты (нас в ней было 5 или 6 человек) уснули, когда вдруг началась какая-то стрельба. Спросонья, одна из женщин закричала: «Девочки, это война!». Что тут началось... Разбуженные ее криком мамыши, не понимая, что происходит, бросились из палаты искать своих детей. Шум, крик. Кто-то предлагает бежать во двор. В общем — страшный переполох. Прибежали нянечки, уговаривают всех оставаться на местах. Оказывается, это немцы так с помпой и пальбой отмечают свой День горняка. А нас об этом не предупредили.

Сейчас Виталий — отец семейства, имеет двух детей и двух внуков. Окончил МГУ, кандидат биологических наук, сотрудник одного из институтов РАН.

В 1949-1951 годах коллектив объекта №4 был невелик и довольно четко делился на две возрастных категории. С одной стороны — молодые специалисты, в основном девушки, и молодые бездетные пары, все работающие. С другой стороны — более возрастные и солидные семейные пары, в которых жены, в основном, не работали. Свободного времени у работавших было немного, да и требования к правилам поведения были строгими, но это не мешало нам, молодежи, как-то разнообразить свою жизнь. Совмест-

но с ребятами-военнослужащими организовали танцевальный ансамбль, выступавший в местном клубе перед советской публикой. Раз в неделю в клубе крутили кино. Очень любили пешеходные походы на гору Пельберг, велосипедные прогулки в сопровождении Барри. С большим интересом и любопытством посещали диковинные для нас ярмарки с балаганами, лотереями и сувенирами, которые немцы традиционно устраивают по своим народным праздникам. Мы и сами принимали участие в лотереях, где самым любимым выигрышем были огромные плюшевые медведи, которых мы впервые увидели именно там.

Дальние экскурсионные поездки от предприятий в то время еще не проводились. Но по выходным с помощью администрации объекта мы всем нашим коллективом устраивали выезды: летом — на пикники в окрестности Аннаберга, зимой — на лыжные прогулки в Обервизенталь.

Торжественно, всем коллективом отмечали большие праздники — 1 мая, 7 ноября, День выборов.

Из друзей этого времени вспоминаются: Инна Чернышева — главный геолог шахты №9; Аня Родионова и Ия Башмачникова — геологи-разведчики; Наташа и Андрей Лапины — гидрогеологи; Шота Гавашели, его жена Рита и дети — Шалик и Валик, как их звали родители (Шалва и Вахтанг). После заграникомандировки Шота Михайлович занимался разведкой полиметаллических месторождений; сейчас он живет в Нальчике.

Из очередного отпуска в феврале 1952 года в Аннаберг мы уже не вернулись, так как нас оставили работать в Зигмаре.

Зигмар

В феврале 1952 года Георгия Константиновича перевели с должности Главного геолога объекта №4 на должность старшего районного инженера геологического управления СГАО «Висмут», через месяц — на должность начальника Центральной геологической камеральной партии. В 1953 году он был назначен начальником геологического отдела геологического управления Предприятия. А с 1954 года до окончания заграникомандировки (1 января 1956 года) — Главный геолог геологического СГАО «Висмут».

Мой послужной список в эти годы: старший районный инженер, старший инженер-минералог, начальник минералогической лаборатории СГАО «Висмут». В должности старшего районного инженера курировала Тюрингию, корректировала геологические отчеты, приходящие с объектов, и готовила сопровождающие материалы для их отправ-

ки в Москву. В мои обязанности входило посещение шахтных выработок действующих предприятий и участков поисково-разведочных работ. Приходилось много ездить.

В поездках случались разные курьезные случаи. Так, однажды, мне было предписано сопровождать маркшейдера в его поездке на какой-то неизвестный мне участок. Расспрашивать ни о чем не стала, рассчитывая, что все знает маркшейдер. Утром, как положено, выехали на объект. Маркшейдером оказалась незнакомая мне женщина, за рулем машины — немец. Едем в направлении Лейпцига, и тут выясняется, что она тоже не знает точного маршрута: ей назвали только населенный пункт и участок, находящийся где-то в районе Лейпцига. Что делать? Возвращаться? А мы уже рядом с городом. Решили ехать дальше, справляясь у местных жителей о местонахождении нужного нам объекта. Ответы были либо отрицательные, либо предлагавшие ехать дальше. Продолжаем ехать. Место пустынное, дорога прекрасная... И вдруг — указатель: «Въезд запрещен», а к нам бежит человек, машет руками и что-то кричит. Это оказался немец, кричавший нам: «Туда нельзя! Тут кругом русские солдаты с пулеметами! Они стреляют!» Мы, не разворачиваясь, задом вылетаем назад. А там — второй предупреждающий щит «Запретная зона», который мы поначалу не заметили. Немец показал нам, где расположена русская воинская часть. Поехали туда: может быть, они что-нибудь знают об этом богом забытом участке. Там тоже ничего не знали, но нас, на всякий случай, задержали «до выяснения». Оказалось, что, хотя на дороге не было никакого поста, это была граница английской оккупационной зоны.

В другой раз мы, вдвоем с шофером-немцем, возвращались в Зигмар затемно, где-то пропустили нужный поворот и вместо востока помчались на запад. На этот раз нас окликнул часовой, по-английски. Шофер страшно перепугался (английского он, конечно, не знал) и, указывая на меня, все твердил на ломаном русском: «Русский фрау... Инжинир...Русский фрау...». Кое-как на трех языках мы объяснились, и все закончилось благополучно.

Должность начальника минералогической лаборатории, расположенной в Грюне (пригород г.Хемниц), позволяла мне заниматься и минералогией. При подземных работах (в Аннаберге) было не до нее. В чисто производственных отчетах, где фигурировали прогонные метры проходки и ревизии горных выработок, кубометры очистной выемки и проценты добытого металла, этим сведениям не находилось места.

Лабораторная минералогия носила при-

Георгий Константинович с сыном Виталием на лодке в Пельцмюлле

кладной характер для технических целей. Технологам необходимы были данные о минеральном составе исходных руд, о распределении урана по технологическим фракциям, о размерности урановых минералов, характере их связи с нерудными компонентами и др. Материалом для исследований служили технологические пробы и геологические образцы. Мы продолжали пополнять минералогический музей при лаборатории новыми экспонатами, а также создавали подобные музеи на объектах (Иоганнсгеоргенштадт, Ауэ и др.). В дальнейшем основная часть этих музейных образцов была отправлена в Москву во ВНИИХТ.

В Зигмаре мы некоторое время жили на улице Цвикауэрштрассе, в малометражной двухкомнатной квартире. Одну комнату занимали мы, во второй комнате жила немецкая семья с ребенком. У нас тоже уже был восьмимесячный сын. Было не совсем удобно, тем более, что их мальчик оказался инвалидом (глухонемым и слепым). Поэтому вскоре нас поселили на первом этаже роскошной двухэтажной виллы на улице Зонненштрассе (?). Вилла была, действительно, роскошная: две огромные комнаты, санузел с ванной, большой мраморной столешницей, унитазом и биде. Последнее приспособление мы видели впервые и не сразу с ним освоились. Дом обнесен забором. Входная калитка и ворота должны были всегда запираются на замок, за чем очень строго следил хозяин. Периодически он приходил, чтобы удостовериться, что дом в порядке, замки на месте, деревья в садике целы. Был он не очень приветлив — казалось, ждет не дожидается, когда мы освободим его собственность. Нам разрешили иметь домработницу. Это была фрау Рут Бретшнайдер — очень приятная, доброжелательная, аккуратная и заботливая женщина, о которой у нас остались самые лучшие воспоминания. Сына мы устроили в ясельную группу детского сада, где воспитателями работали жены наших сотрудников. Среди них и жена Николая Дмитриевича Иванова. Впоследствии мы поддерживали связь с ними вплоть до их кончины. Встречались и по работе в г.Желтые Воды, где они обосновались после заграникомандировки.

По сравнению с Аннабергом коллектив в Зигмаре был более разнообразным и многочисленным. На общем фоне, естественно, обособлялись по работе, по общим интересам, по совместному проживанию небольшие компании. Наша компания сложилась на почве совместного проживания. Над нами жила семья Владимира Монахова с сыном Витей. Он — юрист, его жена Серафима — экономист. неподалеку жили его друзья, тоже юристы: Федор Федосеев и Василий Климов. Все свободное время мы проводи-

ли вместе. Мужчины увлекались охотой и рыбалкой. И даже иногда возвращались с добычей. За Монаховым и Георгием Константиновичем были закреплены личные машины, и мы могли совершать не только общие автобусные экскурсии, но и самостоятельные путешествия. Объехали практически всю восточную часть Германии. Посетили многие исторические и живописные места. Наибольшее впечатление произвели на нас «висячие сады Семирамиды в Сан-Суси» (г.Потсдам), Дрезденская галерея, Саксонская Швейцария, мемориальные кладбища советских воинов Трептов-парк и Панков-парк.

Трептов-парк воспринимается как гимн нашей Победы, а великолепная работа Вучетича вызывает чувство гордости за нашу страну. И как-то забываешь о том, что под этими каменными плитами лежат тысячи наших солдат, отдавших жизнь за эту победу.

Панков-парк больше соответствует мемориалу. На входе тебя встречает скульптура женщины с венком в руках, очень напоминающая скульптуру на Пискаревском кладбище в Ленинграде (Санкт-Петербург). Создается такое впечатление, что основание мемориала находится несколько ниже поверхности земли, и ты сразу оказываешься в тишине среди облицованных темным камнем стен и гробниц с поникшими к земле факелами. Здесь хочется тихо постоять, подумать о вечном и о тех, кто покоится в этих могилах, о своих близких, не пришедших с войны.

И еще один мемориал — Бухенвальд. Я посещала его до и после реставрации. Это — две большие разницы. В отреставрированном виде он представляет собой хотя и страшный, но все-таки музей. В первоначальном же виде он воспринимался как настоящий ад, где посетителей охватывал ужас от всего здесь увиденного. Казалось, что еще слышны крики и стоны истязуемых, что еще не остыли печи, а в воздухе чувствуется гарь, и вот-вот из труб пойдет черный дым. Какой изверг-инквизитор мог додуматься устроить этот ад под боком у города, в котором жили и творили Гете и Шиллер, создавший здесь свои драмы «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева».

По окончании заграникомандировки, 1 января 1956 года мы были освобождены от своих должностей и направлены в порядке перевода: Георгий Константинович — на Предприятие п/я 1040 (Минсредмаш), а я — во ВНИИ химической технологии.

Георгий Константинович с 1956 по 1966 год занимал должность старшего инженера, затем зам.начальника отдела Геологического управления. А с 1966 по 1970 находился

на партийно-выборной работе (зам. секретаря парткома Минсредмаша). С 1970 по 1987 год занимал должность районного инженера отдела технической помощи 8 управления Первого главного управления Минсредмаша. За успешное выполнение служебных заданий награжден орденами «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», почетными знаками «Шахтерская слава» I и II степени. В 1986 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Скончался 24 ноября 1999 года.

Я с 1956 по 1990 год работала во ВНИИХТе. С 1967 года — кандидат геолого-минералогических наук. Занималась минералогией урановых месторождений Румынии (Бихор, Аврам-Янку), Чехии (Гамр), Украины (Желтые Воды), Казахстана (Семизбай) и Германии (Шмирхау) с кратковременными выездами на объекты для сбора материала (образцов) или технической помощи на местах.

Помимо генетических исследований мною проводились работы по выявлению минералогических причин трудного извлечения урана из отдельных типов руд в процессе их технологической переработки. Подобные работы были проведены в 1963 году в СГАО «Висмут» по рудам месторождения Шмирхау. Шмирхау относится к месторождениям в так называемых черных сланцах. Оруденелые породы состоят преимущественно из кварца с незначительным количеством чешуйчатых минералов и сульфидов железа. До 20% состава приходится на тонкорассеянное органическое вещество, придающее породам черный цвет. Урановая минерализация представлена субдисперсной вкрапленностью в зернах кварца и сорбцией на органическом веществе. В процессе отработки месторождения появились так называемые «упорные руды», требующие для технологической переработки более жестких условий по сравнению с принятыми на предприятии.

Чтобы разобраться в данном вопросе, из ВНИИХТа выехала группа специалистов под руководством Георгия Михайловича Алхазавили, в состав которой, помимо технологов, вошли два минералога: З.Д.Голандская и я. Нам, геологам, предстояло выяснить, не является ли причиной плохого извлечения

урана из «упорных руд» изменение минерального состава, текстурно-структурных и других особенностей рудной массы, по сравнению с нормальными рудами. Исходя из этого, нами была выбрана методика сравнительного изучения указанных типов руд. Систематически отобранное в горных выработках большое количество образцов и проб исследовалось макро- и микроскопически в прозрачных и полированных шлифах, методом автордиографии на рентгеновских пленках и методом микрофотографии на толстослойных пластинках, а также микрохимическими и рентгеновскими методами на содержании фтора и фосфора. Выяснилось, что единственным существенным различием руд является содержание в них фтора и фосфора. В «упорных рудах» содержание фтора на два порядка, а фосфора на порядок меньше, чем в «нормальных» рудах. Следовательно, «упорные руды» изначально обеднены, в частности, фтором, наличие которого в рудах существенно облегчает извлечение урановых минералов, «запечатанных» в зернах кварца, что согласовывалось с данными технологических испытаний. Попутно удалось выяснить геологические условия нахождения и широту распространения «упорных руд». Оказалось, что эксплуатационные блоки с трудно извлекаемыми рудами тяготеют к крупным тектоническим разломам. Циркулирующие по разломам поверхностные воды могли выщелачивать из прилегающих к ним пород фосфорные и фтористые минералы. Установленная закономерность позволяла определять и оконтуривать площади развития «упорных руд» и проводить их селективную отработку. На момент наших исследований такие руды могли составить около 40% от разведанных запасов. За эту работу и за исследование руд Гамра (Чехия) я была награждена почетным знаком «Шахтерская слава» и медалью Чехословакии.

В 1990 году по собственному желанию я вышла на пенсию, отдав все 40 лет своего трудового стажа работе с ураном. Символично, что тогда же, в 1990 году, прекратило свое существование и СГАО «Висмут», на котором когда-то начиналась наша трудовая деятельность.

Москва, 2014 г.

Вячеслав Васильевич Марченко

(из воспоминаний "Заметки о моей жизни в Германии в 60-70-х гг. прошлого века")

Б.Г. Россохин

Б.Г. РОССОХИН родился 11.10.1922 г. в дер. Нижние Боты (ныне Юрьянского р-на) Кировской обл. в семье крестьянина. В Советской Армии — с 1940 г. Окончил Челябинскую военную авиационную школу механиков в 1941 г., Пермскую военную авиационную школу пилотов в 1943 г. На фронте в Великую Отечественную войну — с октября 1943 г. Командир звена 59-го гвардейского штурмового авиационного полка (2-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия, 16-я воздушная армия, 1-й Белорусский фронт), гвардии лейтенант Россохин к ноябрю 1944 г. совершил 138 боевых вылетов на разведку и штурмовку живой силы и техники противника. Был несколько раз ранен. После первого ранения он получил травму позвоночника и у него отказывали конечности. Но как только руки и ноги начали двигаться, сбежал из госпиталя на фронт. Чтобы позвоночник меньше болел, товарищи привязывали к его спине фанеру — так он мог летать. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.02.1945 г.

В составе 226-го транспортного полка он обслуживал знаменитую Потсдамскую конференцию и видел руководителей стран антигитлеровской коалиции — Сталина, Черчилля, Трумэна.

С 1945 г. Россохин в отставке и живет в Свердловске. В 1955 г. окончил Уральский политехнический институт с красным дипломом и был в 1957 году направлен на работу в СГАО «Висмут». Вернувшись из заграникомандировки в 1960 году, работает заведующим лабораторией Уральского научного центра АН СССР. В 1966 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию. Выполняет большой цикл научных исследований по получению и рафинированию титана, сплавов образования редкоземельных элементов, технологии получения рениевой фольги и специальных изделий из молибдена, а также покрытий из рения и титана, которые были внедрены в производство на уральских заводах. Скончался 18.07.2005 г. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалями.

О Россохине Борисе Гавриловиче

Среди советских геофизиков наиболее заметной фигурой был Борис Гаврилович Россохин, Герой Советского Союза. Среднего роста, сухощавый, русые волосы, голубые глаза, взгляд человека, много повидавшего в своей жизни. Был он наш земляк, из Свердловска, учился почти одновременно с нами, но в другом институте: Уральском политехническом институте (УПИ), и по другой специальности: химическая переработка урановых руд. На руднике он изучал радиометрическую контрастность урановых руд, с целью возможности удаления механическим способом «пустой горной породы» из таких руд. В шахту он не ходил — этого не требовала его работа.

На фронте он был летчиком и с ним произошел в городе редкий случай. Он так рассказывал его нам. «Иду я как-то по улице — смотрю, встречается знакомое лицо, а кто, никак вспомнить не могу. Прошел я мимо, потом оглянулся, гляжу, тот человек тоже остановился. Потом подходит ко мне и говорит: «Здравствуй, Борис». И я вспомнил, почему мне его лицо знакомо. Перед битвой на Курской дуге я летал фотографировать немецкие позиции. С их стороны тоже летал самолет разведчик. Нам категорически запрещалось вступать в воздушный бой во время выполнения разведочных

фотосъемок, т.к. наши материалы были необходимы командованию. Так вот, в воздухе мы часто встречались с немецкими самолетами разведчиками. Летали довольно близко, даже приветствовали друг друга при встрече покачиванием крыльев». На наш вопрос «А как он узнал твое имя?» Россохин ответил: «Когда я поднимался в воздух, то немецкая рация передавала предупреждение: «Achtung! In Luft russische As Boris Rossochin!» («Внимание! В воздухе русский ас Борис Россохин!»).

После Германии я не встречался с Россохиным, но в журнале «Уральский следопыт» № 5 за 1985 г. в повести «Госпитальные рассказы» прочитал заметку: «Борис Гаврилович Россохин». Там было описан его подвиг: на штурмовике «Ил-2» он разбомбил четыре немецких эшелона с танками, бензином, техникой, был подбит, у него было тяжелое ранение, за этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он, не долечившись, сбежал из госпиталя, и в своей части ему разрешили летать в разведку. В 1955 году он окончил институт и через два года был направлен на работу в ГДР. После возвращения в СССР он защитил кандидатскую диссертацию и трудился в Уральском научном центре.

Николай Иванович Бирюков

Воспоминания о жизни и работе в САО/СГАО «Висмут» с 1950 по 1956 г.

По принятым в СССР правилам, те, кто окончил вуз, защитил диплом и получил звание горного инженера соответствующей специальности, распределялись по запросам горных предприятий в границах СССР, с обязательством отработать на предприятии не менее трех лет. Неожиданно для нас, дипломников, во второй половине 1949 года, когда мы усиленно корпели над дипломным проектом и о предстоящей работе не помышляли, в Горный институт пришел военный представитель. Как было сказано, для отбора достойных кандидатов на работы на урановых рудниках. Как видно, по согласованию с дирекцией, парткомом и комсомольской организацией были отобраны специалисты, списки согласованы. Нас пригласили на собрание, представитель организации очень кратко ввел нас в курс дела. Он объяснил, что предлагается работа на особых рудниках, без уточнения места их расположения. Мы заполнили анкеты, автобиографию и сдали фотокарточки. О результатах нам обещали сообщить дополнительно, предупредили, чтобы этот вопрос не обсуждался даже в семейном кругу. Следует отметить, что в список отобранных не попали инженеры еврейской национальности (пресловутый "пункт 5" анкеты).

Мы продолжили работу над дипломом, и не вспоминали о сданных документах. После защиты дипломов и получения звания горных инженеров соответствующей специальности, в июле—августе 1950 года нас начали по одному приглашать на собеседование для распределения на работу, на Солянку, где располагался отдел кадров ГУСИМЗа (Главное Управление Советского Имуущества за рубежом).

Меня и моего сокурсника по группе РРМ-45 (разработка рудных месторождений, 1945 год выпуска) Богданова Геннадия Ильича пригласили на Солянку в августе 1950 года. Выдали нам аванс 3300 руб. на экипировку и деньги на ж/д билет и сказали, что дату отъезда сообщат дополнительно. Через некоторое время позвонили и сообщили, что по техническим причинам дата отъезда откладывается на более поздние сроки. Примерно через месяц нас снова вызвали в отдел кадров на Солянку, где подполковник Печенов сообщил, что необходимо взять билеты на

ближайшие 2—3 дня, и выехать в ГДР на рудники Советского акционерного общества «Висмут». Сказал, что все разъяснения о работе будут сделаны по месту прибытия. Мы с повинным видом сообщили, что на билеты нам денег не хватит. Подполковник Печенов безо всяких нареканий и нравочений поручил нам получить недостающую сумму на билеты и выехать в ближайшие дни в ГДР, и непременно сообщить о своем отъезде лично ему. По отзывам наших других коллег, Печенов был человеком внимательным и глубоко порядочным, профессиональным кадровиком. Мы выполнили его поручение, и выехали в ГДР в указанное время. Отбыли по маршруту: Москва — Брест — Варшава — Франкфурт-на-Одере, где нас встретили, привезли на автобусе в Зигмар-Шенау (в то время пригород Карл-Маркс-Штадта, которому в 90—е годы было возвращено название Хемниц).

В Зигмаре-Шенау нас разместили в уютной гостинице, расположенной в двухэтажной вилле со всеми удобствами. Нам даже выдали небольшой аванс в немецких марках ГДР. Когда мы посетили ближайшие магазины, мы почувствовали себя вполне обеспеченными людьми. На следующий день нас с Богдановым Г.И. и группой советских специалистов, прибывших в

Н.И. Бирюков

Выпуск 1950 года горных инженеров-рудников Московского горного института им. И.В. Сталина

АО «Висмут», принял генеральный директор САО «Висмут» Михаил Митрофанович Мальцев.

Он провел с нами небольшую беседу. Мальцев Михаил Митрофанович в ходе разговора с нами конкретно и предельно ясно охарактеризовал наши задачи, подчеркнул стратегический характер задач по обеспечению потребностей атомной промышленности Советского Союза в радиоактивном сырье. Напомнил о необходимости строгого соблюдения режимных условий работы и правил проживания среди немецкого населения. Мальцев не преминул "сесть" на свой конек как инженер-электрик: "Помните ли вы еще закон Ома?" Мудро отметил необходимость применять в нашей работе полученные ранее теоретические знания.

Та беседа произвела на нас очень хорошее впечатление. На следующий день за нами приехал подтянутый, с хорошей военной выправкой, капитан Чунин Михаил Поликарпович, и представившись представителем администрации второго объекта, отвез нас на автомобиле в город Обершлема, расположенный в Саксонских рудных горах. Там и находились урановые рудники Объекта 2.

В Обершлеме нас разместили в шикарном, даже по теперешним меркам, 4-этажном здании курортеля «Радиумбад» Обершлема. Чунин М.П. детально ознакомил нас с хозяйством гостиницы, в которой находились просторный ресторан с барной стойкой и небольшим оркестром, киноконцертный зал с танцплощадкой, бильярдной комнатой с тремя большими столами, прекрасными шарами из слоновой кости и клееными киями. Бильярдную обслуживал старик-немец, который с немецкой пунктуальностью следил за состоянием столов и киев и их использованием. За свою работу он получал деньги от игроков за игру. Стоимость игры составляла 50 пфеннигов за один час. Старик подходил к игрокам и с саксонским акцентом говорил: "Bitte funfzig pfennig" (пожалуйста 50 пфеннигов). Конечно платили больше, но были и скупердяи, которые выдавали монету стоимостью 50 пфеннигов.

Меня и Богданова Г.И. разместили в двухместном (семейном) номере с большой комнатой и спальней, с огромной старинной ванной, с душем, раковиной-умывальником, унитазом и биде. Номер был хорошо меблирован. Всем хозяйством гостиницы заведовал немец по имени Августин, из прежних (довоенных) служащих отеля. В том числе он

же обслуживал проживающих и ресторан.

Это был отменно подготовленный гостиничный работник (по теперешнему — менеджер). Он был всегда чисто выбрит, опрятно одет, с чувством собственного достоинства и готовностью выполнить любое разумное требование или просьбу жильцов гостиницы. У него даже была черная книга "gehwarzbuch", в которую заносились долги игроков в бильярд. Постоянными клиентами бильярдной были капитан Чунин М.П. и Ракчеев К.Т., работник технического отдела Объекта 2, которые были лучшими игроками на объекте. При этом капитан по-военному вгонял шар в лузу, жестким и точным ударом, а Ракчеев накатом, но тоже точно в лузу.

В лечебной части отеля, там где раньше были палаты и процедурные с радоновыми ваннами и другим лечебным оборудованием, позже были размещены служебные помещения администрации Объекта 2: кабинеты начальника, главного инженера, до 1953 г. — зам. начальника объекта по политической части (а далее должность стала называться секретарь парткома объекта), производственные, геолого-геофизические, планово-экономические и другие отделы.

«Курхотель Радиумбад» в Обершлеме просуществовал до 1952 года, когда после выемки охранных целиков под ним с богатыми рудными урановыми жилами весь комплекс был полностью разрушен. Вспоминается неординарный случай, произошедший при отработке целиков. Под зданием курортеля на горизонте штольни «Маркземлер» (около 40—45 метров от поверхности) геолого-геофизическая служба неожиданно обнаружила линзу чистой урановой смолки, размером примерно 4 метра в длину и 40 см в поперечнике, залегающей в сланцевых породах. Было решено эту линзу вынуть целиком, без ее разрушения. Постелили на подошву штрека прочный настил, на него брезент и черные транспортные ленты. Соорудили мощные козлы из крепежных стоек диаметром 40 см и стали осторожно подрабатывать мягкие вмещающие породы с помощью оборочных штанг и отбойных молотков. Посадили эту линзу на козлы, которые разлетелись в щепки, к счастью никто не пострадал. Из этой линзы было собрано штучной (богатой) урановой смолки несколько металлических ящиков (размером 50x35x25см), применявшихся для транспортировки урановой руды из очистных забоев на поверхность. Вес этих ящиков при загрузке их смолковой рудой

доходил до 200—250 кг.

Хотя линзу и не удалось извлечь целиком, но Объект 2 выполнил месячный план по металлу. По приезду на объект меня и Богданова Г.И. направили на работу в ОТК (отдел технического контроля), начальником которого был Кошколда Николай Константинович. Он был выпускником Московского института цветных металлов и золота имени М.Ю. Калинина 1949 г. выпуска, 1919 г. рождения, прошел войну. Кошколда Н.К. провел с нами обстоятельную и конкретную беседу, обратив особое внимание на стратегическое значение для СССР добываемого в АО «Висмут» металла, а также связанные с этим вопросы по соблюдению строгого режима как в производственной, так и в бытовой сфере.

На объекте было 8 добычных шахт, которые по объему добычи радиоактивного сырья располагались в таком порядке: №4 — самая крупная на объекте и в АО «Висмут», далее — шахты №№ 6, 64, 12, 67 и 15-бис и 6-бис, которые дорабатывали шахтные поля Шнеебергского месторождения на верхних горизонтах штольни «Маркземлер» — 30 метров.

Я был назначен 1 сентября 1950 года старшим инженером ОТК Объекта 2 и включился в активную работу по ознакомлению и участию во всей технологической цепочке добычи урана. Бедные фабричные руды, которые выдавались из шахты скиповым подъемником, складировались на поверхности в бункерах рудного двора и из них в самосвалах отвозились на автоматическую установку с радиометрической контрольной станцией (РКС), где советский солдат-радиометрист записывал в специальный журнал вес руды и ее радиометрические показатели. Далее самосвал следовал на обогатительную фабрику 99, расположенную в поселке Шлема, практически в границах Объекта 2 для гидрометаллургического передела. При избытке руды над потребностями фабрики 99 самосвалы направлялись на железнодорожные бункера, где руда временно складировалась. Эти бедные руды в дальнейшем направлялись в открытых железнодорожных вагонах на гидрометаллургический завод №101, расположенный в местечке Кроссен около Цвиккау-Мульде.

Главным инженером фабрики работал мой хороший приятель Балан Владимир Иванович, который после возвращения в 1955 году из ГДР в СССР работал в Госплане СССР, и спустя некоторое время был назначен секретарем парткома Госплана

СССР (номенклатура ЦК КПСС) и проработал на этой должности до самого выхода на пенсию.

Расчеты по металлу между обогатительными фабриками и Объектом 2 производились ОТК объекта, т.е. мною, на основе веса поставленной фабричной руды и содержанию металла в ней, определяемые химическими анализами проб, отобранными мною из руды.

Богатые 1% урановой смолки штучные руды 1 и 2 сортов из очистного забоя отправляли в цех опробования №52. В 1950 г. и последующие годы в АО «Висмут» было направлено очень большое количество специалистов после окончания высшего или среднетехнического учебного заведения. На Объекте 2 работало от 250 до 300 таких специалистов. Служба ОТК объекта была хорошо укомплектована. Как правило, на шахтах, исходя из их мощности и значимости, был начальник ОТК и один или два сменных контролера.

Геофизической службой АО «Висмут» к этому времени был разработан ряд простых в пользовании, но надежных в работе и достаточно точных приборов по измерению радиоактивности сырья. Хотя они были основаны на всемирно известном счетчике Гейгера — они были строго засекречены, и поэтому и в очистном забое при сортировке рудной массы и на радиометрических контрольных станциях до 1953 года работали только советские солдаты из технических батальонов, приданных АО «Висмут».

Хотя советские солдаты хорошо и ответственно справлялись со своими обязанностями радиометристов, но секретность геофизической аппаратуры сдерживала участие немецких горнорабочих в добыче и первичном обогащении урановых руд. Только после реорганизации Советского АО «Висмут» в Советско-германское АО «Висмут» в январе 1954 года, немецким горнорабочим позволили более полно участвовать в технологическом процессе добычи и сортировки урановой продукции. Рабочие отбирались спецорганами ГДР и обучались на специально созданных курсах геофизиков с использованием радиометрической аппаратуры. Кстати, немецкие рабочие получали дополнительные премиальные за каждый ящик штучной руды, и в применении забойной сортировки с помощью радиометрической аппаратуры рабочие были еще больше заинтересованы.

Серьезным сдерживающим факто-

ром добычи и сохранения от потерь рудной массы являлся существовавший тогда способ транспортировки штучных руд от очистного забоя до цеха опробования и затаривания готовой продукции цеха №52 для отправки ее в СССР.

Ящики с рудой из забоя вручную выдавались через грузовые отделения (по лестницам) на откаточный штрек и в вагонетках выдавались на поверхностный рудничный двор, где солдаты дополнительно проверяли их на РКС (радиометрические контрольные станции), где, по возможности, отбиралась пустая порода.

Даже ящики вручную грузились на бортовые машины и отвозились в цех опробования №52, где советские солдаты опять же вручную сгружали ящики и волоком тащили по высланному толстыми железными листами полу с помощью крючьев. Складывали в складском помещении. Сам процесс опробования также был очень трудоемок и производился в постоянно запыленном пространстве, несмотря на вентиляцию. Ящики с рудой по рольгангам вручную подавались на площадку измельчения с помощью щековой дробилки, вибрационного грохота и шаровой мельницы измельчались до крупности зерна в 1,5 см. Далее измельченная руда по конвейеру направлялась в цех затаривания, где поковалась в картонные пропарфиненные цилиндрические бареи диаметром 25—30 см и весом около 50 кг, которые закрывались крышками с отверстиями по диаметру и закрепляемых металлическими пистонами с помощью специальных пломбиоров, далее следовала отгрузка в СССР.

При движении руды по конвейеру точечным способом совковой лопатой отбирались порции в конечном объеме, примерно 5% от объема основной рудной массы, на практике вес пробы составлял 150—200 кг. Далее отобранная проба сокращалась и трехкратно перемешивалась по принятому в геологической практике методу конус-кольцо, доводилась до 15—20 кг. Эта проба передавалась в расположенную на территории цеха №52 лабораторию, где она просеивалась и измельчалась и сокращалась на 150—200 г. На лабораторном комплексе, состоящем из шаровой или стержневой мельницы, дисковом истирателе и вибратора из 4 см с конечным размером зерна 200 мм (т. е. 200 отверстий на одном квадратном дециметре)

За готовой пробой по согласованию приезжала фельдсвязь и отвозила ее в химическую лабораторию, располагавшуюся в г. Гроне под Хемницом. При САО

«Висмут» советские химики-лаборанты проводили окончательный анализ по методикам, разработанным в НИИ СССР, на содержание U_3O_8 , для уточненного расчета выполнения плана по металлу в целом по САО «Висмут», объектам и отдельным шахтам и обогатительным фабрикам.

Такие данные я получал только в ОТК САО «Висмут». После преобразования САО «Висмут» в СГАО «Висмут» параллельно с советской частью химической лаборатории была организована и немецкая часть из немецких химиков-лаборантов, которые работали по тем же самым методикам определения O_3 и U_8 , что и советские химики и для расчета стоимости металла между СССР и ГДР являлась согласованное значение по содержанию O_3 и U_8 .

В дальнейшем цех опробования №52 был полностью модернизирован: была сооружена эстакада с приемными бункерами под разгрузку самосвалов для штучной руды для каждого сорта 1 и 2 отдельно. Под бункерами проложили конвейерные линии для подачи руды на участок измельчения рудной массы и последующего отбора проб и затаривания готовой продукции также конвейерным способом. Тем самым был исключен тяжелейший труд людей и устранению неизбежных потерь при ручной разгрузке и погрузке очень тяжелых ящиков. На шахтах предусматривалось на околоствольной эстакаде сооружение специальных накопительных бункеров для руды 1 и 2 сорта с необходимой герметизацией и организацией необходимых загрузочных и выпускных люков.

Таким методом транспортировки решалась и другая надуманная и острая проблема, нехватка пустых металлических ящиков, которые якобы задерживал цех №52, и тем самым тормозил процесс добычи руды в забоях. Теперь же обеспечение пустой тарой лежало только на администрации шахты.

По моим чертежам были переоборудованы два пятитонных самосвала с необходимой герметизацией кузова загрузочного и выпускного люков полностью исключающих потери руды. После промышленных испытаний, в которых самое непосредственное и активное участие принимали все работники ОТК объекта, показавшие хорошие технические и экономические результаты, о предполагаемой модернизации процесса транспортировки штучных руд со всеми техническими и экономическими расчетами я доложил начальнику Объекта 2 Владимиру Яковлевичу Оплан-

чуку, который после тщательного ознакомления и моих дополнительных пояснений эту идею полностью поддержал, и по моей просьбе на диспетчерском совещании обязал руководство шахт оказывать необходимое содействие по ее внедрению.

Радиоанализы были подготовлены с объяснительной запиской, в которой содержались технические и экономические расчеты, а также и расчетные данные о предполагаемой выгоде по минимизации потерь штучных богатых урановых руд, и экономической целесообразности предполагаемого способа транспортировки. Рацпредложение было передано в технический отдел САО «Висмут». Было получено положительное заключение и мое предложение было рекомендовано к применению на других объектах «Висмута». Была выплачена премия мне и моему заместителю, Молодцову Михаилу Александровичу, по пятьсот немецких марок каждому.

Вспоминается также очень объемный, требующий большой тщательности и ответственности, участок работы всех отделов ОТК объекта по подсчету данных по выполнению объектом в целом и по отдельным шахтам плана по металлу. Дело усугублялось тем, что все данные по металлу были строго засекречены, и я лично, получив план по металлу от начальника объекта и его указания по распределению по шахтам, со своими сотрудниками рассчитывал план для отдельных шахт в условных единицах количества добываемой руды в ящиках 1 и 2 сортов и тоннах бедных фабричных руд, исходя из предыдущих сведений о среднем содержании металла в них. Никаких разговоров о плане по металлу среди советских специалистов на шахтах не шло, включая и работников ОТК. Такой порядок, как показала практика работы на объекте, не представлял трудностей для добычных шахт по выполнению плана по металлу, так как начальник шахты всегда мог получить в отделе ОТК объекта оперативные данные по выполнению плана. Они ежедневно докладывались начальнику объекта и уже на еженедельных диспетчерских заседаниях давались корректирующие задания.

Большим неудобством в этих расчетах было то, что в начале пятидесятых годов единственным вычислительным прибором был механический арифмометр, да и то в единственном экземпляре, и звали его "Феликс". Ну и, конечно, знаменитые русские счеты, на которых не каждый умел считать. И только после поступления на объект быстроходных электрических счет-

ных машин производства ГДР этот вопрос был решен положительно.

Заканчивая краткие воспоминания производственной работы на рудниках АО «Висмут», необходимо вкратце остановиться на главном в этой работе — на людях, которые исполняли ее. В пятидесятые годы на Объекте 2 сформировался коллектив примерно из 300 специалистов, 80% из которых составляли молодые люди, только недавно окончившие горные учебные заведения. Вместе с тем в этот период из СССР на руководящие должности приглашались специалисты из горнорудной отрасли СССР — опытные, грамотные горные инженеры с богатым производственным и жизненным опытом.

Главными инженерами Объекта 2 были крупные горные инженеры и административные управленцы, такие как Дanelия Шалва Самсонович (1947—1950 г.), Мальченко Яков Сильверстович, Шварц Лев Григорьевич, опытный горняк и весьма колоритная фигура. Он лихо танцевал еврейские танцы на каблуках на молодежных свадьбах и обладал неистощимым арсеналом народной лексики, которую громко и артистично применял на планерках и пятидневных отчетах начальников шахт, и поэтому, по рекомендации парткома, приходил на работу в 6 часов утра, чтобы это сделать до начала работы администрации объекта в 9 часов.

Опланчук Владимир Яковлевич, опытный горняк и умелый руководитель большого коллектива, пользовался заслуженным авторитетом среди членов всей советской колонии г. Обершлема. В первые годы моего пребывания в АО «Висмут» зам. начальника Объекта 2 по политической части был прошедший войну подполковник Бондарчук Николай Васильевич, который являл собой образец истинного политработника. Умница, политически грамотный, без догматизма, и очень доброго отношения к людям, как на работе, так и быту. При Опланчуке В.Я. Объект 2, являвшийся в эти годы первым среди других добывающих радиоактивное сырье предприятий, достиг своего наивысшего уровня добычи металла и регулярно выполнял по нему плановые задания. Молодежным организатором в этот период был инженер-маркшейдер Лебедев Александр Григорьевич, который был избран освобожденным секретарем комсомольской организации Объекта 2. Своим активным характером, конкретной инициативой, доброжелательностью и незаурядным

умением организовать дело Александр Григорьевич вполне соответствовал своей должности. Был уважаемым человеком.

Заканчивая повествование о производственных делах, не могу не вспомнить с уважением и благодарностью наш дружный, требовательный и высокопрофессиональный коллектив работников ОТК Объекта 2: Абакумов Василий Филиппович, Курносов Владимир Ильич, Грибанов Иван Прохорович, Дашевский Вадим Вячеславович, Зайцев Афанасий Филиппович, Лебедева Александра Николаевна, Магланлидзе Иван Прохорович, Молодцов Михаил Александрович, Молодцева Праксovia Васильевна, Рехвиашвили Евгений Сергеевич, Рябов Григорий Владимирович, Циркушинский Надар Севатович, Хижняк Иван Иванович, Чащевой Николай Терентьевич. За давностью времени

Дворец культуры в Зигмаре

мог кого-то забыть, извините.

Деловые, товарищеские отношения, без упреков и зазнайства, по вопросам чистоты отработки рудных жил и транспортировки радиоактивного сырья на сборные пункты, установились у меня и других работников ОТК Объекта 2 с начальниками, главными инженерами, геологами и геофизиками шахт, приехавшими в АО «Висмут» уже сложившимися горными инженерами на рудниках и шахтах в СССР: Коваленко Яков Яковлевич, Софьин Виктор Иосифович, Титов Кирилл Минаевич (шахта №6), Пакулин Павел Владимирович (шахта №4), так и молодыми специалистами со студенческой скамьи, выросшими в АО «Висмут» до руководителей шахт.

Меньшов Василий Семенович (шахта №6), Копырин Алексей Григорьевич (шахта №12), Куниченко Виктор Валентинович (шахта №15), Пышков Юрий Вячеславо-

вич (шахта №15), Севастьянов Григорий Иванович (шахта №6). Большую консультативную помощь по техническим вопросам работы ОТК объекта и шахт оказывали постоянно приезжавшие на объект руководители ОТК АО «Висмут»: Илюшин Анатолий Алексеевич, Шишов Виктор Михайлович, Любченко Иван Васильевич, Петров Борис Иосифович.

Были в нашей горной практике вопросы, связанные с безопасностью горных работ, а именно с заплыльностью горных выработок и других мест. К сожалению, к вопросам пылеподавления и пылеулавливания, а также к защите от радоновых выделений, которые в урановых шахтах безусловно присутствовали, не придавалось должного значения. Внедрялось мокрое бурение шпуров, которое сдерживалось отсутствием нужного количества и качества буровой стали. Никакой пылеулавливающей технологии в забоях не применялось. Помню, в 1952 г. начальник ОТК Управления администрации АО «Висмут» Шилов Виктор Михайлович лично привез несколько коробок с пылеулавливающими фильтрами "Лепесток Петросова". По сертификату этот пылезащитный респиратор должен улавливать 99% микродисперсных частиц. На практике он оказался достаточно удобным в носке, не затруднял дыхание.

Вкратце остановлюсь на важном вопросе. За весь период моей работы в АО «Висмут» в 1950—1956 г. могу с уверенностью сказать, что очень высокие показатели добычи и отправки урановых руд в СССР были вызваны попыткой США шантажировать Советский Союз своим атомным арсеналом. И в этом АО «Висмут» были достигнуты весомые результаты, что стало значительным сдерживающим фактором для США.

Руководство АО «Висмут» сделало очень многое для обеспечения отличной, отлаженной работы предприятий. Прежде всего сотрудникам были обеспечены прекрасные жилищные условия. На Объекте 2 после разрушения в 1952 г. курортеля "Радиумбад" в Обершлеме одинокие сотрудники проживали в благоустроенных номерах мужского или женского общежитий, в одно-двухместных номерах, по желанию. Семейные пары жили в специально построенном поселке в коттеджах на две семьи, в 2—3 комнатных квартирах со всеми удобствами, а также жили в арендуемых у немцев виллах в очень комфортабельных условиях.

Все квартиры были полностью меблированы, там было постельное белье, кухонная утварь и посуда. Прекрасно было налажено снабжение продуктами и промышленными товарами. В Обершлеме работали мясной, продовольственный магазины с очень широким ассортиментом качественных товаров, несмотря на послевоенную разруху в ГДР и СССР. В мужском общежитии действовала небольшая уютная столовая, где готовили высокопрофессиональные немецкие повара по принципу "вкусно и сытно". До сих пор я с удовольствием вспоминаю вкуснейший, размером во всю тарелку, телячий шницель "по-венски". Можно было купить отрезки на костюм — английский бостон, коченело и другие элитные ткани. Многие купили мотоциклы, 14-сильный, четырехтактный БМВ-Р-350. На нем мы объехали всю южную часть ГДР, правда с нарушениями порядка, без удостоверения и прав. Если останавливали немецкие полицейские — говорили: "Nicht verstehe". Тогда полицейские улыбались в ответ и говорили: "Fahren sie bitte weiter, aber sehr vorsichtig!"

В Обершлеме, в советском консульстве была швейная мастерская, где закройщиком был опытный немец двухметрового роста по фамилии Шпикерманн (по имевшейся у нас информации, обшивавший ранее высокопоставленных офицеров вермахта). Специалист высочайшего класса, со своей помощницей он делал всего одну примерку, и костюм выходил безукоризненным. Единственное — он никак не мог смириться с заказами шить брюки-юбки, с шириной штанин 38—40 см по нижней кромке, а то и шире. Шпикерманн настойчиво уговаривал шить изделие не более 25—27 см в ширину. Иногда наши ребята соглашались, и получалось очень красиво.

Широкой популярностью среди советских специалистов пользовался спорт, для чего были предоставлены все условия. Площадки, оборудованные для волейбола и баскетбола, сектор для прыжков в длину и высоту. Были женская и мужская команды по волейболу, по легкой и тяжелой атлетике. Образовалась хорошего уровня команда по футболу. Кстати, в 1955 г. наша футбольная команда заняла 2 место в общевисмутском турнире. В этой команде, где играли высококлассные футболисты-любители, я играл левым инсайдом. Богданов Петр Леонидович, имевший первый всесоюзный разряд, Маркелов Сергей Александрович, впоследствии начальник шахты №64. Бессменным вратарем был

Кривченко Александр Иванович — главный геолог шахты №15. Стоял надежно и красиво, брал любые самые сложные мячи, но, как натура творческая, еще и заведовал на объекте всей художественной самодеятельностью. Иногда конечно допускал "дыры", но зрители всегда аплодировали и прощали ему такие промахи.

Безусловной популярностью и заслуженным вниманием пользовалась прекрасная русская игра в городки, ныне незаслуженно забытая. Была очень профессионально выстроена городошная площадка с хорошими коробками. У мужчин городки пользовались огромным успехом. Я тоже очень любил эту игру и числился в лучших "забивалах". На объекте постоянно проводились состязания по легкой атлетике, кроссам среди сотрудников поселка Обершлеме. А нередко и сотрудники, и все жители участвовали в межобъектовых соревнованиях по волейболу. Объект 2 всегда занимал призовые места.

Престижным видом отдыха являлась охота и рыбалка, тем более, что условий для этого было предостаточно: исключительно богатый мир природы, уникальные охотничьи и рыболовецкие угодья. Оборудование и приспособления можно было выбрать на любой вкус. "Зауэр" 3 кольца; "Меркель" — роскошные оружейные марки! Готовые патроны и другое снаряжение. Охотой я начал заниматься с 16 лет, прочитав Аксакова, Сабанеева, Толстого Алексея (брата Льва Николаевича) и много другой охотоведческой и рыболовной специальной литературы. Охота была всегда удачной, с постоянными трофеями. Это были зайцы, дикие утки, сначала серые куропатки. Выезжали на охоту и рыбалку коллективно, что также способствовало хорошей организации и порядку. Считаю, что надо обязательно остановиться на очень показательном отношении к сохранению природных ресурсов. В Германии в военные годы, как и в других европейских государствах, расплодилось много дичи, особенно серых куропаток. Куропатки поднимались тучей, и не надо было быть хорошим стрелком, достаточно было

Команда футболистов-любителей в Обершлеме

просто пальнуть, они замертво падали на землю по 2—3 штуки. Тут надо сказать, что в Европу из Южной Америки завезли колорадского жука, который массово размножился и стал страшнейшим вредителем для урожая картофеля и томатов. Серая куропатка — одна из немногих диких птиц, которые с удовольствием пожирали этого жука-вредителя. Немецкие крестьяне обратились с жалобой-просьбой в соответствующие советские органы о прекращении массового уничтожения куропаток на полях ГДР. По всем охотничьим хозяйствам был разослан приказ о строжайшем запрете на отстрел этих птиц. Так в побежденной Германии была спасена от уничтожения эта прекрасная птица. Тогда как в СССР эта птица подверглась тотальному уничтожению.

Советскими специалистами в коллективе проводилась широкая культурно-просветительская работа. Функционировал постоянный драматический кружок, сводный хор мужчин и женщин. Широко практиковались коллективные туристические поездки по историческим и культурным местам в ГДР. Посещали Берлин с Трептовым и Панковым мемориалами, Дрезден с Цвингером и поездкой по Эльбе и красивейшей Саксонской Швейцарией. Посещали известнейший во всем мире Фрайбергский минералогический музей, который, кстати, был спасен от разграбления советскими офицерами в конце войны, Лейпциг с памятниками народам, победившим Наполеона, Веймар с памятниками Гете и Шиллеру. Знакомство с этими достопримечательностями расширяло кругозор советских людей. Но одновременно хотелось бы отметить, что в бывшем СССР и теперешней России нет такого бережного отношения и уважения к нашим национальным ценностям. Скупаются все: роскошные дворцы, фешенебельные яхты, военные крейсера, уникальный Норникель, которому нет аналогов в мире! Да и поскромнее дельцы из той же Государственной думы не стесняются хапнуть кусок пожирнее. Стыдно за Россию.

Специалисты Объекта 2 по договоренности с немецкой стороной посетили известный медно-рудный рудник и медеплавильный комбинат в Мансфельде. Прежде всего поразил порядок как на шахтном дво-

ре, так и на металлургическом заводе, где производилась катодная и электролитическая медь. На комбинате из медной руды извлекалось около 30 элементов периодической системы Менделеева, в том числе и золото, и серебро, и другие редкоземельные элементы. На наш вопрос — насколько эффективно такое извлечение, немецкие специалисты авторитетно ответили, что такие элементы как золото извлекать на комбинате неэффективно, но если учесть затраты по импорту, то вопрос требует более детального анализа. Обратило на себя внимание производство брусчатки для мощения дорог повышенной комфортности.

На шахтном дворе были установлены ячеистые деревянные опоки, в которые по направляющим желобам базальтовая шихта выливалась в опоки, где и застывала. Как известно, базальт — очень крепкая горная масса, мало изнашиваемая. И из нее получались великолепные булыжники для мощения дорог. На вопрос — выгодно ли это производство, немцы ответили, что уже стоит большая очередь за эти продуктом.

Теперь о семье. В феврале месяце 1953 года я и Горюнова Нина Ивановна зарегистрировали брак в консульском отделе г. Дрездена. Приехавшая на работу в 1950 г. в АО «Висмут» на Объект 2 после окончания Тульского горного техникума по специальности геолог красивая и умная девушка Нина стала моей законной женой.

Мы прожили вместе, дружной счастливой семьей, 57 лет. У нас есть дочь Татьяна, рожденная в Германии в 1954 году в городе Хемниц. Она окончила Московское Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по профессии дизайнер. Сын Юрий родился в Чехословакии в городе Пшибрам. Окончил Высшую школу экономики по курсу внешняя торговля. Выросли три внука: Андрей, Анатолий и Филипп. Старшие уже окончили институты, Филипп учится на 2 курсе (бюджетном) Московской государственной юридической академии.

Есть и подрастающее поколение, правнуки — Дмитрий и Полинька. К великому сожалению, моя жена Нина Ивановна 27 декабря 2010 года скончалась. Царствие ей Небесное и вечный покой.

За работу в АО «Висмут» я указом Верховного совета СССР в 1956 году был награжден орденом "Знак Почета".

Теперь, как сказано в старинном горняцком немецком выражении, — Glück Auf — СЧАСТЛИВО НАВЕРХ.

Николай Иванович Бирюков с супругой Ниной Ивановной

Ольга Георгиевна Семенова

Ольга Георгиевна СЕМЕНОВА родилась в 1931 году в Ленинграде, в 1954 году окончила геологоразведочный факультет Ленинградского горного института, получив диплом горного инженера-геофизика по специальности "геофизические методы поисков и разведки урановых месторождений". В период с 1954 по 1956 год работала в СГАО «Висмут» в качестве руководителя геофизической лаборатории в Обершлеме и инженера-геофизика на обогатительной фабрике в Цвиккау. В середине 1970-х годов дважды находилась в СГАО «Висмут» в кратковременных командировках по линии технической помощи. До 2010 года работала научным сотрудником, руководителем лаборатории и ведущим научным сотрудником научно-исследовательского института разведочной геофизики (ВИРГ).

Не только геофизика (1954–1956, 1973, 1975)

Введение

В 1945 году перед СССР встала проблема создания ядерного вооружения, а, следовательно, необходимости поисков, разведки и эксплуатации месторождений урановых руд на собственной территории. Кроме этого, СССР получил возможность использовать германские провинции Саксонию и Тюрингию, включенные в советскую оккупационную зону после капитуляции гитлеровской Германии. Эти провинции охватывали районы Рудных гор, где с начала XIX века добывалась в незначительных масштабах урановая руда для производства синей светящейся краски. Уже осенью 1945 года в ГДР было создано Саксонское горное управление с Саксонской ураново-поисковой партией, а весной 1947 года управление было преобразовано в советско-германское акционерное общество «Висмут» - СГАО «Висмут», проработавшее до 1990 года.

Я родилась в 1931 году в г. Ленинграде, в 1948 году поступила на геологоразведочный факультет Ленинградского горного института и окончила обучение в 1954 году, получив диплом горного инженера-геофизика. В СГАО «Висмут» я работала с 1954 по 1956 год. В своих воспоминаниях я описываю особенности специального образования в Горном институте, получение которого привело меня в СГАО «Висмут», три года пребывания в ГДР и две служебные командировки туда в начале 1970-х годов. Для более полного понимания, с чем я входила во взрослую жизнь, я вкратце описываю мое военное детство. Люди, которым в сознательном возрасте не довелось жить в СССР, сегодня часто идеализируют советскую систему распределения на рабочие места выпускников вузов. Не имея достаточной информации, они исходят просто из того, что такая система была и что молодые специалисты гарантированно были сразу же обеспечены работой по специальности, чего нет в настоящее время. Поэтому я описываю, как реально работала эта система и почему ее часто боялись и студенты и их родители.

Я мало касаюсь профессиональных во-

просов, а пишу в основном о быте, о впечатлениях и о том, как тогдашняя внутренняя политическая обстановка в СССР и ГДР влияла на жизнь русских работников «Висмута». В то время мне было от 23-х до 25-ти лет, мне были свойственны жизненная незрелость и некоторая инфантильность в восприятии событий и в реакции на них. Русскому читателю следует иметь в виду, что тогдашние порядки в «Висмуте» отличались более жестким режимом для советских граждан, чем в последующие времена, и мое описание этих порядков не должно казаться неправдоподобным. То же относится и к порядкам в СССР.

С середины 1950-х годов прошло более 55 лет и многое в моей памяти стерлось. По этой причине и чтобы никого не задевать, я не называю русских имен, а при упоминании немецких сотрудников использую только условные имена. Для краткости и простоты всех советских работников «Висмута» я называю «русскими» или «русскими висмутянами», хотя, конечно, среди них были представители разных национальностей, проживавших в СССР.

1. До «Висмута»

1.1. Военное детство

Я родилась в семье геологов. Перед Великой отечественной войной отец работал инженером по бурению в геологической организации «Спецгео», выполнявшей работы по заданиям наркомата обороны. В 1939 г. к СССР были присоединены страны Прибалтики и восточная часть Польши. На новой границе началось строительство оборонительных укреплений, для чего потребовалось проведение инженерно-геологических изысканий, в том числе буровых работ. От организации «Спецгео» на участки новой границы была направлена большая геологическая экспедиция, в составе которой в бывшую восточную Польшу был командирован мой отец. С ним поехала вся наша семья.

Первое дыхание приближающейся войны мы с сестрой Валею почувствовали в бывшей Польше в маленьком городке Рутки-

О.Г. Семенова. 1955 г. В окрестностях Ауэ.

Коссаки недалеко от г. Белостока. Многие поляки хорошо говорили по-русски. Наша семья снимала комнату у поляка-шорника в доме сельского типа. В хозяйской семье было две дочери — Кристина 12 лет и Ядвига 5 лет. Они рассказали нам с Валею, что когда в Рутки-Коссаки вошла немецкая воинская часть, солдаты стали обходить дома и расстреливать мужчин, не явившихся на регистрацию. Обнаружив хозяина-шорника, немецкий солдат вывел его на его собственный огород и приготовился расстрелять. Жена шорника и старшая дочь Крися окаменели от ужаса. Отца спасла маленькая Яся. Она с плачем бросилась на винтовку немца и отчаянно кричала. Немец не выдержал, опустил винтовку и ушел.

По обстоятельствам работы отца наша семья переехала из Руток-Коссаков в литовский городок Кальварию, а из нее в тогдашнюю столицу Литвы Каунас. В Каунасе базировалось управление экспедицией: руководство, технические отделы, бухгалтерия, центральный гараж и т.п. Работа отца после перевода в Каунас была связана с частыми многодневными выездами из города на буровые участки. Однако в выходные дни он часто был дома в Каунасе. Так, к счастью, было и в воскресенье 22 июня 1941 г., которое выдалось исключительно ясным и солнечным. Наша семья была в полном составе и спала. Примерно в шесть часов утра я, спавшая на раскладушке напротив двери, услышала стук. Отец встал, открыл дверь и стал тихо говорить через порог с каким-то мужчиной. Я разглядела, что на пришедшем под плащом были только трусы, а ниже — ботинки без носков. Отец тихо сказал что-то Марии Михайловне (моей маме), оделся и ушел с гостем. От Марии Михайловны мы узнали, что, кажется, началась война, нам придется уезжать, говорить об этом никому не нужно, надо собирать вещи. Рабочее совещание руководителей экспедиции решило на двух грузовиках, не мешкая, отправить в Ленинград женщин и детей, а вслед за ними на 17 грузовиках выехать всем остальным. Уже примерно в 11 утра Мария Михайловна и мы, трое детей, с частью вещей в составе группы других женщин и детей выехали из Каунаса в Ленинград. Из мужчин в нашей «автоколонне» ехали два водителя и специально выделенный сопровождающий, снабженный тщательно подготовленными сопроводительными документами. Мое место было у правого борта. Ночью я проснулась от равномерного грохота, выглянула из-под брезента и увидела идущие навстречу (на запад) советские танки. Вдоль обочин по обе стороны дороги в том же направлении на запад «гуськом» молча шли красноармейцы.

В Ленинграде наша семья жила на Театральной площади в доме за консерваторией. Мы не эвакуировались и всю войну прожили

в Ленинграде. Бомбежки города, артиллерийские обстрелы, не работавшие водопровод, канализация, отсутствие электричества, городского общественного транспорта, необходимость затемнения окон, неубранные трупы в квартирах, дворах и на улицах, а главное голод — все это много раз описано в разных статьях и книгах и все это была и наша жизнь. Об окончании войны мой 7-ой класс узнал на уроке 9 мая. Казалось, все девочки должны были радоваться, но часть из них сразу заплакала. Это были те, у кого на войне кто-нибудь погиб.

1.2. Специальное образование, приведшее в «Висмут»

Для решения урановой проблемы в СССР, начиная с 1945 года, были созданы необходимые научно-исследовательские и проектные институты, конструкторские бюро, приборостроительные заводы. В системе геологической службы были организованы специализированные управления, экспедиции и полевые партии. В скором времени стало ясно, что имеющихся геофизических кадров не хватает, а имеющиеся недостаточно подготовлены для решения новых проблем. В геологоразведочных вузах были добавлены геологические, геохимические и геофизические дисциплины и кафедры нового профиля.

В Ленинградском горном институте на моем курсе геологоразведочного факультета (поступление 1948 года) до всех этих событий было две группы ГРФ-1 и ГРФ-2, в которых готовили геофизиков для поисков и разведки различных типов рудных месторождений. В 1950 году из геологоразведочного был выделен геофизический факультет и из наших двух групп составили три: РФ-1 и РФ-2, специализированные на поиски радиоактивных элементов, и РФ-3 с сохранением прежнего профиля общей рудной геофизики. Принцип формирования новых групп был «анкетный». Здесь следует отвлечься. Большое количество работ в геологической отрасли, в частности, практически все, связанные с поисками различных рудных месторождений, были секретными. Инженерно-техническим работникам (ИТР) присваивалась одна из трех категорий допуска к рабочим документам. Присвоение категории производилось на основе проверки и изучения сотрудниками спецслужб анкет, которые заполняли ИТР. Кроме анкет, учитывались характеристики, составленные в разное время руководителями учебных, научных или производственных организаций, в которых учился и трудился ИТР. В составлении характеристик принимали обязательное участие руководители общественных организаций: партийной (КПСС) или комсомольской и профсоюзной. Анкета считалась «чистой», во-первых, если человек имел хорошее соци-

альное происхождение, во-вторых, не имел «подозрительных» родственников, в-третьих, сам не имел «политических грехов», то есть никогда не высказывал взглядов, отклоняющихся от официальных. Лучший вариант — рабоче-крестьянское происхождение, отсутствие родственников, проживающих (проживавших) за границей или на оккупированной врагом территории во время Отечественной войны, родственников, входивших в любые политические партии, кроме КПСС, или допускавших отклонения от линии КПСС, или исключавшихся когда-либо из комсомола или КПСС. Учитывались как ныне живущие родственники, так и умершие. В Ленинградском горном институте студенты впервые заполняли анкеты на втором или на третьем курсе. Мой отец, сам работавший в геологии, отследил момент заполнения мною анкеты. Неожиданно для меня он принес домой чистый бланк (4 листа А4), посадил меня за стол и сказал что-то вроде: «Я продиктую тебе ответы на вопросы, ты их запомнишь и всегда будешь именно так заполнять любые анкеты». Моя анкета в основном совпадала (как и должно было быть) с его анкетой. Неправда, которая была в анкете, относилась к социальному происхождению отца — невысокому, но все же из офицерской семьи царского времени. Остальное не отклонялось от действительности. Несмотря на такой «грех» перед советской властью, отец, я, мои сестра и брат всегда хорошо и добросовестно учились и работали и добились определенных успехов в том, что теперь называется карьерой. В советские времена слово «карьер» носило «буржуазный» оттенок и поэтому по отношению к советским людям не употреблялось. В моей родительской семье все мы стали беспартийными ИТР. В молодости я, сестра и брат были комсомольцами, так как это был обычный в то время путь подростков, хорошо учившихся, спокойных, нацеленных на получение профессии, требующей высшего образования.

Вернемся к принципу разбиения студентов-геофизиков на группы. Очевидно, что в анкетах студентов группы РФ-3 было что-то, не вполне устраивавшее работников спецслужб, но в то же время эти студенты «годились» для работы в рудной геофизике, не имевшей отношения к урану. Кроме специализированных РФ-1 и РФ-2, были организованы еще две специализированные группы: РФ-4 и «тотальники». РФ-4 — сборная спецгруппа, созданная из студентов-добровольцев разных не геофизических специальностей — геология, гидрогеология, техника разведки и др. По-видимому, добровольцев не хватило. Поэтому сформировали группу «тотальников», куда перевели также студентов не геофизических специальностей, но уже «добровольно-принудительно». Некоторым из них

было настолько жаль потерять выбранную при поступлении в горный институт специальность (например, «геологическая съемка и поиски»), что они впоследствии защитили по два дипломных проекта.

Учебные предметы, относящиеся к геологии, геофизике и геохимии радиоактивных элементов, нам преподавали в специальных охраняемых помещениях. Записи вели в прошнурованных тетрадях, которые никогда не выносились из помещения и хранились специальными сотрудниками. Учебные и производственные студенческие практики получили соответствующую ориентацию. Основными преподавателями дисциплин были Г.Ф.Новиков, В.И.Серпухов и Е.М.Квятковский. Особенно следует выделить Григория Федоровича Новикова, который создал не существовавший ранее курс геофизических методов поисков и разведки месторождений радиоактивных полезных ископаемых, лично читал его студентам и в 1960-е годы в соавторстве с Ю.Н.Капковым написал серию базовых учебников. В преподавание он вкладывал душу, стараясь добиться от нас полного усвоения материала. Сдача рядового экзамена Григорию Федоровичу занимала 1-1,5 часа.

В зиму 1953-1954 гг. состоялся первый выпуск спецгеофизиков Ленинградского горного института, и мы, выпускники, были распределены в те организации, для которых нас готовили. Чтобы охарактеризовать качество подготовки, возьму для примера свой случай. Первые три года после окончания института я работала в СГАО «Висмут». Два года в геофизической лаборатории на одном из эксплуатируемых урановых месторождений моей обязанностью было обеспечивать правильность методики геофизических измерений и точность определений содержания радиоактивных элементов в порошковых пробах, поступавших из шахт, отвалов и цеха готовой продукции. В последний, третий, год я была инженером-геофизиком на обогатительной фабрике, где применялись разные способы обогащения урановой руды. Здесь в мои обязанности входил надзор за процессом обогащения руды, поступавшей в цех на движущихся лентах транспортеров. Рудосортировка производилась с помощью геофизических приборов. По скупой кадровой «раскладке» и в геофизической лаборатории, и на обогатительной фабрике было предусмотрено по одному специалисту-геофизику, который отвечал за настройку и своевременный ремонт приборов, применение правильной методики измерений и обработку их результатов. Знания, полученные в Ленинградском горном институте, охватывали весь круг геофизических проблем, с которыми я и мои сокурсники столкнулась в «Висмуте». Эти знания оказались до-

Г.Ф. Новиков

статочными для выполнения требуемых работ на уровне, более высоком, чем тот, который мы застали по приезду, так как наши преподаватели позаботились донести до нас «последнее слово науки и техники» в ожидавшей нас области применения геофизики.

1.3. Советская система распределения молодых специалистов на рабочие места

В СССР действовала четко прописанная система распределения выпускников вузов на рабочие места. Получение высшего образования было бесплатным, но выпускник вуза после окончания должен был отработать три года там, где ему укажет государство в лице комиссии по распределению. С одной стороны, система распределения на рабочие места имела то достоинство, что выпускнику вуза сразу была обеспечена работа по полученной специальности, чего нет в России в настоящее время. С другой стороны, существовавшая в то время система «прописки» (регистрация по месту жительства) и тотальная нехватка жилья означала для большинства выпускников вузов потерю возможности впоследствии вернуться на прежнее место жительства, где остались родители и какое-никакое жилье, например, комната или часть комнаты в родительской квартире. Следует иметь в виду, что в СССР в больших городах в многоквартирных домах не существовало частной собственности на жилье. Вся «жилплощадь» (термин тех лет) была государственной и те, кто на ней жил, платили за нее квартплату и были на ней «прописаны». Без оснований, которые содержались в законах, подзаконных актах и специальных циркулярах, «прописанные» граждане не имели права подселить к себе кого-нибудь еще, обменивать и покидать жилплощадь. На указанном при распределении рабочем месте выпускник вуза получал или место в общежитии, или арендовал у частного лица комнату или часть комнаты («угол»). Долю арендной платы ему возмещала организация, в которой он начинал работать. Перспективы улучшения квартирного вопроса были совершенно туманны. Иногда, причем редко и через весьма продолжительное время, организация могла дать ему квартиру или комнату, если он зарекомендовал себя ценным работником и если у организации были такие возможности (фонды от местных властей, самостоятельное строительство).

Ленинградцу или москвичу вернуться «домой» после трех лет отработки было проблематично, так как при отъезде по распределению он терял прописку и прописывался по месту работы. Возобновить же прописку в Ленинграде или Москве формально было невозможно из-за существовавших лимитов на прописку в больших городах. Энергичные

люди из числа хороших специалистов преодолевали это препятствие законными, но обходными путями, для чего надо было иметь связи. Человек находил рабочее место, на которое его соглашались взять при условии, что жилье ему не требуется, и добивался через министерство так называемого «перевода» из одной организации в другую в пределах геологической отрасли. В милиции, ведавшей делами прописки, он предъявлял документ о переводе, письменное согласие родителей принять его и справку о том, что в квартире хватает квадратных метров по санитарной норме. Поскольку описанный прием могли применить не все, то ленинградцы, москвичи и, наверное, жители других больших городов СССР не любили, а то и боялись распределения в провинцию. Дело было совсем не в том, что им не хотелось три года, а может быть, и более, поработать по специальности в провинции. Кстати, газетная пропаганда несправедливо упрекала выпускников вузов именно в этом. Настоящая причина заключалась в максимально затрудненной смене места жительства в стране. Это мешало выбрать интересную работу путем нескольких попыток, выбрать место проживания и свободно менять его при желании или по мере необходимости. Выглядело все это подобием крепостного права с хозяином в виде государства. Жизнь затрудняла не сама система распределения, а ее сочетание с системой прописки и тотальной нехваткой жилья.

Лично меня описанные трудности не затронули, так как при отъезде на работу за границу жилплощадь бронировалась, то есть на нее сохранялись право и прописка, а соответственно, и автоматическое возвращение в родной дом после окончания заграничной командировки. У меня в 1954 году при выезде на работу в ГДР сохранилась прописка в отцовской двухкомнатной квартире, где нас проживало пять человек и на мою долю приходилась площадь около 8 кв. метров.

1.4. Мое распределение и отъезд в ГДР

В 1953 году к нам в Ленинградский горный институт на геофизический факультет заблаговременно приехали из Москвы два майора госбезопасности. Они изучили наши личные дела и анкеты и с каждым побеседовали. Я и мой муж, с которым мы вместе учились в группе РФ-2, получили направление в СГАО «Висмут». После защиты дипломных проектов в январе 1954 года мы, выпускники, получили месячный отпуск и «подъемные» - безвозвратную денежную ссуду для переезда. Время для нас было радостное: закончилась учеба, получен отпуск, получены небывалые деньги, предстоял выезд за границу, самостоятельная жизнь и работа. Молодому, мало повидавшему человеку, ехать за границу всегда

интересно, а мы при этом еще и ехали в «логово врага». Память о войне была еще свежа, в ГДР стояли наши оккупационные войска.

Так как я «вылетала из гнезда», то отец на прощанье обновил мой гардероб, то есть купил новую и относительно дорогую одежду, купил новые чемодан и сумку и заказал в специальном ателье горную форму — костюм. В то время в СССР в некоторых гражданских отраслях была введена форма (юстиция, финансовая служба, геология и др.).

И вот в марте 1954 года мы с мужем на поезде через пограничный город Брест выехали в ГДР к месту работы. В Бресте пассажиры прошли необходимые пограничные процедуры, а поезд перестроился с широкой российской колеи на узкую европейскую. Мы ехали в купейном вагоне, нашими соседями были офицеры советских оккупационных войск, возвращавшиеся из отпусков и командировок в ГДР.

1954 год для народов СССР, Германии и стран «соцлагеря», в частности, Польши, еще в полной мере «дышал войной». Вторая мировая война длилась примерно шесть лет, ее часть — наша Великая Отечественная война — четыре года. Для человеческой жизни это безумно большие сроки. Я прожила наши четыре военных года в Ленинграде в возрасте, в котором дети все уже запоминают. Я помню свое детское восприятие происшедшего: мне казалось, что война никогда не кончится и все всегда так и будет. В первые два года голод, бомбежки, артиллерийские обстрелы, потом бедная, нищая, полуголодная, в обносках, с убогими трамвайными и железнодорожными вагонами, заплеванными вокзалами и в постоянных трудах жизнь, которая продолжилась и после войны, очень постепенно и микроскопически улучшаясь. Конечно, даже на этом фоне молодость брала свое. Были радости, связанные с общением, чтением, музыкой, музеями, кино, театрами, наслаждением природой, поездками по стране благодаря обучению в горном институте. Но все эти радости были духовного свойства, без удовольствий от вкусной и достаточной еды, красивой одежды, просторного и удобного жилья, хорошего транспорта, возможности путешествовать независимо от учебы и работы. То же самое вначале было и во всей Европе. В 1948 году страны разделились. По ту сторону «железного занавеса» стал действовать план Маршалла (помощь США) и объективные механизмы капитализма и демократии. Экономика и жизнь налаживались и улучшались. По нашу сторону «железного занавеса» строили социализм и готовились к новой войне, на что уходила львиная доля государственного бюджета. У нас были бедность и полицейское тоталитарное государство. Кстати, по поводу названия «соцлагерь» в СССР ходила народная поговорка, за которую могли и посадить: «Хорошую вещь лагерем не назовут».

Когда поезд въехал на польскую территорию, по вагону прошел проводник и велел зашторить окна, так как «могут бросить камни». Из этого с очевидностью следовало, что, во-первых, поляки нас не любили, а, во-вторых, как большинство славян, они были недисциплинированными. В Польше поезд если и делал остановки, то только с техническими целями. В ГДР ни подобных предупреждений, ни каких-либо эксцессов при мне никогда не было, и от других людей ни о чем таком я не слышала. Конечно, немцы нас тоже не могли любить, но, в отличие от поляков, они — трезво мыслящий дисциплинированный народ.

Конечным пунктом путешествия на поезде был город Франкфурт-на-Одере. Там нас встретил русский сотрудник СГАО «Висмут» и объяснил, когда и откуда через несколько часов пойдет служебный автобус в Зигмар - предместье города Хемниц, который во времена ГДР назывался Карл-Маркс-Штадтом. В Зигмаре находилось управление СГАО «Висмут». С момента выхода из поезда во Франкфурте-на-Одере я напряженно вглядывалась в чужую страну, стараясь все увидеть и по возможности понять.

2. Приезд в «Висмут»

2.1. Первые впечатления

В Зигмаре нас поместили в ведомственную гостиницу, находившуюся в доме старого образца со старинной мебелью. Прислугу представлял худой высокий старик лет 70-ти, который провел нас в комнату и показал все, что могло потребоваться. Это был первый немец, с которым мы остались без свидетелей. У него были прекрасные манеры для общения с клиентами, по-русски он не говорил. Сразу скажу о своем немецком языке. Я его знала в объеме курса советской средней школы, оконченной шесть лет назад. Лучше немецкого я знала английский язык, так как три года, приходившиеся на школьный период, параллельно училась на Государственных курсах английского языка для взрослых. Эти курсы давали очень хорошие знания. Казалось бы, с языками у меня все было благополучно, если бы не одна моя личная особенность. То ли из-за какого-то дефекта моего слуха, то ли по другой причине у меня в обоих иностранных языках были проблемы с устным общением: я плоховато понимала устную речь. А вот с чтением, грамматикой, орфографией и словарным запасом все было хорошо. В разговоре я достаточно бойко и грамматически правильно излагала то, что хотела сказать, конечно, с большим акцентом. Ответ же собеседника понимала плохо, переспрашивала. Читала по-немецки, естественно, при таком раскладе гораздо лучше, чем говорила. Мой немецкий язык удовлетворительно обслуживал меня в

магазинах, столовых, на транспорте и в других бытовых ситуациях. Слушать радио, доклады и т.п. — это было не для меня. А вот сама, предварительно подготовившись, могла сделать небольшое сообщение перед немногочисленной немецкой аудиторией, например, перед своими подчиненными немцами в мастерской ремонта геофизических приборов. Для русских сотрудников в «Висмуте» было обязательным изучение немецкого языка в специально организуемых кружках с преподавателями из советских переводчиков. Мы учились, получали оценки, сдавали зачеты и экзамены. В этих кружках был знакомый мне «школьный» стиль преподавания учителем, не являющимся носителем языка. Все, что преподавали, я знала из средней школы, и мой немецкий от занятий не улучшался. Единственной пользой от них были прекрасные оценки, которые украшали мои характеристики. Я жалею, что не использовала три года жизни в ГДР для усовершенствования своего немецкого языка, в том числе и письменного.

Вернусь к нашему с мужем пребыванию в гостинице в Зигмаре. Я была воспитана в СССР на советской пропаганде, составной частью которой была шпиономания. Нам внушали, что в капиталистических странах, а иногда и на родине, советские граждане подвергаются атакам «агентов империализма». Агенты стремятся выведать государственные секреты и завербовать на службу какой-нибудь иностранной разведки. Агенты могут носить всевозможные маски: служащих любого ранга, обслуживающего персонала, бизнесменов и др. Чтобы не попасть на крючок к агентам, надо быть бдительным. В течение всей жизни советского человека пропаганда лилась на него через средства массовой информации, литературу, начиная с детской, лекции, плакаты, кино, театры и т.д. Если человек выезжал за границу в командировку или (позже) в турпоездку, то с ним проводилась инструктивная беседа специальными людьми, в мое время обычно в райкоме партии. Слушали такие беседы и давали разные подписки и мы с мужем. Что касается меня, то я больше боялась не поползновений «агентов», а всевидящего ока наших спецслужб разного вида и ранга и возможных доносов рядом работающих людей. Хотя, находясь в ГДР, «агентов» я тоже не исключала. Могу точно сказать, что в те времена я в этом смысле была запуганной. Наш гостиничный старик-немец как бы «лип» к нам, то есть часто заходил, спрашивал, нет ли у нас дополнительных просьб, объяснял и показывал что-нибудь, что якобы упустил сделать раньше. Теперь я понимаю, что он был безобидным человеком, ему просто было скучно, так как кроме нас никого больше в гостинице не было. Опять же мы для него были новыми, еще незнакомыми приез-

жими. У нас были с собой хорошие продукты для ужина, в том числе бутылка с каким-то алкоголем. Немцы в то время жили бедно, как и мы в СССР, но советских граждан, командированных в ГДР, родина деньгами и продуктами снабжала получше. Так что мы с мужем в глазах старика-немца, наверное, выглядели «богатыми», после ужина которых ему могут оставить часть еды и недопитую бутылку. Что и произошло в конце концов. Но до этого мы, особенно я, волновались и опасались этого немца. Вдруг «агент»? Или вдруг донесет, что мы что-нибудь не так делаем?

Утром мы пошли в управление и обнаружили там «русское царство». Немцев или вообще не было, или было мало и мы их не видели. В этой родной обстановке мы сдали личные документы и получили новые — висмутовские, получили денежный аванс в марках. При оформлении документов нам велели сфотографироваться, указав размер снимка. При этом вышло недоразумение. Сотруднику, говорившему с нами, видимо, не пришло в голову, что мы не знаем, что в управлении организовано казенное фотографирование. Поэтому мы, как это сделали бы в СССР, пошли на улицу и спросили встречного немца, где тут фотоателье. Он показал. В ателье, разумеется, частном, нас сфотографировал мужчина-фотограф. Когда потом мы получали снимки, он предложил увеличить их, раскрасить и поместить в рамки. Мы согласились, и у нас появились два фотопортрета прекрасного качества. При раскраске художник допустил небольшую ошибку. Я была в форменном костюме советской геологической службы, который мне заказал перед отъездом отец. Цвет наших кантов — синий, а у германской геологической службы — желтый. На черно-белом снимке кант вышел белым. Немецкий художник увидел эмблему из скрещенных геологических молотков и покрасил кант в желтый цвет. Я заметила это позже, но переделывать не стала.

В Зигмаре мы прожили 2-3 дня. В один из них после работы мы пошли по улице, разглядывая дома и прохожих. Я зашла в обувной магазинчик, находившийся в полуподвале. То, что я увидела, меня поразило: там была обувь! Конечно, и в Ленинграде были обувные магазины и в них была кое-какая обувь. Но в Ленинграде было очень мало вариантов моделей, в каждом варианте были представлены не все размеры, причем всегда не хватало именно ходовых размеров. В имеющихся размерах, как правило, не было «русских» ширины стопы, высоты подъема и объема икры. Сами модели были довоенного образца, то есть не модными. В общем, советское обувное производство не развивалось и не учитывало реальный спрос. Если появлялось что-то подходящее, оно сразу становилось «дефицитом».

А в немецком заштатном магазине советской покупательнице выбор оказался очень богатым. Для меня наступил момент, о котором я слышала раньше в рассказах о некоторых людях, побывавших за границей: мне «стало дурно». Внешне, я думаю, это было незаметно. Чтобы сохранить достоинство, я держалась изо всех сил. Но внутри было реальное чувство дурноты: легкое головокружение и приступ тошноты. Не подумайте, что меня одолела жадность и желание немедленно что-то купить. Дело было совсем в другом. Дело было в чувстве унижения. Охватил стыд за свою бедную изолгавшуюся страну, за порядок, при котором огулпляли и обольванивали людей. Провозглашали «преимущества социализма», описывали «жестокую эксплуатацию и нищету трудящихся в странах капитала» и т.д. и т.п. И все это нельзя было подвергать сомнению под угрозой мелких и крупных репрессий. Никакого негатива по отношению к немцам, к Германии в возникшем чувстве не было, не было даже мыслей о них, только о нас. Внутренне я как бы подразумевала, что немцы жили и живут экономически и хозяйственно нормально, как и следует жить, чтобы, в частности, были нужные размеры обуви, а вот у нас с этим непорядок, да еще и скрываемый. Я ничего не купила и вышла из магазина. Ходили легенды, что были случаи, когда в западном магазине один советский человек упал в обморок, а другой даже сошел с ума. Может быть, до таких крайностей и не доходило, но само явление существовало и я на собственном опыте в этом убедилась. Кстати, больше со мной подобное не повторялось, хотя поводов было достаточно. Видимо, первый удар по гордости, самолюбию, достоинству был настолько резким, а реакция на него настолько сильной, что для последующих эпизодов в других магазинах мой организм был уже подготовлен.

2.2. Начало работы

Нас с мужем направили на работу в поселок Обершлему, где находилось урановое месторождение. Все, что относилось к его эксплуатации, в структуре «Висмута» называлось объектом № 2. Ехали туда на автобусе объекта. Для начала нас поселили в служебную гостиницу-общежитие и определили на рабочие места. Муж стал работать шахтным геофизиком, а я — инженером-геофизиком в геофизической лаборатории. Как я уже писала во введении, лаборатория определяла содержание радиоактивных элементов в порошковых пробах готовой продукции (урановая руда), горных пород из шахт и в «хвостах», то есть в пустой породе, направляемой в отвалы. Анализы производились с помощью геофизической (радиометрической) аппаратуры. Все работы выполнялись русским персоналом.

На приборах работали советские солдаты из приданного к объекту №2 батальона. Вычисления на основе показаний приборов выполняли русские женщины — жены сотрудников, направленных на работу в «Висмут». Здесь следует пояснить юридическое значение слова «сотрудник». В «Висмуте» в то время словом «сотрудник» назывался советский специалист, лично направленный на работу из СССР. Кроме «сотрудников» туда ехали и там находились члены семей «сотрудников» — обычно жены и дети, хотя мне рассказывали о случае, когда с сыном приехала старенькая мать, которую не с кем было оставить. Некоторые не-сотрудники иногда работали, например, в детских садах, библиотеках, бухгалтериях и других подразделениях вроде геофизической и химической лабораторий. Они это ценили, но их положение было не стабильным: их в любой момент могли уволить. «Сотрудника» уволить было нельзя, его могли только перевести на другую должность или отправить на родину. Я была «сотрудником».

Заведующей геофизической лабораторией была женщина, которая не являлась «сотрудником» и не имела геофизического и вообще инженерного образования. То, что она руководила лабораторией, было иллюстрацией острой нехватки кадров в «Висмуте» в те времена. Она со своей семьей готовилась к возвращению в СССР и должна была сдать мне дела по лаборатории. Кроме помещения, оборудования и кое-какого имущества, передаче подлежала документация, в частности, журналы с рукописными результатами лабораторных измерений разных видов. Журналы были секретными, страницы в них были вручную пронумерованы и прошнурованы, где положено, стояли печати и подписи. Я должна была все это принять и расписаться за каждый документ. Тут меня подстерегла неприятность, потребовавшая немедленного и тяжелого решения. В одном журнале с результатами измерений в «хвостах» не хватало двух или четырех листов, попадавших на центр тетради. В нумерации был соответствующий разрыв. С позиций того времени (да и теперешнего тоже) утрата страниц в секретном документе была чрезвычайным происшествием, за которым должно было следовать наказание. Самое малое — лишение права работать с секретными документами, самое большое — тюрьма. Один мой сокурсник, добросовестный и честнейший, но рассеянный человек, работая в СССР, потерял незначительную, но засекреченную бумажку и был приговорен к реальному тюремному сроку. Ему повезло: как раз проходила всесоюзная амнистия, и он был амнистирован. В моем случае отсутствующие листы содержали тоже незначительную информацию — всего лишь о «хвостах» на небольшом участке без указания

О.Г. Семенова в 1954 г. в Зигмаре. Портрет, раскрашенный в немецком фотоателье.

расположения. Кроме того, это могла быть ошибка при исходной нумерации страниц. Заведующая, которая за все это отвечала, была спокойная приятная женщина. По поводу недостатка страниц сказала, что это ошибка нумерации и что нет причин для беспокойства. Я не понимала, делает ли она «хорошую мину при плохой игре», проявляет наивность или на объекте привычно не придают значения таким вещам. Я испугалась возможной катастрофы, когда виноватой окажусь я, нас с мужем отправят обратно в СССР, где меня лишат доступа к профессии. С другой стороны, мне страшно было навредить человеку в случае, если ситуация действительно ничтожна. Я была воспитана в «высоких» понятиях, у меня не было ни жизненного, ни служебного опыта, не с кем было посоветоваться. В результате я «приняла» злосчастный журнал с недостающими страницами и стала заведующей геофизической лабораторией. Когда журнал заполнился до конца, я, как и полагалось, сдала его в архив, где ничего не заметили. Я вздохнула свободно. Теперь я считаю, что не должна была принимать дефектный журнал. Из сочувствия к прежней заведующей можно было не привлекать внимания других служб, но с журналом должна была разобраться она, ответственная за свою работу, опытная, знавшая местные порядки и людей.

Начав работать и жить в «Висмуте», мы познакомились со структурой кадрового состава советских специалистов. Основную часть советских специалистов с высшим и средним техническим образованием составляли горняки, обеспечивавшие надзор за шахтостроительными работами, эксплуатацией шахт и разработкой месторождений. Они, как правило, были из южных районов СССР. Само собой были электротехники, механики, химики, экономисты и другие специалисты. Из родственных нам специалистов были геологи и в значительно меньшем количестве геофизики. Геофизиков нашего профиля не было вообще, так как наш выпуск был первым. Многие геофизические должности невысокого ранга замещали просто толковые люди со средним образованием, часто из бывших военнослужащих, осевших на подходящей работе после демобилизации из оккупационных войск. Их постепенно заменяли присылаемыми из СССР дипломированными геофизиками вроде нас. Само собой были врачи для советских служащих и членов их семей, работники культуры и спорта, работники детских садов и школ.

Со времен Марии и Пьера Кюри было известно о вредности контакта человека с радиоактивными элементами, но уровень знания в разное время был разным. В 1950-е годы на предприятиях «Висмута» соответствующая техника безопасности была по современным

меркам недостаточной. В шахтах проблема заключается во вдыхании радиоактивной пыли и газа радона и непосредственном воздействии излучений урановой руды. В геофизической лаборатории проблемы те же, но вредное воздействие связано с пылевыми пробами руды и пустой породы, которая тоже радиоактивна. Отношение нас, специалистов, к вредности собственной работы и к технике безопасности было, я бы сказала, легкомысленным соответственно «духу времени», чему способствовало и то, что рядом не было выраженных случаев профессиональных заболеваний. В частности, ни я, ни мой муж никак не пострадали. Лично я знала только двух женщин, которые утверждали, что они физически чувствуют приближение к пробам урановой руды. В обязанности одной входило приносить в геофизическую лабораторию пробы готовой продукции, то есть высококонцентрированной урановой руды. Вторая работала в самой лаборатории. Ни одна из них, насколько мне известно, не обращалась по этому поводу к врачу и не заболела, пока я работала в «Висмуте». Не исключая, что у этих женщин и других работников «Висмута» в дальнейшем проявились отдаленные последствия вредных воздействий радиоактивности. Все это должна знать медицинская статистика, если она велась.

2.3. Быт

В марте 1954 года началась наша с мужем двухгодичная работа в Обершлеме. После недолгого времени жизни в гостинице-общезитии нам предоставили двухкомнатную отдельную квартиру с казенной мебелью. Дом был многоквартирный, построенный, вероятно, в начале XX века. Таких домов в Обершлеме было немного. Большая часть представляла собой старинные особняки самой разной архитектуры, часто имевшие собственные имена, красивым готическим шрифтом написанные на парадной части внешней стены. Отопление домов в Обершлеме большей частью производилось брикетами из бурого угля, из-за чего в воздухе стоял специфический запах, ставший тогда для меня характерным признаком ГДР. Наши окна выходили на шоссе. В 1955 году шоссе было частью трассы велосипедных гонок европейского масштаба, и мы наблюдали их прямо из квартиры.

У мужа была трехсменная работа в шахте. У меня в лаборатории был шестичасовой рабочий день в постоянную первую смену. Рабочий день начинался в семь часов утра. Такой порядок был общим для управления объекта и всех подразделений, работавших в одну смену: лаборатории, мастерские, детский сад и др. Вставали утром не позже шести часов утра, шли на работу пешком, так как до всех мест работы было близко. Поселок Обершлема расположен

на склоне горы. Наш дом находился в верхней части поселка. Зимой дороги (улицы) иногда покрывались льдом и становились скользкими. Утром их еще не успевали почистить и посыпать песком, и я с трудом спускалась вниз к лаборатории, держась за заборы особнячков. Раннее начало работы объяснялось стремлением пораньше закончить работу, чтобы успеть в магазины, которые закрывались рано, кажется, в семь часов вечера. Работая в ГДР, я не знала, почему был установлен такой неудобный порядок. Позднее в 1970-х годах знакомый геофизик, работавший некоторое время в Польше и хорошо знавший местную польскую семью, рассказал, что там было тоже самое. Он объяснил, что поляки на всех уровнях средств массовой информации, партийных и госучреждений постоянно обсуждали, чьи права надо защищать: работников торговли или остальных людей. «Побеждали» тогда работники торговли, дескать, «они тоже люди» и им надо иметь свободные вечера. Подобные проблемы и аргументы были характерны для социалистических стран.

На объекте №2 для советских граждан были продовольственный, промтоварный и книжный магазины, пошивочное ателье, парикмахерская, столовая и предприятия по ремонту всего, связанного с жильем. Обслуживающий персонал был немецкий. В большом Доме культуры руководство и основные работники были русскими, технический персонал — немцы. Дом культуры был центром культурной жизни всех советских висмутян. Здесь демонстрировались фильмы, проходили концерты, отмечались государственные праздники, работали кружки, в том числе художественной самодеятельности разных видов, спортивные секции и т.д. и т.п. Когда требовался оркестр, его присылала советская воинская часть. Для занятий спортом был стадион.

Кроме висмутовских магазинов мы, русские висмутяне, могли ходить за покупками в частные и государственные немецкие магазины в Обершлеме и находившемся поблизости городе Ауге. Это не поощрялось, но на это отдел режима, о котором я пишу дальше, смотрел «сквозь пальцы». В немецких магазинах для нас были интересны одежда, обувь, предметы быта, украшения и т.п., так как на родине мы не были избалованы разнообразием товаров. В Ауге был немецкий комиссионный магазин, торговавший предметами искусства, куда русские охотно ходили и довольно часто что-нибудь покупали. В Ленинграде ближе к концу войны комиссионные магазины наполнились огромным количеством антиквариата, они просто ломались от него, и вещи продавались довольно дешево. Обедневшие люди таким образом обменивали антиквариат на еду и одежду. Похожий процесс происходил, наверное, и в ГДР.

Продукты питания практически полностью мы покупали в висмутовских магазинах и лишь изредка ходили к мяснику-частнику и в частную кондитерскую, чтобы побаловать себя чем-нибудь особенным, что было дорожке, но оригинальнее. Если я правильно помню, то в ГДР были в то время продовольственные карточки. Во всяком случае у нас, русских висмутян, они были. Эти карточки позволяли определенное количество продуктов (мясо, сливочное масло, молоко и что-то еще) покупать по сниженным ценам.

В русский книжный магазин регулярно и в достаточном количестве поступали книги, издававшиеся в СССР. В самом СССР они были дефицитом. Наша семья любила книги, и мы много их покупали. Купили мы и радиоприемник, проигрыватель пластинок и магнитофон. В СССР до 1941 года приемник был дорогим удовольствием, у моего отца он был самодельным. Кстати, когда началась война в июне 1941 года, жителям Ленинграда приказано было сдать имевшиеся у них радиоприемники (чтобы не слушали врага). После этого советские граждане слушали только радиотрансляцию — государственное радиовещание, подаваемое в квартиры по проводам. Магнитофоны и проигрыватели в СССР в широком употреблении появились не сразу после войны и были вначале дорогим дефицитом. Книги и вся перечисленная техника создали у нас с мужем дома «интеллектуальный комфорт». Мы приобрели собаку, о которой я пишу дальше, и пару волнистых попугайчиков. С остальным дома тоже все было в порядке.

Благодаря относительно высокой зарплате, карточкам и хорошему снабжению жизненный уровень русских в «Висмуте» был выше, чем в СССР. До сих пор помню, что когда мы только что приехали в Обершлему, я покупала и ела много апельсинов, которые очень любила. Дома в Ленинграде они очень редко появлялись в продаже, в частности, моей семье удавалось купить их раза 2-3 в год, а здесь они были в магазине постоянно.

Наши родители, оставшиеся на родине, разумеется, продолжали жить скудно. Жизнь в СССР в то время была бедной и трудной. Жилье было тесным, и даже такого его было недостаточно. Один мой знакомый инженер вырос в семье из пяти человек (родители и трое детей) в тринадцатиметровой комнате (!). Чтобы мать могла выйти на работу, взяли няню, которая стала жить в той же комнате. Зарплаты и пенсии были низкими, денег, как правило, хватало только на питание и совершенно обязательные расходы: квартплата, электричество, мыло, транспорт до работы или учебы и т.п. Кроме этого, каждая семья ежемесячно откладывала мизерную сумму — копила деньги на какую-нибудь «большую» покупку. Обычно это было зимнее пальто для

кого-то из семьи взамен совершенно изношенного и дважды лицованного, или зимние сапоги, или одежда подросткам и т.д. и т.п. Иногда откладывали деньги на ремонт жилья. В торговле царствовал постоянный недостаток товаров — дефицит. Чтобы найти в магазинах какую-нибудь вещь, их нужно было регулярно обходить и объезжать. Мы все питались скромно и одевались и «серенько». Исключение составляли некоторые группы населения: так называемое «начальство» (спецснабжение), работники торговли (игра на дефиците и откровенное воровство) и специалисты, работавшие в особых условиях (на Крайнем Севере, на элитных оборонных предприятиях и т.п.).

В наш первый с мужем отпуск, кроме «вещевых» подарков родителям, я повезла и продуктовые, в частности, топленое сливочное масло собственного изготовления. Помню, что я стеснялась этого, но повезла.

3. Режим

3.1. Общие требования

Кроме очевидных и необходимых требований рабочей дисциплины и правил обращения с секретными сведениями для советских специалистов и членов их семей были установлены дополнительные правила поведения, за выполнением которых следил специальный отдел охраны и режима, далее — просто отдел режима. Его сотрудники принадлежали к службе госбезопасности и носили форму. При необходимости они давали нам разъяснения и делали замечания, выносили взыскания и могли поставить вопрос об откомандировании обратно в СССР. Главный провозглашавшийся принцип: «Советский человек должен достойно вести себя за пределами нашей родины». Комплекс конкретных требований сводился к следующим правилам: никаких «нерабочих связей с немцами», активное участие в жизни коллектива, никаких отлучек без разрешения с места проживания и работы, одежда и прическа — как в СССР. Слова и понятия «коллектив», «участие в жизни коллектива» были священными коровами советского общества. Если на общем собрании в чей-то адрес выдвигалось обвинение «оторвался от коллектива», то это могло иметь серьезные неприятные последствия, независимо от того, происходило это в «Висмуте» или в СССР. Кроме отдела режима, надзором за поведением советского персонала занимались и отвечали за него отдел кадров, первый отдел (работа с секретными сведениями), партийная, комсомольская и профсоюзная организации.

Слова «уран» и «радий» в рабочих документах для усиления секретности заменялись названиями других веществ, причем был не один вариант замены. Я их уже подзабыла, но одно время уран условно назывался «альбит»

— минерал, к урану не имеющий отношения. Под химическим элементом «висмут» тоже «скрывался» уран. Никого в ГДР это не обманывало, даже простых людей, не имевших отношения к СГАО «Висмут». Когда я работала на обогатительной фабрике в городе Цвиккау, среди сотрудников ходил такой рассказ. Из Москвы с каким-то заданием на урановую обогатительную фабрику приехал работник министерства, раньше не бывавший в ГДР, с делами СГАО «Висмут» знакомый только по документам и обученный соблюдать секретность. Он долго ездил по Цвиккау на легковой машине и сам и с помощью водителя-немца спрашивал прохожих, где здесь находится фабрика обогащения висмута. Все отвечали, что не знают. Наконец, один прохожий с сожалением сказал: «Урановую обогатительную фабрику я знаю, а вот висмутовой не знаю».

3.2. Роль художественной самодеятельности и спорта

Под «активным участием в жизни коллектива» понимались практически обязательные занятия художественной самодеятельностью и (или) спортом, разумеется, если позволяли возраст, здоровье и семейное положение. Кроме похвальной заботы о нашем досуге, здоровье и развитии, это диктовалось стремлением держать нас в нерабочее время в поле зрения службы режима. Без предьявления уважительных причин никакие отговорки не принимались во внимание. В Доме культуры были наставники по танцам, пению, литературному чтению и другим видам художественной самодеятельности. Были тренеры по баскетболу, волейболу, футболу, легкой атлетике и еще каким-то видам спорта. Кажется, отдельные тренеры были из сотрудников-энтузиастов. Было и необходимое оборудование. Мы с мужем были молоды, здоровы и у нас не было детей. Муж охотно занялся волейболом, который давно любил, позже еще и тяжелой атлетикой. А вот мне найти занятие было сложнее. Для художественной самодеятельности у меня не было талантов. Секции спортивной гимнастики, которой я занималась в студенчестве, здесь не было. Заняться новым видом спорта я не хотела, да к тому же внутренне возмущалась «казенным насилием». Начальство от меня не отставало. И вдруг мне повезло: объявился тренер по велосипедному спорту — сотрудник-энтузиаст, который набирал людей в свою секцию. Я с детства любила велосипедную езду, хотя никогда не занималась ею как спортом. Велосипедисты, особенно, женщины, были на объекте №2 в дефиците. Поэтому мне разрешили ограничиться велоспортом и простили неучастие в самодеятельности. Я получила много удовольствия и пользы от занятий в велосипедной секции. Многокилометровые поездки на тренировках позволяли познако-

миться с окрестностями Обершлемы и Аве, которые я бы не увидела при других обстоятельствах, учитывая всякие запреты на передвижения. Конечно, доставляли радость быстрая езда и свежий воздух. Члены секции выступали на общевисмутовских соревнованиях: езда на средние и длинные дистанции и участие в эстафетах. Иногда наша команда показывала неплохие результаты. Однажды я заработала личный приз - хрустальное блюдо.

Волейбольные команды объектов также участвовали в турнирах разного уровня и любительских встречах. Я часто сопровождала мужа в его поездках на другие объекты для очередной игры. Мы с мужем завели собственные спортивные велосипеды, на которых вдвоем прогуливались по окрестностям и иногда ездили даже по личным делам. Это нам разрешали, так как мы были спортсменами и ездили вместе. Ездить в одиночку было нельзя.

Кроме перечисленных мной обычных видов спорта, была разрешена охота. Уже не помню: то ли в «Висмуте» было создано свое отделение охотничьего общества или его охотников-любителей подключили к соответствующему армейскому обществу. Во всяком случае выезды на охоту наших охотников-любителей были хорошо организованы. Муж моей знакомой был охотником и привозил домой охотничьи трофеи. Однажды эта знакомая подарила мне зайца. Он был в шкуре и не выпотрошен. Справиться с только что убитым «натуральным» зайцем мне помогло то, что я была дочерью охотника-любителя и в детстве часто присутствовала при обработке только что убитой дичи и зайцев. Если правильно сделать надрезы, то шкура животного снимается, как свитер. Я по всем правилам сняла шкуру с зайца, выпотрошила его и с помощью советской кулинарной «Книги о вкусной и здоровой пище» приготовила по рецепту «Заяц, тушеный, в сметане».

Как и в СССР, обязательной была сдача норм ГТО («Готов к труду и обороне!»). Она происходила торжественно, в выходной день. Молодые и здоровые сотрудники под руководством тренеров выполняли то, что требовалось для сдачи норм. Остальные сотрудники и члены их семей с детьми были зрителями и болельщиками.

3.3. Правила взаимоотношений с немцами

Отдельной заботой отдела режима было регулирование взаимоотношений советских сотрудников «Висмута» с немецким персоналом и вообще с немцами. Кстати, когда мы с мужем после приезда в ГДР немного освоились с русскими коллегами по «Висмуту», одни давно работавшие там знакомые в доверительной беседе нам сказали, что «раньше немцы сходили с тротуара, освобождая дорогу, если им

навстречу шел советский офицер». Я не знаю, когда после окончания войны это закончилось, но при нас этого уже не было. При нас действовала, как теперь принято говорить, парадигма:

- немцы ГДР строят социализм, мы с ними делаем во всех смыслах общее дело, поэтому они — наши товарищи, у нас должны быть взаимопонимание, взаимоуважение и нет причин для конфликтов;

- в СССР внешняя и внутренняя политика, экономика, идеология, устройство народной жизни являются единственно верными и одобряются всем советским народом, а для других народов служат примером для подражания.

Эти тезисы прямо или косвенно пронизывали все официальные выступления наших руководителей как перед сугубо советской аудиторией, так и перед смешанной — немецко-советской, например, на совместных празднованиях дней германо-советской дружбы. Внутри советского коллектива действовали понятия и правила жизненного распорядка, установленные отделом режима, а при соприкосновениях с немцами — описанная парадигма. Нашей негласной обязанностью было правильно ориентироваться в ситуациях и гибко переходить от одной линии высказываний и поведения к другой.

Мы никогда немцам или при немцах не говорили о бедности и порядках жизни в СССР, хотя, думаю, это не было для них большим секретом. Никогда немцам или при немцах мы не говорили ничего критического о своей стране. Да, впрочем, на эти темы и между собой (кроме, как в семье) никогда не говорили, так как это было опасно. Если согласно режиму что-то делать или говорить было нельзя, а хотелось, то делали вид, что не хочется. Например, отклоняли под благовидным предлогом приглашение немца зайти к нему домой или посидеть в кафе.

Бывало, что по линии немецкой администрации или немецкого отдела общества германо-советской дружбы русский висмутянин награждался денежной премией или ценным подарком. Русский был обязан сдать премию и подарок в русскую администрацию «Висмута». Немцы об этом не знали, и у них возникали недоумения. Пример ситуации. Рядом работающие немец и русский получили «по немецкой линии» премии. Немец говорит: «Раз так повезло, пойдем в кафе и отметим». У русского проблемы. Во-первых, деньги ему не достанутся, он их сдаст. Во-вторых, идти с немцем ему запрещает режим, о чем я пишу далее. В-третьих, обо всем этом он не может сказать немцу, с которым у него, в общем-то, хорошие отношения. В результате русский придумывал отговорку, например, что его ждут жена и гости, и отказывался идти. О том, что об этом думали немцы, можно только догадываться.

Описанное не относилось к небольшим памятным подаркам, которые дарились общественными организациями, например, всем женщинам по случаю Международного Женского дня. Таким подарком могла быть чашка с блюдцем и тарелкой или вазочка с подходящим рисунком. Немецкая сторона могла подарить растение в горшке с землей, что у нас в СССР в те времена было не принято.

Режим запрещал «нерабочие связи с немцами» - служебная формулировка. К таким связям относились любые отношения, выходящие за рамки того минимума, который был необходим для работы, если вообще работа требовала контактов. Например, в геофизической лаборатории работали, как я уже упоминала, только советские женщины и советские солдаты. Соответственно, контакты с немцами вообще не требовались. Исключение составляла работа заведующей, то есть моя. Очень редко мне нужно было вызвать и принять немца-электрика для починки или расширения электропроводки, маляра-немца для мелкого ремонта, сходить за чем-нибудь на склад, который обслуживался немцами, и т.п. С позиций режима я не должна была вести с пришедшим немцем никаких разговоров, кроме как по делу. То же самое относилось к посещению магазина, ателье, столовой и других наших обслуживающих подразделений. Теоретически нельзя было ходить в другие, то есть немецкие, магазины, ателье и «предприятия общественного питания», то есть кафе и рестораны. Однако негласно посещение магазинов не возбранялось, так как всеобщий соблазн был очень велик и ему были подвластны все, включая жен всего нашего начальства. В выходные дни допускались прогулки за пределы Обершлемы. В основном ходили или ездили в соседний городок Ауе. Разрешалось при необходимости пользоваться немецким общественным транспортом и категорически запрещалось такси. В Ауе и другие ближние населенные пункты мы или ездили на маршрутном автобусе, или ходили пешком. Основными же разрешенными средствами передвижения были казенные автобусы и легковые машины объекта, но для личных нужд получить их было трудно и ими пользовались при оказии, например, при поездке по служебной надобности. Разумеется, строго запрещались контакты с семьями немцев. Их жен мы могли увидеть только 1-3 раза в год на официальных государственных праздниках и в дни германо-советской дружбы в Доме культуры какого-либо висмутовского объекта. Мы с мужем ни разу не были дома ни у одного немецкого работника «Висмута», не видели, как устроен их быт, как выглядит семья. Соответственно, и у нас дома никто из немцев не бывал.

Кстати, действовавший режим налагал ограничения и на общение русских между собой в нерабочее время. Правила предпри-

сывали не собираться на частных квартирах большими группами. Во время празднования государственных и личных праздников рекомендовалось собираться по две семьи, в крайнем случае по три. Мы с мужем так и делали, устраивая праздники дома с той или иной семьей геофизиков.

К «нерабочим связям с немцами», конечно, относились и «нерабочие связи с немцами» советских мужчин, что считалось почти преступлением. По-видимому, это приравнивалось к «потере бдительности перед агентом империализма» или, по меньшей мере, к попытке нарушить закон, запрещавший браки с иностранцами. При мне был один такой случай (о других я могла не знать), вполне невинный, но закончившийся печально. Это была сильная влюбленность советского солдата из батальона, приданного к объекту №2, и немецкой девушки-парикмахера из нашей дамской парикмахерской. Девушку я видела часто, когда ходила причесываться. Парня мне показали на улице. Оба были очень красивые. Когда стали известны их встречи, солдата куда-то отослали и, возможно, наказали, а девушка ходила заплаканная и скоро перестала работать в нашей парикмахерской.

Мой муж, будучи шахтным геофизиком, по работе был в тесном контакте с немецким персоналом своего участка: взрывники, забойщики, крепильщики и др. Русских обычно было, по крайней мере, двое. Во время работы иногда возникало дружеское мужское общение, разговор мог переходить на посторонние темы и шутки. Помню один рассказ мужа: «Мы (русские) между собой веселились: кого ни спросишь из немцев, кем он был во время войны, все отвечают, что шофером, ремонтником, поваром, в общем, не на боевой должности. И только Руди, славный молодой парень, честно сказал, что был гранатометчиком. Все, и русские, и немцы весело и добродушно засмеялись».

Какое-то время в геофизической лаборатории работала немка-уборщица, потом отдел режима распорядился ее то ли уволить, то ли перевести на другую работу. Уборкой стали заниматься наши солдаты. Уборка стала хуже, а «фрау» расстроилась и спросила меня, чем не устраивало качество ее работы. Я растерялась и не знала, что ответить. Инициатива отстранения от работы была не моя, а ссылаться на отдел режима я остереглась.

3.4. Одежда

В СССР в те времена был всеобщий, как теперь бы сказали, «дресс-код», который был обязателен и имел варианты: для рабочего и свободного времени, для помещения и улицы. Речь идет о негласном «дресс-коде» для жителей русских городов и отчасти русских деревень, подражавших городу. Националь-

ные республики, разумеется, имели свои узаконенные традиции и особенности. Никто из партийных и государственных чиновников стиль одежды не разрабатывал. Он стихийно сложился в послереволюционные годы на основе тогдашней общеевропейской моды, также стихийно подстроился под изменения этой моды во время и после Отечественной войны, всегда отставал от «их» моды лет на 10-15 и носил отпечаток нашей бедности, если не сказать нищеты. Уже не стихийно этот видоизмененный общеевропейский стиль в СССР постоянно корректировался партийными и государственными чиновниками, которые подлаживались под высшее партийное руководство, а оно действовало по собственному разумению. Мнение высшего партийного руководства являлось истиной в последней инстанции.

Мужчина должен был носить двубортный однотонный костюм-двойку серого, темно-синего или черного цвета с галстуком. Наличие жилета, однобортность и коричневый цвет допускались, но носили оттенок некоторого вольнодумства. Рубашка должна была быть однотонной, в полоску или клетку, другие рисунки не допускались. Носки и галстук не должны были быть пестрыми или яркими. Заменить пиджак на тонкую куртку (не путать с верхней одеждой), например с замком-молнией было предосудительно. Свитер можно было носить под пиджаком, но не вместо пиджака. О шортах не могло быть и речи. К плащу и пальто требования были такие же, как к костюму-двойке, капюшон и зонт мужчины не носили. На голове — шляпа с полями или кепка, никаких беретов или вязаных шапок. Обувь — ботинки или полуботинки темного цвета, без «изысков». Четыре варианта стрижки: бокс, полубокс, полька и ежик. Моему мужу делали замечания за замену пиджака бежевой курткой с замком-молнией и трикотажными воротником и манжетами, за пестрые носки, за рубашку со скромного цвета рисунком в виде извилистых линий. Смысл замечаний: одеваешься «не по-нашему», «нескромно», «как немец» и т.п. В жаркую погоду муж на велосипедных прогулках надевал шорты в качестве спортивной одежды. Замечание по этому поводу звучало примерно так: «У нас в Днепропетровске любая бабушка тебе сказала бы: «У, бесстыдник!».

Еще с одеждой мужа был случай, на который начальство не обратило внимания или не заметило. Работая в шахте, он носил высокие сапоги, так как там было сыро и грязно. Обычные брюки с трудом и неудобством заправлялись в голенища сапог. Мы решили заказать галифе. Естественно, галифе шилось в немецком ателье объекта №2 немецким портным. Когда муж надел готовое галифе, мы сами и все наши знакомые ахнули: галифе было немецкого военного фасона, к которому мы, со-

ветские люди, привыкли по кадрам военной кинохроники и по советским фильмам об Отечественной войне. Перед «входом» в сапоги немецкое галифе образует резкую горизонтальную «ступеньку», а советское — плавный переход. Это бросается в глаза. В общем, муж в этих галифе выглядел этаким «Штирлицем», но он носил их только в шахте.

Теперь о женской одежде. Женщина могла носить брюки только в редких случаях, когда это оправдывалось обстоятельствами (спортивные занятия, в шахте и др.). Длина юбки должна была быть слегка ниже колена, на торжественный вечер можно было надеть длинную юбку. К цвету одежды требования были не такие жесткие, как для мужчин, но тоже довольно строгие. Требования к покрою платья и верхней одежды в этом тексте описать невозможно из-за недостатка места, так как женская одежда сложнее мужской. Однако эти требования существовали и, хоть и не формулировались, были всем понятны, мне в

том числе. Мне крепко досталось за одно летнее платье. Оно было из плотной черной ткани с редкими сериями из поперечных желтых полосок - широкая, более узкая, еще более узкая и т.д., прямой покрой юбки типа «карандаш», вырез «по шейке», короткие рукава кимоно (написано для женщин). Я купила это платье на распродаже в немецком магазине, считала и считаю его скромным и красивым, но, действительно, непривычным для глаза тогдашнего советского провинциала. На недопустимость моего платья указала своему мужу пожилая соседка по дому, жена начальника одного из общеуправленческих отделов. Меня вызвали в комиссию из трех или четырех мужчин, представлявших отделы режима и кадров и общественные организации. Мне было предъявлено несколько обвинений, и дело обстояло по тем временам вполне серьезно, если иметь в виду возможные последствия. Меня довели до слез, но я мужественно сопротивлялась. Пишу о своем «мужестве», руководствуясь пословицей: «Себя не похва-

На автобусе. Сломался экскурсионный висмутовский автобус. Водитель вызывает помощь по «автобановскому» телефону. Рядом — О.Г. Семенова и С.В. Шатилов в «слишком немецких куртках».

лишь - ходишь, как оплеванный». Воспитательная беседа со мной касалась нескольких пунктов. О начале беседы я пишу далее, а сейчас только о платье. Член комиссии, муж соседки, «настучавшей» о платье, сказал: «А вот, говорят, у вас есть совершенно нескромное платье». Я не поняла, о каком платье может идти речь. Вид у меня, видимо, был искренне изумленный. Тот, кто поднял вопрос, начал с мужской неумелостью в вопросах дамской моды, притом со слов жены, описывать платье. Наконец, я поняла и стала защищаться. Во-первых, доказывала, что платье более, чем скромное. Во-вторых, сказала, что меня с детства учили, что обсуждать чужую одежду неприлично. По реакции членов комиссии я поняла, что о таких правилах поведения они никогда раньше не слышали. Сейчас, почти через шестьдесят лет после этого эпизода, когда все на свете переменялось, даже СССР уже нет, мне смешно вспоминать, как взрослые люди всерьез обсуждали подобные проблемы. Наверное, мне помогли мои простодушные ответы, продиктованные молодостью. В итоге платье мне простили, но, конечно, я его больше в ГДР не надевала.

Об изменениях западной моды русские женщины «Висмута», узнавали, глядя на немецких девушек и покупая немецкие журналы мод. ГДР, конечно, полностью была подчинена СССР, в том числе и идеологически, однако во многих бытовых вопросах сохранялась несколько большая свобода, чем в СССР.

Когда в моду вошли женские верхние куртки с капюшонами, без выраженных подплечников и вообще другого силуэта, чем раньше, я соблазнилась и купила такую куртку черного цвета. Доброжелательно настроенная ко мне переводчица сразу же сказала: «Ты теперь, как немка». Я стала опасаться «проработок». В общем, благодаря стараниям надзирающих отделов русские висмутяне были одеты старомоднее, чем немцы. Подразумевалось, что мы носим как бы национальную одежду. Кстати, стандартный упрек, будто мы хотели подражать немцам, был совершенно несправедлив. Мы (в основном женщины) просто хотели посылить следовать общеевропейской моде. Немцы же были для нас своего рода окошечком в железном занавесе, притом маленьким и не очень прозрачным.

В заключение своего рассказа об одежде отмечу, что мы, русские люди, всегда были одеты теплее, чем немцы в одну и ту же погоду. Может быть, более холодный климат

России сформировал устойчивую привычку тепло одеваться? Кстати, я читала в опубликованных записках одного советского журналиста, аккредитованного в Англии в 1960-е или 1970-е годы, то же самое об англичанах: одеваются в более легкую одежду, чем русские. Интересно, что этот журналист добавил что-то вроде: «Ну, ладно бы они (англичане) действительно не мерзли. А то, ведь, видно, что им холодно, а терпят».

3.5. Эши

Мой отец со времен своей молодости был охотником-любителем, причем умелым и увлеченным. Охотился на дичь (птицу) и зайцев, всегда с собаками. Говорил, что когда работал в Дагестане, потратил много пороха, чтобы научиться стрелять «в лет». Его охотничьими собаками всегда были сеттеры и спаниели. Мое детство прошло рядом с собаками, я к ним привыкла и очень любила. И вот мой отец попросил меня привезти ему из ГДР спаниеля, если таковые имеются. Он говорил, что в Ленинграде в результате войны и голода не осталось породистых собак. Появляются единичные, привозимые из других мест, и не всегда хорошего качества. Муж расспросил немцев, с которыми был связан по работе, и узнал, что в Берлине есть питомник Jagdschpael-Zwinger "Von der Berber", и в нем выводят спаниелей. Наше служебное положение было скромным, и мы не могли просить о поездке в Берлин, да еще с целью, которой почти никто не понял бы и не одобрил, в особенности начальство. В результате какой-то знакомый муж немец съездил на мотоцикле в Берлин, купил и привез нам черненького щенка-спаниеля, «девочку» по имени Эши фон дер Бэрбери, то есть просто Эши. Спаниели — добрые веселые собаки. Эши была чудесная. Мы с ней много гуляли пешком, а во время велосипедных прогулок она сидела в корзинке на багажнике. Ее ласковая общительность была беспредельна. Дома это доставляло радость, а на улице — беспокойство. Немецкие женщины, особенно пожилые, очень любят собак. Увидев хорошенького щенка, некоторые начинали с ним ласково говорить. Эши от этого приходила в восторг, забывала про меня и дальше уже шла за заговорившим с ней человеком. Приходилось внимательно следить за ней или вести на поводке. Однажды, когда мы жили после Обершлемы в Цвиккау, Эши таким образом потерялась. Те, кто держал собак, поймут мое горе. Сначала мы искали Эши на улицах, звали, спрашивали. Потом, отчаявшись, решили дать объявление в местной газете. Зная, что без разрешения это будет серьезным проступком, мы обратились к сотруднику отдела режима и он разрешил. В объявлении было обещано какое-то денежное вознаграждение и, кажется, был указан не

наш домашний адрес (из соображений режима), а то ли служебный телефон мужа, то ли адрес какого-то его немецкого сослуживца. Через три или четыре дня Эши принес средних лет немец, взял вознаграждение и поинтересовался от имени своей жены, чем мы кормим собаку. У них Эши отказывалась есть то, что они ей предлагали, но в конце концов согласилась съесть дорогое печенье. Сейчас я уже не помню, чем таким особенным мы ее кормили, скорее всего из-за занятости (оба работали) и русского разгильдяйства - тем, что ели сами. Немцы же, наверняка, кормили и кормят своих собак специальной правильной собачьей едой. Через 2-3 дня Эши опять пропала. Муж опять пошел в редакцию газеты. Ему сказали, что собаку, почти наверное, вернут по первому объявлению. Кажется, мы все-таки дали второе объявление. Эши опять вернули. Больше она не пропадала, но у нас начались большие неприятности. Оказалось, что сотрудник отдела режима дал разрешение на объявление в немецкой газете на свой страх и риск. Каким-то образом это стало известно его начальству. Получились виноватыми и он, и мы. Что было с ним, я не знаю. Так как его не выслали, думаю, что вынесли выговор.

На комиссии, о которой я писала в связи с «платьем», мне предъявили три обвинения: зачем я завела собаку, как мы посмели дать объявление в немецкую газету и почему я позволяю себе носить платье, которое нормальные советские женщины не носят. Об обсуждении платья я уже писала. По поводу покупки собаки было сказано: никто не заводит, а вы завели, что это за барские замашки? Я сказала, что собака охотничья и куплена по просьбе отца, который всю жизнь занимался любительской охотой. Про объявление я сказала, что нам разрешил такой-то сотрудник отдела режима. Я не знала, что он скрыл свое разрешение, и, получилось, что я его выдала. Дальше разговор пошел о платье. За все мои проступки меня стыдили, говорили о необходимости достойного поведения советского человека «за пределами нашей родины» и остальное в том же духе. Я, с одной стороны, была напугана (о возможных последствиях я писала выше), с другой стороны, меня возмущала несправедливость и мелочность обвинений. Я стойко защищалась по существу вопросов, к концу плакала, мне давали выпить воды и, наконец, отпустили. При этом я не знала, чем все это закончится. На следующий день или позже мужа тоже вызвали в отдел режима и сказали что-то вроде: «У вас умная жена (!). Ведите себя оба аккуратнее».

Через несколько месяцев истекли три года — срок, на который мы были командированы в «Висмут», и мы с мужем возвращались в СССР. Перевоз Эши через границу требовал оформления ряда документов. Родословная и

купчая из берлинского питомника о продаже нам собаки у нас были. Медицинскую справку о здоровье и прививках нам дали в армейском питомнике служебных собак. Справку о том, что собака не служебная, в питомнике дать почему-то затруднились и отказались сказать, где ее можно получить. Видя наше безвыходное положение, эту справку дал нам директор обогатительной фабрики, где я работала. Мы облегченно вздохнули, но нас ожидало последнее «собачье» испытание. Когда мы с вещами и Эши прибыли во Франкфурт-на-Одере, где должны были пройти пограничный контроль и сесть на поезд в СССР, нам вдруг сказали, что нужна справка о том, собака не понимает немецкого языка. Без этой справки собаку через границу не пропустят. До отхода поезда оставалось мало времени. Багаж был сдан, я стояла с Эши перед вокзалом, а муж на вокзале пытался узнать, где можно получить требуемую анекдотическую справку. Наконец, кто-то ему посоветовал обратиться к переводчику, работавшему не то на вокзале, не то у пограничников (не помню). Мы думали, что переводчик выйдет к собаке или попросит ее к нему привести и «поговорит» с нею. Но все оказалось проще. Переводчик ничему не удивился, видеть собаку не захотел, взял у мужа 5 или десять марок (ничтожная сумма) и выдал справку. Получение этого последнего документа оказалось самым легким. До сих пор не знаю, действительно ли бывают нужны такие справки. Эши благополучно прибыла к моему отцу в Ленинград.

4. Развлечения

4.1. Праздники, концерты, спектакли

Организация жизни на объектах «Висмута» обеспечивала советских сотрудников и членов их семей относительно большим количеством развлечений всякого рода. Несмотря на действовавшие режимные ограничения, в том числе мелочные и довольно отягощающие, казенные развлечения существенно скрашивали нашу достаточно замкнутую жизнь и расширяли кругозор. О почти обязательном участии в художественной самодеятельности и занятиях спортом я уже писала. На сцене Дома культуры регулярно демонстрировались кинофильмы, устраивались концерты, проходили торжественные заседания по поводу государственных и ведомственных праздников. Кинофильмы были отечественные и иностранные, те же, что в СССР, отсюда и привозились. В эти годы в СССР пришло индийское кино, которым в первые годы советские зрители очень увлекались. В Доме культуры в Обершлеме я в первый раз смотрела индийский фильм «Бродяга», имевший ошеломительный успех, как «дома» (в СССР), так и у нас в «Висмуте». Зал не вместил всех

Прогулка с Эши в Цвиккау

желающих, и сеанс повторили. Фильмы производства ГДР в нашем Доме культуры не демонстрировались, их теоретически можно было посмотреть в немецких кинотеатрах с оглядкой на режимные ограничения, но практически никто не владел немецким языком в достаточной для этого мере. Возможно, ходили в немецкие кинотеатры переводчики и редкие продвинутые в немецком языке сотрудники. Художественная самодеятельность на сцене Дома культуры бывала представлена творчеством нашего и других объектов, а также советских воинских частей. Реже Дом культуры принимал гастролирующих профессиональных артистов - немецких и советских.

Праздничное торжественное заседание

— это речи административных и партийных (КПСС) руководителей перед залом, затем концерт, танцы и кафе для желающих. Танцевали под оркестр, так как в те времена «консервированная» музыка не была распространена. Оркестр был из ближней советской воинской части, реже немецкий, не знаю откуда. Понимающие в музыке знакомые говорили, что немцы играли лучше, что и понятно, ведь они были профессионалами, а наши солдаты — дилетантами.

Иногда нам организовывали поездки на другие объекты «Висмута» на праздничные заседания или на концерты, которые у нас не планировались. Кроме сугубо висмутовских развлекательных мероприятий, нас иногда возили в немецкие концертные залы и даже в оперу. Например, мы узнали, что такое варьете. Оказалось: эстрадный концерт, на котором зрители сидят за столиками, как в ресторане, и могут заказывать еду и напитки. Однажды мы ездили в Берлинский оперный театр и слушали китайскую оперу.

Особое место занимали совместные с немцами «Висмута» вечера в дни празднования германо-советской дружбы, Международного женского дня 8 марта и каких-то других выдающихся дат. Все совместные мероприятия по форме были развлекательными, но носили местно-политический характер. Русские работники «Висмута» ходили на них не по собственному усмотрению, а «направлялись». Схема празднования была такой же, как во время советских государственных праздников, но присутствовали немцы, многие с женами. Местные немецкие административные и партийные (СЕПГ) руководи-

тели сидели рядом с нашими в президиуме, и те, и другие произносили речи. В президиуме дополнительно сидели представители «простых трудящихся», 8 марта это были в основном женщины. Я несколько раз попадала в президиум и нашла такое сидение на виду у целого зала утомительным. Если человек не стремится сделать карьеру по общественной линии, то лучше сидеть в зале в качестве рядового участника, так как в президиуме надо все время молчать и следить за выражением своего лица и осанкой, а это скучно, особенно во время неинтересных выступлений. После торжественного заседания мы с немцами вперемешку садились за накрытые столы, угощались, разговаривали и пели. Считалось, что мы с немцами непринужденно общаемся, но это было не совсем так. Во-первых, был какой-никакой языковой барьер: немцы практически не говорили по-русски, а мы — плоховато по-немецки. Во-вторых, мы были в рамках уже описанных мною режимных ограничений.

С совместным хоровым пением дело обстояло гораздо лучше. Не знаю, как ведут себя современные немцы, но в 1950-е годы они, как и мы, русские, любили петь при каждом удобном случае: за праздничным столом, в дороге на транспорте, вечером у костра или «на пятачке» в деревне. У нас в России люди утратили эту славную привычку, когда появилась «консервированная» музыка в виде магнитных записей, которые можно с легкостью иметь при себе и в любой момент воспроизводить «для всех» или в наушники. Итак, сидя за столом, немцы и мы увлеченно пели, в основном русские народные песни о Степане Разине, Ермаке и другие, а также некоторые советские, например, «Катюшу». Песни пелись по-русски, причем немцы, как правило, знали русские слова песен и знали их лучше нас. Когда они разучили русские песни? В первую мировую войну? Во вторую? Изредка я слышала на таких вечерах, как они пели немецкие народные песни тоже увлеченно и дружно, но, конечно, мы, русские, их поддержать не могли, потому что немецких песен не знали. Еще вспоминаю эпизод в висмутовском автобусе. Мы, небольшое число русских висмутян, возвращались из какой-то дальней поездки. Автобус был полупустой, и водитель посадил проголосовавших на дороге молодых немцев. Они сели на задние сиденья и с энтузиазмом стали петь немецкие песни: образец универсального молодежного поведения в те годы. Я не музыкальна и, может быть, ошибаюсь, но тогдашние немецкие и советские маршевые песни очень похожи по стилю.

Два-три раза мы с мужем были в качестве представителей от «русского коллектива» на совместных, кажется, профсоюзных мероприятиях. Люди, в основном, немцы, сидели за очень длинными столами, перпендикулярными сцене с президиумом. Мы сидели среди

других. На столы подавали только пиво. Все собрание шло на немецком языке. Когда закончилась главная официальная часть, началось провозглашения лозунгов и пение немецких песен, по-видимому, политического содержания. В наиболее выразительных местах немцы сцеплялись руками в районе локтей и раскачивались вправо-влево в ритме песни. Создавалась атмосфера высокого эмоционального подъема, демонстрирующего солидарность участников.

На одном из совместных праздничных вечеров я узнала немецкий (наверное, общеевропейский) порядок оплаты заказа в ресторане, отличавшийся от принятого тогда у нас. Один наш русский сотрудник громко предложил взять что-то еще в дополнение к тому, что уже было на столе. Русские, не раздумывая, сразу согласились. Немцы, вполголоса посоветовавшись, тоже согласились. Инициатор позвал официанта, сделал заказ, тот принес, и мы всем столом дружно это съели и выпили. Когда вечер закончился и официант пришел за расчетом, выяснилось, как по-разному русские и немцы понимали происшедшее. Русские считали, что оплата должна делиться поровну, потому что все согласились и все ели. Немцы считали, что за дополнительный заказ должен платить инициатор, а их согласие на его предложение означает только любезную готовность принять угощение. Возникла неловкость, но когда русские поняли, в чем дело, они сразу между собой решили вскладчину заплатить за дополнительный заказ, то есть платили только русские, не обременяя немцев. Такое решение автоматически вытекало, во-первых, из широты и доброты «русской души» (особенно в условиях застолья), во-вторых, из правила «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», в-третьих, из предвидения, как ситуацию оценил бы отдел режима.

Во время некоторых вечеров, приуроченных к второстепенным праздникам, для висмутян устраивались лотереи и маскарады. В те времена в СССР местные самодеятельные развлечения такого рода не были распространены, так что было любопытно и интересно. У меня долго сохранялись два выигранных - бархатная скатерть и красивая фарфоровая сова-светильник. На одном маскараде, кажется, в Дрездене, из театральной костюмерной привезли костюмы, и каждый выбирал по вкусу. Я взяла костюм тирольской девушки.

4.2. Экскурсии

Исключительно интересным и познавательным развлечением были автобусные экскурсии в выходные дни. Были экскурсии в города Берлин, Потсдам, Дрезден, Майсен, Лейпциг, Йена, Веймар, в долину Эльбы и другие места. В Берлине нам показывали Брандербургские и ворота рейхстаг, улицу Сталин-ал-

лее, построенную после войны как подарок от СССР, знаменитую улицу Унтер-ден-Линден, спуски в метро, куда нам из соображений режима нельзя было спускаться, потому что метро восточного и западного Берлина соединялись. В 1956 году нас специально свозили в район Альт-Глинике в Берлине посмотреть подземный тоннель, тайно проложенный иностранной разведкой из западного Берлина для прослушивания телефонных разговоров, которые велись в группе советских оккупационных войск. В Потсдаме мы осмотрели дворец Сан-Суси, а также дворец Цецилиенхоф, где в 1945 году проходила Международная Потсдамская конференция после капитуляции Германии. В Дрездене, кроме самого города, осматривали музей Цвингер и «Под зелеными сводами».

В Майсене нам показали музей фарфора и замок Альбрехтсбург. В Лейпциге мы были на Международной промышленной выставке и в полуподвальном «кабачке», в котором Мефистофель чудесным образом «добыл» вино, проткнув дыру в столе. Когда ездили в Йену, то, помнится, знакомились с нею только с улиц города. Несколько раз мы ездили в Веймар, где осматривали музей «Дом Гете», дом Шиллера (снаружи), театр, памятник Гете и Шиллеру. В одно из посещений Веймара мы попали на какой-то юбилей, связанный с Гете или Шиллером, и наблюдали костюмированную уличную процессию, посвященную этому юбилею. В долине реки Эльбы мы познакомились с удивительными крепостью и замком Кенигштайн на высокой горе. Осмотрели комплекс дворцов Пильниц с изумительным прилегающим садом, расположенный на берегу Эльбы. Во дворцах Пильниц находится несколько музеев. Гуляли по Саксонской Швейцарии — название живописных песчаных скал на берегу Эльбы. Кроме перечисленных были еще поездки по другим достопримечательным местам ГДР, названия которых я забыла, но которые зрительно помню. В Дрезден, Лейпциг, Веймар, Саксонскую Швейцарию и дворцы Пильниц мы ездили не по одному разу.

Эта часть жизни в ГДР вспоминается как волшебная сказка.

4.3. Поездка в Бухенвальд

Отдельно хочу написать о поездке в расположенный недалеко от города Веймар гитлеровский концлагерь Бухенвальд, сохранен-

У Бранденбургских ворот

У рейхстага

ный для осмотра по возможности не тронутым. Случайно вышло так, что перед поездкой я прочитала напечатанную в СССР книгу о Бухенвальде. Конечно, книга о преступлениях, творившихся в «лагере смерти», изданная с фотографиями, произвела большое впечатление. Однако оказалось, что когда видишь воочию территорию, здания, инструменты и оборудование лагеря, это производит гораздо более сильное, я бы даже сказала, мистическое впечатление. У меня для себя есть правило: запоминать продолжительность воздействия на мое внутреннее состояние какого-либо события, если воздействие получилось исключительно сильным. Это обычно события негативного свойства. Иногда я от-

Печи крематория в Бухенвальде

слеживаю протекающее время с «исследовательскими» целями (от удивления), а иногда — с практическими, чтобы правильно вести себя в последующем в сходных ситуациях. Воздействие Бухенвальда относится к первому случаю. Ощущение ужаса сохранялось у меня около месяца. Я продолжала жить и работать, а в голове все время «стоял ужас». Сила, непрерывность и продолжительность воздействия меня удивили, и я сознательно стала ждать, когда оно закончится естественным образом и «засекла время».

Для моих современных немецких читателей, если они будут, отмечу, что испытанный мной в Бухенвальде ужас я не связывала с гражданами ГДР, с которыми работала в «Висмуте» и другими, которых ежедневно видела на улицах, в магазинах и т.п. Объяснялось это, по-видимому, тем, что я тогда привыкла считать: государство — это одно, а народ — другое, причем государство воспринималось абстрактно. Теперь я думаю несколько иначе. Государство реализуется частью народа — правящая партия, высший правительственный аппарат и армия чиновников. К ним следует добавить людей, которые выигрывают

от государственной политики, даже если она ущемляет интересы подавляющего большинства. Все вместе они составляют количественно меньшую, но по значимости существенную часть народа. Поэтому априорно благодушное отношение к любому представителю нации вряд ли оправданно. Если есть время и возможность, то следует пытаться понять, с человеком каких взглядов имеешь дело. По меньшей мере стоит помнить, что «процент государства» в общем народонаселении отнюдь не исчезающе мал.

5. Реальные отношения с немцами

Взаимоотношения с немцами гражданских работников Висмута в 1954-1956 годах были спокойными и в целом вежливо-приветливыми. Со стороны немцев это, конечно, было нормальной реакцией населения побежденной страны в условиях оккупации. Наше поведение регламентировалось установленным режимом пребывания в ГДР. И немцам, и нам подчинение обстоятельствам облегчала давно приобретенная привычка жить в условиях тоталитарного государства. Что там отдельный немец или русский реально думал о ситуации, внешне почти не проявлялось. В силу особенностей жизни и работы я и мой муж общались преимущественно с немцами-мужчинами. Это следует помнить при чтении моего текста.

Сложилось так, что при общении русские были обязаны говорить по-немецки, а не немцы по-русски. Каждый русский справлялся с этим в меру своих возможностей. О своем немецком языке и об обязательном обучении я уже писала. Немцы приспосабливались к нашей речи, освоили некоторые русские слова. Мужчины употребляли, причем обычно к месту, матерные выражения, которые они, конечно, знали и до создания «Висмута». Знали и то, что при женщинах эти выражения употреблять неприлично. Расскажу о «проколе», случившемся с одним немцем, с которым я работала на обогатительной фабрике. Назову его условно Мюллером. Он был старшим в мастерской по ремонту геофизических приборов. В ней работали человек пять немцев, с которыми я была ежедневно тесно связана по работе. Однажды, когда я к ним пришла, у них была маленькая радость: они починили долго не поддававшийся прибор. И вот сияющий Мюллер говорит мне, как обычно по-немецки, что прибор отремонтирован. И вдруг, так же сияя, добавляет по-русски: «Ху--во!» явно имея в виду, что все получилось как нельзя лучше. Я прекрасно поняла, что он хотел сказать, и тоже порадовалась победе над прибором. Однако Мюллер очевидно не понимал, что употребил в разговоре со мной нецензурное выражение, притом в неправильном смысле, да еще и гордился тем, что вставил, как он думал, подходящее русское словцо. Чтобы исключить

в будущем такие случаи, я ему наставительно и вежливо сказала, чтобы он в дальнейшем при женщинах это слово не произносил. Мюллер перестал сиять и с обиженным видом замолчал. Я удивилась его обиде, и мы перешли к текущим делам. На следующий день я застала совершенно смущенного Мюллера. Он, видимо, где-то навел справки по поводу «Ху--во!» и многословно передо мной извинялся. Вообще же я убедилась в правоте своего отца, военного моряка по дореволюционному образованию, который в юные годы бывал в заграничных плаваниях: русские ругательства давно стали международными. Случалось, что при мне незнакомые мне немцы, разговаривая между собой вставляли тирады из русского мата, которые являлись настолько естественной частью их немецкой речи, что они не реагировали на мое присутствие, считая, что раз я не понимаю по-немецки, то не понимаю и ругательства. Еще немцы усвоили любимое русское попукающее выражение «Давай-давай!», отлично его понимали и добродушно над ним смеялись и даже в шутку могли сказать его сами в подходящей ситуации. Если сейчас «Давай-давай!» устарело, то поясню: это значит «Пошевеливайся!».

Однажды мне пришлось разговаривать с немцем из другого подразделения «Висмута», занимавшего какую-то руководящую должность. Он абсолютно чисто говорил по-русски. По его словам, он не учился языку специально, а освоил его на практике на Восточном фронте во время войны: довольно редкий случай прекрасных врожденных способностей к языкам.

Висмутовские немцы с сочувственным пониманием относились к советским солдатам. В 1954-1956 годах в ГДР служили молодые советские солдаты срочной службы, знавшие о войне только из рассказов старших, из литературы и кинофильмов. На обогатительной фабрике в Цвиккау приборы радиометрической сортировки руды на ленточных транспортерах обслуживали солдаты. Остальные работы выполняли немцы. Соответственно они друг друга ежедневно наблюдали. В обязанности солдата входило время от времени проверять настройку приборов, возмущалась и делала солдату внушение. Однажды присутствовавший при этом немец сказал мне: «Что вы хотите, фрау, это же солдат!». И далее высказался в том смысле, что солдат - человек подневольный и незаинтересованный, и что такое его поведение естественно. По возрасту этот немец, наверняка,

был участником войны и на собственном опыте изучил солдатскую психологию.

Что касается самих советских солдат, то работа в «Висмуте» была для них приятнее, чем обычная служба в огороженном месторасположении своей части. На территории висмутовского «объекта» офицеров, как правило, не было, дисциплина была менее строгой, работа легче, они близко видели немцев и гражданских русских сотрудников и общались с ними, ближе видели немецкие деревни и городки, что разнообразило их существование. В Советской армии солдат первого года службы стригли «под ноль» (наголо), что их, конечно, не украшало и в какой-то мере угнетало. Солдаты времен войны имели нормальные стрижки, но после капитуляции Германии они в скором времени демобилизовались. В оккупационные войска стали направлять солдат срочной службы. Тогда-то в Германии появились первые бритоголовые советские солдаты. Говорили, что некоторые немцы вначале пугались, думая, что к ним присылают из СССР обитателей психиатрических больниц. Чтобы читатель сделал поправку на протекшее время, требуется пояснение. Теперь, в 2010-е годы, обритая целиком мужская голова вошла в моду и не привлекает внимания. Не то было вплоть до 1980-х годов: обритые головы были только у заключенных и некоторых больных. В СССР к ним добавлялись граждане, наказанные милицией или комсомольским патрулем за «неположенную» одежду или прическу (слишком длинные волосы). Так что обритая голова свидетельствовала, что с человеком не все в порядке. Однако, в СССР все знали, что солдаты первого года службы составляют исключение, а в Германии привыкли к этому не сразу.

В «Висмуте» я узнала две армейские поговорки. Солдатская: «Солдат спит, а служба идет». Офицерская: «Береги начальство, как зеницу ока, ибо ты не знаешь, какую сволочь пришлют на его место». Обе с юмором и своего рода «ключевые». Поясню на примере первую поговорку. Солдат во время рабочих смен на обогатительной фабрике суммарно проспал, предположим, месяц. Однако его трехгодичная служба на этот месяц продлена не будет. Прямой расчет спать. Вторая поговорка обуславливает философское отношение офицера к издержкам воинской дисциплины и сберегает его нервную энергию.

Еще на солдатскую тему. Вспоминаю рассказ моего знакомого геофизика, служившего в 1970-е годы лейтенантом два года в ГДР. Его воинская часть была расположена в сельской местности рядом с виноградником. У них в части имели место частые ночные самовольные отлучки солдат, из которых они возвращались нетрезвыми, а охрана их перемещений «не замечала». Командиры долго не могли понять, в чем дело, пока однажды к ним не пришел по-

жилой немец — хозяин виноградника. Оказалось, что у него в винограднике стоит цистерна с молодым вином, советские солдаты берут из нее вино, пьют и какое-то количество уносят. Последнее объясняло, почему их «не замечала» охрана. Хозяин виноградника миролюбиво сказал: «Я не против — пусть пьют, только, пожалуйста, пусть закрывают за собой кран».

С солдатами мне довелось много работать, поэтому я и пишу именно о них. Офицеров, их командиров, я видела реже. Это были взводные и ротные командиры — лейтенанты, капитаны и майоры, приходившие изредка спросить, нет ли претензий к их подопечным. Я никогда не жаловалась на солдат, с которыми работала, так как никаких крупных провинностей за ними не бывало. Офицеры были всегда очень дружелюбны.

Когда я стала жить в ГДР, мне странным образом иногда становилось неприятно тревожно. Это всегда было дома в спокойное нерабочее время. Как я уже писала, первые два года мы жили в Обершлеме, а окна нашей квартиры выходили на шоссе с оживленным автомобильным движением. В частности, по шоссе по определенному расписанию ходили большие маршрутные междугородные автобусы, мощный натужный звук двигателей которых меня раздражал. Однажды мой муж рассказал об этом в шахте. Когда появлялось свободное время, между русскими и немцами одной бригады там часто велись непринужденные разговоры на разные темы. Один немец из прежних бесед знал, что я во время войны жила в блокированном Ленинграде. И вот он предположил, что меня беспокоит звук авиадвигателей с немецких бомбардировщиков, которые после окончания войны были переставлены на крупногабаритные автобусы. Действительно, в первый блокадный год немецкая авиация регулярно бомбила Ленинград. При налете по радио объявлялась «воздушная тревога»: предупредительный текст, перемежающийся с воем сирены. Воздушная тревога могла длиться от получаса до 1-2 часов и кончалась жизнерадостным сигналом «отбоя». Бомбежки большей частью бывали поздно вечером и ночью. Наша семья в качестве бомбоубежища использовала кладовку с капитальными кирпичными стенами, расположенную рядом с нашей квартирой на втором этаже. Обычно в этом импровизированном бомбоубежище по распоряжению матери сидели мы с сестрой. Нам было 10 и 11 лет, мы не боялись, все было уже привычно, и при свете коптилки мы обе читали книги. В кладовке на фоне полной тишины был отчетливо слышен непрерывный монотонный гул самолетов, круживших над городом. Время от времени слышался отдаленный грохот — взрывы. Один раз взрыв был совсем близко, но его описание выходит за пределы настоящих воспоминаний. К 1950-м годам я

успела забыть многие томительные часы, проведенные в кладовке под гул самолетов. А вот этот знакомый муж немец все сопоставил и, по-моему, правильно объяснил причину моего тревожного состояния, которое возникало, казалось бы, на пустом месте.

Взаимоотношения русских висмутян и немцев, работавших в непроизводственных подразделениях «Висмута» - столовых, ателье, парикмахерских, на транспорте и т.п. — также были спокойно-корректными, а часто и приветливыми, как и при совместной работе на основном производстве. При выходе за пределы «Висмута» примерно такие же отношения у русских возникали в государственных немецких учреждениях: больших универсальных магазинах, общественном транспорте, театрах, концертных залах, музеях и некоторых других, причем как со служащими этих учреждений, так и их немецкими клиентами и посетителями. Разумеется, не было полной безоблачности. Ясно было, что за нами наблюдают, результатами наблюдений не делятся, однако убедились в том, что мы присланы выполнять определенную техническую работу, чем и занимаемся, не принося лично никакого особенного вреда.

За пределами всего, относящегося к «Висмуту» и государственным немецким учреждениям, протекала не известная нам жизнь немецкого народа. Мы с нею сталкивались, только заходя в частные магазины и некоторые обслуживающие предприятия. Здесь нас встречали подчеркнутая вежливость без приветливости, скрытое любопытство («Как они выглядят и как ведут себя эти русские?») и, в общем-то, ожидание нашего ухода, чтобы продолжать свою нормальную жизнь. Иногда в разговоре на наш счет могли «отпустить шпильку» политического характера. Приведу один пример.

В магазине ювелира-частника я посетовала, что у него нет украшений с бирюзой. Бирюза — дешевый голубой непрозрачный самоцвет. В СССР изделий с ним почему-то не было в продаже ни до, ни после Отечественной войны, как не было и много чего другого. Вероятно, «чтобы не отвлекать мощности народного хозяйства на удовлетворение буржуазных прихотей отсталой части населения». Ювелир, пожилой мужчина, сделал вид, что удивился. Дескать, при огромной территории СССР и безграничных ресурсах полезных ископаемых странно, что советская женщина ищет изделия из бирюзы в ГДР при ее скромных геологических возможностях. Это было сказано ехидно и жестко. Он был прав только абстрактно, так как развитие тех или иных отраслей промышленности в странах определяется не только их геологическими ресурсами. Всех этих соображений я не посмела высказать и промолчала. А если бы высказалась, и это дошло бы до отдела режима, то мне бы сказали, что я сюда прислана работать, а не

ходить в частные немецкие магазины и, тем более, не вступать в политические дискуссии с немцами. Думаю, что ювелир знал или чувствовал, что времена несколько изменились и рядовые русские многого не могут себе.

6. Командировки в начале 1970-х годов

В начале 1970-х годов я два раза была в «Висмуте» в месячных командировках. Целью командировок было ознакомление инженеров «Висмута» с наработками советского научно-исследовательского института, в котором я работала, в области применения математики в рудной геофизике. Это было время начала использования цифровых вычислительных машин в геологии. В отличие от современного быстродействующего малогабаритного персонального компьютера тогдашняя машина была «тихоходной», занимала зал площадью 80-100 кв. м и не предназначалась для перемещения. Машина вместе с обслугой из техников и программистов образовывала Вычислительный центр. Геологическая организация обычно имела одну машину, которой сотрудники пользовались коллективно согласно круглосуточному расписанию. Не было привычных теперь экранов, связь человека с машиной осуществлялась с помощью бумажных перфолент и перфокарт, результаты расчетов машина выдавала в форме печати, подобной машинописной. Магнитная память была представлена магнитными лентами. Единственный (?) вычислительный центр «Висмута» находился тогда в Дрездене. Я привезла созданные в нашем институте программы и в форме лекций для сотрудников объектов рассказывала об их назначении и применении. Сами программы с документацией я передала в Вычислительный центр, обучив сотрудников центра их использованию. Я переезжала с объекта на объект, местные геофизики рассказывали мне о геофизических работах, которые там производились, я делала сообщения о программах, и мы вместе обсуждали, какие из них могут быть им полезны.

На объектах я жила в местных служебных гостиницах-общежитиях, рабочее время проводила в кабинетах сотрудников, с которыми работала, питалась в висмутовских столовых, и ездила на висмутовском транспорте — автобусах и легковых машинах. В нерабочее время, как и раньше в 1950-х годах, пользовалась общественными маршрутными автобусами. Если на время моей командировки попадали праздники и экскурсии, то меня на них приглашали. Поэтому я могла сравнить ГДР и «Висмут» 1950-х и 1970-х годов, правда, на незначительном материале.

Начну с того, что в 1950-е годы мы (русские висмутяне) не видели ни одного немецкого инженера-геофизика. Мы и сами появились

тогда в качестве редких экземпляров, о чем я уже писала. За время, протекшее с тех пор, в ГДР организовали подготовку своих немецких специалистов, причем обученных русскому языку. Режим, раньше жестко разделявший немцев и русских, заметно ослабел. Я увидела рабочие кабинеты, в которых совместно сидели и работали русские и немецкие инженеры-геофизики. Старшими были, как я поняла, русские. Если этому было политическое объяснение, то ситуация смягчалась разницей в возрасте и стаже: со стороны немцев были пока еще только молодые специалисты. Отношения между совместно работавшими русскими и немцами были самые дружеские, разговоры велись не только на профессиональные, но и на общие темы. Интересно, что, по крайней мере, на одном из объектов сотрудники-геофизики хотели использовать взаимные контакты для усовершенствования в иностранном языке. Русские хотели возможно больше говорить по-немецки с «носителями языка», а немцы — по-русски. В результате было составлено что-то вроде расписания: когда в кабинете всем говорить только по-немецки, а когда только по-русски.

Я обнаружила элемент социализма советского толка в организации производственной жизни. У нас в СССР «святым делом» тогда считалось празднование в коллективе некоторых дат сотрудников: дня рождения, существенного повышения в должности, выхода на пенсию и т.п. В наиболее веселых коллективах «праздником» могло быть даже возвращение из отпуска. «Праздник» требовал определенных совместных затрат и хлопот: покупка продуктов для застолья, подарков, иногда организация выхода приказа администрации с казенным поздравлением, иногда с выплатой премии. Подготовкой «праздников» занимались активные члены коллектива. По этому образцу в 1970-е годы жили и подразделения «Висмута». В одном из подразделений, с которым я была связана в командировке, молодому немецкому инженеру-геофизику Майеру были подчинены младшие немецкие сотрудники, и в его обязанности входила забота об упомянутых праздниках, которая его тяготила. В числе его подчиненных был пожилой немец Хофманн, не имевший специального образования и слабо ориентированный в работе. Майер мне рассказал, что он долго не знал, как использовать Хофманна, который ни с чем не справлялся. И вот ему пришла в голову, как он считал, прекрасная мысль: поручить малоспособному сотруднику отслеживать и устраивать «праздники» в коллективе. Майер говорил это с гордостью, рассчитывая на мое понимание. Конечно, я его поняла. Он не мог просить уволить бесполезного для работы Хофманна, так как его сочли бы негуманным. А вот держать отдельного человека для организации «празд-

ников» - это находка. Такой специальный Хофманн освобождает полезных для дела работников от выполнения действий, в общем-то не связанных с работой. В советское время в организациях, где я работала, всегда устраивались подобные «праздники». На это тратилась часть рабочего времени, но до такой крайности, чтобы держать отдельного человека не доходило. ГДР нас в этом опередила.

Вспоминается пример несвободного общения с немцем. Одним из немецких специалистов, с которым я изредка общалась по вопросам моей командировки, был Фишер. Однажды он заговорил со мной на неожиданную тему. Оказалось, что он изучает теорию марксизма-ленинизма и, стараясь вникнуть в нее поглубже, нашел в тексте какого-то пособия спорное, по его мнению, место. Вместо одной приведенной там формулировки у него родилась другая, которую он считал более правильной и удачной. Наверняка, он уже обсуждал ее с немецкими коллегами, но все равно этот теоретический вопрос продолжал его волновать. Поскольку я была из СССР и в теории марксизма-ленинизма «должна» была разбираться лучше, то он поделился со мной своими сомнениями. Я не помню, что это был за вопрос, но был он не принципиальным, а чисто «формулировочным». С близко знакомым русским человеком я с легкостью обсудила бы этот вопрос, предложила свой вариант формулировки, покритиковала бы опубликованный вариант. Оба мы, мой гипотетический русский собеседник и я, сочли бы проблему неактуальной, неинтересной и скучной. Но с гражданином ГДР я не могла без вреда для себя говорить на тему, относящуюся к идеологии. Тем более я не могла сказать Фишеру, что считаю вопрос неактуальным и неинтересным. Если я бы решилась на содержательный разговор, то Фишер при случае простодушно рассказал бы своим обычным собеседникам о разговоре с «советской коллегой». Это дошло бы до сотрудников отдела режима, а они, проявляя служебное рвение, обвинили бы меня в том, что «вместо выполнения прямых служебных обязанностей я безответственно излагаю свою политическую отсебятину немецким товарищам». Здесь я описываю свои тогдашние соображения долго и нудно, а тогда ситуация стала мне ясна в одно мгновение - ведь я выросла и жила в тоталитарном государстве. В результате я уклонилась от теоретического разговора с Фишером, и, скорее всего, осталась в его памяти серой дурой.

В начале 1970-х годов я обнаружила в ГДР значительные изменения в организации общественного питания, во всяком случае в висмутских столовых. В 1950-е годы мы питались в своих служебных столовых, где на столиках были белые накрахмаленные скатерти с заранее расставленной сухой посудой из одного

сервиза и сухими столовыми приборами из одного набора, расположенными относительно посуды по правилам сервировки. Если на скатерти появлялись пятна, то ее сразу же заменяли. Обслуживали клиентов безукоризненно вежливые пожилые немецкие мужчины-официанты в черных костюмах с белыми рубашками. Они же меняли и убирали посуду. Выбор блюд был достаточный, и готовились они по рецептам русской кухни. В начале 1970-х годов я застала совсем другую картину. Вспоминаются две столовые, не помню, на каких объектах. Обе столовые были на самообслуживании.

В первой небольшой столовой в главном зале стояли столики, покрытые клеенками, влажными после постоянных протираний мокрой тряпкой. Мокрые чистые ложки и вилки стояли в контейнерах на отдельном столе, единичные ножи по просьбе клиента давал кто-то из немецкого обслуживающего персонала (женского). Пользуясь подносами, клиенты получали еду «на раздаче» на разнокалиберной чистой мокрой посуде. Пока то, что я описываю, полностью совпадает с тогдашними советскими столовыми самообслуживания. А вот завершение еды было весьма необычным и неаппетитным. Клиент брал свою использованную посуду и столовые приборы и шел в специальную комнату, где на столах и табуретках было расставлено около пяти-шести больших эмалированных тазов, каждый для определенного вида обедков. Своей ложкой или вилкой клиент соскребывал со своих тарелок и чашек обедки в соответствующие тазы, освободившуюся грязную посуду и приборы тоже раскладывал в установленные места и, наконец, мог уходить. Местные сотрудники к действиям с обедками привыкли, а я, каюсь, испытывала небольшую тошноту от вида гор сортированных обедков, да еще сразу после еды.

Вторая столовая занимала большое помещение и сильно отличалась от первой. Столешницы были сделаны из твердого пластика, ничем не покрывались и тоже были влажными в результате постоянных мокрых протираний. Как и в первой столовой, клиенты получали еду «на раздаче» на разнокалиберной чистой мокрой посуде, пользуясь подносами. Но столовых приборов (ложек, вилок и ножей) вообще не полагалось! Клиенты приносили их с собой, некоторые в специальных мягких пеналах разной степени элегантности. После еды клиент шел в моечное помещение, где было несколько огромных прямоугольных «раковин» из оцинкованного железа. Каждая «раковина» имела краны с горячей и холодной водой. Все имело сугубо технический вид: никакой белой эмали, тем более фаянса, никаких блестящих хромированных труб, кранов и т.п. Здесь клиент, как в первой столовой, избавлялся от обедков, только кажется, без сортировки, и сам мыл свою посуду, ставил в отведенные для раз-

ных типов посуды места и уходил с чувством выполненного долга. Когда я впервые шла во вторую столовую, я думала, что меня уже ничто не удивит и не затруднит. Однако отсутствие приборов, особенно столовой ложки оказалось просто ударом. Вокруг были не знакомые мне русские висмутяне со своими столовыми приборами, лишних приборов ни у кого не было. Все торопились улечься во время обеденного перерыва. Наконец, один мужчина сжалился надо мной и дал свою чайную ложку. Попробуйте съесть тарелку супа чайной ложкой!

В Ленинграде во времена моего детства на стенах в общественных местах висели (среди прочих) плакаты «Уважайте труд уборщиц!», а еще раньше, по словам моей мамы, были также тексты «Лакеев теперь нет!». По мнению идеологов, эти лозунги утверждали равенство граждан и повышали чувство самоуважения у людей обслуживающих профессий. Так как немцы в среднем усерднее русских, то в условиях строительства социализма по советскому образцу они, на мой взгляд, кое-что довели до абсурда. Допускаю, что здесь не обошлось без иронии с их стороны. Кстати, в СССР в системе общественного питания никогда таких «перегибов» я не видела.

По сравнению с началом 1950-х годов улицы и казенные здания стали менее ухоженными: больше мусора, следов небрежного ремонта и др. Заметно состарились автобусы: где-то что-то «просело», где-то появились трещины.

7. Отвлекаюсь от политики и «Висмута»

Напоследок мне хочется описать общее впечатление от Германии в 1950-1970 годы, по возможности отвлекшись от внешней и внутренней политики наших стран и от проблем «Висмута». Я расскажу, какой передо мной предстала Германия внешне («зрительно») и какой внутренне, то есть через поведение и привычки людей. Как я уже писала, жизнь русских висмутян была замкнутой и во многом отгороженной от жизни большинства немцев. По этой причине мои представления об их типовом поведении и привычках, несомненно, являются поверхностными и, возможно, не всегда верными. Для ясности я всякий раз буду пояснять, на основе чего у меня сложилось то или иное суждение: событий и фактов, которые я наблюдала, или информации из каких-то других источников.

7.1. Внешний облик Германии

Изумительная красота природы, разнообразие ландшафтов от равнинных до горных, прекрасные пейзажи, мягкий климат. Вся территория издавна освоена человеком: без перенаселенности, но и без огромных пустынных пространств. Населенные пункты соединены достаточной сетью дорог, в число

которых входит такое техническое чудо, как автобусы. В 1950-е годы не было мобильных телефонов и на центральных газонах немецких автобусов через определенные интервалы располагались в те времена телефоны для вызова разных видов помощи. В городах, поселках и деревнях сохранены и используются многие здания и мосты старинной постройки, историческая планировка улиц и площадей, застройка набережных. Некоторые небольшие города внешне выглядят как средневековые со своими центральными рыночными площадями. Все не разрушенное ухожено. В некотором роде ухожено даже то, что было разрушено бомбардировками во время войны. В Дрездене (Берлине?) бомбардировки превратили большую часть города в сплошные развалины. В этих полях однородного кирпичного крошева расчищены улицы, указаны на табличках их названия и они используются для проезда. Парки и сады прибраны. Кстати, как нам сказали, собирать в лесу ягоды и грибы в Германии не принято, считается странным и даже неприличным. Их выращивают в специальных хозяйствах и продают. Я так и не узнала, расценивается ли сбор диких грибов и ягод как стремление к «халаям» или считается негигиеничным.

Однажды, уже в 1970-е годы, я ехала на какой-то дальний объект на висмутском автобусе в сопровождении двух инженеров-геофизиков — русского и немецкого. Мы ехали по относительно недавно проложенному шоссе — спрямленному и широкому. Мои спутники знали, что я работала примерно в этих местах в 1950-е годы, решили порадовать меня и показать «сельскую глубинку», мало изменившуюся с тех пор. Они посвятили в свой план немца-водителя, автобус свернул с шоссе, и мы поехали по старинным дорогам, аккуратно вымощенным кубиками диабазы или другой породы. Дороги, обсаженные деревьями, петляли по холмам, соединяя, по-видимому, почти все населенные пункты и отдельные хутора. Там, где мы ехали, не было следов войны, все дышало слитыми воедино стариной и современностью. И все было очень красиво: и пейзажи, и дела человеческих рук. То, что получала удовольствие я, было не удивительно, так как меня охватили воспоминания. Но не меньше радовались и водитель, и оба моих спутника. Похоже, им редко удавалось отвлечься от привычных висмутских будней и побывать в таких славных спокойных местах.

Многие немцы иногда носили народные костюмы не в праздничной, а в будничной

Дома на набережной в г. Ауге

обстановке. Я не научилась разбираться в немецкой национальной одежде, так что далее пишу приблизительно. Женщины часто были в красочных баварских платьях, которые, как мне сказали, считаются в Германии самыми красивыми. Баварские платья продавались в обычных магазинах готовой одежды и были относительно дороги. Мужчин, чаще пожилых, летом можно было видеть в тирольских костюмах, в которых выделялись замшевые шорты с украшениями, кажется, из рога оленя и шляпа с полями и зазорным пером. В небольших частных магазинах продавались изделия народных промыслов из дерева, глины, фаянса, металла, камня, кожи, ткани, кружев, кости, рога и других материалов. Это были украшения, посуда, игрушки, предметы быта. Один из жанров — вращающаяся на оси многоярусная деревянная «пирамида» с вертушкой из лопастей на вершине. На ярусах деревянные фигурки изображают какие-нибудь сцены, обычно из священного писания. Внизу на неподвижном основании расположены гнезда для свечей. Нагретый воздух от пламени свечей с помощью лопастей вращает «пирамиду». На мой нарочито наивный вопрос, как использовалась «пирамида», я получила от продавца трогательный ответ. Он сказал, что в былые времена в горняцких поселках, когда не было электричества, радио и телевидения, члены семьи немецкого горняка вечером после ужина беседовали и занимались домашним мужским и женским рукоделием, сидя вокруг «пирамиды» с зажженными свечами и поглядывая иногда на движущиеся фигурки. Я привезла такую «пирамиду» домой в СССР. Когда ее увидел мой старенький дядя, он сказал, что, по его мнению, «пирамида» лучше телевидения. Это была его «шпилька» в адрес тогдашних телепередач.

7.2. Немецкие привычки русскими глазами

Еще до приезда в Германию я знала: немцам присущи большая выдержанность, дисциплинированность, привычка соблюдать порядок и высокое качество работы. В Россию со времен Петра I приезжало на военную службу и другую работу много немцев. Почти все они более или менее обрусевали и становились российскими подданными. Русские и русские немцы хорошо знали друг друга. Это знание сохранила и сохраняет русская художественная литература и «народная молва». По приезде в Германию я увидела немецкую реальность своими глазами. Состояние улиц, дворов и зданий, конечно, после войны оставляло желать лучшего и требовался ремонт, но не было мусора и посылно все было прибрано. На работе в «Висмуте» немцы проявляли трудолюбие и аккуратность. Однажды ко мне в лабораторию после работы молодого немца-электрика пришел пожилой электрик продолжать работу с настенной электропроводкой. Он увидел, что

поврежденная при смене розетки поверхность стены покрашена масляной краской другого, чем основной, оттенка и сразу недовольно сказал, что это неправильно, что молодежь портится и что немцы не должны так работать. Однажды наша лаборатория получила из СССР новые геофизические приборы, каждый из которых, как положено, находился в специальном деревянном ящике заводского изготовления. В ящике были разные фиксаторы, упоры, зажимы и прочее, обеспечивающие сохранность прибора. Все это на видных местах было покрыто лаком и оклеено для мягкости бархатом, но там, где детали внутреннего устройства ящика не сразу были видны, лак и бархат отсутствовали и даже были заметны гвозди, использованные вместо шурупов и столярного клея. Один наш солдат, которому предстояло работать с новым прибором, был спокойный рассудительный парень. Он повертел ящик, осмотрел его внутри и снаружи и веско произнес: «Сразу видно, что делал его русский человек!». Уже спустя годы после работы в «Висмуте» я где-то прочитала или услышала, что после окончания войны, когда побежденная Германия жила в разрухе и впроголодь, вынужденная работать в системе социализма советского типа, то есть без существенной заинтересованности в результатах труда, немцы стали наплеватьски относиться к работе и ее качество начало снижаться. И, будто бы, среди немецкого народа тогда появились призывы вспомнить, что они — немцы, и в любых обстоятельствах должны работать как раньше. Вот еще один услышанный рассказ о немце, бывшем в плену в СССР и трудившемся на стройке. Случившийся рядом русский понаблюдал за его добросовестной работой и спросил, зачем он так старается в чужой стране и в общем-то на принудительной работе. Пленный ответил: «Я хочу остаться немцем».

Что касается дисциплинированности немцев, то расскажу один эпизод, в котором участвовала группа случайных немцев-прохожих и я сама. На окраине Обершлемы в пустынном месте был переход через шоссе, оборудованный светофором. Я подошла к переходу, когда загорелся красный свет. На тротуаре стояла группа примерно из десяти немцев, ожидавших зеленого света. Налево и направо не было видно ни одной приближающейся машины или другого транспорта, а видно было далеко, так как вокруг не было ни строений, ни других людей. Оценив «транспортную ситуацию», я привычно и уверенно пошла через шоссе и сразу «спиной» ощутила, что происходит что-то «не то». Я оглянулась: немцы, не шелохнувшись, продолжали стоять молча и спокойно в ожидании зеленого света. Меня обожгло чувство стыда за мое стремление сэкономить крохотный отрезок времени, какую-то минутку, путем нарушения обязательного для всех

разумного порядка. Я пошла дальше, немцы не произнесли ни слова. Мне они ничего не сказали, потому что я была русская, а в тех обстоятельствах это имело значение. Больше в ГДР я не нарушала правил уличного движения, но возвратившись на родину, вернулась к прежней привычке иногда переходить улицу не по сигналам светофора, а по собственному разумению, и так поступаю не я одна. Как рассказывают мне мои знакомые, бывающие в Германии, немцы, как и я, тоже не изменили своих привычек и переходят улицу только на зеленый свет. Такая вот разница в менталитетах. Наверное, она отражает разницу и в более общем наборе национальных свойств.

Понятно, что привычки взрослых воспитываются с детства. Я не видела немецких детей вблизи, когда же видела издали, это были очень воспитанные дети. Несколько лет назад я из средств массовой информации узнала о человеке с необыкновенной судьбой, ныне покойном. Случилось так, что в начале Второй мировой войны, когда ему было 3-4 года, он потерялся от своих русских родителей и попал в детский дом на территории, оккупированной немецкими войсками на северо-западе СССР. Его взяла на воспитание немецкая бездетная семья. В конце войны судьба вернула его настоящим родителям. Он получил высшее техническое образование в московском вузе и впоследствии стал крупным инженером. Интересно, что он среди своих русских сверстников — школьников, студентов, сослуживцев — всегда выделялся стремлением доводить любое начатое дело до конца и аккуратностью вплоть до некоторой педантичности. Родители связывали это с трехгодичным периодом немецкого воспитания.

Немецкие дисциплинированность и добросовестность в работе расценивались русскими как безусловно положительные свойства. Однако была у немцев черта, вызывавшая у русских двойственное отношение. Если назвать ее бережливостью, то, на мой взгляд, это будет неточно. Если мелочностью, то это тоже будет неточно, да еще привнесет оттенок оскорбительности. Многие русские все-таки называли эту черту мелочностью. Речь идет о стремлении к точным взаиморасчетам в области денег и других материальных ценностей, независимо от того, идет ли расчет между людьми или людьми и организациями и независимо от размеров ценности вплоть до самой малой, как например, пфенниг или сигарета. При этом, как я понимаю, немцы считают точные взаиморасчеты само собой разумеющимся фоном существования («А как же иначе?»), нейтральным к другим сторонам жизни. У русских внешняя линия поведения иная. Принято вести себя по образцу «благородного богатого аристократа», «бескорыстного бессеребренника» и, вообще, человека «широкой души». В

ходу такие выражения, как «Ну, что Вы! Это такие мелочи!», «Ну, что Вы! Оставьте себе!», «Не будем мелочиться!», «Не будем опускаться до таких мелочей!», и т.п. Часть русских действительно соответствует указанным образцам «аристократа» или «бессеребренника», но большинство — обыкновенные люди.

В результате русские удивлялись, когда немецкий рабочий подавал заявление в конфликтную комиссию, требуя исправить ошибку в начислении заработка, например, в 5 пфеннигов. Русский инженер-висмутянин рассказывал при мне, что он был членом конфликтной комиссии по вопросам оплаты труда и, узнав размер спорной суммы, счел ее смехотворной, вынул из кармана «эти пфенниги» и отдал немцу, чтобы не терять своего времени на заседание. Между прочим, немец взял деньги и снял претензию. Русские также удивлялись тому, что когда один немец дает другому по его просьбе сигарету (если свои вдруг кончились), то взявший автоматически платит за нее деньги. У нас дают сигарету бесплатно из «сочувствия к чужой беде». На какой-то советско-германской встрече, где присутствовали жены немецких висмутян, в какой-то момент образовалась группа из русских женщин и немок, прежде и потом не знакомых друг с другом. Начался «светский» разговор по-немецки на нарочито нейтральные женские темы, проходивший с некоторым напряжением, но обе стороны старались держаться с доброжелательным взаимным интересом. Кто-то предложил заказать по чашечке кофе. Официант стал спрашивать каждую женщину, «с молоком или без». Одна русская заказала кофе без молока. Одна из немок сразу же сказала: «Дешевый кофе». Русская насмешливо прокомментировала эту оценку в том смысле, что чайная ложечка молока, добавленная в маленькую чашечку крепкого кофе хорошего сорта, практически не удорожает его. Произнесла она этот комментарий, понизив голос и по-русски, так что услышала и поняла его только русская часть общества. Поясню, что отношения, даже поверхностные, с немецкой мужской частью «Висмута» были у русских проще, чем с их женами, не работавшими в «Висмуте». С мужчинами объединяла общая работа, а женщины были «terra incognita», как, видимо, и русские для них, да и языковой барьер был выше.

Разница в подходе к взаимным расчетам имеет, конечно, исторические корни, углубляться в которые я не берусь. В русской позиции есть достаточно слабых мест. У разных людей разные понятия о том, что такое мелочь. При ухудшении отношений двух лиц бессеребренность может смениться припоминаниями, кто кому когда-то не доплатил. Кого-то могут принять за более обеспеченного, чем он есть в действительности. Кто-то, подчиняясь общей моде, будет, скрепя сердце, отказываться

от сдачи. Если русский у себя на родине станет вести себя в этом узком смысле «по-немецки», то прослывет крохобором. В общем, русская позиция чревата сложностями, а немецкая позиция проста и удобна. Однако «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», и надо принимать оба варианта поведения как данность.

В СССР не было частной торговли, а какой она была в царской России мое поколение в деталях уже не представляло. В ГДР мы познакомились с небольшими частными магазинами. Порядки в них были для нас понятны, но непривычны. Открываешь с улицы дверь — автоматически звонит звонок, чтобы хозяева могли выйти в торговый зал, если они были в дальних помещениях. Обязательные взаимные приветствия. Если уже есть посетители, то следует молча ждать, пока подойдет твоя очередь. Если стоя в очереди, задашь продавцу даже короткий вопрос (например, есть ли у него вообще нужный тебе товар), то вызовешь всеобщее молчаливое осуждающее недоумение и ответа не получишь. С каждым посетителем предельно вежливый продавец занимается столько времени, сколько тому требуется. После того, как тебя обслужили, уходишь, обязательно простившись. У нас на родине магазины были государственными, а порядки в них были проще и грубее: практически ничего из перечисленного выше не соблюдалось, да, пожалуй, никто этого не ожидал и не требовал. Трехлетняя «немецкая выучка» привела к тому, что я в течение первого месяца после возвращения в СССР удивляла продавцов в Ленинграде своими «Здравствуйте!» и «До свиданья!». Через месяц я к всеобщему спокойствию вернулась в первобытное состояние.

Еще одно различие в области повседневного этикета касалось посещения туалета. У русских женщин и мужчин по отношению друг к другу принято по возможности вести себя так, как будто этой потребности не существует. Поэтому в туалет ходили, стараясь не привлекать к себе внимания. Немцы же рассматривали это как обыденность, не требующую никаких секретов. Иногда возникали неловкие ситуации. Например, я однажды была в каком-то малознакомом мне висмутовском подразделении — в стандартном казенном здании с обычной системой коридоров. Были какие-то служебные контакты с русскими и немецкими сотрудниками. Наступил момент, когда я пошла по коридору искать туалет. Очень любезный воспитанный незнакомый мне молодой немец догадался, что я ищу, и многословно что-то объясняя, подвел меня к нужному помещению и к моему почти что ужасу распахнул передо мной дверь. По-видимому, я должна была улыбнуться, поблагодарить его и степенно войти в туалет. Вместо этого я, смущенная до крайности, не глядя на оказавшего услугу человека, просто

юркнула в заветное помещение. Я успела заметить его обиженное недоумение.

У меня случались местные командировки, когда я ездила одна в дальние подразделения «Висмута» не на автобусе, а на висмутовской легковой машине. Эти час-два мы с очередным немецким водителем беседовали на разные темы и я узнавала что-нибудь интересное или полезное. Один раз водитель показал мне местную достопримечательность — стоящий на отшибе дом бывшего палача. Я не знала немецкого слова «палач», водитель достал из кармана немецко-русский словарь, и указал на нужное слово. Примечательно, что он возил при себе этот словарь. В другой раз я узнала, что фахверковые дома, которые тогда перестали строить (теперь опять строят, но на более высоком уровне), считаются старшим поколением немцев хорошими и очень теплыми, новые дома, дескать, хуже. Однажды я спросила, какая разница в значениях слов Burg и Schloß, и не поняла многословных объяснений водителя. Наконец, он нашел короткую формулировку: Burg — для войны, Schloß - для мира. Сейчас я нашла эти слова в словаре и увидела, что их значения размыты и перекрываются. Еще один, довольно молодой водитель при нашем обсуждении семейных проблем вообще и у немцев в частности, вдруг сказал мне, что немецкие мужчины — лучшие в мире по сугубо мужским качествам и что поэтому женщины от них не уходят. На вопрос, чем это объясняется, он ответил, что немцы узнают от своих отцов некий секретный прием. Раскрыть прием он отказался, то ли потому что это не годилось для разговора с женщиной, то ли потому что нельзя раскрывать национальный секрет. Мне не показалось, что он шутит.

Несколько раз мы с мужем были на концертах для немецких работников «Висмута», когда немецкие артисты выступали перед преимущественно немецкими зрителями. Музыкальные и танцевальные номера были нам, естественно, доступны полностью, а «текстовые» — частично. Когда в зале раздавался общий громкий смех, мы, кучка русских, выясняли друг у друга, кто что понял, и таким путем добивались до сути шутки, которая прозвучала со сцены. Мы обнаружили, что немцы — очень благодарные зрители и слушатели, во всяком случае провинциальные. Если есть хоть маленький намек на что-то смешное, они дружно и весело смеются. Русский зритель проявляет или считает нужным проявлять большую разборчивость и не смеется, если находит, что шутка слишком проста, несколько грубовата, «плоская», банальная, «не к месту» и т.д. Недаром наши русские гастролирующие артисты говорят, что на родине им труднее выступать, так как «русский зритель очень требователен».

Заключение

Когда мы с мужем приезжали из ГДР домой в отпуск, а после трех лет работы вернулись окончательно, родственники и близкие знакомые, принадлежавшие к старшему поколению и бывшие в основном образованными интеллигентными людьми, с острым любопытством расспрашивали нас о немцах и Германии. Поколение наших родителей помнило первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, выживало при советской власти, только что прошло через Отечественную войну 1941-1945 годов и теперь тоже выживало в бедности и напряжении под непрерывными струями лживой государственной пропаганды. Они родили, вырастили и воспитали нас, дали высшее образование и выпустили в свободное плавание. Судьбы России и Германии в обозримом прошлом всегда переплетались, немцев всегда у нас знали в разных ипостасях. Последняя недавняя война оставила самые кошмарные впечатления, немцы предстали в совершенно новом свете. Теперь, в исторической ретроспективе, мы лучше осознаем, что Германия после первой мировой войны стала качественно другой — гитлеровской, как и Россия — сталинской.

И вот нас с мужем, увидевших Германию собственными глазами, спрашивали, что же мы увидели, явно ожидая, как минимум, критических оценок. Мои ответы и мои рассказы о Германии читатель может представить по только что прочитанным воспоминаниям. Мои слушатели обычно спрашивали: почему ты хвалишь Германию? Она принесла России много горя, это зло творили немцы. Теперь, в униженном положении побежденных, они нас, конечно, особенно не любят. Как почему-то было принято у наших русских людей, при вопросах подспудно подразумевалось, что если кому-то нравится некая страна, то он хотел бы там жить. Смысл моих ответов был примерно таким. Все так, как вы говорите. Но я восхищаюсь Германией, самой по себе, отвлекаясь от ее взаимоотношений с другими странами и народами, с нами в том числе. Восхищаюсь ее землей, величайшим культурным наследием, высокой бытовой культурой, одаренностью, трудолюбием и дисциплинированностью народа. Жить там я не хочу и не могу. Я там чужая, с чуждым менталитетом, без языка, никому не нужная, принадлежу к народу, который для немцев является их победителем, а теперь оккупантом, навязывающим чуждую им систему государственного устройства. Я даже мысленно не примеряю

на себя тамошнюю жизнь — настолько это бесполезное занятие. Мне немцы и Германия нравятся только сами по себе и сами для себя.

Менталитет немцев полезнее для существования народа, чем менталитет русских, что очевидно по достигаемым результатам: уровню и качеству жизни. Русский народ рождает не меньший процент разнообразно одаренных людей, чем немецкий, но если речь вести о научно-технической области, то, видимо, наши особенности часто препятствуют практической реализации теоретических разработок. Однако русский менталитет — это мой менталитет со всеми его недостатками, но и со всеми его достоинствами. Для меня родными и естественными являются стихия русского языка, мелодии и слова народных русских песен и выражаемые в них чувства, русские пейзажи, особенности русского народного характера с его «загадочной душой» и стремлением к «высотам мысли и духа», даже определенное разгильдяйство, которое в немалой степени присуще и мне самой. Все перечисленное отразили русская классическая литература, музыка, живопись, на которых я была воспитана. Так как я выросла в геологической семье и сама всю жизнь работала в геологии, то я бывала во многих отдаленных районах России. Часто неделями и месяцами я жила в домах у сельских жителей, благодаря общению с которыми еще более укрепилось мое русское самосознание. Оторвавшись от русского мира, наверное, я почувствовала бы себя незащищенной, без почвы под ногами. Все, что я только что написала с раздражающим меня само пафосом, должно передать современному читателю, с одной стороны, умонастроение законопослушных людей в послевоенные годы, с другой стороны — мое неприятие их упрощенной точки зрения. Старшее поколение считало своим патриотическим долгом выказывать ревнивое и недоверчивое отношение к иностранцам за «железным занавесом», которое было наполовину искренним, наполовину объяснялось боязнью обвинений в антисоветских настроениях. Я же, стремясь к правдивому описанию ситуации, проявляла некоторое вольнодумство.

С тех пор прошло более чем полвека, многое в мире кардинально изменилось, и сегодня русские люди без проблем живут и в Германии и в других странах. Мне нравится, что теперь нет необходимости сравнивать качество жизни в разных странах с оглядкой на казенную идеологию.

Юрий Михайлович Горбачев

Прошло уже более 20 лет после моей последней командировки в ГДР, где я работал в советско-германском акционерном обществе «Висмут» более 18 лет. Я счастливый человек, счастливый геолог, которому довелось столько лет работать на уникальном, единственном в своем роде месторождении урана Шнееберг-Шлема-Альберода.

Как это было. 18 лет в СГАО «Висмут» (1958–1963; 1969–1975; 1981–1988)

Ю.М. Горбачев

Летом 1958 года я приехал с полевых работ в свой институт, там меня пригласили в деканат геологоразведочного факультета для встречи с московским представителем. После короткого знакомства он пригласил меня поехать на работу в подземных условиях, рудничным геологом для обеспечения добычи руд редких металлов в Германскую Демократическую Республику.

Я посоветовался с семьей и дал согласие, заполнил анкеты и через несколько месяцев в институт пришел вызов с указанием прибыть в Москву в начале сентября 1958 года. Через несколько дней мне выдали заграничные паспорта на всю семью (со мной была жена и 4-х летний сын).

Вспоминаю теплый сентябрьский день, я впервые пересек границу СССР, проехал всю Польшу и в конце дня вышел на перрон железнодорожного вокзала в городе Франкфурт-на-Одере. В туннеле встретилась группа пионеров-тельмановцев, которые пели песню под барабанный бой. Запомнился также специфический запах, запах створешего бурого угля.

На следующий день я был принят в 3 отделе Генеральной Дирекции, находившейся в поселке Зигмар, города Карл-Маркс-Штадт и занимавшей целый квартал за зеленым забором.

Я получил направление на объект № 9 города Ауэ на должность старшего инженера-геолога шахты № 366. Разместились в двух комнатах общежития, на первом этаже которого находились столовая и магазины промышленных и продуктовых товаров. Шахта в то время была на втором месте по добыче урана после шахты 38. Работали также шахты 66, 250 и 371 находившейся на стадии подготовки к эксплуатации.

Начальником шахты был Риттель Лео. В это время советский коллектив был уже небольшой: главный инженер, геофизик, начальник отдела контроля выпускной продукции и 3 геолога.

Первые месяцы было довольно трудно: немецкий язык — в объеме средней школы; на таком сложном месторождении была своя специфика геологоразведочных, горнопроходческих и очистных работ, а также ведения геолого-геофизической документации.

Кроме того был план и еще раз план по добыче урановой руды, который надо было

ежедневно выполнять. Распределение уранового оруденения было крайне неравномерным в плоскости жилы. Большую помощь в первый период работы оказывал главный геолог Лало Владимир Николаевич, кроме того прекрасно знающим немецкий язык. И я думал, смогу ли я также свободно владеть языком. Начал посещать языковые курсы и через полгода заговорил, участвовал в оперативных совещаниях и заседаниях. Меня хорошо встретили и немецкие сотрудники геологического отдела шахты — геологи Бойтнер Вернер и Майкснер Эрих, которые были квалифицированными специалистами с многолетним опытом работы на жильных месторождениях урана. Приходилось много работать с участковыми геологами, коллекторами, геофизиками, маркшейдерами при определении направления проходческих и очистных работ. На объекте 9 на территории шахты 186 работала камеральная партия геологического отдела предприятия, в составе которой был прекрасный геологический музей с образцами горных пород и минералами жильных формаций, помогавший в непосредственной производственной работе.

В 1961 году я уже был главным геологом шахты. Неожиданно в августе того же года я был переведен на работу в геологический отдел Генеральной дирекции на должность старшего районного инженера-геолога по жильным месторождениям Саксонии.

В это время я уже сносно говорил и писал на немецком языке. Даже выполнял поручение: один раз в неделю проводить в советском клубе перед киносеансом обзор прессы ГДР, с чем я довольно успешно справлялся.

Главным геологом СГАО «Висмут» в то время был Лященко К.П., а его заместителем по немецкой линии Файрер Карл, который закончил геологоразведочный факультет в Ленинграде и прекрасно говоривший на русском языке.

Главным геофизиком СГАО Висмут был Игорь Александрович Лучин. В 1954 году мы оба закончили учебу, получили специальности горных инженеров геофизика и геолога. И тут судьба нас разлучила. Игорь уехал на работу по распределению, а я остался на преподавательской работе в институте. В 1958 году я был направлен на работу в ГДР на предприятие, которое занималось подземной раз-

работкой урановых руд. И тут я встречаю Игоря. Он уже 4 года работает в СГАО «Висмут», занимая должность главного геофизика.

Это была большая радость встретить однокашника, который тут же поделился особенностями работы в ГДР. И.А. Лучин почти 30 лет работал в урановой промышленности. Главный геофизик Киргизского горнорудного комбината 1959 — 1972 годы, главный геофизик СГАО «Висмут» 1972 — 1980, затем по 1983 снова на Киргизском комбинате. Вместе мы снова работали в ГДР в семидесятые годы.

В эти годы он уже кандидат геолого-минералогических наук. И с 1983 года в г. Санкт-Петербурге заведующий отделением специальных исследований и заместитель директора института «Рудгеофизика» им. А.А. Логачева.

Во время работы в СГАО «Висмут», а затем и в Петербурге занимался научно-исследовательской работой, результаты, которой он и его сотрудники активно внедряли в производство.

Разработал и внедрил ядерно-геофизические методы для повышения эффективности разведки, добычи и переработки нерадиоактивного сырья. Обосновал и предложил использовать изменение концентрации радона и других газов при прогнозе землетрясений, горных ударов и эндогенных пожаров. В этой области с группой специалистов было сделано научное открытие и ряд изобретений. И.А. Лучин награжден орденом и медалями СССР и ГДР, знаком «Шахтерской славы» II и III степени.

Мы встречались с Игорем в Москве, Петербурге и всегда это были радостные встречи с воспоминаниями о работе, о людях, с которыми работали. Он всегда отличался большим стремлением помочь друзьям.

Во время работы в ГДР он прекрасно руководил коллективом советских и немецких геофизиков.

Главным геологом ГДП-9 АУЭ работал Токарев И.В.

Вспоминаю две очень интересные производственные экскурсии. Несколько советских геологов в сопровождении Карла Файрера (кто это?) познакомились с работой предприятия по добыче медных руд в г. Мансфельде. Очистные работы там велись по пологим залежам с высотой очистного пространства 55–60 см. До сих пор сохранился образец углистых сланцев с отпечатками древних рыб. По дороге обратно посетили памятник Фридриху Барбаросе Рыжебороду. Вторая экскурсия была по Тюрингии с посещением различных обнажений гранитов. Историю образования и состава различных гранитоидных рассказывал известный специалист профессор Коптев-Дворников.

В апреле 1963 года закончилась моя

первая командировка в ГДР.

Вернулся в Свердловск, где почти 6 лет работал главным специалистом-геологом в проектных организациях города.

В 1969 году был вызван снова в 8 управление I главка министерства и началась моя вторая командировка в СГАО «Висмут». Как и в первый раз был назначен главным геологом шахты ГДП-9 Ауэ.

На предприятии были упразднены производственные единицы добычных шахт. По вертикали рудного поля организованы горные районы. Горный район проводил работы на нескольких горизонтах, например горизонты — 1035 и 1080 относились к одному горному району, а 1125 и 1170 — к другому. Остались две эксплуатационные шахты 366 и 371. Работать стало сложнее, так как оруденение было локализовано в крутопадающих жилах, которые, как правило, пересекали несколько горизонтов, а те часто относились к различным горным районам. Главным геологом ГДП 9 Ауэ работал в это время Непочатых В.П., прекрасно владеющий немецким языком и пользующийся большим авторитетом в коллективе предприятия. Он к этому времени защитил кандидатскую диссертацию по методике проведения подсчета запасов месторождения. Я начал работать на горном районе №1 (горизонты 1125, 1170, 1215). Еще одно изменение: высота эксплуатационного этажа изменилась, если раньше она была 30 м, то теперь 45. Работать было уже легче, хорошо знал методику проведения геологоразведочных, горнопроходческих и очистных работ. В работе обходился без переводчика.

В конце 1970 года снова был переведен в геологический отдел Генеральной дирекции на должность

И.А. Лучин (5-й слева) с руководителями Первого управления и научными работниками отделения специальных исследований ВИРГа, 1986 г.

Гетц Готтхольд, заслуженный горняк ГДР, работал бригадиром на шахте 371.

Минералы из музея на шахте 371

районного инженера-геолога. В это время начали готовить к эксплуатации месторождение Хемерляйн-Телерхойзер, где кроме того проводились разведочные работы на рудопоявление олова. В предыдущие годы там была пройдена штольня длиной более 7 км, из которой две слепые шахты вскрывали урановое месторождение. Главным геологом «Висмута» в это время был Данильянц А.А.

Был очень сложный период в работе, когда вскрывалось новое урановое месторождение и разведывалось оловянное. Работал в тесном контакте с районным инженером производственного отдела (забыл его фамилию). Часто выезжали на месторождение в Ауэ. В 1974 году главным геологом Висмута стал Портнов В.К.

В октябре 1975 года закончилась вторая командировка. Возвратился в Свердловск на прежнюю работу в проектный институт.

В течение 25 лет Генеральным директором предприятия работал Волощук С.Н. Он пользовался большим авторитетом среди советских и немецких специалистов, а также в Правительстве ГДР.

Должен отметить, что в коллективе советских специалистов проводились в нерабочее время много общественных мероприятий, спортивные встречи по легкой атлетике, волейболу, шахматам, стрельбе, городкам, футболу. Работали кружки художественной самодеятельности. В выходные дни большой популярностью пользовались экскурсии по достопримечательным местам ГДР, выезды на охоту и рыбалку. Мы с женой и сыном встречались с семьями моих немецких коллег.

До сих пор с большой теплотой вспоминаю встречи с семьями Бойтнера Вернера, Майкснера Эриха, Готтсмана Йохима, Линкерта Карл-Хайнца. Некоторых из них уже нет в живых. В 1986 году в больницу г. Эрлабрун познакомился (лежал в одной палате) С Гетц Готхольдом. Он работал в это время бригадиром очистной бригады на горизонте -1665 м. шахты 371. Это заслуженный горняк ГДР, награжден орденом трудового красного знамени и знаком шахтерской славы I степени (советские награды) Дружба с ним продолжается по настоящее время, мы встречаемся почти каждый год.

Третья командировка была наиболее длительной: с мая 1981 года по июль 1988 года. Вначале главный геолог шахты (горный район №4), затем начальник геологического отдела предприятия и с весны 1984 года — главный геолог ГДП 9 Ауэ. В это время горные районы располагались на шахтах 366 и 371, а также на Телерхойзере. На месторождении Шлема-Альберода разведочные и эксплуатационные работы велись уже практически на глубине 2 км. (горизонты 1620,1665,1710 м). Были подсчитаны запасы, но технология извлечения серебра? из-за высокого содержания мышьяка оказалась очень дорогой.

В это время из-за высокой стоимости урана были рассчитаны многочисленные варианты отработки запасов месторождения. Работой геологической службы Висмута руководил Данилов Ю.С., а после его смерти Гусаков Е.И. В июле 1988 года закончилась моя командировка, практически за два года до ликвидации СГАО «Висмут».

В течение 25 лет Генеральным директором предприятия работал Волощук С.Н. Он пользовался большим авторитетом среди советских и немецких специалистов, а также в Правительстве ГДР.

Интересные встречи произошли за последние два года. В 2958 году я работал на шахте 366 с инженером горняком Хиллером Эрнстом (Hiller Ernst). В 1987 году на работу в отдел прибыл его сын Аксель, выпускник Московского геологоразведочного института. Впоследствии мы встречались с Акселем в 2010 году он занимался систематизацией геологической документации всех месторождений Висмута, уже после закрытия предприятия, там же был и геологический музей.

В 2011 и 2012 я встречался с отцом Акселя Эрнстом. Долго вспоминали 1950-1980 годы, людей с которыми работали.

Во время первой командировки помогал проводить уроки русского языка для немецких товарищей. В это время в Зигмаре существовал самодеятельный инструментальный оркестр, где я вел конференс. Мы ездили с концертами на ближайшие немецкие предприятия.

Любимым местом прогулок в Ауэ была тропа, вдоль которой тек ручей Флоссграбен. Это искусственное сооружение было построено в XVI веке для сплава небольших полееньев из г. Чопау до Шлемы. Мы с женой часто гуляли вдоль ручья до Чопау, там находился небольшой ресторан, где мы иногда обедали.

В Ауэ около советского поселка на Флоссграбене находились два теннисных корта. Несколько раз нас навешали сын с внучкой Дашей, она занималась большим теннисом в Свердловске, там мы познакомилась с вла-

дельцем кортов, Вайсом Гюнтером (Weiss Gunter). До пенсии он работал на почте. Он стал тренировать внучку во время ее пребывания в ГДР. Постепенно мы подружились с Гюнтером. Уже после окончания командировки, мы приезжали к нему в гости. К сожалению, в августе 2002 года Гюнтер скончался не дожив до 80-летия несколько месяцев. Я и в настоящее время поддерживаю отношения с вдовой Гюнтера, а во время моих посещений Ауэ, мои цветы всегда лежат на его могиле.

Анатолий Андреевич Рудычев

Анатолий Андреевич РУДЫЧЕВ родился в г. Харькове 20 марта 1936 г., доктор наук, профессор, академик РАН, первый проректор Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Воспоминание о «Висмуте» (1976 – 1982 гг.)

Мой путь в горняцкую профессию начался с момента поступления на учебу в Харьковский горный техникум в 1951 году, хотя это было не совсем просто, так как конкурс в то время был довольно высоким, составлял 11 человек на место. Мой выбор основывался на том, что, во-первых, все учащиеся обеспечивались почти бесплатно прекрасной горняцкой формой, во-вторых, более высокой стипендией по сравнению с другими техникумами и, в третьих, этой профессией гордились, о ней слагали стихи и песни, она была на слуху. Это было важно и с материальной точки зрения, так как отец мой погиб на фронте, а я остался с мамой.

Окончив техникум с отличием, я в счет пяти процентов был направлен для продолжения учебы в институт. После окончания института, который закончил также с отличием, работал в Донбассе на шахтах трестов «Горловскуголь», «Кадиевуголь», «Лисичанскуголь» в должностях в начале помощника, а затем — заместителя главного инженера шахты.

Во второй половине прошлого столетия горнометаллургическая отрасль СССР подошла к необходимости освоения новых, более сложных месторождений руд черных и цветных металлов. К этому времени страна начала ощущать рост дефицита железорудного сырья для черной металлургии.

Одна из первоочередных проблем состояла в освоении железорудных богатств КМА, находящихся в сложных горно- и гидрогеологических условиях, и тем самым создания самодостаточной металлургической базы страны. Именно для решения этой проблемы был образован в составе Госстроя СССР в г.

Белгороде научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт по осушению месторождений полезных ископаемых — «ЦНИИгоросушение» в последствии ВИ-ОГЕМ. Здесь я начал научную деятельность в должности ученого секретаря института и руководителя научно-исследовательской лаборатории. Некоторое время работал в учебном институте БТИСМ в должности заведующего кафедрой и одновременно деканом строительного-технологического факультета.

Осенью 1974 г. с подачи Бориса Петровича Карпенко, работавшего в то время в «Висмуте», и по рекомендации Льва Васильевича Крупкина, работавшего там же и в то время, находящегося в г. Белгороде в отпуске, мне поступило предложение выехать на работу в «Висмут» на три года. Некоторое время мы с женой раздумывали, но потом уже предложение поехать на работу в «Висмут» мы приняли без колебаний.

В начале марта 1976 г. в БТИСМ пришло письмо за подписью заместителя начальника 8-го Управления Валентина Павловича Назаркина с уведомлением об окончании оформления и просьбой командировать меня с женой и дочерью в распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР.

19 апреля 1976 г. я с женой пересекли границу ГДР и прибыли во Франкфурт-на-Одере. Дочь пока оставалась в г. Белгороде заканчивать восьмой класс средней школы. Нас любезно встретили и отправили в Зигмар, куда мы прибыли глубокой ночью. Там нас разместили в советском клубе в комнатах, оборудованных под гостиницу.

Как говорится, все познается в сравнении. И все же. С первого и последующих дней пребывания было что сравнить. Это

А.А. Рудычев

Вместе с немецкими коллегами мы участвовали в праздничных демонстрациях и митингах, Ауэ, 1969 г.

Первомайская демонстрация. А.А. Рудычев (в центре) с немецкими коллегами Карл Маркс Штадт. 1974 г.

А.А. Рудычев за рабочим столом. Зигмар. 1970-е гг.

прекрасные дороги; чистота улиц, дворов, подъездов; чистота до блеска стекол оконных рам; свисающие с балконов жилых домов прекрасные цветы; с немецкой четкостью, точностью и аккуратностью выполнения правил дорожного движения автомобильным транспортом и пешеходами; законов и предписаний; нарядные витрины магазинов с обилием непустых полок и приветливые люди.

Утром за мной заехала машина и я отправился в Гендирекцию. После соответствующих бесед со мной я был направлен в отдел ГД по разработке норм расхода материалов на должность старшего инженера, меня встретили доброжелательные, отзывчивые люди. Для меня эта работа была уже знакома по Донбассу. Я сразу ощутил, что попал, хотя и в небольшой (2 советских и 3 немецких специалиста), но слаженный высококвалифицированный коллектив. Возглавлял отдел Н.Е. Быканов. Курировал его непосредственно главный инженер СГАО «Висмут» Л.М. Тормышев.

Мы составили план наших работ и первоначально начали основательно знакомиться с материально-техническими и социально-экономическими условиями производства на горнорудных предприятиях общества.

Поэтому мы побывали на всех предприятиях в Гере, а также объектах №9 АУЭ и Кенигштайне. Все это позволило нам разработать методику расчета норм расхода материалов и осуществлять сам расчет на ЭВМ. «Висмут» располагал современным по тому времени ЭВМ типа ЕС.

В работе было чему поучиться у немецких коллег, но были основания передать и свой опыт. Совместный коллектив жил и работал одной дружной командой, поэтому работать было легко и эффективно.

Результаты работы несколько раз докладывались на всевозможных совещаниях при главном инженере общества и получили одобрение.

Проработал год с небольшим в этом от-

деле, работа мне нравилась, но в отпуск на Родину я не поехал. К тому времени дочь заканчивала в Союзе восемь классов, жена привезла ее в Зигмар и они отправились в пионерский лагерь в Цинновиц. Дочь в качестве отдыхающей, а жена — воспитателем.

Спустя некоторое время, меня пригласили зайти в Гендирекцию к начальству. Наш отдел находился в другом здании.

Там мне сообщили, что есть мнение назначить меня начальником отдела организации производства в ОВЦ ГД. Сформулировали задачи, которые должен решать отдел. Я дал согласие, мне пожелали успехов в работе.

Я не задавал вопроса «что мнение?» Ибо уже был научен на своем горьком опыте, т.е. имел неосторожность задать такой вопрос.

Это было в свое время в Донбассе. Там бытовала практика перевода с одной шахты на другую, не спрашивая твоего согласия, а сообщалось: «Для усиления руководства шахтой» или «для повышения добычи», или «повышения уровня механизации очистных и подготовительных работ» и т.д., «есть мнение перевести тебя на такую-то шахту». И вот однажды на шахту, куда я недавно был переведен и не успел еще как следует навести порядок в своем хозяйстве, поступил сигнал прибыть в трест к управляющему. Я прибыл, в кабинете кроме управляющего сидел еще и секретарь райкома партии. И я услышал из его уст «есть мнение...» Я опрометчиво, видимо, по-молодости задал вопрос: «Что мнение?» В ответ я услышал весь набор шахтерских выражений каких я еще и не слышал. А в довершение всего было сказано: «Иди и думай положительно. Завтра утром ответ». Я тут же дал согласие на перевод и зарекся впредь никогда не задавать такой неуместный вопрос.

На следующий день в ОВЦ ГД, куда я был переведен на должность начальника отдела, меня встретили не настороженные люди, а радушный доброжелательный коллектив, где даже выступили двое коллег, заверив, что наш дружный работоспособный коллектив, живущий и работающий одной командой, справится с поставленными задачами. Это ободрило меня и придало уверенность в успехе дела. И, как показал в последствии опыт работы в этом коллективе, те слова были сказаны не напрасно и не на ветер.

Нам предстояло, по сути дела, разработать техпромфинплан предприятия, программу его расчета на ЭВМ, а также процедуру контроля его выполнения в годовом, квартальном, месячном и декадном разрезе. Особую трудность в этой работе

составляла организация информационного обеспечения, так как большая часть технико-экономических показателей была засекречена. Выполнению поставленной задачи способствовали наряду с другими факторами, еще товарищеские и уважительные отношения среди советских коллег как в самой ГД, а также и на объектах. С особой симпатией вспоминаю В. Борисовского, А. Виноградова, В. Суворова, С. Алипова. Неоценимую помощь в работе оказывали Л. Бородин, Ю. Ширшов со своими коллективами, Г. Лисовский, Е. Лезгинцев. Особо теплые дружеские отношения устанавливались с немецкими коллегами. Среди них мои личные друзья: Г. Меш, зам. начальника отдела; З. Майер, проф. организатор ОВЦ; Д. Майер, зам. руководителя ОВЦ; П. Мюллер, инженер. Все они высококвалифицированные специалисты, посвятившие много лет «Висмуту». Часто мы семьями посещали друг друга. Как говорили тогда, укрепляли советско-германскую дружбу.

Наряду с основной работой выполнялась большая общественная работа. В 1977 г. я был избран заместителем председателя профкома СГАО «Висмут» и исполнял эту общественную нагрузку в течение пяти лет. Создание условий отдыха и досуга были всегда в центре внимания руководства и профсоюзной организации.

Для этих целей была построена сеть санаториев, домов отдыха, спортивных центров и пионерских лагерей. Организация их работы входила в функции профкома.

Кроме того, в деятельность профкома входила организация и проведение в каникулярное время отдыха в пионерских лагерях «Цинновиц» (Балтика), «Табарц» (Тюрингия), «Розенталя» и «Митвайда» (Саксония). Организовывались и проводились постоянно двухдневные выезды в дома отдыха Бад-Бланкербурга, Бад-Шандау, Розенталя, Табарца и др. Для знакомства с историческими и культурными достопримечательностями организовывались регулярные автобусные экскурсии, в Дрезденской картинной галерее для женщин работал институт культуры.

Работники «Висмута» через профком обеспечивались санаторно-курортными путевками в СССР, а также легковыми автомобилями. Проводились ежегодные грандиозные спортивные праздники по многим видам спорта в АУЭ и Гере. Не менее интересно и с большим размахом проводились смотр художественной самодеятельности пообъектные, а лучшие из лучших принимали участие в галаконцерте в Зигмаре. Выступления художественной самодеятельности были настолько популярны, что ее участников приглашали выступать в Посольстве

СССР в Берлине, а также в воинских частях. Организовывались и выполнялись и другие мероприятия, перечислить все их практически не возможно.

Несколько слов об охоте. Многие работники Общества, в том числе и я увлекались охотой и стендовой стрельбой. Охотились на зайцев, уток, кабанов, оленей, косуль. Нравилась, конечно, загонная охота. Вообще охота проводилась по субботам круглый год в зависимости от вида дичи и способа охоты: с сидок или загонная. На загонную охоту назначался старший. Наибольшим авторитетом старшего пользовался, в мое время пребывания в ГДР, Б.П. Забелин и В.В. Лопатин. Охота, как правило, была успешной, так как дичи в этих местах было предостаточно. По окончании охотничьего сезона в советском клубе устраивался праздничный вечер охотника и рыбака.

Не работой единой мы жили в Зигмаре. Советский коллектив специалистов — это тоже была одна большая семья. И на все хватало времени и здоровья. Все чувствовали себя полными сил и энергии. Особо хочется отметить группу наших врачей, работавших под руководством В.И. Савицкого, всегда были готовы прийти на помощь.

В заключение хотел бы отметить тех с кем подружился в Зигмаре, многих вспоминаю с особым теплым чувством. Это В. Савицкий, Г. Андреев, М. Янушенко, В. Кара, В. Храпов, Г. Бродов, Г. Лисовский, Г. Балашов, О. Кастуев, В. Василенко, В. Дорожкин.

«Висмут» самое светлое пятно в моей жизни. Это время интересной динамичной работы, дружба и тесные отношения с коллегами породили добрые чувства ко всему немецкому народу.

Светлая память об этой работе и людях с которыми я трудился и дружил навсегда останется в моем сердце.

Glück auf!
г. Белгород, 2012 г.

Бад-Шандау (немецкая Швейцария). Прогулка возле дома отдыха. А.А. Рудычев, Г.А. Рудычева.

Баутцен. Удачная охота. А.А. Рудычев с трофеями.

Николай Иванович Жалин

Николай Иванович ЖАЛИН, 1927 г. р., горный инженер, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Работал в САО «Висмут» с июля 1950 г. по июнь 1955 г. (1950-1953 гг. — Объект 7, 1953-1955 гг. — ПТО Главного управления).

Мои воспоминания о работе в СГАО «Висмут»

Ю.М. Горбачев

В июле 1950 г., после окончания Московского Горного Института меня направили на работу в САО «Висмут». Одновременно в эту организацию были направлены многие выпускники МГИ этого года. По каким критериям отбирались будущие сотрудники, нам не говорили. Все проходило в обстановке секретности. В ГУСИМСе выдали «подъемные» деньги, отобрали дипломы и паспорта, выдали загранпаспорта синего цвета и назначили день отъезда. Сказали, что работать будем по специальности. Из нашей учебной группы МГИ по разработке рудных месторождений одновременно со мной были направлены в САО «Висмут» Г.Н. Прохоров, В.И. Богданов, Н.И. Бирюков, В.И. Никаноров, В.А. Лыткин, В.А. Симаков, В.П. Родина.

По прибытии в Главное управление я был назначен на должность инженера по механизации горных работ производственно-технического отдела 7-го Объекта. Управление 7-го Объекта находилось в городе Беренштайне. Осенью 1950 г. к седьмому Объекту присоединили предприятия 4-го Объекта, и Управление было переведено в г. Аннаберг. В марте 1951 г. меня назначили главным инженером шахты «Нидершлаг» 7-го Объекта. К этому времени шахта была нормально обустроена. Обеспечено электроснабжение, работала компрессорная, в выработках проведены водо- и воздушные трубопроводы, бурение шпуров производилось мокрым способом. Осуществлялась принудительная вентиляция, работал общешахтный вентилятор. Тупиковые забои проветривались с помощью вентиляторов местного проветривания. Шахтное поле было вскрыто тремя параллельными штольнями и двумя вертикальными стволами. Из крайних штолен были пройдены слепые стволы, соединенные квершлагом на нижнем горизонте. Выше действующих штолен ранее были пройдены еще штольни, но они были обрушены, поскольку месторождение выше них было отработано. Выходы из действующих штолен и шахтные стволы на поверхности охранялись советскими пограничниками. На обслуживании геофизической аппаратуры и на подземном складе взрывчатых материалов работали так же советские военнослужащие.

Штольни располагались на склоне горы. Ниже их у подножья горы протекал ручей, по

которому проходила граница с Чехословакией. Ниже штолен, но выше ручья была пройдена средневековая штольня. С поверхности она засыпалась и была вскрыта нашими выработками. Штольня проходила по рудной жиле, высота ее 1,6-1,7 м, ширина 0,7-0,8 м. Это свидетельствует, что в районе Нидершлага горные работы велись издревле.

На шахте советскими сотрудниками в марте 1951 г. работали, помимо меня, начальник шахты, инженер по буровзрывным работам, геолог шахты и главный механик. Через месяц начальник шахты был переведен на другое место работы, и мне пришлось работать и за главного инженера и за начальника шахты.

Наиболее трудным и памятным периодом работы в САО «Висмут» — это была работа на шахте. Выпускники института почти не имели производственного опыта. Мне удалось во время учебной практики поработать два месяца горным мастером — начальником смены. Многие и такого опыта не имели. Теперь приходилось самостоятельно решать производственные вопросы, быстро принимать решения не ожидая подсказки, уметь работать с людьми. С благодарностью вспоминаю своих старших наставников: начальника шахты «Нидершлаг» И.П. Серова, начальника шахты «Хаммер» Т.П. Слободяника.

Известно, что все работы на шахте ведутся по распоряжению и под контролем главного инженера и начальника шахты. Обычно мой рабочий день состоял из 10 часов на шахте и часто еще 1-1,5 часа в Управлении Объекта, где приходилось решать различные вопросы, относящиеся к работе шахты. Иногда приходилось выезжать на шахту в ночное время для проведения наряда работы ночной смены. Работы на шахте велись круглосуточно. Так же все это время необходимо было знать о положении на шахте. Нередко приходилось в ночное время по телефону разрешать возникшие затруднения в работе на шахте. Часто это было необходимо договариваться с охраной о допуске в шахту рабочих и мастеров из других смен, вызванных на работу вместо не явившихся по какой-либо причине. Описанный режим работы руководителей был, вообще, на всех шахтах. Конечно, там,

где коллектив шахты был меньше, и забот было меньше.

В начале работы на шахте у меня уже было знание до 100 или более немецких слов. На шахте быстро этот запас слов увеличился до 300-350. В основном связанных с работой. Это позволяло вести разговор с немецким персоналом на производственные темы. Увы, не всегда грамматически правильно, но мы понимали друг друга. В управлении шахты была немецкая переводчица. Но она привлекалась для перевода только на совещаниях и при приеме посетителей. Во время сменных нарядов и при посещении горных работ обходились без переводчика. Тем более что некоторые немецкие ИТР понимали русскую речь. Были случаи, когда немецкие работники просили переговорить с ними по рабочим или житейским вопросам без посторонних лиц. Кое-как, но объяснялись, понимая друг друга. Конечно, было бы хорошее знание немецкого языка, работать было бы легче и успешнее. Вообще, отношения немецкого персонала и советских сотрудников на шахте было благожелательным. Этому способствовало и уважительное отношение советских сотрудников к немецким работникам. Конечно, мы не забывали, что многие из немецких работников, в том числе и ИТР, в недавнем прошлом воевали против советского народа. Это вызывало у нас внутреннее напряжение. Но внешне мы не проявляли свое отношение к их прошлому. На шахте же мы совместно выполняли работу, столь важную нашей Родине.

Весной 1952 года к шахте «Нидершлаг» присоединили соседнюю шахту «Хаммер». При объединении меня назначили главным инженером, а начальником шахты Т.П. Слободяника. Но через пару месяцев он уехал, и мне снова пришлось работать и за начальника и за главного инженера. В объединенной шахте работало более 2600 человек. Из них около 800 забойщиков. В одновременной работе находилось до 200 проходческих забоев и очистных блоков. На шахте было 8 горных участков. В разрабатываемом месторождении не было компактных богатых рудных залежей и приходилось проходить много разведочных и подготовительных выработок для обнаружения отдельных рудных «очагов». Планы горнопроходческих и очистных работ коллектив шахты всегда выполнял успешно. Но с планом по металлу были большие затруднения. В течение месяца приходилось часто переводить проходчиков в другие забои для усиления работ в обнаруженных рудных местах. Это весьма усложняло организацию горных работ, но позволяло выполнять и план по металлу. При проходке горных выработок применялись забойные

перегрузатели и пневматические погрузочные машины. Очистные блоки обрабатывались в основном системой горизонтальных слоев с закладкой. Вначале отбивалась рудная жила. Руда спускалась через рудоспуски. Затем отбивался слой полностью. Лишняя порода также выдавалась через рудоспуски. Богатую («штуфную») руду сразу грузили в специальные ящики и по восстающему выносили на штрек.

Большую заботу приносила скоростная проходка выработок. Таковой считалась проходка более 75 м в месяц. Вообще, производительность труда на такой проходке была меньше в 1,5 раза, чем на обычной. Два забойщика, работая в одну смену, проходили 20 м и более в месяц. Четыре в 2 смены — 35 м в месяц и более. Для проходки 75 м/месяц требовалось девять забойщиков, работающих в 3 смены. Кроме того, выделялся дежурный взрывник в каждую смену. Забойные работы прекращались на время зарядки шпуров и проветривания, тогда как при проходке в 1 и 2 смены эти операции осуществлялись в нерабочую смену. Скоростная проходка требовала и весьма напряженной работы по откатке породы, обеспечению буровым, крепежным материалами. Необходимости скоростной проходки для шахты, вообще, не было. Но руководство Объекта требовало ежемесячно такую проходку одной-двух выработок. Приходилось выполнять.

Во второй половине 1952 г. на шахте из советских сотрудников остались только я и геолог шахты. Помощником главного инженера по горным работам (оберштайгер) был немецкий сотрудник. С момента объединения шахт им работал Пауль Буркерт, опытный горняк и хороший организатор. На шахте сложился опытный коллектив начальников участков, служб и мастеров смен. Активно работали профсоюзная организация и СЕПП.

Однако в связи с тем, что на Объекте в это время была нехватка советских горных специалистов, меня в 1952 году не пустили в очередной отпуск. В июне 1953 г. в некоторых районах ГДР прошли антиправительственные выступления. Но на шахте «Нидершлаг» обстановка была спокойной и все работы шли в обычном режиме. Однажды в июне (число не помню) ко мне в кабинет на шахте зашли два майора МВД из Главного управления со своей переводчицей. В это время шла дневная пересменка. В кабинет заходили начальники участков, смен для уточнения горных работ и по другим вопросам. Разговор с ними у меня велся на немецком языке. После ухода немецкого посетителя переводчица переводила для майоров разговор на русский. Но она не знала горной терминологии,

и приходилось поправлять ее перевод. После окончания пересменки майоры спросили у меня об обстановке на шахте. Ответил что обстановка нормальная, рабочая. Мне в то время ничего не было известно о событиях в других районах ГДР. Только позднее стало понятно, что майоры приезжали для изучения положения в районе. Вероятно, они были довольны увиденным. Возможно поэтому руководство Объекта решило не пускать меня в отпуск и в 1953 году. Пришлось добиваться отпуска у зам. по кадрам генерального директора САО «Висмут». К этому времени на шахте работало пятеро советских специалистов: начальник шахты, инженер по буровзрывным работам, геолог шахты, инженер по механизации, экономист. Пополнение было молодыми специалистами, прибывшими на Объект.

Еще о событиях июня 1953 года. Вдруг однажды солдаты прибыли на работу вооруженными винтовками. Им было приказано все время работы винтовку иметь при себе. Пришлось срочно по телефону связаться с командиром батальона, в котором служили солдаты, и объяснить, что винтовка в подземных выработках бесполезна и скорее опасна для самого солдата. И как солдат-радиометрист с аппаратом и винтовкой будет передвигаться по восстающим и очистной ленте. Там с винтовкой не развернуться, тем более стрелять. Появляться с огнестрельным оружием в складе ВМ запрещено правилами безопасности. Хорошо, что комбат понял, и винтовки увезли обратно. Я сообщил об этом начальнику Объекта. Оказывается, подобное происходило и на других шахтах. Начальник Объекта договорился с военным командованием и больше солдаты с винтовками на шахтах не появлялись. Как было на других Объектах САО «Висмут» я не знаю.

Бытовые условия проживания советских сотрудников на 7-м Объекте нареканий не вызывали. Семейные жили в отдельных квартирах, холостые имели каждый по комнате в 2-3-х комнатных квартирах. В распоряжении коллектива советских сотрудников был кинотеатр, где часто шли советские фильмы, устраивались танцы. Имелись спортзал с волейбольной площадкой и открытая волейбольная площадка. В летнее время устраивались пикники с выездом сотрудников на природу, на озера в окрестностях города. Широко отмечали свадьбы, дни рождения, советские праздники. Организовывались поездки в город Зигмар на концерты советских артистов (когда они там выступали), в музеи других городов республики. Среди советских сотрудников было много молодежи, коллектив был дружным. Все это позволяло нескучно проводить свободное от работы время. Для советских сотрудников

имелся специальный промтоварный магазин, но не возбранялось делать покупки в немецких магазинах. Питание было организовано так же в специальной столовой. Вместе с тем, работали мы в режиме повышенной секретности. Во избежание возможных провокаций нам запрещались внеслужебные отношения с местным населением. Особенно такое положение строго соблюдалось до апреля 1953 года. Это не позволяло забывать, что мы находимся не на Родине, и что в республике могут быть враждебно настроенные люди. Конечно, совместные мероприятия с немецкими работниками проводились (например, профсоюзные собрания на шахте, Объекте и др.), но они носили организованный характер. Позднее совместные мероприятия с немцами были более разнонаправленными.

Одновременно со мной на 7-м Объекте работали:

- Гришин Алексей Васильевич — начальник Объекта. 1950 — 1952 г.
- Мигунов Петр Семенович — главный инженер Объекта. 1950 — 1952 г.
- Степанюк Василий Иванович — нач. Объекта после А.В. Гришина
- Русаков Анатолий Петрович — начальник ОТК Объекта
- Сенин Владимир Дмитриевич — начальник шахты
- Мальченко Юрий Иванович — инженер по механизации шахты
- Толмачев Юрий Иннокентьевич — геолог шахты
- Короткова (Русаква) Анна Михайловна — инженер-экономист планового отдела
- Лазарева (Лисовская) Мария Петровна — инженер-экономист планового отдела
- Михайлова (Прохорова) Тамара Ивановна — инженер по нормированию
- Лисовский Георгий Дмитриевич — главный инженер шахты
- Кост Георгий Николаевич — инженер ОТК Объекта
- Дорохов Борис Васильевич — начальник планового отдела Объекта
- Жуков Вениамин Семенович — начальник шахты
- Смирнова (Жукова) Анна Трифоновна — бухгалтер планового отдела Объекта
- Шульгин Владимир Иванович — геолог шахты
- Соснова Мария Романовна — геолог шахты
- Савинская Антонина Александровна — техник-механик связи

- Сень Нина Степановна — инженер-строитель ПТО Объекта
- Бахирев Виктор Максимович — инженер-механик, начальник компрессорной службы
- Калиничева (Семибратова) Алевтина Аркадьевна — техник-геолог
- Свиридова (Михайлова) Раиса Яковлевна — инженер-экономист планового отдела
- Роганова Лия Павловна — техник-картограф
- Серов Иван Петрович — начальник шахты
- Слободяник Тихон Петрович — начальник шахты
- Кудрякова Елена Антоновна — инженер-экономист планового отдела
- Божко Лариса Михайловна — инженер-экономист планового отдела
- Стародубровский Юрий Иванович — главный механик шахты
- Назаркин Валентин Павлович — главный инженер шахты
- Скозобцов Борис Сергеевич — главный инженер шахты
- Чигогидзе Александр Сильвестрович — геолог шахты
- Захаров Анатолий Кириллович — геолог шахты.

Выше перечислены сотрудники, с которыми мне приходилось вместе работать и часто общаться. Разумеется, которых удалось вспомнить. Должности указаны те, которые они занимали во время моего пребывания на Объекте. Вообще, многие сотрудники часто переводились на другие должности и на другие Объекты «Висмута» или уезжали на Родину. Но все они достойно выполняли возложенные на них обязанности. С теплотой их вспоминаю, товарищей по совместной работе и проживанию в ГДР.

После отпуска в октябре 1953 года, меня перевели в производственно-технический отдел Главного управления, где поручили заниматься вопросами вентиляции рудников САО «Висмут». Моя работа заключалась в контроле и, при необходимости, в технической помощи в организации вентиляции. Начальником ПТО в то время был Чесноков Николай Иванович. Из сотрудников помню инженера-механика Гаранина Семена Александровича, районных инженеров Миккуевича Анатолия Петровича, Бегинина Николая Лукьяновича, Ионова Валентина Андреевича, Лошакова.

* * *

Бытовые условия во время работы в Главном управлении были примерно такими

же, как и на Объекте. Имелся Дворец культуры, спортивная площадка, так же организовывались экскурсии в музеи различных городов ГДР. В июне 1955 года срок моей заграничной командировки закончился.

Какие впечатления о ГДР остались в памяти? По приезде в ГДР обращали внимание порядок и аккуратность на вокзалах, улицах, шоссейных дорогах. За все время пребывания в ГДР не видно было на улицах калек - инвалидов войны. Люди были одеты небогато, но опрятно. На работе отмечалась дисциплинированность немцев. Любопытно такое наблюдение. На перекрестках второстепенных дорог с закрытыми поворотами и без светофора иногда скапливалось много машин. Тогда любой бывший рядом немец (однажды это был крестьянин, работавший в поле) выходил на перекресток и разводил машины. Водители беспрекословно слушались. У нас и инспектора ГАИ не всегда слушаются, каждый стремится проскочить первым.

В начале 50-х годов в ГДР еще были продуктовые карточки, вместе с тем в магазинах республики было полно в свободной продаже различных промышленных товаров для быта. Большое впечатление произвело посещение музеев и достопримечательных мест ГДР. Так мне удалось посетить великолепный музей фарфора в г. Майсен и средневековый замок, где томился изобретатель европейского фарфора, музей «Битвы народов» под г. Лейпциг (немцы говорят Ляйпциг), другие примечательные места и музеи этого города, а также городов Дрезден, Потсдам, Веймар, Хемниц и ряда других. Такие экскурсии были весьма познавательными, давали возможность глубже познакомиться с историей и культурой немецкого народа.

* * *

Работа в САО «Висмут» и пребывание в ГДР дали мне практический производственный опыт, расширили кругозор. И это помогало мне в дальнейшей трудовой деятельности. После заграничной командировки я один год проработал начальником золоторудной шахты, а с 1956 года по 1988 год научным сотрудником научно-исследовательских институтов Минцветмета СССР (ВНИИцветмет г. Усть-Каменогорск 1956-1977 гг., ВНИПИгорцветмет г. Москва 1977-1988 гг.). Некоторые другие выпускники МГИ 1950 года, работавшие в САО «Висмут», впоследствии также работали в научно-исследовательских институтах горного дела, стали докторами и кандидатами технических наук. В.А. Симков, И.С. Крашкин — докторами, Г.Н. Прохоров, В.И. Никаноров, Г.И. Богданов — кандидатами.

Валентин Александрович Костин

Валентин Александрович КОСТИН (1939 г.р.) — горный инженер, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Советского национального Комитета Всемирного горного конгресса.

Воспоминания о "Висмуте"

В.А.Костин

После окончания Московского горного института по специальности разработка месторождений полезных ископаемых в 1964 году был направлен в очную аспирантуру института по кафедре «Рудничная и промышленная аэрология и охрана труда».

Обучение в аспирантуре под научным руководством заслуженного деятеля науки и техники РСФСР профессора Ксенофоновой Анны Ивановны, доктора технических наук Бурчакова Анатолия Семеновича и кандидата технических наук Ножкина Николая Васильевича до 1968 года было направлено на исследование и разработку наиболее перспективных направлений борьбы с опасными явлениями в шахтах.

Изучение газогидродинамических процессов в угленосной толще при гидравлическом на нее воздействии обеспечивало вытеснение или блокировку заключенного в угле метана, связывание угольной и породной пыли, снижение прочности угля и пород, повышение гидропроводимости пласта и снижение опасности самонагрева и самовозгорания угля.

Для решения поставленных практических задач в период с 1968 по 1970 гг. выполнялись на базе Отраслевой научно-исследовательской лаборатории дегазации шахтных полей Московского горного института шахтные и экспериментальные исследования по перераспределению пластового давления, изменению газовыделения в горные выработки, определению газогидродинамических характеристик угольного массива при его влагонасыщении.

Результаты выполненных теоретических и натурных исследований нашли отражение в диссертационной работе В.А. Костина на тему «Исследование газогидродинамических процессов в угольном массиве», которая была защищена на Ученом совете Московского горного института с присуждением ученой степени кандидата технических наук.

В 1970 году В.А. Костин избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника лаборатории вентиляции и борьбы с пылью Института горного дела имени А.А.Скочинского.

За период 1970—1978 гг. в составе лабо-

ратории вентиляции был выполнен большой цикл исследований по совершенствованию проветривания рудников «Пирамида» и «Баренцбург» на острове Шпицберген, созданию устойчивого режима вентиляции шахт в сейсмоактивных районах острова Сахалин, по определению аэродинамических параметров вентиляции перспективных технологических систем разработки угольных пластов, обеспечению высоких нагрузок на очистные забои по фактору вентиляции для «Шахты будущего» на примере шахты «Маяк» (Донбасс).

При визите в лабораторию вентиляции, ранее работавшего у нас доктора технических наук Первова Юрия Михайловича, поступает его предложение связаться с заведующим лабораторией вентиляции СГАО «Висмут» Кретиным Анатолием Валентиновичем о работе в ГДР.

Выслав краткое резюме о своей работе по вопросам дегазации и вентиляции шахт в адрес А.В. Кретинына, я вскоре получил от Министерства среднего машиностроения СССР приглашение и начал оформлять необходимые выездные документы.

В июне 1978 года решением парткома института переведен в Отдел международного сотрудничества ИГД им. А.А.Скочинского в должности старшего научного сотрудника и рекомендован в Министерство угольной промышленности СССР для утверждения в качестве Ученого секретаря Советского национального Комитета Всемирного горного конгресса.

В 1978 году в г. Ворошиловграде участвую в подготовке и проведении заседаний членов Организационного комитета Всемирного горного конгресса, обсуждающего представительство на очередном Конгрессе горнодобывающих стран и тематику докладов на секциях.

В 1979 году в г. Стамбуле (Турция) в качестве советского ученого секретаря решаю организационные и финансовые проблемы с турецким Оргкомитетом ВГК и содействую участию советских делегатов и научных туристов в работе по секциям проводимого IX Всемирного горного конгресса.

Членами советской делегации по результатам работы секций был составлен тех-

нической отчет о новейших разработках в передовых угледобывающих странах мира и предложены для горных организаций СССР соответствующие рекомендации.

23 апреля 1980 года моя семья в составе жены Костиной Нины Михайловны и дочери Костиной Светланы Валентиновны — ученицы 4 класса — с Белорусского вокзала выезжает во Франкфурт-на-Одере (ГДР). Нас дружелюбно встречают на вокзале, но погода после московской жары в 25 градусов тепла на минус 2 градуса на немецкой земле, заставило нас по дороге в Зигмар доставать теплые вещи.

Уютно устроившись и переночевав в гостинице Советского клуба, утром наскоро позавтракав с помощью жены, двинулся в Генеральную дирекцию для оформления своей деятельности и жизни в ГДР.

Пройдя все необходимые для проживания в СГАО «Висмут» процедуры, я в кадрах впервые встретился и познакомился с главным инженером Научно-технического центра (НТЦ) — Юрием Яковлевичем Евлюхиным, который по пути в Грюну — месторасположение НТЦ, очень четко и ясно обрисовал мои задачи и обязанности, познакомил с заведующим отделом вентиляции НТЦ Кретиным Анатолием Валентиновичем.

Мне сообщили, что согласно приказу, я назначен старшим инженером горной лаборатории НТЦ СГАО «Висмут» и завтра в 7 часов утра я должен приступить к работе, а пока надо возвращаться в поселок и решать жилищный вопрос. Завтра утром автобус доставит меня из поселка в Грюну.

Найдя советского коменданта поселка, мы с ним и женой пошли к немецкому распорядителю жилой фонд. Было уже обеденное время, и я впервые услышал приветствие на немецком языке: «Гутен апетит!».

Нам выделили трехкомнатную квартиру на первом этаже дома на улице Штерцельштрассе, вблизи Дома школьника и места сбора выезжающих рыбаков и охотников.

Утром прибыл автобус на улицу Штерцельштрассе, проехав мимо наших окон, и советские специалисты поехали на нем в Грюну.

Первый день работы в лаборатории вентиляции начался со знакомства с заместителем заведующего лабораторией Гюнтером Шлоттом, с ведущими специалистами лаборатории: доктором Эрхардом Кэмпе и Людвигом Хамбек, группой сотрудников и секретарем лаборатории фрау Гиззела.

Наиболее деловые отношения по исследованиям радоновыделения в горные выработки и дренажные скважины рудников сложились с доктором технических наук Эрхардом Кэмпе, окончившим Ленинградский горный институт и отлично владевшим русским языком.

16 марта 1981 года я был переведен на должность руководителя группы лаборатории рудничной вентиляции Научно-технического центра СГАО «Висмут».

Весьма запомнилось первое коллективное празднование накануне 1 Мая на садовом участке одного из сотрудников лаборатории (из группы вибрации), который в этот день был ответственным за доставку в садовое товарищество продуктов питания на всех огородников! Это было интересно.

Основной объем исследований по радоновыделению в экспериментальные скважины при различном давлении разрежения и снижению выделения газа в выемочные блоки проводился на МГДП «Беервальде».

Результаты исследований доктора Эрхарда Кэмпе и доктора В.А. Костина по уменьшению радоновыделения в очистные пространства посредством создания зон пониженного давления в горном массиве были реферативно опубликованы в журнале №6/83 Отдела информации «Камер дер техник».

Большой объем исследований был выполнен группой Людвигам Хамбека на руднике «Кенигштайн» по разработке и испытаниям новой конструкции измерительного прибора «Альфа-Цет» для обеспечения контроля санитарно-гигиенических условий труда горняков СГАО «Висмут».

Обобщение результатов применения измерительного прибора в условиях урановых месторождений и полученные технические характеристики были доложены и защищены на ученом совете Фрайбергской горной академии с присуждением ученой степени доктора-хабия технических наук.

Исследования аэродинамических параметров нагнетательно-всасывающего проветривания рудника «Пайтдорф» были проведены в выработках, контактирующих с бортами карьера.

В связи с включением в вентиляционную сеть рудников «Ройст» и «9» скважин большого диаметра было проведено экспериментальное определение удельного аэродинамического сопротивления таких скважин в зависимости от крепости горных пород.

За успешное выполнение тематического плана исследовательских работ лаборатории я был награжден почетными знаками «Мастер труда в серебре» и «Активист социалистического труда».

После защиты диссертации Л. Хамбек и Костин В.А.

С большим уважением вспоминаем занятия по немецкому языку, проводимые старшим переводчиком НТЦ фрау В. Ванке, создавшей уникальное пособие по грамматике немецкого языка и методическое пособие «Горное дело».

Свободное от работы время полностью заполнялось проведением регулярных по плану парткома политзанятий, автобусных поездок на охоту и рыбалку на различные озера ГДР, ознакомительными поездками по дворцам и музеям культурного наследия немецкого народа, участием в хоровом коллективе и, для жены и дочери, ансамбле танца и пляски Зигмара.

Моя жена, Нина Михайловна, с большим творческим подъемом принимала участие в подготовке праздничных тематических вечеров в Советском клубе: рисовала огромные художественные панно для сцены к спектаклям, посвященным Дню Победы; веселые картины — юморески к празднованию Нового Года, ответственность за которое возлагалась на НТЦ; культурных мероприятий, посвященных литературному наследию Александра Сергеевича Пушкина.

В Доме школьника она обучала детей рисованию и шила для участников детских концертов нарядные платья.

Дочь моя, Светлана, успешно закончила обучение в средней школе № 103 ГСВГ, в 1986 году поступила в институт МИИГАиК и с красным дипломом его окончила. Успеху в подготовке школьников к поступлению в вузы способствовали дополнительные занятия, проводимые высококвалифицированными советскими специалистами СГАО «Висмут». Занятиям школьников серьезно

помогало также участие в тренировках и спортивных мероприятиях — соревнованиях по волейболу, стрельбе и в танцевальных группах.

Прекрасная природа, окружающая поселок с лесным массивом и озером Штаузе, позволяла семьям советских специалистов совершать оздоровительные прогулки по лесным тропинкам в выходные дни и праздники. Всегда удивляло спокойное поведение немецких взрослых людей и детей в купальный сезон на озере Штаузе.

Предоставляемая возможность для работающих специалистов и их семей, не выезжая из ГДР, провести часть отпуска в зимний период на курорте г. Обервизенталь в доме отдыха — лучший подарок для горнолыжников.

Хочется отметить, что при встрече Нового 1986 года в Шварцвальде — недалеко от города Иоганнсгеоргенштадт, я с женой с удовольствием посетил его центральную часть с памятником Иоганну-Георгу, где в период с 1950 по 1953 год работал на шахте 158 Объекта 1 мой старший брат — Костин Николай Александрович.

После возвращения в 1986 году из ГДР я вернулся в свой Институт горного дела имени А.А. Скочинского на должность заведующего отделом международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности.

Приобретенный опыт работы в ГДР позволил заложить основы международного сотрудничества высококвалифицированных специалистов ИГД им. А.А. Скочинского с зарубежными странами. Были заключены международные контракты с Китаем, ФРГ и Индией по внедрению научных разработок института в области в горного производства.

Николай Александрович Костин

Н.А.Костин

Николай Александрович КОСТИН (1927 —1991 г.). После окончания Московского горного института имени И.В. Сталина по специальности разработка пластовых месторождений Н.А.Костин 16 августа 1950 года был направлен Главным Управлением «Главсовзагранмущество» в ГДР для работы в должности начальника ОТК шахты 158 Объекта 1 в городе Иоганнсгеоргенштадт.

О младшем брате Валентине Костине — перечитывая письма на открытках

Детальное изучение технологических процессов и анализ производственных показателей деятельности предприятия по разработке месторождения, а также условий общения с немецким персоналом позволили ему принять активное участие в работе коллектива по ускорению развития добычи урановой руды на шахте.

В апреле 1952 года решением администрации «Висмут» он был переведен на должность главного инженера шахты №158 Объекта 1.

Ответственная должность технического руководителя шахты потребовала серьезного практического изучения немецкого языка, что было особенно важно в первый год работы на предприятии. Наряду с этим начинается обучение в Вечернем университете марксизма- ленинизма Вооруженных Сил СССР с регулярными семинарами и сдачами зачетов и экзаменов.

Время проходит незаметно в работе и учебе, но главное это изучение немецкого

языка и окружающая среда. «Погода у нас стоит сейчас плохая. Вчера выпал снег, а сегодня все тает и лужи до колен. Благо я в сапогах, и это меня спасает».

Среди товарищей по работе и учебе он пользуется заслуженным уважением и авторитетом. «На днях было у нас собрание, молодежь изъявила желание учиться русским бальным танцам. Вот решением этого собрания обязали меня руководить кружком. Где я возьму время на это руководство. Просто не знаю».

Большое внимание в молодежном коллективе шахты уделяется развитию спорта, особенно волейболу, охоте и рыбалке.

«В воскресенье наша команда играла в волейбол и проиграла, а я ведь капитан этой команды. Ребята горят желанием отыграть наше поражение. Будем тренироваться».

На протяжении трех лет Н.А. Костин проживает в одной квартире с главным геологом шахты 158 Объекта 1 Лукьянчиковым Иваном Лаврентьевичем, с которым вместе работает и отдыхает.

«28 декабря я был на охоте. Целый день я бродил с Иваном по полям и подстрелил двух зайцев. У нас на кухне из них сделали жаркое, пригласили своих друзей и с вином отметили результаты».

«Новый год встречали хорошо: с елкой, танцами и российским вином. Установилась снежная зима и завтра утром может быть поеду кататься на лыжах».

Отличная организация обучения в Университете марксизма-ленинизма, отдыха и проведения спортивных мероприятий позволили коллективу советских и немецких специалистов шахты достичь высоких производственных успехов.

17 февраля 1952 года коллектив шахты за хорошую работу получил переходящее Красное Знамя.

«Работы сейчас прибавилось еще больше, так что время бежит совсем незаметно, но думаю купить себе велосипед и в воскресенье, если буду свободен, покатаюсь», а в письме брату-воину Михаилу — «Горжусь твоим упорством одновременно со службой окончить рабочую вечернюю школу и получить аттестат зрелости».

В июне 1952 года мой брат окончил полный курс Университета марксизма-ленинизма и по всем дисциплинам получил оценки «хорошо».

Решением администрации «Висмута» 27 сентября 1952 года он переведен на должность и. о. начальника шахты 158 Объекта 1.

Этот период характеризуется значительным ростом добычи урановой руды на шахтах Объекта 1, расширением проходческих и геологоразведочных работ, повышением требований к состоянию проветривания шахты и безопасности проведения горных работ.

Для решения проблемы вентиляции и шахты №131 Объекта 1 он переводится 19 февраля 1953 года на должность старшего инженера по вентиляции и производственно-технического отдела Объекта 1.

В новой должности работа по совершенствованию вентиляции на шахте 131 моего брата тесно связывает с Вадимом Анатольевичем Гладких — геологом поисковой партии, инженером - петрографом ГРП.

«С 5 по 10 марта 1953 года у нас прошли в глубоком трауре по товарищу Сталину. Не верится, что его уже нет. 9 марта весь наш маленький коллектив советских работников вместе со всей страной хоронили нашего вождя».

И опять о погоде и жизни: «У нас прошел сильный снегопад. Снега намело очень много. В воскресенье я катался часа четыре на лыжах».

Работы по горло — много неприятностей. У Ивана сейчас работы очень много. Так что живем вместе, а видимся только в постели».

«Думал с тремя своими товарищами встретить вечером свой день рождения (18.04.1953 г.), поэтому даже приедлся, но меня вызвали на совещание, и весь вечер своего рождения я провел на нем. Вернулся с головной болью поздно и лег спать.»

Приобретенный работой большой практический опыт по вопросам проветривания шахт Объекта 1, активного применения немецкого языка и полученные знания по философии в Университете марксизма-ленинизма способствовали принятию Н.А. Костиним решения поступить в очную аспирантуру Института горного дела Академии наук СССР.

Главным Управлением «Главсовзагранмущество» он 01.09.1953 г. был освобожден от занимаемой должности по окончании срока заграничной командировки.

В период обучения в очной аспирантуре ИГД

Н.А. Костин на так называемой «Третьей» улице г. Иоганнсгеоргенштадта. 1951 г.

Н.А. Костин и В.А. Гладких на фоне шахты №13

АН СССР с 1953 по 1956 гг. в лаборатории рудничной вентиляции и борьбы с пылью Н.А. Костиным под научным руководством академика Скочинского Александра Александровича и доктора технических наук Воронина Виктора Николаевича были проведены исследования по созданию на шахтах Кузбасса комплексной защиты от угольной и породной пыли при различных технологиях производства углядобычи.

По результатам научных исследований была подготовлена и защищена на Ученом Совете Московского горного института диссертационная работа «Исследование и пути улучшения режимов вентиляции по пылевому фактору очистных забоев на мощных крутых пластах Кузбасса» с присуждением ученой степени кандидата технических наук.

С 1956 по 1974 гг. он работал во Всесоюзном институте научной и технической информации Академии наук СССР в должности заведующего сектором Реферативного журнала «Горное дело», старшим экспертом Отдела информации Управления

научно-технической информации и пропаганды Госкомитета СМ СССР по координации научно-исследовательских работ, начальником отдела технико-экономической информации Госкомитета СМ СССР по топливной промышленности, заведующим отделом научной технико-экономической информации «Института горючих ископаемых» и института «Гипроуглеавтоматизация» Министерства угольной промышленности СССР.

До выхода на пенсию в 1987 году мой брат работал в должности заведующего сектором научной технико-экономической информации по развитию угольной промышленности, заведующего отделом анализа по эффективности использования топливно-энергетических ресурсов страны Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИИКТЭП) Госплана СССР.

В январе 1991 году Н.А. Костин умер и похоронен на Ваганьковском кладбище города Москвы.

Об Иване Лаврентьевиче Лукьянчикове

Иван Лаврентьевич ЛУКЬЯНЧИКОВ, род. в 1928 г. После окончания геологоразведочного факультета Московского геолого-разведочного института в 1950 году был направлен Главным Управлением «Главсовзагранмущество» в ГДР для работы инженером геологом шахты 158 Объекта 1 в городе Иоганнсгеоргенштадт. В июле 1950 года распоряжением руководства «Висмут» был назначен главным геологом шахты 158 Объекта

На встрече с начальником геолого-геофизического отдела, главным геологом рудоуправления Объекта 1 Поликарпочкиным Валентином Валентиновичем определены основные направления геологоразведочных работ на пяти шахтах Объекта: 1, 18, 30, 31 и 5 (по старой классификации).

На протяжении трех лет работы на шахте 158 (1) главный геолог И.Л. Лукьянчиков по всем производственным вопросам непосредственно контактировал с главным инженером шахты Костиным Николаем Александровичем, проживая с ним в одной квартире и проводя свободное от работы время за учебой в Университете марксизма-ленинизма, занимаясь спортом и экскурсионными поездками.

Среди советских специалистов, работавших на Объекте 1 вспоминаются начальник поисковой ГПП – инженер гидрогеолог Барабанов Леонид Никитович, инженер геолог – заведующая мастерской шахты 131 Тихомирова Вера Васильевна.

Проработав на шахте 158 Объекта 1 главным геологом до 1956 года, распоряжением Г У «Главсовзагранмущество» от 01 сентября 1956 года И.Л. Лукьянчиков освобожден от

занимаемой должности в связи с окончанием срока заграникомандировки.

С 1957 года до выхода на пенсию И.Л. Лукьянчиков работал на поисковых работах при строительстве Дмитровского фарфорового завода, в ряде строительных организациях.

В настоящее время благополучно проживает в Московской области

И.Л. Лукьянчиков (в центре) и Н.А. Костин среди женщин-геологов шахты №131 в 1952 году

И.Л. Лукьянчиков

Юрий Сергеевич Усольцев

Юрий Сергеевич УСОЛЬЦЕВ родился в 1936 году в Свердловске, окончил Свердловский Горный институт в 1960 году по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений редких и радиоактивных руд». С 1960 по 1969 — работа в специализированной экспедиции по поискам промышленных месторождений урана на Урале. 1969–1974 гг. — «Висмут», 1975–1980 гг. — та же экспедиция, 1980–1985 — «Висмут», 1985–2008 — экспедиция. С 2008 г. по настоящее время — Уральский Государственный горный университет (кафедра геофизики).

С радиометром и спектрометром в поисках урана¹

В апреле 1969г. получаю телеграмму: «Позвоните в Москву». После почти двух лет томительного ожидания, оформления необходимых документов, получения справок о здоровье и пр. и пр., наконец, командировка в ГДР, похоже, начинает приобретать реальные очертания. Звоню в кадры министерства — «Атомпрома», как оно теперь называется. «Все готово! Когда выезжаете? Дело к Первомайским праздникам, до или после поедете?» Решил — до.

Собрался, пока без семьи, выехал из Свердловска (теперь Екатеринбург) и через сутки — Москва. Наставительные беседы на разных уровнях, в том числе и на самом высоком — в ЦК КПСС, и вот уже поезд Москва — Берлин.

Мне уже 33 года. За плечами 10 лет работы геологом — уранщиком, прошедшие после окончания института. За это время много пришлось поколесить по стране, однако, за границу поездка первая. Соответственно и впечатления: мягкий вагон, пограничники, таможня, Варшава с ее подземным вокзалом и, наконец, Франкфурт-на-Одере — конечный пункт по железной дороге. Опять пограничники, теперь уже немецкие, автобус и через Дрезден в Карл-Маркс-Штадт — первое путешествие почти через половину ГДР и всего-то за 4 часа. Другие расстояния! Все другое.

Ночью, в канун 1 мая приезжаем в Советский клуб Зигмара. Встречает меня мой товарищ М. Изюмов, с которым вместе работали в экспедиции в Свердловске. Он примчался из города Гера, где уже год работал главным геофизиком карьера Лихтенштайн.

Завтра праздник, тем не менее встречаются, провожают до комнаты — отлажено все давно. Телефонный звонок — звонит В.В. Марченко — главный геофизик Центрального геологического предприятия (ЦГП). Знакомимся. Приглашает утром на демонстрацию и, хотя устал, соглашаюсь тотчас же. «Я за вами зайду в 6 часов»(!?). Вроде не ослышался. Наутро проснулся, оделся. Не покидает мысль — ослышался: кто же в 6 часов

утра ходит на демонстрацию? Так началось для меня привыкание к здешнему режиму дня, раннему вставанию на работу, доставлявшему мне, да и многим другим большие трудности.

После праздников первая встреча с руководителем Общества, ЦГП, где, как выяснилось, мне предстоит работать в качестве старшего геофизика по каротажу — геофизическим исследованиям в скважинах, в Саксонской геологоразведочной экспедиции в городе Ауе.

* * *

И вот Ауе, общежитие. Завтра на работу. Начало в 5:30, автобус отходит в 5:00. Коллектив советских специалистов оказался довольно большой — человек 15–17. Все, кто без семей, живут в общежитии, остальные — в соседних с ним домах.

Впечатлений, как и трудностей, море. Главное — незнание немецкого языка. В школе и институте я учил английский, в немецком ограничивался пока *G1 ck Auf* и *Guten Morgen*. Сiju в комнате экспедиционного барака с коллегой Манфредом Хайдебрухом, который русского не знает, а в смежной комнате — Ульрих Вайзе самостоятельно выучивший русский довольно прилично. Он и стал моим первым учителем немецкого. Начали с того, что он написал мне бумажку с немецкими словами для кантины, которую ежедневно посещали во время кофе-паузы. В бумажке основополагающее: кофе с (без) сахара, с (без) сливок, булочка с (без) масла. Бумажку день на третий я благополучно потерял. «Mit» помню, а «ohne» — забыл. И на вежливые вопросы хозяйки кантины фрау Юнке приходилось просить не то, что хочу, а то, что помню: булочку надо без масла, а приходится брать с маслом.

Вот два комичных случая, связанные со знанием (точнее, с незнанием) языка.

Вновь приехавшего, да без семьи, наши женщины, жены специалистов, особенно в первое время окружают вниманием: советуют, что купить, что надеть, как поступить в тех или иных ситуациях и т. д. Одна из них,

Ю.С. Усольцев

¹ С сокращениями будет опубликовано на немецком языке в книге «Auf Uransuche hinter der Elbe. Sowjetische Geologen bei der Wismut». («В поисках урана за Эльбой. Советские геологи в Висмуте.», 2013.

День геолога. Советские специалисты Саксонской экспедиции. 1.04.1973 г. Слева направо: Л. Галяпин, Е. Докучаев, Б. Рыжов, В. Кушнарченко, М. Тищуков, ? Р. Андроненков, В. Тютин, Теляков, Л. Севрюгин, Б. Серов, П. Виниченко, В. Русецкий, Ю. Усольцев, Н. Глаголев, Ю. Юртайкин.

Экскурсия в Шпревальд, 21.06.1969 г.

жена геолога, с которым мне пришлось потом долго сотрудничать при разведке одного месторождения, выбрала меня своим подопечным и однажды рассказывает: приехали в отпуск в Союз. Зашла в универмаг за колготками, а как спросить — не знаю: „Strumpfhose“ помню, а “колготки” — забыла. Я уши развесил: до чего люди здесь приживаются — родной язык забывают. Потом оказалось, что это единственное немецкое слово, которое она знала.

Да, этот этап вживания, адаптации к местным условиям был, несомненно, самым тяжелым периодом в новой жизни. Необычный режим дня: 4.30 — подъем, 14.30 — окончание работы, поездка домой. Потом у некоторых — сончас, полтора, а после него «отдых»: самостоятельность, спорт, политехника, многочисленные мероприятия по линии DSF, культурные программы — обсуждение книг, юбилей Пушкина и пр. и вершина всего — общевишмутовские смотры художественной самостоятельности, приуроченные ко дню рождения Ленина (22 апреля, кто забыл). Некоторые из мероприятий начинались с сентября, такие, например, как изучение немецкого языка, дважды в неделю по два часа в течение двух лет со сдачей экзаменов, другие — круглый год. Тем не менее, летом все относительно затихало. Работа, естественно, шла своим чередом. Многие из жен, как правило, с концом учебного года в школах уезжали в Союз до начала следующего учебного года: то дети в институт поступают, то надо квартиру менять, то родители болеют, то просто встряхнуться хочется. Мужики — одни. Хоть и минимум забот, но все равно надо поехать, выстирать белье и т. д. Я даже в шутку советовал дамам, уезжающим в мае до сентября, сварить суп в ванной, чтобы хватило на три месяца. Приходит муж с работы, опускает туда кипятильник, греет, похлебав прямо из ванны... и свободен, иди играть в волейбол.

Кстати о волейболе. В «Висмуте» был культ волейбола. Я в свое время в Свердлов-

ске им занимался, играя за команду мальчиков, поэтому пришлось, что называется, ко двору. Собралась команда энтузиастов, среди которых хотелось бы вспомнить Ю. Ульянова, М. Каротаева и др. Некоторое время играли в Bezirkslig'e, участие в которой предполагало выступления и детской команды, которую еще надо было собрать и подготовить. Тренером выбрали меня. Нагрузка невероятная: суббота — поездки по городам с командой мальчиков, воскресенье — свой волейбол также в разных городах.

Спорт лично для меня волейболом не ограничился. В то время я неплохо плавал. Ходил в бассейн в Свердловске, регулярно ездил из Ауэ в Зигмар в бассейн, так что оказался в сборной ВВ-9. Капитан — тогдашний капитан главный инженер «девятки» Л. М. Тормышев, впоследствии — главный инженер «Висмута», геологи В. Нечаев (член сборной Украины по плаванию), Ю. Юртайкин и я.

И все это на фоне постоянных экскурсий по всей республике, субботне-воскресных домов отдыха, охоты и рыбалки, которых я, главным образом из-за волейбола, был лишен. Я мог отказаться от чего угодно, но лишиться экскурсий было выше моих сил. Организатором их в Ауэ был Б. Лашков — геолог экспедиции, мой большой приятель, с которым я проработал в «Висмуте» 10 лет, и надо отдать ему должное: ездили мы по местам действительно интересным, кроме того, владея немецким, он часто заменял и переводчика. За годы, прожитые в Ауэ, я узнал всю страну, объездив все достопримечательности плюс к тому, что еще и по работе тоже приходилось много ездить.

Вспоминается комичный по сегодняшним меркам, но вместе с тем и показательный для тех лет и той обстановки случай. Дело было в рождественские каникулы. Мы поехали на экскурсию в Дрезден и решили послушать прекрасный органнй концерт в Kreuzkirche. Зашли, послушали — и чрез пару дней получили от своего начальства сполна: «Советские специалисты — и в церкви!» Кто-то из женщин проговорился, а администрация, понятно, не дремала.

Особо хочу остановиться на проводимой по линии парткома «Висмута» пропаганде советского образа жизни, реализуемой через лекции немецкому населению. Аудитории самые разные: от школ и домов престарелых до промышленных предприятий. В Ауэ работало 5–6 лекторских групп, в каждую входил лектор, киномеханик и переводчик. Зачастую лекция представляла собой рассказ о крае, откуда приехал с показом захваченных из дома фотографий и демонстрацией фильмов. С удовольствием вспоминаю благодарных слушателей, их искренний интерес к

Советскому Союзу, в частности Уралу, в особенности к Полярному Уралу, как наименее изученному краю, где три полевых сезона мне пришлось работать.

Лекторскую работу я выполнял охотно, с интересом и, хочется верить — с отдачей.

Несколько слов о самостоятельности и, в частности, о хоре. В Ауэ это дело было поставлено более чем серьезно: от семи минимум один человек должен был петь и не по желанию, а в обязательном порядке. С неработающими женщинами понятно — их надо было чем-то занять, а мужчины, и как правило не первой молодости, встав чуть свет и отработав рабочий день, по вечерам должны были лезть на стулья, выстраиваясь позади женщин, и 2 — 2.5 часа разучивать песни. Не всем это нравилось, в том числе и мне. Никогда, ни до, ни после, я пением не занимался.

Но и это еще не все. Плюс к хору был еще мужской ансамбль: человек 8–10 «певунов», в числе которых оказался и я. Ансамбль этот функционировал более интенсивно, выступая по приглашению немецких организаций на различного рода мероприятиях, торжествах, юбилеях, ими проводимых. Случалось это иногда и в рабочее время.

Запомнилась одна из таких поездок именно в рабочее время. Поехали не пообедать, поэтому по приезду отпросились у руководителя в ближайший Gaststätte. Пошли... и не только. Выступление впереди, а некоторые на стул самостоятельно не могут забраться, не то что петь. Ну, ничего, обошлось. Зрители — люди воспитанные, сделали вид, что не заметили.

Теперь о главном — работе.

Каротажный отряд в экспедиции оказался довольно большим: пять каротажных станций на автомашинах, геофизическая мастерская, оформительский отдел, гараж, кроме того, рудные модели скважин, контрольная скважина, устройство для проверки каротажного кабеля, которые были построены уже при моем участии.

Чтобы во всем этом разобраться, требовалось время. Я начал с того, что по совету М. Изюмова уехал на 3 дня в Тюрингскую экспедицию, в Роннебург к К. Иванову, который возглавлял там Kartottage-Abteilung, оказавшийся еще большим, учитывая большие объемы бурения. Разница была в том, что мы работали в Рудных горах и Фогтланде, отличающихся по геологической обстановке, а следовательно и по интерпретации, а они занимались только Роннебургским рудным слоем. Геофизический комплекс, правда, был стандартным и включал электро- и гамма-каротаж, инклинометрию и кавернометрию. Автомшины и аппаратура (кроме инклинометров) были советскими. Поэтому случа-

лось, по запчастям к машинам приходилось обращаться за помощью к Советской Армии.

В мои обязанности входило, кроме всего прочего, количественная интерпретация гамма-каротажа, легшая в основу подсчета запасов месторождения Хауптмансгрюн-Ноймарк в Фогтланде, разведка которого тогда проводилась, интерпретация геологических колонок скважин, уточняющая геологический разрез. И если по Фогтланду все с этим обстояло гладко, то по Рудным горам с менее контрастным по электрическим свойствам разрезом — значительно сложнее. Долго не мог разобраться с участком Теллерхойзер, где, кроме урановой минерализации, было обнаружено олово, и пройдена впоследствии штольня Poela. Расчленению толщ на Теллерхойзере по данным электрокаротажа был посвящен мой доклад на техучебе в Генеральной дирекции «Висмута».

В 1973 году СГАО «Висмут» получает правительственное задание по оценке запасов флюорита (плавикового шпата), используемого в качестве флюса в металлургической промышленности. В тот момент республике он потребовался. Источник известен — кварц-флюоритовые жилы Рудных гор и Фогтланда.

Прямое определение флюорита в скважине имеет конечной целью подсчет запасов этого полезного ископаемого по данным геофизики. Тем самым исключается более дорогое химическое опробование с предварительным отбором проб из керна, выход которого к тому же не всегда бывает высок, а представительность проб, таким образом, не высока.

Для определения флюорита используется так называемый нейтронный активационный метод, в основе которого лежит облучение горных пород потоком нейтронов.

Дело было поручено научно-техническому центру Общества (НТЦ) и Саксонской экспедиции. В НТЦ — Ю. Макарову, кандидату технических наук, руководителю работ и В. Морозову (оба — москвичи) — разработка и конструирование аппаратуры. Нам — методика применительно к конкретным условиям. Был получен из Советского Союза источник нейтронов, на базе экспедиции сооружена рудная модель — металлический бак, заполненный флюоритовой крошкой, внутри которого труба, имитирующая скважину, куда помещался скважинный снаряд.

Постепенно совершенствовалась ме-

День геофизика. 16.09.1982 г. Слева направо: главные геофизики СГАО «Висмут»: настоящий — Лучин И.А., будущий — Яныкин А.Ф.

тодика. Для этого выезжали на кварц-флюоритовые жилы, уже вскрытые скважинами, среди которых были так называемые контрольные с известными параметрами жил и содержанием в них флюорита. Все как будто шло своим чередом. Главной трудностью оставалось только обеспечение радиационной безопасности, поскольку нейтронный источник, представляющий из себя крошечный металлический цилиндр размером около сантиметра, имел выход нейтронов довольно высокий, а его надо было возить в каротажной станции, закладывая и вынимать из аппаратуры, производя каротаж.

Известно, что лучшей защитой от быстрых нейтронов является водородосодержащая среда, например, парафин. Вот такими парафиновыми «кирпичами», помимо стандартного защитного контейнера, мы экранировали источник, находящийся в дальнем углу станции и оба передних сиденья, где сидели люди. Закладывали источник в скважинный снаряд и вынимали из него специальными щипцами с длинными ручками – дистанционным держателем и немедленно опускали в скважину или помещали обратно в контейнер, тем самым сводя до минимума время непосредственного с ним контакта, от которого зависела полученная доза облучения.

В заключение флюоритовой эпопеи замечу, что в Союзе в описываемое время метод применялся уже при определении меди, бокситов, флюорита. В условиях же СГАО «Висмут» — впервые. Так что мы были пионерами.

Незаметно пролетали годы — жизнь была настолько насыщенной, что время уезжать приблизилось незаметно. Теплые проводы, устроенные коллегами по экспедиции, награды, прощальные адреса с пожеланиями вернуться в «Висмут», подарки, застолья — все слилось в прощальный месяц — полтора, и вот я снова в Свердловске, теперь уже Екатеринбурге, в экспедиции, из которой уезжал когда-то, старые друзья-сослуживцы, знакомая работа... и непроходящее желание вновь поработать в «Висмуте».

Такой случай представился в 1980г. и я снова проделал знакомый путь из дома в Москву, из Москвы в Карл-Маркс-Штадт. И первое впечатление — как будто не уезжал.

И опять жизнь захлестывала. Работа в той же должности, но теперь уже в отделе перспективной разведки ЦГП в поселке Грюна, в 15 минутах езды от Зигмара.

Быстро вошел в курс дела, не обременив себя на этот раз ни волейболом, ни хоккеем, ни изучением немецкого, ни лекциями среди немецкого населения. Оставил только экскурсии. Однако, на смену общественной жизни пришли не менее хлопотные обязанности председателя одной из комиссий про-

фкома СГАО «Висмут» — по работе с детьми, а по линии парткома — шефской работой в немецкой школе им. Гете Карл-Маркс-Штадта. И там, и там дети, а вместе с ними детские смотрят художественной самодеятельности, спартакиады, пионерские лагеря летом — для наших, экскурсии и другие мероприятия — для немецких школьников. В то время директором школы был Гюнтер Буххайм, очень энергичный и контактный человек, с которым мы сразу же нашли общий язык. Дети есть дети, хоть немецкие, хоть русские. Как-то ездили с немецкими школьниками на экскурсию в город Глаухау, где стояла наша воинская часть. Немедленно ребята облепили танк, только что пришедший с учений, грязный до «макушки». Мыли их по очереди — сначала гостей, потом танк. Побывали в красном уголке, в казарме. Затем был обед в офицерской столовой, приготовленный женами офицеров, завершившийся рассказом о буднях части.

Запомнился другой случай. Мы в советский клуб в Зигмар неожиданно на день-два получили все (!) серии мультфильма «Ну, погоди!», одинаково любимые и нашими детьми, и немецкими. Если не изменяет память, было 10–15 серий. Срочно звоню директору школы: «Надо детям показать!» Он: «Высылай автобусы, занятия на сегодня отменяю. Радости было!»

Да, да, знаю, сейчас это звучит дико.захотел посмотреть — зашел в Интернет, скачал. При чем здесь автобусы, отмена уроков? Но так было...

И еще о детях. Был у меня друг — Александр Отто. Разница в возрасте с ним в 35–37 лет не мешала. Дело было так. Иду как-то по улице Грюны. Навстречу парнишка, громко ревуший.

— Что случилось?
— А винтик-то потерял!
И продолжает реветь.
— Какой еще винтик?

Показывает машинку-конструктор, и действительно, какого-то винтика не хватает.

— Не реви! Пойдем со мной.

Мы работали в бараке на центральной улице Грюны, а семья Отто, как потом выяснилось, жила в Einfamilienhaus'e на параллельной улице за ним. Подходим к бараку. Полицейская охрана не пускает его. «Ну, ребенок ведь!» «Все равно, нельзя!» Делать нечего, оставил его ждать в проходной, быстро нашел подходящий болтик, завернул и отдал парнишке. Благодарный, он умчался. Съездив вскоре в отпуск, я купил в Москве конструктор и ему подарил. Он потом часто ждал меня после работы или в обед у полицейского поста. Уже позднее, года через 2–3, обязательно показывал дневник, табель. К праздникам дарил мне собственноручно на-

писанные поздравления, один раз даже с фотографией и иногда — с табелем успеваемости. Это поздравление храню до сих пор. Где он сейчас? Кем стал? Как сложилась жизнь у него, ведь ему сейчас под сорок!

Потом, когда я уже уехал, он спрашивал у наших специалистов мой домашний адрес, но так его и не получил.

Живя в Ауэ, я занимался рыбалкой, на охоту времени не оставалось. В Зигмаре решил поменять увлечения. Говорить о здешней охоте можно без конца. В центре Европы, в густонаселенных районах зверя, птицы тем не менее было много. Вот что значит порядок, хорошая организация, дисциплина. Один пример. Приехали на охоту. А Жевлаков, наш охотничий начальник, вспоминают с немецким егерем уехавшего к тому времени нашего охотника:

— Ну, высокий такой, рыжий!
— Не помню.
— Ружье у него еще бокфлинт. Из Москвы он!
— Нет, не помню.
— В сидящую утку стрелял!
— А-а, так бы сразу и сказал! Теперь знаю о ком речь.

Выстрелить в сидящую дичь для немецкого охотника — последнее дело. Охота — спорт, не добыча.

Работа в отделе перспективной разведки, как я понимаю, элитном подразделении ЦГП, носила иной характер по сравнению с экспедициями (по крайней мере в тот период, когда я там работал), хотя полевые работы и проводились в небольшом объеме. В основном же это были солидные, обобщающие работы с ранее полученными или получаемыми на текущий момент материалами: по районам Халле-Делич, Майсен и другими.

Кадры отдела: опытные специалисты, кандидаты и доктора наук, как немецкие, так и русские, в том числе приезжающие,

главным образом из Москвы в краткосрочные командировки или по техпомощи на более длительный срок. Руководили отделом москвич П. Шиловский, а с немецкой стороны — М. Фишер, закончивший наш ВУЗ в городе Баку, прекрасный владеющий русским. Зная отдел первой половины 70х годов и сравнивая его с теперешним в 80е годы, чувствовалось, что дело движется к завершению. Собственно, уже в Генеральной дирекции, когда я приехал в 1980 году, мне сказали: «Вы работали в первый раз, когда «Висмут» был в расцвете, сейчас же Рубикон перейден». Так и получилось. В 1985 году я покинул ГДР, а к 1990 году и «Висмут», и ГДР перестали существовать: Германия объединилась.

* * *

С тех пор прошло почти 30 лет. К сожалению, и мы, бывшие висмутяне, стали старше на столько же. Много изменилось в мире, стираются детали, но память хранит немецкие осени, сухие и золотистые, красоту древних соборов и замков, маленькие пекарни — булочные, окутанные неповторимым духом печеного хлеба, хрустальный воздух Обервизенталя, божественные боккурсты, образ старушки без ноги на костылях, окучивающей розы в садике перед домом — врожденная немецкая аккуратность!

Переводчик и составитель
Б. П. Лашков

Юрий Григорьевич Исаков

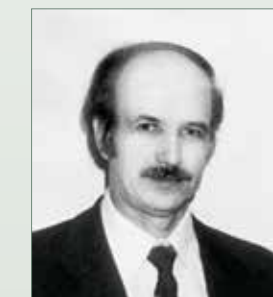
Юрий Григорьевич ИСАКОВ родился 22 сентября в Москве. Окончил в 1953 г. Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина. Инженер-металлург радиоактивных и редких металлов. После окончания института был направлен на работу в СГАО «Висмут», где работал с 1954-го по 1957 г. Во второй приезд работал в СГАО «Висмут» с 1976-го по 1982 г. По возвращении в Советский Союз работал в аппарате Минсредмаша.

Об участии советских научных сотрудников в создании урановой промышленности в ГДР

Приведенный ниже фактологический материал выбран из Юбилейного сборника трудов ВНИИ химической технологии, в связи с его 50-летием (1951-2001 гг.), и структурирован мною по датам и технологиям

Мой юный друг
Александр Отто. 1982 г.

Ю.Г. Исаков

Рассматривая участие советских специалистов в создании и развитии урановой промышленности в ГДР, следует отметить особую роль двух научно-исследовательских институтов Министерства среднего машиностроения СССР в организации научно-исследовательских работ в области геологии, обогащения и переработки урановых руд для последующего создания промышленных предприятий.

С 1946 по 1950 гг. — ВНИИ неорганических материалов (тогда НИИ-9) и с 1951 до ликвидации СГАО «ВИСМУТ» — ВНИИ химической технологии (ранее НИИ-10).

Первые поисково-ревизионные работы в Восточной Германии (тогда «советская зона оккупации Германии») начали проводить в июне 1946 г. в Иоганнзеоргенштадте, Обершлеме, Шнееберге, Шварценберге, Тюрингии и др. М.В. Бесова, И.В. Чирков, П.В. Прибытков, З.А. Некрасова, Г.Н. Котельников, Е.В. Тимофеев, Б.В. Воробьев, А.В. Дьяконов, В.И. Жукова, Г.А. Пельмский

Региональные геолого-прогнозные работы на уран были начаты в 1953 г. и в 1956 г. были сделаны первые металлогенетические обобщения по территории Восточной Европы, в том числе по ГДР (М.В. Бесова, В.В. Чернышов).

В лаборатории обогащения НИИ-9 были проведены исследования по обогатимости технологических проб руд месторождений СССР, Чехословакии, ГДР, Польши.

Обогатимость руд Саксонии проверялась на действующей вольфрамовой обогатительной фабрике «Чорлау» в конце 1946 г. После внесения изменений в технологическую схему фабрики на ней в промышленных условиях были переработаны крупные партии руд нескольких месторождений.

Показатели обогащения руд месторождения Иоганнзеоргенштадта были вполне удовлетворительными: содержание урана в концентрате отсадки — более 50%, в концентрате столов — до 10%, суммарное извлечение — 85% при содержании урана в исходном питании 0,25%.

Испытания проводил сотрудник НИИ-9 М.Л. Скриниченко. На основании результатов этих испытаний для переработки урановых руд месторождения Иоганнзеоргенштадта им была разработана технологическая схема, предусматривающая минимальные потери со шламами.

Переработка руд предполагалась на обогатительной фабрике «Ленгенфельд», где была смонтирована разработанная схема. После подготовки фабрики к переработке урановых руд пусконаладочные работы про-

водила бригада НИИ-9 под руководством Н.И. Николич.

Успешная работа этой фабрики способствовала строительству крупных фабрик на объекте 101, месторождении Иоганнзеоргенштадт и других месторождений и переводу ряда обогатительных фабрик, работавших на других рудах (Таненберг и др.), а также на переработку руд гидротермальных месторождений.

В 1946 г. в Восточной Германии советскими специалистами в промышленном масштабе была организована ручная сортировка рудных кусков по интенсивности ионизирующих излучений, регистрируемых переносными радиометрами.

Из отвалов старых заброшенных шахт вручную многочисленные отборщики выбирали куски руды, обогащенные по урану. Далее, на специальных стендах вручную, по интенсивности излучения привезенные рудные куски разделяли на сорта, которые далее опробовали традиционными методами.

В 1948 г. в СГАО «Висмут» на базе ленточного транспортера была создана рудосортировочная машина РАС, рассчитанная на сортировку потока руды, переносимого транспортерной лентой. Шибберное устройство, установленное в голове транспортера, по сигналу радиометра отсекало порции руды.

В это же время создается радиометрическая контрольная станция (РКС) для контроля содержания урана в недробленной руде, загруженной в вагонетку.

В 1951 году Постановлением Правительства СССР от 17 апреля № 1242/602/ был организован ВНИИ химической технологии (ранее, до 1966 г., — НИИ-10).

На него возлагалась задача создания технологии переработки радиоактивных и редкометалльных руд с получением исходных химических для нужд оборонной промышленности и зарождающейся атомной энергетики.

В период организации и становления НИИ-10 в него были направлены опытные специалисты из НИИ-9, НИИ-26, Гиредмета и других научных учреждений, а также выпускники высших и средних учебных заведений страны.

Уже в 1954 году в НИИ-10 было организовано 16 научных лабораторий: геологические, обогащения руд, технологические, аналитические.

Многие геологи до создания НИИ-10 работали на горнорудных предприятиях в СССР и первыми определили значительные пер-

спективы роста сырьевой базы урана в ГДР.

Целенаправленные исследования в области рудоподготовки в НИИ-10 проводились с 1961 г. с учетом того, что на процессы рудоподготовки приходится 50% капитальных вложений, половина энергетических и четверть эксплуатационных затрат.

В нее входят: прием и складирование руды, дробление и грохочение, дезинтеграция, промывка и бункеровка, измельчение и классификация, очистка от щепы, сгущение и обесшламливание тонкоизмельченной рудной пульпы.

Положительные результаты исследований были в той или иной мере использованы при проектировании и эксплуатации на урановых предприятиях СГАО «Висмут».

Для обогащения урановых руд в ГДР было построено и эксплуатировалось 17 РОФ и РСУ.

Особо следует отметить успешную реализацию на объектах 101 и 102 схемы самоизмельчения руд без загрузки шаров в мельнице «Каскад» объемом 80 м. куб., разработанная институтом и прошедшая промышленные испытания на урановых предприятиях СССР.

Технологи НИИ-10, начиная с 1955 года, изучали возможности извлечения урана из руд различных месторождений ГДР (Г.М. Алхазавили, П.В. Виноградов, В.М. Смольный, А.К. Кожемятов).

Основные этапы работ завершились внедрением технологии на вновь построенном ГМЗ-102 СГАО «Висмут». За ее разработку и внедрение в производство в 1966 г. была присуждена Ленинская премия (Г.М. Алхазавили и Н.Н. Токарев).

В дальнейшем продолжались работы по усовершенствованию технологии применительно к рудам новых месторождений (И.П. Смирнов, А.П. Чамров, Г.И. Морозов, А.М. Исаченко, К.М. Смирнов).

Была создана и успешно внедрена на предприятиях СГАО «Висмут» технология переработки карбонатных руд с использованием автоклавного карбонатного выщелачивания: в 1975 г. — в автоклаве с механическим перемешиванием пульпы на ГМЗ-101, а в 1982–1985 гг. — в автоклавах с пневматическим перемешиванием пульпы на ГМЗ-101 и ГМЗ-102 (И.П. Смирнов, А.М. Исаченко, К.М. Смирнов).

С 1960 г. в НИИ-10 начались работы по созданию новых схем сорбционного извлечения урана из пульп для гидрометаллургических заводов стран Восточной Европы. Первая поездка специалистов НИИ-10 была организована в ГДР для выявления путей использования сорбционных процессов на гидрометаллургически заводах СГАО «Висмут». Впоследствии были разработаны схемы сорбционного извлечения урана из сернокислотных пульп на СГ-1, анионите WNS-40, анионитах АМ и вофатите SBT для реконструкции действующих гидрометаллургических заводов, перерабатывающих руды Шмирхау и Роннебургского рудного поля, а также схема извлечения урана из карбонатных пульп.

Разработаны схемы наземных комплексов для извлечения урана из продуктивных растворов подземного выщелачивания руд месторождения Кенигштайн.

За разработку и внедрение в промышленность процесса сорбции урана из рудных пульп звание лауреатов Ленинской премии присвоены П.И. Бучихину, В.А. Голдобиною, Б.Н. Ласкорину.

По контракту со СГАО «Висмут» научными сотрудниками ВНИИХТ была разработана магнито-гравитационно-флотационная технология комплексного обогащения оловосодержащих руд скарнового типа месторождений Хаммерляйн и Тейлерхойзер, которые, кроме касситерита, содержали в промышленных количествах уранинит, сфалерит, магнетит и характеризовались тонкой вкрапленностью основного количества касситерита и уранинита.

По этой технологии после извлечения в самостоятельные концентраты сфалерита и магнетита в коллективный концентрат с содержанием олова 2–3 % извлекалось 65–70% касситерита и до 75–80% уранинита.

Перерабатывать оловосодержащие концентраты было рекомендовано способом возгонки хлоридов олова в восстановительных условиях в печи кипящего слоя. В лабораторных условиях получено олово электролитической чистоты (В.М. Бочкарев, В.А. Синегрибов, Т.Б. Юдина).

На основании результатов полупромышленных испытаний выданы исходные для проектирования промышленного предприятия.

Анатолий Максимович Чумаченко

Анатолий Максимович ЧУМАЧЕНКО родился 19 января 1927 г. в селе Семеновка Пологовского района Запорожской области. В 1950 году закончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт (СКГМИ) во Владикавказе, получив диплом горного инженера по специальности «Разработка рудных и россыпных месторождений». В 1950 г. направлен на работу в урановую промышленность. В 1950–51 гг. работал на урановых рудниках предприятия «Кузнецкие рудники» в Польше; в 1952–1958 гг. — на урановых рудниках предприятия «Кузнецкие рудники» в Чехословакии. В 1958–1971 гг. работал научным сотрудником в НИЛ радиационной безопасности и вентиляции института «ВНИПИПромтехнологии». В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1971–1974 гг. работал начальником НИЛ вентиляции и кондиционирования, а в 1974–1977 гг. — главным инженером шахты в РУ №9 СГАО «Висмут», с 1978 г. — во «ВНИПИПромтехнологии» старшим научным сотрудником, с 1986 г. — начальником НИЛ радиационной безопасности и вентиляции, а с 1990 по 1997 гг. — начальником межотраслевой НИЛ, начальником НИЛ радиационной безопасности на рудниках Советского Союза и России. Награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». Ветеран атомной промышленности.

Воспоминания о годах, проведенных в СГАО «Висмут»

А.М. Чумаченко

По воле случая, а, может быть, благодаря превратностям судьбы, я стал не врачом, а горным инженером. В результате некороткого жизненного пути только в 1971 году я стал «висмутянином». А начиналось это так...

В победном 1945-м году я окончил среднюю школу в кубанской станице Ладожская Краснодарского края, куда за 11 дней до начала войны мы с братом приехали на летние каникулы к деду из крымского города Феодосии. А когда немецкие войска стремительно ворвались в Крым, и маме удалось эвакуироваться к нам.

Окончив школу с учрежденной в том же году золотой медалью, я сдал документы в Кубанский медицинский институт и сразу же был зачислен студентом. Возвратившись домой, встретил своих трех одноклассников, которые успешно сдали вступительные экзамены на горный факультет Северо-Кавказского горно-металлургического института в г. Дзауджикау (ныне Владикавказ). Они рассказали о профессии горного инженера, а, главное, о том, что стипендия в институте составляла 315 рублей, в то время, как в мединституте она была лишь 210 рублей. Посоветовавшись с мамой, я съездил в Краснодар, взял свой аттестат в мединституте (где меня очень уговаривали остаться) и уехал с ребятами, уже студентами, в Дзауджикау. Я тоже поступил на горный факультет института, который окончил в 1950 году, получив диплом горного инженера по специальности «Разработка рудных и россыпных месторождений».

За несколько месяцев до защиты дипломов в институт приехала какая-то странная комиссия. Ознакомившись в отделе кадров с анкетными данными, комиссия вызвала студентов по одному для собеседования. Мне было сказано, что я направляюсь на предприятие для выполнения важного го-

сударственного задания, но об этом нельзя никому рассказывать. Меня удивило то обстоятельство, что для выполнения важного задания привлекают человека, находившегося на протяжении шести месяцев на территории, оккупированной немецкими войсками. Оказывается, из 23 студентов нашей группы 15 были зачислены в это странное предприятие, и, практически, все находились в оккупации. Десять молодых инженеров-горняков, как выяснилось позже, были направлены на работу за границу, семь из которых поехали в Польшу, а трое, В.В. Бондарев, Б.В. Бугорский и В.Н. Кучевский, направились в Германию по линии ГУСИМЗа (Главного управления советским имуществом за границей) НКВД на предприятие «Висмут». Пять молодых специалистов были направлены на предприятия Советского Союза в Среднюю Азию.

Когда меня вызвали в Москву, в отделе кадров организации майор Дунаев сказал, что я вместе с другими молодыми специалистами направляюсь в Польскую Народную Республику для работы на предприятии по добыче очень важного в стратегическом отношении сырья. Работа на предприятии составляет государственную тайну, разглашение которой чревато уголовным наказанием. После подписания бумаги о том, что меня ожидает за разглашение государственной тайны, мне выдали некую весьма значительную по моим меркам сумму (так называемые «экипировочные») для приведения внешнего облика в надлежащий вид, ведь намечался выезд за границу.

Затем мы побывали небольшой группой в ЦК ВЛКСМ, где нас еще раз проинструктировали, как подобает вести себя за границей, и попросили сдать на хранение комсомольские билеты. И только после этого целая группа молодых специалистов выехала по-

ездом до Варшавы. Там нам выдали аванс в польских злотых и направили на предприятие «Кузнецкие рудники», управление которого находилось в г. Ковары, что в Верхней Силезии. Эта бывшая немецкая территория после войны была передана Польше. Прибыли на предприятие 24 августа 1950-го года.

Руководство предприятия направило меня и моего товарища, Леонида Романюту, с которым я учился в одной школе и проживал в течение пяти лет в одной комнате общежития института, на самый отдаленный рудник около границы с Чехословакией. Кстати, Леонид в 60-е годы работал в СГАО

«Висмут». На руднике, разрабатывавшем серебряное месторождение, были обнаружены рудоносные жилы урановой руды. Я проработал год начальником участка, затем был назначен заведующим горными работами в геологоразведочную партию.

Во второй половине 1951-го года на предприятие прибыли трое девушек, инженеров-геодезистов, окончивших Московский институт инженеров землеустройства. Одна из девушек, Зоя Шуина, мне приглянулась. Оказалось, что и я ей небезразличен. И в январе 1952-го года мы с ней поженились, а расписались и получили свидетельство о браке в консульском отделе посольства СССР в ПНР в Варшаве.

В марте 1952-го года мы с женой уехали в отпуск. А в Москве в отделе кадров нам сказали, что наши документы переданы капитану Запутляеву для оформления в Чехословакию. Дело в том, что прогнозные запасы урановой руды в Польше, выданные геологами, подтвердились лишь в малой степени. Поэтому происходит перераспределение советских специалистов на другие предприятия.

После окончания отпуска мы с женой 29 апреля 1952 года самолетом прибыли в Прагу, откуда на машине нас привезли в г. Остров, в котором проживали советские специалисты. На следующий день мы прибыли в управление предприятия «Яхимовские рудники», расположенного в г. Яхимове (Йоахимсталь), что на территории Судетской области, возвращенной Чехословакии после войны. Кстати, в Яхимове находится Радиумпалас, в котором работала с радием Мария Склодовска-Кюри. На предприятии меня принял Генеральный директор «Яхимовских рудников» Семен Николаевич Волощук. После собеседования я был направлен в г. Горный Славков в РУ №6, что в 30-ти километрах западнее г. Карловы Вары.

В Горном Славкове я работал техническим руководителем небольшого рудника, затем начальником участка большого

рудника и, наконец, с начала 1954-го года, главным инженером самого крупного рудника «Барбара». Жена работала участковым маркшейдером на руднике до той поры, пока не последовал приказ о запрете применения женского труда под землей. В 1953-ем году у нас появилась дочь Татьяна, а в 1957-ом году родился сын Анатолий.

В те годы в Горном Славкове работали будущие «висмутяне». Так, главный инженер РУ №6 В.А. Шильников и главный инженер рудника В.М.Щербаков в «Висмуте» работали в ОТК РУ №9, главный инженер рудника Э.А. Мурзин в «Висмуте» работал главным инженером РУ №9, технический руководитель рудника Л.Г. Подоляко в «Висмуте» был главным инженером НТЦ, главные геологи рудников Р.П. Борисов и П.А. Казанцев в «Висмуте» работали главным геологом рудника «Ройст» и ГРП в г. Ауэ соответственно. А главный инженер рудника в РУ №7, что в г. Пршибраме, Л.Н. Романюта в «Висмуте» работал начальником производственного отдела РУ №9. Наконец, главный инженер предприятия «Яхимовские рудники» П.Ф. Кривчиков в «Висмуте» работал начальником производственного отдела управления Общества.

Работал я, как и все, имея своей целью выполнение плановых заданий по добыче урановой руды. Моя работа, как и работа ряда других специалистов, не осталась незамеченной. В 1956-ом году по случаю 10-летнего юбилея организации, занимающейся добычей урановой руды и использованием ее в военных и мирных целях, меня наградили орденом

Москва. Сотрудники НИЛ-6 ВНИПИПромтехнологии, бывшие и будущие «висмутяне». Слева направо: С.В. Романов, Б.Д. Чижов, В.А. Дзасохов, Н.Ф. Артюхин, «невисмутянин» А.И. Голомолзин, А.М. Чумаченко, В.Л. Ветров. 1962 год.

Карл-Маркс-Штадт, Ленинштрассе, советская воинская часть. Свидание с «солдатом», учеником 9 класса советской школы. Справа налево: Б.Д. Чижов, А.А. Чумаченко, А.М. Чумаченко. Июнь 1973 г.

1975 год, г. Ауэ. Возложение венка на могилу советских воинов, погибших в плену. Справа налево: В.Д. Жильцов, А.М. Чумаченко.

«Знак Почета». Такой же орден получил и Л.Н.Романюта.

В марте 1958-го года истек срок командировки в Чехословакию. Мы с женой и детьми приехали в Москву по месту жительства жены и ее родителей. После прохождения медицинской комиссии мне было предложено по-

ехать на один из урановых рудников в Киргизии. Но выехать туда всей семьей с двумя малышами мы с женой не решились. Тогда капитан Запутляев, учитывая то обстоятельство, что я стал москвичом, порекомендовал работу в Государственном специализированном проектном институте (ГСПИ-14) или на предприятии почтовый ящик 1119, как оно официально называлось.

По указанию министра среднего машиностроения Ефима Павловича Славского в институте была создана специальная научно-исследовательская лаборатория (НИЛ-6) радиационной безопасности и вентиляции на урановых рудниках. Работая в Чехословакии, я узнал о вредном воздействии на организм человека радиоактивного излучения урановой руды и эманации радия – радиоактивного газа радона. И мне было очень интересно более подробно узнать об этом. А когда мне предложили перейти на работу в НИЛ-6, я с неподдельным интересом принял предложение.

Основными задачами лаборатории были: изучение механизма выделения радона из горных пород и руд, формирование радиационной обстановки, изыскание способов борьбы с выделением радона из горных пород, разработка метода расчета необходимого количества воздуха как основного средства борьбы с радиоактивной загрязненностью атмосферы урановых рудников. Немаловажной задачей деятельности НИЛ-6 было оказание технической помощи службам радиационного контроля и вентиляции на рудниках.

На всех рудниках были проведены так называемые «радоновые съемки» с целью установления общего количества радона в единицу времени (дебита радона), поступающего из горных пород в рудничную атмосферу. Это давало возможность определить необходимое количество воздуха для разжижения радона до допустимых нормативов. А на рудниках, где применялись системы разработки с обрушением горных пород, для ис-

ключения поступления из последних, даны рекомендации изменить всасывающий способ проветривания на нагнетательный.

В НИЛ-6 я начал работать младшим научным сотрудником, затем был начальником группы, старшим научным сотрудником. В тот период в лаборатории трудился целый ряд сотрудников, работавших в СГАО «Висмут». Кандидат технических наук Валентин Алексеевич Дзасохов пришел в НИЛ-6 после командировки в ГДР, где он работал начальником РУ №9. В лаборатории он занимался вопросами совершенствования главных рудничных вентиляторных установок.

Когда в институте возникла проблема разработки месторождений урановых руд с высоким выделением тепла из горных пород в горные выработки в лабораторию из института горного дела (ИГД им. Скочинского) был приглашен кандидат технических наук Борис Дмитриевич Чижов. Он в начале 50-х годов работал в СГАО «Висмут» начальником шахты одного из рудников, а затем начальником производственного отдела РУ №9. Б.Д. Чижов вскоре стал начальником научно-исследовательского горного отдела. А через несколько лет по его предложению и активной деятельности на базе отдела была создана научная часть в институте. А Б.Д. Чижов стал заместителем директора по научной работе и начальником НИЛ-6. Институт стал называться Всесоюзным научно-исследовательским проектно-изыскательским институтом промышленной технологии (ВНИПИ-промтехнологии). Позже Борис Дмитриевич защитил докторскую диссертацию на тему создания комфортных условий труда горнорабочих урановых рудников с высоким тепловыделением горных пород.

В тот же период времени в НИЛ-6 по приглашению стал работать старшим научным сотрудником-консультантом доктор технических наук, профессор Александр Фролович Воропаев, известный специалист в области теплофизики и теплообменных процессов и вентиляции. Кроме работы по основному направлению он стал научным руководителем работ на соискание ученой степени кандидата технических наук у нескольких сотрудников. Одним из этих сотрудников был и автор этих воспоминаний. Александр Фролович неоднократно выезжал по приглашению в СГАО «Висмут», где давал ценные рекомендации по целому ряду вопросов.

В НИЛ-6 трудился целый ряд научных сотрудников, которые позднее работали в СГАО «Висмут». Это Н.В. Демин и С.В. Романов, ставшие кандидатами технических наук, работали там в лаборатории вентиляции и кондиционирования; кандидат

технических наук Ю.Б. Богачев работал в производственном отделе управления; В.М. Щербаков трудился в ОТК РУ №9, а по возвращении в Советский Союз выполнял работу в производственном отделе ПГУ министерства среднего машиностроения, ставший впоследствии заместителем начальника ПГУ; В.Л. Ветров работал в отделе вентиляции РУ №9; Н.Ф. Артюхин выезжал в Общество по техпомощи на рудники с эндогенными пожарами.

Забегаю вперед, отмечу, что под руководством Б.Д. Чинова НИЛ-6 провела огромную работу по нормализации радиационной обстановки на урановых рудниках Советского Союза, что позволило значительно снизить риск профессиональной заболеваемости горнорабочих. В начале 80-х годов коллектив сотрудников НИЛ-6 (Б.Д. Чижов, Л.Д. Салтыков, И.В. Павлов и автор этих строк) вместе с рядом представителей других институтов и организаций был выдвинут кандидатом на соискание государственной премии СССР.

В 1971-ом году истек срок командировки начальника лаборатории вентиляции и кондиционирования НТЦ СГАО «Висмут» В.М. Мельниченко. По рекомендации начальника 8-го Управления ПГУ Н.И. Чеснокова была предложена кандидатура автора этих воспоминаний. Для собеседования со мной в институт прибыл главный инженер НТЦ Л.М. Титов. В это время я только что прошел предварительную защиту кандидатской диссертации по радоновой тематике. Оставшись удовлетворенным результатами, Л.М.Титов сказал, что будет рекомендовать меня генеральному директору СГАО «Висмут» на должность начальника лаборатории вентиляции и кондиционирования. А пока необходимо провести защиту диссертации.

После защиты в августе 1971-го года я прибыл в ГДР в г. Карл-Маркс-Штадт, в пригороде которого Зигмар расположилось управление СГАО «Висмут». Помнится, я приехал туда как специалист по оказанию технической помощи и без семьи. Через несколько дней меня принял генеральный директор Общества Семен Николаевич Волощук. Во время собеседования он заинтересовался, на каком объекте и в какой должности я работал в Чехословакии в бытность его генеральным директором «Яхимовских рудников» в начале 50-х годов. Задав еще ряд вопросов и получив удовлетворившие его ответы, Семен Николаевич сказал, что назначает меня начальником лаборатории вентиляции и кондиционирования и дал указание отделу кадров оформить на упомянутую должность. В отделе кадров меня попросили написать заявление об увольнении из института «ВНИПИпромтехнологии» в связи с

переходом на работу в СГАО «Висмут», что и было мною сделано. А когда пришло сообщение из Москвы о моем увольнении, я был принят на работу в Общество.

Л.М. Титов представил меня коллективу лаборатории. Ко мне, как новому человеку среди незнакомых людей, сотрудники отнеслись довольно благожелательно. Мне очень помогал в работе заместитель начальника Гюнтер Шлотт, который довольно прилично говорил по-русски. В лаборатории в то время трудились С.В. Романов и В.С. Волков. Работавший до этого в НИЛ-6 «ВНИПИпромтехнологии» С.В. Романов занимался вопросами борьбы с пылью на рудниках. А В.С. Волков, приехавший из одного из свердловских институтов, вел экспериментальные работы по проветриванию карьера с помощью авиационного двигателя. Решением вопросов кондиционирования воздуха занимался относительно молодой специалист доктор Вольфганг Мюллер, довольно педантичный, зачастую резковатый в обращении человек.

Вместе со мной нормализацией радиационной обстановки на рудниках занимался молодой сотрудник Людвиг Хамбек, поставивший перед собой цель защитить докторскую диссертацию (по меркам Советского Союза, это соответствует ученой степени кандидата наук). Через 2 года в лабораторию в порядке оказания техпомощи приехал один из разработчиков методики расчета необходимого количества воздуха по радиоактивному фактору сотрудник НИЛ-6 «ВНИПИпромтехнологии» Л.Д. Салтыков, с которым мы передали основные положения методики, а также принципы создания программ для автоматического расчета.

По прошествии нескольких месяцев моей работы в НТЦ приехавший в Общество Н.И. Чесноков решил поинтересоваться работой некоторых лабораторий. На вилле в комнате приемов С.Н. Волощук и Н.И. Чесноков заслушивали начальников лабораторий, в числе которых был и автор этих воспоминаний. Я подробно рассказал о направлениях работ и ожидаемых результатах. Оба остались довольны моим сообщением, а Н.И. Чесноков потом сказал мне, что убедился в том, что я за короткое время вписался в тематику, раз-

1976 г., г. Ауэ. На одном из праздников с немецкими коллегами. Справа налево: П.С. Кадук, А.М. Чумаченко, Н.А. Максуров, А.А. Лебедев.

рабатываемую лабораторией.

В конце 1971-го года в порядке оказания технической помощи в лабораторию приехал доктор технических наук, профессор Александр Фролович Воропаев. Кроме консультаций по вопросам кондиционирования воздуха он ознакомился с некоторыми работами. После тщательного анализа работы по использованию авиационного двигателя для проветривания карьера он сделал заключение об экономической нецелесообразности применения такого средства проветривания для относительно неглубокого рудника.

После получения квартиры ко мне приехала жена, Зоя Николаевна, и сын, Анатолий, который продолжил учебу в 8-ом классе советской школы в г. Карл-Маркс-Штадте. Я обратил внимание на то обстоятельство, что в коллективе советских сотрудников

1976 г., г. Ауэ. У советского клуба после дружеской встречи с немецкими коллегами РУ №9.

Справа налево: З.Н. Чумаченко, Т.В. Рахвалова, Н.И. Куницкий, В.Д. Жильцов, И.В. Токарев, немецкий коллега, В.А. Гудимов, А.М. Чумаченко, немецкий коллега, К.Н. Рахвалов, Н.А. Максуров, А.А. Лебедев, В.В. Жажин, В.И. Васин, Лео Летцель, секретарь парткома СЕПП РУ №9, сидит Ю.Л. Кучерук, возвышается — В.П. Кондрашов

проходила активная спортивная и культурная жизнь.

Довольно часто проводились выездные познавательные-ознакомительные экскурсии в различные города и местности. Регулярно организовывались поездки на Лейпцигскую промышленную ярмарку. С большой заинтересованностью мы с женой многократно ездили в г. Дрезден, посещая знаменитую картинную галерею. Там, специально выделенный для советских граждан экскурсовод знакомила нас с шедеврами мировой живописи: картинами великих мастеров, таких как Рафаэль, Джорджоне, Тициан, Рубенс, Рембрандт, Ван Дейк и других. Когда я заходил в залы галереи, то в первую очередь направлялся в зал, где на самом видном месте была выставлена «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Кстати, перед отъездом на родину я приобрел небольшую репродукцию этой картины. Она до сих пор красуется на стене моей квартиры, и я часто люблюсь ею.

Запомнилась поездка на экскурсию в Шпреевальде, местность, которая «пронизана» большим количеством водных протоков. Оказывается, на территории Германии проживала небольшая славянская община со своими национальными обычаями.

Очень интересной была трехдневная поездка в дом отдыха Общества в Цинновце, находящемся на острове Узедом в Балтийском море. Я вспоминал о том, что во время Отечественной войны с аэродрома, расположенного на этом острове, советский летчик Девятаев, будучи военнопленным, «увел» немецкий истребитель, в котором улетели еще несколько пленников. Вспоминал также, что на этом острове проводил испытания своих ракет «ФАУ» немецкий конструктор ракетной техники Вернер фон Браун.

Незабываемыми были поездки в Берлин и Потсдам. В Берлине мы посетили многие достопримечательные места. Это и знаменитый музей «Пергамон», пантеон, грандиозный зоопарк, а также места, связанные с Великой Отечественной войной: такие как Трептов-парк с захоронениями советских воинов и величественной фигурой советского солдата-победителя с немецкой девочкой на руках скульптора Вучетича, Панков-парк с захоронениями советских воинов и многое другое. Побывали также у Бранденбургских ворот, откуда можно было видеть еще не восстановленное здание Рейхстага на территории Западного Берлина. Конечно же, испытывали гордость за нашу страну, армию, сокрушившую мощную немецко-фашистскую военную машину. Посетили и инженерную академию в Карлхорсте, в помещении которой была подписана безоговорочная капитуляция германской армии.

Ездили также на Зееловские высоты, этот последний серьезный рубеж на подступах к Берлину, который смогли преодолеть советские войска, правда, ценой больших потерь.

В большом восторге мы с женой остались от посещения архитектурно-ландшафтного парка Сан-Суси в Потсдаме. Этот маленький «Версаль» оставил неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Как-то я был в гостях у П.Ф. Кривчикова, начальника производственного отдела Общества, которого знал по работе главным инженером «Яхимовских рудников» в Чехословакии. К нему зашел секретарь парткома парторганизации СГАО «Висмут» Виктор Михайлович Щелкалин. Меня познакомили с ним, и, когда он услышал фамилию, сказал мне, что его заинтересовала моя жена, но не как инженер-геодезист, а как научный редактор издательства «Не-

дра». Так как Зоя Николаевна была членом КПСС, он решил предложить ей поработать заведующей парткабинетом, расположенным в основном здании Управления. После собеседования Виктор Михайлович утвердил ее в этой должности, на которой она проработала более двух лет.

Летом 1973-го года в лабораторию приехал начальник НИЛ-6 «ВНИПИПромтехнологии» доктор технических наук Борис Дмитриевич Чижов. С ним прибыли два разработчика детандера – средства для охлаждения воздуха в горных выработках, работающего в автономном режиме. Ю.А. Новосельский, сотрудник НИЛ-6, и Ю.М. Фролов, специалист из МВТУ им.Баумана, провели исследования привезенного турбодетандера в одной из выработок шахты №371 РУ №9 с повышенным тепловыделением из горных пород, которые показали хорошие результаты. Конечно, в условиях РУ №9, где действовала уникальная система централизованного кондиционирования воздуха, использование турбодетандеров не имело смысла. Но на рудниках Советского Союза, на которых сооружение поверхностного холодильного комплекса было нецелесообразным вследствие небольшой их производительности, применение турбодетандеров было вполне приемлемым.

Б.Д. Чижов по достоинству оценил действующий холодильный комплекс для кондиционирования рудничного воздуха в выработках глубоких горизонтов (на глубине 1350 м и ниже) шахт РУ №9 на которых он работал в начале 50-х годов и проживал в г. Ауэ. С какой-то ностальгией по тем далеким временам Борис Дмитриевич в моем сопровождении ходил по улочкам этого небольшого горняцкого городка. Мы зашли в городскую ратушу, поприветствовали сотрудников, а Б.Д. Чижов рассказал, что более двадцати лет назад работал и жил в г. Ауэ, и у него остались самые теплые воспоминания о тех годах и немецких коллегах, с которыми ему довелось работать. Сотрудники ратуши были тронуты такими добрыми отзывами и в память об этой импровизированной встрече вручили сувениры с изображением г. Ауэ.

Б.Д. Чижов был человеком широкой души, умел расположить к себе людей. Запомнился в связи с этим такой эпизод. Накануне отъезда на Родину на виллу, в которой он остановился, без какого-либо приглашения пришло проститься с ним довольно много советских специалистов. Они едва размещались в немаленькой комнате виллы. Одни уходили, другие приходили, проводы продолжались допоздна. Это свидетельствовало о немалой популярности Бориса Дмитриевича.

В конце 1973-го года после окончания командировки уехал в Советский Союз главный инженер НТЦ Леонид Михайлович Титов. В течение двух с лишним лет моей работы я ощущал его поддержку, особенно в начальный период. У меня остались о нем самые хорошие воспоминания.

В 1974-ом году мой сын оканчивал 10-й класс школы в Карл-Маркс-Штадте. Во время весенних каникул с согласия соответствующих органов была организована трехдневная поездка в Берлин и Потсдам. Мне предложили в качестве представителя от родителей вместе с несколькими преподавателями школы сопровождать десятиклассников. Я был доволен тем, что мне доверили сопровождать такой «бесценный груз». Во время экскурсии мы посетили мемориальное кладбище советских воинов с величественной скульптурой советского солдата в Трептов-парке, прогуливались по Унтер ден Линден, улице, ведущей к Бранденбургским воротам, долго стояли у этих ворот, поглядывая на некогда грозное здание Рейхстага, побывали на Александер-платц и ряде других мест. А в Потсдаме главным местом нашей экскурсии, конечно же, был красивейший парк Сан-Суси. Там же, в Потсдаме приближались к стене, за которой находилась уже другая Германия. Поездка закончилась благополучно, без каких-либо происшествий. Уверен, что у десятиклассников остались в памяти самые хорошие впечатления.

Хотелось бы упомянуть о школе, выразить свою признательность ее преподавателям, работавшим в те годы. К сожалению, я запомнил лишь фамилию преподавателя математики Капустина. Мой сын, обучаясь в московской школе, не блистал отличными знаниями. Окончив же эту школу, он получил аттестат только с одной «четверкой». Получив такой аттестат, он «вырос в своих глазах» и осмелился сдавать вступительные экзамены в Московский финансовый институт на факультет «Международные экономические отношения». Хотя и с большим трудом, но в институт он поступил и благополучно его закончил.

Летом 1974-го года я с разрешения С.Н. Волощука, при содействии главного инженера Общества Леонида Михайловича Тормышева и по приглашению главного инженера РУ №9 Вячеслава Дмитриевича Жильцова перешел на работу главным инженером шахты №366. Состав работы мне был знаком. Немного беспокоило недостаточно хорошее знание немецкого языка. Ведь по роду работы в Чехословакии я общался с работниками рудника на чешском языке.

Руководство и инженерно-технические

работники шахты приняли меня в свой коллектив как и подобает дисциплинированным гражданам. А дальше все зависело от меня. С первых дней у меня установился деловой контакт с начальником шахты Манфредом Хаманном и оберштайгером Дитаром Рогаузенном. Очень хорошие отношения у меня сложились с главным геологом шахты Юрием Лаврентьевичем Кучеруком, советским специалистом, почти в совершенстве владевшим немецким языком. К тому же, некоторые немецкие работники, побывавшие в советском плену, неплохо разговаривали по-русски. Довольно скоро я стал общаться со всеми начальниками участков, руководителями служб, а потом и отдельными горняками. На шахте в то время работали заместитель начальника шахты Йоганнес Зюсс, геолог Вернер Хойслер, главный механик Готфрид Глаге, заместитель оберштайгера Тео Гросс.

Моей основной задачей было выполнение плановых заданий по добыче руды. За время работы в течение трех с лишним лет я не припомню фактов невыполнения месячных планов. Помню, однажды сложилась тяжелая ситуация с добычей руды, намечался срыв выполнения задания. Начальник шахты сказал мне, что в этом месяце придется «завалить» план. Я же, привыкший за время работы в Чехословакии считать, что выполнение плана является законом, не согласился с ним. Мы спустились в шахту, осмотрели несколько очистных блоков, наметили в блоке с относительно высоким содержанием металла произвести выемку руды с некоторым нарушением порядка отработки блока. Добытой руды из кровли очистной выработки хватило, чтобы план был выполнен.

Кроме основного направления моей работы я занимался вопросами техники безопасности на горных работах, не забывал и о контроле радиационной обстановки. Между прочим, в шахту на горизонты минус 1215, минус 1260 и минус 1305, на которых вела работы шахта №366, подавалось достаточное количество воздуха, что обеспечивало поддержание концентраций радона и короткоживущих продуктов его распада не выше допустимых уровней.

Находясь в Ауэ, я вспоминал о том, что здесь с 1950-го года на одной из шахт работал мой друг Виталий Николаевич Кучевский, с которым мы вместе заканчивали институт. Об этом он мне рассказал позднее. Оказалось, В.Н. Кучевский трудился в то время, когда там работал Б.Д. Чижов, а главным инженером РУ №9 был Н.И. Чесноков. В 1955-ом году, будучи начальником производственного отдела, он оказался в шахте, когда возник подземный пожар. Находясь в задымленной выработке, Кучевский потерял

сознание и упал, надышавшись продуктов горения. Его с большим трудом вытащили с того света. А советского специалиста, маркшейдера, по фамилии, кажется, Малявка, спасти не удалось.

Когда Н.И. Чесноков был назначен главным инженером Общества, то он предложил В.Н. Кучевскому занять должность начальника производственного отдела. В 1956-ом году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В Советском Союзе он работал на предприятиях первого главка Министерства геологии, занимавшегося разведкой урановых месторождений, и Министерства среднего машиностроения. Последней должностью, которую он занимал перед уходом на пенсию, была – генеральный директор советско-венгерского уранодобывающего предприятия.

В немалой степени для слаженной работы отводилось общению с немецкими коллегами на уровне семей в домашней обстановке. Как-то начальник шахты пригласил к себе домой меня и геолога Юрия Кучерука. В непринужденной обстановке мы общались у него дома в г. Шнееберге. Оказалось, что он – потомственный горняк, его отец работал на руднике в Шнееберге. А жена, Сузи, была учительницей в школе им. Песталоцци. У них росли двое сыновей. Я узнал, что Манфред был членом социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

Готовясь к ответному приему семьи Хаманнов, я попросил жену, которая должна была приехать ко мне после поступления сына в институт, купить в качестве подарка сувенира какую-нибудь книгу о В.И. Ленине. Вскоре после приезда Зои Николаевны я пригласил Манфреда с женой к нам в гости. Общение было довольно непринужденным. Зная, что я являюсь членом КПСС, он произнес тост такого содержания, что, Анатолий, мы не были бы коммунистами, если бы не выпили содержимое бокалов за успехи наших партий в деле строительства социалистического общества в наших странах.

Еще раньше начальник шахты, узнав мой возраст, спросил, участвовал ли я в войне. Я ответил, что лица моего года рождения призывались в армию в конце 1944-го года, но юношей, обучавшихся в 10-х классах средних школ, призывать не стали. Красная армия уже вела бои на территориях европейских стран, война подходила к концу, стране нужны были не офицеры, которых было великое множество, а специалисты с высшим образованием (инженеры, врачи, преподаватели и др.) Ведь нужно было восстанавливать разрушенное войной народное

хозяйство, а гражданских специалистов «выкосила» война. Манфред был очень удивлен, а потом, подумав немного, произнес фразу о том, что все-таки Шталин был великим стратегом, ибо, проводя военные действия, уже строил планы восстановления страны по всем направлениям.

На Родине в хороших коллективах было принято дни рождения отмечать на работе в кругу сотрудников. Так было в НИЛ-6 «ВНИПИПромтехнологии», бессменным начальником которой на протяжении двадцати с лишним лет был Б.Д. Чижов. У меня сложились неплохие отношения с коллективом инженерно-технических работников шахты, и я позволял себе в своем кабинете небольшой фуршет по случаю такой даты. Для немецких коллег это было вновинку. И целый ряд из них также стал отмечать свои дни рождения, правда, не на работе, а дома, и в более узком составе. В числе приглашенных бывал и автор этих строк. Таким образом я знакомился с семьями сотрудников. У некоторых из них самым изысканным блюдом на столах был «татар» - сырое рубленое мясо в виде большого биточка с яичным желтком сверху. Я пересиливал себя, заставляя съесть этот праздничный «изыск», чтобы не обидеть хозяев.

А 50 –летний юбилей в январе 1977-го года я отмечал не совсем обычно. Был предусмотрен фуршет на шахте, а вечером что-то вроде банкета в недавно отстроенном советском клубе. Я только намеревался пригласить немецких коллег к столу, как вдруг мне позвонили из приемной генерального директора и сказали, что к вам придет поздравить Семен Николаевич Волощук. Начальник шахты настоял на переносе всех «яств» в его более просторный кабинет. Через какое-то время вновь звонят из приемной с сообщением о том, что С.Н. Волощук срочно уехал по неотложным делам, но послал своего представителя, заместителя главного инженера Общества Г.Г. Андреева. Георгий Георгиевич от имени генерального директора поздравил меня с юбилеем, заканчивая тост сакраментальной фразой о том, что, тот, кто не уважает юбиляра, может не выпить или не допить. После фуршета мы с немецкими коллегами поехали в советский клуб, где собрались советские сослуживцы, чтобы отметить эту знаменательную дату в моей жизни.

Мне запомнились коллективные выезды семей советских и немецких сотрудников, которые осуществлялись по инициативе немецкой стороны. Участниками таких поездок были Ю.Л. Кучерук и автор этих строк с женами. Мы побывали в Дрездене, где посетили ряд музеев и слушали оперетту «Моя прекрасная леди». В Берлине и Потсдаме также побывали в музеях и, конечно же, в

прекрасном парковом ансамбле Сан-Суси.

Остались в памяти и встречи по линии германо-советской дружбы, которые довольно часто проводились в горняцком клубе «Активист» г. Ауэ. Так как коллектив советских сотрудников был относительно невелик, на такие встречи направлялись по две-три семьи, ибо посещать все подобные мероприятия были слишком обременительно.

Во время моей работы в РУ №9 сложился дружный работоспособный коллектив советских специалистов, главным инженером которого был В.Д. Жильцов. Все были нацелены на выполнение главного задания – выполнение планов добычи руды. Там трудились начальник производственного отдела К.Н. Рахвалов, начальник технического отдела В.И. Васин, главные инженеры шахт Б.А. Гарбарский, В.С. Барбаш, И.В. Николаев, главный геолог РУ №9 И.В. Токарев, геологи шахт Ю.Л. Кучерук, В.А. Беляков, начальник пла-

ново-экономического отдела Н.А.Максуров, начальник ОТК А.И. Бобовский.

Работа советско-немецкого коллектива РУ №9 не осталась без внимания. В 1976-ом году по случаю 30-летия Министерства среднего машиностроения ряд советских и немецких работников был награжден орденами и медалями СССР. Так, В.Д. Жильцов получил орден «Знак Почета», а ваш покорный слуга – медаль «За трудовую доблесть».

В советском жилом секторе г. Ауэ вместе со специалистами РУ №9 проживали и сотрудники геологоразведочной партии. В секторе функционировал клуб с сауной, являвшейся «центром притяжения» советских сотрудников и членов их семей. Очень многие занимались художественной самодеятельностью. В Зигмаре ежегодно проводились смотры-концерты самодеятельных коллективов, проживавших на всех объек-

1977 год, г. Ауэ. День шахтера. Изображение советских сотрудников-горняков, работавших в Саксонии, в РУ №9. Слева направо: В.Д. Жильцов, К.Н. Рахвалов, В.И. Васин, А.В. Васильев, А.М. Чумаченко, И.В. Николаев, Б.А. Гарбарский, В.С. Барбаш.

тах. К таким смотрам готовились не один месяц, проводя не только разного рода репетиции, но и подготовку костюмов для участников, в первую очередь для хора. Мы с женой также становились самостоятельными артистами, правда, в спектакле, а Зоя Николаевна занималась еще и пошивом платяев для хорового коллектива.

Как-то я побывал в первый раз в жизни на охоте, но не охотником, а в качестве загонщика. Дело было зимой, пришлось передвигаться по глубокому снегу. Впечатление осталось на всю жизнь, главным образом, потому, что весь день я вдыхал чистый лесной здоровый воздух.

Организовывали мы и поездки на экскурсии. Запомнилась мне поездка в гористую местность Гарц, расположенную юго-западнее Берлина. Мы посетили города Кведлинбург и Вернигероде, что в непосредственной близости от границы с ФРГ, и любовались водопадом на притоке Эльбы. А на ночлег останавливались в так называемой гостинице воинской части в г. Магдебурге. На обратном пути мы проезжали городок Цербст, в котором родилась будущая российская императрица Екатерина Вторая, и заехали в г. Виттенберг, где посетили собор, в котором читал свои проповеди великий немецкий реформатор Мартин Лютер. От экскурсии остались незабываемые впечатления.

Очень позитивным было то обстоятельство, что разрешался приезд в ГДР к советским сотрудникам членов их семей, в частности, детей. Еще когда мы проживали в Зигмаре, к нам несколько раз приезжала дочь, студентка МГУ. А в Ауэ к нам приезжали дочь и сын, ставший студентом МФИ. С ними мы ездили на двухдневный отдых в дома отдыха Общества. А с сыном провели два выходных дня на озере Пёль, где располагались в бунгало – летнем домике на одну семью со всеми удобствами. Днем мы купались в озере, сын играл в волейбол с немецкими отдыхающими, а вечером впервые смотрели и слушали по телевизору концерт шведской группы «АББА», начинавшей победное восхождение на эстрадный Олимп. Зимой с дочерью мы побывали на лыжной базе в Обервизентале, где она спускалась на лыжах с горы, я же оставался сопровождающим наблюдателем, а при спуске с горы без лыж подвернул ногу.

Между тем, приближался срок окончания моей шестилетней командировки в СГАО «Висмут». Узнав об этом, Манфред Хаманн сказал, что мы устроим достойные проводы. Действительно, прощание состоялось в ресторане г. Ауэ «Голубой ангел», в котором собралось около двадцати немецких коллег. Я подготовил прощальное выступление на немецком языке, в котором поблагодарил за

совместную хорошую работу персонально каждого из присутствовавших.

В начале сентября 1977-го года мы с женой вернулись в Москву, а на следующий день дочь «подарила» нам первого внука. Отгуляв отпуск, я продолжил работу в НИЛ-6 «ВНИИПромтехнологии» старшим научным сотрудником. Работая в НИЛ-6, я несколько раз выезжал в СГАО «Висмут» вместе с руководителем группы А.И. Ананьевым в краткосрочные командировки. В НТЦ, в лаборатории вентиляции и кондиционирования мы занимались вопросами проветривания рудников по радиоактивному фактору, а также проветривания с учетом загрязненности рудничного воздуха выхлопными газами при работе дизельных самоходных машин. Между прочим, исследования медиков показали, что при воздействии на организм человека радона в сочетании с дизельными выхлопами намного повышается риск профессионального заболевания рабочих.

В один из приездов меня принял по своей инициативе С.Н. Воложук, поинтересовался моей работой в Советском Союзе, пожелал мне успехов в работе. У меня о нем сохранились самые хорошие теплые воспоминания.

В каждый из моих приездов в СГАО «Висмут» я непременно ездил в г. Ауэ на шахту №366, встречался с коллегами с которыми работал в 70-е годы. Начальником шахты все также был Манфред Хаманн, который всякий раз организовывал небольшие фуршеты. Кстати, Манфред с женой бывали не один раз у меня в гостях в Москве, а все годы до развала СССР мы обменивались поздравлениями.

После того, как Б.Д. Чижов ушел на пенсию, я был избран начальником НИЛ-6, а позднее – начальником межотраслевой научно-исследовательской лаборатории радиационной безопасности, работа которой финансировалась Министерством цветной металлургии СССР. Дело в том, что проблема радона на многих рудниках по добыче руд цветных металлов оказалась не менее актуальной, чем на урановых рудниках. И заместитель министра по горным вопросам К.К. Арбиев (кстати, мой институтский однокашник) привлек наш институт к решению этой проблемы. Лаборатория занималась решением радоновой проблемы уже на российских рудниках, добывающих руды цветных металлов, до моего ухода в 1997-ом году на пенсию.

Вспоминая прожитую жизнь с «высоты» уже солидного возраста, могу сказать, что годы, проведенные в СГАО «Висмут», были лучшими в моей жизни. Я благодарен судьбе за то, что мне довелось работать, и не только работать, в ГДР, в СГАО «Висмут», и быть «висмутянином».

Владимир

Иванович

Мазуров

Моим друзьям, немецким коллегам и советским товарищам посвящая

Владимир Иванович МАЗУРОВ родился 17 сентября 1944 года на острове Сахалин в городе Оха. В 1977-ом году закончил Томский политехнический институт. С 1982 по 1988 в СГАО Висмут, работал главным геологом шахты №366 Объекта 9 в городе Ауэ.

Урановая песня Нидершлемы-Альбероды, или Здравствуй, "Висмут", это — я!

Весной 1982-го года, когда я работал в Казахстане на урановом руднике в городе Степногорске, меня вызвала к себе в кабинет главная геолог рудоуправления Вера Антоновна Карпенко, прекрасная женщина и специалист, и спросила, не желаю ли я поехать в командировку за границу? И предложила три страны: Монголию, Болгарию и ГДР. Я долго не раздумывал и выбрал ГДР. Хотя зарплату там платили меньше всех из этих стран. Но я летел не за деньгами — я летел за культурой! За мировой культурой! Вечером я рассказал обо всем этом моей жене Наде. Она одобрила мой выбор и мы скоро об этом забыли...

И вот мы летим всей семьей. Наша семья небольшая, самая обычная, из четырех человек. Двое детишек: Таня, наша дочка 8 лет и сын Сережка, чаще Серенький, 12 месяцев от роду. Ну, естественно, и мы с Надей, женой. Из пожитков — два обыкновенных чемодана: маленький и большой, которые перед отъездом подарили нам родственники и в которых, собственно, кроме одежды, ничего и не было. В аэропорту нашего города в те «застойные» времена было пиво, нехитрые бутерброды, а если хорошо попросить, то и сто грамм могли налить. Все это было здесь, в небольшом буфете, с тремя маленькими столиками. Перелет на Ан-24 до Целинограда занимал ровно тридцать минут и стоил всего три рубля. Так как самолет в Москву летел на следующий день рано утром, то нам предложили места в гостинице.

Ровно в 5-00 самолет взял курс на Москву. В нашем «Ту» почти не слышно шума. Внизу оставался наш Казахстан, наша Россия, наша Родина. Я еду в командировку на три года и вернусь. В общем-то я ничего не боялся, а немецкий язык меня вообще не пугал, потому что и в школе, и в техникуме, и в институте я изучал его, и, можно сказать, неплохо (так мне казалось) знал. Пугала разве что неизвестность.

Через три часа мы были в Москве — столице нашего, тогда еще мощного, государства. В Москве приходилось мне и до этого не часто бывать, но вот так, со всей семьей, — в первый раз. Перегрузившись в такси, мы из аэропорта покатали в центр Москвы.

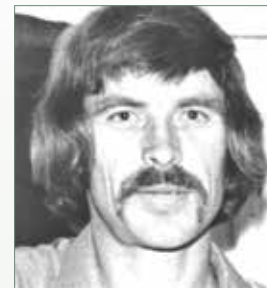
Наше Министерство среднего машино-

строения мы нашли почти в самом центре Москвы (недалеко от Красной площади), в многоэтажном здании. Бюрократической волокиты, как ни странно, в министерстве не было. Просто на первом этаже в окошечко сдаешь паспорт, получаешь пропуск, и можно шагать в открывшуюся для тебя дверь. Что мы с Надей и сделали. В конце концов мы пришли в кабинет №27. Там сидели два степенных товарища преклонного возраста с солидными лицами и, как говорится, сразу взяли быка за рога. Через пять минут я знал, что еду в город Ауэ, на должность главного геолога шахты №366. Меня это устраивало. Жену и детей тоже. И 22 июня на поезде мы должны пересечь государственную границу с Польшей.

Поезд «Москва-Берлин» довез нас до Бреста без приключений. В Бресте мы задержались не более двух часов. И снова мы на колесах. Первые шаги, первые метры по польской земле. Необычное какое-то волнение. Чужая земля, даже воздух кажется не таким. Давно стоят на столике рюмки, наполненные коньяком, но мы, кажется, об этом забыли. И когда в купе зашли польские пограничники, мы немного успокоились. Они буднично поздоровались, посмотрели документы, что-то поставили в паспортах, потрепали детей по макушкам и удалились. Польша! И вот Варшава. Поезд петляет по подземному метро и, наконец, «выныривает», на вокзале. Стоим недолго. На перроне много иностранцев и военных. Через некоторое время трогаемся дальше.

Вечером — граница с Германской Демократической Республикой. Мы уже в вагоне немного обжились. На 90 процентов едут советские граждане. Много среди нас солдат. В общем-то приятные, нормальные люди. Безобразий нет, пьяных тоже. На границе с ГДР та же процедура, что и на границе с Польшей. Никаких проблем. Уже поздно. Дети спят, а мы с Надей всматриваемся в темноту за окном.

Город Франкфурт-на-Одере. Здесь наша конечная остановка, а дальше нас повезет автобус. Какой-то добрый, расторопный русский дядька с листком бумаги в руке, деловито вызывал нас по фамилиям. Когда мы все вышли из вагона под стеклянный купол

В.И. Мазуров

огромного вокзала, я окончательно убедился, что это не сон, что это Германия, даже пусть и демократическая. Везде чистота и порядок. Потом, позднее, я увидел, что есть, оказывается, еще лучше и чистота и порядок. Сережка спал на руках у мамочки, а мы с Татьянкой сидели на чемоданах и ждали автобус.

Комфортабельный «Икарус», сверкая глянцевыми боками, подъехал к нашей группе. Оказывается мы все, сидящие в одном вагоне, а теперь все сидящие в одном автобусе, ехали в один и тот же город: Карл-Маркс-Штадт. Езды туда порядка 4-х часов с остановкой в Морозовке. Надо сказать, что попробовав впервые немецкого пива на немецкой земле на вокзале, я отнюдь не пришел в восторг, а вот почему-то мне сильно захотелось спать. Устроившись с семьей на передних сидениях, я задремал. Проснулся я оттого, что мы стояли. Жены с детьми не было, да и половины пассажиров тоже. Водитель оказался на месте. «Was ist das?», — спросил я. «Морозовка», — ответил шофер. Я вышел из «Икаруса». Несколько домишек и домов, столики прямо на свежем воздухе, много машин и людей, и изумрудная зелень вокруг. Подбежала дочь. Оказывается, они купили сосиски с булочками, лимонад, и сидят за столиком, ждут меня. Это летний ресторанчик, гаштет, где можно и выпить, и закутить. О немецких сосисках надо говорить отдельно. Вкуснее их я не пробовал и, наверное, не попробую ничего другого. Остановка в Морозовке заняла не более часа. Особыми достопримечательностями она не выделяется. Это место под Дрезденом, прямо на автобане, где останавливаются отдохнуть, размять ноги, перекусить и, наверное, даже переночевать. Морозовка — где-то посередине между Франкфуртом-на-Одере и Карл-Маркс-Штадтом.

Автобаны — прекрасные дороги и жалею до сих пор, что я за рулем автомобиля по ним очень мало ездил. Водитель нашего «Икаруса» приветствует рукой мчащиеся навстречу автобусы. Те отвечают взаимностью. До самого Карл-Маркс-Штадта я не увидел на автобане ни одного(!) велосипедиста, ни одного взрослого человека и ребенка, ни одного домашнего животного. Дорога только для автотранспортных средств и ни для кого больше. Ошибиться путешествующему на автомобиле или попасть не в тот город практически невозможно. Указатели и надписи на щитах приведут Вас туда, куда надо.

Мелькают городки и деревни. И вот Карл-Маркс-Штадт. Нас подвезли к 3-этажному зданию, так не похожему на гостиницу. Мы выгрузились, и автобус ушел. Все, дорога закончилась. Нас встретила очаровательная хозяйка гостиницы (а это оказалась и впрямь

гостиница). Русская. Поселили нас на 2 этаже, в комнате номер 3. Коротко объяснила — что? где? — и ушла. Телефона, правда, в номере не было. Не успели как следует расположиться, как дежурная пригласила меня к телефону на первом этаже. Мужской голос предложил мне завтра прийти в кабинет номер 20 управления. Завтра начинался мой первый рабочий день.

Два дня, проведенные в гостинице после приезда, просто рай. Первое, что мы сделали — пошли в магазин. Купить продукты — проблем никаких. Они лежат тут же на прилавке с проставленной ценой. Бери, плати и уходи. Проблема с промтоварными вещами. Мы долго не могли купить будильник. Пальцами тыкать неудобно, а как будильник на немецком, я, увы, не знал. Купили и небольшой немецкий магнитофон. Вечером с сыном гуляли. Этот район Карл-Маркс-Штадта называется Зигмар. Здесь центр или главный мозг СГАО «Висмут». Вокруг клуба целый городок «хрущевок» для семей советских специалистов, живущих и работающих здесь. После разговора в управлении (которое я не без труда нашел), я был направлен в город Ауэ на должность главного геолога шахты №366, как мне и говорили в Москве.

Ну, здравствуй, Ауэ! Ауэ в переводе с немецкого — «яма, долина». Вот в эту «яму» мы и прибыли с семьей в июне 1982-го, далекого и такого близкого нам года, и, как оказалось, на таких долгих и таких коротких 6 лет. Этот городок стал нашим домом, нашей болью и печалью, нашим горем и радостью. Мы полюбили тебя с первых минут и полюбили навсегда. Выгрузившись из «Баркаса» (чем-то напоминающим наш «таблетку» — УАЗик), мы оказались в секторе, насчитывающем четыре дома, где жили советские специалисты со своими семьями. Нас поселили в двухкомнатной квартире, на самом берегу шумной речушки Мульды, бегущей с гор. Квартира была полностью обставлена мебелью (телевизор, ковры и т. д.). Неожиданно заболел сын. Где-то простыл.

Утром иду уже в местное управление к главному геологу товарищу Ефимову Владимиру Ильичу. Он фронтовик, который, по его словам, в 1945-ом году въехал на белом коне в город Хемниц (ныне Карл-Маркс-Штадт). Это был человек, который прекрасно владел немецким языком, да и языком вообще. Придирчиво осмотрев меня, он сказал, чтобы я сменил советскую куртку на немецкую, приходил на работу в костюме, белоснежной рубашке и галстук (сам он галстук почти не носил). Кроме того, чтобы я был в начищенной до блеска обуви. Еще Ефимов поинтересовался: занимаюсь ли я спортом или нет, участвовал ли в художественной самодеятельности. Узнав, что болен сын, отпустил,

сказав, что завтра едет со мной знакомить коллектив шахты, на которой мне предстоит работать, возглавляя геологический отдел. На том мы и расстались.

Сделаю небольшое отступление. Спортом, кроме футбола, ну и, пожалуй, гимнастики, я не занимался. Давным-давно, в юности, играл в городки. В художественной самодеятельности тоже не участвовал (избегал, как мог), а вот на гитаре играю и пою до сих пор. Попадают обычно с корабля на бал. Я же, наоборот, попал с бала на корабль. Едва познакомив с руководством шахты, меня усадили в кресло главного геолога (в собственном кабинете) и можно сказать оставили в покое.

Итак, господа присяжные заседатели, лед тронулся! В должности главного геолога шахты я сменил Юрия Горбачева. Горбачев был толковый геолог, даже с научными задатками и с прекрасными знаниями немецкого языка, трижды побывавший в командировках в ГДР, общей протяженностью в 18 лет. Надо ли говорить о его познаниях в шахтной геологии. Кроме меня, на шахте работал главный инженер по технике безопасности Куценко Володя. Тоже с отличным знанием немецкого языка. В окружении таких вот «акул», говорящих и уже живущих «по-немецки», я выглядел желторотым птенцом. И это среди 1000 шахтеров-немцев. Да, большой корабль. А вот и первая неувязка. Первая «ласточка». Зашел какой-то парень, заговорил со мной по-немецки, стал показывать на ноги и на шкаф. От всего пережитого с утра я совсем обалдел и перестал вообще соображать. Но слова Stiefel и Schrank (сапоги и шкаф) уловил сразу. Ничего не понимая, я дал парню ключ от шкафа. Он открыл его, достал какую-то книжку с листочками, взял ручку и стал что-то писать. Потом подал ручку и книжку мне. Оказывается этот коллектор (техник-геолог) продырявил сапоги в шахте, а я, как его непосредственный начальник, должен выписать ему новые. Через шесть лет, когда я уезжал навсегда в Союз, мы с ним с улыбкой вспоминали эту историю.

Рабочие будни начались. Прошло более 20 лет после жизни в ГДР. Но до сих пор я не могу утром поздно вставать, а вечером поздно ложиться. Это останется у меня, наверное, до конца жизни. Впилось в кровь вместе с радиацией, впиталось как в губку. А вставать в четыре утра, когда вставал на Родине в семь, — нелегко. По написанному (или писаному) закону рабочий день на шахте начинался с планерки. На ней присутствовали все: начальник шахты, начальники участков, главный инженер и главный геолог, а также главный механик и главный маркшейдер. Планерка обычно длилась 15-20 минут, но иногда затягивалась до по-

лутора часов. Здесь обсуждалась техника безопасности, другие вопросы, но главным была добыча урана. Кстати о технике безопасности. Когда я первый раз спустился в шахту (для знакомства), то был страшно поражен. Техника безопасности по сравнению с техникой безопасности на моей Родине, в СССР, отставала. Отсюда и травматизм, и несчастные случаи со смертельным исходом на горных предприятиях «Висмута». Конечно, надо отдать должное и большим глубинам, и сложным условиям месторождения. Итак, начали пролетать мои рабочие дни. Именно пролетать. Собственно говоря, я работал (да и не только я, но и все советские специалисты) с утра до позднего вечера. Шахта, дом, клуб. Клуб, дом, шахта. Каждый день, кроме некоторых суббот, воскресений и праздничных дней. И все-таки главный упор я делал на изучение немецкого языка. Изучению немецкого языка здесь уделялось большое вни-

Наш советский коллектив.
(г.Фрайберг. 1988 г.)

мание. Два года — три раза, затем — два раза в неделю, проходили 2- и 3-часовые занятия (в том числе и в рабочие дни). Преподавал нам великолепный учитель Отто Оттович Бем (Bhom). Его познания в русском языке были воистину ошеломляющими. Он знал и понимал массу русских анекдотов, даже блатной русский жаргон был ему знаком. Кроме русского языка он знал английский, болгарский, польский и, по-моему, понимал все языки народов Европы (к слову сказать, почти все немцы, как правило, знают английский язык). В группе нас занималось не более десяти человек. Учеба каждому из нас давалась по-разному. Здесь все играло роль: и возраст, и изучение иностранного языка в школе и в других учебных заведениях и даже национальность. Самый «умный» из нас (в смысле знания немецкого языка) был Кафтаранов Марат. Он буквально на лету схватывал слова и уже на первом году учебы сносно говорил по-немецки. И надо же было такому

г.Торгау. Место встречи советских и американских войск. 1987 г.

случиться, что на сдаче «выпускных» экзаменов он забыл как на немецком языке обыкновенный сыр. Бывает... А вот Сергею Кудряшову (тоже из нашей группы) язык давался с трудом и для него было камнем преткновения ответить на вопрос нашего Отто Оттовича: «Wie sprichst du?» (Который час?) Однажды Отто Оттович рассказал нам интересную историю. Когда он учился в заведении, где изучал английский язык и попал один(!) из всей группы на берег «туманного альбиона» для прохождения первой практики, то очень боялся, что не поймет английский язык настоящих жителей острова. Но только он

ступил с корабля на землю, не успев пройти и десяти шагов, как к нему тут же подошла молодая красавица и начала что-то негромко говорить. Студент Отто виновато сказал ей, что он ничего не понимает. Что-то пробормотав в ответ, женщина тут же исчезла. Практикант Бем соврал ей. На этом месте рассказа Отто Оттович остановился и обратился к Сереже Кудряшову (ну конечно же на русском языке): «Как ты думаешь, Сергей, что она мне сказала?» Сергей думал одно мгновение: «Она предложила Вам любовь!» Наш учитель был сражен наповал: «Ставлю Вам, Сергей, отлично!» К слову сказать, наш Сережа был начальником первого отдела. Так оно и было. Студент Бем соврал ей. Он прекрасно понял — она предлагала свою любовь за весьма скромные деньги. Он даже понял, что она пробормотала в ответ. Но что — Отто Оттович нам не сказал.

Следует еще сказать о специфике немецкого языка. Тот язык, который мы изучали в школе, техникуме или институте, совсем другой, совсем не такой, как здесь. Я тоже думал, что у меня проблем с немецким никаких не будет. Но... они появились. Немцы почти не говорят артикли, пропускают букву «р» (она у них только в алфавите), много-много говорят и только в конце предложения ставят сказуемое или глагол. Не зная этого глагола или сказуемого — не поймешь, что он тебе сказал. Впрочем, у работающих в «Висмуте» советских специалистов был как бы «свой» язык общения с немцами, тем более, что многие из них довольно неплохо знали русский язык. Тем не менее, мы интенсивно изучали немецкий язык и после окончания двухгодичных курсов сдавали государственные экзамены, и нам выдавали корочки, которые я храню до сих пор. Сегодня среда. Ровно в полдень в городе раздадутся всевозможные гудки и сирены

разных предприятий, возвещающие о том, что прошла половина недели. С утра спускаюсь в шахту на самый глубокий горизонт (–1350м). На шахте принято говорить наименование горизонта сокращенно. Гор. –1350 м — «тринадцать/пятьдесят», гор. –1305 м, как «тринадцать/ноль пять» и так далее. Спуск в клети занимает не более 40 минут (с двумя переходами до слепых стволов на гор. –540 м и гор. –990 м). Это совсем не страшно. Это работа. Я знал советских специалистов, которые боялись шахту, как «черт ладана». Я ее не боялся, я ее уважал. Как всегда, не доходя до забоя, я, мои геологи, геофизики и маркшейдеры заходили на горизонте в выработку, специально оборудованную для обеда, и завтракали. Здесь стоял длинный стол, такие же длинные деревянные скамейки и, как правило, был телефон. Мы доставали свои «тормозки» и завтракали. «Тормозок» был всегда обалденно вкусным. Он состоит из нескольких бутербродов с колбасой или, в худшем случае, с сыром. Как правило, здесь был огурец, помидор, яблоко или банан. Дополнялось все это пакетом молока. И фляжкой на полтора литра, где перед спуском в шахту можно было из шести кранов набрать напиток, который тебе нравится: чай, кофе и так далее. Запивали «тормозок» молоком. Тоже вкусным. Во время завтрака при желании можно было позвонить жене, а при сильном желании и на Родину, в Казахстан. Связь работала безукоризненно и безотказно. После завтрака мы расходились по забоям. Вдвоем, с главным инженером шахты Володей Куценко, мы делали все возможное, чтобы сберечь людей. Володя был грамотный и строгий по характеру человек, настоящий горняк. Болезненно относился к креплению выработок и почти всегда находил и видел висящие над головами проходчиков заколы, сам обирал их и, естественно, снижал оценку бригаде за технику безопасности. Не всем это нравилось. Шахтеры додумались ему на день рождения подарить оборочный ломик. Но Володя не обиделся. Ведь главным была добыча руды и техника безопасности. Каждую пятницу в наше управление, здесь же в Ауэ (или иначе Объект 9), я докладывал по телефону главному инженеру предприятия Мурзину Эрику Александровичу, о работе шахты за истекшую неделю, обстановку сегодняшнюю и перспективы на будущее. Разговор был почти всегда тяжелый. План шахта выполняла не всегда и мне здорово влетало за это. Главный инженер интересовался всем, этот человек хотел знать все и вся. Он знал по фамилиям всех бригадиров проходческих и очистных бригад на всех горизонтах и выработках шахты. И хотя я спускался от 8 до 13 раз в месяц «под землю» и, казалось бы, все знал, разговор у нас почти всегда получался

«крутой». Я как-то после доклада спросил его: «Эрик Александрович, мы поговорим когда-нибудь о чем-то другом, кроме плана?» Он, то ли шутя, то ли серьезно ответил: «Будешь выполнять план, будем говорить только о бабах». Как будто только от меня одного зависело выполнение плана. Мурзин был большой практик. Не зная немецкого языка (главный инженер работал только с переводчиком), он умело управлял огромной горной отраслью. Был награжден орденом «Дружбы народов» и другими медалями, в том числе и немецкими. Коллеги его очень уважали и, мне кажется, даже немного боялись. Ко мне он относился хорошо, по-товарищески. И у него была еще одна удивительная особенность — он не терпел матерщины. Был такой случай. Раз в квартал главный инженер приезжал на шахту рассматривать квартальный план. Рассказывая о добычных работах, я показывал ему блочные карточки и разрезы к ним. Попался какой-то невзрачный, безрудный разрез по блоку, совершенно не относящийся к рассматриваемому вопросу. Я замешкался. «Ну что там?», — спросил Мурзин. «Да ни х...я», — ответил я. Все замерли. Эрик Александрович строго посмотрел на меня и... рассмеялся. Подобных вещей я в будущем никогда не допускал. Кроме того, по долгу службы, после того как с шахты уехал по окончании командировки Володя Куценко, и я остался один как главный геолог и главный инженер, я докладывал Эрику Александровичу и о состоянии техники безопасности на шахте. На одном из горизонтов произошел страшный обвал. Завалило много техники. Слава Богу, без человеческих жертв. Каким-то образом до Мурзина это сразу не дошло. А когда он узнал об этом позже, то, естественно, весь свой гнев обрушил на меня. И вот, через неделю, новое ЧП. «Ушел» восстающий в очистном блоке. Иначе говоря, обрушился. Немцы опять промолчали, а я, как положено, доложил из шахты по телефону Мурзину. Он, не долго думая, врезал начальнику шахты по имени Manfred Namann. Тот собрал всех нас (ИТР) и сурово обвинил всех глазами, сказал: «Кто-то из вас позвонил главному инженеру объекта об обрушении блока. Кто?» — и уставился на меня. В обед я поехал в управление и сразу пошел к Эрику Александровичу. Дверь в его кабинет всегда была открыта и по делу он принимал без разговоров. Короче, я сказал ему, что если он за этот случай накажет немцев в виде лишения премии или еще чего-нибудь, то я не знаю, что с собой сделаю. Он никого не наказал. И к этому разговору мы больше не возвращались.

Колоссальные нагрузки давали о себе знать. Особенно в этом году. Тут и смертельные случаи на шахтах, и 40-летие Победы в Великой Отечественной войне, и масса в

связи с этим собраний и совещаний. После одного такого немецко-советского совещания в клубе «Активист», мы вышли на улицу с главным инженером и направились домой, но вдруг Эрик Александрович остановился, поблел и сказал: «Володя, не могу дальше идти, ноги не идут, давай постоим». Только через несколько минут мы пошли дальше. Как главный инженер управления и прежде всего как человек, Мурзин мне нравился. Это был здоровый, красивый, полный сил и энергии человек. Ему было всего 55 лет. Между собой мы Мурзина называли шефом. Как я уже говорил, ко мне у него отношение было каким-то особенным. Наверное потому, что он страшно уважал горняков и геологов, которые часто спускались в шахту. Когда случался смертельный случай на шахте, он собирал всех советских специалистов, обсуждал во всех деталях этот случай, делал выводы, предупреждал о недопустимости подобного и... если случай происходил на моей шахте, лишал меня премии. Впрочем, за смертельный случай лишали премии всех ИТР. Но было и другое. Как-то после очередного выполнения месячного плана шахтой по руде, Эрик Александрович вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что ходатайствовал о повышении мне оклада по советской линии. Он был страстным рыболовом, любил играть в домино (почти всегда в паре со мной), от пива тоже не отказывался. Эрик Александрович не дожил до своего 8-летнего пребывания в ГДР всего один месяц. Он умер 22-го октября 1985 года от сердечного приступа, здесь же в своей квартире, смотря телевизор, вскоре после дня рождения. Много, очень много хорошего сделал этот человек в своей жизни, да и в моей тоже. После смерти Мурзина Эрика Александровича главным инженером с 15 января 1986 года у нас стал Жильцов Вячеслав Дмитриевич.

Но возвратимся на время к не менее серьезным событиям. Второй сменой (рабочей сменой!) дня я считаю художественную самодеятельность. Я участвовал во всем: в хоре, в танцах, в драме, в декламации стихов и в сольном пении. То есть «прошел Крым, Рим и медные трубы». Ответственность за художественную самодеятельность была очень большой. Такое исключалось: я не хочу петь, я не хочу танцевать и так далее. Каждый год, весной, в Зигмаре, в прекрасном советском клубе, все подразделения «Висмута», а это Пирна, Цвиккау, Гера, Ауэ и

1983 г. С сыном на экскурсии в Бухенвальд. Место убийства Э.Тельмана.

Зигмар, — давали заключительные концерты на смотре художественной самодеятельности всех коллективов. Готовились серьезно, всю зиму. Мурзин Эрик Александрович лично сам благословлял нас на победу и непременно присутствовал на каждом смотре. По его распоряжению перед выступлением нашего хора за кулисы приносили огромную корзину сырых яиц. Пей и пей! Да, это были прекрасные мгновения. Теперь только фотографии напоминают об этом. Великими тружениками в художественной самодеятельности, как впрочем и во всем, были наши жены и дети. Я не хочу выделять ни одну семью, как самую лучшую. Все «сражались» одинаково. О наших женах, которые делили с нами все (как жены декабристов), можно написать отдельную книгу. В основном только на женах держались наши дети. Мы, главы семейств, могли уделить детям внимание лишь по субботам и воскресеньям. А приготовление пищи, уборка квартир, стирка? А спорт,

Дом отдыха. Bad-Schandau. 1988 г.

а всевозможные кружки, которые вели наши жены? А вечера, организованные и подготовленные ими? Все было на женских плечах. И при всем при этом надо было выглядеть привлекательно и мило. А еще ходить в магазины, практически не зная немецкого языка. И оставаться при этом безработной, имея специальность. А рабочих рук ох как не хватало в ГДР! Справедливости ради надо сказать, что в последний год командировки нашим женам давали поработать (читай: подработать) прачкой, уборщицей и так далее. Неотделимые от наших жен дети, начальное образование (до 3 класса) получали по месту жительства, в советском секторе, где их обучала одна учительница. А начиная с 3 класса уже учились в советской школе города Карл-Маркс-Штадта и каждый день (кроме воскресенья) их сопровождали наши жены. Туда и назад.

Художественная самодеятельность — это еще не все. Наши женщины — это встречи с немецкими женщинами, с немецкими детьми. А у нас, у мужей, неприятности на работе, а значит — неприятности в семье. А неприятностей на работе хватало. Но нас милые женщины не покидали нигде. В хоре, в драме, в танцах мы были вместе. На протяжении шести лет нашей самодеятельностью командовали многие. И мужчины и женщины. В основном это были военные или жены

военных из города Карл-Маркс-Штадта. В общем, талантливые люди, хотя и нередко без специального на то образования.

В отпуск мы старались уходить только летом, и нам всем это удавалось. Как правило, в отпуск ездили всей семьей. Иногда отправляли детей с женами на все лето, а сами продолжали работать. Меня, честно говоря, не очень тянуло в отпуск. Да и жену тоже. Поэтому мы решили после первого года командировки остаться здесь, то есть я все так же продолжал трудиться. Летом в Германии прекрасно. В лесах малина, грибы. В озерах рыба. Мест в домах отдыха на субботу и воскресенье всегда было предостаточно, и мы всей семьей каждые выходные выезжали куда-нибудь отдохнуть и обязательно с рыбалкой. И все потому, что я был заядлым рыбаком. С детства. Начинать рыбачить еще мальчишкой на Северском Донце, на Украине. Рыбачил по-взрослому и ловил уже тогда серьезную рыбу. А здесь, в Германии, даже если кто никогда не рыбачил, становился отчаянным рыбаком. Рыболовные снасти в магазинах были превосходные, а наживка (личинки, черви) круглый год в лесу под листьями. Ну это для зимней рыбалки. Для летней же использовался обыкновенный кусочек сухарика, который перевязывался крест-накрест ниткой и цеплялся за нее на крючок. Излюбленным нашим (и моим) водоемом было Пельское водохранилище. Это водохранилище я исходил и изъездил почти вдоль и поперек, и зимой и летом. Рыбачил только на удочки и спиннинги. О сетях не могло быть и речи. В Германии на водоемах получаешь такое удовольствие, что заряжаешься буквально на всю следующую рабочую неделю. Особенно когда отдыхаешь всей семьей (о чем я расскажу чуть ниже). Ну не прекрасно ли, когда сидишь, рыбачишь, а жена приносит (если близко), или привозит (если далеко) смачный бутерброд, бутылку пива и «наркомовские» сто грамм.

Выходные дни мы проводили на Пельском водохранилище или на Цойленроде. Там на субботу и воскресенье мы селились в маленьком домике-бунгало, где было все для отдыха и проживания: здесь был свет, газ, вода, туалет, телевизор, две двухъярусные кровати и целый набор кухонной посуды. И все это умещалось в двух малюсеньких комнатках. Иногда, такие же как мы предыдущие (до нас), сердобольные хозяева оставляли сахар, крупы и другие сыпучие и не очень продукты. По телевизору можно было свободно смотреть передачи из ФРГ (чего в Ауэ не было), которая была совсем рядом. Ничего криминального (и развратного тоже) я в этих передачах не усмотрел, нападков на СССР не слышал, а дети были просто без ума от мультиков и сказок (кстати,

и наши мультики, советского производства, империалисты тоже показывали). Вообще с устройством в бунгало проблем не было. Никогда. Рядом с домиком — лодка, катамаран и байдарка. Они входили в стоимость бунгало (8 марок за два дня), и ими можно было пользоваться так же, как и всем, что было в домике. Совсем недалеко от бунгало располагались гаштет, магазины, кегельбан и кинотеатр, которые работали допоздна. А озеро было всего в 10–15 шагах от домика. В общем, Сочи, да и только! Мы приезжали отдыхать на целых два дня.

Лед зимой в Германии на водоемах не толще пяти сантиметров и рыбачить на нем без мотка веревки с палкой на конце запрещено. Это на тот случай, что если провалишься под лед, то товарищи или просто соседи-рыбаки могут спасти тебя, если ты им бросишь конец веревки с палкой... или они тебе.

Охота в Германии несколько отличается от охоты в Советском Союзе. Здесь ты должен обязательно о предстоящей охоте договориться с егерем. Он тебе покажет участок леса, где можно охотиться и на кого охотиться, хотя ты обязан это знать. И убитого зверя себе не забираешь. В лучшем случае убив оленя, получишь (если это самец) рога и некоторые внутренности: печень, сердце, легкие. Остальное забирает егерь, сделав тебе отметку в охотничьем билете, что ты убил то-то, там-то и тогда-то. Мясо убитого зверя идет в больницы, в детские сады, школы и дома престарелых. А перед Новым годом нашим охотникам егерь выдавал одну тушу оленя и небольшого кабанчика. И вот в конце года весь мужской коллектив нашего предприятия (ГДП-9), а именно охотники и рыболовы, собиравшись в «домике охотника», как раз на самой границе с Чехословакией. Этот обыкновенный необыкновенный домик одновременно служил нашим пристанищем на целых два дня (суббота и воскресенье) обычно перед Новым годом. Без слабого пола. Приглашались (кроме нас) егеря и некоторые военные (и советские, и немецкие) из ближайших знакомых нам воинских гарнизонов. Два дня райского наслаждения! В двухэтажном домике был камин, телевизор, бильярд и несколько комнат отдыха, то есть всем все по вкусу. Мы заранее (за один день до общего сбора) высылали бригаду из ребят, умеющих готовить мясо из самими же ими разделанных туш (оленя и кабана). Завозились крупа, овощи и фрукты. Из спиртного — красное вино и пиво. Почему красное — до сих пор не знаю. Пиво обычно бутылочное. Водку не брали. Торжественное начало было в первый день. Мясо, шурпа — до отвала. Подарки лучшему охотнику, лучшему рыбаку, лучшей «собаке» и так далее. Короче всем! Без подарка никто не оставался. Ну а потом,

после официальной части, начиналась неофициальная, то есть кто куда: кто смотреть телевизор, кто играть в карты или домино, кто отдыхать. От домика тропинка вела прямо в Чехословакию. Граница условная: ни пограничников, ни собак. Только столбики с табличками: Tschechoslowakei. Скажу честно: искушение было велико, вот она, Чехословакия, — рядом. Ночь, иди и пей пиво чешского розлива. Но никто и никогда из нас не нарушал границу. После двух дней и ночей опять наступали суровые трудовые будни. Покидали мы домик всегда с каким-то чувством сожаления, но с надеждой, что через год опять приедем сюда. А женам привозили по огромному куску мяса!

Ноябрь 1982-го. Утром рано подъем, автобус и... родная шахта. Иногда на работу я ходил пешком. Это нам не запрещалось. Рядом с моей шахтой господствовала и шахта №371. Но она была значительно глубже, свыше 2000 метров

Сегодня у нас zwischen dekade, то есть контрольный замер, середина месяца. Ходим по всем бригадам: очистным и проходческим, ставим оценки за ведение работ и технику безопасности, замеряем длину и объемы выработок, пройденные и отработанные за половину месяца. После замеров еще одно мероприятие. Идем (все ИТР) вытаскивать медный контактный провод (его похоронило в штреке на горизонте -1305 м упавшей кровлей). Длина выработки — 500 метров, значит длина провода не меньше. Воды же в выработке — почти в рост человека. Попробовали вытащить электровозом, потом двумя, но не получилось. Тогда мы луголые, в одних трусах, ныряли в вонючую воду и пилили провод ножовкой по металлу в местах, где он не был завален. Удалось вытащить где-то 400 метров. Сто метров остались под завалами навсегда похороненными. Утром Manfred Namann (начальник шахты) зашел в мой кабинет, положил на стол 100 марок, поблагодарил и сказал, что это мне за участие в спасении контактного провода. И нигде, ни в какой ведомости, не надо за это расписываться. Заработанные нелегким трудом деньги я честно потратил на пиво. А вообще-то, когда мы получали со стороны немецкой линии зарплату, премию или какие-то другие суммы денег и расписывались за это в ведомости, то эти деньги тут же шли и сдавали в нашу советскую кассу.

Ноябрь. 1982 год. Умер Леонид Ильич Брежнев. Когда я выехал из шахты, то прямо у ствола уперся взглядом в портрет нашего генсека, почему-то с траурной лентой в нижнем углу.

«Что-то серьезное», — подумал я. На второй день мы по телевизору в советском клубе смотрели похороны нашего Генераль-

ного секретаря. Смерть Леонида Брежнева — начало распада Советского Союза, начало падения Берлинской стены, начало краха социалистической системы.

А мы все равно любили Родину и бесконечно по ней скучали. Это необъяснимо, но это так. Ждали писем от родных, ждали газеты и журналы. В советском клубе была прекрасная библиотека, где можно было брать редкие книги и журналы послевоенного времени. Мы буквально зачитывались ими. Ежегодно у нас проходила подписка на периодическую литературу. Не было среди нас семьи, которая не подписалась бы, хотя мы и жили в Германии. Но это был наш дом. Пусть и временный. Наступал 1983 год. Новый год в Германии, да и вообще во всей Европе, — это своеобразный праздник. Пожалуй, один из самых ярких и незабываемых. И, наверное, самый почитаемый. Елки наряжаются в городах задолго до Нового года. В частных же домах живые елки наряжаются прямо во дворах. В нашем Ауэ, как впрочем, и в других шахтерских городках и поселках Рудных гор, в домах зажигаются многочисленные лампочки, обрамляющие стоящие в окнах работы из дерева и металла, наполненные горной тематикой. Это фигурки шахтеров, трудовые сценки, сценки из семейной жизни, терриконы шахт и виды горнорудных предприятий. Предпочтение, конечно же, отдается тематике раннего горного мастерства 18-го, 19-го, начала 20-го вв. Все это создает своеобразный колорит и подчеркивает особенную прелесть Нового года. Уже с вечера под Новый год вокруг начинается настоящая канонада. Взрывается все и вся: ракеты, взрывпакеты и другие гремящие, летящие, свистящие, дымящие и шипящие устройства. У нас, в нашем советском клубе, готовится большой праздничный стол, вернее два: днем для наших детей, вечером, естественно, на всю ночь, — для взрослых. Денег, которые выделял нам на этот праздник наш «богатый» профсоюз, нам всегда не хватало и мы добавляли, сбрасываясь понемногу с каждой семьи. При всем при этом каждый тащил из дому что-нибудь вкусненькое. Ну, например: грибочки, другие соленья, варенье и так далее. И еще мы брали в театре города Карл-Маркс-Штадт (Stadt-halle) костюмы разных времен и народов и переодевались в них. Было очень здорово и романтично.

Встреча Нового года проходила в советском клубе всем нашим маленьким, но очень дружным коллективом. Сначала было недолгое торжественное выступление нашего замечательного руководителя Мурзина Эрика Александровича, затем небольшой концерт, а потом (самое главное) проводы старого года. Ну а после Нового года начиналось веселье до утра. Полная свобода! Музыка, тан-

цы и другие мероприятия.

Где-то среди разгара веселья мы всем коллективом выходили в город. Боже мой, что там творилось!! Стоял невероятный грохот от взрывов фейерверков, небо полностью освещалось летящими со всех сторон ракетами. Было светло, как днем. Незнакомые люди поздравляли друг друга с Новым годом, обнимались, целовались. Угощали горячим вином, чего-то желали... Кругом бенгальские огни, многие люди в масках.

Тем не менее, рабочие будни продолжались. Работа в шахте продолжалась. Я все так же работал. Дома (после работы) увлекался спортом, организовывал экскурсии в музей и... самое главное — стал уделять больше внимания жене и детям. Но пролетали дни за днями, месяцы за месяцами.

Сегодня пятница. Утро такое красивое, воздух такой свежий, что я захотел пойти на работу пешком. До сих пор не могу привыкнуть, что в такую рань не только я, а уже многие спешат на работу. Летом куда еще ни шло, а зимой? Я и в Казахстане до сих пор не могу допоздна спать, даже в выходной день. Привычка. Из Германии. Наверное, на всю оставшуюся жизнь. До своей шахты я иду через весь город. На проходной меня ошарашивают: «Schwerunfall mit Tod» (тяжелый случай со смертельным исходом). В составе комиссии срочно переодеваю и бегу вниз. Мне к этому не привыкать. Хорошее настроение моментально улетучивается. Жалко молодую жизнь. Погиб парень, которому едва перевалило за 25 лет. О последствиях смертельных случаев я уже писал. Домой в этот день я возвращался тоже пешком.

Дома меня тоже ждали неприятности. Пришло письмо с Родины, в котором сообщалось, что умер Леонид Анисимович Бай, геолог, мой старший товарищ и просто хороший человек. Он тоже дважды побывал в ГДР, помогал мне в изучении немецкого языка (перед моей командировкой в Германию). Мы очень долгое время работали с ним вместе в одном геологическом отряде. У нас, русских, отношение к смерти близко или просто знакомого человека ужасно болезненное, переживаем, иногда доходит до истерики. У немцев же, мне кажется, отношение к смерти несколько иное. А все потому, что их к тому готовят с детства и великую роль в этом играет церковь, в которую они ходят, наверное, все, от мала до велика. И к смерти они относятся как к selbstverständlich (само собой разумеется). У каждого из них есть траурный костюм. В нем они приходят на похороны, чтобы проводить в последний путь близкого или знакомого им человека.

Заканчивалось лето 1987 года. В середине августа мне неожиданно позвонили из Зигмара, из профсоюзного комитета, и со-

общили, что моей семье выделена путевка в Цинновиц, курорт на Балтийском море, на две недели. Этой путевкой «награждалась» семья, которая зарекомендовала себя хорошо во всех отношениях: в семейной жизни, в работе, в спорте, в художественной самостоятельности, в дисциплине и вообще во всем-во всем. Такой семьей мы как раз и являлись. Начались сборы на море. Тут и доча приехала из пионерского лагеря. А я и наша мамочка, как пионеры, всегда были готовы. Садиться на поезд надо было с железнодорожной станции Цвиккау, а туда от Ауэ порядка 25 километров. Наши друзья Зюсы вызвались нам помочь, хотя в этом не было абсолютно никакой необходимости. За нами с утра пришел «Баркас», и в него поместились бы и вещи, и вся наша семья. Но Хайнс Зюс решил иначе. Он загрузил нас всех в свой «Ситроен», а вещи (чемоданы и сумки) повез «Баркас». От Цвиккау до Цинновца у нас уже были куплены заранее люксовые купейные билеты, но Хайнс взял и поменял их на какие-то суперлюкс, то есть на еще лучшие места. Не знаю уж, чем они отличались от наших люксовых купейных мест, но взял — так взял. Мы не возражали. Посадив нас в вагон и дождавшись, когда поезд тронулся, Хайнс попрощался и покинул нас, предупредив, что из Цинновца обязательно здесь нас встретит. Мы были очень благодарны ему. Итак, мы едем. Суперлюкс представлял собой обыкновенное купе, даже без спальных мест. Просто удобные сиденья, но они раскладывались и делались похожими на что-то вроде диван-кроватей. А так обычное купе. Мы быстро освоились. Татьяна достала магнитофон, я начал возиться с фотоаппаратом, мамочка стала готовить ранний ужин. Сын собирал какую-то машинку из «конструктора». Чуть позже я сбежал в вагон-ресторан, принес лимонад и пиво. Нам предстояло проехать всю ночь, чтобы утром быть в Цинновце. Так мы и ехали. Одни в вагоне. В суперкупе.

Где-то около Лейпцига, среди ночи, на какой-то станции, в наш вагон сели двое молодых ребят, с магнитофоном, оружием на всю «кагушку». Они были навеселе, с торчащими из всех карманов бутылками пива, и заселились в купе рядом с нами. Но ненадолго. Через несколько минут они уже заходили к нам. Мы, в принципе, ничего против не имели. Вели они себя не агрессивно. Ехали со свадьбы. Всего два часа — и им выходить. Узнав, что мы русские, притащили в наше купе пиво, принесли магнитофон. Мамочка сделала нехитрую закуску. Через некоторое время, когда наши гости вышли в коридор покурить, послышался громкий разговор. Я вышел и увидел ребят в перепалке с проводницей вагона. Они упрекали ее в том, что она посадила русских в такой дорогой вагон

и содрала с нас страшные деньги за билеты. Более того, они требовали от нее вернуть эти деньги нам. Я вмешался в спор и сказал, что эти билеты мы купили сами и проводница здесь совершенно даже не при чем. Кое-как международный конфликт был улажен. После Лейпцига молодые люди действительно вышли, оставив нам все бутылки не выпитого пива, дочери — несколько кассет к магнитофону, а сыну — кучу конфет. Мы с ними тепло попрощались.

Ночь проспала на мягких диван-кроватях. Утром приехали к конечной остановке. Все стали выходить из вагонов, ставить свои чемоданы и сумки в кузов стоящего на перроне автомобиля, и садиться в вагончики с прицепленным маленьким паровозиком. К сумкам и чемоданам мы привязали бирки с номером дома отдыха и комнаты, в которой должны были жить (все было указано в путевке), и дальше покатали по узкоколейке. Ехали недолго. И вот, наконец, мы в доме отдыха. Номер наш, вернее комната из

двух маленьких половинок, располагался на первом этаже. Окна выходили к морю. А море было в 30–40 метрах от замка. Багаж наш, когда мы зашли в дом отдыха, уже стоял в коридоре, возле дверей номера. В наших апартаментах стояла прекрасная мебель, телевизор и холодильник. Телефон был в коридоре, на тумбочке, на каждом этаже. Этажей было три. Дети сразу побежали к морю, а мы стали распаковывать свои чемоданы и сумки. Накрыли стол. С улицы, через открытое окно, пахло рыбой и морем. Я вышел позвать детей. Они бегали по берегу и собирали ракушки. Набрали целую кучу. Совсем недавно прошел дождь. На траве, на кустах и просто на земле было великое множество улиток. Все утопало в изумрудной зелени и в цветах. Кроме нашей семьи в каменном замке поселилось еще несколько семей. И самое удивительное, что мы здесь встретились с бригадиром проходческой бригады Рональдом Динельтом (Ronald Dienelt). Он работал

Торжественное заседание в советском клубе в честь годовщины советской Армии. В очках — главный инженер В. Жильцов, слева от него — В.И. Мазуров. Г. Ауэ, 1986 г.

на моей шахте. Рональд с женой заняли комнату на втором этаже, как раз над нашим номером. Они были постарше нас и поэтому были одни, без детей. Людей на пляже я не видел. Рано. Только в высокой будке спасателей (или наблюдателей), с развешивающимся на ветру флагом, маячила фигурка человека с биноклем в руках. С морем до этого я уже встречался: несколько раз купался в Черном море. А вот жена и дети — первый раз. Поэтому Серенького и Танюшку я еле утащил с пляжа. Ради такого случая мы открыли бутылку Kirschlikor (вишневый ликер), а детям — большую бутылку колы. Потом все пошли на море. Знакомиться. На пляже уже было несколько человек. Наверное, русских, тоже из только что приехавших. Обедали мы уже

Спартакиада, г.Ауз. Наша «городошная» команда. 1973 г.

в доме под названием «Glückauf», в огромном зале, где со своими детьми уместились за одним столом. Самое главное, что на столе был хлеб! Обычно на обед у немцев хлеба днем с огнем не сыщешь. Зато на ужин и завтрак бутербродов хоть пруд пруди. С помидорами, огурцами, луком, яйцами и еще черт знает с чем. Чуть позже мы узнали, что если намечается с семьей куда-нибудь отправиться на целый день, то утром или вечером можешь набрать сколько угодно бутербродов совершенно бесплатно. Кроме всего прочего, за обедом и ужином можно было заказать пиво и даже более крепкие напитки. Но за свой счет. Кормили хорошо. Нашей семье нравились и завтраки, и обеды, и ужины. Часто устраивались здесь вечера с музыкой и танцами. С сыном мы ходили в кинотеатр на мультики. Экскурсий не было. А может и были. Не знаю. На пляже всей семьей мы загорали и купались обычно после завтрака и до обеда. Путешествовали. То в окрестностях города, то по побережью моря. С бутербродами и фотоаппаратом. Впервые мы увидели в море медуз. А еще в море небольшие «моторки» ловили рыбу. Прямо на пляже, поздно вечером, когда

купающихся уже никого не было, рыбаки вытаскивали полные сети камбалы.

С Рональдом Динельтом и его женой мы встречались почти каждый день. Она предупредила меня, что ему пить нельзя, ну разве чуть-чуть пива. А мы с ним всего-то раза два прилично и выпили. И ничего. По крайней мере, его жена никаких претензий ко мне не предъявила. Вот так и проходили наши дни в доме отдыха. Погода стояла просто чудесная. Солнце, воздух и вода! И вот наступил последний день. Стало грустно. Последний вечер в «Glückauf». А утром — на поезд и домой. Уже на следующий день мы были в Цвиккау. Хайнс сдержал слово. Как и обещал, он нас ждал на своем «Ситроене». Особых новостей он нам не рассказал. Все было по-старому. Как всегда. Мы благополучно доехали до дома. В квартире был такой же порядок, каким мы его оставили две недели назад, разве что через открытую дверь балкона нанесло немного пыли. Мы, честно сказать, успели соскучиться по дому. Сережка бросился к своим игрушкам, Татьяна — к учебникам, мать — на кухню, я — к телефону. Коллеги по работе, как всегда, были рады моему звонку. «У нас все нормально», — сообщили они. Кто-то, правда, ушел в отпуск, кто-то пришел. Но самое главное — есть план по руде. Это уже успокаивало и обнадеживало: может быть выполним «месяц» (!?). Дочери завтра в школу. Девочка взрослая. Уже 14 лет. Тогда я не мог даже и представить, что она будет жить в Германии и родит там внука нам с Надей. И назовут его Патриком. Но это потом. А пока... Пока мы хотели есть. И мамочка готовила обед. Я побежал в наш клуб. В рабочее время там никого из советских специалистов не было. Только кантинщики-немцы. Все — бывшие шахтеры. Ныне — пенсионеры. Сегодня дежурил Вальтер. Мы тепло поздоровались. Вальтер открыл мне бутылку пива. Нашего родного «Wernesgrüner». Спросил, как отдохнули? Какая на море погода и вода? Сообщил, что здесь ничего особенного не произошло, разве что Володя Миклушевский на рыбалке поймал огромного карпа. Прихватив с собой пива, я убежал из клуба. Чтобы меньше видели (в рабочее время). Хотя я, в общем-то, был еще в отпуске. Как писали раньше в центральных газетах про обеды на уровне правительства, так и у нас дома с детьми «обед прошел в дружественной и теплой обстановке». Потом мы начали распаковывать свои чемоданы и сумки. В первую очередь достали сувениры и расставили их на длинной, во всю стену, полке. Затем все остальное. К концу командировки мы жили уже в трехкомнатной квартире. Квартира была большая, с высокими «сталинскими» потолками, с громадной мебельной «стенкой» с четырь-

мя такими же громадными шкафами (для каждого из нас). Не говоря уже о холодильнике, пылесосе, телефоне и так далее. Стены и потолок легко пробивались гвоздями, прибить можно было что угодно и где угодно. На стенах у нас не было пустого пространства, впрочем, как и на потолке. Я увлекался резьбой по дереву. Кроме этого выжигал, выпиливал лобзиком и уже готовые работы (в основном картины) прибавлял к стенам. Поэтому стены представляли собой выставочный зал, как примерно картинная галерея. На потолке же висели десятки моделей вертолетов и самолетов со всех стран мира. Мы занимались этим с сынишкой. Просто покупали модели этих машин (а были и летающие тарелки), собирали их, клеили и готовую «продукцию» подвешивали к потолку. Командант нашего советского сектора Хайнс Хоффманн попросил нас, чтобы мы, когда будем совсем уезжать в Союз, когда закончится командировка, оставили на потолке все как есть, и что он из нашей квартиры сделает музей. С потолка мы ничего с собой в Союз не забрали. Существенным и единственным недостатком в нашей квартире был маленький, узенький балкончик. Да в нем, по сути, мы особенно и не нуждались. Приспособили его под домик-кормушку для пернатых друзей. Места вполне достаточно. Этажом выше, там, где находилась гостиная, в отдельной комнате стояли стиральные машины и любая хозяйка из нашего дома в удобное для нее время могла постирать белье. Машины были ультрасовременными, с многочисленными программами и почти все делали сами, вплоть до выжимания и сушки. А вот постельное белье наши женщины не стирали, его нам меняли своевременно и выдавали чистым и уже выглаженным. В квартире было всегда тепло, был централизованный газ. Ремонт делали раз в два года, а если семья уезжала совсем на Родину, то ремонт делали сразу после отъезда. Иногда доходило до смешного. Вдруг кому-то летом становилось холодно и, представьте себе, этой семье включали отопление. Но это случилось крайне редко, один-два раза за всю мою командировку. Кухня и туалет были оборудованы по последнему слову техники. И всегда были горячая и холодная вода. Не помню, чтобы хотя бы раз отключали газ или воду.

Утром, после двухнедельного отпуска, загорелый, пахнущий морем и солью, я приехал на работу. В шахту не иду. Сегодня у меня день «открытых дверей»! Хотя двери у меня в кабинете для всех всегда открыты, а окно вообще не закрывается. Ни зимой, ни летом. Первым ко мне зашел Гюнтер Шикаде. Мы тепло поздоровались. Оказывается, за две недели у него дома произошло столько событий, что он почти два часа сидел у

меня и рассказывал все без остановки. Гюнтер успел побывать у матери, которая жила у него в Западной Германии. Выслушав, как он живет и где работает, а главное, как и сколько зарабатывает и на какой машине ездит (а Шикаде ездил на «Трабанте»), старушка дала ему денег и сказала: «Сынок, купи себе приличную машину, стыдно за тебя».

Еще к нему на той неделе приезжали школьные товарищи. Гюнтер работал у себя на даче, когда к домику подъехала какая-то крутая иномарка с номерами ФРГ и из нее вышли двое крепких мужиков, примерно его возраста (Шикаде тоже выглядел неслабо). Они открыли калитку и направились прямо к нему. «Ты Гюнтер Шикаде?», — спросили его. «Да, я», — с тревогой ответил Гюнтер. «Ты не узнаешь нас?» «Нет, не знаю». «Посмотри внимательнее». Но сколько Гюнтер не смотрел, — нет, это были совершенно незнакомые ему люди. «Ладно, — сказал один из них, что пониже ростом, — видно социалистическая Германия здорово вышибла память из твоей башки. Забыл напрочь друзей». И он назвал фамилии. Шикаде вспомнил. Они после войны учились в одном классе. Даже с кем-то из них вместе сидели за одной партой. Друзья обменялись рукопожатиями. «Поехали ко мне домой», — Гюнтер начал собирать садовые инструменты, разбросанные по всей даче. «Зачем домой? А что, здесь разве плохо?» «Да надо же что-нибудь организовать...» «Мы уже все организовали, не беспокойся». Они подошли к автомашине, открыли багажник, и когда Шикаде увидел то, что они «организовали», он испугался. Багажник до самого верха был набит «организованной» закуской. Но его поразило не это. Его поразило другое. Целый ящик водки! Русской водки! «Stolitschnaya!» «Что? Удивлен?», — спросил его кто-то из школьных товарищей, — мы взяли настоящую водку, а не вашего дерьма». «Но ведь здесь на целую неделю хватит», — возразил Гюнтер. «А мы и приехали на неделю. Ты что, против?»

На неделю хватило. Если не считать еще трех ящиков пива.

Гюнтер проводил вчера своих друзей и чувствовал себя отвратительно. «Ich habe keine Gesund. Es ist krank. Scheiße!» (Я не здоров. Больной. Дерьмо.), — бормотал он. Я с ним согласился. Не успели мы поговорить с Гюнтером, как зашел Вольфганг Вайгель. Он пожаловался на сына, который приехал со своими товарищами из университета на короткие каникулы и выпил все его запасы вина и шнапса (сам Вольфганг почти не пил). Потом пришла Эльке (наша чертежница) с заявлением на отпуск. Я с удовольствием подписал его. Вскоре весь геолого-геофизический отдел был у меня в кабинете. Вдруг я почувствовал: что-то назревает и понял что.

Подшел к сейфу, стоящему в углу, и открыл его. У меня всегда в нем стояли 1–2 бутылки водки. Достал и поставил их на стол под аплодисменты моих коллег. Кто-то организовал рюмки, кто-то высыпал на стол горсть конфет, кто-то закрыл дверь от посторонних глаз, хотя все знали: посторонний сюда никогда не зайдет. Как и у русских, двумя бутылками дело не кончилось. Всей компанией мы пошли в столовую на обед и там продолжили. Домой я приехал поздно вечером.

Осенью у нас начиналась художественная самодеятельность. Весь коллектив, как я уже говорил, был задействован в этом. После основной работы на шахте продолжалась вторая смена в советском клубе. Пора отпусков закончилась. Впереди всевозможные собрания, конференции, партийная учеба, лекции и множество нужных и ненужных (в основном) мероприятий. И осенью же проводилась традиционная Лейпцигская ярмарка. В общем-то она проходила два раза в год: весной и осенью. А мне иногда удавалось на ней побывать целых четыре раза. Вот и в этом году весной я съездил два раза: один раз со своими советскими специалистами, а чуть позже меня пригласили немецкие товарищи. Ярмарка продолжалась ровно неделю. Ритуал посещения был довольно простой. Составлялся список (только работающих), заказывался автобус, назначался старший (бывал им и я) и мы дружно ехали в Лейпциг. Раз в год и наши жены устаивались такой «честью». По дороге раздавали заранее приобретенные билеты на посещение ярмарки. Стоимость билета — 6 марок. Дорога в Лейпциг занимала не так уж много времени. Да разве это расстояние (каких-то несчастных сто с небольшим километром) по сравнению с моим Казахстаном. На моей Родине, как в песне «степь да степь кругом...», а здесь — то деревня, то поселок, то город. И так до самого «города ярмарок». В Лейпциг мы всегда приезжали почему-то рано. И до открытия ярмарки успевали выпить по кружке пива, а то и по две. Но не завтракали. Завтракали мы уже в советском павильоне. Среди всех павильонов ярмарки наш выделялся особо. Его было видно издали. Здание с высоченным остроконечным шпилем, чем-то отдаленно напоминающим кремлевскую башню с пятиконечной звездой наверху. К слову сказать, наш павильон пользовался большим успехом у посетителей ярмарки еще и тем, что в нем раньше всех открывался буфет, где можно было выпить русской водки или вина (причем хорошей водки и хорошего вина) и закусить красной или черной, по желанию, икрой. И при этом сравнительно недорого. Достаточно сказать, что посетителей в буфете всегда было полно, а по всему нашему павильону (и в буфете тоже) стояли телеви-

зоры, где на экранах мелькал наш мультик «Ну, погоди!». Он всем нравился, и взрослые люди с удовольствием его смотрели. Детей на ярмарке я не видел.

Кроме Лейпцигской ярмарки у нас в «Висмуте» существовала своя мини-ярмарка, где выставлялась горная техника не всяких там стран, а своя, доморощенная, всех горных предприятий нашего объединения. Техника была разная, довольно скромная, но изготовленная руками самих работников шахт. Это были в основном горные машины, работающие под землей и непосредственно в забоях. Мне особенно запомнилась одна машина, типа «дрезины», которая приводилась в движение чисто механическим путем и могла перевозить двух человек по рельсам на любое расстояние. При этом была небольшого размера и очень легкой. Эти выставки-ярмарки устраивались ежегодно и приносили огромную пользу. Последняя, насколько я помню, проходила в Гере.

О художественной самодеятельности я много уже писал. Честно говоря, за лето, особенно когда съездишь в отпуск на Родину, успеваешь жуть как соскучиться по коллективу, по работе, и, как ни странно, по этой самой художественной самодеятельности. Я до сих пор вспоминаю наш мужской хор (а у нас были еще женский и смешанный), который завоевал звание «лауреата» смотра «Висмута» и нас, каждого участника хора, наградили грамотами и хрустальными вазами! Наш хор даже выступал в клубе «Активист» перед огромной немецкой аудиторией. Солистом у нас в хоре был Костин Николай Ефимович. Он страшно заикался, но когда пел, то даже и близко не было этого заметно! Хоть бы раз заикнулся! И пел, надо отдать ему должное, прекрасно!

Я бы с удовольствием посмотрел сейчас искрометные танцы наших девчат (да, да, девчат, я не ошибся, ведь наши жены были такие молодые...) и послушал бы пение солистов из нашего коллектива. Вот ведь странно: люди, которые до ГДР, работая в Советском Союзе, пели песни ну разве что в компаниях, за столом, здесь становились солистами; никогда не игравшие раньше в театре — артистами; а многие, вообще никогда не певшие ребята — участниками мужского хора. То же самое можно сказать и о спортсменах. В этом году я участвовал и в хоре, и в танцах, и в сольном номере. В хоре, как всегда, мы пели песни о Родине, о нашей шахтерской славе и какую-нибудь шуточную. В танцах исполняли вместе с женщинами кадрили. Сольный номер я исполнял под собственный аккомпанемент на гитаре и пел песню на немецком языке. Был одет как «тиролец»: шляпа с пером, шортики, гетры с ботинками и короткая куртка-распашонка. А в руках — трость.

Песня не совсем на немецком языке. Она на эрцгебиргском (это особый диалект). Суть песни была в том, как парень с юга Германии (точнее — из Саксонии) приехал в Берлин, и какие впечатления у него от этого города. Мелодия красивая, наши советские солдаты мне подыгрывали, и я усиленно тренировался. Слова трудно запоминались, текст песни был из нескольких куплетов и, как ни трудно было, я все-таки выучил ее и спел.

С этими общественными и личными делами я совсем забыл о работе. Скоро квартальный подсчет запасов. Обычно мы его проводим после Нового года, подбиваем результаты за прошедший год. Работа не сложная, но занимает много времени. Вот уж сколько лет прошло после Германии, а я до сих пор помню каждый блок, каждую выработку и каждую жилу в шахте. Как в армии — после службы прошло более 40 лет, а я до сих пор не забыл работу не только свою, но и всех «номеров» моего отделения и готов хоть сейчас к запуску ракеты.

Что-то с утра мне было не по себе. Ныло под сердцем. Только я собрался на обед, как позвонила наша девочка-секретарша с Объекта 9 и сказала, что с моим папой плохо, пришла телеграмма из Союза — мне надо срочно выезжать к родителям. Через десять минут я был в управлении. В телеграмме сообщалось, что отец умер. Я прибежал домой, сообщил жене и детям. Все вместе решили, что на похороны поеду я один. Начались сборы в дорогу. Через час билет на самолет был у меня на руках. Небольшие проблемы возникли с водкой и колбасой. Дурацкий «сухой» закон действовал и на Украине, где жили мои родители. Я взял с собой две большие бутылки (по 1,5 л) Gold-korn (немецкая водка). С колбасой (салами) было тоже непросто. Я знал, что на Украине колбасы тоже не будет. Но разве кому это объяснишь? Когда я брал 5 кг колбасы, на меня покупатели, да и кассирша, как-то странно смотрели, как на динозавра. Они видели такое, наверное, впервые в жизни. Еще одна проблема была с советскими деньгами. Но кое-как со всех семей нашего сектора наскребли где-то около 50-ти рублей. Лететь я должен был из Лейпцига. В сопровождение (уж не знаю и зачем) мне дали нашего специалиста Володю Миклушевского. И вот на «Вартбурге» мы мчимся в Лейпциг. Но... заказка: в Лейпциге два аэропорта и из какого лететь — мы не знали. Наш водитель быстро решил эту проблему. Он нашел(!) недалеко от города «ярмарок» (возле автобана) пост ГАИ и вот уже в сопровождении полицейской машины с мигалками мы мчимся в Лейпциг. Быстро приехали в аэропорт. Полицейский попросил у меня билет, протянул его в кассу и убедился, что мы попали точно в нужный аэропорт. До вылета самолета оставалось еще

где-то около часа. Я поблагодарил полицию и мы с Володей зашли в кафе выпить на пошок. Заказав по 100 грамм, мы посидели, покурили (я неожиданно начал курить) и стали прощаться. С собой в сумку я положил две бутылки пива. Через полчаса наш «Ту» взлетел в небо и взял курс на Москву.

Проснулся я от подрагивания колес по бетонной полосе. Таможенные заморочки я прошел без проблем. Пять килограммов колбасы и две огромные бутылки водки на таможенников не произвели особого впечатления. Они даже не спросили зачем и куда я это везу. От аэропорта до Москвы мне чуть-чуть не хватало советских рублей, собранных нашим народом в городе Ауэ, заплатив за такси. Хорошо, что я не забыл о двух бутылках пива в сумке, которые купил еще в Лейпцигском аэропорту. Предложил его водителю дополнительно к недостающим рублям — он немедленно согласился. Мне показалось, что до Курского вокзала я ехал целую вечность.

Расплатившись с таксистом, опрометью бросился к железнодорожному кассам. Но билетов не было. Никуда. Даже по телеграмме, которую я предъявил. Что делать? И вдруг я неожиданно вспомнил. Иногда наши ребята пользовались кассой для военнослужащих. То есть предъявляли военный билет и, случалось, им выдавали проездные билеты. Благо военные кассы были тут же, рядом.

Мне повезло. Билет до маминого дома был у меня в руках. Да еще на скорый поезд. Но... На похороны папы я не успел. Его уже похоронили. Оставив матери денег, я уехал опять в Германию к семье. Горсть земли с могилы отца я взял с собой. Решил оставить на немецкой земле. Ведь отец у меня тоже воевал.

И вот я в Ауэ. Ребята в секторе выражали соболезнование. Руководство предложило мне отдохнуть несколько дней, но я отказался. На следующий день в четыре утра я уже на ногах. За шесть лет я привык к этому. Редко завтракаю. Кофе почти не пью. Иногда чай. А завтракаю обычно на работе. Какой-нибудь маленький бутербродик и стакан молока. Сегодня иду в шахту. Когда неделю не бываешь под землей, то кажется, что не был в ней целую вечность. Зашли ребята из отдела, выразили соболезнование, а начальник шахты сам лично пришел в кабинет. В обед, когда я уже вышел на «гора», позвонил Володя Миклушевский. Опять рыбалка. В воскрес-

Берлин. Александерплац. Мазуров — в центре. 1982 г.

нью. Честно говоря, я уже не был настроен на это. И отказался. А вот в бунгало на Пельское водохранилище записался — на выходные всей семьей, может быть последний раз.

Заканчивался шестой год моей жизни в ГДР. Мыслями, душой и телом я был на своей Родине, в Казахстане. Рабочие дни бешено мчались вперед. Контейнер я уже полностью загрузил. Квартира опустела. Мне было давно ясно, что сюда я больше никогда не вер-

нусь, и было горько при мысли, что я покину эту прекрасную страну, этот хороший народ, и, что самое главное, больше не увижу своих друзей: русских и немецких, которых приобрел здесь. Как ни длинны летние дни, но и они быстро пролетают. Вскоре наступил момент, когда мне пришлось отправить контейнер. В начале июня я сделал «Abschied» — прощание с коллективом. Пригласил и своих коллег с шахты, а еще через две недели наступил наш день отъезда. На «теннисплатце» с утра уже стоял блестящий чистой и свежестью «Икарус». Было раннее утро 20 июня 1988 года. Пахло летом, цветами и деревьями. Собирался народ. Нас пришел провожать весь сектор и все мои кол-

леги с шахты. Предстояло расставание на всю жизнь. Навсегда. Навертывались слезы. Пришли рядом живущие с нашим сектором соседи, кантинщики из клуба. Пришли все. Последние прощания, последние поцелуи, последние слезы. Особенно тяжело детям. Нам, взрослым, понятно: срок командировки кончился и привет — надо ехать на Родину, продолжать там работать. А детям кажется, что они должны всегда, всю жизнь играть здесь, дружить, учиться в одной школе. Справедливая несправедливость! И вот автобус наконец тронулся. Кроме нас, никто из советских специалистов из Ауэ больше не уезжал. Только наша семья. Мы, проезжая по городу, прощаемся с ним, потом со Шлемой и примчались (иначе не выразусь) в Зигмар. Отсюда тоже несколько семей уезжали на Родину. Я их почти не знал. Да и важно ли это. Мы едем дальше, до Франкфурта-на-Одере, а оттуда поездом «Берлин-Москва». Сначала до столицы, а потом в Казахстан. Проезжаем несчастную Польшу, все в каком-то сером цвете. Границу с СССР пересекаем ровно утром 22 июня. Как, впрочем, и когда ехали в ГДР, в 1982 году. Тогда, в этот же день, мы пересекали границу с Польшей. В обрат-

ном направлении. Прошло ровно шесть лет. Шесть долгих и таких ужасно коротких лет! Прощай Германия! Мы не кидались к окнам. Просто провожали взглядом все, что мелькало и проплывало за окном. Молча сидели. Рюмки с налитым коньяком так и стояли на столике. Полные. Дети почти плакали. Шел дождь. До самой границы с СССР. И только в Бресте, когда наши вагоны поставили на нашу, уже советскую колею и поезд поехал по Белоруссии, мы очнулись и даже заулыбались. Дождь кончился. Родина! Наша Родина! Наш Дом! Мы так ждали этого часа и дождались. Мечтали о будущей жизни, о новой работе, о встрече со старыми друзьями. Мечтали о многом.

Вот и «белокаменная». Москва! Наш поход в Министерство занял всего полдня. Вечером, так и не посвятив столице ни одного дня (побывали только на Красной площади), мы уже садились в поезд на Казахстан. Домой! Всего двое с половиной суток нас отделяет от дома! Соскучились. И мы, и дети. Тогда еще, слава Богу, границ между республиками не было. Могущественному Советскому Союзу до развала оставалось совсем немного. В Макинке, на маленькой, захолустной станции, нас встретили родственники, и мы, счастливые и довольные, сели в ожидавшую нас автомашину. Старенький «Москвич» за каких-то три часа довез всех аж до самого нашего дома, где нас ждала моя любимая теща (тестя я никогда не видел, он умер давным-давно). В квартире пахло цветами и уютом. Черт возьми! Ведь стоял июнь! Утром я вышел в город. Он мало изменился внешне. А «внутренне» молодой город сильно постарел. Дороги были разбиты. Многие деревья засохли и погибли. Появилось много безобразных, формой напоминающих собачью конуру, ларьков, стоящих как попало и разбросанных по всему городу, торгующих в основном разбавленным спиртом. Работу найти оказалось не так просто. Ну, во-первых, работы, как таковой, вообще не было, а во-вторых, нас, приехавших из ГДР, просто, мягко говоря, не очень любили и не сильно приветствовали. А может нам завидовали? Первым делом я пошел в управление ЦГХК (Целинный горно-химический комбинат), откуда я уехал в эту длительную командировку. Но здесь меня никто не ждал и... никому я был не нужен. В отделе кадров мне почти указали на дверь — работы никакой не было.

Кое-как, с грехом пополам, я устроился в ЦНИЛ — Центральную научно-исследовательскую лабораторию при комбинате. Работа была несложная, в основном поездки в командировки. Это мне нравилось. Командировки были на 3–4 дня, но иногда и на неделю. В этих поездках я отдыхал и душой и телом. Жена еще не работала. Мы приехали

в самое смутное время. Творилось что-то непонятное. И внутри страны, и в душах народа. Безработица захлестнула города и села, работающие же почти не получали зарплату, магазины оцетинились пустыми прилавками и полками. Улицы заполнились нищими, бомжами, «бичами» и «синяками». Завод «Прогресс», не иначе как для издевки, начал выпускать спирт. Непонятно какого качества и из чего, но его пили. Еще как! Спиртом заполнили весь город. Его даже вместо зарплаты стали выдавать. Впервые в нашем городе появилась «биржа» труда для безработных. Ввели и пособие для них. Но как бы то ни было, но наши дети, слава Богу, пошли в школу. Из своих командировок я привозил книги, гостинцы (продукты) и деньги, которые оставались (!) у меня. Командировочные все-таки платили, а услуги гостиниц, в которых я жил, были копеечные. С голода я тоже не пропадал — столовые были сравнительно дешевыми. Через месяц после нашего приезда пришла бумага с железнодорожной станции, в которой говорилось, что я могу получить контейнер, прибывший из ГДР. На рейсовом автобусе я добрался до станции, на удивление быстро оформил какие-то нужные и ненужные бумаги, и на тракторе с прицепом привез контейнер домой. На двери этого огромного железного ящика висел тот же маленький замочек, которым я закрыл его на товарной станции в Карл-Маркс-Штадте. «Золотой ключик» от контейнера, вернее от двери, я уже давно потерял, поэтому просто-напросто сломал замочек руками. Открыв железные двери-ворота, я увидел двадцать бутылок пива, которые стояли внизу у двери, как по шеренге, в ряд: целые и невредимые. Все остальное тоже было в полной сохранности. Разборка контейнера заняла немного времени. А вот с пианино вышла заминка. Такое тяжелое на четвертый этаж, трудно будет поднять. К сожалению, в лифт оно не помещалось. И дюжих мужиков тоже не было — я еще на работе не нашел новых друзей, а со старыми ни разу не встретился. Бюро услуг в нашем городе пока не организовалось. Правда, стоял один мужик возле подъезда, я его, между прочим, попросил помочь затащить пианино в квартиру, но он сказал, что бесплатно не будет тащить. Я вежливо отказался от такой помощи, мысленно попросив его к черту. Сбежались соседи (в основном женщины), и мы восьмером (!) занесли музыкальный инструмент в квартиру. То есть с четвертого этажа в ГДР на четвертый этаж в Казахстане. Кстати, среди женщин одна была в интересном положении и впоследствии родила мальчика, может быть будущего очень талантливого и выдающегося музыканта. Деревянный ящик, в котором лежало стекло, я увез на дачу. Книги и все остальное я перенес практически сам. Все комнаты в квартире

были забиты пакетами, книгами, ящиками и всякими другими уже забытыми вещами. Все это еще раз напомнило нам Германию, которую мы навсегда покинули. С гордостью говорю: нашу вторую Родину! Ведь все, что стояло сейчас в нашей квартире, все шесть лет было с нами в ГДР. А может быть это все длинный, предлинный сон! И мы не можем никак проснуться. К сожаленью нет, не сон. А жаль... Наш город, который встретил нас разбитыми дорогами и тротуарами, безработицей, унылыми лицами людей, нам все равно нравился. Это наш город! И когда-то он будет опять прекрасным, таким, каким был раньше. Нужно только время! А время бежало. Скоро и моя супруга устроилась на работу.

Неожиданно быстро пришла бумага из Москвы, что мне, Мазурову Владимиру Ивановичу, надлежало приехать за моей машиной «четверкой» в магазин, а точнее в Подмосковье. В городок под названием Дубна. Здесь надо было заплатить за нее, получить и ехать своим ходом назад, в Казахстан. Этот автомобиль, как я уже говорил, мне выделили в ГДР по решению нашего коллектива. До Москвы мы добрались на поезде почти без приключений, не считая пассажира, молодого человека, который сел к нам в купе в автомобильном городе Тольятти. Тогда этот город «Жигулей» был известен как нормальный молодежный центр нашего ведущего автомобилестроения. Севший к нам парень работал на лучшем в СССР автозаводе. Был классным токарем. Но работу делал только «левую». То есть те запчасти, которые продавались на «черном» рынке по спекулятивным ценам. Платили ему хорошо, он не жаловался. Хотел сбежать — не получилось. Пригрозили. Вот так и работает. Вырвался в отпуск. Почему рассказал нам? Да так, просто душу излил. Вот и все. Это было прелюдией и увертюрой к криминальному и ставшему потом преступному городу. Дай Бог, чтобы наш попутчик выжил в будущей мясорубке. Москва встретила нас проливным дождем. От столицы до местечка Дубна мы добрались на электричке. Из сотен машин, стоящих во дворе магазина, мы выбрали самую-самую лучшую и продавец, севший за руль моей «четверки», вывез ее за ворота и оставил нам, радостным и растерянным одновременно. Дальше предстояло ехать за рулем мне самому. Жена, как всегда, была рядом. Я завел двигатель. Включил первую передачу, медленно поехал, оглядываясь по сторонам, как ученик курсов по подготовке автолюбителей. В машине пахло лаком и свежей краской. «Четверку» — синюю красавицу, мы с женой прозвали «Валентиной». За ее цвет. Вернее, за краску, которой была покрашена машина. Цвет краски так и назывался: «Валентина».

Стояла чудная осень. Домой мы доехали

Берлин.Трептов-парк. 1975 г.

без приключений. Сразу спать. Сутки пролетели в крепком сне. За окном был сентябрь. Лето закончилось. Великая Германия стала отступать на задний план. Начались повседневные заботы. Катастрофически не хватало денег. «Деревянные» рубли, которые мы получали, быстро обесценивались. Дети учились и росли. За квартиру нечем было платить. Надо было как-то выживать. Любой ценой! Я бросил работу, за которую ничего не платили или (в лучшем случае) рассчитывались вонючим спиртом, и занялся частным извозом на своей «четверке».

Я «таксовал» и разбивал свою новую машину до тех пор, пока мой друг по «таксовке» не предложил мне место диспетчера на шахте в объединении «Казахалтын». Он там работал в отделе техники безопасности, а вечерами и в выходные дни подрабатывал частным извозом. Ужасно не хотелось, но когда безденежье — это единственный выход. Я согласился, но с одним условием: никому на шахте не говорить, что я геолог. Работа диспетчера была может и не сложная, но мне не шибко нравилась. Сутки работаешь, трое дома. Ночь для меня — пытка, ночью я не любил работать. Ночью нормальный человек должен спать. А если уж он работал, то должен хорошо и зарабатывать. Здесь же на шахте не было ни того, ни другого. Но и моя диспетчерская служба, увы, продолжалась недолго. Кто-то кому-то доложил, что я по специальности геолог, и меня все-таки сделали геологом шахты. Однако и в должности геолога я не успел как следует поработать. Нашу шахту и вообще все шахты закрыли. На консервацию, как нам объяснили. Это, к сожалению, не было вынужденной мерой, это была большая ошибка руководства или, мягко говоря, позорнейшее решение. Тысячи людей вынуждены были сидеть без работы, а семьи — без средств к существованию. Золото, оказывается, стало никому не нужным. Я опять сел за руль своей машины. Извозчиком... Прошло неполных два года. За это время умерла Вера Антоновна Карпенко, с подачи которой я поехал в Германию. Хоронило ее много народа. Этому заслуженному, замечательному человеку поставили на могиле простой деревянный крест и в утешение похоронили в одной оградке с сыном, которого зарезали малолетние пассажиры, когда он таксовал, как и я, в безденежное, ненадежное время, чтобы выжить самому и прокормить семью. На каменную глыбу-памятник вместо креста у богатого комбината не нашлось ни времени, ни денег.

Как-то в городе я встретил бывшего начальника участка шахты, где я работал. Он мне сообщил приятную весть: шахты будут заново открывать. Можно приходиться и устраиваться на работу. Он уже работает. «Возьмешь рабочим?» — спросил я его.

«Возьму, приезжай», — улыбнулся он. Утром я был на шахте. С заявлением зашел к начальнику рудника. Он пригласил меня сесть: «Пойдешь главным геологом?» «Пойду», — не раздумывая, согласился я.

И вот я снова геолог, но главный, и не шахты, а всего рудника. А шахты требовалось опять капитально привести в порядок, то есть начинать с нуля. За два долгих года шахты напрочь развалились. Новоиспеченный главный инженер рудника (забыл его фамилию) приехал ко мне и предложил спуститься в одну из шахт, дабы оценить обстановку. Я согласился. Я вообще на все соглашался. Ведь шахты все равно придется запускать и шахт много, а я, главный геолог, один. Утром мы приехали на шахту. Со мной вместе вызвался идти один из шахтеров. Главный инженер остался на поверхности. Впрочем, он и в дальнейшем редко ходил в шахту, а вскоре и вовсе уволился. Подъемная машина не работала. Пришлось спускаться по лестницам вниз почти 100 метров. Кроме фонаря на каске — никакого освещения. В шахте мертвая тишина. Ни малейшего дуновения. Проветривание начисто отсутствует. Холодно и сыро. Как в могиле. Даже чуть жутковато. Два года не быть в шахте — громадный срок. Вдвоем мы направились к запасному стволу шахты. Ровно 800 метров по верхнему горизонту в кромешной тьме. За сто метров до ствола стало совсем холодно, а потом появился и лед. «Ископаемый» так сказать. И для того, чтобы он растаял, надо немало времени. Последние десятки метров до запасного ствола мы пробирались лежа на спинах, цепляясь лицом, руками и ногами за кровлю выработок. Лед почти полностью забил их. Добравшись до ствола, обнаружили, что он начисто «закован» в тот же «ископаемый». Как в панцирь. Такого я еще никогда не видел. Мой напарник тоже. «Пошли назад», — сказал он мне, — здесь жутко». «Пошли», — ответил я, и мы быстро, на спинах, полезли обратно. В шахте делать было больше нечего. На другие горизонты мы не пошли. Там было, наверное, еще хуже. Ведь они глубже. Становилось ясно: такое положение везде, на всех шахтах рудника. После выхода из шахты (опять пешком, вверх по ступеням) мы зашли к поджидавшему нас главному инженеру, и я доложил обстановку в шахте. Как на войне, после рейда в тыл противника. На столе появилась, откуда ни возьмись, бутылка водки. «Можно пить?», — спросил я. «Не можно, а нужно». Мы выпили «паленой» водки, заели какой-то вонючей колбасой. «Страшно было?» — спросил главный. «Страшно», — честно признался я. Начинаясь эра восстановления шахт. Не хотелось — я всю свою сознательную жизнь работал на уране, а здесь надо было работать на золоторудном месторождении. На золоте я никогда не работал.

И все надо было начинать с нуля. Вы-

ражаясь по-шахтерски — с нулевого цикла. Прежде всего — должна появиться рабочая сила. Здесь без проблем. Местное население давно соскучилось по работе. Но специалистов все равно не хватало. Кто подался на заработки в Россию, кто нашел здесь другую работу, кто состарился и ушел на пенсию, а кто и умер. И тех, и других, и третьих, и четвертых не в чем было обвинить, поэтому принимали всех желающих. Работы хватало всем. Через два года простоя настало время и трудовым подвигам. Но работать было нечем. Не было всего, или проще сказать, ничего не было. Даже гвоздей. Люди из дома приносили лампочки, молотки, лопаты. Моя «четверка» превратилась в рабочую лошадку. В самую настоящую, самую взаправдашнюю. С раннего утра до позднего вечера я возил из магазинов, баз и мастерских ведра, кувалды, ломы, рукавицы и другую дребедень. В конце концов заработали стволы шахт, которые два года бездействовали. Началось восстановление шахтных рельсовых путей. Электровозов не было. Перед закрытием шахт за два года всю технику, от электровозов до перфораторов, варварски вытащили из подземных выработок. Поэтому приходилось в ржавых, латаных и восстановленных вагонетках вручную катать по рельсам, утопающим в воде и грязи, породу, а затем и руду, к стволу шахты и выдавать ее на поверхность. Но постепенно все приводилось в порядок. На территориях шахт восстановили здания с душевыми, банями, саунами, раздевалками, складами, помещениями и кабинетами для механиков, горняков, геологов и маркшейдеров. Были обновлены столовые и медпункты. Территории шахт огородили металлическими сетками, поставили охрану. Всем работающим на шахтах выдавали фирменную спецодежду с надписью во всю спину «Казахалтын». И мы все гордились и дорожили этой формой! Вскоре на шахтах заработали насосы. Началась откачка воды. Но лед в шахтах таял еще долго. А потом, постепенно, сделали наконец и проветривание в подземных «катакомбах». А потом... Потом нас «купили» китайцы. Но ненадолго. Где-то всего на несколько месяцев. Китайцев сменили англичане. Просто часть акций приобрела английская компания и стала иметь свои права на добычу золота. В пределах этих самых акций. Ну, скажем на 25 процентов. Они нам и помогли техникой и оборудованием не более этой доли. Естественно были и их представители: геологи, горняки и другие специалисты, которые работали на наших предприятиях. И они что-то, но делали, не особо влияя на нашу работу.

Затем настало время участия в добыче и дележе золота россиян. Эти начали сразу круто. Оценив перспективу растущих и увеличи-

вающих после будущей разведки запасов золота, они рьяно взялись за дело. Ну, конечно, в первую очередь отпала необходимость в переводчиках, что сэкономило очень много времени и денег. Переводчиков при китайцах и англичанах было хоть «пруд пруди», и им платили хорошие деньги. Русские были отличными специалистами. К тому же они тратили огромные средства (как, впрочем, и англичане) на покупку нового оборудования и материалов. Рассматривали вместе с нами ежемесячные планы горных и геологоразведочных работ, делились опытом, присутствовали на всех наших собраниях и совещаниях. С приходом русской компании увеличилась зарплата горняков, увеличилась и добыча золота.

Все было хорошо. Но... Я стал подумывать об уходе на пенсию. Стремительно приближалась старость, подкрадывались преклонные годы. Мне исполнилось уже 66 лет. Стали пошаливать нервы. В шахте же я чувствовал себя, как дома. Это было плохо. Тяжелые и смертельные случаи в большинстве своем происходят под землей именно с такими людьми. Хотя «фору» молодым я еще мог дать. И все-таки я ушел. Написал в заявлении: «в связи с уходом на пенсию» и не пожалел. Правда в душе стучало: «еще не старый, еще можешь работать. Наверное это оттого, что я еще не знал и не понимал, что это такое — быть на пенсии и как быть без работы на пенсии. Н-да... Но на пенсии я был как на работе. Утром рано вставал. Шел в гараж, заводил машину и ехал на дачу, совсем рядом с домом, всего каких-то семь километров. Погода на даче с самой весны (а она была очень ранняя) стояла теплая, ну, примерно, как на курорте, или почти как на курорте. Дожди шли тоже как по заказу. Выросло все, что могло и что посадили. Урожай как в лучшем советском совхозе. Все довольны.

* * *

А я нет! Целых семь месяцев на пенсии. Соскучился по работе. Главную «добрую» роль в этом сыграли сотрудники с моей бывшей работы. Ребята уже два раза навевались ко мне на дачу. Звали назад, на шахту. Дабы уважить меня, обещали, что спускаться под землю не буду, и моя работа будет заключаться только в указаниях, где искать руду, то бишь золото. Грешно, смешно и страшно. Без шахты я себя на работе не представляю. В этом случае моя работа — ноль!

Тем не менее я согласился, но попросил две недели для окончательного решения. Решать, собственно, было нечего. Надо закончить с дачей и сломя голову, кинуться опять в шахту. Дача и все остальное уйдет на второй план. Главное — я опять ГЕОЛОГ! Перефразируя Максима Горького, можно сказать: «Геолог — это звучит гордо!»

ГЛАВА 2 ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВЕТЕРАНОВ «ВИСМУТА» НА ВСТРЕЧЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА «ВИСМУТЯНЕ» В «АЙСКАФЕ» г. ЗИГМАР 2 ИЮНЯ 2009 г.

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ (НА ФОТО)

Сидят (слева направо):

Гюнтер Шлотт, Хельмут Бергнер, Вернер Рихтер, Лотар Штарк, Рудольф Васковиак.

Стоят (слева направо):

Андрей Сергеев, Хайнрих Ридель, Эрвин Альбрехт, Георгий Андреев, Гюнтер Пальме, Рудольф Дейнеке, Арнольд Райниш, Фриц Фишер

Встреча проходила в форме свободной беседы. В ней также принимали участие Александр и Андрей Андреевы. В начале беседы Вернер Рихтер приветствовал всех участников встречи и предложил оказать поддержку обществу «Висмутяне» в подготовке книги о «Висмуте». Гюнтер Шлотт зачитал обращение общества «Висмутяне» к

немецким ветеранам общества, чтобы они прислали свои воспоминания о работе в САО/СГАО «Висмут». После этого начались выступления, часть которых приводится ниже в изложении. Некоторые участники встречи позже прислали по электронной почте свои выступления, которые публикуются полностью.

Гюнтер Пальме

Осенью 1948 г. меня выслали из Польши. В САО «Висмут» я начал работать с 29 октября 1948 г. на шахте «Цеппелин» №19 Объекта 13 вначале забойщиком, а после организации первой молодежной бригады был назначен бригадиром. Затем, с сентября 1949-го по сентябрь 1950 г., я учился во Фрайбергском горном техникуме. Во время учебы я дважды был направлен на ра-

боту. Первый раз это было в ноябре 1949 г.: я 8 дней укладывал кабель энергоснабжения в районе Нидершлага. Там я впервые увидел генерала Мальцева. Второй раз, также 8 дней, я работал в Хемнице (Карл-Маркс-Штадт) на строительстве спортивного комплекса и Дворца культуры трудящихся «Висмут» в Пельцмюлле.

После окончания техникума я работал на Объектах 13, 12 и 9, на шахтах №133 и

166 в Нидершлага и на шахте №82 в Иоганн-георгенштадте. После организации СГАО «Висмут» я в течение 4 лет учился в Высшей школе экономики в Берлине. После ее окончания в 1958 г. я стал работать в генеральной дирекции «Висмута», в отделе планирования и финансирования материального снабжения производства. В 1960 г. генеральный директор В.А. Собко назначил меня первым немецким руководителем 4-го управления, в задачи которого входили материально-техническое снабжение производства, торговые контакты с предприятиями ГДР и импорт из СССР. Ежегодно я вел переговоры в Москве с 8-м Управлением и Техснабэкспортом.

Из моих первых ответственных заданий отмечу обеспечение материалами и техникой укрепления дамбы на шламоохранилище Объекта 101 в Оберротенбахе, строительство рудника Кенигштайн, потребовавшее моего постоянного присутствия на Объекте в течение нескольких недель, а также строительство перерабатывающего предприятия №102 в Зелингштедте.

Интенсивное капитальное строительство новых Объектов, ведущееся, как правило, параллельно с их проектированием, требовало соответствующей интенсивности по части материально-технического снабжения Объектов, что в значительной мере обеспечивалось ответственной и деловой атмосферой сотрудничества немецких и советских работников и приносило хорошие результаты.

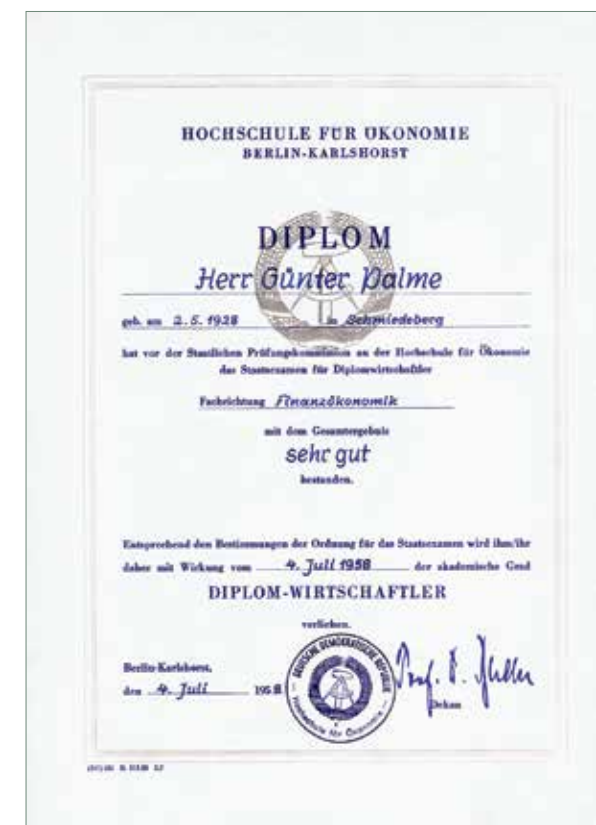
После структурных преобразований 1964—1965 гг. в рамках 4-го управления Генеральной дирекции был организован новый отдел.

В апреле 1969 г. я был назначен заместителем генерального директора по вопросам материально-технического и рабочего снабжения и работал в этой должности до 1990 г.

Подразделения материально-технического снабжения играли важную роль в производстве, строительстве рудников Беервальде и Дрозен и применении новой техники и технологии. Почетным заданием для «Висмута» было строительство опытно-промышленной установки для переработки оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн, и наша служба также внесла свой вклад в его успешное выполнение.

Другой нашей важной задачей было обеспечение социального обслуживания трудящихся и постоянное улучшение их условий жизни, особенно в области культуры и спорта. Эти вопросы мы, разумеется, решали совместно с советскими специалистами и их семьями, постоянно поддерживая тесные контакты с руководителями советского профсоюза «Висмута».

Перевод Г.Г. Андреева

Диплом об окончании Гюнтером Пальме Высшей школы экономики

Во время учебы в Горном техникуме

Гюнтер Пальме и председатель советского профкома Михаил Якушенко

Вручение Гюнтеру Пальме ордена Трудового Красного Знамени послом СССР в ГДР П.А. Абраسیمовым

Г. Пальме

1 Воспоминания О. Кедровского см. выше, стр. 191.

Рудольф Васковиак

От откатчика до ученого-геолога

Р. Васковиак

Я, Рудольф Альфредович Васковиак, родился 8 февраля 1930 г. в Лейпциге. Имя города ярмарок было знакомо каждому человеку в России, по крайней мере, уже лет двести тому назад. С 16 по 19 октября 1813 г. здесь состоялось решающее сражение, в ходе которого войска коалиции (Россия, Пруссия, Австрия и Швеция) нанесли Франции сокрушительное поражение в осенней кампании Наполеона I. Наряду с памятными местами меньшего масштаба и названиями улиц об этом событии напоминают русская церковь и монументальный памятник «Битва народов».

В Лейпциге я 10 лет ходил в школу. К сожалению, мне не удалось стать лесником, как я хотел, или выбрать себе другую специальность, связанную с природой. Время было трудное, жизнь сложная, Германия разрушена. Медленно шла нормализация жизни и экономики. Не хватало всего — продуктов, одежды, жилья. Без специального разрешения нельзя было даже проехать на поезде. Биржа труда направила меня на работу в Государственные железные дороги, поскольку она должна была их обеспечивать рабочей силой в первую очередь. Однако работа мне не нравилась. До этого за пределы Лейпцига я выезжал лишь один раз, да и то это была принудительная доставка в американский лагерь для военнопленных в Бад-Кройцбах на западе Германии. Дело в том, что в марте 1945 г. меня, 15-летнего мальчишку, не прошедшего никакой военной подготовки, призвали в армию, вооружили гранатометом «панцерфауст» и трофейным карабином, чтобы я участвовал в обороне родного города от приближающихся американских войск. Так, 18 апреля я попал в американский плен, в печально известный лагерь Бретценхайм-на-Наз, где от меня остались лишь кожа да кости и откуда я возвратился в конце июня.

К лету 1948 г. я немного поправился. Нужно было устраиваться на работу, но возможностей найти ее было немного. Предприятия могли брать персонал на работу только по согласованию с биржей труда, которой правительством земли Саксония были даны строгие указания: в первую очередь обеспечить потребность АО «Висмут» в рабочей силе и направлять на урановые предприятия любого, кто подходил по состоянию здоровья, собиравшись сменить работу или возвратился из советского плена. А так как я как раз искал другую работу, то биржа труда не оставила мне выбора, и меня вместе со многими другими 13 июля 1948 г.

отправили эшелоном в направлении Рудных гор. Такие железнодорожные составы шли в Ауэ со всей Восточной Германии, а точнее «зоны», как называли советскую зону оккупации. Никто из нас толком не знал, куда мы ехали. На вокзале в Ауэ поезд сделал остановку, несколько человек вышли, но большинство пассажиров поехали дальше, до Иоганнзеоргенштадта. Там работники «Висмута», сопровождавшие состав, разбили нас на группы по рудникам. Проходившая в этот момент пересменка произвела на нас, новичков, неизгладимое впечатление. По всей вокзальной площади и примыкавших к ней улицам шли тысячи горняков в грязной спецодежде, резиновых сапогах и с карбидными лампами на груди. Сквозь этот людской муравейник, то и дело сторонясь от груженых породой составов, ведомых по узкоколейке небольшими локомотивами, возвещавшими о себе пронзительными свистками, мы с трудом пробирались к цели назначения — шахте №30 Объекта 1 в поселке Виттигсталь. По обе стороны дороги стояли высокие дощатые заборы с колючей проволокой, сторожевые вышки с советскими солдатами, копры и устья штолен, бункера для породной массы, погрузочные платформы, подстанции, компрессорные, мастерские, склады, амбулаторные отделения, столовые и жилые дома, в которых были размещены рудничные управления и тому подобные учреждения. То там, то здесь водяной пар выбрасывался в атмосферу. Вокруг нас были сплошные грязь, шум, суета и, главное, беспорядок. Удается ли мне когда-нибудь привыкнуть ко всей этой агрессивной обстановке? Теперь мне стало понятно, почему Иоганнзеоргенштадт пользовался в то время репутацией, сравнимой с диким Западом.

На месте назначения наши документы были сверены с висмутовскими списками, нам выдали пропуска (при этом немецкие паспорта пришлось сдать) и талон на питание в день приезда. На вещевом складе мы получили спецодежду, резиновые сапоги и карбидные лампы. После этого нас распределили по участкам и сменам. Мне нужно было уже сегодня выходить в ночную смену, в 22 часа. Помещение для сна нам отвели примерно в 25 километрах от шахты, в Байерфельде. В бесконечно длинном, аккуратно побеленном фабричном цеху стояло 40 деревянных кроватей с тумбочками между ними. Путь от работы до общежития занимал по нашим представлениям световые годы. По окончании ночной смены в 6 часов мы ехали в Шварценберг на одном из трех

поездов, отъезжавших между 6:45 и 7:15. В то время это был однопутный перегон, и поездка со многими остановками и неоднократными разъездами занимала немало времени. От вокзала в Шварценберге нужно было идти еще час пешком по крутой горе в Байерфельд, куда мы попадали около 9:30 и сразу замертво падали в кровати.

Шахта №30, известная с периода работ на серебро как Новогодняя штольня (Neujahr-Stolln), обрабатывала горизонт 16 метров шахтного поля в Иоганнзеоргенштадте. После сдачи контрольных жетонов нас, новичков, повели в комнату горного мастера в глубине штольни для получения наряда на работу. Там мы выстроились в ожидании того, что нам предстоит. Среди нас не было никого, кто раньше уже бывал в шахте. Все вокруг: теснота выработок, темнота, холод, вода, капающая с кровли, стоящая или текущая в водоотливных канавках, странные шумы, своеобразный запах рудничного воздуха — наполняли душу ощущением страха. Каждый по-своему старался справиться с этими впечатлениями. Немного легче нам было от задорных шуток и шахтерских светильников, которыми мы не умели пользоваться, как, впрочем, и карбидными лампами. С ними постоянно приходилось возиться: то регулировать подачу воды, то прочищать форсунку. Некоторые из нас так и не научились регулировать форсунку таким образом, чтобы лампа не выбрасывала пламя.

Наконец пришел горный мастер Пауль Царсе со штейгерским молотком в руках — исполин богатирского сложения. Я сравнил его могучую фигуру со своею и подумал про себя с облегчением, что этот горный мастер, наверняка, следит за обеспечением надлежащей высоты штреков. Он осмотрел нас критическим взглядом и осведомился у каждого, какую работу тот хотел бы выполнять. Разумеется, все хотели быть учениками забойщика, что давало возможность больше заработать. У меня не было ни опыта горных работ, ни навыков работы руками, а потому меня определили в бригаду откатки, оснастив тотчас же лопатой — основным инструментом откатчика.

Работа откатчика была несложной, но требовала больших физических усилий, что для меня было непривычно. Порой казалось, что загрузка вагонетки в тесноте забоя длится целую вечность. Чтобы выполнить норму и заработать деньги, я научился рациональным движениям, проводя загруженную лопату над плечом, что непривычно для людей, незнакомых с горными работами. Нужно было провести лопату таким образом, чтобы она не задела стенок забоя, кровли и крепления и при этом даже не смотреть, попало

содержимое лопаты в вагонетку или нет. Загруженные вагонетки нужно было сразу же толкать к устью штольни Нойдойчланд на разгрузку в бункер. Поворотные плиты или, за отсутствием таковых, просто листы металла на пересечении штреков должны были давать возможность смены направления в движении вагонеток, но те катились по инерции дальше, поэтому надо было в нужный момент, используя все усилия и сноровку, завернуть вагонетку на другие рельсы. Если это не получалось, вагонетка сходилась с рельсов, и установить ее обратно в одиночку было невозможно.

Спустя примерно полтора месяца, когда я уже считал, что более или менее профессионально справляюсь со своей работой, горный мастер обратился ко мне с вопросом, не хочу ли я пойти в ученики к забойщику. Собственно, это был не вопрос: меня действительно определили учеником к пожилому забойщику, которого звали... Карл Маркс. Правда, за глаза его называли Мурксом². Коверкание имени не означало, что он плохо делал свою работу. Скорее это было выражением обычая здешних горняков, которым доставляло несказанное удовольствие придумывать как можно более курьезные и все же меткие клички. В любом случае у Муркса я получил достаточно опыта, чтобы уже спустя немного времени самому стать забойщиком в очистном блоке, и тогда уже мне самому помогал ученик. Теперь я мог наконец заработать приличные деньги и когда-нибудь получить в виде премии столь желанный «сталинский паек». Такая возможность была у забойщиков, получавших сдельно-прогрессивную зарплату при хорошей организации труда. Однако профессия забойщика в горнорудной промышленности была тогда очень тяжелым физическим трудом. Лишь позднее стали создаваться комплексные бригады. А до механизации проходки штреков с помощью буровых кареток и ковшовых погрузочных машин было еще очень далеко.

Однако все вышло иначе. Спустя несколько недель работы забойщиком меня назначили помощником опытного горного мастера по организации производства на крупном участке. Горнодобывающие предприятия и цеха работали тогда в три смены. В неделю

Портал здания Горного техникума во Фрайберге (фото 1951 г.)

² Murks (нем.) — халтура, стряпня.

Письмо заместителя директора техникума Б.Ф. Голубенко на имя А.П. Марченко с портретом автора этих строк (октябрь 1949 г.)

приходилось отрабатывать 6 смен по восемь часов, причем в последовательной очередности — ночная смена, дневная смена, утренняя смена. Большая пересменка была между концом первой смены в 14 часов в субботу и началом ночной смены в понедельник в 22 часа. Горняки, жившие вдали от места работы или за пределами зоны «Висмута», могли выезжать к своим семьям только в большую пересменку в конце недели, само собой разумеется, с разрешения висмутовской полиции.

В послевоенное время ни у кого, за редким исключением, не было машин и мотоциклов, поэтому добраться куда-либо можно было только поездом. Поезда регулярно контролировались висмутовской полицией, и горняков без соответствующего отпускного свидетельства, выдаваемого полицией, снимали с поезда.

Первая смена для горняков и горных мастеров проходила всегда немного хаотично. Если в другие смены проверки на рабочих местах проводил лишь сменный горный мастер, то в первую смену в шахту спускались целые полчища руководящих работников: участковый горный мастер, старший горный мастер, маркшейдеры, геологи, наладчики, проектировщики, главный инженер, начальник шахты, сотрудники администрации Объекта и даже иногда — Генеральной дирекции. Они отмечались в штейгерской, дабы соблюсти свои обязанности по контролю за ведением работ. Ко мне не раз навывался по производственным вопросам советский главный инженер, а однажды он велел мне после окончания смены прийти к начальнику шахты. В голове я перебрал все свои грехи, но толком не мог понять, что могло означать это приглашение. Мне было не по себе, когда я постучал в дверь началь-

ника шахты. Кроме главного инженера в кабинете был старший горный мастер и еще четверо молодых горняков с нашей шахты. Старший горный мастер разъяснил нам намерение шахтного руководства: нас выбрали для прохождения полугодовой подготовки на горных мастеров во Фрайберге (Земля Саксония). Все мы не раздумывая приняли это предложение.

1 апреля 1948 г. АО «Висмут» организовало во Фрайберге Горный техникум³ (Объект 105) — учебный комбинат для подготовки технического и надзорного персонала среднего звена и горных специалистов, которых явно не хватало из-за постоянно растущих темпов добычи урана. Когда мы прибыли туда на следующее утро в понедельник, нам устроили приемный экзамен, а на следующий день велели прийти на занятия. Прошел месяц полугодичных курсов, и дирекция предложила мне перейти на годичные курсы, позволявшие обрести более высокую квалификацию и свидетельство с государственной аттестацией.

Так я попал на курсы горных мастеров, где впервые соприкоснулся с горными и геологическими науками и открыл для себя множество интересных вещей. Фрайберг, вокруг которого в 1162 г. началась добыча серебра, быстро стал ведущим горнопромышленным центром Саксонии. В 1765 г. здесь была создана Горная академия — первое в мире горнотехническое высшее учебное заведение, а ее профессора оказали огромное влияние на развитие геологии, горного дела и металлургии во всем мире. Решение о размещении Горного техникума во Фрайберге было, несомненно, разумным.

Фрайбергские горнопромышленные традиции очень заинтересовали меня. Прежде всего я понял, что здесь определяется направление моего дальнейшего профессионального развития. Поэтому я очень старался, добился успехов в учебе, и мне было присвоено звание активиста.

В октябре 1949 г. я завершил учебу на горного мастера с оценкой отлично, получил свидетельство и грамоту, а также аттестацию со стороны представителя правительства земли Саксония в экзаменационной комиссии. После чего меня ожидал небольшой сюрприз. Директор Горного техникума майор Павел Казимирович Инчеревский вызвал меня и вручил мне письмо главному инженеру Объекта 1 А.П. Марченко с просьбой передать его лично. Я готов был сделать ему это маленькое одолжение и в качестве курьера передать, как я полагал, письмо частного характера. Адресат раскрыл конверт, заинтересовался результатами моей учебы, быстро

³ Статью Р. Васковиака о Фрайбергском горном техникуме см. ниже (глава 5).

переговорил по телефону и написал несколько слов по диагонали в левом углу письма, возвратив его мне с поручением передать начальнику шахты №31-бис. Это письмо я сохранил и привожу здесь его факсимиле.

Меня назначили сменным горным мастером на перспективном участке, который, к сожалению, не справлялся с поставленными задачами, и который планировалось разделить. Вероятно, позднее я мог бы стать начальником участка, организовать на нем бесперебойное производство, обеспечить решение всех технических и хозяйственных проблем, руководить, удерживая бразды правления, 180-ю неустрашимыми горняками, из которых почти каждый был старше меня по возрасту, — все это требовало полной отдачи. Я нашел отклик среди горняков и сумел в течение нескольких недель добиться регулярного выполнения месячных планов на 120—125%, что обеспечивало не только получение денежных премий. Горняки на подземной работе получали при выполнении норм и отсутствии прогулов по 2 литра безакцизного шнапса в месяц, а при перевыполнении норм и плана — еще больше. А я получал тогда 6 литров в месяц, благодаря чему в подвале накопились запасы на десятилетия вперед, позволявшие впредь без забот отмечать семейные торжества.

Незаметно пролетело несколько месяцев, когда мне сообщили, что я должен зайти к офицеру-политработнику в управлении Объекта. Меня это обеспокоило, и мне снова пришлось перебирать все свои грехи. Однако опасения оказались напрасными. Напротив, меня ожидало весьма радостное известие. Заместитель директора Горного техникума Б.Ф. Голубенко спросил меня, не хочу ли я вернуться в техникум в качестве помощника доцента.

Мне было немного жаль расставаться с успешно начатой работой, с моими горняками. Однако новый профессиональный вызов, заманчивая атмосфера города, являющегося центром культуры и горной промышленности, и, главное, любовь к местной девушке — все это неодолимо тянуло меня во Фрайберг, поэтому отказаться от этого предложения я просто не имел права.

Таким образом, 10 мая 1950 г. в возрасте 20 лет я стал помощником доцента, а позднее — штатным доцентом Горного техникума во Фрайберге, оставаясь им в течение 30 месяцев вплоть до расформирования этого учебного заведения 15 августа 1952 г.⁴ Я работал на геолого-минералогическом факультете и преподавал на курсах горных мастеров, маркшейдеров и геологов, попутно совершенствуя свои знания в таких пред-

⁴ Р. Васковиак. Как после Второй мировой войны урановая промышленность в Восточной Германии готовила свои кадры и костяк опытных рудничных геологов. Geohistor. Blätter. Berlin №12, 2009, T. 2, S. 105—126 (на нем. языке).

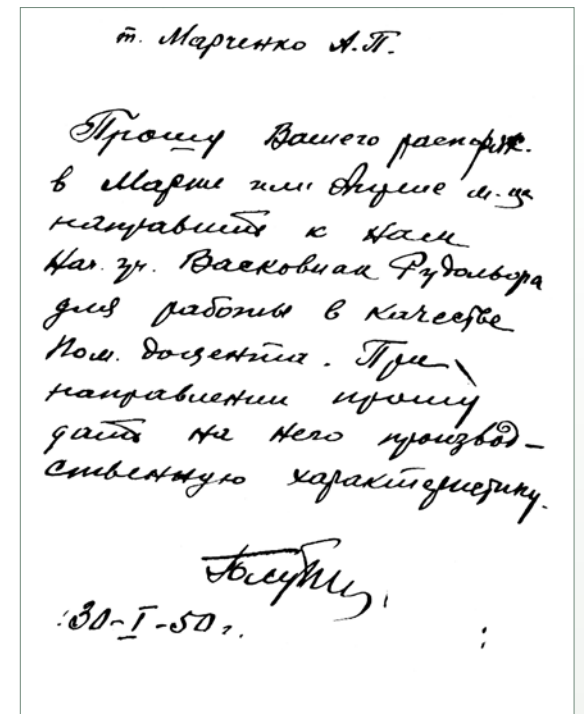
метах, как общая геология, рудничная геология, учение о месторождениях полезных ископаемых и опробование.

Бурное развитие АО «Висмут» в конце сороковых — начале пятидесятых годов вызвало громадный спрос на квалифицированных работников всех уровней и специальностей. Вторая мировая война унесла жизни лучших представителей молодежи и интеллигенции — ее цвета. В военные годы и последующий период лишений масштабы подготовки специалистов в средних и высших учебных заведениях сошли до минимума. Поэтому молодому предприятию «Висмут» пришлось смириться с тем, что потребуются многие годы, прежде чем пришедшая в упадок подготовка кадров со средним специальным и высшим образованием будет в состоянии покрыть его возрастающие потребности. Кроме того, необходимо было учитывать интересы народных предприятий и в первую очередь тяжелой промышленности. Критическое положение с кадрами удалось преодолеть только за счет подготовки квалифицированного персонала и руководящего состава нижнего и среднего звена собственными силами.

Первые курсы подготовки рабочих геологической службы (коллекторов) были проведены с 10 июня по 15 сентября 1947 г. на бывшей туристской базе для молодежи на горе Хайдельсберг в Ауэ. Организация и проведение курса были возложены на майора Ларина и капитана Вайнштейна из отдела подготовки кадров Генеральной дирекции, которая в то время находилась в Ауэ⁵.

И вот молодые горняки из уже действующих и заново создаваемых эксплуатационных Объектов — 1 (Иоганнсгеоргенштадт), 2 (Обершлема), 3 (Шнееберг), 4 (Аннаберг-Буххольц), 5 (Мариенберг), 6 (Ауэрбах-Фогтланд), а также разведочного Объекта 21 в Обершлема

⁵ Р. Васковиак. Первые курсы. Erzgebirgische Heimatblätter. Marienberg №33, S. 201 (на нем. языке, готовится к печати).

Лестное предложение руководства Горного техникума

Трое из четырех главных гидрогеологов Центрального геологического предприятия. Слева направо: Е.В. Анкудинов, Е.С. Иванов, Р. Васковиак (Загорск, лето 1983 г.)

Геологическая экскурсия на Гавайские острова в сентябре 2002 г. В центре — кратер и озеро Галемаумау, покрытое слоем застывшей лавы

были направлены на учебу: в среднем по 10 человек от каждого Объекта. После завершения учебы 67 выпускников вновь приступили к работе на Объектах, пославших их на курсы. Усилия, предпринятые в области подготовки и переподготовки кадров, привели в конечном итоге к созданию крупного среднего специального учебного заведения — Горного техникума. В его состав вошел горный участок на рудниках во Фрайберге, а кроме того, был организован филиал техникума в Цвиккау. На полугодичных и годичных курсах велась подготовка горных мастеров, мастеров-взрывников, машинистов, горных механиков, маркшейдеров, топографов, геологов. На трехмесячных курсах в основном шла подготовка буровых мастеров, взрывников, коллекторов.

Приведу несколько цифр для иллюстрации масштабов этого учебного заведения: 67 полугодичных и 40 годичных курсов было проведено только для подготовки рудничных штейгеров (горных мастеров). На четырех курсах продолжительностью в 1¼ и 1½ года было подготовлено 112 рудничных геологов. На каждом из этих курсов училось по 30 слушателей. В целом Горный техникум выпустил около 9400 выпускников различных горных профессий

Арнольд Райниш

Беседа с Арнольдом Райнишем началась в «Айскафе» и продолжилась в его гостеприимном доме, где к нам присоединилась его супруга Урсула.

В «Висмуте» я начал работать с января 1948 г. техником-геологом на Глюк-шахт (Объект 27). Этому предшествовали следующие события.

Я родился, рос и учился по другую сторону Рудных гор в городке Белина (ныне Чехия). До войны я начал учиться в школе. Обычно при выборе профессии дети слушали отцов. У меня отца не было. Когда я оканчивал школу, к нам домой пришел ее директор и сказал, что я должен стать учителем. Я поступил в институт. Но началась война, и нас, 15–16-летних мальчишек, стали забирать в рабочие батальоны (арбайтсдинст). Мы должны были делать противотанковые завалы из стволов деревьев на дорогах в Рудных горах. В апреле 1945 г. в районе г. Теплиц (ныне Теплице) скопи-

лись отступающие от русских немецкие войска, которые получили приказ идти сдаваться в плен американцам. Над ними летали английские самолеты и сбрасывали бомбы.

Наш батальон размещался в каком-то небольшом поселке возле Теплица. Кроме нас там были отряды фольксштурма — последнего резерва Гитлера, состоящего из стариков и мальчишек. Они сделали завал на дороге перед поселком. В это время подъехал танк Т-34 с белым флагом на башне и высунувшийся оттуда танкист сказал, чтобы мы очистили дорогу, иначе он применит оружие. Но какой-то фанатик из противотанкового ружья выстрелил по танку. Танкист убрал белый флаг, развернул башню и выстрелил по завалу. Я в первый раз в жизни увидел убитого. Его раз-

лишь отступающие от русских немецкие войска, которые получили приказ идти сдаваться в плен американцам. Над ними летали английские самолеты и сбрасывали бомбы.

С удовольствием вспоминаю доброе сотрудничество и дружеские отношения со специалистами из СССР, работавшими в ЦГП, и прежде всего с непосредственными руководителями, главными гидрогеологами — Александром Жевлаковым, Евгением Анкудиновым и Евгением Ивановым, которым я в значительной мере обязан своим дальнейшим профессиональным развитием в таких областях, как радиогидрогеология, рудничная гидрогеология и инженерная геология. С 1980 г. я руководил гидрогеологической службой в Центральном геологическом предприятии, обеспечив завершение радиогидрогеологической съемки южной части ГДР и горно-геологического исследования ее урановых месторождения. 1 октября 1990 г. я вышел на пенсию.

Перевод Евгения Синева

лишь отступающие от русских немецкие войска, которые получили приказ идти сдаваться в плен американцам. Над ними летали английские самолеты и сбрасывали бомбы.

Наш батальон размещался в каком-то небольшом поселке возле Теплица. Кроме нас там были отряды фольксштурма — последнего резерва Гитлера, состоящего из стариков и мальчишек. Они сделали завал на дороге перед поселком. В это время подъехал танк Т-34 с белым флагом на башне и высунувшийся оттуда танкист сказал, чтобы мы очистили дорогу, иначе он применит оружие. Но какой-то фанатик из противотанкового ружья выстрелил по танку. Танкист убрал белый флаг, развернул башню и выстрелил по завалу. Я в первый раз в жизни увидел убитого. Его раз-

⁶ Г. Рошлай. Из истории горного техникума во Фрайберге. Карл-Маркс-Штадт, 1990. Архив Горной академии во Фрайберге, №412, 2а (на нем. языке).

несло на куски. Война — жестокая штука.

Потом советский офицер сказал, что мы шли в такой-то поселок в лагерь для военнопленных. Но до моего дома было всего 6 км. И я пошел домой. Дома я пробыл 15 дней, после этого нас, немцев, чехи выгнали и направили в район Фрайберга. Мы искали работу, а пока, чтобы спастись от голода, работали у местных крестьян.

Мне удалось поступить на полугодичные курсы геологов во Фрайбергской академии, которые организовал и оплачивал «Висмут». И вот в январе 1948 г., окончив курсы и получив специальность техника-геолога, я пришел туда и начал работать на Глюк-шахт Объекта 27, из которой в то время откачивали воду. Одновременно геологи, геофизики и радиометристы проводили картирование выработок и поиск урана. Приходилось работать в воде и носить приборы над головой, чтобы не замочить их.

Помню, как я получил первую вещевую премию. Мы сделали отчет, главный геолог шахты вызвал нас, сказал, что за хороший отчет нас премируют, и дал нам список товаров, один из которых мы можем получить в магазине. Я выбрал себе радиоприемник, а мой товарищ — плащ-дождевик.

После Глюк-шахт я некоторое время работал на шахтах Фрайталя. Как-то, отдыхая со своим другом Цандлером в доме отдыха в городке Пинц, я встретил Урсулу, которая стала вскоре моей женой, и мы с ней живем счастливо по сей день.

Потом я работал участковым геологом на Объекте 6 (Цобес). Он отрабатывал жильное месторождение, на котором встречалась урановая смолка. Там мне впервые пришлось испытать на деле не только свои геологические знания и удачу, но и ответственность за принимаемые решения. Дело в том, что участковым геолог в случае обнаружения перспективной жилы должен был докладывать оберштейгеру и главному инженеру, которые решают вопрос о целесообразности делать или нет засечку, как правило, длиной 5 метров. Но когда я обнаружил во второй смене перспективную, как я считал, жилу, то решил, не теряя времени, дать команду бригадиру забойщиков в ночную смену сделать засечку. Утром об этом стало известно оберштейгеру и главному инженеру, которые вызвали меня, и мы все вместе поехали на

место «преступления». Подходим к засечке и видим, что ее сделали не на положенные 5 метров, а на все 10 и что на отбитом отвале горной массы сидит радиометрист, отбирает урановую смолку — богатую руду. Мои прогнозы и взятая на себя ответственность оправдались.

Из советских специалистов, работавших на Объекте 6, помню главного геолога шахты — украинца Михаила Григорьевича Масленного. В Советском Союзе он работал на руднике «Гигант» в Кривом Роге.

Еще мне запомнился начальник шахты №277 — тоже украинец (к сожалению, не помню его фамилию), колоритная фигура. Для меня он в то время был образцом начальника. Мог орать при разговоре, а мог совершенно спокойно и доходчиво объяснить, что нужно делать.

В 1959 г. я поступил институт в г. Цвиккау, который окончил в 1962 г., и стал инженером. В том же году я начал работать в горном отделе Проектного предприятия, где я стал первым немецким геологом.

В 1968 г. я перешел на работу в Центральное геологическое предприятие (ЦГП). Главным инженером ЦГП был Юрий Сергеевич Данилов. Там я занимался пересчетом запасов Фрайталя. Я работал вместе с Анатолием Михайловичем Поповым, с которым мы дружили семьями. Его супруга Роза готовила очень вкусные казахские пельмени — манты.

Через некоторое время Карл Файерер забрал меня к себе в 3-й отдел генеральной дирекции, где я вначале курировал Фрайталь и южную часть Роннебургского рудного поля (Шмирхау, Ройст, Пайцдорф) и делал расчет запасов вместе с Сергеем Стороженом. Затем мне поручили заниматься движением запасов всего «Висмута». В то время у нас появился компьютер, и мы разработали программу учета движения запасов, что в значительной мере облегчало нашу работу. Помню, как мы в первый раз запустили программу подсчета запасов «Висмута» и пошли в буфет выпить кофе. Возвращаемся — а расчет уже закончен.

В этом отделе я работал вплоть до окончания деятельности СГАО «Висмут». Вспоминая о своей работе, могу сказать, что иногда мне было очень тяжело, но я до сих пор уверен, что «Висмут» и его деятельность были необходимы.

ГЛАВА 3 ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВЕТЕРАНОВ «ВИСМУТА» НА ВСТРЕЧЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА «ВИСМУТЯНЕ» В КЛУБЕ «АКТИВИСТ» г. АУЭ 3 ИЮНЯ 2009 г.

ВО ВСТРЕЧЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Георгий Андреев, Андрей Андреев, Вернер Рихтер, Конрад Барт, Адольф Ватер, Гюнтер Дебре, Манфред Хаманн, Рудольф Дитель, Готтхард Бретшнайдер, Эрхард Вильд, Лотар Эльснер, Карл-Хайнц Гроссер, Вернер Нойберт, Рудольф Киришат, Эрих Вишт, Готтхард Гетц.

Воспоминания немецких висмутян были записаны на диктофон и переведены О.М. Кастуевым.

«Бойцы» вспоминают
минувшие дни.
Обмен мнениями

Гюнтер Дебре делится
своими воспоминаниями.
Сидят (слева направо):
Рудольф Киришат,
Адольф Ватер,
Вернер Нойберт,
Гюнтер Дебре,
Карл-Хайнц Гроссер

Гюнтер Дебре

Г. Дебре

Я был взрывником. Со мной был рабочий, с которым мы проводили замеры на шурфе. В это время подъехал лимузин «бьюик» и оттуда вышел военный в фуражке с красным околышем и лампасами на брюках. Это и был генерал Мальцев. Я тогда еще почти не говорил по-русски. Он подозвал меня и спросил: «Что ты здесь делаешь?» Я ему объяснил. Он выслушал и похвалил: «Хорошо». Попрощался со мной за руку, сел в машину и уехал.

В 1955 г. меня направили на учебу в Горный техникум. В сентябре того же года я начал работать на Объекте 9 в отделе вентиляции. Надо сказать, что в то время работа в этом подразделении была беспокойной. Дело в том, что я пришел туда спустя всего месяц после большого пожара на шахте №250, во время которого погибли горняки. И тогда, и сегодня я ответственно заявляю, что причинами гибели горняков были недостаточный контроль за содержанием СО и нарушение правил техники безопасности.

С советскими специалистами у меня с самого начала сложились деловые и дружеские отношения и на работе, и в свободное время. С некоторыми из них мы дружили семьями, а во время приезда в Москву мы созванивались и встречались. Особенно хорошие отношения у меня сложились с моим заместителем Иваном Семеновичем Осиповым. С его семьей я также был хорошо знаком.

Я с удовольствием вспоминаю нашу совместную работу с советскими учеными, приехавшими к нам на Объект для решения сложных проблем вентиляции и кондиционирования на нашем глубоком руднике. Это профессор Комаров (у меня до сих пор сохранилась его книга по рудничной вентиляции с его дарственной надписью),

Сотрудники отдела
вентиляции. В центре —
Г. Дебре, И.С. Осипов,
крайний справа — Н.В. Демин,
рядом с ним — Г. Шлотт

На сегодняшний день у нас есть большая хроника «Висмута», где расписана вся техническая сторона производства с графиками, планами и т.д. Кроме того, выходили отдельные книги, авторы которых излагали свою точку зрения на те или иные события, но их собственное отношение к этим событиям изложено довольно скупое, особенно с эмоциональной точки зрения.

На мой взгляд, важно понимать, в каких условиях рос и развивался человек, кто были его родители, были ли они богатые или бедные, какое воспитание он получил, и в каком направлении формировались его жизненные принципы, взгляды.

Вот почему нам очень нужно знать, что из себя будет представлять будущая книга о «Висмуте».

Расскажу о себе. Я вырос под бомбежками в Дрездене. Мои родители были бедные и разведены. У меня ничего не было, даже собственных штанов. Дядя дал мне свои, но они были мне велики. В гитлерюгенде, в котором состояли все, родившиеся в период с 1925 по 1932 г., мы были так воспитаны, что даже входя в магазин, были вынуждены орать «Хайль Гитлер», по-другому было нельзя. Про советских солдат нам говорили, что все они беспощадные, злые и убивают всех подряд.

И вот 9 мая 1945 г. в наш двор вошел советский солдат с автоматом ПППШ на плече. Я наблюдал за ним из-за угла дома. Он увидел меня, поманил к себе пальцем и сказал: «Принеси кусок хлеба». Я открыл свою коробку-бутербродницу, там была четвертушка хлеба. Солдат повел меня в сад, сказал: «Садись!» От страха я на него не смотрел и ни слова не проронил. А он в это время положил автомат, снял рюкзак, достал нож, вскрыл банку мясных консервов, намазал ее содержимое на мой хлеб и отдал мне. В этот момент у меня в голове промелькнула мысль: «Так это ж никакие не убийцы! Это же отличные ребята. Он мне дал кусок мяса, а мы в то время были все голодные». С этого момента внушаемая нам пропаганда была подорвана окончательно. В дальнейшем это мнение только укрепилось во время будущих встреч с советскими людьми.

В 1948 г. я пришел на работу в «Висмут» на Объект 5 (Мариенберг). Мне пришлось работать в тяжелейших условиях на шахте №48 (впоследствии №131), а кроме того, нужно было каждый день идти пешком 5 километров на смену и столько же ночью со смены.

В это время я встретился с генералом Мальцевым. Мы проходили слепую шахту №139 и параллельно разведочный шурф.

академик Щербань (он помогал нам делать расчеты для системы охлаждения воздуха на глубоких горизонтах), доктор Дзасохов, профессор Воропаев и многие другие.

Хорошие взаимоотношения развивались у нас и с отделом вентиляции и кондиционирования воздуха НТЦ СГАО «Висмут», в котором работали советские специалисты Вадим Мельниченко, Николай Демин, Георгий Андреев, Анатолий Кретинин, Константин Гербут.

На Объекте я проработал почти 36 лет. Если в будущей книге о «Висмуте» удаст-

ся отразить все эмоциональные восприятия авторов, как хорошие, так и плохие — это будет прекрасно. В качестве примера приведу один случай из собственной практики, когда при обсуждении должностных инструкций у главного инженера Объекта Ивана Ивановича Белова, он говорил нам о том, что если мы являемся руководителями, то и наш внешний вид должен быть соответствующий. И когда я вскоре появился перед ним при галстукке, то он с удовольствием мне сказал: «Ну вот! Это другое дело».

Манфред Хаманн

В декабре 1946 г. я 16-летним пареньком начал работать в Шнееберге у оберштейгера (зам. главного инженера) Йоханнеса Шмидта на Объекте 3. Позже начальником этой шахты стал Николай Иванович Чесноков.

Потом я работал на Объектах 2 и 9, соответственно в Обершлеме и Нидершлеме, а последние годы — на шахте №371 вплоть до ее закрытия в 1991 г.

Если я начну перечислять всех советских друзей (начальников шахт и Объектов, главных инженеров, геологов, геофизиков и др.), с которыми мы тесно работали, то их число перевалит за тысячу. Это и мой заместитель Кудряшов, у которого я был в гостях в Донецке в 1980 г., и Виталий Константинович Гаузов — первый секретарь посольства СССР в ГДР, и Анатолий Макси-

мович Чумаченко из Москвы, и Кучеров из Киева и много других моих друзей и товарищей по работе.

И еще об одном. В 1977 г. я получил задание от тогдашнего директора ГДП 9 Вернера Эберта, к сожалению уже скончавшегося, написать историю развития «Висмута» в районе Ауэ. Я собрал команду примерно из десяти человек (геологов, горняков), и мы стали собирать материал для книги. Все эти материалы я обобщил. Часть из них была опубликована в книге «Зайльфарт», которая была выпущена в 1990 г. в издательстве Doris Bode Verlag GmbH. Кроме того, моя статья об истории урановых предприятий опубликована в сборнике, который издает Wismut GmbH. Передаю их вам для использования при написании книги.

Урановые предприятия в Шнееберге-Нойштедтеле. Объект 3¹

Состояние шнеебергских рудников в 1945—1946 гг. до передачи их «Висмуту»

На Шнеебергском рудном поле в 1946 г. находилось 4 действующих рудника — Вайсер Хирш (глубина — 397,5 метра), Нойяр-шахт (373,8 м), Шрот-шахт (212 м) и Бейст-шахт (404,4 м).

Этот горный район охватывал около 21,5 кв. километра. Всего около 100 горняков выполняли горный надзор, обслуживали насосную станцию на 110-м опорном горизонте и добывали небольшое количество никелекобальтово-висмутовой руды. (Летом 1946 г. часть этих горняков ушла в Обершлему и Йоганнсгеоргенштадт восстанавливать старые рудники.) Главный водоотлив находился на 110-м основном горизонте шахты Вайсер Хирш. Через штольню «Маркус Земмлер» вода шнеебергских рудников попадала в Нидершлему, а затем — в речку Цвиккауэр Мульду. Рудники южной части месторождения — Адам Хебер, Даниель, Зибеншлеен, Вольфанг-массен и Тюрк не работали: на них не было си-

стемы снабжения сжатым воздухом.

Начало разведочных и добычных работ «Висмутом» с 1945 г.

Подготовительные работы

В это время состояние геологического картирования и радиометрических измерений приобретает огромный интерес. Шнеебергский оберштейгер Эрнст Фогт, многие десятилетия проработавший на здешних рудниках, вспоминает сейчас об осеннем дне 1945 г.: «Мы тогда жили около Нойяр-шахт, когда к нам пришли три советских офицера. Моя жена пришла в ужас, когда посмотрела в окно и увидела посторонних людей в незнакомой униформе. Они были вежливы, пожали нам руки и спросили меня, могу ли я как знающий здешние рудники быть их

Основное здание Нойяр-шахт (1940)

Поверхность шахты Вайсер Хирш (1938—1940)

проводником. Я согласился, и следующие три месяца мы обследовали известные мне в округе рудники: Вайсер Хирш, Петер и Пауль, Риттер-шахт, Бейст-шахт, Зибеншлеен и другие. Зачастую это было довольно рискованно — крутиться в выработках старых рудников. Хотя я знал в них каждый уголок, но встречая в выработках обрушения, порой бывает трудно найти безопасный проход.

Мы заползали в каждую дырку, замеряли радиометром поверхности, документировали трещины и жилы, место отбора проб. Офицеры брали меня с собой в гарнизон в Шнееберг, где они обобщали результаты подземных изысканий и подводили итоги. Летом 1946 г. они появились снова, и на шахте Вайсер Хирш, как и на других шнеебергских рудниках, начались горные работы.

За первый год совместной работы советские геологи и радиометристы вместе с немецкими горняками запрофилеровали 21,115 и задокументировали 10,83 километра старых выработок. Одновременно были детально обследованы и опробованы 18 отвалов. На отвалах рудников Вольфангмасен, Заушwart, Нойяр-шахт, Даниель, Шиндлер-шахт, Бейст-шахт, Зибеншлеен-шахт и Гезельшафт урановую смолку не нашли или ее было там очень мало. В то же время на отвалах рудника Адам Хебер уже в первом пройденном шурфе в ноябре и декабре 1946 г. была обнаружена руда и немедленно начата разборка отвала простейшим способом. Рабочие лопатами перебрасывали отвал на движущийся ленточный транспортер. Как только радиометр фиксировал ураносодержащий кусок, транспортер останавливали, а радиоактивные куски отсортировывали и грузили в ящики. Советские солдаты работали наравне с немецкими рабочими. Леденящий ветер, снег и промерзшая земля, а в ночную смену температура до минус 20 градусов, значительно осложняли работу. Для

обогрева жгли много костров. В гаштете «Вальдшлесхен», находящейся непосредственно около пруда Фильцтайх, была организована первая столовая. Там давали овощи, сладкую кашу, гороховый или фасолевый суп.

В «Хронике «Висмута»» написано, что в 1946—1947 гг. из 4 отвалов добыли около 100 кг урана, причем основная часть — из отвала шахты Адам Хебер.

Хорошие результаты ревизионных работ на поверхности и под землей послужили веским основанием для запуска в работу бездействующих рудников №47 (Шрот-шахт) и Бейст-шахт. К их числу присоединили Риттер-шахт (№9), Нойяр-шахт (№11), Зибеншлеен (№10) и Адам Хебер (№43). Для увеличения подъемных мощностей рудников начали проходку шахт №25, 26 и 50.

Для управления старыми и строящимися рудниками был организован Объект 2. После того как количество рудников в районе Шнееберга увеличилось, они были переданы в распоряжение Объекта 3, управление которого располагалось в здании Песталоцци-Шуле.

Трудностей было немало. Приведу два примера.

Суровая зима 1947 г. принесла на Риттер-шахт большую проблему. Главный подъемный копер полностью обмерз, толстые сосульки висели в стволе и не давали проходить подъемной клетки. Стоя в ней, горняки кайлами сбивали лед. К счастью, были резиновые костюмы и шлемы для моряков.

Запуск в работу рудника Зибеншлеен тоже сопровождался большими трудностями. Рудник представлял собой зарешеченное на поверхности отверстие ствола с единственным деревянным лестничным отделением. Оно было единственным в грузовом стволе, однако нуждалось в ремонте. Первый полук находился на расстоянии 90 метров от штольни Грайфер, а до него через каждые

М. Хаманн в юности

М. Хаманн

Копер Тюрк-шахт (фото 2007 г.)

На фото слева: на переднем плане — отвалы Риттер-шахт, на заднем плане — шахта №76 (1950 г.)
На фото справа: штольня в районе Грундштрассе-Штоленхоф (1948—1949)

10 метров были промежуточные площадки (Fahrtendeckel). В расположенном рядом жилом доме были помещения для штейгеров, геологов и маркшейдеров.

А теперь — несколько случаев, связанных с работами по освоению месторождения, в которых я сам участвовал.

Транспорт материалов

Транспорт материалов в руднике осуществлялся так, что каждую стойку, верхняк или что-то другое ты должен был взять в руки и сам спустить в рудник. Один бывший солдат, вернувшийся с войны целым и невредимым, сказал: «Нет, никогда! В эту дыру я больше не спущусь», — и ушел, посмотрев свысока на оставшихся. Больше его никто не видел. Очень трудоемким мероприятием была транспортировка резинового кабеля длиной несколько сотен метров с поверхности на горизонт «Маркус Земмлер». Происходило это так: через каждые 5—6 метров стояли горняки и, взяв кабель на плечо, тянули его на спине к стволу, образуя длинную людскую цепь. При этом не у всех были карбидные лампы, а у тех, у кого они были, горела далеко не каждая. Такой мерцающий и коптящий свет сопровождал этих людей под землей.

Отбор проб на Нойглюк-Флахен

В районе жилы Фляйшер Моргенганг мы обследовали поверхность и должны были взять пробу жилы. Она имела мощность до 30 сантиметров. Радиометр показывал наличие урановой смолки. Долом и обушком (1 кг) отбили пробу руды. Сильно мешал неприятный запах мышьяка. Бурение шпуров производили вручную. Обушком или кувалдой (5 кг) забивали буровое долото в горный массив. В зависимости от его твердости один человек пробурил за смену 1—2 шпура глубиной 1 метр.

Желатин-донарит служил взрывчаткой, а карбидная лампа — запалом. Руду несли

на поверхность в рюкзаке или запечатанном жестяном ящике. Вначале мы затачивали буровой инструмент на стороне, но вскоре «Висмут» организовал собственную мастерскую на Бейст-шахт.

Строительство шахтных установок на поверхности

Зимой 1947 г. началось переоснащение рудника Зибеншлеен для транспорта материалов и грузового подъема. Поставили мачты для подвода электроэнергии, столбы для деревянного забора. Еще надо было возвести фундаменты для подъемных машин, деревянного подъемного копра и компрессорной станции, но копать каменистую поверхность зимой было очень тяжело, к тому же не хватало воды. Большие смерзшиеся куски песка разбивали на железном листе, грели его на костре, и только после этого песок принимал свой обычный сыпучий вид. Воду получали из растапливаемого снега, которого той зимой было достаточно. На залитых фундаментах постоянно горели костры, чтобы бетон хорошо схватился. Позже поставили подъемную машину и подъемный копер, появился сжатый воздух, и дальнейшее развитие рудника было обеспечено.

Для транспорта материалов приспособили усиленный стальными ребрами деревянный ящик с двумя деревянными 4-метровыми полозьями, со срезанными под углом концами. С помощью этих «саней» нужные материалы спускали в рудник. Некоторые храбрецы садились в деревянный ящик и спускались, управляя руками и отталкиваясь от стенок. Эти деревянные сани еще в 1947 г. заменили на два скипа. Но горняки по-прежнему были вынуждены пользоваться лестничным отделением.

Подготовительные и очистные работы

На старых горных работах пройденные выработки в руднике Зибеншлеен были тупиковые. Но для проведения разведки из горизонтальных выработок требовалось хорошее проветривание. К тому же нужно было проходить штреки и квершлагы с сечением 3—4 кв. метра. Проходчики бурили всухую, для защиты от пыли применяли маски. Бурили перфораторами ВН-16 весом 16 килограммов. Пневмоподдержек не было, и на перфоратор давили вручную. Взорванный забой освобождали лопатами от горной массы и снова бурили. Отбитая горная масса повсюду лежала в штреке, и откатчики с лопатами не успевали. Для откатки использовали опрокидывающиеся вагонетки объемом 0,25 кубометра.

В 1948 г. в забой была проложена сеть трубопроводов для подачи воды, и на проходке началось мокрое бурение (с промывкой водой). Однако трудности со снабжением необходимыми материалами отложили повсеместное внедрение мокрого бурения на 1—2 года.

В шнеебергском районе на очистной выемке применялась потолокуступная система. Длина блока достигала 50 метров, активную часть жилы отбивали взрывом, а богатую руду — пневматическими отбойными молотками, затем руду грузили в ящики и транспортировали на поверхность. Вначале радиометристами работали советские солдаты, так как немецких радиометристов надо было еще научить. Для закладки очистного пространства использовали оставшуюся пустую породу.

Оборудование старых рудников, простая техника и примитивная технология не позволяли достичь высокой производительности труда.

Проходка новых шурфов главных стволов

Для проходки новых стволов в районе Шнееберга в 1947 г. был создан Объект 14. Вначале проходку осуществляли вручную. Основными инструментами были перфоратор ВН-16, кирка, лопата, молоток, долото, пила и топор.

Ответственным моментом при проходке стволов было поджигание бикфордова шнура полностью заряженного забоя. Вначале взрывали центральную часть забоя, а затем остальные шпуры. Поджигали шнур карбидной лампой. После этого взрывник должен был тут же впрыгнуть в стоящую наготове бадью емкостью 0,6 кубометра и срочно подниматься. При этом очень важно четкое взаимодействие с людьми на поверхности: после получения сигнала надо было срочно поднимать бадью, при этом как можно быстрее и не останавливаясь. Были слу-

чай, когда бадья еще поднималась, а в забое уже взрывались первые шпуры. Поэтому уже в 1948 г. перешли на электрическое взрывание.

Проходческий копер был обшит досками и не имел направляющих. Подъем бадей без канатных проводников проводили с помощью проходческих лебедок типа ОК-1 и подъемных лебедок 23. Стационарный деревянный проходческий полок в соответствии с технологией проходки постепенно опускали ниже, разбирая его и вновь собирая. Устье ствола под копром закрывали полком из толстых досок. Сечения стволов были прямоугольные (12—16 кв. м), с двумя типами подъемных копров: один для материалов, второй — для спуска и подъема людей. Крепление стволов было деревянным, его тип зависел от крепости горных пород. Спуск и подъем людей осуществлялся на старых вертикальных стволах рудников Бейст и Шиндлер, а также на больших скипах переоборудованных рудников Тюрк и Вайсер Хирш.

Создание коллектива

Вскоре после окончания Второй мировой войны в Рудных горах была создана воинская часть Красной армии, которой понадобились специалисты — горняки, механики, геологи, геофизики. Строительство и руководство Объектами и рудниками осуществляли офицеры этой воинской части. Вместе с ними работали гражданские специалисты, в основном геологи и геофизики. Им помогали опытные немецкие горняки Рудных гор (предприятие «Саксен АГ»), угольных шахт Силезии и угольных районов Судет. Пополняли этот коллектив жители близлежащих районов, приходившие добровольно или по трудовой повинности, на основании решения Союзнического контрольного совета. К ним присоединялись возвращавшиеся из плена солдаты и бывшие узники фашистских концлагерей.

О том, как трудно было из этой пестрой массы людей создать работоспособный горняцкий коллектив, можно судить, прочитав выдержки из приказа тогдашнего генерального директора «Висмута» М.М. Мальцева от 20 октября 1947 г.:

1. До 1 декабря перевести всех рабочих на сдельную и аккордную оплату труда согласно при-

Подъем людей в скипе на шахтах Тюрк и Вайсер Хирш (1950—1951)

Проходка с молотком и буровым долотом (фото 1930 г.)

Руддвор шахты Зибеншлеен со скипом (1948—1949)

казу от 17 января 1947 г.

2. Для каждой бригады и каждого рабочего должно быть обеспечено постоянное рабочее место.

3. Все рабочие должны быть обеспечены хорошим инструментом и лампами.

4. Пневматический инструмент (буровые коронки и пневматические молотки) закрепить за бригадами.

5. Штреки и рельсовые пути до 15 ноября привести в порядок.

6. Вновь принимаемые на работу должны быть проинструктированы.

7. До 1 декабря обеспечить работу профессиональной образовательной школы со сроком обучения 2–3 месяца для получения рабочей профессии.

8. Женский труд на подземных работах запретить.

1949–1950 гг.

Эти годы характеризовались интенсивными очистными работами на всех старых рудных полях, увеличением интенсивности разведки с помощью проходки кварцшлаг, жильных штреков и новых стволов. На рудниках начали внедрять новую технику и более современный горный инструмент. Успешно прошли опробование и начали широко использоваться:

- а) перфораторы АТ-18 и «Геркулес»;
- б) пневматические поддержки перфораторов;
- в) повсеместное внедрение мокрого бурения;
- г) электрическое зажигание для взрывания на проходке и очистной выемке;
- д) вагонетки емкостью 0,65 куб. м и шириной колеи 600 мм;
- е) погрузочные машины ПМЛ-3, ПМЛ-4 и ПМЛ-63.

Случаи нарушения горными работами дневной поверхности и в районе старых рудников

Нарушения происходили в тех случаях, когда не учитывался столетний опыт ведения горных работ. Иногда происходили нарушения поверхности в районах неизвестных горных выработок. Через один из таких прорывов в 1949 г. в районе шахты Зибеншлеен стала поступать вода в пройденный штрек «Швальбенаер Флюгель», затем через боковой восстающий — на штольню «Маркус Землер» и поднялась на 0,5 метра. Изломанный и всплывший дощатый настил в выработках осложнил эвакуацию горняков, покидавших затапливаемую выработку. Через несколько смен воду из выработки

трудно было обеспечить созданные бригады материалами и инструментом. Дело доходило до того, что руководитель рудника хранил буровые коронки и буровую сталь у себя в кабинете или сейфе и сам их распределял.

Первые курсы для подготовки геологов открылись летом 1947 г. в Ауэ, точнее в Хайдельберге. Фрайбергские профессора Эльснер и Вацнауэр давали студентам первые знания по геологии, минералогии и маркшейдерии. Вскоре в 1948 г. в Шлеме открыли горную школу, начали читать основные курсы для штейгеров, проходчиков, крепильщиков, слесарей и взрывников.

Сложнее всего было с исполнением пункта 8 приказа о запрете труда женщин под землей. Лишь много лет спустя шахты покинули последние сигнальщики.

При этом ленточные перегружатели на проходке не прижились, а горизонтальные разведочные работы на шахтах №73, 75, 77, 131 и 150 не дали существенных результатов и поэтому дальнейшие работы на них были прекращены.

В Чорлау, на шурфе №18, были начаты разведка и очистные работы на жиле Дальняя, а также на штольне Магнет и шахте Херманн, которые показали незначительные запасы руды, преимущественно урановой слюды (Uranglimmer). Эти шахты были присоединены к Тюрк-шахт и не имели большого значения.

Из-за незначительных объемов добыча на месторождении Шнееберг осенью 1950 г. была прекращена. Объект 3 закрыли, оставшиеся шахты и шахтоуправления №3 и 10 передали Объекту 9, а освободившиеся горняки были переведены на работу в шахтах Обер- и Нидершлемы.

откачали, настилы привели в порядок, и работа в шахте продолжилась

В 1948–1949 гг. происходили аварийные обрушения поверхности в районе Грундштрассе и Редерштрассе в Шнееберге, а также в районе церкви Святого Вольфганга, где под землей велись очистные работы. Поэтому под городом были установлены границы ведения горных работ (охранный целик).

Охранный целик был установлен и под Фильцтайхом. Когда очистная выемка подошла к нему на 30 метров, горные работы были остановлены. Для безопасности вода из пруда была спущена через

плотину, а сам пруд позднее снова был наполнен водой.

Но даже совсем недавно немецкая газета «Цайт» в номере 26 от 23 июня 2005 г. напечатала статью: «Смерть за бомбу», где в частности было написано следующее: «В мае 1949 года вода пруда Фильцзее затопила рудник. Была прорвана перемычка, и 180 горняков погибли».

Рудольф Дитель

С 1947 по 1990 г. работал в «Висмуте», прошел путь от рабочего на породных отвалах, проходчика, штейгера, начальника вентиляции и начальника горного района до главного горного диспетчера «Висмута».

Я тоже приветствую предложение наших российских коллег-висмутян, чтобы мы — ветераны «Висмута» — поделились своими воспоминаниями для книги. У меня есть опубликованные материалы (интервью, брошюры), личные документы и фото, которые я передаю обществу «Висмутяне».

В течение многих лет я работал главным горным диспетчером СГАО «Висмут», знал многих советских специалистов в Генеральной дирекции, на Объектах и предприятиях. Отношения с ними всегда были

деловыми, корректными и дружескими.

Должен сказать, что в «Висмуте» были созданы все условия для воспитания собственных (немецких) научных и инженерных кадров геологов, горняков, экономистов, творческой интеллигенции и спортсменов: были открыты школы, техникумы, организовано систематическое очное и заочное обучение во Фрайбергской горной академии.

Мы чтим память погибших и умерших горняков и ежегодно на шахте №250 в День горняка воздаем им почести.

Р. Дитель

Интервью Зигфрида Войтке с Рудольфом Дителем²

— Рудольф, ты родился и вырос в Зозе³, расскажи, как ты, 14-летний мальчик, пережил конец войны?

— Я до сих пор с болью вспоминаю войну и послевоенное время. Мой отец и два брата моей матери погибли. Я помню реакцию мамы и бабушки на их похоронки «...за Фюрера, Народ и Отечество». В нацистское время нам всем день за днем вдалбливали ненависть к русским. Но наше мнение изменилось, когда на наших глазах в апреле 1945-го немецкие солдаты на краю лесной просеки расстреляли русских военнопленных. После окончания войны других несчастий, кроме голода, мы не встречали.

— Твоя трудовая деятельность началась в 1947 году в качестве рабочего на породных отвалах рудника Химмельфарт, а затем забойщиком на подземных работах на Гюнтер-шахт, затем — на шахте №2 и шахте №39 (Хоффнунг-шахт). Что ты можешь сказать о русских партнерах и о начальном процессе развития САО «Висмут»?

— С приходом в «Висмут» начинается мое широкое знакомство с русскими — и на рабочем месте, и во время обеда в столовой. Здесь я должен сказать, что мне не раз приходилось встречаться с ними: от солдат

военной охраны до начальников шахт, генеральных директоров и руководителей различного уровня. Вообще-то, спрашивать о русских — не совсем корректно, так как советские специалисты приезжали из всех регионов Советского Союза, в частности был у нас один чеченец⁴, с которым я познакомился в 1990 г. В «Висмуте» советские специалисты всегда были для нас друзьями. Совместная работа с этими людьми была всегда открытой и честной. При дискуссиях они, так же как и мы, горячо высказывали свои критические замечания, но никогда не обижали и не оскорбляли нас. «Висмут» для меня — это в первую очередь люди. В процессе работы мы все становились единым организмом, воспитывались на солидарности, товариществе, взаимопомощи и поддержке. Естественно, как и повсюду, в «Висмуте» тоже были свои паршивые овцы. Эти люди сами себя изолировали. Необходимо, впрочем, отметить, что и у нас были тяжелые времена. Я вспоминаю, как в 1947 г. нам, подземным транспортным рабочим, платили 7,2 марки в смену без каких либо доплат. Но с середины 1948 г. нам стали платить уже 8,8 марки плюс 50% за подземные работы. В это же время были введены висмутовские карточки на продовольственные товары. В 1950-е гг. я

² Siegfried Voitke. Der Berg ist frei. 3 Band.

³ Зоза (Sosa) — коммуна в земле Саксония. В 1947–1956 гг. здесь шла интенсивная добыча урана СГАО «Висмут». С 1 января 2011 г. Зоза стала частью соседнего городка Айбеншток (прим. ред.).

⁴ Речь идет об Олеге Мухарбековиче Кастуеве — переводчике этого интервью, осетине по национальности (прим. Г.Г. Андреева).

Отпускной билет

как штейгер зарабатывал 450 марок. Хорошие забойщики получали в 3—4 раза больше. В первые годы работа выполнялась аккордно (по индивидуальным нарядам). Это означало, что каждая из трех смен в сутки оплачивалась отдельно за выполненный объем работ. С этой целью в штат предприятия были включены хронометристы. В начале 1950-х гг. эта методика была изменена. Были созданы бригады, которые работали в три смены в одном или нескольких забоях. Началось развитие новой категории рабочих — бригадиров. Это были отличные горняки с высокой производительностью труда.

— Как реагировало руководство на несчастные случаи на шахтах?

— К сожалению, у нас были несчастные случаи с травмами и даже со смертельным исходом. Будучи молодым горняком, я был свидетелем одного из них. Впоследствии, когда я уже был горным диспетчером, я всегда помнил о нем, и это помогло мне воспитать повышенное чувство ответственности при принятии решений. Могу сказать, что руководство «Висмута» рассматривало все несчастные случаи на самом высоком уровне, вплоть до генерального директора. Причины пожаров и других аварий очень внимательно анализировались и делались соответствующие выводы. С середины 1950-х гг. все возможные происшествия устранялись на основании планов ликвидации аварий.

— Что входило в твои задачи как главного горного диспетчера?

— В течение всех 45 лет моей работы в «Висмуте» я упорно трудился и всегда был востребован. Как и у других молодых людей, у меня были свои представления о специальности, но, как это часто случается, жизнь вносила свои коррективы. Вначале было несколько месяцев работы на поверхности, потом — под землей, в забое. После учебы во Фрайбергском горном техникуме началась моя работа в горном надзоре. Дальнейшее повышение квалификации и выполнение сложных и ответственных задач позволило мне стать руководителем отдела горных диспетчеров Генеральной дирекции.

Будучи главным диспетчером, я был начальником оперативной горной службы «Висмута». Несчастные случаи, аварии, оперативный контроль выполнения плана, совместная

работа с руководством Райхсбана по всем вопросам железнодорожного транспорта, обрушения закладки, выход из заложенного пространства, обеспечение бесперебойной производственной деятельности в экстремальных зимних условиях — все это и многое другое входило в мои обязанности. Могу сказать со всей ответственностью: я всегда относился с большим уважением к горнякам и их тяжелому труду, мне были известны все производственные процессы, от добычи руды до реализации экспортной продукции. Я постоянно был в тесном контакте с научно-техническими и проектными предприятиями, а также со службой здравоохранения «Висмута». Для реализации лозунга «Работай с нами, планируй с нами, управляй с нами» существенную роль играла изобретательская деятельность. В моем паспорте социалистического рационализатора есть личные и коллективные предложения для улучшения хозяйственной деятельности, охраны здоровья и труда, которые оцениваются примерно в миллион марок.

— «Висмут» был самым мощным предприятием не только в Саксонии и Тюрингии, но и во всей ГДР?

— «Висмуту» была поставлена задача как можно быстрее найти урановую руду и приступить к ее добыче. Все начиналось с простых и примитивных средств, и вся успешная деятельность общества в его начальный период была достигнута лишь за счет большого количества рабочей силы.

Благодаря организации Научно-технического центра и Проектного предприятия, а также творческой инициативе трудящихся и руководителей отрасли, были созданы современные предприятия, оснащенные самой передовой аппаратурой. Быстрыми темпами развивалась транспортная система, появился вычислительный центр. Все это способствовало значительному росту производительности труда. Особое внимание уделялось охране здоровья и культуре производства. Руководителей, которые этим пренебрегали, наказывали вплоть до отстранения от должности. Для обеспечения безопасных условий труда и охраны здоровья трудящихся, организации их досуга и отдыха, жилищного строительства и других социальных нужд были затрачены многие миллионы марок.

Трудящиеся всех крупных предприятий «Висмута» (а их было 21) обеспечивались на месте достойным медицинским обслуживанием: в их полном распоряжении были амбулатории при предприятиях, поликлиники, больницы и санатории. Специально созданное ведомство обеспечивало регулярный медицинский осмотр работников и уход за их здоровьем.

Когда говорят о десятках тысяч трудящихся «Висмута», нужно иметь в виду, что в

последние 20 лет число забойщиков, непосредственно ведущих добычу урановой руды, составляло 4500—5000 человек. Остальные обеспечивали вспомогательные процессы добычи и переработки урановой руды.

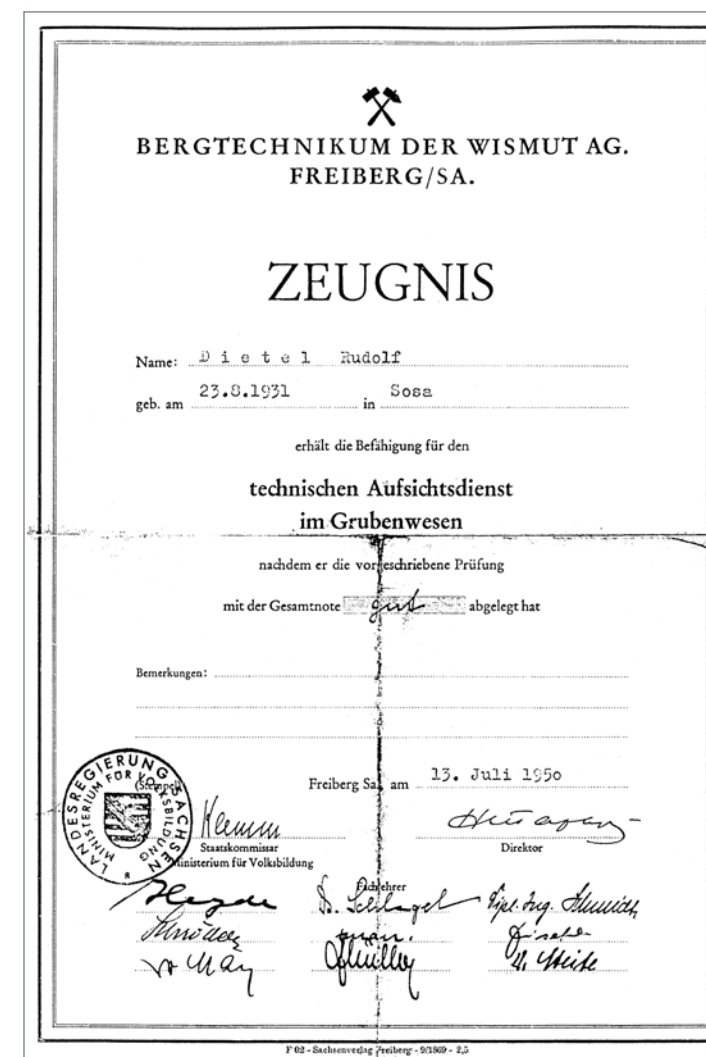
— Рудольф, в последнее время в СМИ сплошным потоком идут сообщения, в которых приводятся якобы неопровержимые доказательства ужасных несчастных случаев в первые годы работы «Висмута». Но, после моих многочисленных разговоров со свидетелями тех времен, я пришел к выводу, что все было совсем иначе. Так, например, приводится якобы имевший место в мае 1949 г. массовый несчастный случай, произошедший в результате прорыва воды. В моей статье я говорил, что это не соответствует действительности. Недавно одна газета утверждала, что на Объекте 1 в Иоганнсгеоргенштадте на шахте №14 на глубине 200 метров погибли около 800 человек, и их тела до сих пор находятся под землей. Ты работал там в это время. Что же произошло на самом деле?

— Я читал эту статью в газете «Ди Цайт» №26 от 23.06.2005. К этому и другим подобным сообщениям я отношусь спокойно, тем более что это ложь. В Иоганнсгеоргенштадте не было шахты №14. Не было также шахты с уровнем воды в 200 метров. Правда же состоит в том, что 24 ноября 1949 г. в устье слепого ствола №31 на глубине 25 метров произошел пожар. Это происшествие документально зарегистрировано пожарным подразделением. В непосредственной близости, на глубине 78 метров, находился склад взрывчатки. Вся взрывчатка и средства взрывания были своевременно эвакуированы. К сожалению, машинист насосной станции был смертельно отравлен продуктами горения. Постыдность этой статьи состоит в том, что горняк, если прочтет ее, будет думать, что его погибшие товарищи были оставлены под землей. Между тем каждый погибший в «Висмуте» горняк был поднят на поверхность и похоронен в соответствии с принятым ритуалом.

Самый массовый несчастный случай произошел 15 июня 1955 г., когда на шахте №250 в Шлеме погибло 33 горняка. Каждый год в День горняка погибшим на этой и других шахтах «Висмута» общественность воздает полагающиеся в таких случаях почести.

— Давай оглянемся в прошлое и подведем итоги и твоей работы, и деятельности «Висмута» в целом.

— Любой общественный строй имеет свои экономические и социальные законы. Это я начал понимать еще в молодые годы во время учебы. Это было время, когда я полностью посвятил себя претворению в жизнь лозунга: «Нет войне! Руда — для мира». Иметь определенную цель в жизни и делать для ее

Свидетельство об окончании Рудольфом Дителем Фрайбергского горного техникума

осуществления все, что в моих силах, было моим принципом в те годы, и останется таковым на всю оставшуюся жизнь.

Нужно раз и навсегда определить свои возможности, чтобы начатые и запланированные работы выполнить аккуратно и прилежно, не боясь при этом ставить перед собой новые цели и задачи. Для этого нужно использовать опыт предыдущих поколений, бережно относиться к нему и применять в современных условиях, а самое главное, всегда вести себя честно и порядочно.

О своем отношении к войне я уже говорил, но добавлю: войну ведут самые обыкновенные люди. Вторая мировая война была исчадием ада, и мы до сих пор помним атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. «Висмут» тоже был продуктом этой войны. Но я всегда считал и считаю, что при всех заботах и проблемах, имеющихся у каждого человека, в каждой семье, в каждом обществе, во всем мире должна звучать основная мысль: «Война не должна повториться!»

Перевод О.М. Кастуева

Отрывки из брошюры Рудольфа Дителя⁵

Тяжело быть горняком

...В это время (1945—1946) быстро и без всяких бюрократических проволочек начинается развитие висмутовских горных предприятий. Для трудоспособного населения Шварценберга и его окрестностей работы не было. Следует напомнить, что в то время многие предприятия демонтировались и отправлялись в Советский Союз в счет репараций.

Однажды в начале апреля 1947 г. моя мать сказала мне: «Рудольф, я разговаривала с Куртом, он возьмет тебя на шахту». Три дня спустя Курт пришел к нам. Он работал оберштейгером и являлся одним из старейших горняков прежнего АО «Саксенэрц». И вот 15 апреля 1947 г. с флягой чая и куском хлеба в кармане я на своем старом велосипеде поехал на свою первую смену. Мы встретились у церкви в 4:30 утра. Дорога шла наверх, и в 5:45 мы приехали к шахте №2 (Химмельфарт и Гюнтер).

Крупные общежития, построенные для горняков (фото из архива Wismut GmbH)

Тут надо сделать небольшое отступление и рассказать, как шахта Гюнтер получила свое название. Это было в 1939 г. Бригада проходчиков стволов с соседней шахты Химмельфарт, находясь на отдыхе в Штайнбахе, встретила подвыпившего отпускника из Цвиккау по имени Гюнтер. Горняки, имея большое желание утолить свою жажду, предложили ему за бочку пива назвать шахту его именем, и сделка состоялась.

Шахта №2 имела простую конструкцию: ее ствол имел отделения для подъемной клетки, противовеса и лестницы. Ствол был пройден в устойчивых гранитах и не имел крепления. На поверхности располагались деревянный копер, здание подъемной машины, компрессорная станция, барак управления, ремонтная мастерская и больничная

⁵ Иоганнгеоргенштадт. Краткая история добычи урана на объекте 1 СГАО «Висмут» с 1946 по 1958. Музей урановых горных предприятий в доме культуры «Активист» (Бад-Шлема). Тетрадь 11, 2004.

амбулатория. Для подразделения охраны (это были солдаты Красной армии) был отведен самостоятельный барак. Когда мы с Куртом приехали к шахте, я остался ждать у ворот. Вход охранялся и контролировался солдатами. У меня не было пропуска и разрешения на проход. Через некоторое время Курт вынес мне записку и сказал: «Поезжай в Иоганнгеоргенштадт, в "Немецкий дом", и передай письмо для приема на работу. Жди, пока тебе выпишут пропуск, и постарайся по возможности вернуться до обеда».

Я отправился в путь. Посетив все инстанции, я получил висмутовский пропуск. Теперь я принадлежал к организации «полевая почта 27304», само название которой сразу говорило о ее военном характере.

Исчерпывающую информацию о существующих в то время условиях работы и жизни трудящихся на предприятиях «Висмута» дает письмо Союза свободных немецких профсоюзов (СШП) в адрес советских профсоюзов⁶.

О начале работ и характере деятельности Объекта 1 «Висмута»

В сентябре 1945 г. советская воинская часть (полевая почта 27304) приступила к поиску и разведке урана в районе городов Иоганнгеоргенштадт и Шнееберг. Руководителем поисковой группы был советский офицер С.П. Александров, а главным геологом — А.Н. Ярошенко. Начатые работы послужили основанием для создания предприятия по добыче урановой руды и последующего его расширения. К этим работам был привлечен профессор Шумахер из Фрайбергской горной академии. С образованием САО «Висмут» 1 января 1946 г. первое уранодобывающее предприятие получило обозначение Объект 1.

Руководство Объекта разместились в здании бывшей гостиницы «Немецкий дом» напротив железнодорожного вокзала. В 1948 г. было реконструировано здание соседней фабрики, которое стало вторым административным зданием. Всего на момент начала работ в 1945 г. на Объекте насчитывалось 22 старых шахтных ствола и 40 штолен общей протяженностью горизонтальных выработок около 3,2 км, в том числе Фрицглюкшахт (шахта №1), Гюнтер-шахт (шахта №2), Шаар-шахт (шахта №18) и Хофнунг-шахт (шахта №39). Глубина горизонтов на шахте Фришглюк составляла 350 метров, на шахте Глюк Ауф — 370 метров. В течение 1945—1946 гг. большинство выработок было реконструировано и задокументировано.

⁶ С полным текстом письма можно ознакомиться в главе 3 части 1 настоящего издания.

Добыча урана в этом районе велась с 1827-го по 1943 г. По сведениям профессора Шумахера, до 1938 г. было добыто 29 698 тонны руды, содержащей 6,1 тонны U_3O_8 .

В течение первого же года работы на шахте №1 было добыто 6,4 тонны урановой руды. За год было пройдено 18 385 метров горизонтальных и вертикальных выработок и реконструировано 4658 метров. Проходку новых стволов проводил Объект 12. В 1948—1949 гг. в эксплуатации находились 26 шахт. По состоянию на 17 апреля 1947 г. численность рабочих на Объектах «Висмута» составляла 63,6 тыс. человек, из которых как минимум 20 тыс. были задействованы на Объекте 1. К концу 1947 г. Объект 1 стал ведущим предприятием «Висмута».

Для размещения горняков в Иоганнгеоргенштадте и его окрестностях строились жилые блоки. К юго-востоку от вокзала на арендованной земле были построены 38 крупных общежитий, к северо-востоку — 16, а в Штейгердорфе в начале Димитровштрассе — 6. Много жилья было построено и в новых районах, например, 130 жилых блоков на севере и юге Айбенштокштрассе и Антонское. В крупных общежитиях было по 40 комнат, в каждой из которых размещалось по 4 человека. В общей сложности в них было размещено 14,4 тыс. человек.

Вспоминает один из горняков, живший в таком общежитии: «В Мюльберге были построены коммунальные квартиры как временное жилье. Жильцы каждой из комнат по-разному уживались друг с другом. Что касается моих соседей по комнате, то мы вчетвером работали забойщиками в разных сменах на 51-й шахте и жили дружно. Мы ничего не прятали друг от друга. Обедали в специально отведенной для этого комнате».

* * *

Тысячи сотрудников Объекта жили в частных квартирах в Иоганнгеоргенштадте и его окрестностях и добирались на работу самыми разными способами. В 1949 г. Райхсбан Ауэ перевозил ежедневно около 30 тыс. рабочих.

В 1950—1951 гг. советским специалистам были переданы 50 жилых домов с 220 квартирами, которые в 1957—1958 гг. были возвращены городу. В 1949—1950 гг. были проведены масштабные мероприятия по улучшению условий отдыха трудящихся. В каждом жилом районе были построены клубы. За здоровьем горняков тщательно следил медицинский персонал амбулаторий, поликлиник и больниц. В Эрлабрунне была построена большая больница для горнорабочих.

Производственный травматизм

Статистика по этому вопросу ведется по крайней мере начиная с 1955 г. До этого времени несколько раз издавались отчеты рабочей инспекции г. Ауэ, которая начала свою деятельность 2 января 1948 г.

Отсутствие квалифицированных специалистов горного надзора вызвало необходимость их срочной подготовки. С этой целью с 1949 г. при Фрайбергской горной академии был создан Горный техникум (Объект 105).

Среди документов того времени порой можно найти сообщения о травматизме горняков и даже смертельных случаях. Так, например, известно, что за период с октября по декабрь 1947 г. их было 18.

24 ноября 1949 г. в камере подъемной машины слепого ствола шахты №31 произошел пожар, который распространился в штольню Нойяр. При этом один человек погиб и 40 получили отравление продуктами горения. Это был единственный подземный пожар со смертельным исходом на Объекте 1.

По свидетельству многолетнего руководителя горнотехнической инспекции «Висмута» и горнотехнического надзора г. Карл-Маркс-Штадт, с начала 1949-го по 1964 г. было зафиксировано 376 смертельных случаев. На основе опросов среди тогдашних работников «Висмута» с 1946-го по 1948 г. в среднем таких случаев было по 60—70 в год.

На основе анализа фактических данных и устных свидетельств можно установить трагический итог: за время всего периода деятельности «Висмута» в результате несчастных случаев погибло около 800 человек.

Эпилог

За 12 лет на Объекте 1 «Висмута» в Иоганнгеоргенштадте было добыто 3585 тонн урана. На площади почти 12 кв. километров рудного поля было пройдено 13 основных и 11 вспомогательных горизонтов общей протяженностью около 1000 км. В 1958 г. добыча урана была прекращена в связи с отработкой его промышленных балансовых запасов, а 24 сентября того же года началось затопление отработанного пространства.

Горняки, работавшие в тот момент на нижнем горизонте 400 метров, заложили там медную капсулу. В ней было письмо следующего содержания: «Сегодня мы спустились на горизонт 180 м (Лакхтер) и демонтировали 5 стационарных насосов. Теперь этот горизонт будет затоплен. В далеком 1958 году здесь работали горняки, которые в тяжелые послевоенные годы, после уничтожения гитлеровского фашизма, заложили фундамент для мира во всем мире...»

Работы по рекультивации были начаты уже в 1959 г. На породные отвалы доставлялась плодородная почва, на которой высаживались саженцы хвойных деревьев. На 29 Объектах были приведены в первоначальный вид отвалы площадью 181 гектар.

После окончания производственной деятельности на всех шахтах Объекта 1 (Иоганнгеоргенштадт) всем работникам была предоставлена возможность получе-

ния новых рабочих мест. Большинство из них были переведены в районы Ауэ-Шлема, Карл-Маркс-Штадт — Зигмар, а также в Тюрингию. Сотрудники «Висмута», оставшиеся в Иоганнгеоргенштадте, были без промедления переведены на вновь созданные предприятия. Никто из них не остался без работы и хлеба.

Перевод О.М. Кастуева

Готтхард Бретшнайдер

Г. Бретшнайдер

Я начал работать в «Висмуте» в маркшейдерской службе в 1948 г., на два года лет позже Манфреда Хаманна. Но потом я понял, что забойщики зарабатывают больше, и проработал им до 1963 г. В эти годы меня направили на профсоюзную работу и избрали председателем профсоюза шахты №10/72. И мне, конечно, приходилось много контактировать с советскими специалистами и участвовать в решении трудовых споров. У меня сложились с ними очень хорошие деловые контакты.

В 1963 г. я стал членом Центрального правления профсоюза «Висмута», переехал в Хемниц и начал работать в отделе культуры.

Материалы из брошюры Готтхарда Бретшнайдера

«О некоторых последних результатах исследований по истории «Висмута»»⁸

Кто знал в 1945/1946 гг. о размерах урановых месторождений в западной части Рудных гор?

После того как в 1990 г. прекратила свое существование ГДР, на Западе появилось множество публикаций (и не только на страницах бульварной прессы) на тему «Почему США на переговорах о границах оккупационных зон послевоенной Германии отдали Советам богатейшие урановые месторождения Европы».

Такой вопрос задает Клаус Байер в своей книге «Висмут — руда для мира?», изданной в 1995 г. в Мариенберге: «Как так получилось, что американские войска, оккупировавшие до июля 1945 г. Тюрингию и Фрайбергскую долину, упустили из рук и оставили Советам богатейшие урановые месторождения Европы — это трудно понять, и это говорит об абсолютном невежестве западных переговорщиков при распределении зон оккупации, на которых Советы сразу начали теоретические и практические работы на урановых месторождениях в Рудных горах и на старых серебря-

В это время здесь была организована совместная смешанная комиссия по культурным связям, где мне также довелось часто работать вместе с советскими товарищами.

Говоря о творческой и культурной жизни «Висмута», следует отметить, что здесь создавались настоящие произведения искусства — картины, эстампы, графика — всего свыше 3300 художественных работ.

Я опубликовал несколько брошюр, посвященных истории и деятельности «Висмута», созданию профсоюза трудящихся, политической атмосфере вокруг общества и его культурной жизни.

ных рудниках».

Получается, что западные переговорщики должны были знать о существовании этих месторождений, которые просто «уплыли» у них из рук.

Такой же вопрос Байер задает на страницах «Саксишен Хайматблаттер» в №5 за 1995 год: «Существовали ли советские и немецкие геологи, знавшие хотя бы отдаленно о существующих в Рудных горах месторождениях?» Вопрос об этом остается у него без ответа.

Ниже статью Байера комментирует Марион Каден: «Об этих месторождениях и их масштабах хорошо знали русские и советские горные инженеры и геологи, обучавшиеся во Фрайбергской горной академии до 1933 г.».

Сегодня можно сказать, что ни русские, ни американские, ни немецкие геологи даже приблизительно не догадывались о масштабе урановых месторождений не только в западной части Рудных гор, но и в Восточной Тюрингии. Доказательства этому мы находим в сборнике «Излучающее прошлое»⁹. Как показано в статье Райнхарда Шмидта — президента горного округа Фрайберг, о месторо-

Члены смешанной культурной комиссии Г. Бретшнайдер и С.П. Левчик

дениях и их запасах ничего не было известно даже во Фрайбергской горной академии. В своей статье Шмидт цитирует профессора Фриденсбурга — руководителя этого учебного заведения после Второй мировой войны и авторитетного специалиста в области геологоразведки месторождений, который в 1948 г. писал: «Не следует ожидать, что саксонские месторождения будут даже отдаленно напоминать крупные урановые месторождения Северной Америки и Канады».

Профессор Стэнфордского университета в США Норман Наймарк в свою очередь ссылается на мнение специалиста, который точно знал все о положении дел в этой области, — руководителя Манхэттенского проекта, генерала Лесли Гровса, еще в 1946 г. заявившего, что США знают 95% всех ура-

новых месторождений мира. Далее Наймарк пишет: «Он [Гровс] подсчитал, что чешские и русские запасы урана составляют не более пяти процентов его мировых запасов».

Американский журнал «Ньюсуик» 25 ноября 1946 г. опубликовал доклад о том, что Советский Союз начал поиски урановой руды в Рудных горах, но найденные залежи урановой смолки в Шнееберге и Обершлеме еще ни о чем не говорят. (Сравните с докладом Шмидта в сборнике «Излучающее прошлое».)

Короче говоря, сегодня можно четко сказать, что размеры и масштабность урановых месторождений в Рудных горах и в Тюрингии определялись на основании их разведки и в процессе их отработки.

Материалы из брошюры Готтхарда Бретшнайдера

«Почему возник САО/СГАО «Висмут»? Начало и конец феномена холодной войны»¹⁰

Предисловие

Не ослабевают интерес к причинам возникновения самого крупного в Европе производителя урановой руды САО (СГАО) «Висмут» и его деятельности. Прежде всего нужно сказать о первых годах его существования (1945—1954), которые некоторые авторы называют дикими. Чтобы понять причины возникновения «Висмута» и начало поставки урановой руды с 1946 г. из районов Рудных гор и Тюрингии исключительно Советскому Союзу, надо проанализировать то давно ушедшее время.

Словосочетание «холодная война» возникло практически сразу после окончания Второй мировой войны и считалось, вплоть до крушения восточного блока, синонимом международных отношений между государствами антигитлеровской коалиции, а также между Советским Союзом и зоной его влияния с государствами так называемого западного мира под руководством США.

Г. Бретшнайдер: «Я передаю эти брошюры вам, обществу «Висмутяне», для их использования при написании книги о «Висмуте»»⁷

Парадоксы в мировой истории случались всегда. Случились они и в послевоенное время. С одной стороны, международное сообщество государств, объединившись в Организацию Объединенных Наций и организовав Совет Безопасности, стремились извлечь уроки из Второй мировой войны и не допустить решение международных конфликтов военным путем. С другой стороны, было достаточно много случаев, когда для достижения собственных целей государства применяли военные средства.

Для того чтобы понять, какую роль сыграл «Висмут» в холодной войне и почему именно это предприятие, особенно в пятидесятые годы, оказалось в центре внимания западных средств массовой информации, надо назвать причины, почему уранодобывающее

⁷ К сожалению, Г. Бретшнайдер скончался в январе 2010 г.

⁸ Gotthard Bretschneider. Zu einigen neueren Ergebnissen in Erforschung der Geschichte der «Wismut». Heft 3. 1999. Schriftenreihe der Traditionsstätte für den sächsisch-thüringen Uranbergbau im Kulturhaus «Aktivist» (Schlema).

⁹ Karlsch R., Schröter H. Strahlende Vergangenheit. Studien zur Geschichte des Uranbergbaus der Wismut. St. Katharinen, 1996. S. 154.

¹⁰ Gotthard Bretschneider. Warum entstand die SAG/SAG «Wismut»? Beginn und Ende eines Phänomens des Kalten Krieges. Heft 4. 1999. Schriftenreihe der Traditionsstätte für den sächsisch-thüringen Uranbergbau im Kulturhaus «Aktivist» (Schlema).

предприятие возникло после Второй мировой войны на землях Рудных гор, находящихся в тогдашней советской зоне оккупации.

Причины возникновения «Висмута»

В октябре 1941 г. Ф. Рузвельт отдает распоряжение Службе научных исследований и развития на разработку атомной бомбы, и уже 2 декабря 1942 г. под руководством Э. Ферми в Чикаго осуществляется управляемая цепная реакция. От этой отправной точки в течение последующих 18 месяцев университетское исследование, которым занимались 45 сотрудников, превращается в американский проект атомной бомбы («Манхэттенский проект») с огромным промышленным потенциалом, контролируемый армией. До конца войны на него работали три специально построенных города с общим населением 150 000 человек, заводы и исследовательские институты по всей стране, более чем 40 000 сотрудников и практически весь государственный бюджет США в размере около 2,2 миллиарда долларов.

Принимая решение о начале своего атомного проекта, Советский Союз только приблизительно представлял себе огромные трудности, которые ожидали при его реализации, и совершенно новые военные и политические возможности государства — обладателя атомной бомбы. Так продолжалось вплоть до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. Но превосходство, которое получали США после реализации своего атомного проекта, заставило советское руководство думать и действовать совершенно по-другому.

Министр Андерсон — ответственный в британском кабинете за атомные исследования после конференции в Квебеке, на которой, как известно, было заключено соглашение между США и Великобританией о разработке атомной бомбы, в августе 1943 г. говорил: «Страна, которая первой овладеет атомной бомбой, будет иметь контроль над миром».

Но тогда никакой бомбы в общем-то не было. Нужно было еще приложить огромные усилия, чтобы разбить Германию. Но характерно, что о мировом господстве с помощью атомной бомбы кое-кто размышлял уже в 1943 г.

За несколько дней до смерти Рузвельта Объединенный генеральный штаб армии США получил меморандум из своей военной миссии в Москве. Его автором был Джон Р. Дин — тот самый генерал, который в августе 1943-го передал первый важный меморандум о послевоенном планировании отношений с Советским Союзом. Этот меморандум JCS 1313 «Пересмотр политики в отношениях с Россией» содержал рекомендацию о том, что дальнейшее сотрудничество с СССР больше не нужно и настало время дистанцироваться от него на всех уровнях.

Юрген Брюн¹¹ полагает, что именно этот «меморандум ревизии» положил начало холодной войне.

16 июля 1945 г. президент Г. Трумэн подписывает распоряжение о том, что испытание атомной бомбы должно произойти до начала Потсдамской конференции, а уже 24 июля 1945 г. в Потсдаме информирует И.В. Сталина об удачном испытании ядерного оружия. Трумэн пишет в своих мемуарах, что «русский премьер не проявил особого интереса».

Только шок Хиросимы и Нагасаки заставляет Советы круто повернуть руль. Поэтому Сталин поручает общее руководство атомным проектом шефу НКВД Л. Берии. Создание атомного равновесия считалось теперь важнейшим военно-политическим принципом Советов.

Что же в действительности заставило США сбросить бомбы на два японских города? Была ли в этом необходимость для скорейшего окончания войны с Японией? Историки подвергают сомнению эту необходимость. В исследовании «Бомбовая стратегия Соединенных Штатов», которое проводилось после Второй мировой войны, говорится: «Япония капитулировала бы, даже если атомная бомба не была бы сброшена, даже если бы русские не вступили в войну... Поэтому бомбу сбросили на Японию для воздействия на Россию... Американцы применили “машину Страшного Суда” в то время, когда никакой военной необходимости в ней больше не существовало, и это понимал Сталин».

И далее: «Никто не хочет смотреть в глаза этим фактам, но из бесед и событий на Потсдамской конференции становится ясным: использование атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки было самым обычным убийством».

За несколько секунд взрыва атомной бомбы в Хиросиме 86 100 человек сгорело, 72 000 тяжело пострадали, 6820 домов превратились в пепел, смертельное нейтронное и гамма-излучение убило все живое на многие километры вокруг.

Тем не менее вскоре было запланировано другое убийство. 3 ноября 1945 г. военным ведомством США была разработана директива JCS 329 «Цели атомных бомбардировок Советского Союза». По этому сценарию 20 самых важных государственных и промышленных центров СССР указывались как цели для атомных бомбардировок и должны быть разрушены «превентивным ядерным ударом» для предотвращения советской агрессии. И далее сообщается: «Самая важная особенность ядерного оружия — это возможность уничтожения больших людских масс. И эту особенность нужно использовать».

В декабре 1949 г. возникает новый сценарий атомной войны «Дропшот», который

предусматривал использование против СССР 300 атомных и 20 000 тонн обычных бомб с одновременными действиями оккупационных войск. И это несмотря на то, что вплоть до 1960 г. СССР не мог успешно вести атомную войну. В 1961 г. разведывательный спутник США «Дискавери» установил, что Советский Союз владел в то время всего четырьмя ракетами дальнего действия SS-6, готовыми к применению.

Подведем итоги. В то время как СССР еще только искал так нужный ему уран, США успешно испытали первую атомную бомбу и применили ее. Ядерное оружие планировалось использовать именно против Советского Союза, и это не было утопией. Совсем не нужно было быть другом СССР, а лишь трезво и реально оценить, что произошло: русские смогли отвести от себя смертельную угрозу. Больше 62 миллионов человек стали жертвами безумной войны, в том числе 27 миллионов советских граждан. Европейская часть СССР была опустошена, разрушены 1700 городов, 70 000 деревень и 32 000 предприятий, население истощено и устало от войны. И вдруг такая катастрофическая новость: среди найденных полезных ископаемых, в такой богатой природными ресурсами стране, не хватает урана, который стал важнейшим стратегическим сырьем. Так нужно ли удивляться тому, что Советы, используя всю власть победителя в стране, которая только недавно была ее смертельным врагом, пытались как можно быстрее получить так необходимое им сырье?

Реальность, пожалуй, требует признать за СССР право использования такой возможности в интересах собственной безопасности. Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала, мирного договора не было. В свою очередь, в итоговых документах Ялтинского и Потсдамского (Берлинского) соглашений стран-победительниц было сказано: «В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную контрольную комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине».

А также: «Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его собственное безжалостное ведение войны и фанатичное сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали неизбежными хаос и страдания».

И как ни крути, но после того как Советский Союз овладел в 1949 г. атомной бомбой, горячая война с применением ядерного

оружия перестала быть возможной. В конце концов атомное равновесие гарантировало 40 лет мира.

В заключение приведем слова Эрика Хобсбаума из его книги «Эпоха крайностей»: «Если и существует на свете кто-либо, кто ввел идеологию крестовых походов в современную реальную политику международной конфронтации и сохранил ее там — то это Вашингтон»¹².

Урановая лихорадка на Западе

Спустя два дня после бомбардировки Хиросимы многие американские газеты поместили предостерегающие сообщения о том, что вызванная атомными бомбами радиация делает город мертвым на 70 лет.

Генерал Гровс — военный руководитель «Манхэттенского проекта» — немедленно посылает в Хиросиму и Нагасаки команду врачей и техников для доказательства того, что бомба совсем не опасна. И вот в газете «Нью Йорк Таймс» в сентябре 1945 г. появляется сообщение: «В руинах Хиросимы нет никакой радиоактивности».

Ощущение опасности от воздействия радиоактивного излучения при атомной бомбардировке в американском обществе не возникло. Почти каждый полагал, что атомные бомбы, обладая огромной разрушительной силой, являются просто версией обычных бомб; это, как говорил Трумэн, «только другое артиллерийское оружие».

И так же, как и американцы, Советы в «Висмуте» игнорировали причины, которые уже в течение столетий вызывали так называемую «шнеебергскую болезнь», бывшую бичом горняков еще в саксонских серебряных рудниках.

Эйфория по поводу возможностей использования урана не только в военных, но и в мирных целях, позволила отодвинуть опасность этого материала на задний план. Даже известные ученые отвергали опасность использования атомной энергии. Американский физик Алвин Вайнберг, выступая в сенате США в декабре 1945 г., говорил, что атомная энергия так же плодотворно созидает, как и разрушает, а Джон О'Нил — научный обозреватель газеты «Нью Йорк Геральд Трибюн» — предлагал сбросить несколько атомных бомб на Антарктиду, чтобы, растопив лед полярных шапок, сделать климат на Земле более теплым и влажным. Точно такое же мнение об использовании атома в мирных целях господствовало и в странах социализма, поэтому неудивительно, что таким же беззаботным там был подход и к добыче урана.

¹² Э. Хобсбаум. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). История великих цивилизаций. Пер. с англ. М. Независимая газета. 2004.

И это касается не только «Висмута».

Один американский источник — сотрудник «Манхэттенского проекта», сообщал: «Я расскажу вам, какие условия труда были в Лос-Аламосе. Мы регулярно ездили на машине скорой помощи в Форт Дуглас в штате Юта и перевозили уран и плутоний. Мы носили все это в карманах брюк, так как их никто не должен был видеть — это было запрещено. Если бы, въезжая на производственную территорию, их бы обнаружил лейтенант охраны, он бы их отобрал. Затем мы выгружали плутоний и уран голыми руками. Пар и пыль постоянно витали в воздухе. Вентиляции не было, и пыль покрывала всю землю. Частицы урана были на наших ботинках, которые нельзя было менять. В этой же одежде и обуви мы шли в столовую, в бараки и даже садились на свои кровати».

А как в это время работали американские шахтеры? «Во время урановой лихорадки шахтеры ничего не слышали о радоне и продуктах его распада, об альфа-частицах и гамма-излучении. Они работали в шахтах, полных радиоактивной пыли, которая образовывалась при бурении и взрывных работах при добыче урана из массива. Они съедали свои “тормозки” в запыленных, плохо вентрируемых выработках, пили воду из подземных источников и приходили домой в одежде, покрытой радиоактивной пылью, где ее трогали женщины и дети...»

В 1960 г. американскому эпидемиологу — доктору Йозефу Вагонеру — поручили провести анализ данных, которые собрала Служба народного здравоохранения США (PHS) у 3400 шахтеров, работающих на урановых рудниках. Это были первые исследования такого рода в американской урановой промышленности, и их результаты шокировали. В 1962 г. впервые был подтвержден повышенный риск заболеванием раком легких у наших шахтеров.

Рудольф Киршат

Я пришел в «Висмут» в июле 1948 г. У меня было три возможности начала трудового пути: первый — судовой в Ростке, второй — химическая индустрия, третий — «Висмут». По совету моих родственников и прежде всего матери, я пошел именно в «Висмут», потому что он хорошо обеспечивал продовольствием своих работников, а я с самой войны хорошо не питался. Мне повезло, что по дороге я встретил русского сержанта, направившего меня в комендатуру. Там спросили, какая у меня профессия. Я ответил, что я электрик, и меня направили в Иоганнгеоргенштадт на шахту №31. Потом я учился во Фрайбергском горном технику-

Эти свидетельства приводятся здесь не для того, чтобы оправдывать аналогичную ситуацию в «Висмуте» в те годы. Однако и сегодня нет оснований предъявлять обвинения тогдашнему руководству общества. Можно лишь констатировать, что наука, так же как и политика, никогда еще так не ошибалась, как в случае практического использования результатов атомной физики.

Для многих людей работа в «Висмуте» была не только средством для получения куска хлеба, но и образом жизни. Лентяи не держивались там надолго. Деньги, которые зарабатывали горняки, работая под землей, доставались им тяжелейшим трудом. Но они работали не по принуждению или с отвращением, как хотели заставить в это поверить многочисленные публикации после политических событий 1990 г., а с честью и даже с удовольствием.

Действительно, после 1955 г. никто не работал в «Висмуте» по трудовой повинности; и даже раньше, несмотря на определенные ограничения, желающие всегда имели возможность уйти из «Висмута».

Также надо сказать, что больше половины членов коллектива «Висмута» были патриотами ГДР. На многих его предприятиях от 30 до 40% работников были членами СЕПГ и минимум 90% — членами профсоюза «Висмут» или Свободных немецких профсоюзов. Можно с уверенностью сказать, что в производственных коллективах наибольшее количество государственных наград и поощрений правительств ГДР и СССР получали рядовые горняки «Висмута», а не его руководители. Так что «Висмут» и его коллектив отнюдь не были оплотом сопротивления режиму ГДР, несмотря на тысячи отдельных трагических судеб в начальный период его деятельности.

Перевод Г.Г. Андреева

ме, где получил квалификацию штейгера по машинам и механизмам. После этого стал работать механиком в Брайтенбрунне.

Первое впечатление о советском человеке у меня связано с горестным событием в моей семье. Комендант сообщил мне, что я должен ехать домой, потому что в Вайсенберге умер мой тесть, но у меня не было денег. Мне надо было получить аванс, и я пошел к советскому руководителю школы. Он выслушал меня и, не спрашивая в каком я классе, молча вытащил из кармана свой бумажник, дал мне 50 марок, даже не поинтересовавшись, когда я их верну. Естественно, я вернул ему деньги. Эти и другие добрые

впечатления от контактов с советскими специалистами и руководителями надолго остались в моей памяти со времени работы на шахте №31 (Иоганнгеоргенштадт).

Не забываю я и хорошие отношения с главным механиком Мясниковым. С ним у меня никогда не было конфликтов.

Вспоминая, как вместе с солдатами, сидя у рудного склада на деревянных ящиках для штупной руды, мы крутили сигарки из газеты «Нойес Дойчланд», набивая их советской махоркой. Так укреплялись и развивались наши взаимоотношения.

Я до сих пор не могу припомнить другого такого человека, который сыграл бы столь значимую роль в моей жизни, как Иван Васильевич Дорофеичев.

Остались в моей памяти главные инженеры шахты №371 — Ватутин, Боровиков, Мурзин, Дзасохов. Мы не только работали вместе, но и проводили свободное время.

Что на самом деле произошло 28.11.1949 г. на слепом стволе Нойяр-шахт. Свидетельства ветеранов «Висмута»¹³

Сообщение от 28 ноября 1949 г., появившееся в берлинской ежедневной газете «Телеграф ам Монтаг», о гигантском катастрофическом пожаре в урановой шахте, в которой примерно 400 горняков нашли смерть, и сообщения газеты «Телеграф ам абенд», будто бы количество смертей в те же дни увеличилось с 2300 до 2500, относятся, мягко говоря, к области басен.

Такие данные, сообщенные бывшими работниками «Висмута», которые бежали из ГДР в ФРГ и, согласно протоколу, хранятся в архиве социал-демократической партии Германии в Бонне под №53170, не соответствуют фактам. Что же произошло на самом деле?

В утренние часы 21 ноября 1949 г., в понедельник, вследствие короткого замыкания в камере подъемной машины слепого ствола шахты №31 (Нойяр-шахт) на Объекте 1 (Иоганнгеоргенштадт) произошел пожар. Этот пожар охватил также подшивную площадку и часть загрузочного бункера.

Инспектор по безопасности Объекта 1 Рудольф Эльснер¹⁴ отдал приказ местной горноспасательной команде немедленно прибыть на тушение пожара. Все станции на перегоне Ауэ — Иоганнгеоргенштадт оповестили через громкоговорители пассажиров поездов, едущих на шахтную смену, о том, чтобы они не выходили на работу. К полудню на шахту прибыл генеральный директор

Тогда я серьезно занимался кеглями, и мы в советском клубе проводили по ним командные соревнования. Возможно, мне удастся еще когда-нибудь изложить на бумаге свои воспоминания о наших человеческих взаимоотношениях.

Мне повезло, что за месяц до пожара в ноябре 1949 г. на шахте №31 меня направили учиться во Фрайберг. В тогдашней печати (орган СДПГ и одна из швейцарских газет) появились провокационные сообщения о гибели то ли 300, то ли 3000 горняков. А я работал электриком как раз в том месте, где произошел очаг возгорания. И я достоверно знаю, что погиб только один человек. Он работал на водоотливе и остался ждать своего сменщика. И когда возник пожар, то он не ушел и отравился угарным газом. Я передаю вам для книги наше свидетельство о том, что произошло 28 ноября 1949 г. на слепом стволе Нойяр-шахт.

Р. Киршат

АО «Висмут» генерал-майор Мальцев и распорядился выполнять предписание горноспасательной службы угольного бассейна Цвиккау об эвакуации склада взрывчатых веществ в качестве меры предосторожности на горизонте 78 лахтера¹⁵. Эвакуация была успешно проведена солдатами Советской армии под руководством Рудольфа Эльснера, знающего шахту и местные условия. Но угарный газ уже проник в горные выработки, где находился склад взрывчатых веществ, некоторые солдаты получили газовое отравление, и их, а также некоторых горноспасателей вынесли на поверхность. Все эти отравления не имели последствий для здоровья.

Однако камеронщик (машинист насосной станции) по фамилии Райфенрад из Айбенштока, который работал недалеко от места пожара и должен был, согласно требованиям безопасности, ждать на своем месте сдачи смены, получил слишком большую дозу угарного газа, потерял сознание и упал лицом вниз в водоотводную канавку штрека, ведущую к насосной станции. Этот горняк, к сожалению, погиб. Это была единственная смерть на рудничном пожаре и единственный рудничный пожар, происшедший на висмутской шахте Объекта 1.

Март 1996 г.

Перевод М.А. Солодова

ГЛАВА 4 ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВЕТЕРАНОВ-ВИСМУТЯН, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТРАДИЦИИ “ВИСМУТА”», РАБОТАВШИХ НА ПРЕДПРИЯТИИ КЕНИГШТАЙН

4 июня 2009 г. на санационном предприятии Кенигштайн прошла встреча представителей российского объединения «СГАО “Висмут”: Отцы и дети» Г.Г. и А.Г. Андреевых с немецкими ветеранами «Висмута». Встреча была проведена под руководством бывшего заместителя генерального директора СГАО «Висмут» В. Рихтера и бывшего директора по технике Молодежного горнодобывающего предприятия Кенигштайн Г. Альтманна, ныне — членов объединения «Традиции “Висмута”». Во встрече также принимали участие бывшие сотрудники предприятия: К.-Х. Боммхардт — заместитель начальника отдела управления производством, Х. Фидлер — руководитель группы по испытаниям технического отдела; Э. Мархула — бригадир забойщиков, позднее — техник по испытаниям; Х. Майзель — заместитель начальника электромеханической службы; Э. Майснер — заместитель главного геолога; Э. Мюллер — начальник филиала НТЦ в Кенигштайне; Ф. Штробель — бригадир забойщиков; Й. Зюс — заместитель начальника маркшейдерской службы; А. Унгер — директор по технике и руководитель по заказам; У. Унгер — руководитель бюро по новаторству.

водством, Х. Фидлер — руководитель группы по испытаниям технического отдела; Э. Мархула — бригадир забойщиков, позднее — техник по испытаниям; Х. Майзель — заместитель начальника электромеханической службы; Э. Майснер — заместитель главного геолога; Э. Мюллер — начальник филиала НТЦ в Кенигштайне; Ф. Штробель — бригадир забойщиков; Й. Зюс — заместитель начальника маркшейдерской службы; А. Унгер — директор по технике и руководитель по заказам; У. Унгер — руководитель бюро по новаторству.

Перевод записанных выступлений — В.И. Вышняк.

*Слева направо:
Э. Майснер, У. Унгер,
А. Унгер, Э. Мюллер,
Х. Фидлер*

*Справа налево:
Э. Мархула,
Х. Майзель, Й. Зюс,
Ф. Штробель,
К.-Х. Боммхардт*

Эрхард Мархула

Вся моя трудовая жизнь была тяжелой, но я никогда не жаловался на судьбу и всегда работал честно.

В 1945 г. я впервые увидел советских солдат, когда в районе городка Земмерд принимал участие в перегрузке частей ракет Фау-1 и Фау-2. Отношения у нас были хорошие, мы работали без всяких предубеждений, и мне удалось у них кое-чему научиться.

В 1950 г. началась моя работа в «Висмуте» на шахте №15. В то время некоторые мои коллеги пытались жить за счет новичков. Я же с этим мириться не хотел и сам взялся за перфоратор.

У меня была довольно высокая производительность труда, что кое-кому из забойщиков не нравилось. Некоторые говорили даже, что я со своим излишним старанием действую вразрез с их интересами. А вот руководство шахты обратило на меня внимание и назначило руководить вновь образованной 52-й бригадой.

В 1956 г. на шахте №64 я принимал активное участие в скоростной проходке, результат которой составил 516 метров. Есть моя доля и в других скоростных проходках — на шахте №38.

В 1959 г. от Объединения народных предприятий по добыче калия поступила просьба об оказании социальной помощи калийному предприятию «Меркерс». Уже через два месяца в условиях незнакомой мне до той поры разработки соляных месторождений мне удалось достичь выработки в 120 метров при профиле 9 на 3 кв. метров. До той поры в районе калийного бассейна Верра такого высокого результата еще никто не добивался.

Когда я вернулся в «Висмут», меня поставили на скоростную проходку на шахте №371, где мы в составе комплексной бригады достигли месячной выработки в 1035 метров. Особенно тяжелыми были условия на шахте №99, где температура породы доходила до 43 градусов Цельсия. Еще раз меня делегировали для оказания помощи на каменноугольное предприятие «Вилли Агатц» в районе Дрезден-Гиттерзее, которое позже, в 1968 г., вошло в состав «Висмута». Там я познакомился с обычной для угольщиков стальной шагающей крепью, и мне снова удалось стать одним из лучших. За мои достижения меня неоднократно награждали, в частности присвоили мне звание заслуженного горняка ГДР, а также вручили орден Ленина.

Когда в 1964 г. я попал на горнодобывающее предприятие Кенигштайн, меня сразу же назначили бригадиром. Задачей нашей бригады было завершить проходку ствола первой шахты №387, а потом околоствольного двора на горизонте 94 метра.

Другая бригада проходчиков, которая уже достаточно углубила эту шахту, была переведена на проходку шахты №388, находившейся в 1,8 километра от 387-й. Пока они углубляли шахту, мы проходили квершлаг 94-3. Поскольку эта горная выработка имела решающее значение для связи двух шахт, нам надо было особенно тщательно следить за качеством и точностью проходки. Дело осложнялось тем, что немалая часть выработки проходила в туронских глинах. Эти мягкие, легко деформируемые породы не отличались хорошей устойчивостью, что налагало особенно высокие требования по крепи. Возникали проблемы также при погрузке и откатке отбитой породы. И все-таки мы добились высокой точности при сбойке. Отклонение по оси при сбойке двух выработок, проходка которых велась встречными курсами, составило всего 3 сантиметра!

В последующие годы я с бригадой работал на проходке основных штреков. Поначалу нашим важнейшим рабочим агрегатом был погрузчик с опрокидным ковшом типа ПМЛ-63. В отличие от горнодобывающего предприятия в Ауэ, у нас, в Кенигштайне, как и на тюрингских предприятиях, применялись вагонетки емкостью в 1,5 кубометра.

Благодаря росту механизации буровых и погрузочных работ в сочетании с целенаправленными мероприятиями по охране здоровья и труда, прежде всего, по борьбе с пыленностью и шумом, а также по уменьшению вибрации, работа забойщиков становилась не только более производительной, но и менее трудоемкой. Позднее я повысил свою квалификацию до уровня горного техника и стал в составе технического отдела принимать участие в испытаниях новой техники. Многим бригадам забойщиков я давал конкретные, увязанные с практикой рекомендации, особенно при внедрении новой буровой техники, нацеленной на отделение забойщика от перфоратора, в том числе на очистной выемке и безрельсовой проходке. Потом я занимался разработкой и изготовлением специальных буровых коронок, которые были нужны при прокладке трубопроводов сквозь целики или при бурении опережающих скважин в вертикальном и горизонтальном направлении. Кроме того, в моем ведении находились работы по сбору вторичного сырья.

Вся эта работа доставляла мне огромную радость, и потому я принимал участие во многих усовершенствованиях, проводившихся в рамках новаторской деятельности.

Э. Мархула

*Посол СССР
П.А. Абрасимов вручает
Э. Мархуле орден Ленина*

Эрих Майснер

Э. Майснер

Оглядываясь назад, на мою более чем сорокалетнюю трудовую жизнь, я с полным правом могу сказать, что всю ее я посвятил урану. Моя работа проходила в постоянном контакте с рудничными специалистами-геологами из Советского Союза — русскими, украинцами, грузинами, осетинами и представителями многих других национальностей.

Семнадцатилетним паренком, оторванным от семьи, не сказать чтобы по доброй воле, и притопавшим из Силезии в поисках заработка, я попал на работу в АО «Висмут». Чисто случайным образом, ничего не ведая и ничтоже сумняшеся, меня вместе с несколькими другими соучениками выбрал для своей геологической работы русский геолог, чье собственное геологическое образование пришлось еще на царское время. Его звали Юрий Дмитриевич Калошин, и я никогда его не забуду, ведь это была моя первая встреча с русской элитой. Весьма умело он привил мне необходимые основы знаний о геологии и горном деле. Только благодаря его настойчивой работе со мной я в конце концов, шаг за шагом серьезно взялся за учебу, необходимую для работы рудничного геолога, и окончил академию. Он был первым из русских, кто познакомил меня со своей семьей и между прочим с первым блюдом вкусной русской кухни. Это был мой первый опыт культурного сближения, и мое понимание русского человека все больше стало связываться с сердечностью.

Из той поры в моей памяти сохранился такой эпизод. В первые месяцы работы нам часто приходилось слышать возгласы начальника шахты (его фамилия была Чесноков). Своим низким голосом он говорил: «Ребята! План по добыче горит! Нам нужно еще пару ящиков руды!» Для нас это означало проведение по субботам и воскресеньям так называемых ревизионных работ в штреках участков шахты, в которых задолго до нас вели горные работы наши предки. Вместе с начальником шахты, геологами и работавшими с нами тогда солдатами со счетчиками Гейгера в руках мы выбирали из крепи, состоявшей из отбитой раньше рыхлой массы, оставленную урановую смолку (U_3O_8) с ее срастаниями, укладывали в ящики и откатывали вверх. Такого рода работы объединяли нас, но дружбы в первое время почти не получалось. Слишком разным для нас, как я теперь понимаю, было восприятие послевоенных событий и глубокие, еще свежие семейные переживания. Время расставило все на свои места. Большую пользу принесло мне то, что благодаря вечерним курсам и ежедневному общению с русскими людьми я быстро и сравнительно хорошо выучил русский язык. Это всегда помогало

мне в течение всех последующих лет моей работы на этом громадном предприятии.

В то время рудничная геология переживала бурный прогресс: все, что было известно, — совершенствовалось, а на свет появлялись все новые и новые изобретения. В работу постепенно включилось новое поколение советских и немецких специалистов с высшим профессионально-техническим образованием. К сожалению, уже невозможно вспомнить имена всех тех, с кем вместе мы решали наши общие проблемы, в частности структурной геологии и формирования минеральных комплексов в жилах гидротермальных месторождений в районе Шнееберг-Шлема-Альтенбург. На основе широких исследований рудоконтролирующих факторов целенаправленные усовершенствования были внесены в подсчет запасов, и их результаты последовательно применялись в поисковых, разведочных и очистных работах на месторождениях этого типа. И это привело как к рационализации горных работ, так и к мощному приросту новых запасов. Наше сотрудничество с советскими специалистами было плодотворным и всегда проходило в атмосфере дружбы и добросердечности.

Не забуду одну экскурсию, в которой мне довелось принять участие вместе с видными учеными-геологами из Советского Союза. Это было, наверное, в конце 1950-х гг. Мы плыли по Эльбе, любовались горными пейзажами и сделали остановку на известном скальном массиве Бастай, впечатленные открывающейся панорамой. Профессор Вольфсон — довольно известный в России ученый, сказал нам: «Жаль, что в таком прекрасном ландшафте, как этот песчаниковый массив в долине Эльбы, у нашего металла слишком мало перспектив, чтобы привлечь наше профессиональное внимание». С этим высказыванием из уст столь известного человека согласились все без исключения. Однако спустя всего несколько лет, благодаря нашим работам, в песчанике мелового периода было открыто богатое месторождение и притом такого генетического типа, который до того времени в Германии был неизвестен. Началась интенсивная совместная работа немецких и советских рудничных геологов, гидрогеологов, геофизиков, обогатителей и других специалистов. За эти последние двадцать лет существования нашего предприятия мы изучили условия формирования эпигенетических месторождений с неизвестными в то время свойствами относительно молодых урановых руд, с их соотношениями минералов, радиологическими равновесиями, возникновением микро- и макробарьеров с геохимической точки зрения и в конечном счете дали оценку промышленной рентабельности месторождения и рудопроявления.

Это была незабываемая совместная работа, результаты которой показали, что добывая химическим способом не только уран, но и ряд других металлов, можно добиваться значительно более эффективной эксплуатации их месторождений. Именно этот пример напоминает мне о высказывании Альберта Эйнштейна: «Не логическое мышление ведет нас к познанию реального мира, нет, все познание действительности начинается с сделанного опыта и им же заканчивается».

Свою дорогу к горному делу я нашел благодаря минералогии, которой я был увлечен еще ребенком. Первый опыт работы под землей я получил на каменноугольном предприятии «Вилли Агатц», где впервые встретился с горняками «Висмута», которые вели там разведочные горные работы. В начале 1967 г. после окончания Фрайбергской горной академии я стал работать в Кенигштайне. Главным инженером в то время был Н.Д. Иванов. Уже через год я стал руководителем группы по технике, а значит, и ответственным за разработку плана по науке и технике. В мои обязанности также входило внедрение рационализаторских предложений и испытание новых изобретений. В этом мне помогали советские товарищи Зябрев и Придорогин, ставший вскоре главным инженером, а позднее и товарищ Машин, с которым я поддерживал и личные контакты.

Особый упор я делал на применение новой техники. По согласованию с производственным управлением мы составляли комбинации агрегатов, необходимых для оптимального технологического процесса. На проходке длинных штреков применялись прежде всего бункерные погрузчики, а в коротких очистных забоях — мощные советские скреперы серии LS-2S. Более крупногабаритные модели 55 LS-2S были эффективны чаще всего в режиме групповой эксплуатации. Другим основным направлением работы было проектирование и оснащение горизонта 50 метров. За подготовку взялся коллектив новаторов, в который входили рабочие участка шахты и молодые инженеры из всех специализированных отделов. Особо следует упомянуть инженеров Боммхардта и Альбрехта. Последний позже стал оберштейгером предприятия. Помогал нам советский технолог Галемин. Мне посчастливилось работать в этом коллективе. Нам удалось добиться экономии затрат на подготовку основного горизонта и центральной трассы на очистном уровне. Одновременно была проведена типизация очистных блоков. За счет применения длинных транспортеров в комбинации с дизельными тракторами по-

И в заключение я хотел бы выразить пожелание, чтобы в будущем такая работа в международном и межнаучном плане, какая была у нас в годы существования «Висмута», продолжалась на благо объединения народов. Не могу себе представить, как иначе можно в глобальном масштабе удовлетворить необходимый спрос на сырье, и надеюсь, что мировое сообщество вовремя осознает и осуществит это на практике.

Герхард Альтманн

лучилась эффективная система транспортировки руды. Такие трассы стали позднее действовать по всему руднику от горизонта 25 до горизонтов 135 и 165 метров. Впоследствии главные инженеры Джангириянц и Афанасьев поддержали это начинание. Третьим основным направлением стало применение буровой техники.

В 1975 г. я стал техническим директором, что означало расширение круга моих задач и прежде всего в направлении обеспечения эффективности капитальных вложений. Большое значение я придавал сотрудничеству с Проектным предприятием, механическими заводами и Научно-техническим центром. Со временем сеть горных выработок значительно расширилась. Это привело к возникновению новых проблем, особенно на начальной и конечной стадиях технологического процесса. Так, например, пришлось расширять системы подачи сжатого воздуха, закладочное хозяйство и водоочистку. Особенно тесное сотрудничество с советскими специалистами было у нас в области гидрогеологии. Большую помощь мне оказывал товарищ Дудукалов.

По мере углубления шахт росла потребность в свежем воздухе, а значит, нужно было создавать новые вентиляционные выработки. Для этого была применена буровая техника большого диаметра с возможностью бурения до дневной поверхности. Скважины диаметром в 2,4 метра были обнесены трубами, а специалисты технического управления запрессовали в кольцевые пустоты до целика колькрет-бетон (цементно-песчаный раствор). Это позволило воспрепятствовать притоку воды в сеть подземных выработок. В это время моими заместителями были советские товарищи Смирнов, Спиридонов и Васильчиков, с которыми у меня сложились хорошие отношения.

В 1981 г. на основании экономических расчетов было принято решение полностью перевести предприятие на химический способ добычи руды. С самого начала я был привлечен в рабочую группу, собранную для подготовки этих работ. Моей задачей было

Г. Альтманн

обеспечить транспортировку существенно возросших объемов раствора, а также расширение обогащения при условии минимизации затрат. Важные советы по этим вопросам давал мне главный инженер Василий Дорожкин.

В осуществлении этих капитальных работ в 1981—1983 гг. в условиях непрерывного производства участвовали проектное предприятие, машиностроительные заводы Ауэ и Кайнсдорф, а также предприятия ГДР и СССР. Ежемесячно под руководством заместителя генерального директора товарища Гепеля, а в его отсутствие — доктора Андреева проводились оперативные совещания, на которых мне поручалось ведение протокола и осуществление контроля за выполнением принимавшихся решений. Переход на полное выщелачивание произошел 1 января 1984 г. в полном соответствии с планом.

При таком резком изменении производственных процессов естественно не обошлось и без проблем. Например, выяснилось, что технические агрегаты, повсеместно применяемые в то время в ГДР, не в состоянии проводить взрывы мощностью в 180 тонн. Я дал указания специалистам из технического отдела, и они разработали устройство задержки иницирования взрывов, после чего взрывные работы пошли без сучка и задоринки.

Еще одна проблема заключалась в том, что головные части сорбционных колонн старой конструкции имели слишком малую пропускную способность. Для ее решения наш главный инженер Гаврилов, с которым у меня были очень хорошие отношения, так как помимо работы нас объединял большой интерес к русской истории, посоветовал мне съездить в командировку в узбекский г. Навои. Там я познакомился с товарищем Опланчуком, который помог придать моим мыслям нужное направление, и мы с проектным предприятием разработали соответствующее конструктивное решение.

Растущие объемы отработанного шлама потребовали применения советских фильтр-прессов, благодаря чему стало возможным направлять остатки с фильтров непосредственно в отвалы пустой породы.

Параллельно с выполнением плана необходимо было соблюдать качество чистой воды, сбрасывавшейся в водосборные колодцы. Между тем в случае попадания, например, при прорыве трубы, выщелачивающего раствора в шахтную воду существующая на тот момент система очистки не смогла бы справиться с ситуацией. Благодаря тесному сотрудничеству отдела выщелачивания и Водного ведомства удалось установить две действовавшие независимо одна от другой системы контроля, которые давали возможность немедленно обнаруживать нарушения и принимать контрмеры.

Несмотря на политические перемены 1989—1990 гг., мои знания и опыт в области горного дела по-прежнему были востребованы. Я остался членом руководства предприятия и был назначен начальником отдела охраны окружающей среды, а также уполномоченным по аварийным ситуациям. По мере постепенного перехода к санации я вместе с К.-Х. Боммхардтом и Э. Мюллером в 1991—1993 гг. принимал активное участие в разработке документации этого процесса, которая в общих чертах действует и по сей день.

Мне хотелось бы здесь сказать несколько добрых слов о нашем директоре предприятия Герхарде Братфише. Во время моей работы на Молодежном горнодобывающем предприятии Кенигштайн он всегда служил для меня примером и принимал участие в становлении моей профессиональной карьеры. Его умение направить в нужное русло силы всего коллектива предприятия на решение важнейших вопросов сыграло важную роль в том, что именно Кенигштайн внес решающий вклад в выполнение общих задач СГАО «Висмут».

Мальчиком он пережил ужасы войны и с тех пор стал активным борцом за мир, вступив в только что образовавшийся Союз свободной немецкой молодежи.

В профессиональном отношении Герхард начал свой жизненный путь учеником на предприятии по добыче каменного угля, где получил необходимые знания и опыт для того, чтобы справляться с тяжелой работой горняка. В профессиональном училище в Цвиккау он получил специальность горного техника, и уже в 1962 г. был назначен директором предприятия по добыче каменного угля «Вилли Агатц».

В 1968 г. на это предприятие обратило внимание СГАО «Висмут» по причине обнаружения там уранового оруденения и приняло рудник в свой состав. Годом позже Г. Братфишу было поручено руководство горнодобывающим предприятием Кенигштайн, и он стал его бессменным руководителем вплоть до ухода на пенсию. Постепенно он сумел сплотить вокруг себя коллектив единомышленников, способных решать не только текущие, но и перспективные задачи. За многочисленные трудовые заслуги сам Братфиш неоднократно был отмечен высокими наградами, в том числе званием «Заслуженный горняк ГДР», а руководимому им предприятию была вручена высшая награда ГДР — орден Карла Маркса.

В 1980 г. Герхард Братфиш одним из первых понял, что горнодобывающее предприятие Кенигштайн могло удержаться на плаву только путем полного перехода на химический способ добычи руды. Свою позицию он решительно отстаивал, несмотря на сопротивление с разных сторон. В результате вве-

дения в Кенигштайне новой технологии уран стал добываться более эффективно, хотя его среднее содержание (530 г на тонну руды) было существенно ниже, чем в среднем по «Висмуту».

В 1991 г. Герхард Братфиш вышел на пенсию. Вскоре он тяжело заболел и в апреле 2009 г. скончался. Многие из его бывших сотрудников навсегда сохранят память о нем в своих сердцах.

ВОСПОМИНАНИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ПУБЛИКАЦИИ

ГЛАВА 5

Херманн Майнель

50 лет урановой промышленности в Шнееберге.

Влияние урановой промышленности на социальные условия Шнееберга³⁶

Западные Рудные горы были известны более чем 800 лет назад благодаря развернувшемуся здесь горному производству. Их ландшафт с цепью отвалов, узнаваемой и сегодня, дудками (круглая вертикальная горная выработка без крепления), устьями штолен — формировался в основном в результате деятельности горняков и металлургов. Хвойный лес, так характерный сегодня для нашей Родины, является результатом ведения интенсивного лесного хозяйства, которое удовлетворяло потребности горного производства и металлургии. Важным свидетельством того времени является Шнеебергская дренажная траншея, существующая уже более 450 лет: она начинается в Альбернау и заканчивается в сегодняшнем лечебном парке Бад-Шлемы. Это гидротехническое сооружение длиной более 15 км свидетельствует о творческих возможностях и техническом мастерстве наших предков. Множество подобных сохранившихся памятников инженерной мысли позволяет нам сегодня читать, как по книге, и порой реконструировать некоторые исторические события почти детально, как будто мы сами присутствовали при этом.

Горняцкое приветствие «Глюк ауф!» («Счастливо подняться!») значит для нас сегодня больше, чем обычное «Добрый день» или привнесенное «Слава богу». Именно выражение «Глюк ауф!» объясняет, насколько глубоко горняцкое духовное богатство укоренилось в течение столетий в образе жизни людей, и сегодня, после прекращения горной деятельности, все еще имеет для них огромное значение, так же как и выражение «Шахта дает нам все». Сегодня становится ясно, что добыча серебра, висмута, кобальта, никеля и олова оказала решающее влияние на хозяйственное развитие Саксонии. При этом изменения ландшафта являются следствием технического уровня развития горного дела. Никто не отрицает, что добыча, например, олова в россыпных месторождениях с ее характерными повсюду воздействиями на ландшафт, является, строго говоря, горным делом.

Картина Ханса Хессе на внутренней стороне горного алтаря собора Святой Анны в Аннаберг-Буххольце показывает горное дело в начале XVI столетия и дает ясное представление о его огромном влиянии на ландшафт с почти необозримым количеством шахтных подъемных стволов, горного оборудования и отвалов.

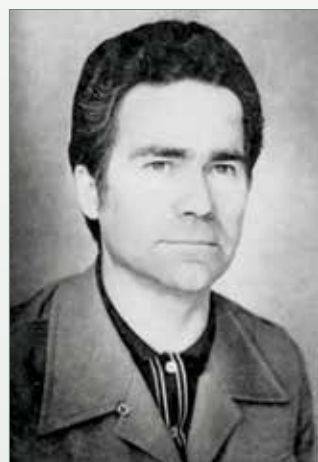
На выставке «Домашний сервис» фарфоровой мануфактуры Мейсена 1835 г. представлены, между прочим, важнейшие металлургические заводы XIX века. Наряду с заводами для производства темно-фиолетовой смальты в Шлеме и Альбернау, на тарелках сервиса есть также изображения металлургических заводов в Шенхайде и Моргенрете. На драгоценном столовом сервисе изображены фабричные установки, которые мы, в нашем сегодняшнем понимании, отнесли бы прежде всего к наносящим урон окружающей среде. Однако для своего времени они представляли современные производственные предприятия и имели значение для хозяйственного развития Саксонии. Многие из этих установок рассматриваются сегодня как важные технические памятники.

Со свидетельствами прошлого уранодобывающей промышленности дело обстоит несколько иначе. При оценке воздействий уранодобывающего горного производства не всегда давался ответ на важный вопрос: существовали ли в то время другие системы разработки этих месторождений?

С существующими еще сегодня материальными доказательствами в форме зданий, производственных сооружений и площадей под отвалами имеются свои трудности. Желание получить подробные доказательства об их происхождении часто не находит отклика, а порой и вовсе вызывает в ответ усмешку ввиду опасности радиоактивного заражения.

Вряд ли мы готовы признать, что добыча урана в последние годы существования СГАО «Висмут» относилось к самым совре-

³⁶ Freudeskreis-Stadtarchiv.net/uranbergbau

Г. Братфиш

Ханс Хессе.
Горный алтарь собора
Святой Анны
в Аннаберг-Буххольце (1521)

менным горным производствам мира. В других странах урановые рудники также производили разрушительное воздействие на окружающую среду. Мне вспоминаются посетители нашего региона середины 1990-х гг., особенно горняки из каменноугольного бассейна земли Северный Рейн-Вестфалия, которые перед спуском в рудник №371 недвусмысленно высказывались о «советском господстве» в горном деле. После подъема из шахты они вынуждены были констатировать, что увидели едва ли не самый приличный и аккуратный рудник.

Сегодня можно утверждать, что никакая другая эра горного дела не оставляла когда-либо раньше столь сильный отпечаток в Западных Рудных горах, как это произошло вследствие добычи урана, производимой СГАО (СГАО) «Висмут». Тысячи людей из прежних восточногерманских поселений, например из Трансильвании, нашли в Рудных горах после 1945 г. новую Родину. По прибытии сюда их багаж зачастую состоял лишь из того, что было на них надето. Они приобретали шанс получить для себя и своей семьи новое жилье, выполняя тяжелую работу на руднике. И многие из них навсегда поселились здесь. Они воспринимали обычаи и привычки местного населения и

развивали новые традиции в культурных и музыкальных группах горного предприятия «Висмут».

Требуются рабочие

Разработка урановых руд САО «Висмут» в Западных Рудных горах была вначале рассчитана только на короткое время. Это было связано с некоторыми особенностями, которые были вызваны прежде всего гонкой вооруженный сверхдержав — США и Советского Союза, начатой сразу после Второй мировой войны.

Во-первых, запасы месторождений Западных Рудных гор в середине 1940-х гг. оценивались всего лишь в несколько тонн. Это небольшое количество урана должны были быстро добыть, после чего прекратить работу.

Во-вторых, советские оккупационные власти в то время просто не могли знать, как долго они могут разрабатывать эти месторождения.

И в-третьих, они должны были добыть уран для своего проекта атомной бомбы не только как можно быстрее, но и как можно больше, для чего было привлечено огромное количество рабочей силы. На стадии разведки с 1945-го до весны 1947 г. потребность в ней могла покрываться за счет местного на-

селения, в сознании которого было твердо закреплено горняцкое ремесло, поэтому набор рабочей силы проблемы не представлял.

Так, в сообщении биржи труда г. Ауэ от 31 января 1946 г. требовался персонал для шнеебергских шахт в количестве 92 человек. При этом речь шла о 79 рабочих и 13 служащих (11 мужчин и 2 женщины).

Пять месяцев спустя, 26 июня 1946 г., биржа труда сообщила, что Саксонский рудник снова начал работать. Горняки, которые прежде были обязаны принудительно работать в Цвиккау на добыче каменного угля или в Борне на разработке бурого угля, находили теперь постоянную работу в горной промышленности Рудных гор. Потребность в рабочей силе была настолько велика, что даже многие безработные женщины находили для себя должность на руднике.

В сентябре 1946 г., как свидетельствуют документы, Шнеебергскому руднику требовалось 272 рабочих, а также 27 служащих мужчин и 5 женщин. Но уже в ноябре, восемь недель спустя, требовалось 2212 рабочих (в том числе 34 женщины) и 94 служащих (в том числе 12 женщин). Даже если здесь речь шла о рабочих и служащих будущего Объекта Обершлема, видно, как резко увеличилось число работников «Висмута»³⁷.

На основании приказа №3 Союзнического контрольного совета от 17 января 1946 г. и приказа №153 главы Советской военной администрации от 25 ноября 1945 г. рабочую силу можно было использовать в принудительном порядке на период от 6 месяцев до 2 лет. Оккупационная власть на территории советской оккупационной зоны от Балтийского моря до Тюрингского леса и Рудных гор имела неограниченный источник рабочей силы для «рудника в Ауэ». Она могла даже снимать рабочих с других репарационных предприятий и направлять их на урановые рудники.

Поначалу проблема нехватки рабочей силы решалась с помощью ее привлечения по трудовой повинности. Однако уже с начала 1948 г. значительные материальные льготы привлекали на рудники все большее количество добровольцев. В феврале 1947 г. жилищное управление Шнееберга сообщает о 13 910 жителях и всего о 2600 привлеченных по трудовой повинности горняках. Кроме того, было зарегистрировано 1420 переселенцев. С апреля того же года потребность в рабочей силе резко возросла, и тогда, согласно международным соглашениям между биржами труда, рабочая сила для рудников Ауэ снова была привлечена по трудовой повинности. Еще перед регистрацией САО «Висмут» в торговом реестре суда первой инстанции г. Ауэ на административных землях советской оккупационной зоны должны

были быть рекрутированы 30 000 человек.

В 1948 г. на Объекте 3 (Шнееберг) было зарегистрировано 7000 человек, и сразу же возникла проблема: все эти горняки хотели жить непосредственно в Шнееберге, так как иначе им пришлось бы добираться до работы больше часа. Для городского правления, как и для местных жителей, ситуация стала критической: жилищному управлению нужно было постоянно строить новое жилье, а населению — еще теснее уплотниться. Беженцы и переселенцы, которые не были заняты в горной промышленности, и вовсе должны были покинуть город или устроиться работать на шахте. В итоге общее число жителей Шнееберга в 1949 г. составило 23 112 человек, что означало увеличение населения только за 4 года почти на 10 000.

Строительство квартир и оборудование рабочих общежитий

Для многих шнеебергских обывателей, которые воспринимали ужасы войны часто только из кинохроники и рассказов военных отпускников, привлечение по трудовой мобилизации горняков и их семей означало сначала только некую нагрузку. Переселенцы были для них конкурентами в сфере питания, а также причиной ограничения жилого пространства. Быстро развивающаяся горная промышленность приносила значительные трудности жителям города, прежде всего предпринимателям и крестьянам. В 1947 г. пришла в негодность городская водопроводная сеть, так как интенсивное ведение горных работ привело к просадке земной поверхности, обрушениям и поломке водопровода. Большое количество питьевой воды для охлаждения компрессоров и работы водяных насосов горных предприятий забиралось из городской водопроводной сети без разрешения и оплаты. В результате жители должны были ведрами носить воду. Разведочные траншеи тянулись по полям, которые уже были засеяны. Площади под отвалы покрывали пашню. Шахтные сооружения, депо, склады и другое горное оборудование и площади изымали безотказно. Только начиная с 1949 г. пострадавшим стали возмещать убытки за потери урожая и другие понесенные ими неоплаченные расходы.

1946 г. был особенно трудным как для горняков, так и для местного населения. Все больше шахтеров из Верхней и Нижней Силезии, Судет и Трансильвании прибывало в Шнееберг, и их размещение стало для города острой проблемой. Предоставление жилья для переселенцев и их семей происходило по указанию оккупационных властей. Неналаженное взаимодействие городского жилищного управления со строителями жилья

из АО «Висмут» могло привести к конфискации жилого дома и высылке из района горных работ. Так случилось на Рихтерштрассе в городском районе АО «Висмут» Нойштедтле и на Гюмназиальштрассе в Шнееберге, где дома были конфискованы в пользу советского персонала и должны были быть оставлены жителями, которые могли взять с собой только личные вещи, а например мебель были вынуждены оставить. Многие предприятия были полностью или частично конфискованы, и в цехах оборудовались рабочие общежития. Так произошло на пробковой и корсетной фабриках.

В 1949 г. Объект 3 в Шнееберге имел в своем распоряжении семь рабочих общежитий. Для Объекта 14 также было оборудовано семь так называемых домов горняков.

Уже с конца 1946 г. существовал запрет на приток переселенцев с территорий, освобожденных от немецкой оккупации. Вопросы размещения в городе решал только его комендант. Один горняк из Вальденбурга³⁸ описывал это так: «До 1946 года я работал в Вальденбурге. Я знал, что мне и моей семье рано или поздно придется покинуть эти места, которые являются ныне польской территорией. В лагере переселенцев во Франкфурте-на-Одере я завербовался горняком для работы в Шнееберге. Спустя много дней мы прибыли поездом в полдень на вокзал Нойштедтле. Там я должен был вместе с моей семьей терпеливо ждать до 22 часов, так как городской комендант отсутствовал. Когда он приехал, я показал ему справку о том, что я горняк, и мне была предоставлена квартира. Спустя два дня я уже работал под землей в шахте №5».

Как и кем было организовано жилище для его семьи, до сих пор остается для него тайной.

Городское управление и жилищный отдел проводили в жизнь каждое требование шахтоуправления. Жалобы в Министерство социального обеспечения или в земельное правительство не рассматривались. В задачи управления помимо жилья входило еще и оборудование освобождаемых фабричных цехов и танцзалов. Размещение мужской рабочей силы было при этом еще относительно несложным, но для размещения женщин-работниц горных предприятий было установлено, что они должны жить не в рабочих общежитиях, а в частных домовладениях на правах субаренды. Это указание принесло много проблем коммунальному управлению и местной полиции. В конце концов женские общежития также были разрешены. В поселке Вольфгангмассен это был дом 10, который горняки назы-

вали «дом радости».

С 1948 г. горняки Объекта 3 должны были также размещаться вне города. Долгая поездка к месту работы приносила им дополнительные нагрузки. Из жилого поселения Бернбах, до которого сегодня можно добраться на легковой машине примерно за 15 минут, в то время нужно было ехать на работу около 3 часов. То, что летом было еще терпимо, зимой было весьма затруднительно при неудовлетворительной работе дорожной службы и ограниченной пропускной способности дорог. К тому же добраться непосредственно до работы тоже было не так-то просто. Многие горняки прибывали на вокзал Нойштедтле и затем должны были подниматься в гору, к пруду Фильцтайх.

Возникновение висмутовских столовых, магазинов и первых культурных организаций

Чтобы гарантировать беспрепятственную работу горного предприятия и для обеспечения снабжения горняков, около общежитий были оборудованы многочисленные продовольственные магазины. Пекарни были обязаны работать на горные предприятия, а рестораны стали висмутовскими столовыми для обеспечения горняков горячими обедами после рабочей смены. По мере того как увеличивались заработки горняков и улучшалось их снабжение продуктами питания, изменилось и отношение к ним местного населения. Дело в том, что продукты были валютой, которой горняки оплачивали все возможные предоставляемые им услуги. Даже наем квартиры часто оплачивался продуктами, не говоря уже о том, что хозяйка порой шла в магазины за покупками в течение дня, чтобы горняки не стояли в очереди после рабочей смены. Естественно, подобная любезность, а также стирка белья и т.п. также оплачивались продуктами.

Так как горняки были почти единственными клиентами, обладающими финансами, в гостиницах стали внимательно учитывать их интересы. В «Подводной лодке», сегодняшнем городском кафе на Риттерштрассе, встречались бывшие подводники немецкого военно-морского флота. После каждого пятого бокала пива исполнялась их любимая музыка. Выступления танцевальной группы «Девушки Альберти» обеспечивали во всем горняцком районе полные залы. Многочисленные танцзалы давали горнякам гарантию того, что хороший вечер им обеспечен. Число тогдашних танцевальных ресторанов и висмутовских пивных только в Шнееберге не поддается исчислению.

Чтобы дать горнякам возможность проводить свое свободное время не только в

кабаках, оборудовались культурные учреждения. В Шнееберге это были дом культуры «Золотое солнце», бывшее казино Шнееберга «Единство», «Карлсбадский дом» в Нойштедтле, дом культуры «Дружба» в поселке Мира, дом культуры в рабочем поселке горняков Вольфгангмассен. Кроме того, до 1953 г. существовал советский клуб в Нойштедтле на Блеесбергштрассе.

В Шнееберге был организован Городской культурный союз. Он в частности проводил многочисленные экскурсии. Для этой цели была даже создана специальная группа «Исследование родины». Сведения об истории и традициях Рудных гор были особенно полезны переселенцам, чтобы они наконец-то почувствовали себя как дома. Нужно учесть, что многие горняки, которые были размещены вне рабочих общежитий, даже не знали точно, как назывался населенный пункт, где они работали.

Эти культурные мероприятия были очень популярны. Иной горняк приходил после рабочей смены прямо в спецодежде на лекции в «Золотом солнце», которые порой приносили дому культуры столь большую прибыль, что для кассира была организована специальная охрана, чтобы тот беспрепятственно мог донести деньги до сберкассы. САО «Висмут» также не оставался в стороне и в начале пятидесятых годов организовал собственный цикл лекций, посвященных труду современного горняка. С 1953 г. «Висмут» стал принимать участие в праздничных парадах во время проведения в Шнееберге Дня горняка.

Строительство нового жилья для горняков САО «Висмут»

Жизнь в горняцком г. Шнееберг, благодаря деятельности «Висмута», становилась все привлекательнее. Как грибы росли новые жилые районы с домами культуры, торговыми учреждениями, яслями и детскими садами. Была построена больница для горняков, где работал квалифицированный персонал. Спортивное общество «Висмут» материально поддерживалось культурными и спортивными фондами горного предприятия. Ранней весной 1948 г. начались строительные работы во всем районе Западных Рудных гор. «Венские дома» для горняков и «берлинские дома» для горных инженеров и руководящего персонала возводились специализированными строительными подразделениями в новых горняцких поселках. К этому времени советские оккупационные власти уже знали, что урана в Западных Рудных горах имеется гораздо больше, чем это считалось ранее. Кроме того, было очевидно, что область советской оккупационной зоны в будущем также останется в сфере

влияния СССР, а значит «Висмут» — это все-ръем и надолго. На окраине Шнееберга начал сооружаться горняцкий поселок Вольфгангмассен, в котором дома для штейгеров, рабочие общежития, магазины, врачебный пункт, рестораны и церковь принадлежали непосредственно поселку. Позже, в декабре 1953 г., здесь был построен дом культуры. Все жители Вольфгангмассена работали в САО «Висмут», их дети посещали новые детские учреждения в городе или учились в школах поселка.

Поселок Клара Цеткин, который также был построен в то время, сегодня является частью Бад-Шлемы. Здесь прежде всего были оборудованы рабочие общежития. «Берлинские дома» для управленческого персонала шахты №67 существуют и сегодня. Местное население было в курсе, что у рабочих «Висмута» хорошая зарплата, дополнительное снабжение продуктами и потребительскими товарами, а также хорошо организованное здравоохранение. Все это способствовало тому, что «Висмут» пользовался большим уважением местных жителей.

Поселок Мира

В 1958 г. началось строительство горняцкого «Поселка Мира» в одном из районов Шнееберга — Клаусберге. Деньги на строительство этого жилого района выделялись из особого фонда рудной промышленности госбюджета ГДР. В нем было предусмотрено большое количество магазинов и предприятий сферы обслуживания, которые должны были находиться в непосредственной близости от жилья. Кроме того, в новом горняцком поселке возводилось здание клуба «Дружба» с залом для культурных мероприятий, библиотекой и висмутовской столовой. Дом «Филипп Мюллер» в городском парке, а также дом «Альберт Швейцер» были сооружены для детей горняков и должны были представлять собой что-то вроде яслей продленного дня. На углу Готтлиб-Хайнрихштрассе и Дитцштрассе была построена большая прачечная. На той же Дитцштрассе был также построен жилой дом, на первом этаже которого размещались почтовое отделение, мясной и молочный магазины, овощная лавка и магазин товаров повседневного спроса. Чуть дальше, еще на одном перекрестке, строился жилой дом с торговым центром, в котором были предусмотрены хозяйственный и продовольственный магазины. В доме напротив были оборудованы мясная лавка и овощной магазин. К поселку проложили автодорогу, и каждое утро на Дитцштрассе на остановках стояли горняки в ожидании специального висмутовского автобуса. Сюда же, на Дитцштрассе, они приезжали после рабочей смены, многие из них питались в столовой в клубе «Дружба».

³⁸ Вальденбург — немецкое название польского города Валбжих (прим. ред.).

Дети посещали школы «Йоханнес Р. Бергер», «Дистервег» или расширенную среднюю школу на Шиллерштрассе, расстояние до которых было максимум два километра от самого дальнего жилья, что не создавало для детей неудобств независимо от погоды.

В то время сам я был еще ребенком, и для меня стало настоящим чудом, когда в декабре 1967 г. мои родители, братья, сестры и я переехали на новую квартиру в поселок Мира. В нашей деревне, где я жил раньше, не было таких высоких и таких невероятно длинных домов. Так много уличных фонарей я также раньше не видел. Впервые в жизни я попробовал кокосовый орех и ананас: эти неизвестные мне прежде экзотические плоды подарила нам на Рождество торговая организация «Висмут». Я на всю жизнь запомнил, как отец принес домой кокосовый орех и с каким трудом расколол его.

Несмотря на все старания СГАО «Висмут» обеспечить квартирами своих сотрудников, жилищный кризис все еще не был преодолен. Поэтому 10 мая 1954 г. в клубе «Активист» в тогдашнем районе Шнееберг-7 (ныне — курорт Шлема), был организован жилищно-строительный кооператив «Солидарность». Строительные материалы для первой очереди домов на углу улиц Золидаритет и Карл-Либкнехтштрассе добывались из домов, обрушившихся вследствие деформаций почвы при проведении горных работ, а также из обломков ветхих зданий бывшего курорта Радимбад-Обершлема. Многие горняки после смены в шахте продолжали работать киркой и лопатой, строя собственные дома. Позднее «Висмут» стал бесплатно предоставлять технику для этих целей. 16 мая 1954 г. началось официальное строительство, а уже 28 января 1955 г. члены жилищно-строительного кооператива праздновали его окончание в клубе «Дружба».

Сегодня, спустя более чем 50 лет, поселок Мира, который все больше людей называют Старым поселком, все еще является достаточно привлекательным жилым районом. Многие шахтеры, бывшие тогда молодыми, проводят здесь свой закат жизни. Если сегодня посмотреть на тогдашнюю концепцию архитекторов и градостроите-

лей, можно констатировать, что в то время жилые районы вряд ли могли быть лучше обустроены, чем это было сделано в Шнееберге и остальных районах урановой горнодобывающей промышленности.

После политических перемен жилища в поселке Мира также были модернизированы. Похвальным является тот факт, что многочисленные элементы оформления фасадов были реставрированы. К сожалению, фреска на доме «Альберт Швейцер» из-за проблем с теплоизоляцией исчезла.

Подводя итоги, можно сказать, что горняцкие поселки в Шнееберге и Вольфганг-массене имели большое значение для развития образцовой социальной среды. Горняки СГАО (СГАО) «Висмут», благодаря этим отличным условиям, должны были и чувствовали себя как дома, что, безусловно, служило им стимулом для длительной и добросовестной работы на горных предприятиях. Многие люди, прежде бездомные, которые были приняты на работу в «Висмут», обрели в нашем городе свою новую родину. Фамилии многих его жителей говорят нам о том, где у них были корни. На почтовых ящиках наших домов можно увидеть такие фамилии, как например, Храмловски, Гуттовски, Пшибльски или Немец. Внуки этих горняков уже являются коренными жителями Рудных гор. Бывшие горняки украшают окна своих жилищ рождественскими световыми украшениями, они едят рождественский пирог в святой сочельник и 25 декабря, в 4 часа утра, под колокольный звон идут со своими семьями в собор Санкт-Вольфганг или Хайдельзинген в Нойштедтеле. Каждый год они надевают костюмы и принимают участие в праздничных парадах в День горняка. Для многих юных жителей Шнееберга рассказы их дедушек и бабушек о том, как они начинали тогда свою новую жизнь в Рудных горах, уже являются лишь историей из давних времен. Но только эти рассказы, а также немногие оставшиеся с того времени сооружения могут дать нам хоть какое-то представление о том, как жили и работали люди в районах, где добывался уран.

Перевод А.М. Солодова

Воспоминания о советских специалистах³⁹

Начальник шахты Голованов (из доклада Вальтера Бергнера, участкового штейгера шахты №189)

Начальнику шахты Голованову доверили руководство шахтоуправлением №34 в Беренштайне. Он был маленького роста и производил впечатление довольно жесткого человека. Голованов постоянно носил кобу-

ру с пистолетом, которую не снимал даже в шахте. Жил он вместе с женой и местным котом, которого называл Фрицем, в бывшей вилле Гесснера в Беренштайне, где также находилось шахтоуправление.

³⁹ По материалам сайта «Аннаберг-Буххольц» подготовил Франк Лангер (<http://forum.untertage.com/viewtopic.php?f=1&t=3524>).

Настоящим командиром в их семье была жена, которая держала мужа в ежовых рукавицах. В свою очередь кот был ее любимцем, и Голованов его терпеть не мог. При каждом удобном случае (если жена не видела) кот получал от него пинка. Во время одного планового совещания на вилле мы наблюдали за стараниями Фрица добыть для себя большой пакет колбасы, лежащий на подоконнике. Голованов заметил это, громко заорал: «Фашист», — и пнул кота ногой. Тот в панике убежал, и больше его никто никогда не видел.

Голованов много курил, однако жена вела строгий контроль над всеми его расходами на табачные изделия. При этом сама она энергично занималась покупкой дорогих вещей. В то время, в 1947 г., во многих садах Беренштайна возделывался табак и зрел хороший урожай, но однажды прошел сильный град, и почти весь урожай погиб. Остатки табака пробовали сушить в духовке. Так возник новый табачный сорт под названием «удар града».

Неудивительно, что некоторые запасы «удара града» вскоре нашли дорогу на Титусгезенк и достигли носа начальника шахты. Ему как-то предложили самокрутку, и измученный без курева Голованов с удовольствием покурил, сидя с шахтерами в гезенке. При этом он становился добрее, постепенно исчезали его придирки к немцам. К его своеобразным привычкам отнеслось закрытие стволовых ляд для воспрепятствования преждевременному выходу горняков из шахты.

О книге Рольфа Ланге «"Висмут" в Мариенберге» и о судьбах двух горняков⁴⁰

В последние годы появилось немало публикаций на немецком языке о добыче урана и деятельности «Висмута» в ГДР. В то же время, как ни странно, на русском языке о «Висмуте» практически ничего нет до сих пор. В Германии издаются книги, собираются конференции, как например, в 2011 г. в Хемнице, молодые историки пишут диссертации. В некоторых публикациях объективность иногда страдает от смещения акцентов в негативную сторону. На мой взгляд, книга Рольфа Ланге «"Висмут" в Мариенберге» справедливо и объективно, на примере небольшого месторождения, оценивает вклад советских и немецких сотрудников в сложный, тяжелый, поначалу даже опасный, но необходимый процесс становления уранового горного дела в Рудных горах после окончания войны.

Знакомясь с этой книгой, любезно подаренной мне автором, я обнаружил помещенные во втором томе интересные и под-

Он персонально следил за этим.

В течение многих месяцев Голованов вводил в курс дела одного советского специалиста. Однажды он представил его как нового начальника шахты и неожиданно распрощался с нами. Многие немецкие руководители ставили этот поступок Голованова в пример, считая его образцовым и добросовестным.

После Голованова на шахте были другие начальники. Все они были малохаризматичны и, более того, некомпетентны. Затем, правда, прибыл начальник шахты Слободяник.

Начальник шахты

Тихон Петрович Слободяник

В то время, когда начальником шахты был Голованов, считалось, что он — бывший воин Красной армии и поседел на Второй мировой войне, что, естественно, наложило отпечаток на его характер. Начальник шахты Тихон Петрович Слободяник оказался другим. Мы предполагали, что он происходит из следующего поколения образованных горняков, которые в Советском Союзе были специально отобраны для этого задания и были обязаны полностью его выполнить. Он пользовался большой популярностью среди горняков шахты Нидершлаг.

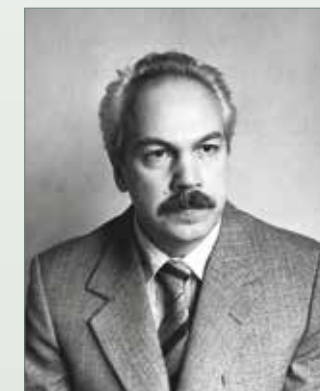
Под сильным впечатлением и с глубоким почтением перед героями того времени я заканчиваю этими словами газетное сообщение о начальнике шахты Слободянике.

Перевод А.М. Солодова

Борис Петрович Лашков

робные биографии и воспоминания пяти немецких сотрудников «Висмута», относящиеся к первым послевоенным годам. Только что закончилась война; те, кому повезло, возвращаются домой, чаще из плена, и вот теперь они нанимаются на работу к своим бывшим противникам. Стало ясно, что хотя бы два из этих воспоминаний должны быть представлены и в нашей книге с тем, чтобы историческая картина была более объективной и полной.

Немного о самой книге «"Висмут" в Мариенберге» и ее авторе. Рольф Ланге, будучи местным жителем, уже много лет занимается историей Мариенбергского горного дела, опубликовав ранее исследование «Горнорудные работы на флюорит в Мариенберге в Рудных горах». Его следующее фундаментальное исследование добычи урана

Б.П. Лашков

⁴⁰ Rolf Lange. Die Wismut in Marienberg. Band 1: Bergbau und Geologie. Band 2: Bergleute berichten vom Uranbergbau. Venusberg-Spinnerei, 2006.

Книга Рольфа Ланге «Висмут» в Мариенберге», том 2

в районе Мариенберга, касающееся деятельности «Висмута» в регионе, состоит из двух томов. В первом томе «Горное дело и геология», написанном совместно с профессиональным геологом Акселем Хиллером, хорошо ориентируемся в русских архивах благодаря знанию языка, рассматриваются вопросы геологии, разведки и добычи урана в Мариенберге. Там также нашли свое место и социальные аспекты, интересные для раннего этапа уранового горного дела, а также особые обстоятельства урановой горнодобывающей промышленности,

такие как секретность, безопасность, значение урана для Советского Союза в атомном вооружении.

Во втором томе «Горняки рассказывают о добыче урана» приводятся воспоминания немецких горняков. В предисловии ко второму тому автор Рольф Ланге пишет: «Урановый рудник САО (СГАО) «Висмут» в районе Мариенберга-Волькенштайна существовал лишь короткое время. В феврале 1947 г. горняки начали подготовительные работы, и в конце 1954 г. в шахту №45/139 в Лауте спустилась последняя смена. Урановая руда в этом регионе была отработана, то есть полностью изъята из Земли.

В конечном итоге Мариенбергские горные предприятия поставили 121 тонну урана. По сравнению с 231 тысячей тонн урана, которые огромный концерн горнодобывающей промышленности «Висмут» добыл до 1990 г. на юге ГДР, Мариенберг представляется мелким месторождением. Если же рассматривать это с исторической точки зрения, то в сороковые годы, когда богатые месторождения в Тюрингии еще не были известны, каждая отдельная тонна урана имела для Советского Союза большое военное значение».

Поэтому, придавая большое значение этому Объекту и признавая, что в силу строжайшей секретности осталось мало документов и фотографий из того раннего этапа «Висмута», Рольф Ланге во втором томе предоставляет место воспоминаниям бывших сотрудников Объекта 5. Среди них воспоминания Вернера Дителя, Мартина Тоста, Петера Петраша, Вальтера Богша и почти документальные экспрессивные рисунки с текстами Хайнца Тапперта — взрывника, погибшего в шахте результате несчастного случая.

Вернер Дитель по праву может считать-

ся одним из первых немецких специалистов «Висмута» в Фогтланде и Рудных горах: на его рабочем удостоверении стоит номер 141. Он поместил во втором томе свои воспоминания о работе в САО «Висмут» в Лауте с 1947-го по 1954 г. А в составе специальных частей Советской армии он начал работу в урановой отрасли еще раньше — с 11 ноября 1946 г.

Рольф Ланге приводит его краткую биографию: «Родившийся 17-го сентября 1923 г. в Ауэрбахе (Фогтланд) в семье шахтного мастера, он принадлежит к тому поколению молодых людей 1923 года рождения, многие из которых не вернулись домой со Второй мировой войны. Ему повезло, он остался жив. После начальной школы Вернер Дитель с 1938 по 1941 г. посещает техникум в Плауэне и выдерживает экзамен на техника-геодезиста. Конечно, при выборе профессии пожелания отца и его работа сыграли свою роль. Получивший хорошую профессию и подготовленный к жизни молодой специалист-геодезист получает свое первое место работы в Брюксе (Богемия). Несмотря на свою юность, он становится начальником строительства. Призванный на военную службу, он воевал в Советском Союзе и Франции и попал в плен, где находился до 1946 г.

Возвратившись домой в Фогтланд, он уже осенью 1946 г. отправляется в руководимое советскими специалистами Саксонское горное управление — предшественник «Висмута». После безуспешных поисков работы в Фогтланде он в феврале 1947 г. командирован в Мариенберг. Солидная профессиональная подготовка дала ему здесь серьезное преимущество. Лавинообразно расширяющаяся горнодобывающая промышленность нуждалась как раз в таких специалистах. Вернер Дитель добивается положения старшего маркшейдера на участке Рудольф, который позднее станет шахтоуправлением №45/139. Он входит в круг руководящих специалистов шахты, который непосредственно подчинен советскому начальнику. За исключением полугодового периода работы в должности оберштейгера, он вплоть до закрытия шахты в конце 1954 г. остается старшим маркшейдером этого значительного шахтоуправления. После закрытия Мариенбергского уранового рудника Вернер Дитель по предложению СГАО «Висмут» отправляется в Фогтланд. До 1960 г. он работает участковым маркшейдером на шахте №277 в Цобесе. С 1960 г. и вплоть до пенсии Вернер Дитель работает в гидротехническом комбинате Веймара на ведущих позициях геодезической службы и получает еще и квалификацию инженера-геодезиста».

Прежде чем обратиться к собственно воспоминаниям старейшего маркшейдера

«Висмута», следует еще раз вернуться к предисловию ко второму тому, где Рольф Ланге находит точную и прочувствованную характеристику этих воспоминаний: «Пусть читатель задумается над тем, что сообщения, основанные на фактических данных, писались горняками. Язык ориентируется на правдивую передачу их работы и переживаний, а не на литературную стилистику. Их описания передают нам ни с чем не сравнимые свидетельства трудного начала после Второй мировой войны, тяжелого горняцкого труда и его опасностей, свободы и произвола, солидарности, характера общения с советским руководящим персоналом и охрой, радости по поводу даже маленького социального улучшения и много другого».

Воспоминания Вернера Дителя о работе на горнорудных Объектах «Висмута» с 1947-го по 1954 г. написаны в 2001 г. и сопровождаются историческими документами и техническими рисунками. Воспоминания подразделяются на несколько частей: «В Мариенберге», «Маркшейдерская деятельность», «Несчастные случаи», «О снабжении», «О восстании рабочих 17 июня 1953 года» и «О новом костюме Передругина».

Первая глава «В Мариенберг» приводится здесь практически без сокращений, поскольку она в наибольшей степени отвечает цели нашего сборника — осветить все этапы развития «Висмута», и в том числе самый тяжелый ранний этап глазами немецкого техника.

«11 ноября 1946 года первые примерно 200 человек всех специальностей были отправлены биржей труда в Йоганнсгеоргенштадт около Клингенталя на так называемое «производство купороса». По прибытии мы были приняты советским офицером, геологом Чирковым и переводчиком Кирштайном. Мы получили заводские номера и удостоверения. Я получил номер 141, а мой коллега Фишер — номер 142. Мы оба начинали в геодезическом бюро в Ауэрбахе, в Фогтланде, и теперь обязывались работать маркшейдерами. Приятной неожиданностью стал горячий суп и полбуханки белого хлеба. Нас распределили по квартирам. На следующий день геолог распределил нас по рабочим местам.

Мне, принятому маркшейдером, досталось задание разведать штольни, для этого мне были приданы советские солдаты и два помощника. Одна из первых штолен находилась слева от главной дороги из Ауэрбаха в Клингенталь, недалеко от тогдашней спортивной гостиницы «Бушхауз». Штольня была шириной всего лишь около 0,6 метра и только примерно 1,8 метра высотой. Прежде всего надо было установить с помощью компаса и рулетки направление и длину. Так как мы едва могли передвигаться, один

из помощников приобрел примерно после 50 метров боязнь пространства. С большим трудом я привел его в себя. На следующий день он исчез навсегда. В течение следующих двух месяцев были обнаружены и освобождены еще несколько входов в штольни. Вряд ли там была найдена урановая руда. Вероятно поэтому примерно через 3 месяца мы переехали с руководством в Танненбергсталь. Нашим начальством была советская военная часть в Фалькенштайне. Но и там мы были только короткое время под названием «производство купороса». К собственно окончательному району работ мы прибыли в феврале 1947 г.

В конце зимы 1946 г., вечером, наша команда примерно из 15 рабочих, 2 маркшейдеров и переводчика взобралась на советский грузовик. В бельевой корзине находился маршевый провиант — булки, масло и колбаса в консервах. Куда мы направлялись, не знал никто, кроме переводчика Кирштайна. Во время поездки росли неизвестность и догадки. Мы проехали через несколько деревень и примерно через три часа остановились на рынке в Мариенберге. На месте нас встречал советский офицер. Переводчик распределил нас на квартиры. Моя была непосредственно у рынка. «Забронировано для советского офицера» — стояло на двери семьи Риделя. На следующий день советские гражданские служащие проинструктировали нас о нашей деятельности. У моих новых начальников были фотокопии горнодобывающего района Мариенберга и Волькенштайна. Были нанесены все шахты и выработки, которые надо было найти на местности. Ежедневно я перемещался между Мариенбергом и Волькенштайном со своей геодезической командой, поддерживаемый тремя советскими солдатами. В нашем распоряжении имелся теодолит марки «Харьков». Солдаты были снабжены кирками и лопатами.

Первым большим делом была шахта Рудольф в Лауте. На приемной площадке шахт-

Борис Лашков и Рольф Ланге осматривают старую штольню

Старший маркшейдер Вернер Дитель с участковыми маркшейдерами шахтоуправления №45/139 (фото из книги «Висмут» в Мариенберге)

ного ствола была смонтирована лебедка, и с ее помощью я был спущен на глубину. Спуск по большей части сохранился, но вследствие многолетнего воздействия воды и гниения перекладины не выдерживали. Можно сказать, что я весь путь вниз «обнял» руками. Первой остановкой был горизонт на 150-метровой глубине с расположенной там насосной станцией. Огромное 12-метровое водяное колесо с втулкой диаметром 1 метр были моими первыми сенсационными открытиями доселе неизвестного мне подземного мира. Таким же способом шахта Рудольф позднее была разведана до 5 горизонта. В период дальнейших поисков и обнаружений горных выработок это первое открытие стало началом опасной, но интересной работы.

В качестве первой важной подземной работы я, вместе с двумя помощниками маркшейдера, получил заказ разведать штольню Вайстаубен. Мы были вооружены карбидными лампами, канатом, чтобы обвязаться, палками для продвижения на ощупь, геологическим компасом и рулеткой. Штольня была высотой около 1,8 и шириной примерно 0,7 метра. На 50-сантиметровой высоте были сооружены железные конструкции, на которых были воздвигнуты деревянные опоры. Стоять прямо было невозможно. Дерево по большей части прогнило, даже распорки зачастую были очень испорчены. Из-за сквозняка лампы часто гасли. Чтобы сэкономить на пятикилометровой дороге домой, что означало бы для нас двойную нагрузку, мы пытались успевать каждую смену как можно больше и тем самым увеличили наш рабочий день вплоть до 12 часов. В это время советские солдаты снабжали нас булками с маслом и горячим чаем. Для этой работы, которую я отношу к самой тяжелой в моей жизни, нам потребовалось более недели. К тому же, после частичной реконструкции штольни мы повторили всю работу с теодолитом, так как точность измерений с компасом оказалась недостаточной.

Центр будущей горнодобывающей промышленности в области Мариенберга образовывали сначала шахта Рудольф (номер 45) и позднее шахта №139. Шахта Рудольф была реконструирована, то есть был обновлен спуск до 5-го горизонта и позже установлен скип. В каждый из двух скипов помещалось по 6 человек. Старые штреки были освобождены для прохода. При этом впервые была найдена урановая руда. Ее тянули в деревянных ящиках по мокрым доскам. В первое время еще невозможно было создать более надежный способ транспортировки. Я думаю, лишь в середине 1948 г. для этого возникли первые предпосылки, когда были проложены пути и имелся в наличии сжатый воздух. В большом количестве прибы-

вала рабочая сила из всех частей советской зоны. Их рабочая одежда была неудовлетворительна, система безопасности недостаточна. Параллельно с работами в шахте были перелопачены отвалы шахты №45. Около 50 000 кубических метров были переброшены женщинами, в том числе и уголовницами из всей бывшей оккупационной зоны, на деревянные платформы площадью примерно 2 кв. метра и высотой около 0,3 метра. После того как советские солдаты с гейгеровскими счетчиками проверяли содержимое насыпанного и извлекали оттуда урановую руду, отбракованная масса сбрасывалась и перемещалась старыми ленточными транспортерами.

Ввиду тогдашних послевоенных обстоятельств, под советским руководством и при участии немецкого инженерно-технического персонала довольно быстро выросла новая большая отрасль промышленности. Посланные советской властью руководящие кадровые работники и специалисты были отличные профессионалы в соответствующей области и хорошо мотивированы. С нами, немецким техническим персоналом, они, как правило, устанавливали хорошие отношения. В этой связи я хочу привести несколько примеров.

В штольне Хильфе Готтес у вокзала Волькенштайна двое горняков, работавших в восстающем, оказались в завале. Получивший известие наш тогдашний начальник шахты Чекмазов прибыл в хорошем костюме (кстати, он всегда хорошо одевался) с шахты Рудольф (там находилось руководство шахты). Он потребовал, чтобы все ушли с места завала, и в одиночку орудовал несколько часов лопатой, стоя в полуботинках в шлеме, поскольку места хватало только для одного. На следующий день горняки были освобождены из-под завала.

Еще один эпизод с участием этого начальника шахты. На еженедельных заседаниях руководства шахты часто случались жесткие разногласия. Чекмазов был основательно информирован о происходящем в шахте. Его невозможно было обмануть. Каждый из нас, присутствовавших, должен был доложить о своей работе: начальник участка, геологи, главный маркшейдер, энергетик и главный механик. Последнего звали Ганс Вюстнек, это был настоящий сорвиголова. Однажды во время особо жесткого спора между ним и начальником шахты разгорелся следующий диалог.

Чекмазов: «Я был партизаном во время войны, радуйся, что я тебя не встретил!»

Вюстнек: «А если бы я вас встретил, то убил бы!»

Чекмазов выдерживал подобные всплески темперамента Вюстнека, и они его со-

вершенно не трогали. В подтверждение этому Вюстнек позднее стал заместителем начальника шахты.

В это время я был старшим маркшейдером, а немного позже, около полугода — оберштейгером. Когда партия СЕПГ набрала достаточно влияния, в нее начался определенный отбор трудящихся, особенно среди инженерно-технического персонала (ИТР). Поскольку я ни тогда, ни позже в партии не состоял, мое имя на повышение всегда стояло в черных списках. Когда начальник шахты читал имя Дитель, он всегда вычеркивал его или просто отрывал. В этой связи мне хочется заметить, что чем меньше становилось влияние советского руководства, тем большее значение приобретала партия. При этом страдали межличностные отношения. В качестве маркшейдера я ежедневно контактировал с советским руководством. У меня не было никаких проблем, я смог сработаться с ними, учитывая их особенности. Не все немцы так смогли. Русские, с которыми я работал, оказались опытными профессионалами в вопросах горного дела.

В памяти особенно отчетливо сохранились следующие имена:

Папикян — начальник Объекта 5, горный инженер, судя по фамилии, видимо, армянин;

Чекмазов — начальник участка шахты Рудольф, бывший партизанский командир, внушительной внешности и крепкого сложения. Это можно было видеть уже по одному только объему его бицепсов. Его жена работала врачом в «Висмуте»;

Чирков и Аксельрод — геологи;

Передругин — мой шеф в руководстве шахты;

Филиппов — сотрудник маркшейдерской службы Объекта.

Наиболее образованные среди них были сама вежливость. Часто случалось, что они передавали привет жене и спрашивали о детях. Но не стоило обманываться, — на службе, в производственных вопросах они были последовательно тверды как сталь и холодны как лед. Кто не добивался заданной производительности и не заслуживал доверия, мог увольняться, причем сразу, без всяких если бы да кабы. Деловые переговоры были ясны и тверды. Один пример. В конце 1953 г. я был назначен оберштейгером и нес большую ответственность. Кое-что не заладилось в шахте. На следующей планерке начальник шахты спросил, когда же, наконец, будет приведено все в порядок, и, не дожидаясь ответа и изучая меня краем глаза, добавил: «Я смотрю, сколько ты еще будешь оберштейгер».

У кого не хватило бы воли, мог уволиться. Я не уволился.

Однажды у немецкого начальника отдела кадров наступил черный день, когда он пришел на совещание в коротких кожаных шортах (и что ему пришло в голову?). Русский начальник шахты саркастически заметил, что здесь не баварский народный праздник, и что он дает ему 30 минут, чтобы переодеться и снова появиться на совещании. Эти несколько слов для начальника отдела кадров были хоть и унижительными, но вполне заслуженными.

В рамках этой публикации придется лишь упомянуть большой раздел «Маркшейдерская деятельность», касающийся технических сторон профессиональной работы В. Дителя как маркшейдера. Раздел этот снабжен документами и эскизами измерений, выполнявшихся в шахтах №139 и 45, начерченных им по памяти. В нем он упоминает об одной своей очень ответственной маркшейдерской задаче по сбойке двух встречных квершлагов между шахтами №139 и 145. Последние 3 метра проходки он стоял в выработке с бьющимся сердцем, прислушиваясь, не раздастся ли скрежет пилотной штанги. Все успешно закончилось, измерения показали высокую точность маркшейдерской проработки, последовали поздравления и, конечно, премиальные. В другом месте он описывает, как они застряли в подвешенной корзине, попав в очень опасную ситуацию. Примечательны его мысли по этому поводу: «И мы, и люди вокруг нас мало думали о ежедневной опасности, которой подвергались. Но мы любили нашу профессию и горное дело».

То, что эта опасность действительно была реальной, подтверждается драматическими фактами следующего раздела — «Несчастные случаи».

Вернер Дитель вспоминает: «В начальный период САО «Висмут» происходили нередкие и тяжелые несчастные случаи, иногда со смертельным исходом. Трагический случай произошел при проходке слепой шахты №300. Два брата, оба плотники, были заняты на строительстве шахтного ствола. Для того чтобы подвесить тяжелые деревянные балки, один из братьев занял место на верхнем околоствольном дворе 50-го горизонта, в то время как другой расположился внизу, чтобы принять балки. Тут все и случилось. С верхнего околоствольного двора соскользнула балка из клетки и всей тяжестью рухнула вниз. У его брата внизу не было ни малейшей возможности уклониться, и его раздавило».

Далее он пишет, что несчастные случаи происходили также, когда в спешке, из-за невнимательности, легкомыслию или по каким-то другим причинам бурильщик наткнулся на оставшийся в скважине заряд.

Хайнц Тапперт с семьей

Касаясь быта немецких работников «Висмута», Дитель подтверждает сведения из более ранних источников о том, что снабжение продуктами, промышленными товарами, социальное обеспечение, предоставление путевок для отдыха было значительно выше среднего уровня. И без того высокие оклады дополнялись существенными надбавками за перевыполнение рабочих норм.

Упомянув в разделе «О восстании рабочих 17 июня 1953 года» солидарное участие горняков шахт №45/139, выразившееся в отказе первой смены спуститься в шахту, Дитель заканчивает следующей фразой: «Собственно говоря, у трудящихся “Висмута” не было настоящих причин для забастовки».

Заканчиваются воспоминания историей с пошивом костюма для его непосредственного начальника — советского офицера, руководителя маркшейдерской службы. В частной этой истории Дитель правдиво и психологически верно передает быт и дух того послевоенного времени. Становится ясно, что кроме официальных деловых отношений между советским, в том числе и военным, руководством и немецкими сотрудниками, да и просто жителями налаживались нормальные отношения и в быту.

Подводя итоги, Дитель пишет: «Оглядываясь назад, с сегодняшней точки зрения я уверен, что моя работа удовлетворяла русское руководство. Я всегда стремился работать прилежно и ответственно, что для маркшейдера в любых условиях является безусловным требованием».

Не менее интересны и другие воспоминания, воспроизведенные во втором томе книги «Висмут» в Мариенберге». Но особенного внимания заслуживает трагическая история молодого взрывника Хайнца Тапперта, успевшего запечатлеть свою короткую жизнь в рисунках и искренних стихах.

Хайнц Тапперт родился в апреле 1923 г. в Волькенштайне. После окончания школы обучался художественному ремеслу. Вскоре, после получения свидетельства помощника мастера, он вынужден был служить в одном из танковых соединений. После окончания войны начать работу в «Висмуте» ему посоветовал отец, который к тому времени уже был помощником руководителя шахты. Хайнц проработал взрывником в «Висмуте» до 14 апреля 1949 г. В этот день в глубоком шурфе по неизвестным причинам заложенный им заряд взорвался прежде, чем он добрался до безопасного места. После него остался

альбом с его рисунками, пояснениями и стихами.

Вот как Хайнц Тапперт описывает 10 марта 1948 г. в альбоме с рисунками свой путь в «Висмут»: «С 1945 года наше обеспечение стало катастрофическим. Я сказал себе: лучше плохая работа и лучшая жизнь, чем хорошая работа и нечего есть. С этим намерением я пошел в горное предприятие, так как там давали за подземные работы 1 карточку за тяжелый труд, 1 дополнительную карточку и карточку №4. Кроме того, была ежедневная горячая еда, 100 граммов сыра и четверть литра молока. Единственный недостаток этой работы заключался в том, что все было нормировано, так как если не выполняешь 100%, дополнительная карточка изымается. Для меня это была большая перемена — от кисти к горной машине. Главное, что и это когда-нибудь изменится, так как я не хочу всю жизнь быть горняком».

И далее следуют его чрезвычайно выразительные рисунки.

Германия лежит вся в разрухе на земле, это работа жалких идиотов. Они нам обещали рай на Земле и никогда не думали о великой гибели народов. Голод, нищета и смерть, вот, что нам приходится терпеть.

Шенбрунн, 10 марта 1948 г.

Моделью последнего рисунка мог бы быть сам Хайнц Тапперт. Погибший после своего 26-летия, он оставил двухлетнего сына Дитхельма и беременную жену Хильду, которая родила в сентябре второго сына Фолькера. Дитхельм Тапперт помог Рольфу Ланге в подготовке материалов для книги.

Горняки-ветераны снимают шляпы перед Бад-Шлемой⁴¹

XIII съезд горняков в Бад-Шлеме в этом году привлек внимание многочисленных гостей и членов традиционного объединения горняков «Висмута». Его кульминацией стало

собрание в Доме культуры «Активист». В память о жертвах рудничной катастрофы 1955 г. была открыта памятная стена. Об этом должны помнить гости и жители курорта, так как коммуна в 2008 г. получила государственную премию за культуру строительства.

Йозеф Янчик из Шнееберга, 79 лет:

— Я приехал в Бад-Шлему в 1951 году и жил здесь по 1959 год. Затем учился, позднее работал в Научно-техническом центре. Воспоминания об этом времени сплошь положительные. Солидарность между горняками была образцовой. Нам были предоставлены все возможности для профессионального роста. То, что произошло за эти годы здесь, в Шлеме, — прекрасно и грандиозно.

Манфред Хаманн из Шнееберга, 79 лет:

— Я знаю почти все шахты в этом регионе. Я работал на шахтах в Шнееберге и Обершлеме. В течение ряда лет руководил шахтой в Альбероде. Если воспоминания не были бы положительными, то я бы не гарантировал там свое пребывание в течение 44 лет. Если бы я хотел перечислить все прекрасное, то я должен бы написать книгу. Под землей ты ежедневно встречаешь что-то новое, видишь необычные минералы, испытываешь новые переживания. Конечно, мне известно, что бывает, когда ты должен передать жене и семье горняка плохие известия.

Георг Ватцик из Хемница, 78 лет:

— Съезд горняков стал для меня любимой традицией. Мы все становимся старше, поэтому все труднее приводить в порядок наши лица. Я всегда следил за развитием событий здесь, в Шлеме. Все горное оборудование уже отключено, а санация отвалов очень дорогая. О времени моей работы в «Висмуте» могу лишь сказать, что всегда с удовольствием вспоминаю его. Я дважды имел возможность учиться, и у каждого из нас всегда был шанс сделать себе карьеру.

Рудольф Мухе из Хемница, 70 лет:

— Я проработал 34 года под землей, в общем — стреляный воробей. О Бад-Шлеме я могу сказать только то, что каждый человек должен снять свою шляпу в знак уважения к тяжелому труду горняков и к тому подвигу, который они совершали все это время. Съезд горняков имеет ко мне прямое отношение: я хотел бы встретиться здесь старых товарищей, с которыми я когда-то делил свой хлеб.

Рисунки Хайнца Тапперта:

Транспортировка породы в штольне Хильфе Готтес (19 марта 1948 г.)

У входа в штольню Хильфе Готтес (11 марта 1948 г.)

Забойщик (бурильщик)

Съезд горняков в Бад-Шлеме завершился торжественным маршем, участники которого в праздничных мундирах представляли собой незабываемое зрелище.

Перевод А.М. Солодова

⁴¹ Einstige Kumpel ziehen Hut vor Bad Schlema. Freie Presse. 6.07.2009.

Вернер Рихтер

Беседа с Вернером Рихтером записана в Хемнице 4 июня 2009 г. во время его встречи с представителями общества «Висмутяне» — Г.Г. Андреевым, А.А. Андреевым, А.Г. Андреевым и А. Сергеевым.

Работа в «Висмуте» обогатила и сделала ярче мою жизнь

Вернер Рихтер, 1947 г.

Вопрос: Вернер, каков был твой жизненный путь до того, как ты поступил на работу в «Висмут»?

Рихтер: Я родился 21 июля 1930 года в небольшой деревушке в 15 км от Хемница. Отец был каменщиком (он погиб в 1944 г. в Литве), мать — крестьянкой, занималась сельским хозяйством. После окончания 4-го класса школы поступил по совету учителя в гимназию. Учеба в гимназии была платная — 20 марок в месяц. Я любил химию, проводил разные эксперименты. После окончания гимназии мне предлагали посвятить себя химии, строительству или металлургии, но я решил заниматься горным делом.

В 1949 г. я поступил во Фрайбергскую горную академию. Но вначале нужно было один год поработать на рабочих местах по три месяца в горных предприятиях: на медных рудниках Мансфельда, калийной, каменноугольной и бурогоугольной промышленности. После этого давали пять тем и вопросник, на которые ты должен ответить и описать эти предприятия. Везде я честно работал рабочим по три месяца. Выполнив все эти задания, 15 октября 1950 г. я начал свой первый семестр во Фрайбергской горной академии.

Окончив учебу в академии 26 марта 1955 г., стал дипломированным горным инженером. Темой моей дипломной работы была технология горных работ на Мансфельдском комбинате, который добывал медь из пласта толщиной 15—20 см.

Вопрос: Тебя направили по распределению на работу в «Висмут»?

Рихтер: Выпускников, как правило, отправляли на работу на народные предприятия. Но мне хотелось работать в «Висмуте». Я уже знал о больших рудниках в Ауэ. Мне было известно, что во Фрайбергской горной академии находится представитель «Висмута» Олейников и набирает желающих работать в «Висмуте». Я пришел к нему. Он сидел в отдельной комнате. Поговорил со мной, оформил бумаги и направил работать на Объект 9, который находился в закрытой зоне. Я оформил пропуск и прибыл в отдел кадров Объекта. Я хотел начать свою работу горного инженера в качестве участкового штейгера с тем, чтобы познать горное производство с самого основного его звена — проходческих и очистных работ. Но начальник отдела кадров Рихард Фишер, старый коммунист, направил меня работать на шахту №250 инженером по технике безопасности. Я не ожидал такого назначения, так как полагал, что тут должен работать опытный горняк. Но работавший на этом месте человек заболел, и место освободилось. На мои сомнения Рихард Фишер мне сказал: «Ты окончил Фрайбергскую академию — должен справиться». С 18 апреля 1955 г. я начал работать в СГАО «Висмут». На шахте меня принял начальник шахты (фамилии не помню) и главный инженер шахты Лев Васильевич Степанов, который говорил по-немецки. С главным инженером мы в дальнейшем тесно работали. Вначале я плохо говорил по-русски, но потом, шаг за шагом, освоил русский язык, что мне очень помогало в работе.

Вопрос: Что представлял собой Объект 9 тогда, в 1955 году?

Рихтер: Объект 9 (Нидершлема) становился ведущим Объектом «Висмута». На нем работало 25 тыс. человек. На соседнем Объекте 2 (Обершлема) работало немного меньше — 15 тыс. человек. Это примерно по тысяче человек на каждой шахте.

Вопрос: Что ты делал, работая инженером по технике безопасности? Какие существуют причины несчастных случаев?

Рихтер: К сожалению, несчастные и смертельные случаи были. Причины были разные. Ведь горная профессия всегда была и еще остается связанной с риском и опасностями. Например, на проходке наряду с устойчивыми и крепкими породами встречаются слабые и неустойчивые. Поэтому надо грамотно обогреть кровлю, чтобы не

было обрушений. Или — на выпуске горной массы из рудоспусков бывает, что горная масса в них зависает. И в момент, когда рудоспуск пробивают, не соблюдая техники безопасности, происходит внезапный, аварийный вывал массы.

Или — переход на мокрое бурение. Еще в 1951 г. вышел приказ о запрете «сухого» бурения и переходе на «мокрое» (с промывкой шпуров водой). А мне и в 1955 г. приходилось заставлять некоторых горняков работать с промывкой шпуров. Когда работали «всухую», стоял страшный туман от пыли. Особенно трудно горняки переходили на «мокрое» бурение на проходке восстающих и в очистных забоях при потолкоуступной выемке. Потому что вода после промывки стекала из шпуров прямо на плечи горняков, и это им, мягко говоря, не нравилось. Мы им в забоях кричали: «Смерть уже видна! Силикоз уже виден! Переходите на мокрое бурение!» Приходилось даже перекрывать шланги подачи сжатого воздуха.

Но самым страшным испытанием для меня был пожар на шахте №250. В ночь с 15 на 16 июня в слепом стволе №208бис загорелся кабель. Никто до сих пор не знает, почему он загорелся. Но потом загорелся не только кабель. Загорелась деревянная крепь в руддворе и в стволе, хотя она всегда была мокрой от шахтной воды. Тогда еще не было четкой системы аварийных планов ликвидации аварий, оповещения персонала во время аварий. Руководство пожаром было нескоординированным и неквалифицированным. Не хватало кислородных дыхательных аппаратов. Эта авария многому нас научила.

Когда я на автобусе в 5:30 утра приехал из Шнееберга, где я тогда жил, на шахту, то услышал крики: «На шахте пожар!» Прибежал на шахту, там работами руководил оберштейгер Альфред Бергер. Надо было спускаться в шахту спасать людей. Я хорошо знал план выработок и схему проветривания. Спустился в шахту. Не хватало кислородных дыхательных аппаратов. Опустившись на горизонт — 360 м, я вместе с другими горняками пробежал к слепому стволу №208бис. Ствол уже горел, это мы услышали по гулу за закрытой пожарной дверью. Оберштейгер Торндорфер и инспектор по безопасности Шмидт хотели ее открыть, но я закричал: «Ни в коем случае не открывайте! Это усилит пожар!» Еще во Фрайбергской горной академии, на учениях в Центральной горноспасательной службе в Лейпциге нас предупреждали об опасностях в таких ситуациях. К сожалению, когда мы ушли, они открыли дверь и погибли.

Потом мы подошли к слепому стволу №38бис на горизонте — 240 м. Машиниста подъемной машины и стволового сигналиста на месте нет. Убежали. И тут раздаются

сигналы с горизонта — 480 м — «Подъем людей наверх». Я спрашиваю горноспасателя, который был с нами: «Ты можешь работать на машине?» Он сел за пульт подъемной машины, а я встал на место стволового сигналиста. Подняли клеть с горизонта — 480 м, полную горняков. Один уже без сознания. Там был и начальник участка Клаус Шреер. У него почти закончился кислород в дыхательном аппарате. Лицо красное (признак отравления угарным газом). К счастью, остался жив. Я с ним потом встречался.

Мы потом еще поднимали горняков наверх, вытаскивали их на свежий воздух. Но, к сожалению, не всех удалось спасти. Погибло 33 немецких горняка и один советский инженер, работавший главным маркшейдером на шахте №208 — Малявка Марк Андреевич. Страшная трагедия. После этого случая радикально улучшили организацию работ по разработке планов ликвидации аварий, проведению аварийно-спасательных учений, работе диспетчерских и горноспасательных служб «Висмута».

Шахта №250 Объекта 9

Вопрос: Когда ты стал заместителем главного инженера Объекта 9?

Рихтер: Я еще работал инженером по технике безопасности, когда в начале 1956 г. на Объекте возникла проблема с нехваткой «порожняка» (вагонов для погрузки горной массы). Напряженный план, бригады прилагают все силы, чтобы его выполнить, а тут нет порожняка. Бригады кричат — давай порожняк! На Объекте организовали рабочую группу из инженеров шахт №13, 66 и 250 для решения комплексной проблемы транспорта (горизонтального и вертикального). Меня назначили руководителем этой группы. Мы сделали анализ состояния и дали организационные и технические предложения по улучшению работы транспорта. Это позволило кардинально решить проблему.

После этого меня в апреле 1956 г. переводят в производственный отдел Объекта старшим инженером по транспорту. В июне 1956 г. мне и моей семье (я был женат с 10 апреля

В. Рихтер (в центре), студент Фрайбергской академии

В.Я. Опланчук (справа) и Хорст Левандовски, 1966 г.

1954 г., и у нас были дети) дают двухкомнатную квартиру в Ауэ, в районе Теллерберг. До этого я снимал квартиру в Шнееберге.

Через полгода, в октябре 1956-го, меня назначают заместителем главного инженера Объекта 9. В то время начальником Объекта был Валентин Алексеевич Дзасохов, главным инженером — Николай Николаевич Боровиков из Днепрпетровска. После него стал Анатолий Васильевич Потетюрин. Оберштейгером Объекта был Феликс Герхард (позже он работал начальником 13-го отдела в Генеральной дирекции). Вскоре к Объекту 9 присоединили Объект 2. В то время начальником Объекта 2 был Владимир Яковлевич Опланчук, а заместителем главного инженера — Хорст Левандовски. По возвра-

щении в Советский Союз Опланчук многие годы руководил Ленинадским горно-химическим комбинатом в Таджикистане.

С Валентином Алексеевичем мне было интересно работать. Это был образованный горный инженер и интеллигентный человек. Вспоминаю, что когда он готовился выступать перед коллективом немецких специалистов, то советовался со мной о содержании своего доклада, интересовался, какой может быть резонанс в коллективе. И только после этого отдавал выступление на перевод. Много внимания он уделял вентиляции горных работ и борьбе с радоном. На Объекте глубина ведения горных работ быстро увеличивалась. Это вызывало сложности в организации проветривания проходческих и очистных работ, борьбе с радоном. Он был одним из инициаторов проходки вентиляционных подгоризонтов на Объекте. Дзасохов был последним советским начальником Объекта. После него в 1958 г. первым немецким начальником Объекта 9 стал Рольф Зеэман, хороший организатор и практик.

Одним из первых мероприятий, которое я провел в должности заместителя главного инженера, была организация диспетчерской службы на Объекте. Были свежи в памяти впечатления и боль от пожара на шахте №250. Еще во время своей учебы во Фрайбергской горной академии я выполнил курсовой проект «Развитие диспетчерской службы в Калииндустрии (VERRA)». Теперь он мне помог в моей практической деятельности. В 1957 г. служба горного диспетчера появилась на Объекте 9. Потом такие же службы появились и на других Объектах.

Вопрос: Когда ты перешел на работу в Генеральную дирекцию?

Рихтер: В конце марта 1961 г. меня перевели на работу в Генеральную дирекцию руководителем технического отдела. Генеральная дирекция размещалась еще в здании бывшей городской ратуши городка Зигмар-Шенау на улице Гаусштрассе, 5.

И во вторую неделю моей работы на новом месте, 7 апреля, на шламохранилище завода №101 случается авария. В 8 часов утра мне звонит главный горный диспетчер и сообщает, что из сливной бетонной трубы (6 кв. метров), проходящей по дну шламохранилища и выходящей из основания дамбы, стал внезапно вырваться шлам в реку Мульда. Всего за время аварии ушло примерно около миллиона тонн шлама.

Генеральный директор В.А. Собко был в командировке в Москве. Приказом и.о. главного инженера Общества Владимира Васильевича Михайлова меня назначают начальником ликвидации аварии. Дают все полномочия и для выездов — автомобиль «ЗиМ». Мы не знали, где внутри шламохранилища прорвало трубу. Вначале пытались перекрыть выходное отверстие трубы. Но напор был такой силы, что сносил, как пушинки все наши сооружения. Тогда решили определить расположение дырки в трубе по месту образования воронки в плотном слое пульпы шламохранилища. Ее нашли и сразу стали засыпать каменными и бетонными блоками. Для этого построили понтонный мост. В этом решающую помощь нам оказали солдаты и офицеры советского инженерно-саперного батальона из Глаухау. Они пригнали 10 «амфибий». Сотни человек из СМП-17, ПП-101, Транспортного предприятия, Проектного предприятия три дня работали, как черти, днем и ночью. Я сам постоянно находился на дамбе в маленьком домике смотрителя, куда срочно провели связь. Надо было оперативно решать множество вопросов относительно бесперебойной поставки материалов, обеспечения транспортом, контроля за водной средой, размещения работающих и их питания и мн. др.

Об этой аварии сразу стало известно в Берлине. Звонит Председатель Правительства ГДР Отто Гротеволь, а с ним никто не хочет говорить. Боятся. Пришлось говорить мне из домика на дамбе. Докладываю, что я такой-то, ответственный за ликвидацию аварии, произошло то-то, делается то-то. Я с ним встречался еще в Ауэ, когда он приезжал на Объект 9.

Было заседание Политбюро. Вальтер Ульбрихт назначил Миттага, секретаря ЦК СЕПГ, руководителем Правительственной комиссии. Начальник водного хозяйства ГДР Рохлитц следил за состоянием водной

среды Эльбы. Когда приехал Миттаг для проверки работ по ликвидации аварии, мы уже все сделали и закрыли дыру на трубе. Утечка была ликвидирована. Это было для меня второе такое тяжелое испытание после пожара на шахте №250.

В мае 1961 г. меня утвердили на правлении Общества первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут». Мне еще было только 30 лет. В общем-то маловато для руководителя такого ранга. Генеральным директором был Василий Алексеевич Собко, работали мы с ним дружно и хорошо. У меня остались о нем теплые воспоминания. Я бывал у него в гостях дома в Москве после его отъезда домой.

В октябре 1961 г. на должность Генерального директора назначили Семена Николаевича Волощука. Ему тогда было 50 лет. Он понимал, что я молодой и не очень опытный человек, но очень тактично делился со мной своим жизненным и производственным опытом. Сейчас я могу сказать, что очень рад тому, что на своем жизненном пути встретил этого талантливого человека.

Вспоминаю такой эпизод начала нашей совместной деятельности. Семен Николаевич понимал, что «Висмут» остро нуждается в квалифицированных немецких инженерных кадрах. Горных инженеров для «Висмута» начала готовить Фрайбергская горная академия. Но профессора академии не бывали у нас на предприятиях, и им нечего было рассказывать своим студентам о производственных сторонах деятельности «Висмута». Поэтому он пригласил несколько ведущих профессоров академии и поручил мне ознакомиться их с основными сторонами нашей работы и в дальнейшем поддерживать с академией постоянные контакты.

В один из приездов министра Ефима Павловича Славского мы вместе с ним посетили выдающегося ученого фон Арденне²⁹ и его институт в районе Вайсер Хирш в Дрездене. Это была интересная и незабываемая встреча с такой яркой личностью, как фон Арденне. В 1945 г. он добровольно изъявил желание работать в Советском Союзе по атомной проблеме и написал об этом письмо Сталину. Ему организовали научно-исследовательский институт в Сухуми. Он автор многочисленных крупных изобретений, получивших мировую известность, в их числе электронный микроскоп и подушки безопасности для автомобиля. За свои достижения он был отмечен высокими правительственными наградами Советского Союза.

Вопрос: Какие еще важные события и

²⁹ Манфред фон Арденне (Manfred von Ardenne; 1907—1997) — нем. физик, исследователь и изобретатель. Во время Второй мировой войны возглавлял частную исследовательскую лабораторию в Лихтерфельде. В 1945 г. по предложению НКВД уехал работать в Советский Союз.

люди тех лет в «Висмуте» тебе вспоминаются?

Рихтер: Мы в то время (1962 г.) интенсивно занимались перерабатывающим заводом №102 в Зеллингштедте. Он был построен, но еще не достиг своей проектной мощности и показателей. Проект делало наше Проектное предприятие по технологии, разработанной институтом Советского Союза. Главным инженером проекта был Валерий Петрович Шулика. Строили завод наше СМП-17 и народные предприятия ГДР. Председателем правления Общества тогда был Курт Грегор. Когда я обращался к нему с просьбой ускорить поставки материалов и оборудования, он меня ругал, что я хочу все очень быстро получить. Завод нам вскоре удалось вывести на проектную мощность и достичь высоких показателей извлечения урана из бедных руд. Большой вклад в эту работу внесли советские специалисты А.И. Антосиков, Ю.А. Корейша, В.С. Семенов и бригада сотрудников из ВНИИХТа и ПромНИИ-проекта.

Главным инженером завода №102 в то время был Юрий Александрович Корейшо — грамотный, творческий инженер, имевший авторитет в коллективе. Спустя несколько лет я встречался с ним в Прикаспийском комбинате (г. Шевченко), где он работал его руководителем. Наша делегация приезжала для ознакомления с опытом подземного выщелачивания.

Вернер Рихтер и Валентин Никанорович Богатов (1965 г.)

В. Рихтер и специалисты 9-го отдела ГД и перерабатывающего завода №102 на проводах Ю.А. Корейшо (внизу в центре) 29 января 1966 г.

Здесь им был создан новый мощный источник ионов для масс-спектрометра для анализа смесей изотопов урана. В 1955 г. фон Арденне разрешили вернуться в ГДР. С этого года он директор научно-исследовательского института в Дрездене.

Б.К. Середя и В. Рихтер после награждения орденами СССР (1966 г.)

Еще была борьба с эндогенными пожарами пиритосодержащих урановых руд на Роннебургском рудном поле. У нас было по несколько десятков пожаров в год на рудниках Шмирхау, Пайцдорф и Ройст. Для борьбы с ними применяли технологию заиливания, которую помогали внедрять специалисты уральского института «Унипромедь» и особенно главный инженер Общества Борис Константинович Середя. Очень знающий, деловой и спокойный человек.

Помню Виталия Николаевича Смирнова, Александра Витальевича Балдина, которые помогали разрабатывать и внедрять систему отработки рудных тел

слоями под твердеющей закладкой, которая радикально решила проблему с эндогенными пожарами.

На Объекте 9 я много работал с Дзасоховым по вопросам организации вентиляции и борьбы с радоном.

Потом на месторождении Нидершлема-Альберода, в условиях увеличения глубины ведения горных работ и повышения температуры горных пород до 65 градусов по Цельсию, работали с академиком А.Н. Щербанем и его сотрудниками: Виленом Черняком и Константином Гербутом из института теплофизики в Киеве. Совместно с Проектным предприятием и НТЦ разработали уникальную систему кондиционирования воздуха для глубоких горизонтов, состоящую из поверхностных и подземных стационарных холодильных комплексов и сотен передвижных холодильных установок в забоях.

По роду своей деятельности в Генеральной дирекции мне приходилось участвовать в официальных встречах разного уровня.

Так, например, наша делегация «Висмута» на съезде СЕПГ, на котором в качестве гостя присутствовал Никита Хрущев, попросила встретиться с ним. Он встретился с нами, поговорил и, когда забойщики попросили автограф, охотно дал его каждому из нас.

На одном из торжественных приемов в посольстве СССР посол П.А. Абрисимов познакомил С.Н. Волощука и меня с Л.И. Брежневым. Это было буквально за пару недель до того, как он стал Генеральным секретарем КПСС.

Ну и конечно я встречался с руководством ГДР — Вальтером Ульбрихтом, Отто

Гротеволем, Эрихом Хонеккером, Альфредом Нойманном и другими руководителями, которые имели отношение к деятельности «Висмута».

Среди неофициальных встреч вспоминаю приезд в «Висмут» советского писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с супругой. Его тепло приветствовали трудящиеся во Дворце культуры «Висмут» в Зигмаре (Пельцмюлле). Вечером М.А. Шолохова с супругой принимал С.Н. Волощук. Как память о той встрече у меня хранится двухтомник «Тихого Дона» с дарственной надписью автора.

Кроме таких встреч с известными политическими и общественными деятелями, мне посчастливилось встретиться во время моей деятельности в «Висмуте» со многими прекрасными людьми, работа и общение с которыми доставляли мне большое удовольствие. И я благодарен судьбе за это.

Вопрос: Что тебе нравилось, а чем ты был недоволен, работая в «Висмуте»?

Рихтер: Для меня, тогда молодого человека, избравшего профессию горного инженера, работа и жизнь в «Висмуте» была очень интересной и содержательной. Коллективу «Висмута» пришлось столкнуться со многими сложными инженерно-техническими проблемами, в решении которых я также принимал участие. И это мне нравилось. Я встретил много интересных и хороших людей, как немецких, так и советских. Это значительно обогатило и сделало ярче мою жизнь.

Чем я был недоволен? Конечно тем, что случались аварии и трагические случаи. Теми неудобствами, которые приносила населению деятельность предприятий. Но это горное дело. И оно всегда, во всем мире, к сожалению, сопряжено с опасностью и риском. И даже с развитием науки и техники избежать этого не удастся.

Но больше всего мне нравится то, что в нашем Обществе «Висмут» между людьми утвердилось чувство коллективизма, товарищеской взаимопомощи и поддержки, уважения к честному труду. Что мы, представители двух народов, которые пережили страшную войну, смогли понять друг друга, уйти от взаимной вражды и перейти к сотрудничеству и доверию.

И я очень рад, что молодое поколение советских висмутян, объединенное в организацию «Висмутяне», продолжает традицию своих отцов и дедов.

Воспоминания о моем почти сорокалетнем времени в «Висмуте»³¹

Мне, как и другим выпускникам вузов и университетов в 1958 г., не удалось начать работать в выбранном месте, каковым была бы должность ассистента одного из признанных представителей ученого мира в области горных наук. Было сказано, что мне государство годами платило стипендию, а теперь пришла моя очередь ответить взаимностью и пойти работать туда, где я был нужен государству. В данном случае на один год в СГАО «Висмут».

1 сентября 1958 г. я приступил к работе в качестве ассистента/помощника заведующего производством на шахте №366 в Альбероде Объекта 9 в Ауэ. Меня приставили к начальнику шахты Лео Риттеру; пришлось пройти практически через все отделы на шахте и поработать, в частности, у советского главного инженера. При этом произошла первая стычка — он считал, что мы должны объясняться по-русски, поскольку я почти десять лет учил русский язык. Так оно и было, однако, к сожалению, говорить по-русски я не мог.

После года работы в качестве ассистента на шахте №366 меня вызвали в отдел кадров, где было сказано, что СГАО «Висмут» по-прежнему во мне заинтересовано, а по-сему не даст своего согласия на уход с предприятия.

Меня перевели в управление Объекта 9, где я вновь заступил на место ассистента сначала в отделе капстроительства, затем в плановом отделе и наконец в производственном отделе. Всеми отделами руководили советские сотрудники. Многие немецкие коллеги говорили или, по крайней мере, могли объясняться по-русски. Так начался и для меня нелегкий путь освоения русского языка.

Первый небольшой прогресс в этом направлении был отмечен моим тогдашним руководителем, начальником отдела капстроительства Соколовым, и начальником технического отдела Фроловым, который впоследствии стал главным инженером 3-го управления. Работа непосредственно в техническом отделе требовала умения объясняться между собой, так как в то время в отдел пришли новые советские сотрудники, в частности Слава Жильцов, ставший затем главным инженером ГДП-9, и Саша Богдан. Им тоже пришлось изучать язык, в данном случае немецкий, при этом мы помогали друг другу и сдружились между собой. Со Славой Жильцовым дружеские узы связывали нас вплоть до 1990 г., когда он завершил работу в «Висмуте».

³⁰ Перевод с нем. Ю.М. Найденко.

³¹ Перевод с нем. Е. Субботина.

Д-р Рольф Гребнер

Сотрудничество с советскими коллегами на Объекте 9 в период до 1965 г. носило преимущественно деловой характер. Хотя порой мы и придерживались различных взглядов на отдельные вопросы и пути их решения, тем не менее в целом мы стремились к нахождению единых точек зрения.

В 1965 г. я перешел в 3-е управление СГАО «Висмут» в Зигмаре, дабы иметь больше времени для подготовки диссертации, которую я писал в Горной академии Фрайберга во внеплановом порядке.

На этом предприятии начался совершенно новый этап моей работы. Я был направлен в специальный отдел, задачей которого было составление технико-экономических оценок освоения новых месторождений, участков и каскадов, а также новых технологий и комплексов на перерабатывающих предприятиях. Начальником отдела был Герой Советского Союза Аникин, человек, который был вхож повсюду. Я был единственным немецким сотрудником отдела.

Для меня это было нелегкое время, но тогда я многому учился не только в профессиональном плане, но и в плане сотрудничества с советскими коллегами.

После проведенной реорганизации на базе 3-го управления были созданы Проектное предприятие и НТЦ, а наш 313-й отдел (технико-экономический отдел) вошел в Проектное предприятие с подчинением советскому главному инженеру. В этом подразделении я проработал вплоть до 1989 г. заместителем начальника (должность начальника отдела была советской штатной единицей) с перерывом на работу в Генеральной дирекции в 1968—1969 гг.

В это время я работал со многими советскими сотрудниками различной национальности, некоторые из которых были моими непосредственными коллегами дважды по 3—4 года и дольше. Вспоминаются А.Д. Козлов, д-р³² А.А. Громыко, д-р В.Г. Иванов, д-р Я.П. Ильченко из отдела, а также междисциплинарное сотрудничество с главными инженерами предприятия Дундуковым и Лопатиным, главными инженерами проектов Марцевым-старшим и Марцевым-младшим.

Сотрудничество с советскими коллегами в отделе привело с годами к дружеским, даже семейным отношениям, хотя это и не нравилось органам безопасности.

Высокий уровень образования сотрудников отдела способствовал постоянному совершенствованию профессиональной деятельности. Первоначально простые оценки предмета рассмотрения становились во

Р. Гребнер

Слева направо: А.Д. Козлов, М. Михайлович, Г. Вайсфлог, Р. Гребнер, А.А. Громыко, Г. Пельц, Г. Шпиндлер, Г. Гюннель

все большей мере развернутым анализом технико-экономических обоснований и проектных заданий по целым горнодобывающим предприятиям, в частности по ГДП «Кенигштайн», ГДП «Беервальде», ГДП «Ауэ» и ГДП «Дрозен», технологическим комплексам, например на ПП-102.

Решение таких комплексных задач требовало не только тесного взаимодействия немецких и советских сотрудников отдела, но и сотрудничества со специалистами смежных структур.

Весьма масштабные работы, занимавшие порой значительные периоды времени, выявляли, разумеется, и различные представления о решении поставленных задач. При этом нередко находили выражение различные точки зрения и замыслы, касающиеся глубины прорабатываемых документов, количества и качества значимых технико-экономических показателей.

По мере совершенствования плановой работы в СГАО «Висмут» более развернуто проводились многочисленные варианты исследования по отдельным горнопромышленным участкам и каскадам в пределах месторождений.

Все исследования и расчеты, касавшиеся основного продукта — «металла» (синоним урана) — квалифицировались как секретные, поэтому к этим работам привлекался лишь весьма узкий круг немецких сотрудников. При этом нередко находили свое проявление различия в подходах немецких и советских специалистов — структурированных, плановых, оптимальных и быстрых, нацеленных на результат.

В ходе этих работ было немало расхождений между немецкими и советскими кол-

легами, но в конечном итоге руководству представлялся совместный «продукт», поэтому споры и дискуссии в деловой и профессионально здоровой атмосфере шли до тех пор, пока не вырабатывалась единая точка зрения.

Такой характер сотрудничества в течение многих лет способствовал формированию у меня уважения и доверия к советским коллегам, и я полагаю, что это было взаимно.

Но жизнь определялась не только работой. Немецкие и советские сотрудники проводили множество совместных мероприятий. Вспоминаются праздники 1 Мая, 7 Октября, дня Октябрьской революции (7 ноября). Отмечали все круглые и полукруглые даты дней рождения.

Праздники по случаю убоя свиньи, ежегодно проводимые в течение многих лет совместно с 302-м отделом, были яркими событиями, в ходе которых каждый мог продемонстрировать свои способности (нарезка мяса, набивка колбасных батонов, порционирование и т.д.). При этом много пели и танцевали, и не делалось различий между немецкими и советскими семьями.

Одному своему советскому коллеге я благодарен в особенности — д-ру В. Мельниченко, начальнику отдела проветривания и кондиционирования в НТЦ СГАО «Висмут». Он был моим научным руководителем при защите диссертации в Горной академии Фрайберга в 1969 г. и членом аттестационной комиссии. Тема диссертации с самого начала была квалифицирована как по меньшей мере секретная, а посему лишь немногие профессора Горной академии были допущены к защите, там больше было специалистов СГАО «Висмут» с допуском к секретной информации.

Радикальный поворот в нашей совместной работе произошел в 1987—1988 гг., когда была поставлена задача рассмотреть варианты выделения нерентабельных подразделений «Висмута». Эти задачи становились все объемнее и настоятельнее, и впервые за все время в «Висмуте» я, как и многие немецкие и советские коллеги, задался вопросом, что будет с предприятием далее.

Обстановка в бывшей ГДР характеризовалась стремительным развитием событий, а когда СССР, будучи получателем конечной продукции, прекратил ее приемку, конец добычи урана был предрешен.

В заключенных летом 1990 г. политических и экономических соглашениях между ФРГ и СССР были определены дальнейшие задачи СГАО «Висмут».

В конце 1989-го — начале 1990 г. акцио-

³² Слово «доктор» в немецком языке применимо как к кандидату, так и к доктору наук (прим. переводчика).

нерное общество «Висмут» было реорганизовано, на базе предприятий были созданы подотраслевые сектора. Горнодобывающие и перерабатывающие предприятия, а также железнодорожный цех были объединены в горнопромышленный сектор. Меня назначили одним из четырех директоров этого сектора, основная задача которого в то время состояла в разработке концепции сокращения и завершения производства для каждого предприятия, переводе многих безработных горняков в общество содействия трудоустройству, представлении федеральному правительству обоснованной оценки предположительных затрат средств и времени на свертывание работ и последующую ликвидацию комплексов и установок.

Более чем за 40 лет деятельности в СГАО «Висмут» было расформировано немало предприятий и Объектов, накоплен определенный опыт в этой области, тем не менее новые задачи в качественном и количественном отношении превосходили все работы, выполненные до сих пор.

В этот период мы еженедельно проводили уезжавших советских коллег на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях, в научных учреждениях и Генеральной дирекции. Многие из них даже не знали, какими будут их профессиональные перспективы на родине.

У тех, кто — как я — долгие годы работал вместе с советскими коллегами, на проводах щемило душу.

Под руководством горнопромышленного сектора СГАО «Висмут» в тесном междисциплинарном взаимодействии с остатками НТЦ, Геологического предприятия, Проектного предприятия и нарастающего числа консультационных фирм нам удалось уже летом 1991 г. представить в Министерство экономики ФРГ развернутую концепцию завершения производства всех горнодобывающих и перерабатывающих предприятий с оценкой требуемых затрат в размере 13 млрд немецких марок. Концепция насчитывала более 2000 страниц.

Эти комплексные разработки послужили основой подписанного 16 мая 1991 г. соглашения между правительствами ФРГ и СССР о прекращении деятельности СГАО «Висмут», где было отмечено, что советская сторона передает свою долю, составляющую 50 процентов движимого и недвижимого имущества Общества «Висмут», безвозмездно германской стороне по состоянию на 31 декабря 1990 г. (статья 1).

В статье 3 было отмечено, что с завершением деятельности СГАО «Висмут» СССР освобождается от компенсации всех возникающих расходов на рекультивацию земельных участков и их реабилитацию в связи с

прекращением геологоразведочных работ, а также закрытием горнодобывающих и перерабатывающих предприятий.

В декабре 1991 г. соответствующим законом ФРГ СГАО «Висмут» было преобразовано в общество с ограниченной ответственностью (ГмбХ) по германскому законодательству, таковым оно и продолжает свою работу сейчас.

Федеративная Республика Германии, будучи владельцем общества, взяла на себя обязательство о выделении средств в размере 13 млрд марок на работы по закрытию производств, создав тем самым предпосылки государственного финансирования «Висмут ГмбХ» как организации на бюджетной дотации.

В «новый» «Висмут» меня взяли начальником одного из главных отделов в управлении фирмы, где вплоть до ухода на пенсию мне довелось участвовать в решении многих новых интересных задач.

6 октября 1993 г. в Хемнице состоялось учредительное собрание «Объединения по содействию, сохранению и изучению традиций саксонско-тюрингской урановой промышленности».

Цель и назначение объединения состояли не только в сохранении, изучении и наглядном представлении культуры и традиций саксонско-тюрингской урановой промышленности, но и в более тесном приобщении многих бывших висмутян, которые с происшедшими преобразованиями

У меня дома. Слева направо: моя жена Хельга, г-жа Козлова, г-жа Громыко, А.Д. Козлов, А.А. Громыко

Проводы Я.П. Ильиченко и его супруги Нины

Слева направо: Р. Гребнер, Э. Кринке, Г.Г. Андреев, С.П. Левчик на встрече в 2008 г.

уже не работали на фирме, к новым задачам их бывшего предприятия.

Известные висмутяне были выбраны в правление объединения, в частности бывший директор ГДП-9 Кристоф Рудольф, заместитель директора ГДП «Шмирхау» по техническим вопросам д-р Рудольф Дейнеке. Выбрали в

правление и меня.

В прошедшее с тех пор время под руководством правления были созданы четыре региональные группы объединения в г. Ауэ, Восточной Тюрингии, Хемнице и Банневице.

В 1994 г. был поднят вопрос о составлении летописи СГАО «Висмут», что связано с федеральным законом о горной промышленности, предписывающим в статье 53 (2) составление хроники каждого горного предприятия в рамках плана закрытия производства.

Перед «Висмут ГмБХ» встала колоссальная задача. Под руководством Роланда Проккопа, бывшего директора ГДП «Шмирхау» и нынешнего руководителя региональной группы объединения в Восточной Тюрингии, к работе были привлечены многие бывшие сотрудники СГАО «Висмут» и члены объединения висмутяне. В 1999 г. летопись, написанная при участии 116 авторов, была представлена общественности.

И для меня было само собой разумеющимся внести свою лепту в этот масштабный труд.

Беседа с Карлом Файерером

(Проведена Г.Г. и А.Г. Андреевыми в Зигмаре в июне 2009 г., беседа проходила на русском языке.)

Андреев Г.Г. (А.Г.Г.): Карл, расскажи о начале своей трудовой деятельности.

Карл Файерер (К.Ф.): Работать я начал в еще 1942 г. 15-летним парнем в забое угольной шахты, сразу после окончания 8-летней школы. Но вскоре меня призвали в армию и направили на Восточный фронт, где я был тяжело ранен в ногу и попал в плен. В плену меня вылечили и, как инвалида, в 1945 г. отправили домой.

Дома опять начал работать на шахте. Но уже в забое работать не мог, так как плохо работала нога. Я переквалифицировался в слесари. В 1947 г. в ГДР был объявлен при-

После политических преобразований в стране мы, члены правления объединения бывших горняков, стремились к представлению имиджа СГАО «Висмут» на конструктивной основе.

В 1996 г. был открыт мемориал в память о горняках «Висмута» в г. Бад-Шлема. Актуальными были и остаются коллоквиумы по горнопромышленной тематике и прежде всего по вопросам деятельности «Висмут ГмБХ».

Проработав около 40 лет на предприятии, я ушел на пенсию 1 июля 1997 г. Всего один год я собирался поработать на этом предприятии. Ныне храню память о многих решенных, порой непростых задачах и в особенности о сотрудничестве между немецкими и советскими коллегами.

Сейчас, в 2010 г., меня связывают с «Висмут ГмБХ» лишь немногие контакты в связи с участием в работе объединения бывших висмутяне.

Однако и в течение этих десяти лет я поддерживал связь не только с бывшими немецкими, но и — по телефону — с российскими коллегами по работе.

Примечательной в этом плане была встреча с российскими горняками в 2008 г. в гостинице «Висмут-Хаус», бывшем Советском клубе.

Глюк ауф!

Д-р Рольф Гребнер

Р.С. В феврале 2012 г. из Германии пришла скорбная весть — наш друг, ветеран «Висмута» Рольф Гребнер (Rolf Grübner) скоропостижно скончался. Для всех, кто работал с ним и знал его, он останется в памяти как отзывчивый и добрый товарищ, высококлассный специалист-проектант и пылкий ученый-исследователь. (От сост.)

зыв — «молодежь должна учиться». Я пошел учиться на рабфак и проучился два года. По его окончании получил аттестат зрелости и смог поступать в высшее учебное заведение. В 1949 г. поступил на учебу во Фрайбергскую горную академию. После первого семестра меня включили в группу, которую направляли на учебу в Советский Союз. Я, конечно, согласился, так как хотел учиться на машиностроителя горных машин. Но когда мы приехали в Москву, мне вдруг объявили, что я буду учиться на геолога. Я отказался и хотел было уехать, но меня вызвали в посольство, пропесочили и объяснили, что я должен учиться на геолога в Ленинградском горном институте.

Было интересное время и много со-

бытий. Умер Сталин. Была амнистия. Выпустили много уголовников. Первыми лицами стали Маленков и Булганин. Потом появился Хрущев-кукурузник. В институт вернулись несколько профессоров, которых отправляли в ссылку на Север, в Норильск. Их встречали с триумфом. Потом читали нам закрытое письмо о докладе Хрущева на съезде. Я присутствовал, меня пропустили туда, и я все видел и слышал. Была очень бурная реакция на это письмо. Бюст Сталина, стоявший на втором этаже главного входа, сбросили с пьедестала.

А.Г.Г.: Карл, когда ты начал работать в «Висмуте»?

К.Ф.: По возвращении в ГДР после окончания в 1957 г. Ленинградского горного института по специальности «Геология и разведка рудных месторождений» я должен был приехать в Геологический комитет в Берлине. Они не очень доброжелательно встретили, так как хотели направить меня на побережье Балтийского моря для подсчета запасов россыпных месторождений, а я хотел работать на рудниках. Я поехал в Хемниц, где пошел в «Висмут» к генеральному директору Василию Алексеичу Собко и сказал, что я геолог, окончил ЛГИ, и хочу работать в «Висмуте». Он мне ответил: «Добро пожаловать в «Висмут», — снял телефонную трубку и позвонил в отдел кадров, чтобы меня оформили на работу. Правда, мне еще по почте приходили из Геологического комитета запросы, почему я не поехал работать на Балтику. Но наш отдел кадров их успокоил, что я работаю в «Висмуте».

Я начал работать участковым геологом в Ауэ на шахте №207. Там геологом работал кандидат наук Юрий Константинович Речкин. Потом меня перевели в камеральную группу, откуда через год забрали в Хемниц, в Генеральную дирекцию. Работая в Ауэ,

я встречался с Кремчуковым. Потом и в ГД я беседовал с ним о перспективах разведки. Он мне говорил, что мы уже в основном в ГДР все разведали, знаем, где что лежит и дал указание, чтобы поисковые работы сократить.

А.Г.Г.: Получается, что Кремчуков ошибся?

К.Ф.: Да. И крепко. Но потом он мне при встречах говорил: «А что, я тебе уже давно говорил, что и где нужно делать». Правда, Волощук его поставил на место.

Ну так вот. Средства на поисковую геологоразведку уменьшили. А у меня работал геолог Зигфрид Ойльшлегель. И мы в начале 1962 г. предложили ревизовать все кернохранилища, которые находились на территории ГДР. Начали работу с севера, со Шверина. Там были кернохранилища нефтедобывающих предприятий. Керны с больших глубин, и мы в мезозое нашли активные горизонты в фосфоритах. Это была первая ласточка. Потом мы ревизовали Мансфельд. Последнее кернохранилище было во Фрайберге, которое размещалось в каком-то старом замке. И вот оттуда мне звонит Зигфрид и говорит: «Карл! Я нашел активную аномалию». «Где?» — «Отто Мюлле, район Кенигштайн». Я пошел к Кириллу Петровичу Яценко, главному геологу «Висмута», и говорю: «Кирилл! Мы нашли активную зону под Кенигштайном». Он говорит: «Не верю». На следующий день Кирилл, Горшков, главный геофизик, и я поехали на Оттомюлле. И действительно, на глубине 37,2 метра, как задокументировано, нашли интервал с содержанием 0,25%. После этого все буровые станки перебрали туда и стали бурить по сетке 50 на 100 метров. Набросились, как волки на добычу. Потом приехал Зонтов, посмотрел материалы и сказал, что так бессистемно нельзя работать. Давайте делать доскональную разведку. Начали

Шахта №207 Объекта 9

от Бад-Шандау и окончили около Мейсена. Проложили профили, которые прошли через 3,2 км перпендикулярно к Эльбе и вдоль нее на расстоянии 800 метров между собой. Таким образом, создали обширную геологическую сеть. Но хороших результатов не было. То есть аномалия, то ее нет. Подходило время закругляться. И вот предпоследняя скважина №1501, она была в районе питомников, попадает в руду с несколькими процентами содержания. Оказалось, что в этой ячейке 3,2 км на 800 метров как раз и лежит месторождение Кенигштайн, а мы зацепили только его маленький край. Ну потом, конечно: «Ура!» Там все оказались первооткрывателями, а нас двоих (К. Файерер и З. Ойшлегель) забыли. Другие получили ордена и премии. Но С.Н. Волощук и Кирилл Яценко нас поддержали, они были просто в восторге от нашей работы.

В.П. и А.М. Назаркины в гостях у Карла Файерера

Потом мы начали детальную разведку. И в это время поступает жалоба на «Висмут» в Совет Министров ГДР. В районе Кенигштайна есть источник воды, который снабжает небольшую фабрику по производству фотобумаги высокого качества. И если «Висмут» засорит эту воду, то эта бумага потеряет свое качество и

превратится в туалетную. Пришлось доказывать, что мы эту воду не изменили, и она такая же, как и десятки лет назад. Потом пришлось проходить шахту №387. И ее надо было так заложить, чтобы ее не было видно с крепости Кенигштайн, и она не отпугивала туристов. Там нам много чего пришлось сделать для сохранения экологии. Тогда председателем правления был К. Грегор из Плановой комиссии ГДР, который мне грозил пальцем и требовал, чтобы на Кенигштайне не было никаких экологических нарушений. Но все обошлось.

Потом мы восстанавливали Фрайталь. Фрайталь вначале был в «Висмуте», но потом, в связи с тем, что извлекать уран из этих бурых углей было тяжело, его передали народному буроугольному предприятию, поставляющему уголь как топливо ТЭЦ. Но вскоре пришло письмо из Совета Министров ГДР, где говорилось о том, что окрестности вокруг ТЭЦ, потреблявших этот уголь, засоряются радиоактивной золой, вылетающей из труб ТЭЦ. «Висмут» по-

слал геологов и геофизиков ревизовать запасы Фрайталя. Выяснилось, что на пятом горизонте угольный пласт имеет хорошее содержание урана. Поэтому Фрайталь снова передали «Висмуту», который отрабатывал его до своего закрытия в 1990 г.

А.Г.Г.: Тебе пришлось поработать со многими главными геологами «Висмута»?

К.Ф.: Я начал работать с Кремчуковым, потом были Яценко, Данильянц, Портнов, Данилов и в заключение Гусаков.

Я припоминаю, как ты пикировался с Юрой Даниловым по поводу одного документа и не хотел его подписывать. Я пришел к тебе с компромиссным предложением, и ты согласился с ним, мы подписали с тобой этот документ и тут же его «обмыли». Я пошел к Юре и сказал, что инцидент исчерпан.

А.Г.Г.: Но, честно говоря, мы с Юрой дружили, семьями дружили. Он очень порядочный человек. А спорили мы с ним из-за запасов и их неподтверждения, которые стали все чаще проявляться в последнее время. Вы, геологи, рисуете рудные тела, а мы, горняки, пробиваемся к ним выработками, а там дуля.

К.Ф.: Юра Данилов был очень честный человек. Переживал за геологоразведку. В свое время была сделана ошибка, когда с каждым годом уменьшали финансирование геологоразведки. Если раньше, допустим, на определенный разведываемый участок давали финансирование на десять скважин, и можно четко было сказать, где и что лежит, то потом стали давать наполовину меньше. Отсюда — какая точность? Вот он и переживал.

Знаешь, что очень жалко? Это то, что вам (советским) официально не разрешали иметь тесные связи с немцами.

А.Г.Г.: Но мы все равно имели дружеские отношения со своими товарищами по работе, с их семьями. Ну как ты можешь работать, если не знаешь своего коллеги, не имеешь с ним нормальных человеческих отношений?

К.Ф.: Я со своими советскими и немецкими сотрудниками устраивал у себя даче в Рабенштайне совместные посиделки. Жарили шашлык, варили плов, рассказывали разные истории, выпивали, конечно. В общем, весело было и душевно. А потом спокойно шли домой, каждый своей дорогой.

Еще жаль, что нашим детям (советским и немецким) не разрешали расти в совместных детских садах. Мы не раз ставили этот вопрос, но, к сожалению, не получили добро.

А.Г.Г.: Карл, а ты помнишь первые годы истории «Висмута»?

К.Ф.: Я помню, как все стремились работать в «Висмуте». Потому, что ты по-

лучал литр густого горячего супа в день, получал дополнительные продуктовые карточки, талоны на обувь и одежду. В те послевоенные годы все хотели работать. Этому способствовала система прогрессивного премирования, которая щедро оплачивала добросовестный труд. Были еще дополнительные продовольственные пайки («сталин-пакеты») тем горнякам, которые перевыполняли свои нормы. Была еще одна премия — давали ежемесячно 5 литров водки («висмут шнапс»). Горняки, смеясь, называли ее «кумпель тод» («смерть горняка»). Это была очень ценная штука, так как за нее можно было выменять другие вещи (например, краску или одеяло, или что-либо другое).

А.Г.Г.: Карл, а тебе не приходилось встречаться с геологической группой С.П. Александрова?

К.Ф.: Я его не видел, но я читал его заключительный отчет.

Потом во Фрайбергскую горную академию пришли русские специалисты, собрали группу немецких геологов — Шумахера, Эльснера и других, которые в 1945 г. написали 12-томный труд «Металлические ресурсы Германии». Этот труд находится в архивах «Висмута». Одна часть (три тома) была у меня. После 1990 г. я передал ее в архив «Висмута». Написан отчет на очень плохой газетной бумаге. В отчете говорится, что кое-какие запасы урана есть в Иоганнсгеоргенштадте и Шнеберге. То есть они ничего толком не знали о будущих урановых находках.

Несколько слов о том, как открывали Нидершлему.

Мы начинали разведку в Обершлеме. Потом развернули работы на Нидершлему. И это был очень большой риск, потому что никто ничего не знал. Академия наук и Дударин со своей группой сказали, что уран уходит на глубину только до 400 метров, учитывая эрозию Рудных гор. Глубже урана нет. Но все-таки прошли один ствол и один советский геолог, Альберт Дьяконов, предложил пройти выработку из нижнего горизонта дальше на север. Он сильно рисковал, так как тогда просчеты не прощали.

Но он оказался прав. Вначале пошли нарушения Унион, Леонард, потом Эрла, потом прошли еще дальше — пусто. Но он настоял, чтобы прошли еще дальше. Потом пересекли мощную жилу, назвали ее «Глинная», потому что там глина была. Прошли еще 20—25 метров и появилась мощная урановая смолка. Так открыли Нидершлему. А потом пошли горизонты —360, —540 метров. По идее надо было пройти сразу вниз и провести разведку, а затем подниматься вверх. Но тогда нужен был уран. Поэтому, как только геолог обнаруживал активность,

то рядом за его спиной уже стоял горняк, чтобы добывать руду.

Несколько слов в продолжение истории с находкой месторождения Кенигштайн. К нам в «Висмут» приехали чехи — Ружечка, Брандашов. Я им показал геологию Кенигштайна. После этого они начали поиски у себя. Потом мы еще год встречались, то у них, то у нас. Обменивались результатами по геологии, по специфике ведения геологоразведки. И вот вдруг звонит мне Брандашов и говорит мне: «Все, что у тебя в Кенигштайне, — это ерунда. У тебя лежит пуговица, а пальто находится у нас». Так они открыли Гамр.

А.Г.Г.: Но пуговица оказалась золотая. Если бы вы не нашли эту пуговицу, не нашли бы пальто.

К.Ф.: Да, действительно, Гамр был раз в десять больше Кенигштайна.

А.Г.Г.: А как вы организовали производство алмазных коронок?

Производство коронок организовывали я и Вольфганг Шлике из ЦГП. Мы сделали небольшой участок по производству алмазных коронок в Шлеме. Дело в том, что алмазные коронки, которые мы получали из Союза, плохо держали алмазы и не отрабатывали нужное время. Мы электролитическим путем извлекли остатки алмазов и хотели сдать их обратно в Союз. Но обратно сдать не удалось; как сказал Кремчуков — что продано, то продано. Поэтому мы решили использовать их для изготовления алмазных буровых коронок у себя в «Висмуте». Получили окольным путем документацию американской фирмы на технологию производства алмазных буровых коронок.

Организовав производство наших алмазных коронок в Шлеме, мы обеспечивали не только полностью потребность «Висмута», но и продавали в Венгрию. Для производства использовали рекупированные алмазы из отработанных алмазных коронок. Потом закупили алмазы через фирму «Де Бирс» в Амстердаме и внешнеторговую организацию «Интрак» в Берлине. Через фирму «Интрак» мы сделали заявку на алмазы от «Висмута». Торговцы фирмы «Де Бирс» были приглашены в Берлин, они показали нам свои образцы алмазной продукции. Мы посмотрели их, какие у них кристаллические формы, свойства и определили, какие образцы нам нужны и их объемы поставки. Фонды на приобретение мы получили от Хорста Камински (председателя правления Общества и президента Банка ГДР). По просьбе машиностроительной промышленности мы сделали правильный инструмент для шлифовальных дисков. Мы его изготовили и продавали, так что «Висмут» еще получил деньги обратно.

Хорст Йобс

Выступление на встрече с представителями НП «Висмутяне» в 2009 г.

Хорошо, что мы встретились после стольких лет перерыва. После поворота (объединение Германии) сложность ситуации состояла в том, что было много разговоров о «Висмуте», об участии определенных персон в его работе, что они должны были упрекать себя за это и извиниться за то, что работали в «Висмуте», что мы должны были осудить германо-советскую дружбу. Эти суждения тяжело было переносить. Особенно мне. И у меня даже пропала надежда, что я поделюсь своими переживаниями с кем-нибудь. Это прекрасно, что мы сегодня встретились и увидели друг друга, и я надеюсь — не в последний раз. Нужно понимать, что тот, кто так же как и я, проработал всю свою жизнь в «Висмуте» и сформировался как личность, не может в течение нескольких дней, недель и даже лет пересмотреть свою жизнь и отречься от всего этого.

Телеграфным стилем я расскажу о начале своего трудового пути. Я завершал учебу в инженерной школе. Моя инженерная выпускная работа была посвящена переработке шпатов. В министерстве в Берлине прочитали мою работу и предложили поехать через год после окончания учебы на строящееся предприятие Беренфельс по переработке шпатов на границе с Чехией. Там якобы обнаружили большие запасы шпата и собирались построить рудник и обогатительную фабрику, на которой мне предлагали работать. Но год после окончания учебы (1956-й), мне надо было где-то работать. Представители «Висмута» были в школе и приглашали поехать к ним на работу. Многие, как и я, приняли это предложение. С 15 августа 1956 г. я начал работать в «Висмуте» на обогатительной фабрике №59 (Гиттерзее, Объект 96). В течение года я работал на этой фабрике, занимая разные должности. Начальником Объекта был Владимиров. На фабрике был еще один Владимиров — начальник цеха.

К концу годичного срока начальник Объекта пригласил меня и спросил о моих дальнейших планах. В связи с тем, что запасы месторождения шпатов не подтвердились, и геологи, проводившие разведку, сбежали на Запад, рудник и обогатительная фабрика не были построены. Поэтому я еще на год остался в «Висмуте» на фабрике Гиттерзее.

В это время начиналась подготовка к строительству нового завода в Зелингштедте. В Гиттерзее для этого завода были

построены для опробования технологические установки, за работу которых я был ответственен. Это время Владимиров уезжает в Союз, и начальником Объекта становится первый немецкий руководитель — Зигфрид Бройдигам. Меня назначают заместителем главного технолога, а напротив меня за столом сидел главный технолог — Юрий Кулешов, который окончил Московский институт, и меня, новичка в урановой технологии, знакомил с основами технологии обогащения урановых руд. Мы с Юрием еще долгое время после завершения работы в «Висмуте» находились друг с другом в тесном контакте.

Вскоре Бройдигама переводят первым руководителем строящегося завода Зелингштедт. На фабрике Гиттерзее вместо Бройдигама назначают Руди Мюллера. Но вскоре и он уходит, и в 1960 г. встает вопрос о назначении нового директора фабрики Гиттерзее. Выбор пал на меня. Я был приглашен в Генеральную дирекцию. Генеральным директором тогда был Василий Алексеевич Собко, а его первым замом — Фриц Кролл. После разговора с ними я был назначен директором фабрики Гиттерзее. Мне тогда было всего 24 года, и я перенес уже первый инфаркт. Я был самым молодым директором предприятия в «Висмуте».

В 1972 г. фабрику Гиттерзее закрывают, и меня переводят в 9-й отдел Генеральной дирекции, куратором завода в Зелингштедте.

В рождественские дни 1981 г., когда случились сильнейшие морозы, бункерное рудоприемное хозяйство Зелингштедта полностью замерзло. Предприятие встало. Катастрофа! И вот меня перед новогодними праздниками вызывает к себе генеральный директор С.Н. Волощук. Я захожу. В кабинете сидит еще Вернер Рихтер. Поговорили о положении на Зелингштедте и предложили мне занять должность его директора. Я попросил время подумать. Они согласились и назначили встречу в первый рабочий день после Нового года. Я понимал ту огромную ответственность, которая должна была лечь на меня в качестве директора завода. Завод уже несколько месяцев лихорадило с выполнением плана. Когда мы встретились, я высказал им свои сомнения. Они ответили, что будут со мной обсуждать проблемы до тех пор, пока я не дам своего согласия. В целях экономии драгоценного времени я дал согласие. Сразу же был подписан приказ о моем назначении на должность директора завода Зелингштедт.

В первое время было очень трудно. Завод не мог выполнить план ни в первый, ни во второй месяц после Нового года. И вот в марте наступает перелом. Завод впервые выполняет план. Мне сообщают, что к нам на завод едет генеральный директор. Приезжает Волощук с огромным букетом гвоздик и поздравляет меня с выполнением плана. С того месяца завод всегда выполнял план. В чем я вижу и свою заслугу и этим очень горжусь.

В своей дальнейшей деятельности в «Висмуте» мне приходилось работать и на заводе №102 и на заводе №101. Это было время пуска и наладки новых технологических линий и оборудования для переработки урановых руд. Но особенно интересное время было, когда на заводе №101 строили и опробовали опытно-промышленную установку по переработке скарновых оловосодержащих руд. На фото запечатлен момент посещения этой установки министром Минсред-

маша СССР Е.П. Славским и руководством СГАО «Висмут».

Если сегодня говорить о германо-советской дружбе, как не о политической акции, а о сердечных, человеческих отношениях, то я думаю, что было бы прекрасно, если бы эти, действительно сердечные взаимоотношения продолжились и надолго сохранились. Будет хорошо, если наша товарищеская встреча послужит передаче будущим поколениям идеи дружбы и взаимопонимания. К сожалению, у меня такое чувство, что это не так легко. Если вдруг в Москве на улицах появляется какой-то человек с плакатом, то у нас эту новость подхватывают сразу все газеты, а если речь идет о тех временах и наших хороших взаимоотношениях, то средства информации набирают в рот воды и молчат.

Большое спасибо за эту встречу и большой привет всем висмутянам, с которыми мы вместе работали.

Хорст Йобс (справа) прекрасно играл на аккордеоне в оркестре

Министр Е.П. Славский (в центре), Н.И. Чесноков, С.Н. Волощук, А.Н. Богатов посещают завод №101, справа от министра — Х. Йобс (фото из архива Г. Пальме)

Кристоф Хайнц

"Висмут" — зло и благо Рудных гор

Кристоф Хайнц — технический директор Объекта 9

С аттестатом зрелости в кармане, я, 19-летний уроженец города Иоганнсгеоргенштадт, поступил в 1949 году на работу в САО «Висмут». Начинать работу откатчиком и проходчиком на шахте №87 Объекта 8. Затем, после окончания Фрайбергского техникума, моя судьба направилась в Нойеберхаузен, район города Иоганнсгеоргенштадта, на шахту №125/126. Здесь я с 1950 по 1953 год работал штайгером, районным штайгером и короткое время оберштайгером шахты. После я пошел учиться во Фрайбергскую горную академию, которую окончил в 1958 году.

После окончания учебы я продолжил свою горняцкую деятельность в «Висмуте» на Объекте 9 на шахтах №207 и №371 до 1963 года. Потом работал руководителем производственного отдела и заместителем главного инженера Объекта. С 1968 года назначен техническим директором и вошел в коллектив управления горнодобывающего предприятия 9 (Объект 9).

Если современные писатели, не знающие труд горняков, или другие глупцы, пишут о «диком времени» первых лет деятельности «Висмута», то им следует знать и хочу особо это подчеркнуть, что при работе под землей Порядок и Дисциплина царь и бог.

За все годы моей работы штайгером, оберштайгером я не раз не встречал случая, чтобы горняк, спускаясь на смену в шахту, был выпивши.

Сведения в статьях и в газетах о нашем незнании о вреде радиоактивности и кварцевой пыли не всегда правдивы. Так, например, «шнебергская болезнь» (рак гортани и легких) была давно известна в Рудных горах. Радон и кварц — ужасные спутники горняков с давних времен. И если с кварцевой пылью можно успешно бороться водой («мокрое бурение»), то против радона вода не поможет. «Сухое бурение» шпуров было повсеместно запрещено.

Переход на «мокрое бурение» шпуров было решающим фактором борьбы с пылью, но не все проходчики сразу приняли его. Если проходчики горизонтальных выработок применяли такое бурение, то проходчики, бурившие вертикальные шпуров, не хотели, как они говорили, стоять смену под дождем. Понадобились энергичные меры руководства рудников всех уровней и опытных горняков для решения этой проблемы.

Немало проблем доставляла

бурлившая в молодых горняках энергия, получавшая неожиданный выход после смены на вокзалах, поездах, пивных и доставлявшая полиции большие хлопоты. Вспоминаю такой случай с бригадой Курта Каспара (15 человек и я в том числе), когда выездная полицейская команда города Иоганнсгеоргенштадта скрутила нас и доставила в суд для разбирательства. По тогдашним законам ГДР нам грозили крупные неприятности. Выручил нас начальник шахты А.К. Качура, объяснивший, что эта бригада — лучшая и от нее зависит выполнение плана.

До сих пор вспоминаю имена проходчиков и бригадиров: Эрих Бандико, Альфред Хорнауэр, Хайнц Эрнст, Йозеф Зильхенгост, Франц Старингер и много других.

Среди переселенцев из Польши и Чехословакии были опытные кадры горняков. Но большинство переселенцев имели другие профессии — пекари, парикмахеры, сапожники, мясники, продавцы. Но после обучения на курсах по горному делу, организованных «Висмут» становились настоящими горняками.

Мне, еще молодому начинающему штайгеру, не приходилось испытывать больших трудностей в работе. Поддержку я получал от опытных горняков. К тому же, возвращающиеся домой с этой проклятой войны военные показывали свою высокую дисциплину. У меня никогда не было проблем с бывшими унтер-офицерами, фельдфебелями или офицерами различных рангов (например, с Герхардом Фидлером, бригадиром на очистной выемке).

Высокую ответственность в работе показывали женатые мужчины и отцы семейства, так как за свою высокую производительность они получали дополнительно товары и денежные премии. И это были не только талоны на шнапс, на обувь и одежду или товары первой необходимости. Они получали еще так называемые «Талоны 4» для дополнительного обеспечения всей семьи, что играло большую роль для них.

Население Иоганнсгеоргенштадта стремительно увеличивалось с 7000 до свыше 30000 жителей в пятидесятые годы. Общий объем урановой продукции, добытый рудниками в Иоганнсгеоргенштадте к концу их деятельности к 1958/59 гг. достиг 12000 тонн. Последний немецкий начальник шахты Карл Вайгель был переведен на Объект 9 на шахту №207, на которой я тоже стал работать заместителем оберштайгера шахты.

С уходом «Висмута» из верхних Рудных Гор, значительная часть горняков перешла на работу в район Ауэ/Нидершлема, а другая — в Роннебург/Гера. Многие молодые люди осели

в Иоганнсгеоргенштадте и его окрестностях у молодых женщин, ставших после войны вдовами. Они получили работу и хлеб и освежили кровь населения верхних Рудных гор.

Несколько слов о женщинах работавших в Висмуте. Не только из районов Рудных Гор приезжали они, но и из северных округов, вплоть до Мекленбурга. Были и такие женщины, которые зная о высоких заработках висмутян, продавали им свою любовь. Но основная часть женщин имели хорошо оплачиваемую работу и не только поварами, продавцами в кафетериях и магазинах. Они работали на откатке вагонеток на поверхности у породных отвалов на ветру и в непогоду, в жару и холод, дождь и снег. Они были радиометристами, сигнальщиками, машинистами подъемных машин и лебедок.

Это было тяжелое время, когда оно не только ломало человека, но и его формировало. На мою личную судьбу, так же как и у многих других, на выбор моей профессии горняка повлияли не только хорошая оплата труда и продовольственное снабжение, но и любовь к горному делу. И, конечно, учеба во Фрайбергской горной академии имела решающее значение. Для некоторых моих коллег по работе на горном районе работа на «Висмуте» также повлияло на их дальнейшую судьбу.

Так например, проходчик Лео Гросс стал руководителем отдела кадров в генеральной дирекции «Висмут», бригадир проходчиков Курт Шуманн стал руководителем школы профессионального обучения в Нидершлеме, машинист электровоза Эрнст Хельцель в течении многих лет возглавлял службу безопасности на Объекте 9, бригадир Хайнц Беме позже работал инженером в Горном надзоре ГДР, бывший начальник откатки горного района Вернер Хаймердингер стал научным сотрудником генеральной дирекции в Зигмаре.

Жители Иоганнсгеоргенштадта от деятельности горных предприятий «Висмут» получили определенные выгоды. Если раньше горняки в поисках работы были вынуждены покинуть свои семьи, то теперь они обеспечивали свои семьи продовольствием, сыром, молочными продуктами и всем необходимым. Но с другой стороны эта деятельность принесла городу беду. Город, построенный в 1653 году как крепость, был, из-за влияния горных работ, частично разрушен и ликвидирован. Многие жители были вынуждены принудительно покинуть свои родные места, другие получили жилье в новом построенном пригороде Нойштадт. Те, кто потерял свои дома, получили соответствующую денежную компенсацию. Среди жителей были протестующие против этих мероприятий во главе с братством Ягер. К счастью, из них никого в Сибирь не сослали.

Вся эта спешка, ведение горных работ по добыче урана даже вблизи дневной поверхности под городом, были нацелены на скорейшее достижение военного паритета с США. Рудные жилы извлекались, а пустые пространства оставались не заложеными. И хотя некоторые старые горняки знали о технологиях закладки, опытом их не воспользовались. Современными техникой и знаниями эти неприятности можно было избежать.

Время лечит раны. Нидершлема, как водолечебница снова заработала, Иоганнсгеоргенштадт, после резкого сокращения населения и роста безработицы, стал все больше терять свое значение для Рудных Гор. Во время моего посещения своего родного города я стал все меньше встречать своих товарищей-горняков моего поколения. Все больше явление «Висмут» уходит в прошлое, исчезают следы остатков его присутствия на поверхности города.

В крикливых выступлениях прессы после объединения Германии очень часто деятельность «Висмута» оценивалась крайне односторонне. Совсем забыли об его огромных усилиях в сфере социального сектора. Так, например, больницу в Эрлабрунн, дома культуры во многих городах и поселках, дома отдыха, стадион в Ауэ, построенный горняками своими силами после смены и многое другое, которое до сих пор являются свидетельством этому.

«Висмут» активно занимался строительством автомобильных и железных дорог, энергообеспечением районов. Огромный накопленный материал по результатам гео-

Слева направо: Л.М. Тормышев — главный инженер СГАО «Висмут», переводчик и Хайнц Кристоф

День горняка в Ауэ. Слева - Эберт В., директор Объекта 9, справа — Рихтер В. — 1-й зам. генерального директора СГАО «Висмут»

Производственный отдел Объекта 9. В нижнем ряду справа — Эберт В., сзади стоит Хайнц Кристоф.

логоразведочных работ «Висмута» по всей территории ГДР будет иметь и в перспективе большое значение.

Последовательная работа позволяет постепенно улучшать впечатление от первых «диких» годах САО Висмут. Но до сих пор нет фильмов, которые бы правдиво рассказывали о «Висмуте».

Горняки сами создавали своим трудом свидетельства, вызывающие уважение к ним и их предприятию:

— проходка 155 м/месяц круглого ствола (бригадир Зигфрид Науманн), проходка восстающих полком Алимек со скоростью 200 м/месяц (бригада Вольф Хелиг), скоростные проходки выработок по 500 и 1035 м/месяц (бригады Рудольфа, Маргулы, Кирш, Коплин и других) — имели международное признание.

Во время моей работы в районе Нидершлема/Хартенштайн в 70-ые годы мои учителя из Фрайбергской горной академии (профессор доктор Гимм и профессор доктор Йендерси) и профессор доктор Баранов (АН КиргССР, Фрунзе) дали высокую оценку работе нашего предприятия.

Большие исследования были проведены под руководством профессора Фрайбергской горной академии доктором Тома по предупреждению горных ударов при ведении горных работ на большой глубине.

Подтверждение высокой оценки этих работ я получил в 1990 году от западногерманских специалистов во время их спуска на нижние горизонты рудника. На глубине почти 2000 метров они убедились, что «Висмут» собственными силами, от исследований, проектирования и до реализации создал систему кондиционирования рудничного воздуха, обеспечившую нормальные климатические и безопасные условия работы горняков при температуре горных пород 64—68 градусов Цельсия на этих глубинах.

С полным правом можно сказать, что «Висмут» по всем направлениям добычи урана развивался успешно. От машиниста подъемной машины до начальника шахты он растил собственные кадры, которые сам обучал и воспитывал. Часть руководящих кадров были делегированы для работы на ответственные должности в народные предприятия ГДР. Так, например, работавшего со мной оберштайгера Альфреда Прейшхофа, делегированного в народное хозяйство, я встретил позже директором шахты Винтерсхалл/Бернбург.

Многие руководящие кадры очень часто сохраняли верность своему предприятию до выхода на пенсию. Я сам проработал на Объекте 9 (позже горнодобывающее предприятие 9) с 1958 по 1990 год. После исторического поворота и объединения

Германии я, так называемый «Активист первого часа», был освобожден от работы без большой помпы, благодарности и вознаграждения.

Да, время моей работы в «Висмуте» не было для меня потерей. Были и взлеты и падения, были успехи, но были и неудачи. Но больше вспоминается дух коллективизма, сплоченность, товарищество и уважение к работе, которые были в «Висмуте». Смысл слов, сказанные сейчас президентом США: «Да, мы можем», были для нас уже тогда в «Висмуте» девизом: «Мы все можем, нет ничего невозможного!»

В этой связи несколько замечаний к лозунгу «План есть закон» и к совместной работе немецких и русских руководящих кадров. В первые годы лежала большая дистанция между нами. Не было доверчивости и искренней дружбы. Мой первый начальник шахты А.К.Качура сидел за своим письменным столом в военной форме, подпоясанный ремнем. Но с русскими, работавшими под землей, иногда носивших военную форму, такими как радиометристы, геологи, взрывники, были хорошие контакты. За исключением постовых на входе и выходе из шахты.

С течением времени это положение стало улучшаться. С начальником Объекта 9 А.В.Потетюриным мы уже совместно праздновали праздники ГДР и Советского Союза. На встречах Нового Года мы дважды поднимали бокалы (по московскому времени и по европейскому).

В 60-е годы СГАО Висмут достиг своего высшего уровня производства урана. Из моей памяти возникают добрые воспоминания о главных инженерах Объекта — И.И.Белове, В.Д.Жильцове, И.В.Дорофеевче, Э.А. Мурзин. Особенно тепло вспоминаю главного инженера Объекта 9, позже ставшего главным инженером Общества Л.М.Тормышева. Однажды мы были с ним вместе с Гертом Штеммлером на ликвидации аварии (обрушение кровли) на слепой шахте №1 на руднике Пела, где он оценивал ситуацию и руководил ходом работ.

Во время моей деятельности на Объекте 9 мне пришлось работать со многими советскими товарищами, которые были моими заместителями, так например, А.Н.Романюта, А.С.Ястребков, Васин и другие. У нас была хорошая дружеская совместная работа с целью успешного выполнения плановых заданий. И мы были не только товарищами по работе, но и поддерживали теплые отношения между нашими семьями.

Сегодня «Висмут» уже в прошлом. Но для меня он с самого начала моей деятельности и до последней смены и спуска в рудник останется в моей памяти. Глюк Ауф!

45 лет в горнодобывающей промышленности, из них 34 года в «Висмуте»

Моя жизнь, сына сельскохозяйственно-го рабочего, началась в 1931 году в Требсдорфе под Юнструт. После окончания войны с 8-ю классами народной школы я начал в 1947 году обучение на слесаря на буроугольном карьере Ноймарк, закончив его досрочно в марте 1950 года. После короткого ученичества мне предложили в сентябре 1950 года поступить на подготовительные курсы рабоче-крестьянского факультета Фрайбергской горной академии. Получив право поступления в высшее учебное заведение, я смог в 1953 году начать учебу по специальности «Разработка месторождений открытым способом». Разработка именно открытым способом я выбрал потому, что во время подготовительных курсов нас опекало соответствующее горное управление, летние практики проходили на калийных, каменноугольных и горнорудных предприятиях, и мне подземные горные работы, особенно на медных и каменноугольных шахтах, совершенно не понравились. Мне очень понравился карьер Мюхельн, кроме того, поскольку я уже работал в карьере Ноймарк, при выборе специальности мне было бы легче работать с техникой разработок открытым способом. Руководство Института разработок открытым способом с его основания в 1952 году было поручено профессору Хэртигу, его заботливое и отеческое отношение к нам, студентам я никогда не забуду. В период учебы на рабоче-крестьянском факультете я занялся боксом, при этом выступал также и за команду горного техникума «Висмута» во Фрайберге. Там всегда было хорошее производственное снабжение, что было важно тогда для нас, молодых студентов. Во Фрайберге я познакомился с моей будущей женой, и так получилось, что мы в 1959 году покинули ее родительский дом с 4 маленькими «проказниками» в направлении Геры.

Когда я в 1958 году на выпускной комиссии Фрайбергской горной академии, будучи дипломированным инженером по технике разработок открытым способом, получил предложение от СГАО «Висмут», то сначала никакой радости или воодушевления у меня не было. Так как о «Висмуте» мы были неоднократно слышаны только про его «дикие годы», а также, будучи специалистом по открытым горным работам, я совершенно ничего не знал о горнодобывающей деятельности «Висмута». Опекавший нас доцент Харро Ульман, родом из Аннаберга, располагая некоторыми сведениями, сказал мне, что в «Висмуте» теперь нормальные отношения и там лучшие заработки, чем в буроугольной промышленности.

Вопреки сомнениям моей жены — брак ее родителей не выдержал беспокойной жизни висмутского горняка — я отправился в Геру и был принят на работу 15.7.1958 года в качестве помощника на «Карьере им. IV съезда СЕПГ» в Кульмиче. Буровзрывные работы на так называемом капитальном участке с глубиной скважин примерно 10 м и их диаметром 110 мм были тогда для нас, молодых инженеров интересным полем деятельности. Скоро я перешел в буровзрывной отдел объекта 90. При вскрытии карьера Лихтенберг в 1959 году меня назначили руководителем буровзрывного отдела.

Из-за туберкулеза легких мне пришлось в мае 1960 года, уволиться на довольно длительное время. Почти 2 года меня лечили в клинике г. Йена и приняли с документами инвалида обратно на работу в марте 1962 года в качестве доцента на курсах повышения квалификации «Висмута» в Гере. В отделе капитального строительства объекта 90 в Гере я начал работу в 1963 г., а в 1964 г. перешел старшим инженером, руководителем группы в 12-й отдел науки и техники Генеральной дирекции в Зигмаре. Работа с планами развития науки и техники являлась определяющим фактором для всего 12-ого отдела, но для меня она стала особенно интересной тогда, когда П.В.Коноплев и я были приобщены в 1966 году к созданию и работе Технического совета Генеральной дирекции.

С изменением структуры отделов и участков Генеральной дирекции в 1969/70 гг. наша группа была подчинена 4-му отделу капитального строительства Генеральной дирекции, и с тех пор существовавшая для нас независимость от инвестиционных планов закончилась. Мы были теперь ответ-

Альфред Фильмут. 1958 г.

Сотрудники технического отдела Генеральной дирекции. Слева направо, верхний ряд: П. Гольбик, Казаринов В.Е., Карла Линке, В. Дельпорт, Тешауэр, Шуберт, Ходаков И.К., Бётчер, Вайснер, Гартнер, Клауберт, Романов П.П.; нижний ряд: Коноплев П.В., Латан, Люся Кондачкова, Хайек, Кристина Дамрмт, А. Фильмут. 1957 г.

Награжденные в день горняка. Слева направо: А. Фильмут, П.В. Коноплев, четвертый — Х.Нойман, пятый — В.М. Мельниченко.

ответственны за экономическую деятельность Проектного предприятия, одновременно должны были проверять и подготавливать для утверждения годовые и квартальные планы, а также балансовые заключения к ежегодным совещаниям.

В итоге мы стали ответственными за экспертизу и утверждение разработанных предприятиями технико-экономических обоснований по внедрению новой техники и технологий, отдельно за разработанные для Проектного предприятия технико-экономических заданий и обоснований капиталовложений, а позднее, и за постановку задач и принципиальных решений по инвестициям, то есть, за строительство или реконструкцию шахт, перерабатывающих и других предприятий «Висмута». В начале нашей деятельности эти задания было сформулировано лишь в общих чертах. К тому же не было ни четких правил инвестиций, ни порядка проектирования, в лучшем случае распоряжения генерального

На бригадном вечере четвертого отдела ГД: Ю.М. Шемякин и Х. Креснер

директора или одного из его заместителей по решаемой проблеме.

Но так как согласно государственному договору СССР и ГДР 1954 года было установлено, что деятельность СГАО «Висмут» на территории ГДР подчиняется законам ГДР, то соответствующие правила были разработаны и для «Висмута». Разработка инвестиционного порядка осуществля-

лась более или менее только отделами генеральной дирекции, напротив, основная часть порядка проектирования еще только разрабатывалась Проектным предприятием; их нужно было еще согласовывать с отделами Генеральной дирекции и утверждать у генерального директора.

Наша группа постоянно участвовала в выдаче заданий Проектному предприятию, их утверждению и организации экспертизы подготовленных документов с составлением протоколов совещаний.

В нашей группе было 4 инженера (3 немецких и 1 советский сотрудник), двое для горных работ, один для перерабатывающих и один для всех остальных предприятий. В то время как немецкая группа с Альфредом Фильмутом (руководитель группы), Хайнцем Фишером, Хорстом Бернером и Михаэлем Мелхорном оставалось постоянной, советские сотрудники менялись в большинстве случаев раз в 5 лет. С новыми у нас бывали вначале языковые проблемы, но в остальном всегда хорошие дружеские отношения на работе, в свободное время в семьях, а также на бригадных вечерах. Среди них были П.В.Коноплев, В.Б.Седов, А.В.Князьков, М.П.Яковлев и И.М.Шемякин.

Ниже назову некоторые решения из протоколов Технического совета Генеральной дирекции, чтобы напомнить спустя 40—50 лет отдельные эпизоды развития горнодобывающих и перерабатывающих предприятий СГАО «Висмут».

— В протоколе Технического совета от 03.02.1976 по ГДП 09 было решено быстро ввести в эксплуатацию слепой шахты 383b для своевременной подготовки и охлаждения воздуха на глубоких горизонтах V каскада.

— 23.10.1980 г. Технический совет утвердил подготовленные документы проекта «Разведка, вскрытие и отработка месторождения Теллерхойзер

— 28.10.1986 г. Технический совет поручил ГДП 09:

* осуществлять ведение горных работ на нижних горизонтах при непрерывном контроле и оценке опасности горных ударов,

* определять вместе с Проектным предприятием экономически наиболее благоприятный вариант для охлаждения воздуха при отработке месторождения ниже горизонта — 1485 м,

* проверить экономическую целесообразность отработки месторождения ниже горизонта — 1710 м.

— Для МГДП Кенигштайн определяющим фактором явились решения 1973/74 гг. о переходе рудника с традиционной горной отработки на выщелачивание. Технический совет 16 декабря 1981 года, на основании

концепции выщелачивания, решил перевести МГДП Кенигштайн с 01.01.1984 г., полностью на химическую добычу урана.

— При широком внедрении с 1964 г. технологии очистной выемки слоями под твердеющей закладкой в Тюрингском регионе необходимо было построить закладочные заводы в Шмирхау, Ройсте, Пайцдорфе и позднее также в Дрозене.

— Для карьера Лихтенберг были созданы инструкции по охране труда и здоровья, по вентиляции и борьбе с запыленностью при использовании грузового транспорта на более глубоких горизонтах, а также в городах Роннебурге/Фридрихсхайде.

— 24.01.1972 г. была обсуждена и утверждена для ПП № 102 в Зеллингштедте технологическая схема измельчения при использовании мельниц «Каскад».

К списку важных решений Технического совета, которые считались образцом получения разрешений на строительство и осуществление проектов «Висмута» в ГДР, относится также получение разрешений окружных советов. Положение о сотрудничестве с окружными советами было передано после распоряжения Генеральной дирекции №36/83 Проектному предприятию, которое с большим успехом использовалось специалистами при решении всех технических и экономических вопросов в населенных территориях и показало хорошие результаты при подготовке проектов.

На Техническом совете генеральный директор С.Н. Волошук всегда был внимательным слушателем главных инженеров проектов и приводил иногда докладчиков в смущение, если в их докладах обнаруживалась неточность. Так например, в середине доклада директора НТЦ по проектным решениям охлаждения воздуха на глубоких горизонтах ГДП 09, генеральный директор поставил ему вопрос, знает ли он геотермический градиент на месторождении Нидершлема — Альберода. Докладчик назвал известный общий градиент в Рудных горах примерно 32 м/10С, но Семен Николаевич его поправил, что по последним данным установлено значение на месторождении равное 29,6 м/10С. Иногда нового советского сотрудника, стремившегося применить специальный опыт и знания из Советского Союза, С.Н. Волошук по-отечески сдерживал замечанием: «Знаете, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Вы находитесь на территории ГДР и надо считаться с законами ГДР». Он также принципиально обходился с членами экспертной группы, требовал коррекции в экспертизе или протоколе, если закрадывались какие-нибудь ошибки в переводе на русский или в инвестиционных суммах.

Нами было однажды замечено, что дымо-

вая труба для котельной на МГДП оказалась слишком высокой по сравнению с другими предприятиями ГДП. Обоснование проектировщика, что эта установка находится в ландшафтном заповеднике «Саксонская Швейцария», была принята всеми участниками совещания без возражений. Позднее, когда встала задача переходить на жидкое топливо, высота дымовой трубы на котельной в Беервальде также достигла почти 80 м.

Незабываема командировка в Москву, а также неоднократные с 1975 по 1978 гг. по поручению заместителя технического директора СГАО «Висмут» Г.Г. Андреева работы с советскими специалистами по проходке шахтных стволов из кривокожного «Кривбасшахтопроходки» Клыковым, И.А. Винковатовым, Б.И. Аблецом и В.Д. Качурой. Для этого мы с Хорстом Рошлау из отдела образования и переподготовки и с переводческим бюро организовали перевод инструкций по стволопроходческому грейферному грузчику с кабиной управления KS-2U/40 и по буровой установке ВУКС-1М, которые были опубликованы в 1972 г. в виде брошюр. Эта стволопроходческая установка была применена на Дрозене при проходке ствола.

С объединением Германии в 1990 году произошло образование земель Саксонии и Тюрингии, на территории которых находилось большинство предприятий «Висмута». Работа «Висмута» по добыче урана прекратилась и началась подготовка к работам по рекультивации и санации. Земельные правительства хотели получить от СГАО «Висмут» прежде всего документы о добыче урана. У нас было соглашение между Государственным ведомством по атомной безопасности и радиационной защите (SAAS) и генеральным директором от 14.03.1985 г., по которому генеральный директор СГАО «Висмут» — при соблюдении «предписаний ГДР об обеспечении атомной безопасности и радиационной защиты» от 11.10.1984 — имел право выдавать разрешения на работу. И так, мы взяли из первого отдела заверенные генеральным директором протоколы по строительству и работе рудников и перерабатывающих предприятий, сделали копии и дополнили их документами главного ответственного по радиационной безопасности СГАО «Висмут» и передали в Земельные правительства. При последующих подачах разрешительных документов 13.09.1990 г. вице-президентом SAAS, профессором доктором Реншем и генеральным директором СГАО «Висмут» доктором Рихтером были

Вадим Седов с дочерью в Доме культуры г. Гера.

подписаны первые протокольные соглашения.

После того, как производство урана с 01.01.1991 г. прекратилось, наша группа была ликвидирована. Я был присоединен к директорату по координации, хранению и рекультивации части горнодобывающей промышленности. Мы получили задание составить проектные документации и калькуляцию издержек для консервации горных и

Райнхильда и Альфред Фильмут. Гера. 2008 г.

перерабатывающих предприятий, рассчитать средства на необходимые оборудования для ликвидации производственных установок, а также организовать с предприятиями транспортировку и размещение отходов. Теперь мы могли представляться повсюду как сотрудники «Висмута», подписались о сохранении тайны на десятки лет и получили визитную карточку СГАО

«Висмут». Но, самым важным и самым сложным заданием было выработать для ликвидации предприятий “концепцию санации, ликвидации и консервации урановых рудников, перерабатывающих предприятий и восстановления нарушенных территорий”. Отправив федеральному правительству эту концепцию на сумму около 13 млрд. марок в августе 1991 г., мы разослали части концепции в соответствии с законами «Висмута» правительственным органам Саксонии и Тюрингии. Как известно, федеральные правительства приняли и запланировали объемы санационных работ. Для выполнения запланированных ежегодных санационных проектов нужно было еще получать разрешения административных органов земель, что частично могло быть очень растянуто во времени.

В целом это было странное, беспокойное время для меня. Если мои знания, как проверять планы и проекты, подготавливать решения, создавать рабочие места и сдавать в эксплуатацию производственные оборудования, были востребованы в ГДР, то в ФРГ добыча урана больше была не нужна, хотя цена урана на мировом рынке поднялась в 2007 году через 17 лет после ликвидации «Висмута» до > 200\$/кг. Теперь в Германии после аварии на Фукусиме стремятся полностью отказаться от атомной энергии. В век повсюду восхваляемой «глобализации» следовало бы понимать, что недостаточно создать безопасность в отдельной стране, необходимо,

чтобы возникло глобальное понимание безопасности во всех странах Земли. И руководителям электростанций уже давно ясно, что Чернобыль был ошибкой обслуживания, которую можно было предотвратить а Фукусима — очевидная ошибка планирования.

Для бывших работников «Висмута» не так-то просто было стать безработным. Какое предприятие примет 40— или 50-летних горнорабочих? К счастью, имелась также социальная программа обществ содействия, в которых была организована переквалификация горняков.

После выработки санационной концепции в августе 1991 года рационализация полным ходом дошла и до нас, 60-летних, и таким образом я вышел на досрочную пенсию в 1992 году. Затем я сопровождал более 10 лет санационные работы в экологической группе «Висмута ГмбХ» и написал необходимые заключения. С 2001 по 2005 я стал от Культурбунда Эрфурта членом «Регионального совета общества планирования Восточной Тюрингии».

В настоящее время в свои более чем 80 лет я участник Традиционного союза горнодобывающей промышленности, где нужны старые горняки со знаниями компьютера и интернета.

Из наших шести детей двое во времена ГДР учились в институте и трое в техникуме, младший погиб в катастрофе, работал последнее время мастером. Его очень не хватает нам. Но теперь радости и заботы 16 внуков и 7 правнуков не оставляют нам, 80-летним времени для печали или скуки. В мой 80-й день рождения мы пригласили 100 гостей и на круглый день рождения моей жены более 50 гостей в «Охотничий двор» в Гере. Всем встреча доставила радость и удовольствие, а дискета с фотографиями, сделанная одним из моих внуков и переданная всем гостям, задокументировала наши семейные узы.

Я никогда не забуду открытое, честное и многолетнее доброе сотрудничество с советскими инженерами в «Висмуте» и встречи с членами их семей. Без этого мне многого бы не хватало в жизни. В оставшейся жизни я всегда буду хранить испытанную в течение десятилетий нашу взаимную дружбу горняков.

Воспоминания о сотрудничестве с советскими коллегами Московского горного института и СГАО "Висмут"

Д-р Рольф Штоль

Мои контакты с советскими коллегами начались во время моей деятельности в Фрайбергской Горной академии. В 1968 году я поехал впервые в Москву по поручению Фрайбергской Горной академии. Мое задание состояло в том, чтобы познакомиться в Московском Геологоразведочном институте с методами по определению местоположения подземных пустот. Здесь я познакомился с Николаем В. Доминим. Позже мы проводили с ним на территории Мансфельдского комбината в Айслебене геофизические измерения с целью разведки пустот в связи с опусканием почв. В 1978 году мы опубликовали некоторые результаты в Журнале геологических наук. Москва сразу понравилась мне, меня очень впечатлили здания, люди и чистота в этом городе.

У Фрайбергской Горной академии был договор о сотрудничестве с Горным институтом в Москве. Коллоквиум по вторникам в Институте геофизики Фрайбергской Горной академии имел давние традиции. Ученые разных геофизических учреждений в 1968 году делали доклады, в том числе и профессор Копьев из Московского Горного института. Между профессором Милицером и профессором Копьевым в рамках договора между Фрайбергской Горной академией и Московским Горным институтом состоялось соглашение об обмене молодыми учеными. Время пребывания кандидата наук Г. В. Сергеева во Фрейберге и для мое в Москве составляло 10 месяцев. На основе этого договора кандидат наук Г. В. Сергеев из Московского Горного института работал в 1970 году в Фрайбергской Горной академии в области геофизики как инженер-электронщик. Между Георгием, его женой и моей семьей сложились доверительные отношения. Мы разработали основы цифрового сейсмометра и получили патент № 89 730.

Моя семья и мои родители согласились на мое 10-месячное пребывание в Москве, и я им очень обязан, что сумел реализовать эту поездку. Она началась в январе 1971 года. Я проехал поездом до Москвы, дождался с чемоданом на вокзале в Москве, меня забрали и отвезли в институт. Отныне я работал на кафедре акустики и ультразвуковой техники Горного института. Во время этой деятельности я познакомился с многими советскими учеными и коллегами, например, с Ильшатом Г. Абдумановым, которого я встретил позже в СГАО «Висмут». День защиты его диссертации в Московском Горном институте остается незабываемым для меня.

Во время работы в Московском Горном институте я смог войти в курс проблем геоакустики и физики горных пород. Я познакомился с сотрудниками кафедры, с некоторыми из них у меня сложились дружеские отношения. Я узнал многое о традициях и образе жизни страны, моих коллег и др. Я смог бы узнать еще гораздо больше, но относительно языка у меня все же были проблемы.

Результаты исследований Московского Горного института были опубликованы вместе с заведующим кафедрой профессором Валерием С. Ямщиковым и Александром М. Солодовым в геологических журналах. В разговоре с моими коллегами сформировалась потребность сменить мое рабочее место, т.е. перейти на работу в горнодобывающую промышленность ГДР. Эта мысль возникла исходя из характера работы кафедры, определявшейся интенсивным сотрудничеством с промышленностью. Прошло еще 5 лет после моего возвращения из Москвы во Фрайберг, прежде чем я смог осуществить эту мысль. Работа со студентами очень нравилась мне, и каждый учебный год я начинал лекции по прикладной геофизике для специалистов в горнодобывающей промышленности и геотехнике. Некоторые из этих студентов работали после окончания учебы в «Висмуте». В 1976 году я закончил работу в Фрайбергской Горной академии.

С началом работы в СГАО «Висмут» в 1976 году моя жизнь и жизнь моей семьи изменилась. Мне требовалось некоторое время, чтобы освоиться в совершенно неизвестных мне производственных условиях. В то время геофизическим отделом НТЦ «Висмута» в Грюне руководил Л.Зернов. Сначала у меня не было прочных отношений с советскими коллегами. Но вскоре стало известно, что я работал в Московском Горном институте, и это стало основой для будущих хороших отношений.

Мое задание состояло в том, чтобы проверить и найти применение геофизических методов для рационализации добычных работ, а также для повышения надежности горных работ. Оно стало основой для создания горной геофизики в Обществе «Висмут». Позже я узнал, что группа горной геофизики была образована по настоянию советской стороны.

Д-р Рольф Штоль

Поздравления лучших сотрудников геофизического отдела г (в центре — М. Изюмов)

Отдел геофизики НТЦ СГАО «Висмут» в середине 80-х годов
1 ряд, слева направо: В.П. Аполлонов, М. Изюмов и д-р Р. Штоль.
2 ряд: А.П. Витко (2-й слева) и В.И. Морозов (крайний справа).

Однажды я встретил д-ра Абдульманова в НТЦ «Висмута». Мы были уже знакомы по Московскому Горному институту и смогли начать интенсивное сотрудничество в области методического и технического контроля закладки и выяснения состояния напряжения в целиках (см. «Геофизика в горнодобывающей промышленности» — статья о контроле закладки и устойчивости горных пустот, «Neue Bergbautechnik», 11 (1981) 1, стр. 3-6).

Для того, чтобы успешно внедрить геофизические методы, необходимы были базовые знания горной технологии. Для этого потребовалось сотрудничество с отделением технологии горных работ НТЦ. Развернулось продолжительное сотрудничество, к примеру, с Р. Твердовским. После окончания его деятельности я смог через несколько лет во время командировки посетить Романа в Ленинграде. Накопилось много, о чем необходимо было рассказать.

Время проходило. В 1985 году я был заместителем руководителя геофизического отдела. Руководитель отделения был в то время Эдуард Пашенко. Мы доверительно поговорили о проблемах отдела и поделили работу таким образом, чтобы в отделе создавался благоприятный климат между советскими и немецкими сотрудниками. Я сделал одно предложение, которое своей неожиданностью удивило Эдуарда - удалить перегородку между нашими кабинетами. Эта перегородка была установлена давно, так как кабинеты НТЦ находились на бывшей крупной фабрике. В итоге мы больше не сидели отдельно, а вместе в большой комнате. В отделе работали 4 советских и 29 немецких сотрудников.

Деятельность Эдуарда окончилась в середине 80-ых годов. У меня были раздумья, будет ли сотрудничество с его наследником таким же доверительным. Сотрудничество с его наследником Михаилом Изюмовым сформировалось без каких-либо проблем. Руководство отделом находилось в наших

руках. Михаил руководил по существу работой советских коллег, которая частично выполнялась в сотрудничестве с немецкими коллегами. В качестве примера: Ф.И. Морозов непосредственно участвовал как инженер-электронщик в создании зонда для геофизической разведки Центрального геологического предприятия СГАО «Висмут».

В.П. Аполлонов спросил меня однажды, не прочту ли я его статью о политическом развитии в Советском Союзе. Статья критически рассматривала внутреннюю структуру Советского Союза и была сложно написана. В.П. Аполлонов искал возможность опубликовать эту статью, так как в советском журнале «Коммунист» отказались бы опубликовать. Я пытался добиться публикации через партийное руководство НТЦ, но безуспешно. В.П. Аполлонов очень хорошо владел немецким языком. В соответствии с его специальными знаниями он участвовал в составлении русско-немецкого словаря геофизических терминов. Словарь содержит 276 страниц с примерно двадцатью профессиональными терминами на странице.

Мы концентрировали нашу деятельность не только на развитии новых измерительных приборов для радиометрической разведки на поверхности и под землей, но и на обеспечении потока информации между НТЦ и геофизиками ГДП. «День геофизика», который проходил как минимум дважды в год, также служил этому. Мы приглашали на это мероприятие всех советских и немецких геофизиков, включая руководителей геофизических цехов предприятий ГДП. Мы обсуждали актуальные проблемы и состояние проектно-конструкторских работ отдела геофизики. Развитие измерительных приборов происходило на базе обязательных планов. Мы работали поэтапно с целью приспособить измерительную технику оптимально к условиям подземных работ. В апреле 1988 года мы отмечали 30-ю годовщину геофизического отдела. В этот день мы представили результаты отдела. Они включали развитие радиометрических методов и приборов для подземных горных работ, для радиометрической подготовки, а также для горной геофизики. Окончание этого дня мы отпраздновали в ресторане «Рубин».

Незабываемым для моей жены и меня осталось посещение Михаила Изюмова и его жены в Зигмаре. Вечер начался с рассказов о наших семьях. В течение вечера к этой беседе присоединялись все новые советские коллеги, и это был веселый праздник. К сожалению, не удалось вопреки попыткам пригласить Михаила и его жену к нам.

В результате политических событий 1989 и 1990 гг. НТЦ и соответственно геофизический отдел были распущены. Пребы-

вание советских коллег закончилось. Стало трудно поддерживать контакты, и они восстановились лишь со временем. В 2013 году сотрудники музея горнодобывающей промышленности спросили меня в Ольшнице в Рудных горах, есть ли у меня еще контакты с моими бывшими советскими, теперь русскими коллегами. Этот вопрос возник из того обстоятельства, что музей горнодобывающей промышленности располагает копией переписки между горнорабочими бывшего каменного угольного бассейна Люгау-Ольшниц с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Эти копии были в не очень хорошем состоянии. Копии - это составная часть выставки музея горнодобывающей промышленности Ольшниц в Рудных горах. Так возникла мысль установить контакты в Москве в государственном архиве для поиска этих писем. Через моего бывшего руководителя В. Рихтера этот вопрос переслали в Москву Г. Г. Андрееву. Г. Г. Андреев был заместителем технического директора СГАО «Висмут» и теперь является членом правления общества «СГАО «Висмут» в Москве. Г. Г. Андреев занялся этой проблемой и летом

2013 года смог передать новые копии музею горнодобывающей промышленности.

В итоге мне хотелось бы искренно поблагодарить всех бывших советских и немецких коллег геофизического отдела НТЦ СГАО «Висмут» за сотрудничество, тем более что в «Хронике СГАО «Висмут» отведено отделу мало места.

Гюнтер Дукэ

Гюнтер ДУКЕ, родился в 1934 году в Дрездене. Окончил восьмилетнюю школу, прошел трехлетнее обучение по специальности «точная оптика». Получил аттестат зрелости на рабоче-крестьянском факультете в 1953 году. В 1958 году с отличием окончил Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина и получил диплом горного инженера. С 1958 по 1991 год работал в СГАО Висмут. Затем — руководителем отдела профзаболеваний и защиты от вредных веществ в страховом обществе горной промышленности. С 1999 года — пенсионер.

Судьба позвала меня в неведомую даль

Дрезден — мой родной город. Здесь я прожил 19 лет, здесь жили мои родители, это моя малая родина. После окончания школы 8-летки и 3-х летнего обучения специальности точной оптика я совершенно неожиданно (а родом я был из рабочей семьи) получил возможность в течение 2-х лет учиться на рабоче-крестьянском факультете, чтобы получить аттестат о полном среднем образовании. Уже в феврале 1953 г. я был предварительно зачислен на факультет физики технического университета Дрездена.

17 июня 1953 года — день, имеющий особое значение для истории ГДР — мне предложили в директорате учиться за границей². Специальная комиссия распределила по учебным заведениям. К моему удивлению я узнал, что буду учиться в Московском институте цветных металлов и золота им. Калинина МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений по-

Передача копий писем в музей горнодобывающей промышленности в Ольшнице в Рудных горах (слева направо: В. Рихтер, Г.Г. Андреев, И. Фэрбер (руководитель музея горнодобывающей промышленности) и Х. Нойбер

Гюнтер Дукэ

WISMUT

*Wer einmal bei der Wismut war
im Berg und über Tage,
dem wird erst jetzt bewußt und klar:
Es waren schöne Jahre.
Gewiß, die Arbeit, die war schwer
und oftmals voll Gefahren.
Wir denken aber gern zurück
An diese Wismut-Jahre.
Der Wismut-Geist steckt in uns drin.
Er drang in uns're Herzen ein.
Drum macht es auch noch heute Sinn,
als Wismut-Kumpel stolz zu sein.*

*Gefunden im Museum der Geschichte
des Objektes 90 der ehemaligen SDAG Wismut*

² События 17 июня 1953 года в ГДР (также известны под названием «Народное восстание 17 июня») — массовые антиправительственные выступления в ГДР (прим. пер.)

Выпускники 1958 г. МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых». В их числе (внизу, второй слева) — Гюнтер Дуке

На Красной площади с другом Эльмаром Ильгербаевым. Студенческие годы.

лезных ископаемых».

Среди возможных специальностей физики, однако, не было. Поскольку в 19 лет еще очень сложно окончательно определиться с будущей профессией, я выбрал специальность «Разведка месторождений полезных ископаемых» в одном советском ВУЗе, рассудив, что, во всяком случае, геологи и минералоги имеют дело

с оптическими приборами.

Я был бесконечно счастлив, но и взволнован ожиданием предстоящего. От этого просто захватывало дух: вдали от родительского дома, самостоятельно, изнутри узнавать новую страну, ее географию, познакомиться с новыми людьми, языком и культурой, и все это — лишь 8 лет спустя после окончания ужасной войны, основную тяжесть которой вынес на своих плечах народ Советского Союза. Я вспомнил тогда, что мой отец в 1926/27 гг. отправился на заработки в Италию и там приобрел бесценный опыт и знания, которые пригодились ему в жизни. Жизнь в чужой стране сформировала его как человека. А я буду получать стипендию и смогу полностью сконцентрироваться на учебе. Невероятно заманчивая перспектива!

Прошло несколько недель подготовительного обучения в местечке Бургшайдунген (филиал университета имени Мартина Лютера в Халле-Виттенберге). Я был в третьей группе студентов, отправлявшейся в Советский Союз. В конце августа мы поехали в Москву. «Новеньких» специальная комиссия распределила по учебным заведениям. К моему удивлению я узнал, что буду учиться в московском институте цветных металлов и золота им. Калинина МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых».

Нас, восьмерых немецких студентов, вместе с багажом повезли на открытом грузовике на Крымский вал к нашему институту Цветметзолото. А затем, к месту нашего проживания — «Дому Коммуны», который находился на 2-ом Донском проезде, дом 9. Это весьма интересное здание с точки зрения архитектуры, которое в шутку мы называли «сороконожкой». К достоинствам этого

общежития, кроме многочисленных услуг, относились также маленькие двухместные комнатки, называвшиеся «кабинами». Как правило, там жили русский и иностранный студент, которым приходилось весьма тесно общаться, пусть даже сначала только с помощью жестов.

С октября мы приступили к занятиям в семинарских группах и поточным лекциям. На нашем потоке «ГИ-53 — Горные инженеры 1953» было 120 человек, которые были поделены на 4 семинарских группы. Проблемы в понимании, конечно, существовали и лишь постепенно сходили на нет.

Учеба доставляла мне много радости. Я относился к ней серьезно, но на всякий случай утешал себя в глубине души тем, что, если не справлюсь, то, может быть, получу все-таки шанс продолжить учебу в ГДР. Я старался быть последовательным, заниматься постоянно и сразу закреплять пройденное. Поэтому в сессию мне не нужно было особенно углубляться в детали, а только систематизировать материал.

Учебный год заканчивался практикой. Геолого-геодезическую практику 1954 г. мы проходили в Коломенском. В те годы это был пригород Москвы, куда добираться нужно было на трамвае. В 1955 г. мы были на Урале и знакомились с добычей золота и платины на россыпных месторождениях. Мы жили вместе со студентами из других областей и Союза в общежитии.

В 1956 г. мы с Вернером Хоппом работали в бригаде забойщиков на горнометаллургическом комбинате в Лениногорске на Алтае. Там мы познакомились с одной немецкой семьей из Поволжья, которую во время войны принудительно переселили на Алтай. Господин Фрай работал на шахте в ламповой. Мы часто заходили к нему в гости, разговаривали на русском и немецком, вместе пели немецкие народные песни и играли на губной гармошке. Заработав за время практики денег, мы смогли на обратном пути в Москву задержаться в Алма-Ате. Изюминкой этого зеленого города, вызвавший наш особый интерес, был высокогорный ледовый каток Медео.

В 1957 г. мы познакомились с добычей железной руды в Кривом Роге. Здесь существовал непривычный для нас порядок переодевания в раздевалке из обычной одежды в рабочие комбинезоны, который нам пришлось долго осваивать. Кроме того, удавалось с большим трудом отмыть красную рудную пыль с лица. Преддипломную практику я проходил опять на Алтае в месторождении Белоусовское. Прежде всего мне выдали ватник и валенки вместо моего черного «зимнего» пальтишки и ботинок, так как температура там достигала — 60°C.

Вот где я прочувствовал настоящую зиму — континентальную, морозную, с метелями и снегопадами, иногда в полной изоляции от внешнего мира.

После возвращения в Москву я занялся написанием дипломной работы, которую успешно защитил в июне. На этом закончились мои студенческие годы в Москве.

Вместе с радостью по поводу успешного завершения учебы и того, что ждало меня дома в ГДР, — невеста, родители, друзья и новая работа в уранодобывающей промышленности, я испытывал грусть от расставания с любимой Москвой, институтом и верными друзьями.

«Московские годы» являются важной частью моей жизни, я горд и счастлив ими. Они научили меня больше, чем просто профессиональным знаниям, и я всегда был благодарен моему государству, ГДР, и Советскому Союзу за то, что мне, мальчику из рабочей семьи (сегодня это называется «выходец из малообразованных слоев») была предоставлена такая возможность. Я мог бы без проблем между 1958 и 1961 гг. эмигрировать в ФРГ, но это не соответствовало моим представлениям о чести и совести.

Даже с распадом Советского Союза не прервалась переписка с моим товарищем, однокурсником, к.т.н. Е.И.Сусловым. В 2006 г. мы с женой на 7 дней приехали туристами в Москву и были в гостях у него в семье. Город изменился до неузнаваемости. Многие отремонтированы, реконструированы и построены заново. Но, честно говоря, эта новая Москва больше не та Москва, которую я знал и любил...

Здание нашего старого института все еще узнаваемо снаружи, хотя минуло уже 50 (!) лет, но внутри все стало чужим, и я не смог ничего узнать. Однако я ощущаю живое родство с русской столицей. В 2008 г. мы отправились в водное путешествие из Санкт-Петербурга (бывшего Ленинграда) в Москву. На нашей встрече мы отпраздновали с Женей Сусловым наш «золотой диплом». Как же быстро пролетело полстолетия...

В 1958 г. началась моя деятельность в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут» (СГАО «ВИСМУТ») в качестве ассистента по производству, подобно тому, как в Союзе многие новоиспеченные горные инженеры начинали свой путь десятниками вентиляции. У меня был диплом с отличием, но я был «гол как сокол». Чтобы жениться, мне нужно было сначала заработать денег. Я наверстал это в 1959 г.

Начал я работать на шахте №66 Объекта 9 в Нидершлема на гор. — 330 м на участке №4. Руководил участком Курт Стельцнер. Начальником шахты был Хорст Хоппенц, оберштайгером — Эрнст Урбут. Субботы были рабочими днями. Работал в три смены.

Первая смена начиналась в 6 утра, поэтому приходилось рано вставать, чтобы в 5.30 быть у ствола для пуска в шахту. Работа была разнообразная и интересная. Развитие горных работ ставило перед инженерами новые задачи, которые нам надо было квалифицировано решать.

Таким новым для меня направлением стала борьба с пылью при ведении горных работ. Кто длительное время вдыхает пыль, содержащую свободную двуокись кремния, может заболеть силикозом. Поэтому необходимо подавлять такую пыль по возможности уже при ее появлении и предотвращать попадание ее в рудничную атмосферу и перемешивание с потоком воздуха.

Силикоз — древнейшее профзаболевание. Явные признаки силикоза были обнаружены еще у строителей египетских пирамид. Со времен Георгия Агриколы болезнь описывалась и исследовалась как «болезнь горняков» или «болезнь легких». Эту давнюю угрозу шахтеров уже в 1924 году включили в первый официальный список профессиональных заболеваний Германии. Заболевания легких от кварцевой пыли чаще всего встречаются среди горняков и литейщиков, при добыче камня и редких земель. Так что это не является особенностью «Висмута», как распространяют в настоящее время средства информации в ФРГ. Широкое развитие силикоза было и среди шахтеров, работавших в каменноугольных районах Саксонии, в Рурском и Саарском бассейнах.

В так называемые «дикие» послевоенные годы, разведку и добычу урановых руд в советской оккупационной зоне Германии начинало предприятие «Висмут», которое было Советским акционерным обществом и секретной военизированной режимной организацией (поэтому люди говорили, что «Висмут» — это «государство в государстве»). Законодательство по безопасности труда бывшей Германии уже не действовало, поэтому руководствовались переведенными с русского языка в 1947 и 1949 годах правилами безопасности труда для горных предприятий Советского Союза. Уже до 1950 года начали внедрять мокрое бурение, назначать десятников вентиляции и стимулировать новаторство (рационализаторские предложения по технике безопасности). Разуме-

На практике в Лениногорске. 1956 год

ется, сразу не удалось все сделать. Не везде соблюдали дисциплину труда, не хватало специалистов-горняков.

Врачи предприятия первыми столкнулись с увеличением числа больных силикозом. Поэтому в 1959 году генеральная дирекция «Висмут» создала на объектах №9 и №90 службы по борьбе с пылью (лаборатории по борьбе с пылью с лаборантами и пробоотборщиками, рабочими и инженерами), аналог дозиметрическим службам, созданным в 1956 году.

Мне и моим коллегам была поставлена задача организовать работу этой службы, которая бы занималась измерением уровня запыленности в рудниках и реализацией мероприятий по защите горняков от давней угрозы — силикоза. Для выполнения задач по обеспечению технической гигиены труда (пограничная область между техникой и медициной) требовались инициатива и творческий подход, эта область была абсолютно новой. Надо было время для подготовки и обучения специалистов. Поэтому службы начали работать регулярно с июня 1960 года.

Большинство пробоотборщиков — пожилые и освобожденные от тяжелых работ горняки, лаборантки — женщины без всякого опыта в лабораторных работах. К счастью появился у нас в Ауге Манфред Ротенбергер, опытный лаборант-химик из горноспасательной команды. Мы, руководители (Эрхард Тюммлер в Гере и я в Шлеме) были молодые, еще малоопытные горные инженеры. Большую помощь получили в самом начале от специалистов знаменитого Московского исследовательского института ЦНИГРИ / НИГРИзолота (Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов)(к.т.н.)А.Ф. Сачкова и Е.И. Чернова.

Основные сведения получил из книги «Обеспыливание атмосферы рудников. Практическое руководство», авторы доц. В.А. Сипягин(к.т.н.)и А.Ф. Сачков ктн, (Москва, металлургиздат 1958 г.). Первая наша командировка в 1965ом году привела меня с инж. Вилли Шлезингером в Москву к проф. Е.И. Воронцову в Научно-исследовательский институт гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР.

Наша противопылевая служба старалась поставленные задачи творчески, с энтузиазмом и усердием решать и реализовывать на практике. Концентрации запыленности рудничного воздуха определяли главным образом счетным (при помощи кониметров народного предприятия Цейсс, модели 1 и 10, частицы/см³) и весовым методами (при помощи гравиметров общей запыленности, миллиграммы/м³). Содержание свободной двуокиси кремния в рудничной пыли опре-

деляли под микроскопом методом фазового контраста и химическим способом.

Благодаря систематическому измерительному контролю и мероприятиям пылеподавления удалось снизить запыленность в атмосфере рабочих мест и на стационарных измерительных точках. Первой целью гендирекция поставила нам снизить на объекте № 09 среднюю концентрацию пыли с 1500 ч/см³ до 500 ч/см³. Это нам казалось тогда очень смелым. Мы конечно понимали, чтобы достигнуть видимые, доказуемые успехи при предупреждении силикоза необходимо большие усилия и много времени, возможны трудности и неудачи.

Нашу уверенность подтверждали годовые статистические данные силикозной комиссии. Они показали, что числа новых случаев силикозов и подозреваемых силикозов не зависели от стажа работы во вредных условиях — как это ожидалось — а от даты поступления на работу в «Висмут» в начальный период создания предприятия. Теперь нам, по данным научного исследования, известно (см. «Анализ прошедших нагрузок на урановых рудниках бывшего СГАО «Висмут» за исключением радиоактивной экспозиции с 1946 по 1990 гг.», выполненный по поручению союза товариществ промышленных страховщиков, Санкт Аугустин 2000 г.), что в ГДП Ауэ уже в 1966 году концентрация тонкой пыли составляла меньше 2 мг/м³. Такая концентрация занимало бы в те годы одно из передовых мест среди горнорудных предприятий ФРГ. Значит, наша работа помогала снизить ежегодную заболеваемость силикозом до минимума и процесс развития болезни смягчить (вероятная продолжительность жизни больных достигает норму).

В январе 1964 года меня пригласили в 7 отдел (производственный) гендирекции «Висмут» с заданием развивать работы по пылеподавлению. Ближайший мой коллега был дипломированный физик Вальтер Будник — уполномоченный за радиационную безопасность, с которым и сегодня сохраняю дружеские связи. Валентин Павлович Назаркин, Вернер Эберт, Слава Жильцов, Карл Глюк, Эрнст Эгерер, Рональд Бауманн и другие сотрудники производственного отдела сразу приняли нас в свой коллектив, несмотря на то обстоятельство, что наши задачи несколько отличались от них. Коллектив был дружный и я с удовольствием вспоминаю веселые и интересные вечера и поездки того времени.

В 1967 году 13 отдел гендирекции перестроили заново в отдел охраны здоровья и труда. В составе его вошли 3 группы. Руководителем отдела был горный техник Ганс Мильде. Начальник группы охрана труда, техники безопасности и горноспаса-

тельной службы — горный техник Герхард Феликс. Начальник группы охраны здоровья и реабилитации — Эдгар Ширмер кэн. Начальник группы технической гигиены труда — дипл.физик Вальтер Будник. Наша группа технической гигиены труда состояла из специалистов — радиационная защита/уполномоченный атомной безопасности — дипл. физик Вальтер Будник, дипл.инж. Зигмар Рихтер, борьба с пылью и охрана атмосферы/уполномоченный за охрану окружающей среды — Гюнтер Дуке(к.т.н.)и защита от шума и вибрации — Хардмут Фогель кестн.

Область моих задач постоянно увеличивалась. К силикозоопасной пыли прибавились асбестовая пыль, мышьяк, токсикология и охрана внешней среды (охрана атмосферы, борьба с эмиссиями и иммиссиями). Эта группа задач находилась близко к медицине труда и охране окружающей среды, загружала меня постоянно заново, требовала творчества и инициативы. Профессия моя стала судьбой моей.

В 1960 году организовали специальную комиссию для борьбы с пылью и по охране окружающей среды в рамках Палаты техники (добровольная организация инженеров в ГДР), которую я возглавлял все 30 лет ее существования. В состав ее входили представители всех предприятий «Висмута», НТЦ, ПП, здравоохранения, инспекции охраны труда и горного надзора Карл-Маркс-Штадта. Комиссия собиралась регулярно и подготовила много решений и новшеств.

Тесная рабочая связь установилась со здравоохранением «Висмута», особенно с инспекцией промсанитарии и гигиены труда (Arbeitssanitätsinspektion), врач Круглова (к.м.н.), мр Тило Винклер (к.м.н.), Мартин Йенссон (к.м.н.) и с центром по гигиене труда (Arbeitshygieneinspektion) Вольфганг Мерлейн (к.м.н.), Клаус Фридрих (к.м.н.).

После заочной аспирантуры в горной академии я защитил в 1969 г. диссертацию.

На протяжении 25 лет я был инженером-консультантом в медицинской комиссии по силикозу горнорудной промышленности в Нидердорфе.

Профессиональные связи по специальности существовали у меня с 22-м отделом НТЦ. Так как в нашем отделе гендирекции советских специалистов не было, я находил здесь возможность иногда говорить по-русски. Однако нельзя забывать, что многие из советских специалистов по один—два раза и по несколько лет уже бывали в ГДР и говорили лучше по-немецки, чем мы по-русски. С Вадимом Мельниченко и Валерием Придорогиным существовали тесные деловые контакты, К сожалению, способ пылеподавления (к.т.н.) В.Д. Придорогина на практике в наших условиях не оправдал наших ожиданий.

Мне дали возможность побывать в командировках в Москве, на Урале и в Средней Азии. Обнаруживал там интересные новинки и большое гостеприимство людей. Ученые в Москве в то время интенсивно занимались пылеподавлением на каменноугольных шахтах. Но так как пыль на урановых рудниках не особенно гидрофобные, мы не были в состоянии им помочь.

Возможности опять говорить по-русски получил:

* в 1983 году по поводу 25-летия нашего окончания ВУЗа,

* в конце 1980-х годов в советском клубе в Зигмаре (доклад по своей специальности перед советскими сотрудниками всех предприятий «Висмута»),

* во время своего пребывания в Москве 2006 и 2008 гг. у своего однокашника Е.И. Сулова.

Благодаря постоянному отслеживанию немецких, советских и чехословацких журналов по специальности (Staub — Reinhaltung der Luft, Гигиена труда, Промсанитария и др.) мне удавалось знакомиться с новейшими знаниями и опытом, что позволяло мне вводить уточнения в указатель трактуемых терминов в информационную систему «Висмута» и переводить отдельные статьи на немецкий язык.

С воспитательной целью повлиять на нашу молодежь, однажды составил брошюру с переводами статей, описывающих пагубные привычки советских подростков курить и употреблять алкоголь, их влияние на здоровье и необходимые мероприятия для защиты их здоровья. Мр Юген Мельхорн (к.м.н.) написал обоснованное послесловие, а я предисловие. Председатель организации Немецкого красного креста в «Висмуте» Мартин Йенссон (к.м.н.) приветствовал эту идею, дал приказ на печатание и передал членам правления на заседании первые, только что напечатанные экземпляры.

На этом заседании участвовал секретарь обкома партии по здравоохранению. Вместо того, чтобы приветствовать этот труд, он приказал немедленное уничтожить напечатанное произведение. По его мнению, нам конечно надо учиться у Советского Союза, но запрещается говорить нашим гражданам, что там тоже существуют такие проблемы со злоупотреблением табака и алкоголя (о наркотиках тогда еще не говорили). Как далеко от действительности и диалектики! Мне удалось один экземпляр брошюры спасти (он лежит теперь в архиве предприятия «Висмут» ГмбХ).

В 1980-х годах я занимался асбестовой пылью, угрозой мышьяка при добыче и обогащении смешанных серебросодержащих руд, снижением выброса в атмосферу вредных газов и пыли наших теплоэлектроцента-

тралей, сооружениями для регенерации твердых сплавов, находящихся на территории центрального склада в Гера-Цветцене, А также созданием нового, расширенного файла с промсанитарными данными всех наших трудящихся, хранящихся в организационно-вычислительном центре.

Как-то мне сказали, что приедет по технической помощи проф. М.И. Феськов доктор технических наук из Донбасса (Коммунарский горно-металлургический институт) и познакомил меня с изобретенной им форсункой с двойным диспергированием воды. Действие таково, что разбрызгиваемые капли центробежной форсунки раздробляются на поставленной плоскости. Этим самым образуется направленная струя более мелких капель повышенной плотности. Полезное изобретение, особенно для подавления водоотталкивающей пыли на каменноугольных шахтах, угольных складах и т.п. Пыль в наших рудниках связывается эффективно при помощи простых центробежных форсунок. Разговаривали с ним на эту узкоспециальную тему, развивали планы для конструкций новых форсунок с двойным диспергированием воды (их опробовали на Украине и регистрировали в Москве в качестве авторского свидетельства 1990 г.), опубликовали сообщение в спецжурнале ФРГ и наметили монографию. Прекратили наши планы в 2002 году вследствие моей болезни.

Защита секретов и безопасность играли в нашей отрасли большую роль. Тем не менее имелись легальные возможности и вне «Висмута» обмениваться мнениями и реализовывать совместные проекты. Тесные связи существовали с Центральным институтом медицины труда ГДР в Берлине, Горной академией во Фрайберге, особенно с Институтом безопасности труда и горной безопасности, у которого защитил свою диссертацию, Институтом горной безопасности при Верховном горном надзоре ГДР в Лейпциге и органами Палаты техники (как например с спецкомитетом пыли в рамках Горно-металлургического общества или Центральным кружком защиты окружающей среды при президиума Палаты техники или координированными мероприятиями для защиты трудящихся от асбестовой пыли).

Народному шахтостроительному предприятию в г. Нордхаузен было поручено штольни в районе Гарца восстановить, рас-

ширить, проходить и провести крепление. При проведении горных работ в этих породах оказались высокая запыленность и пыль с высоким содержанием свободной двуокиси кремния. Поэтому попросили у «Висмута» оказать социалистическую помощь. Это было необыкновенная, но интересная задача для меня, потому что там применялись громоздкие механизмы, самоходная техника с дизельным приводом и мощное оборудование для торкретирования.

В настоящее время средства информации ФРГ о «Висмуте» говорят и пишут, что условия труда горняков с первых, начальных лет все оставались такие же неудовлетворительные на протяжении всех 45 лет. Так поступать нельзя — протестую. Нужна объективность, правдивость, дифференциация. Во-первых, как минимум различать между периодами советского акционерного общества «Висмут» до 1953 года и СГАО «Висмут» начиная с 1954 года, когда действовали законы ГДР. Во-вторых, необходимо учесть, что ВИСМУТ представляет не только одно исключительно горное предприятие.

К предприятию СГАО «Висмут» относились генеральная дирекция (ГД), 8 горно-добывающих предприятий (ГДП №9, ГДП Пайтцдорф, ГДП Шмирхау, ГДП Ройст, МГДП им. «Эрнста тельманна» Беервальде, ГДП Дрозен, МГДП Кенигштейн, ГДП им. «Вилли Агатца» Дрезден), 2 горно-обогачительного/перерабатывающего предприятия (ПП № 101 и ПП №102), центральное геологоразведочное предприятие, проектное предприятие, транспортное предприятие, строительно-монтажное предприятие №17, 3 машиностроительных предприятий, научно-технический центр, организационно-вычислительный центр, предприятие для снабжения рабочих, заводские академии и 2 профучилища в Шлема и Гера.

К отрасли «Висмут», помимо предприятий СГАО «Висмут», относились: здравоохранение «Висмута» с дирекцией, районами медицинского снабжения, шахтными амбулаториями, больницами, реабилитационными и лечебными клиниками, центрами гигиены труда и общей гигиены а также центральной патологией, областной комитет «Висмута» СЕПГ (обком партии), центральное правление отраслевого профсоюза «Висмут» со соцстрахованием, инспекцией охраны труда и службой по организации отдыха в период отпуска, областная команда «Висмут» Немецкой народной полиции (заводская охрана), областные правления или руководства Министерства госбезопасности, Палаты техники с шахтными секциями и спецкомитетами, обществ для распространения научных знаний (Урания), для немецко-советской дружбы и для спорта и техни-

ки, Немецкого красного креста «Висмут» и Свободной немецкой молодежи. В связи с этим можно еще указать на органы Гражданской обороны, Боевых дружин рабочего класса, спорта (Немецкий союз гимнастики и спорта с заводскими секциями, Общий союз мотоспорта с мотоклубами) и культуры (Культурбунд ГДР с филателистами). Все эти организации были подчинены своим соответствующим министерствам или центральным управлениям в Берлине. Они имели статус областей, однако обслуживали не определенную территорию, а трудящихся «Висмута». Здравоохранение «Висмута» возглавлял областной врач (Gebietsarzt), но он был таким же образом подчинен министру здравоохранения ГДР, как и все остальные областные врачи.

Мы обратили большое внимание на защиту трудящихся от асбестовой пыли, так как вдыхание ее может вызывать асбестоз и злокачественные новообразования (карциномы) бронхиальной системы (рак легких) и мезотелиомы (асбестовые раки). В 1977 году мы составили свою брошюру «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут», в которой обсудили вопросы повреждения организма человека и технической охраны исходя из тогдашнего уровня знаний и опыта в нашей урановой промышленности.

Существовало тесное согласование всей нашей деятельности со здравоохранением (технические мероприятия, выяснения, обучения, контроль и т.д.); втайне кое-где называли меня «фетишистом волокон». Однако, в конце концов оправдывалось это старание, это упорство. Более подробно я выразился в неопубликованной статье «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут» — ретроспективный взгляд». Мышьякодержащие минералы (в мышьяковистых жилах BiCoNi-формации часто встречаются как леллингит так и самородный мышьяк) играли в гидротермальных месторождениях Рудных гор уже давно большую роль. Первый шаг защиты здоровья горняков заключался в том, что геологам пришлось отдельные очистные выработки декларировать в качестве «мышьяковитого рабочего места». В этих забоях необходимо было соблюдать следующие правила: запрещено курить, кушать и пить, специальное умывальное место, личное полотенце и крем для защиты кожи, а также ежедневная смена защитной одежды. Во время добычи смешанных серебросодержащих руд (в 1980 годах) эти профилактические мероприятия одни показались недостаточными. В Центре гигиены труда провели интенсивные исследования по этой проблематике мышьяка и тяжелых металлов. В ходе научно-практических исследований появились не только окончательные сводки, а также экзаменационная рабо-

та для врача-специалиста по гигиене труда и в 1988 году медицинская диссертация г-жи Кармен Фритше к.м.н. На основании этих исследований районы очистных работ классифицировались, методы пробоотбора и их анализы, пути внедрения мышьяка в организм уточнялись (ингаляция при вдыхании, пенетрация через кожи, ингестия через рот / проглатывание), выяснились сложные биологические процессы в организме человека.

Перед службой охраны и гигиены труда постоянно появлялись новые вызовы в связи с изменением условий отработки месторождений и введением новой техники. Укажу некоторые примеры:

* мокрое пылеподавление в горных выработках 4 каскада и кондиционирование воздуха в связи с ростом температур и влажности рудничного воздуха на глубоком месторождении Нидершлема-Альберода;

* вдыхание нитрогликолевых паров при проходке глубоких стволов шахт;

* работа проходчиков в обычных резиновых сапогах при температуре пород до 64 °С в нетронутым массиве;

* вентиляция, борьба с пылью, пожарами и газами в глубоком карьере Лихтенберг (применение реактивного двигателя самолета для ликвидации застойных зон в атмосфере карьера);

* внедрение горнопроходческих комбайнов и пылеподавление при их работе;

* внедрение самоходной дизельной техники и борьба с явным загрязнением рудничного воздуха дизельной сажей и дизельными газами;

* загрязнение обогащательного предприятия при переработке углистой руды из ГДП им. «Вилли Агатца» Дрезден;

* повышенный износ деталей горных машин в МГДП Кенигштайн из-за высокого содержания кварца в горной массе.

Хочу напоминать еще о следующих мероприятиях, которые помогли улучшить условия на рабочих местах:

Разработка комбинатских стандартов «Висмута» (здесь ряд KSW 109-9014/ ... гигиена труда, вредные вещества в воздухе на рабочем месте), индексирование статьей из журналов и включение их в информационную систему «Висмута» (27-й отдел гендирекции), производство учебного фильма по охране труда «Человек и пыль» (киностудия «Актюелл» СГАО «Висмута» в Шлеме 1968 г., заведующий: Рихард Бюшель), выпуск книги «Пыль в атмосфере рабочих мест» (издательство «Трибуна» Берлин 1980 г.) и брошюры «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут», Карл-Маркс-Штадт 1977 г., публикация разных статей, правил и инструкций.

С целью обучения и повышения квалификации специалистов проводились ре-

Гюнтер Дуке перед стартом марафона в Египте

гулярно самые разные семинары, коллоквиумы и курсы. В период с 1971 по 1990 г.г. организовались ежегодно пылеизмерительные курсы в интернатах. Длительность обучения до недели, участники — пробоотборщики, пылевые лаборантки, рабочие и инженеры по борьбе с пылью, врачи.

Начиная с 1965 года организовывались множество недельных курсов по радиационной защите. Участники - ИТП всех горных и обогатительных предприятий. Темы курсов — биологические эффекты и опасности, дозиметрия, контрольный режим, защитные мероприятия от радиоактивных излучений. Курсы вели: дипл. физик Вальтер Будник, дипл. инж. Зигмар Рихтер, дипл. биол. Лотар Шелленберг. Каждому участнику вручалась курсовая брошюра «Защита от радиоактивных излучений при добыче и переработке радиоактивных руд», сопровождающий материал во время курса и для использования на практике. Цель заключалась в том, чтобы знания по этой важной теме распространить и перенести в ежедневную практику. Лудвиг Хамбек (д.т.н.) разработал новый метод вычисления необходимого количества воздуха для обеспечения радиационной безопасности.

Соцсоревнование в области охраны труда (предупреждение несчастных случаев, защита от пыли, шума и излучения) в СГАО «Висмут» вели под названием метод Басова. (Басов — это бригадир в строительной промышленности Советского Союза, который мероприятия охраны труда предложил материально стимулировать и при этом строго их контролировать). Статьи, переведенные мною, давали нам ценный опыт. Движение Басова помогало нам, улучшить уровень защиты труда при помощи привлечения как трудящихся так и ИТП. В прочем после политического поворота в Германии подобные соревнования по охране труда между рудниками, организованные страховом обществом горной промышленности, показали аналогичные результаты. Важное место занимали: ежедневная оценка всех рабочих мест горными мастерами (штейгерами) и всеми ИТП (оценки влияли на высоту надбавок бригадира), объявленные и необъявленные контроли на предприятиях, составление плана контрольных работ на год и т.д.

Несколько слов к моей общественной деятельности. С начало стал членом, а потом председателем профкома среди технических отделов гендирекции. В общей сложности общественная работа требовала значительную часть свободного времени. В первый понедельник месяца встречалась после рабочего дня партгруппа отдела, во второй понедельник проходили партсобрания среди технических отделов гендирекции, в третий понедельник встречались в кружках партийного учебного

года. К этому присоединились профсоюзные собрания и заседания правления, учения и тревоги Боевых групп рабочего класса, заседания областного правления Палаты техники, историческая комиссия огородников, секция туристов - автомобилистов, группа бегунов в спортивной организации и т.п.

После школы я не занимался специальной дисциплиной спорта. В середине 1960 годов мне пришлось участвовать в одном учебном социальном проекте. Небольшой круг добровольцев сотрудников гендирекции освобождали еженедельно на один час от работы и тренировали по специальной программе. В начале, а затем спустя полгода снимали физические параметры и способности каждого участника. Научные сотрудники вуза по физкультуре и спорту ГДР в Лейпциге анализировали данные и использовали их для своих дипломных и кандидатских работ.

Вдохновленный положительными результатами этого проекта и лозунгом соцсоревнования «спешите с мильей», я с тех пор стал заниматься физкультурой. Так я пришел к бегу трусцой, к спорту. Сначала бегал только свои круги на стадионе им. «Хейнца Фидлера». Потом вовлек Рабенштайнский лес в свои спортивные занятия, участвовал в небольших соревнованиях бегунов в окрестности и конце концов «приземлялся» в больших соревнованиях как реннштейглауф, кернберглауф в Йена, штаузеелауф в Рабенштейне и др. Для бегуна, по сравнению с другими видами спорта, требуются небольшие материальные и денежные расходы и затраты времени. Два часа бегать по лесу (после рабочего дня) великолепное средство, чтобы накопленный стресс снизить, ход своих мыслей привести в порядок, укрепить систему кровообращения, мускулатуру и иммунный аппарат. Чудесно, в тишине предждественского времени, вечером с 20.00 до 22.00 часов одиноким бегуном пересекать заснеженные предместья и деревни с домами с иллюминированными окнами и садиками. Так как в то время не существовало специальной функциональной одежды, против мороза и ветра засывал газету под верхний слой одежды.

В рамках массового спорта каждый год выполнял условия спортивного знака ГДР. Поставил себе личную цель, в среднем за месяц бегать 100 км или за год не меньше 1200 км. В периоде с 1983 по 1999 год набегал 21 492 км, в том числе 2 681 км при организованных бегах. Кроме того преодолел не меньше 70 км плаванием, 1 300 км велосипедом и около 700 км на лыжах. Существовали «любимые беги» как например реннштейглауф (14 раз), Йенаер кернберглауф (18 раз), а на других, более экзотических бегах, таких как «Бильские лауфтаге» (Швейцария) или «Египетский марафонский бег» участвовал только один раз. Частые прогулки в горах Малой

фатры, Высокой татры (Словакия) или Ретикона (Альпы в Австрии/Швейцарии) доставляли для нас радость.

Большое внимание уделяли в нашей семье участию в культурной жизни. Читать, посещать спектакли в театрах, концерты, оперы, цирки и кино считались нормальным делом. Плата за вход каждый мог себе позволить, в противоположность настоящим условиям. Иногда с удовольствием играл на скрипке, несмотря на ограниченный объем свободного времени как отца семьи. Любил в церквях неоднократно слушать рождественскую ораторию, страсть Иоганна и Матвея композитора Иоганна Себастьяна Баха и другие концерты сакральной музыки. Мы с женой открыты для всех жанров музыки (от оперы, оперетты, мюзикла и симфонии до народной, духовой и карнавальской музыки). После инсульта ощущаю эмоций от музыки более интенсивно, чем раньше (лабильность аффекта).

Моя многолетняя деятельность в уранодобывающей промышленности доставляла мне большое удовлетворение благодаря своей гуманистической направленности. Быстрых результатов в виде снижения уровня профессиональных заболеваний ожидать не приходилось. Но как в медицинской статистике времен ГДР, так и в научном анализе ситуации по запыленности, проведенном под руководством специалистов из ФРГ, были приведены доказательства эффективной системы охраны здоровья и техники безопасности в СГАО «Висмут». Начиная с 1966 г., ситуация с запыленностью на предприятиях «Висмута» ни в коей мере не была хуже, чем на аналогичных предприятиях ФРГ в тот же период времени.

После завершения 57 лет жизни мне предложили с июня 1991 года перейти в так называемый «переход по старости». Мне казалось, что это еще не пенсионный возраст, поэтому просил о приеме на работу в Технической службы страхового общества горной промышленности. С 33летним стажем я ушел из урановой промышленности и работал до 65 лет начальником района профзаболеваний и защиты от вредных веществ. Это была весьма интересная, разнообразная и ответственная задача, которая мне также приносила много радости при решении вопросов борьбы с пылью, газами, ядами, шумом, вибрацией, тяжелого физического труда, освещения и т.д. на всех оставшихся горных предприятиях и предприятиях санирования новых федеральных землях (бывшей ГДР). Здесь мне дали возможность использовать и расширить все мои прежние профессиональные знания и опыт.

В период моей деятельности у страхов-

щика горной промышленности мне пришлось дважды посетить северную Америку. В США и других странах исследовали, возможно ли, что пыль двуокиси кремния помимо силикозоопасности в состоянии вызывать рак легких. Под руководством Барбары Дакетмен дмн (тогда паталог в Национальном институте безопасности труда и профзаболеваний — NIOSH — в г. Моргентаун / Западная Вирджиния, сейчас профессор Моргентаунского университета) группа исследователей занималась работой по теме «Кварцевая пыль, ионизирующее излучение и рак легких — этуод осуществимости в урановой промышленности восточной Германии». Это глубоко затронуло меня. Два года спустя мне дали возможность посетить международную конференцию в г. Питтсбург / Пеннсилвения и сделать сообщение с плакатом о кониметрическом методе пылеизмерения, который применялся раньше в ГДР. (Пыли двуокиси кремния сегодня приписывают некоторый канцерогенный потенциал. Однако необходимо учесть, что свойство вызывать рак сильно различается между веществами. Это значит, что канцерогенность

крокидолита / синего асбеста, кризотила / белого асбеста, твердой древесины и кварца не одинаковы).

В июне 1999 года стал пенсионером; после 5 месяцев случился апоплексический инсульт. Я его 13 лет пережил, паралич половины тела, могу ходить на небольшие дистанции с палкой, водить автомашину с оговорками и обслуживать компьютер одной левой рукой.

Несколько слов в заключение: в начальном периоде «Висмута» по поручению биржи труда люди обязаны были отработать в урановых рудниках срок 6 месяцев. Многие оставались добровольно дольше или даже на всю свою профессиональную жизнь. В качестве примера можно указать на «ветеранов «Висмута», которые опубликовали свои воспоминания в первых двух томах «УРАН И ЛЮДИ».

Еще могу вспомнить молодежного бригадира Александр Цотцманн с шахтой № 66 в Шлеме или технолога, потом научного сотрудника директора ГДП № 09 дипл. инженера Клаус Байер (смотри: К. Байер «Вообще

Гюнтер Дукс с супругой Розой и сыновьями. 70-е годы.

«Серебряная» пара — Гюнтер и Розы. 2009 год.

хотел оставить только один год...», воспоминания, эпизоды, мысли из 40 летней профессиональной жизни в уранорудной промышленности западных Рудных гор — САО/СГАО «Висмут», общество для печати и издания Мариенберг 2006 г., ISBN 3-931770-66-4, ISBN 978-3-931770-66-2).

В начальные годы коллектив «Висмута» представлял собой пеструю массу людей самых разных профессий, жизненных судеб, политических, религиозных и культурных взглядов — маленький Вавилон. Некоторые ехидничали — «сапожники, портные и парикмахеры становились в «Висмуте» инженерами». Да, найти горняков с профессиональным опытом из Саксонии, Силезии и Судетской области (Чехия) в то время было трудно. Но в течение четырехх половиной десятилетий из этого пестрого сборища обучили и создали коллектив «Висмута» с квалифицированными, высоко профессиональными специалистами и высококлассными рабочими. Это и выражает маленькое стихотворение, которое я предпослал моей статье и нашел при посещении федеральной выставки садоводства (BUGA) в Роннебурге и в музее истории объекта № 90. Оказалось, есть причина с гордостью смотреть на свои годы, проработанные в «Висмуте».

Когда сегодня, в свои 78 лет, я оглядываюсь на прожитую жизнь, мысли мои обращаются к книге Николая Островского «Как закалялась сталь», с которой я познакомился в возрасте 13 лет, когда вступал в Союз свободной немецкой молодежи. Вся моя жизнь имела смысл. Я помогал защищать людей от болезней и смерти. Я смог повлиять на то,

Хельмут Вайнль

О моей деятельности на ПП №101 СГАО «Висмут»

Я родился 19 апреля 1949 года в Рудольштадте в Тюрингии. В 1955 году началось мое школьное образование, которое я окончил и получил аттестат зрелости. В те времена получение аттестата требовало 8 лет учебы в базовой школе и затем четырехлетнего посещения расширенной средней школы. После приобретения аттестата зрелости в 1967 году я был призван на 18-месячную военную службу в Национальной народной армии. Там я исполнял обязанности разведчика в подразделении ракетной пусковой установки в городе Эрфурте. После увольнения из армии начал учебу во Фрайберг-

чтобы гуманизм отчасти стал реальностью. Моя профессия стала моим призванием. Я выполнял свою работу честно, с любовью и вдохновением. Совесть моя чиста, пусть даже средства массовой информации, с настойчивой предвзятостью хотят представить ГДР современной молодежи как неправое государство, состоящее исключительно из «штази», и лживо говорят, что в СГАО «Висмут» техника безопасности оставалась на протяжении 45 лет такой же, как и в «дикие» 40-е годы.

Разрешите повторить слова В.П. Назаркина, сказанные им на прощальной встрече с коллегами в 1993 году.

«Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производился уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться!»

Лучше по моему никто не мог эти мысли выразить словами.

ской горной академии по специальности «металлургия». Закончил учебу в 1973 году дипломированным инженером, защитив диплом с оценкой «хорошо». За несколько месяцев до окончания учебы правительство ГДР приняло новое постановление, по которому выпускники института должны были отработать по найму без возможности увольнения в течение 3-х лет там, где имелись наибольшие народнохозяйственные потребности.

Моя профессиональная деятельность началась на алюминиевом заводе химического комбината в Биттерфельде. Из-за

значительного вреда окружающей среде и исключительно трудной ситуации с жильем здесь был особенно большой недостаток молодых инженеров. В 1974 году я сочетался браком; моя жена была в то время еще студенткой во Фрайбергской горной академии. Хотя работа на алюминиевом заводе в качестве технолога и заместителя заведующего электролизом нравились мне, и рабочая обстановка была хорошая, я вскоре начал подыскивать новую работу. Будучи молодым супругом, я не хотел ждать 7 лет квартиру. От моей жены я узнал в 1975 году, что СГАО «Висмут» срочно ищет инженеров-металлургов для создания и деятельности исследовательского предприятия по добыче олова. При этом наряду с хорошими возможностями заработка туда привлекали еще и получением жилья в течение одного года. Я подал заявление и смог в сентябре 1975 года получить работу технолога на вышеупомянутом перерабатывающем предприятии № 101 в Кроссене. Увольнение с алюминиевого завода в Биттерфельде после всего лишь 2-летней деятельности оказалось возможным, так как согласно тогдашнему закону время в армии засчитывалось как первая работа по найму (плюс время в Биттерфельде).

Тогда в 1975 году я еще не думал, что проведу всю последующую трудовую жизнь в СГАО «Висмут» или в «Висмуте ГмбХ». Я хорошо помню, как прибыл с чемоданом на вокзал в Цвиккау, далее автобусом доехал до Кроссена (первую машину «Трабант» мы должны были получить лишь через 5 лет) и сообщил о себе тогдашнему начальнику отдела кадров Мюглеру. Сначала я получил комнату в общежитии для холостяков, которую я делил с инженером НТЦ. Однако «Висмут» сдержал слово, и в августе 1976 года мы с женой получили собственную маленькую квартиру в новом доме.

Здесь следует сказать, что после работы на народном предприятии с тамошними ограниченными возможностями на меня произвели большое впечатление как техническое состояние предприятий «Висмута», так и социальные условия. Какое народное предприятие с численностью 1300 человек могло бы располагать собственной амбулаторией с несколькими врачами, большим домом культуры, а также множеством других учреждений для улучшения условий труда и жизненных условий? Надо упомянуть и введенный в эксплуатацию в 1977 году близкорасположенный центр отдыха в Штангенгруне.

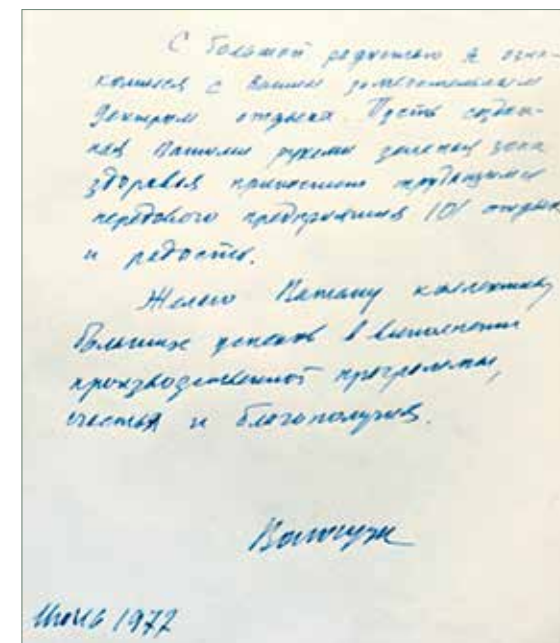
С самого начала работы в ПП № 101 мне пришлось привыкать к новым заданиям. Ведь новая установка извлечения олова неслала капитальные затраты в размере примерно 32 млн. марок ГДР и требовала около 150

работников. Установка состояла из подготовительной и металлургической частей, причем металлургическая часть подразделялась на пирометаллургию и гидрометаллургию.

В соответствии с моей квалификацией я работал в металлургической части. Сооружение опытной установки стало следствием открытия большой оловянной рудной залежи в Западных Рудных горах в районе Шварценберга-Обервизенталя. Тогдашняя цена на олово на мировом рынке окупала разведку этого месторождения и добычу олова. Благоприятствовало еще и то, что месторождение содержало и другие ценные компоненты, например, вольфрам, цинк, медь и магнетит. Пилотную установку возглавляли два опытных инженера — М. Майкснер и Г. Герлах. Советские граждане также входили в состав инженерного персонала. Подлежавший изучению процесс был разработан Московским институтом ВНИИХТ. Поэтому наряду с постоянным советским персоналом работала и так называемая «московская помощь». Специалисты из Москвы сменялись примерно каждые 3 месяца. Так как эти исследователи, в противоположность советским висмутянам, не говорили, как правило, на немецком языке, а нам необходимо было общаться по рабочим вопросам, — я смог во время этого сотрудничества улучшить мои познания в русском языке.

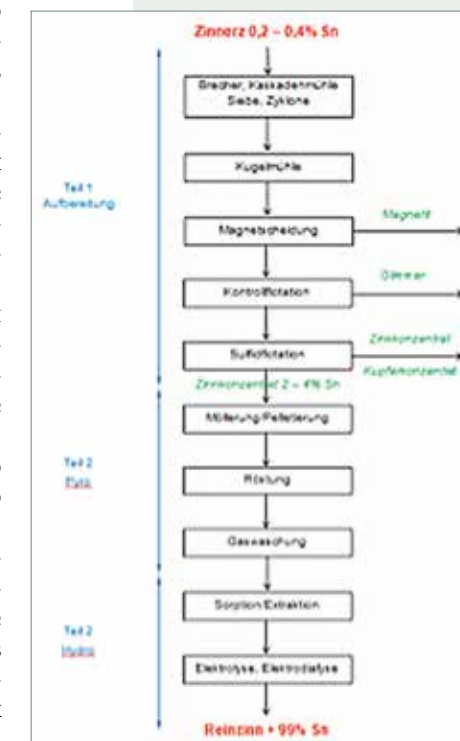
По моей оценке, сотрудничество между всеми участниками проекта было образцовым. Тем не менее, исследования в части металлургии были отмечены множеством проблем. Сюда относились, прежде всего, проблемы коррозии при обращении с горячими хлористоводородными растворами и негерметичности в системе, которые вели к поступлению кислорода, снижая этим крайне необходимую для процесса восстановительную атмосферу.

В части подготовки, наоборот, удалось создать относительно непрерывное инвестиционное производство, причем, однако, и в этой части не удалось достичь желаемого уровня производственных издержек. Тем не менее, исследо-

Первая запись в книге отзывов посетителей центра отдыха в Штангенгруне генерального директора С.Н. Волощука

Грубая схема извлечения олова

Территория предприятия и отвалы на заднем плане

вания по переработке продолжались еще до 1988 года (с 1982 г. они были дополнены вольфрамовыми рудами). Но металлургическая часть была закрыта еще в 1979 г.

Годом раньше закончилась моя деятельность на пилотной установке по извлечению олова. В технической дирекции я принял новую функцию уполномоченного в области инвестиций. Мой новый шеф был руководителем технического отдела, позже — отраслевой технической директор К. Х. Винниг. Под его руководством я проработал почти 15 лет. В нем я ценил, прежде всего, решительность и поддержку сотрудников, выполнявших задания. К сожалению, в течение более поздних лет, работая с другими начальниками, я получил в этом отношении и другой опыт. Теперь, естественно, надо было опять привыкать к своим обязанностям в новой должности. Во время деятельности с пилотной установкой у меня не было особых представлений

о подлинной цели Общества, а именно о переработке урановых руд. Причиной тому было строгое сохранение тайны, поэтому любой инженер мог знать только то, что требовалось для исполнения его непосредственной деятельности. Ничего не менял также и тот факт, что я был допущен к высшей

степени секретности — к «совершенно секретным документам».

Немного подробностей о перерабатывающем предприятии № 101. ПП № 101 создавалось с 1950 года на территории бывшей бумажной фабрики, и было запущено в производство в 1951 году. С пропускной способностью более чем 3,1 млн т. руды в середине 50-х годов оно было в то время во всем мире самым большим предприятием переработки. После ввода в эксплуатацию ПП № 102 его значение несколько уменьшилось. Тем не менее, пропускная способность в начале моей деятельности там в середине 70-х годов составляла еще более 2,1 млн т. руды. В качестве сравнения укажу на данные из западногерманского специального журнала «Ерцметалл» 1978 года, где на установках западного мира средняя ежегодная пропускная способность составляла примерно 0,5 млн т. ПП № 101 просуществовало с 1951 по 1989 гг., то есть почти 40 лет. За этот период было переработано почти 75 млн т. руды, из них извлечено примерно 77 000 тонн урана. Это составляло примерно одну треть общей продукции СГАО «Висмут».

С самого начала переработка происходила по двум отдельным технологическим линиям:

- переработка жильных руд Рудных гор с содержанием урана 1000 — 4000 г/т охватывала по существу степени измельчения, сортировку, а также радиометрическое и гравитационное обогащения. Пустые породы отгружались к северу от территории завода в отвалы.
- карбонатные руды из Восточной Тюрингии с содержанием урана примерно 800 г/т после измельчения, истирания и сортировки подлежали содово-щелочному выщелачиванию. С 1965 года подключили сорбцию суспензий с последующей регенерацией. Последними технологическими ступенями процесса в схеме Тюрингских руд были осаждение с нашатырным спиртом, а также последующие фильтрация и высушивание.

Полученный таким способом химический концентрат содержал примерно 70% урана. Осажденную суспензию откачивали в промышленный отстойник Хельмсдорф, который находился в нескольких километрах к западу от территории предприятия. До ввода в эксплуатацию отстойника Хельмсдорф в 1958 году существовали 2 небольших сооружения в той же самой области (Дэнкритц 1 и Дэнкритц 2).

Наряду с обоими сортами руд из Рудных

гор и Восточной Тюрингии в ПП №101 стали временами поступать также руды из ГДП Кенигштайн, и из ГДП «Вилли Агатц» (Фрайтальские рудоносные угли).

Ниже указан краткий сводный баланс поставляемых количеств:

- Тюрингская руда: 46,3 млн т
- Саксонская руда: 22,4 млн т
- Кенигштайн: 5,0 млн т
- Фрайтальские угли: 1,0 млн т

Естественно, что процессы переработки при таком долгом периоде эксплуатации претерпели в зависимости от состояния науки и техники множество изменений. Упомяну внедрение автогенного дробления в 1971 году, внедрение пиритной флотации в 1967 году, постепенное внедрение с 1972 года (полностью — в 1981 г.) автоклавного выщелачивания для Саксонских руд, а также внедрение автоклавного выщелачивания Тюрингских руд в 1984 году. Следующая схема переработки урановых руд показывает ее состояние к концу периода эксплуатации во второй половине 80-х годов:

В результате описанных технологий на территории ПП № 101 находились:

- территория завода с площадью примерно 20 га;
- отвал пустых пород в Кроссене с площадью примерно 22 га;
- промышленные отстойники площадью в целом примерно 300 га;
- прочие площади для различных вспомогательных и прочих установок, а также социальные учреждения общей площадью примерно 5 га.

На этом предприятии мое задание состояло преимущественно в том, чтобы срочно довести необходимые инвестиции до проектной зрелости и для подтверждения необходимого финансирования. Исключение составляли такие крупные инвестиции как внедрение автоклавного выщелачивания и, позднее, добыча серебра, где для подготовки и реализации были созданы центральные строительные штабы.

Упомяну некоторые из подготовленных мной инвестиций:

- улучшение просеивания и сортировки в цехе 10;
- реконструкция осаждения в цехе 8;
- улучшение постфильтрации в цехе 11;
- реконструкция парогенераторов в котельном помещении;
- перевод снабжения сжатым воздухом на центральный компрессор;
- реконструкция системы углеподачи;
- реконструкция оборудования по снаб-

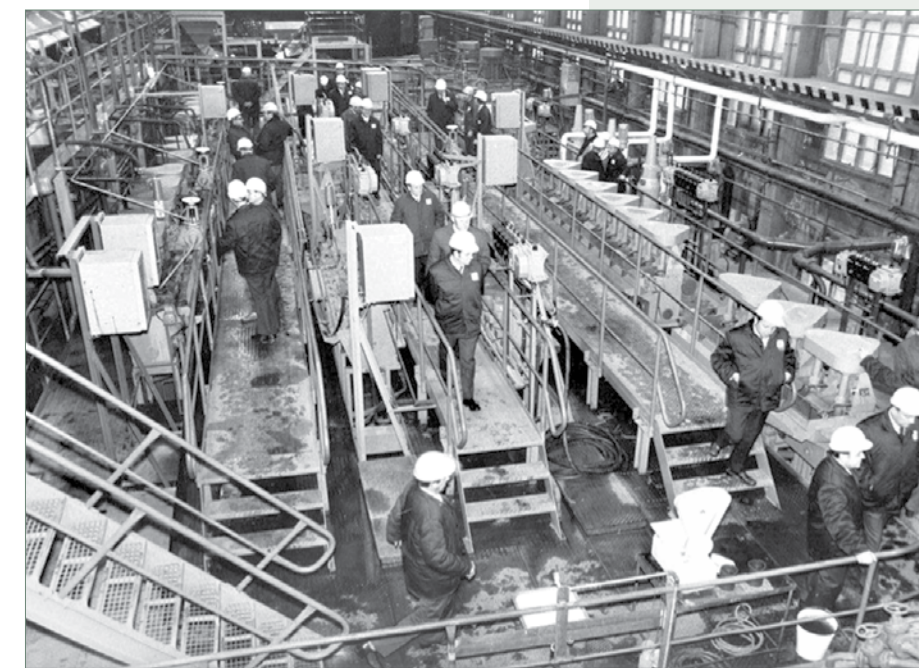
жению электроэнергией;
— реконструкция дома культуры в Кроссене;
— модернизация амбулатории на предприятии.

К этому добавлялись работы на отстойнике Хельмсдорф, где ежегодно требовались инвестиции в размере 2—3 млн. марок ГДР. Вышеупомянутый список показывает, что необходимые работы требовали сотрудничества почти со всеми структурами предприятия. Партнером было, прежде всего, проектное предприятие, но также и научно-технический центр, строительномонтажное предприятие №17 и принимающая решения и дающая кредиты Генеральная дирекция «Висмута». Естественно, осуществлялось также множество контактов с поставщиками и строительными предприятиями народного хозяйства ГДР.

В моем трудовом договоре была также указана деятельность в качестве посредника предприятия с отделом по делам «Висмута» районного совета Карл-Маркс-Штадта. Этот отдел был ответственен за ведение дел, связанных с деятельностью «Висмута». Партнерами при этом были, прежде всего, коммуны, государственные учреждения, земельные предприятия и лесные хозяйства, а также народные предприятия и жители. Участие в соответствующих встречах давало мне возможность, также как и вышеописанное внутривисмутское сотрудничество, широкого обзора процессов и взаимоотношений.

Начиная с начала 80-х годов, начался отчетливый спад переработки, связанный

Посещение советско-немецкой правительственной делегацией пилотной установки для извлечения олова

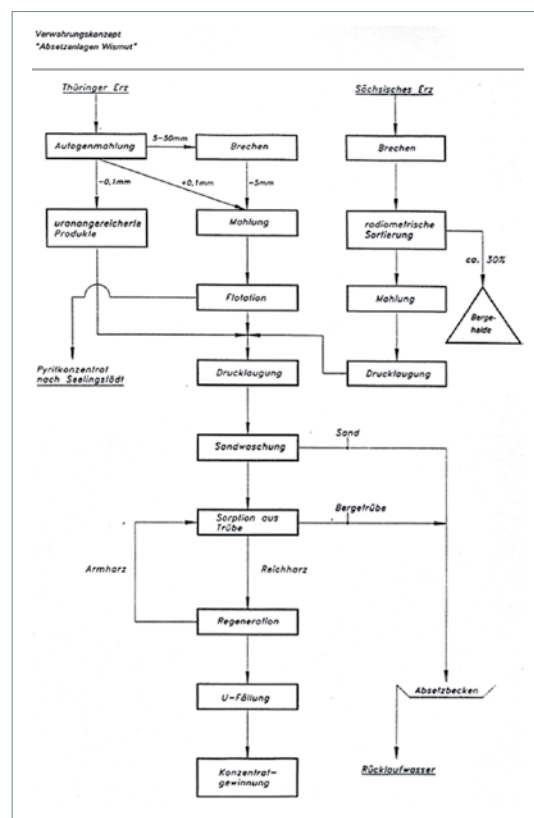
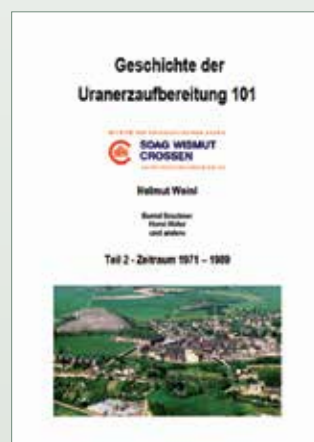

Схема переработки урановой руды на ПП № 101

Документы к истории ПП № 101 в 2-х томах

со снижающимися содержаниями урана. Об этих проблемах официально не говорилось, однако, внимательному наблюдателю они не оставались скрытыми. Причиной было снижение горных работ в Рудных горах и в Восточной Тюрингии к югу от автобана А4. Вскрытые новые месторождения к северу от автобана не отвечали ожиданиям. Как уже упоминалось, официальной информации об этом не было. Автор считает, что советская сторона скорее была готова обсуждать эти проблемы и их последствия. В то время я принял участие на проходящих ежегодно в «Висмуте» учебных курсах по переработке. По все еще находящимся у меня записям, на этих учебных курсах тогдашним руководителем 9-го отделения Генеральной дирекции доктором Шаталовым были названы цифры, которые отчетливо показывали спад. Такое развитие в то время касалось и меня, но не принесло мне особых забот о моем будущем. Хотя можно было рассчитать, что при запланированном сокращении объемов переработки сначала будет поставлено под сомнение существование ПП №101 как меньшего и более старого из обоих предприятий, однако, с другой стороны, все еще обсуждалось преобразование ПП №101 в предприятие по добыче олова и вольфрама. К тому же в 1984 году были предприняты самые большие в истории ПП №101 инвестиции при внедрении автоклавного выщелачивания для Тюрингских руд. Нормативный срок возмещения этих инвестиций составлял более 7 лет, так

что, с моей точки зрения, уже лишь по этой причине не нужно было опасаться никакого краткосрочного свертывания производства. В 1986 году существующее устройство даже было еще и расширено. Кроме того, я видел шансы включения предприятия переработки Кроссен после его закрытия в ПП №102. В то время возможность полной ликвидации «Висмута», которая случилась после 1990 года, трудно было себе представить. То, что события Чернобыля, окончание гонки вооружений при Горбачеве и связанное с ними тотальное падение на мировых рынках цен на уран должно было ускорить спад производства предприятий «Висмута», лишь постепенно становилось ясным. Сегодня я знаю по архивным документам «Висмута», что свертывание ПП №101 было запланировано на 1995 год. Событие, которое отражено ниже, даже ускорило этот срок.

В 1983 году при разведке уранового месторождения Нидершлема-Альберода было встречено рудопроявление серебра. Органы власти ГДР поручили «Висмуту» начать все необходимые мероприятия к эксплуатации серебра. Была срочно разработана технология, которая предусматривала добычу серебра на ПП №101 из урансодержащих серебряных руд. Намеченное устройство с пропускной способностью 2 тонны серебра в год было введено в эксплуатацию несколькими строительными этапами в период в 1987-88 гг. Также и я видел здесь возможность улучшения перспектив ПП №101. Однако, при внедрении процесса были недостаточно учтены высокие содержания мышьяка — в среднем 9% и до максимальных величин — более чем 50%. При содово-щелочном вскрытии мышьяк попадал в раствор и с массой в отстойник Хельмсдорф. Это вело к повышению содержания мышьяка в воде бассейна вплоть до содержаний более чем 100 мг/л. В результате это привело к гибели диких уток и другой водной птицы, что осложнило отношения в регионе.

При оценке этого события следует учитывать ситуацию в ГДР 1989 года. Возникла срочная необходимость действий, в результате которых закрытыми решениями на 1989 год была запланирована консервация ПП №101.

Заинтересованным лицам, а именно сотрудникам, сообщили эти решения только в мае 1989 года. Такая манера поведения, естественно, привела к значительному недовольству в коллективе. В течение кратчайшего времени многим пришлось окончить прежнюю деятельность и приниматься частично за абсолютно иную ра-

боту на государственных предприятиях. Большинство из бывших сотрудников проработали на новых предприятиях лишь несколько месяцев. Из-за перемен в ГДР многие из этих предприятий также закрылись или количество их работников были резко сокращены. Новые сотрудники были, естественно, уволены первыми.

Все же удивительно, как упорядоченно проходило свертывание предприятия в этих трудных условиях 1989 года. При этом нужно учитывать, что часто постановления уже через несколько дней перекрывались свежими событиями. При этом поддержка Генеральной дирекцией «Висмута» с моей точки зрения была недостаточной. Тамошние руководящие работники стояли самое позднее с 1990 г. перед абсолютно новой ситуацией, когда они должны были сворачивать не только 3 предприятия, а все Общество, включая самих себя. Руководство Общества вынуждено было нести основную тяжесть решений 1989 и 1990 гг. и их последствий.

Для тех, кто оставался в Обществе, что бы выполнять сворачивание и санационные работы, началось волнительное время. Я также относился к предусмотренным для этого работникам. Некоторое время я обдумывал поиск новой деятельности, так как по тогдашним представлениям для санационных работ было предусмотрено лишь примерно 5 лет. И тогда я должен был бы искать все равно новую работу, что было бы точно тяжелее в 46 лет, чем в возрасте 41 года. Однако, в конце концов, я решил, что останусь, тем более что в связи с политическими событиями и взятием под свой контроль и управление «Висмутом» законодательством Федеративной Республики Германии прояснилось, что санация продолжится существенно дольше, чем было запланировано. Было ли это решение правильным — сложно теперь оценить. Санационные работы требовали профессионального подхода. Будучи полной целиной в этом плане, мы оказались перед лицом многих противоречий и проблем. Для тех, кто отважился на новое начало, из-за краха большей части народной экономики сложностей было, вероятно, еще больше.

Думаю, с сегодняшней точки зрения можно дать оценку, что вопреки первоначальному большому сомнению, поставленные задачи на территории мы весьма успешно выполнили.

Мой профессиональный рост в это время начался с должности заместителя руководителя санационного отдела в Кроссене и руководителя инженерного отдела.

Оставшиеся установки бывшего ПП Кроссен были присоединены в 1990 году к ПП Зелингштедт. Руководителем санационного отдела Кроссена был уже упомянутый К. Х. Винниг. После его ухода на пенсию в 1992 году я принял его дела. Примерно с 1998 г. начался переход от относящейся к санации структуры к определенной исключительно для санирования структуре. В этой связи я был назначен руководителем отдела санирования промышленных отстойников, включая водоочистительные установки санационного предприятия Зелингштедт. При присоединении Зелингштедта к санационному предприятию Роннебург я стал руководителем проекта гидроустановок в Кроссене, Зелингштедте и Роннебурге.

Уже вскоре после объединения Германии я начал интересоваться также вещами, которые в ГДР были строго засекречены. Частично это даже требовалось и с профессиональной точки зрения. Возникло желание после окончания моей профессиональной деятельности изложить историю ПП №101 в письменном виде. С этим предприятием я чувствовал себя все еще сильно связанным. После выхода на пенсию я начал в 2008 году осуществлять свои намерения по написанию книги. Это потребовало необходимости обширных поисков в архивах «Висмута» и переговоров со многими бывшими работниками предприятий. В 2010 году я смог представить часть 1 (период 1950 — 1970 гг.) и в 2013 году — часть 2 (период 1971 — 1989 гг.) истории ПП №101. Интерес общественности к публикациям подтвердил мою точку зрения, как важно сохранить эту важную часть промышленной истории региона для будущих поколений.

Руководящие работники предприятия последних лет. Фотосъемка по поводу 60-летия со дня рождения советского главного инженера Семенова.

Леонхард Гюнтер Доктор, профессор

Как я пришел в «Висмут», какие задачи стояли передо мной и почему я охотно вспоминаю те времена

В 1949 году я с моими родителями переехали из Клингентале (в то время центра зимних видов спорта) в Нидершлему в Рудные горы, а в 1952 году — в Обершлему. К тому времени от всемирно известного курорта с радоновыми источниками почти ничего не осталось, так как был вытеснен «дикими» висмутовскими горными работами. Центр города вместе со школой, курортным домом, церковью и жилыми домами был снесен и объявлен запретной зоной, ручей Шлема перенесен с долины ближе к горному склону и там заканчивалась железнодорожная ветка, а железнодорожная ветка Шнееберг-Нойштедтель демонтирована. Ландшафт полностью изменился, повсюду шахты, породные отвалы, поезда и автобусы перевозившие рабочие смены, груженные самосвалы, горняки в рабочих спецовках.

Наряду с этими малоприятными обстоятельствами, были и положительные стороны. После дефицита и голода, возникших во время войны и первые послевоенные годы. Появилась возможность хорошо зарабатывать горнякам и иметь надежное обеспечение их семей продовольствием и другими товарами, что привлекло на работу местное население и перемещенные лица.

От появления большого количества горняков и их семей жилой фонд долины Шлемы затрещал по швам. Надо было за короткое время построить жилье для стремительно растущего числа жителей. Так был построен большой восточный жилой комплекс и несколько меньший — западный. Растущее количество переселившихся детей школьного возраста вынудило значительно расширить маленькое школьное здание в Нидершлеме.

До 6-го класса я учился в Клингентале, а в 7-ом классе с восемью другими учениками мы перешли из западного жилого комплекса в Нидершлему. Повсюду было видно, что небольшие поселки до таких изменений не доросли. Так как расширение школы в Нидершлеме не было закончено мы сидели в классах чуть ли не на друг друге. Для учителей, число которых постоянно росло, работа усложнялась еще и тем, что учащиеся приходили из разных населенных пунктов с разным уровнем начального образования.

После окончания 8-го класса, я учился в средней школе Шнееберга. Разница в уровне знаний была не так ощутима, но возникла другая проблема. С 11-го класса в учебном плане вторым иностранным языком после русского был английский. Но большая часть старых учителей сами никогда не изучали английский, а изучали латинский. Поэтому, в качестве «запасного варианта», мы учили латынь а не английский. Для дальнейшего образования, особенно в области естественных наук, это будет

положительный фактор, компенсирующий отрицательное влияние.

В 11 классе к нам пришел учитель математики, который много лет проработал в маркшейдерском отделе «Висмут». По сравнению со своими коллегами по работе, он умел работать с числами, таблицами логарифмов, тригонометрическими функциями. По его оценке я стал хорошим учеником, особенно в математике. Он рекомендовал мне после окончания средней школы осваивать маркшейдерскую. Но я не очень четко представлял себе, что скрывается за этим направлением. В тоже время его рассказы о профессии и возможность работать в «Висмуте» мне нравились. Кроме того, мне, как и многим моим школьным товарищам, у которых не было родителей, некому было подсказать пути моего дальнейшего образования и я не представлял себе кем хочу в конце концов стать.

После окончания средней школы я получил право на место в вузе. Но я не знал, что маркшейдерскому делу обучали только во Фрайбергской горной академии. Как и некоторые мои одноклассники, я подал документы в Высшее техническое училище в Дрездене и поступил на геодезию. В то время исключалась возможность перехода из одного вуза в другой.

В учебных планах было много известных мне терминов. К сожалению, я был не один ошибшийся в выборе направления дальнейшей учебы. Так, один из моих коллег хотел изучать географию, другой геологию, но из-за ошибки при выборе будущей специальности попали в маркшейдерскую. Только позже, по прошествии лет, я понял, что «ошибочный выбор» был для меня «счастливым случаем» в моей дальнейшей профессиональной жизни.

Участие в антарктических экспедициях СССР

После окончания учебы и защиты диплома «Тарирование советского гравиметра ГАК-3М», я обрабатывал данные геодезических сетей в Дрезденском институте, работал в геодезической службе ГДР, где заведовал кафедрой высшей геодезии.

От заведующего кафедрой профессора, доктора наук Пешеля я получил предложение занять должность научного ассистента по геодезии и прикладной геофизики.

Наряду с заведованием кафедрой, доктор Пешель исполнял обязанности директора института в Потсдаме, а также президента инженерной организации «Камер дер Техник», избирался президентом национального комитета по геодезии и геофизике при академии наук ГДР. На этой должности, кроме прочего, был представителем в международных научных организациях и ответственным за участие ГДР в полярных экспедициях Советского Союза.

С 1956 года СССР организовывал много научно-исследовательских полярных станций, расположенных на Антарктическом континенте и имел большой положительный научный и логистический опыт от их деятельности на этой территории.

Наряду с научным, высоко было их политическое значение в рамках ЮНЕСКО. Организация объединенных наций заключила всеобъемлющий международный договор, по которому запрещено в Антарктике проводить военные акции и размещать любые вооружения. Подписавшие этот договор консультативные государства, обязывались, без каких-либо предварительных условий, оказывать работающим там полярным станциям, в случаях необходимости, помощь и поддержку друг другу и обмениваться полученными результатами.

Дух этого договора показал, что континент, враждебный к человеку по климатическим условиям, может стать для него континентом мира и что страны, вне зависимости от общественного строя, могут успешно сотрудничать. Я сам был свидетелем такой работы на прибрежной станции «Мирный» и континентальной станции «Восток». Ученые из разных союзных республик СССР работали вместе с американцами, чехами, англичанами, французами и венграми. Хотя из-за языкового барьера это было не так просто. Я и сегодня с благодарностью вспоминаю случаи, когда помощь электронщика чеха Благодслава Славика помогла нам на станции «Восток» согласовать наши астрономические наблюдения с данными радиостанции на гавайских островах.

Положительный опыт получен от совместной работы в Тяньшане при ведущей роли СССР специалистов из ГДР. С 1959 года на станции «Мирный» работали специалисты метеорологи ГДР. Были получены данные о скорости смещения материковых ледников в долины. Не разрешенным оставался важный вопрос для климата на земле — смещаются ли антарктические льды и если да, то с какой скоростью и в каком направлении. Так как советская станция «Восток» находилась в 1500 км от суши и с ней не было непосредственного соприкосновения, то ответ на этот вопрос представлял большой международный научный интерес. До середины 60-х годов XX века ответ на этот вопрос не был получен.

Когда доктор Першель спросил меня, не готов ли я принять участие в Антарктической экспедиции для регистрации астрономических координат станции «Восток», я подумал, что это шутка. Почему вопрос ко мне? Но это было серьезно и он ожидал, что я с восторгом приму его, а мой скепсис воспринял плохо. Естественно, я был горд тем, что он мне доверил исключительную важную задачу и после прохождения основного медицинского обследования на моем пути не осталось преград.

Но во второй раз я усомнился в моей профессиональной пригодности. На одном совещании я узнал, что на континентальной Антарктиде, где располагалась «Восток» должны быть макси-

мально точно определены ее координаты. Станция располагалась примерно в 1100 км от Южного полюса на высоте 3500 м над уровнем моря. В научной литературе это место названо «полосом холода». При среднегодовой температуре — 57 С, там была зафиксирована самая низкая температура — 89,3 С при разряженном воздухе в районе станции «Восток». Наиболее «теплая» температура была зафиксирована — 21,3 С.

По заключению специалистов метеорологов на континентальной станции господствуют особые климатические условия. Высота над уровнем моря, атмосферное давление и содержание кислорода ниже, чем на континенте и соответствуют условиям на высоте 4500-5000 метров, такие как на Монблане.

С помощью полученной в Ленинграде спецодежды и при поддержке опытного полярного врача станции, мы приспособились к низким температурам. Сложнее было приспособиться к низкому содержанию кислорода во вдыхаемом воздухе. Поэтому находиться на открытом воздухе можно было только при строгом контроле врача и максимально ограничено.

После первых наблюдений в 1963—64 гг. за движениями ледников понадобились повторные замеры, которые проведены в 1971—72 гг. Ленинградский арктический институт обратился в Академию наук и ГДР провести эту работу по возможности теми же специалистами и тем же инструментарием. Мой партнер по работе в полярной экспедиции из Академии наук в Потсдаме мог поехать без проблем, но поставил условие, чтобы вместе с ним работал я. К этому времени я уже работал в Генеральной дирекции «Висмут» и не был уверен в возможности моего откомандирования, так как был носителем секретной информации о «Висмуте». Но мне посчастливилось. Генеральный директор и его первый заместитель поддерживали научные исследования в Антарктиде, верили мне, поэтому спокойно освободили меня от должности для поездки в экспедицию.

Проведенные нами повторные измерения координат на станции «Восток» позволили получить надежные результаты скорости и направления движения ледника внутри континента. Эти работы и полученные результаты не имели в мире аналогов и нам пришлось много лет ждать подтверждения наших данных.

После возвращения я стал опять работать в «Висмуте» в маркшейдерских службах горного предприятия в Тюрингии, исполнял обязанности главного маркшейдера СГАО «Висмут». Мне «Висмут» предоставил квартиру в Шнееберге, что дало мне возможность больше бывать с семьей.

В 1985 я закончил работу в «Висмуте» и, получив приглашение из института физики земли АН ГДР, переехал в Потсдам.

Горные работы в охранном целике города Роннебург

В центре тюрингских месторождений расположен город Роннебург с целым рядом про-

мысленных объектов и старинных жилых построек. Для сохранения этих строений были определены охранные целики. Такое решение было принято по заявкам Рудников и утверждено соответствующими государственными службами. Разведочные и горные работы допускались только в исключительных случаях и с разрешения высших госорганов. Строгое соблюдение и контроль выполнения этих решений выполнял Горный надзор г. Хемниц Высшего горного ведомства ГДР, институт безопасности ведения горных работ.

Отработка запасов богатой руды на верхних горизонтах обуславливала необходимость добычи более бедной руды на нижних горизонтах, а это вело к существенному повышению затрат по сравнению с центральной частью в районе г. Роннебург. Горные работы предприятий Шмирхау и Пайцдорф достигли охранного целика. «Висмут попросил разрешения на разведочные и опытные очистные работы. Процесс получения разрешения превратился в в долговременные мероприятия и большой объем подготовительных работ.

Под городом добыча руды велась, как и по всей Тюрингии, системами горизонтальных слоев с твердеющей закладкой в нисходящем порядке. В зависимости от конкретных условий применялись несколько ее вариантов. Это касалось, кроме прочего, сокращение шага крепи, увеличение угла наклона очистных заходов с целью наибольшего заполнения (до 100%) отработанного пространства. В случае необходимости разрабатывались дополнительные мероприятия. Для ведения горных работ и осуществления надзора за ними отбирали наиболее квалифицированные кадры.

Для разработки необходимых положений и их контроля Генеральный директор утвердил рабочую группу, в которую вошли представители различных отделов Генеральной дирекции и Научно-технического центра, а также представители рудников Шмирхау и Пайцдорф. Группа активно взаимодействовала с институтом безопасного ведения горных работ Горного ведомства.

Кроме того, были проложены новые водогазо-транспортные системы вместо столетней давности трубопроводов.

Совместно со Стройнадзором округа Гера «Висмут» разработал методику оценки состояния зданий и сооружений до начала горных работ. Насколько важен был такой анализ, мы увидели в г. Роннебург, когда меховая фабрика потребовала возмещения ущерба, который показал, что горная деятельность не имела к нанесенному ущербу никакого отношения, а возник вследствие ошибок самого предприятия.

Отработка богатых запасов в охранных целиках способствовала в значительной мере выполнению плановых заданий тюрингских горных предприятий. Несмотря на большой объем горных работ, выполненных в охранных целиках, к отрицательным последствиям для горного рода они не привели.

Глубокие горизонты месторождения Нидершлема-Альберода

На месторождении Нидершлема-Альберода, по мере отработки запасов верхних горизонтов, горные работы опускались на нижние горизонты, что приводило к появлению новых трудностей.

С глубиной повышалась температура пород и температура рудничного воздуха в рабочих забоях. Температура пород на глубине 1600 метров составляла 62—65 градусов Цельсия. Для охлаждения воздуха применяли стационарные и передвижные холодильные установки. По гигиеническим нормам, принятым в «Висмут», длительность рабочей смены 8 часов (с момента получения лампы) допускалась при максимальной температуре воздуха 26 градусов Цельсия.

Еще одно появившееся опасное явление (горные удары), к счастью не приведшее к травмам горняков, требовало проведения специальных мероприятий при ведении горных работ на глубоких горизонтах. Было известно, что различные процессы горообразования и сдвижения плоскогорий еще не закончились.

Многочисленные исследования института безопасности ведения горных работ Высшего горного ведомства ГДР и НТЦ «Висмут» позволили разработать технологические предписания по снятию напряжений горных пород, особенно при ведении буровзрывных работ. Были получены прогнозы ожидаемых трудностей при работе на нижних горизонтах.

Для своевременной регистрации возникающих в массиве напряжений и разработке защитных мер в районе ведения горных работ устанавливали сенсорные датчики в привязке к определенным выработкам. Такие датчики были разработаны в НТЦ «Висмут», которые были не хуже импортных, но значительно дешевле.

Для исследования возникающих явлений и обеспечения безопасности горных работ Генеральный директор С.Н.Волощук сформировал рабочую группу и назначил меня ее руководителем. В состав группы вошли ответственные работники Объекта 9, НТЦ и института безопасности горных работ.

Разработанные меры и постоянный контроль опасных районов позволили обеспечить безопасные условия ведения работ на глубине в зоне опасности горных ударов, путем предварительного снятия напряженного состояния горного массива.

Заключение

Все периоды моей профессиональной деятельности в техническом университете Дрездена, в антарктической экспедиции, в СГАО «Висмут», в институте физики земли АН ГДР были интересны и познавательны. Мне удалось познакомиться с различными научными и практическими областями и я благодарен всем немецким и советским коллегам, с которыми я работал и обязан им за то, что они поддерживали меня в сложных ситуациях.

Оттомар Буссе

Дипломированный инженер-геолог **Оттомар БУССЕ**, родился 30.04.1931 г. в Дройсиге недалеко от Цайтца (земля Саксония — Анхальт). Основные вехи: 8-летняя начальная школа, трехгодичное обучение специальности по сбыту промышленных товаров, трехлетняя работа бухгалтером на фабрике металлических изделий, в 1956 г. завершил работу бухгалтером по балансам, с 1956 по 1990 гг. — деятельность на урановом руднике в Тюрингии в качестве грузчика крепежного леса, откатчика, отборщика проб, коллектора, участкового геолога, геолога в камеральном отделе, в геологическом отделе объекта, на руднике, на участке, руководителя группы подсчета запасов и заместителя главного геолога. Окончил институт горнорудной промышленности в Брайтенбрунне с квалификацией техника-геолога, а в 1961 году институт горных инженеров в Цвиккау с квалификацией инженера-геолога. С 1990 года — пенсионер.

Моя жизнь в "Висмуте"

Работу в СГАО «Висмут» я начал 03.07.1956 года. В том году я поставил себе цель стать геологом. Из разговоров с висмутянами я знал, что на этих добывающих предприятиях были созданы все предпосылки и возможности для того, чтобы стать хорошим специалистом. Это подтвердил мне также во время собеседования при приеме на работу в «Висмут» геолог Клаус Шнайдер, который работал в то время консультантом отдела кадров Объекта 90.

Для меня началась физически очень жесткая жизнь в «Висмуте» — автобус в Дройсиг уезжал на утреннюю смену уже в 3 ч. 45 мин. утра. Первый раз в своей жизни я спустился в шахту 352 в Лихтенберге. Я впервые увидел этот мир, темный, мокрый и грязный, и начал работу в три смены в качестве грузчика крепежного леса под землей. Работа была тяжелая, так как транспортировка крепежного леса производилась вручную, еще не было даже локомотивов для леса. В этот начальный период моей деятельности на руднике я познакомился со всеми видами крепежного леса, теперь я знал, что такое крепежные стойки, верхняки (немецкие и польские крепежные рамы), шахтные лестницы и другой крепежный материал — они были важными предпосылками для всех последующих подземных работ.

Со временем я привык к тяжелой физической работе, так что через 2 — 3 месяца смог работать как откатчик на горизонтальной и вертикальной проходках, на углубке слепого шахтного ствола № 1 (от горизонта 180 м до 240 м) и на отработке. В это время я познакомился с производственными приемами бригад на забое, с технологией и организацией работы в бригадах. Иногда было тяжело; сыпались ругательства, если производительность смены не выполнялась, если вагонетки не были во время на месте или отсутствовал крепежный материал, поскольку целью всегда было, соблюдая ежедневный ритм работы, выполнять план смены. В течение этого времени я редко контактировал с советскими специалистами. Но если в рудничном воздухе

пахло махоркой, я знал, что они в шахте.

Через 7 месяцев горняцкой деятельности в различных бригадах я перешел в геологическое отделение шахты и начал с 01.02.1957 г. работать на опробовании. Нас было двое, и мы получали задания от главного геолога. В то время рудные пробы еще были необходимы для химического анализа. Образец отбирался из горной породы с помощью молотка и зубила по сетке 1,00 м x 0,10 м на глубине 0,05 м и укладывался в пробные мешки. Пробный материал поставлялся еженедельно в выходные на мельницу для измельчения руды в Роннебурге на Райтцхайнерштрассе. Во время этой работы я познакомился с горными породами и с их особенностями (твердость, цвет, расщепляемость), с геологией месторождения и урановой рудой.

Между тем я уже решил, что останусь работать в «Висмуте». Поэтому в марте 1957 года стал членом рабочего жилищно-строительного кооператива «Глюкауф», основанного в Гере в июне 1956 года. Чтобы отработать необходимые часы для получения кооператива и одновременно повысить свою квалификацию, я занял весной 1957 жилую квартиру «Висмута» на Хандверкерштрассе (теперь это ремесленная палата). Осенью 1959 года получил новую квартиру в Гере, на Гагаринштрассе, 85, в которой я живу еще и сегодня.

В то время я учился на коллектора на спецкурсах института горнорудной промышленности в Брайтенбрунне. Через 4 месяца я был назначен коллектором геологической службы на одном из участков рудника Лихтенберг. Это была работа с геологическими и рудничными картами и планами. Например, нанесение ежедневной геологической документации на планы горизонтов и на разрезы. Моя деятельность в качестве старшего коллектора создавала важные предпосылки для горных (подготовительных и добычных) работ. Главным геологом на шахте 352 Лихтенберга был в то время Геннадий И. Герасимов, а его немецким заместителем — Пауль Шпацир. Здесь я впервые начал сотрудничать

Оттомар Буссе

чать с советскими геологами. Я помню, например, геолога Семена Ф. Козлова, который выполнял на Объекте 90 с 1957 по 1962 гг. научные работы по линии технической помощи. Наше сотрудничество было всегда плодотворным и коллегиальным. Вместе мы оценивали геологическую документацию и

исправляли геологические разрезы и планы горизонтов. Позже, по окончании моей учебы, я снова встретил С.Ф. Козлова в камеральной группе Объекта 90.

По моей просьбе предприятие отправило меня на дневное обучение в школу горных инженеров «Георгий Агрикола» (сегодня это специальное высшее учебное заведение) в Цвиккау. С 01.09.1958 г. до 30.06.1961 г. я обучался геологической специальности. Мой горнорудный опыт и опыт геологических работ в качестве коллектора на производственной практике были важными основами во все время обучения, особенно во время практик на разных предприятиях горнодобывающей промышленности и во время экскурсий.

После завершения обучения меня назначили геологом участка шахты 352 Лихтенберга. Геологическим отделом там руководил геолог Хельмут Линке. В то время горнопромышленная ситуация в Лихтенберге была крайне сложна, так как отработка происходила на верхних горизонтах по системе слоистого обрушения. В большом объеме обрушенных масс, которые накапливались вместе с отстреленным деревянным креплением и равномерно распределенным в породе пиритом, возникали обширные пожары.

Эти эндогенные пожары в очистных блоках верхних горизонтов препятствовали планомерным добычным и всем другим горным работам. Приходилось постоянно герметизировать очистные блоки, в которых возникали пожары. Пожары тушили главным образом пульпой (густой смесью песка и глины),

которая закачивалась с поверхности через обсаженные скважины. Планомерная и непрерывная добыча руды стала невозможной, так что моя функция как геолога состояла в том, чтобы постоянно и оперативно вмешиваться в ежедневное осуществление плана.

В то время горноспасательная команда находилась постоянно на дежурстве. Поэтому я был занят примерно на 50% моего рабочего времени как проводник горноспасательной

команды, знающий расположении выработок. В конце концов комбинат Лихтенберг 01.01.1962 г. пришлось закрыть. В качестве рудного поля он был присоединен к ГДП Ройст. Появившийся в 1958 году карьер Лихтенберг был до этого времени участком Лихтенберг. Временами он подчинялся руднику Шмирхау. Начиная с 01.01.1962 г. он был встроен как самостоятельное горнодобывающее предприятие „карьер Лихтенберг“ в структуру Объекта 90. Надземная территория шахты 352 была занята отвалами карьера. Здания шахты 375 использовались управлением карьера. Большинство сотрудников геологического отдела перешло в соответствующие отделы ГДП Ройст или карьера Лихтенберг.

Так как в то время круг задач камерального отдела на Объекте 90 расширился, я нашел и там, начиная с 01.01.1962 года, интересную работу. Работы в камеральном отделе сильно отличались от работ на руднике Лихтенберг. Было меньше оперативных заданий, а преимущественно графические и письменные. Отделом руководил дипломированный геолог Лотар Хартманн. В камеральном отделе у нас было тесное сотрудничество с советскими геологами. Я помню в числе прочих геологов Владимира К. Павлова, Юрия Б. Попова, Ивана Н. Баранова и Николая (Колю) И. Волкова. Кроме того, мы часто сотрудничали с геологами, которые оказывали техническую помощь — с Борисом Л. Рыбаловым, Семеном Ф. Козловым и Ростиславом М. Булыгиным.

* * *

Дружескими были не только рабочие отношения, проводились также и совместные конференции и заседания. При этом речь шла преимущественно о темах по улучшению нашей работы и повышению производственной эффективности. Общие экскурсии и другие мероприятия тоже всегда происходили в дружеской атмосфере. На ведомственные праздники и культурные мероприятия часто приглашались и жены.

Кроме научных тем о происхождении Тюрингских урановых месторождений, которые разрабатывались на протяжении длительного периода времени многими геологами, для камерального отдела было два главных вопроса добычи урана и обогащения руды.

1. Добыча урана открытым способом на карьере Лихтенберг приобретала все большее значение. В 1962 г. Проектным предприятием по поручению Объекта 90 был разработан генеральный проект карьера Лихтенберг до горизонта 210 м (90 м NN). Камеральный отдел в сотрудничестве с геологами карьера получил заказ подготовить для этого необходимые геологические разрезы и планы горизонтов.

2. В 1961 г. началось производство на

обогащительном предприятии 102. Была поставлена задача в кратчайшее время добыть спроектированной производительности с запланированными параметрами добычи.

Эти оба задания определили мою работу в камеральном отделе до 1964 года.

Эффективный выход урана на обогащительном предприятии 102 существенно зависел от технологических параметров обрабатываемой руды. Обогащение руды на объекте 102 происходило двумя технологическими процессами:

1. Содо-щелочной процесс для руд с высоким содержанием извести и низким содержанием урана и

2. Кислый процесс для руд с низким содержанием извести, однако, с высоким содержанием урана.

Распределение различных литологических разновидностей по процессам подготовки происходило в зависимости от содержания карбонатных или силикатных компонентов в руде, от содержания урана, а также от присутствия различных вредных химических и минеральных примесей.

Для процесса переработки руд использовалось большое количество химикалий. Чтобы их лучше спланировать и рационально использовать, на Объекте 90 было проведено геолого-химическое опробование. Были опробованы все подготовительные блоки и блоки с подсчитанными Тюрингской экспедицией запасами по категории С1. Моим заданием было создание обзорного плана Тюрингского рудного поля с географическим положением рудных блоков.

Главный геолог Объекта 90 Глеб А. Глухих идентифицировал рудные блоки по объему поставки. Опробование производилось геологами рудника или Тюрингской геологоразведочной экспедиции. Документация к пробам содержала данные по литологии (также и их особенностям, как например, границы оруденения, степень выветривания, оруденение по трещинам и пр.) и содержание урана в пробе, а также объем и среднее содержание руды. Эти указания регистрировались мной и документировались на планах. Пробный материал после подготовки в цехе опробования Ройста отправлялся на химический анализ в центральную лабораторию перерабатывающего предприятия 102. Вся данные документировались на подготовленных мною бланках.

Главный геолог периодически проводил оценку всех зарегистрированных графических и табличных результатов опробования. Результаты подтвердили, что текущий контроль поставок руды, особенно из карьера Лихтенберг, был необходим.

Большой объем силурийской известковой руды (S2) был сильно разложен. Измененная процессом окисления руда алю-

мосиликаты, потребовала нового варианта обработки, т.е. эти руды перерабатывались по силикатной схеме. Поэтому руководство объекта решило организовать кислотную лабораторию на карьере Лихтенберг. Мне был поручен контроль работ лаборатории. Здесь несколько лаборанток были заняты в лаборатории проверкой силурийских известковых руд (S2) карьера Лихтенберг до их поставки на перерабатывающее предприятие 102. По этим лабораторным результатам устанавливалась схема обработки. Производилось постоянное опробование поставляемой известковой руды. Тем самым лаборатория принимала существенное участие в достижении высокой экономической эффективности при обогащении руды.

В Тюрингском регионе перерабатывались следующие рудосодержащие породы:

глинистые сланцы девона

известково-глинистые сланцы девона

известняки силура (S2) — (кроме алюмосиликатов) по карбонатной схеме

углисто-кремнистые сланцы силура (S1 + S3) и алюмосиликат по силикатной схеме.

Переработка кожистого сланца (Og3) и диабазов происходила в зависимости от содержания углисто-кремнистых сланцев и урана по карбонатному либо по силикатному процессу.

4-го октября 1963 года камеральный отдел был награжден почетным званием „Коллектив социалистического труда“.

С 1964 года я работал в геологическом отделе Объекта 90. Переход в геологическое отделение потребовал от меня опять больше оперативной работы. Как «куратор» я отвечал по поручению главного геолога, прежде всего, за геологические проблемы при подземной разведке и добычных работах в ГДП «Ройст» и «Пайтцдорф». В ГДП «Ройст» Олег Л. Алексеев работал в то время главным геологом, он был в 1977 — 1985 гг. в той же самой должности на ГДП Беервальде.

Геологи Виталий А. Ильченко и Анатолий Яковенко были в это время главными геологами Объекта 90. Заместителем главного геолога работал до 1970 года Рюдигер Рудольф. В то время я постоянно сотрудничал с советскими геологами, к примеру, с Юрием Ермаковым, Иваном М. Морозовым, гидрогеологом Александром А. Чайкиным и геофизиками Владимиром И. Захаровым и В. Ф. Паниным.

Участие в производственных совещаниях и планерках ГДП и исполнение производственных планов снова стало непосредственной частью моей ежедневной работы.

Управление объекта распорядилось, чтобы ежемесячно проводились проверки безопасности рудников. Я, как геолог, был вместе с горными инженерами постоянным членом

Геолог Николай Волков

Геолог Ростислав Булыгин

комиссии, которая контролировала, главным образом, забой подготовительных и очистных выработок ГДП Ройст и Пайтцдорф.

Предпосылкой для большей надежности и экономии горных работ была разработка наилучших технологий. С горными инженерами и техниками управления объекта и предпринятый я был включен в комиссию «Горизонтальная проходка», которая поставила цель увеличить проходку применением новой техники для специфических геологических условий Тюрингских месторождений. В результате этих работ был выработан стандарт «Висмута» для горизонтальной проходки.

В 1967 году Объект 90 был переименован в горнодобывающее предприятие 90. К предприятию Пайтцдорф была добавлена добыча руды на месторождении Гауерн (Гера—Юг), шахта 385. Отрабатываемые здесь подземным способом руды цехштейна были сильно выветрены, и поэтому было сложно проводить горные работы. Главный геолог ГДП 90 поручил мне в 1967—68 гг. руководство и контроль за экспериментальными работами в блоке 24. Моим заданием были постоянный контроль и документация пород и оруденения на забое с целью достижения хороших результатов отработки с соблюдением горнотехнической безопасности.

Из-за высокой степени разложения горной породы обычная рамная крепь не подходила для подэтажной выемки с закладкой. Часто взрывные работы были не возможны. Вследствие давления пород кровли и поднятия подошвы высота выработки в течение короткого времени снижалась, так что можно было отрабатывать только маленькие отрезки, и сразу же необходима была закладка. Вследствие этого производительность труда получалась незначительной с высокой стоимостью добычных работ. Работы были прекращены в 1968 году.

С роспуском ГДП 90 в 1969 году участок Гера—Юг был передан руднику Ройст (шахта 385). В 1971 году шахтные сооружения были герметично изолированы и демонтированы. Попытки гидродинамической добычи с поверхности из скважин были прекращены из-за отрицательных результатов.

С 1968 года методика подготовки и проведения ежегодных планирований на предприятиях с внедрением вычислительной техники электронной обработки данных изменилась. В феврале—марте 1968 г. я принял участие в 4-недельном учебном курсе по «внедрению устройства обработки данных R300». Как представитель геологического отдела я был членом рабочей группы «Планирование добычи» для подготовки к эксплуатации электронной обработки данных. Целью было своевременное завершение отдельных этапов внедрения вычислительной

техники при планировании и подсчете продукции на Тюрингских ГДП.

С роспуском ГДП 90 сотрудники геологического отдела были распределены по вновь образованному ГДП. Уже во втором полугодии 1969 года произошел подбор кадров и их назначение на Тюрингских ГДП. На руднике Пайтцдорф 01.01.1970 г. был образован отдел перспективных инвестиций с заданием подготовки предприятия Беервальде. Ответственным руководителем участка предприятия был назначен руководитель капитального строительства ГДП 90 Карл Маттес. В этой вновь образованной отрасли на меня была возложена функция участкового геолога.

В 1967 г. началась проходка первого шахтного ствола 397. В 1969 году мне было поручено геологическое обслуживание проходки для пополнения геологической документации и оценки состояния пород. Шахтный ствол углублялся до марта 1971 г. и был сдан в эксплуатацию 14.02.1972 г. До этого времени весь подземный осмотр горизонта 180 м рудного поля Райцхайн производился через шахту 396.

Руководство вновь образованного участка занимало маленькое административное здание в Беервальде, в котором ранее находился участок углубки. В этом здании были размещены, кроме руководства участка капитального строительства, электромеханическая служба, экономический отдел, маркшейдерский и геологический отделы. Как участковый геолог я был ответственен за правильное и планомерное проведение всех геологических работ в рамках капитального строительства Беервальде. К моим постоянным оперативным работам относился контроль проходки штрека на горизонте 180 м в шахтном поле Райцхайн и углубки шахты, а также регулярный контроль всех точек измерения уровня грунтовых вод на рудном поле Беервальде.

Главным геологом на предприятии Пайтцдорф работал в конце 1969 — начале 1970 гг. Семен Н. Сосунов, заместителем был геолог Хельмут Линке. Сначала работа для меня как участкового геолога была очень сложна, так как кроме рабочего кабинета на Беервальде, у меня был второй в первом отделе в Пайтцдорфе. Так как геологический рабочий материал должен был храниться в основном в первом отделе, были неизбежны постоянные поездки между Беервальде и Пайтцдорфом. Это состояние улучшилось, когда я в 1970 г. получил дополнительно второй кабинет в Беервальде. Тем самым я стал ответственным за надлежащее хранение и использование служебных и секретных документов всего участка.

Вскрышные и разведочные горные рабо-

ты до 1972 г. проводились из ГДП Пайтцдорф. Геологические соотношения были сложными из-за зон нарушений и выветренных пород. Еще при проходке горизонта 180 м в шахтном поле Райцхайна полевым штреком 697 постоянно возникали трудности из-за разрушенных пород и притоков воды. Большие отрезки штрека в сильно выветренных породах необходимо было проходить сплошной срубовой крепью.

В последующие годы началось создание самостоятельного управления; объем горных работ потребовал собственной структуры руководства, так что уже с 1972 г. началось создание ГДП Беервальде. Руководство предприятием было поручено горному инженеру Винфриду Брауеру.

Руководство геологическим отделом принял после переподготовки бывший заместитель главного геолога ГДП 90 Рюдигер Рудольф. 01.01.1974 г. образовалось независимое предприятие Беервальде, а с октября 1975 года оно было переименовано в молодежное горнодобывающее предприятие имени Эрнста Тельмана (МГДП).

Деятельность предприятия МГДП до 1990 года охватывала участки

— Райцхайн — от горизонта 180 м до горизонта 360 м,

— Беервальде — от горизонта 45 м (штольня) до горизонта 600 м и

— Корбуссен — от горизонта 360 м до горизонта 720 м.

Я работал в течение последующих лет руководителем группы подсчета запасов и заместителем главного геолога. Мои задачи заключались в постоянном сборе и контроле всех запасов руды и урана, оказании влияния на геологическую разведку запасов в пределах различных категорий (например, детально разведанные и готовые к отработке запасы), а также выяснения степени разведанности и подтверждения запасов. Для этого была необходима связь перспективного и годового планирования добычных и разведочных работ и развития сырьевой базы.

Кроме того, моя группа должна была готовить документы для проектирования добычи и обработки данных, а также статистические сведения о добычных работах, о состоянии запасов, о разубоживании руды и потерях урана в отдельных очистных блоках. В моей рабочей группе работали советские коллеги: Владимир А. Иванов с 1977 по 1981 гг., Евгений П. Куцнецов с 1978 по 1981 гг. и Александр Р. Цуппингер с 1974 по 1979 гг. С А. Р. Цуппингером у меня были особенно дружеские отношения. Мы встречались неоднократно после работы вместе с нашими женами дома или на моей даче. Всегда находились

темы для рассказов, часто это были веселые встречи. Он смог с моей помощью купить б/у «Волгу» и увезти ее после ремонта на родину.

В молодежном горнодобывающем предприятии имени Эрнста Тельмана (МГДП) до 1990 года главными геологами работали следующие советские коллеги: Владимир Н. Кузин с 1973 по 1977 гг., Олег И. Алексеев с 1977 по 1985 гг. и Юрий Черноусов с 1985 по 1990 гг. Со всеми тремя главными геологами была всегда дружественная рабочая атмосфера. В 1980 году на Олимпийских играх наш сын смог в Москве встретиться с В. Н. Кузиным.

С В.Н.Кузиным мне удалось по прошествии многих лет установить контакт, чему мы особенно рады — моя жена Зигрид и я. Также и с О.И.Алексеевым и Юрием Черноусовым мы встречались неоднократно в частном порядке на наших квартирах. С Юрием Черноусовым мы вместе купили «Волгу» у моих знакомых в Грейфсвальде (на Балтийском море). Это было особое событие для нас обоих, когда мы проехали обратно 450 км — я в моем «Траби» и Юрий в «Волге». Мы хорошо сотрудничали также с гидрогеологом Юрием I. Абрамовым, который работал с 1974 по 1980 гг. в Беервальде.

Кроме ежедневных заданий по выполнению разработанных положений эффективной добычи руды, у меня были еще три рабочих задания на молодежном горнодобывающем предприятии имени Эрнста Тельмана, которые требовали от меня особенных усилий и которые я с удовольствием вспоминаю.

Начало производства на предприятии было в высшей степени затруднено сложными особенностями геологической ситуации и оруденения. Проходки подземных выработок часто создавали большие проблемы при пересечении зон нарушения в рудном поле Корбуссена, а также и проходки штреков из Беервальде в направлении «гриммичаусской зоны нарушений». Проходческими работам довольно долгое время препятствовали прорывы шлама и воды. У нас были крупные прорывы шлама и воды в рудном поле Беервальде на горизонте 180 м. Горные работы проходили в течение начальных лет не всегда планомерно, что приводило к трудностям добычи и поставок руды.

Исходя из этой ситуации я пришел к мысли, что расположенный непосредственно на поверхности и сильно выветренный блок диабазов к западу от Танненфельда с очень хорошим содержанием руды может быть отработан небольшим карьером. Взрывные работы не были необходимы благодаря высокой степени выветривания. В новаторском предложении мы обосновали, что посредством этого метода добыча разложенной руды диабазов с высоким содержанием урана может принести большую экономическую выгоду.

О. Буссе с Ю. Абрамовым и В. Кузиным

Я подал предложение вместе с горным инженером Юргеном Фойгтом из производственного отдела МГДП Беервальде.

Однако, законы тогдашнего лейпцигского округа и географическое положение непосредственно к западу от курорта Танненфельд не допускали проведения надземных добычных работ в соответствии с нашим новаторским предложением, так что этот проект не был реализован.

Хотя эффективность добычи была существенно меньше, тем не менее, было принято наше второе новаторское предложение проходки штольни через рудное поле, которое и было реализовано позже в 1974 году молодёжным объектом „Штольня германо-советской дружбы“. Геологические отношения вблизи от поверхности были крайне сложны, так как все коренные породы были сильно выветрены. Уже в самом начале пришлось проходить штольню местами со сплошной срубовой крепью через каждые 0,5 м.

Работы в обоих блоках диабаза 318 и 320 на горизонте 45 м, которые начались в 1975 г., были возможны только с применением самых сложных горных методов с соблюдением технических условий безопасности. Отрабатывались большие поверхности на расстоянии 0,5 м.

Особые мероприятия требовались при отработке части блока 318-3, близкой к поверхности, который лежал непосредственно под шоссеиной дорогой 7. Чтобы гарантировать устойчивость кровли, части блока должны были отрабатываться сплошной срубовой крепью; закладка потребовала особых мероприятий и контроля. Добыча урановой руды и другие горные работы осуществлялись до середины 1981 года. В 1983 году была осуществлена герметизация всей области отработки; в 1984 закончена герметизация штольни и горизонт был закрыт.

«Блоки К» (Ог3) создавали геологические трудности для добычи руды на МГДП «Эрнст Тельман» на участке Райцхайн. Этот мало-мощный тип оруденения предъявлял особо большие требования к геологам и горнякам, так что и я был приобщен к проектированию и планированию отработки, а также к оперативной работе и контролю горных работ.

Еще в 1965 году Борис Л. Рыбалов указывал на эти геолого-тектонические особенности в работе „Структурные особенности и вопросы происхождения месторождений урана в черных сланцах и карбонатных породах“. При этом речь идет о надвиговой тектонике с чешуйчатыми структурами на границе Ог 3 / S 1 (верхних кожистых сланцев и нижних граптолитовых сланцев). При этом типичны маломощные (от немногих сантиметров до редко более 2 м) слои кожистых сланцев висячем и лежащем слоях нижних

граптолитовых сланцев с содержанием урана выше среднего.

Для геологического профиля характерны многократно перекрывающиеся надвижки длиной до 100 м и более с площадями до 10000 м² и больше. Эти обширные рудные линзы распространялись часто по нескольким горизонтам, так что приходилось отрабатывать такие блоки по нескольким горизонтам с разным типом закладки — полной либо частичной.

Чтобы эффективно отрабатывать эту руду, потребовалась новая система отработки. С разрешения горного надзора 312/77 (В) был введен стандарт МГДП 7200/01 — камерно-столбовая выемка с закладкой (KpfV) — на части рудного поля Райцхайн. Отработка проводилась так, чтобы между отработанными полосами шириной от > 4,00 м до < 6,00 м оставалась в зависимости от рудной ситуации колонна шириной примерно 5,00 м. После того, как отработанные полосы были заложены и окрепли, происходила отработка рудных целиков. Высота отработки могла быть соотнесена с рудным телом с целью снижения степени разбавления и потерь руды. Другая большая экономия получалась в результате подгонки профиля отработки к рудному телу. Использованием частичной закладки достигали дополнительных экономических преимуществ. На основании хороших показателей добычи «блоки К» на нескольких горизонтах были интенсивно отработаны с 1975 до примерно 1985 гг.

В 1985/86гг. генеральная дирекция поручила проектному предприятию разработку принципиального решения для МГДП «Эрнст Тельман». В то время по поручению генеральной дирекции потребовалась концепция отработки на МГДП «Эрнст Тельман» на период с 1988 до 2000 гг. Директор МГДП „ Эрнст Тельман“ Винфред Брауер поручил разработку этой концепции оберштайгеру Рольфу Бетчеру и мне в качестве руководителя геологической группы.

Эта концепция отработки на 1988—2000 гг. была закончена в апреле 1988 г. и отправлена 27.04.1988 первому заместителю генерального директора тов. Назаркину. Она была выработана на базе первичных данных надземной буровой разведки 1963—1976 гг. и аналитической оценки результатов горных работ на территории ГДП с 1969 до 1988 гг. У этой концепции не было иной связи с более ранними инвестиционными предварительными решениями 1979гг. или принципиальным решением 1982 г., кроме их сопоставления.

В качестве исходных данных было использовано следующее:

1.0. Были охвачены все поверхностные скважины, рассчитаны и нанесены их фак-

тические точки пересечений на 18 планов горизонтов в масштабе 1: 2000 и 1: 5000. Были указаны породы и рудные интервалы с их положением, мощностью и содержанием урана.

1.2. На основе запасов руды и запасов отработки с учетом технико-технологических условий производился расчет коэффициента подтверждения отработки отдельно для месторождений Беервальде, Райцхайна и Корбуссена.

1.3. Для расчета объемов добычи послужил анализ потерь добычи, разубоживания руды и выхода руды.

1.4. Производственная экспертная группа произвела классификацию очистных блоков по соответствующим типам оруденения; были установлены границы блоков и средние площади отработки.

1.5. По так установленным данным были определены индексы блоков и степень механизации.

По этим данным мы рассчитали ожидаемый объем добычи и календарный план вскрытия на всех горизонтах. На этом расчетном базисе был составлен обширный геологический и горнотехнический графический материал всех еще работающих и готовых к вскрытию горизонтов. На обширном табличном материале были обоснованы последовательности горных работ, разделенные по времени вскрытия горизонтов на отдельных частях рудного поля, подземная геологическая разведка, подготовка и добыча. Другие разделы касались закладки, точной добычи, проветривания, взрывного хозяйства, водообеспечения и эвакуационных путей. Эта концепция отработки была задумана в помощь долгосрочному планированию самых важных горных процессов на МГДП «Эрнст Тельман» и для продолжения работ на ГДП Дрозен.

Моя работа на СДАГ «Висмут» кончилась, как и для многих горняков, политическим поворотом в Германии. Будучи одним из старейших сотрудников в геологическом отделе я ушел в 60 лет в 1990 году на досрочную пенсию по возрасту.

Первые месяцы после этой богатой событиями горняцкой жизни я проводил перестройку моего садового участка и ремонт дачи. Одновременно мы использовали новые возможности путешествовать и познакомились с западными федеральными землями в Германии и нашими соседями в Европе.

Но уже скоро новые задания поджидали меня. Пенсионное и медицинское страхование горняков — Горное общество социального обеспечения — срочно искало сотрудников на общественных началах для обслуживания еще работающих и уже находящихся на пенсии горняков. Я был старейшим в обществе и

в ноябре 1991учился на первом курсе техникума по управлению обязательным пенсионным страхованием. В это время у меня была возможность поддержать многих висмутян по правовым вопросам и помочь им в составлении необходимых бланков заявлений. Через 15 лет — мне исполнилось 75 лет — и я закончил эту общественную деятельность.

Так как меня всегда интересовала история горнодобывающей промышленности, само собой разумеется, что я вскоре после основания нашего «Общества содействия сохранению и изучению традиций горного дела Висмут» стал его членом. С докладами шахтеров и ученых на исторические, технические и геологические темы, а также с экскурсиями в исторические и современные горнодобывающие предприятия для меня в Обществе складывается интересная жизнь.

В музее Объекта 90 в Роннебурге наше Общество может показать многим заинтересованным посетителям развитие «Висмута», начиная с истоков после Второй мировой войны вплоть до санации всех загрязнений от горной промышленности в Тюрингском регионе. С горняцкой гордостью рассказывает географическая пешеходная карта „Шмирхауерская высота“, воссозданная при поддержке нашего Общества, о бывшем карьере Лихтенберг, со светящейся лампой высотой 20 м, видной издалека.

Я познакомился со многими сотрудниками, прежде всего, с Альфредом Фильмутом, которому я обязан многими новыми друзьями. Я нашел также новые связи с бывшими советскими сотрудниками такими, как кандидат наук Георгий Г. Андреев, кандидат наук Вадим Б. Седов и Владимир Н. Кузин.

* * *

В конце моей личной висмутовской истории «Моя жизнь в «Висмуте» я могу сказать: «Да, годы в Висмуте были для меня лично испытанной немецко-советской дружбой».

Последний в истории ПП № 101 поезд с рудой был разгружен 20.12.1989 г.

Клаус Бинненхай

От технолога-обогапителя до проектировщика-строителя

Клаус Бинненхай

Когда я, Клаус Бинненхай, родился в 1935 году, у меня и мысли не было стать обогапителем в урановой промышленности. После окончания 8-го класса школы я обучался профессии слесаря-производственника на сталепрокатном заводе в Ризе. Я смог сдать квалификационный экзамен досрочно и сразу начал работать на заводе слесарем. После короткого периода приобретения мною трудовых навыков в трубoproкатном цехе завод делегировал меня в инженерную школу «Металлургии и обогащения» в Унтервелленборне. Так, с 1 сентября 1952 года я стал студентом в классе металлургической техники, хотя моим желанием было начать зарабатывать много денег, так как я происходил из бедной рабочей семьи. Мой отец был литейщиком на сталеплавильном комбинате в Гредице, а моя мать работала в угольной торговле.

* * *

При формировании классов в инженерной школе оказалось, что преобладающее большинство студентов зарегистрировалось в класс металлургии. Руководство школы непременно хотело, чтобы был класс техники переработки (об отмене и не думали) и поэтому осуществили перевод студентов с металлургической профессии на технику обогащения (переработки). И я стал студентом техники переработки в инженерной школе Унтервелленборна около Заальфельда. Я получал стипендии от государства и от сталеплавильного комбината в Ризе. Время обучения по этой специальности составляло 3 года. 7 октября 1953 года я познакомился с моей женой. После двух лет учебы нам, молодым студентам, предложили прервать обучение на год и пойти работать на производство. После долгих переговоров с руководством школы мне, восемнадцатилетнему, повезло, и я смог дальше продолжить обучение. По окончании курса (25.06.1955 г.) я выдержал экзамены на квалификацию инженера и получил аттестат инженера по технике переработки железных руд. Мне полагался отпуск на 2 месяца, так как с 01.09.1955 г. я хотел пойти в Народную армию. Незадолго до экзаменов производился набор в армию, и у меня было 2 предложения:

— посещение инженерной школы судостроения, и, после сданного экзамена, — на 13 лет на службу в морской флот;

— на 3 года в Народную армию пограничником.

Я решил на последнее предложение. Но через 1,5 месяца у меня созрела идея —

в Народную армию не идти, а работать по моей новой профессии.

Благодаря личному посещению в Берлине Министерства тяжелой промышленности (было необходимо) я получил согласие командования военного округа Заальфельда приступить к моей новой профессии в качестве ассистента. Я был распределен на Народное предприятие «Железомарганцевый рудник в Шмалькальдене». Как ассистент я начал работу 01.09.1955 г. по переработке барита на горном предприятии «Айнхайт» в Трузетале.

* * *

Через 6 месяцев я стал руководителем переработки на всем карьере. В 1956 году моя младшая сестра совершила побег из республики, а у меня в это время было подано заявление в СГАО «Висмут» на предприятие Кроссен. К сожалению, моему заявлению на должность руководителя цеха было отказано. Я слишком молод — по заявлению советского директора предприятия. Я остался в Трузетале и там же перешел из «Айнхайта» на новое обогапительное предприятие и купил себе ко Дню шахтера Яву-350. На новой обогапительной установке я был руководителем смены.

* * *

В 1957 году мы с моей невестой сочтались браком, и во время свадебного путешествия я и Рудольф Сикерт (позже был руководителем производства на ПП-102) посетили завод в Лауххаммере с целью поиска нового места работы. Предприятие еще только строилось, и поэтому работы нам не нашлось. По пути домой мы запланировали короткое пребывание в Карл-Маркс-Штадте. Мы посетили отдел кадров в Зигмаре и осведомились насчет работы. Места технолога-обогапителя в это время не было, но в распоряжении имелись места инженеров-проектировщиков. Мы дали себя уговорить, и начали 23.09.1957 года нашу новую деятельность в 3-м управлении (в Проектном предприятии). В отделе переработки я должен был подготовить чертежи для находящегося в процессе строительства в Зеллингштедте самого большого и самого современного гидрометаллургического перерабатывающего предприятия.

Моим первым заданием вместе с Рудольфом Зикертом было перепроектирование советской сушильной установки для молока и крови на нормы немецкого промышленного стандарта. Этой установкой попытались высушивать уран в Зелинг-

штедте. В конце концов нас постигла неудача в создании чертежей и позже, также на испытаниях на ПП-101 в Кроссене.

После этой неудачи наш бригадир Хайнц Фридрих стал моим попечителем. Мы вместе спроектировали цех 4а в Зеллингштедте. Головную боль нам доставил новый разработанный нами передаточный механизм, но он выдержал контрольный запуск. На проектировании я должен был еще проработать до 30.04.1960 г., так было решено Зеппом Венигом на общем совещании. Мы неоднократно просили перевести нас на производство в Кроссен или Зеллингштедт.

* * *

Моя квартира в Зигмаре (на Кауфманштрассе) в 1957-1959 гг. была похожа на холостяцкую, и позже я получил квартиру в центре города Карл-Маркс-Штадта. Во время моей 3-летней работы в Проектном предприятии СГАО «Висмут» родился мой первый ребенок в Кенице около Заальфельда, и двумя годами позже — близнецы в Карл-Маркс-Штадте. Советские специалисты из технологической группы (господа Шулика и Фиохин) подарили мне большую куклу из Московского торгового дома «ГУМ», а при рождении близнецов директор предприятия господин Еланцев сразу же отправил меня на служебной легковой машине в роддом.

* * *

30 апреля 1960 г. был мой последний рабочий день в 3-м управлении СГАО «Висмут» в Карл-Маркс-Штадте. 2 мая 1960 г. я был представлен в отделе кадров ПП-102 в Зеллингштедте. Временно я жил в бараке «Висмута». Моя новая должность — технолог в цехе шаровых мельниц и в общем цехе (цеха 4 и 4а). В течение следующих недель переработка потребовала всего моего внимания. В октябре 1960 г. в присутствии высокой делегации был дан старт эксплуатации 11-ти шаровых мельниц. Но это было только шоу, так как после отбытия делегации все снова было остановлено. Затем каждый день постепенно и непрерывно предпринимались попытки запустить установку. У нас было много неудач и ошибок, пока установка не заработала. Мы начали с одной шаровой мельницы и постепенно подключали следующие. И, наконец, получили похвалу от первого директора предприятия Хорста Бройтигама.

Ситуация требовала новой управленческой структуры, и тогда дополнительно были приняты два старших мастера. Так я стал старшим мастером цеха шаровых мельниц, а Рудольф Тиле — старшим мастером общего цеха. Постепенно производство стабилизировалось, и теперь мы

могли чаще сообщать о выполнении плана. 1 января 1964 г. я стал одним из трех руководителей смен в новом цеху.

Другими руководителями смен были Йохен Бухманн (позднее — руководитель центральной диспетчерской) и Петер Таммошат. Моими мастерами были: на погрузке руды — Роланд Херолд, на дробилке — Гюнтер Ланг и в общем цехе — Дитер Лайхгауер.

* * *

01.09.1965 я был делегирован в партийную школу в Миттвайде. Когда в 1966 учеба была закончена, я был назначен руководителем организации производства на ПП-102. Здесь мне досталась деятельность, которая мне никак не подходила, и мои мысли и мои устремления были направлены на получение нового задания на Проектном предприятии. Я смог закончить неподходящее для меня задание 30.11.1967. В это время отдел капитального строительства стоял перед сложной задачей создания нового силикатного выщелачивания. При экспертизе проекта было отвергнуто много деталей, и потребовалась переработка всех проектов. Под руководством Герхарда Клайнрета было решено назначить двух инженеров для решения проблем. Ими стали Йохен Хайниг и я. С этой минуты мы были подотчетны главному инженеру В.С. Семёнову. Мы вместе в течение нескольких месяцев справились с заданием, и руководитель отдела капитального строительства Вернер Петер смог назначить меня с 01.12.1967 г. уполномоченным в области капитального строительства. После короткого периода приобретения мною опыта, прежний уполномоченный господин Дюбель ушел на пенсию, и я занял эту должность.

Мое заочное обучение в университете им. Мартина Лютера в Галле на экономиста подошло к концу, и в 1971 г. я стал дипломированным экономистом. В этом же году на ПП-102 была построена новая установка карбонатного выщелачивания: 24 бетонных резервуара высотой 25 м и внутренним диаметром 5,42 м и еще здание такой же высоты.

Уже в 1970 году началось расширение электростанции. Были сооружены два больших котла производительностью каждый 64 т пара с дымовой трубой высотой 140 м. Для финансирования этого огромного проекта в отдел капитального строительства был переведен главный энергетик Хельмут Леге, а за общую координацию в СМП-17 отвечал Вальдемар Райтмайер. Дальнейшим огромным инвестиционным проектом было комплексное строительство польской фирмой фабрики

серной кислоты на южной территории нашего предприятия. Польские специалисты жили в ночном санатории Берга. В обработку шла чистая элементарная сера, которая доставлялась в цистернах из Польской народной республики.

В 1974 г. мы начали строительство третьей линии погрузки карбонатных руд с бункером на 1000 т и двумя мельницами «Каскад». Многочисленные и ультрасовременные капитальные стройки требовали постоянного сотрудничества с главным инженером проекта Гунтером Кирхнером, с коллегами 4-го отдела Генеральной дирекции, а также со строительно-монтажным предприятием СМП-17. Было принято решение назначить меня с 01.01.1977 г. руководителем отдела капитального строительства. Из-за уменьшения содержаний урана в руде увеличивались капиталовложения на нашем предприятии.

* * *

В 1982 г. последовало строительство комплекса флотационных установок. Ввод в эксплуатацию сопровождался большим торжественным собранием. Также торжественно было, когда мы передавали к эксплуатации систему автоклавного выщелачивания в марте 1984 г. Наружный диаметр 6-ти автоклавов составлял 3,4 м и высота — 18 м. Внутренние стены автоклавов были защищены листами высококачественной стали толщиной 4 мм. Транспортировка автоклавов из Карл-Маркс-Штадта в Зеллингштедт представляла собой впечатляющее зрелище.

К системе автоклавного выщелачивания относилось также фабричное здание с измерительной метеорологической станцией, санитарными сооружениями и насосной станцией. Коллектив, в том числе и я, получили за эту систему почетный знак «Знамя труда» 2-й степени. Дальнейшим большим проектом было расширение осушителя в цехе конечной продукции. В качестве дополнительного капитального строительства были изготовлены 4 ротационных испарителя в Рудислебене около Арнштадта, перевезены и затем установлены монтажниками СМП-17. Если уж я описываю многие большие капитальные стройки, естественно, нельзя забыть автоматизацию, фабрику-кухню со столовой и шламовые отстойники. 6-8 млн. марок ежегодных капиталовложений на шламовые отстойники в Трюнциге и Кульмиче. Повышение глинистого экрана перед южной и северной дамбами. Обновление и продление гидравлической линии. Хорошие воспоминания оставило строительство плавающей насосной станции в Кульмиче. Здесь мы сначала транспортировали

советскими вертолетами в озеро бетонные глыбы (крепез для плавающей насосной станции). Потом нас поддержал Интерфлюг (авиакомпания). В качестве благодарности мы всегда совершали круговой облет вокруг шламового отстойника.

Следующим заданием были работы на территории, и официальные, и как побочные работы на заказ. При этом я хотел бы напомнить о строительстве морга на кладбище в Зеллингштедте. Одно только название приводило руководство СМП-17 в ужас. Мы придумали тогда с Дитером Райманом (техническим директором СМП-17) название «Зал многоцелевого назначения», изменили проекты, и строительство было утверждено. После завершения строительства передача его в общину и пасторат Зеллингштедта происходила в «Клубе трудящихся» как маленький праздник. Священник после праздника даже нуждался в поддержке, уходя из гостиницы. Эта стройка еще и сегодня находит большое признание в общине Зеллингштедта.

* * *

01.05.1989 я получил награду «Знамя труда» 3-й степени. Сразу после этого произошло объединение ГДР и ФРГ, и все изменилось. Инвестиций больше не было, производство завершилось, начались процессы ликвидации и санации.

* * *

Мой отдел стал называться консалтинг-инвестом и отвечал за создание документов (проектов, заявлений согласий, разрешений и т. п.) для ликвидации оборудования, зданий, трубопроводов и стальных лесов. Дополнительно еще были заказы оборудования для сноса конструкций, выемки и транспортировки. Разногласия с директором предприятия привели к тому, что я в 1991 году ушел на досрочную пенсию. Разлука с коллективом и моей работой побудили меня организовать с 1992 года встречи «бывших участников капитального строительства». Обращение было единогласно поддержано и высказано желание проводить его ежегодно. Теперь мы встречаемся раз в год в следующем составе: сотрудники отдела капитального строительства, Генеральной дирекции, Проектного предприятия, ПП 101, ПП 102, СМП 17. В 2013 произошла уже 21-я встреча с 39 сотрудниками «Висмута».

* * *

Мы проводим с 2010 года в «Вульфштайгерштубе» в Зеллингштедте каждые два года технический «Коллоквиум горной добычи и переработки» примерно с 40 обогатителями и шахтерами. Будем надеяться, что здоровье позволит нам проводить эти мероприятия еще довольно долго.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот Вы, уважаемый читатель, перевернув последние страницы, прочитали нашу книгу. Эта книга — лишь первая попытка в России объяснить и описать историю возникновения, становления и деятельности САО/СГАО «Висмут», крупнейшего уранодобывающего предприятия мира, сыгравшего значительную роль в ликвидации американской монополии на атомное оружие и сохранении мира на Земле. Мы, написавшие эту книгу, не профессиональные историки. Мы — висмутяне и Wismut-Kumpel, которые работали в «Висмуте» и своим трудом вместе со всем коллективом писали его историю.

* * *

Ветеран «Висмута» В.П. Назаркин, начавший свою работу в 1951 году горным инженером на рудниках Аннаберга, и окончивший трудовой путь в должности первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут», сказал на прощальной встрече с товарищами по работе и друзьями:

— Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производили уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться.

* * *

Приводим здесь мнение о предприятии СГАО «Висмут», высказанное в письме канадской фирмы «BEAK CONSULTANTS LIMITED» за подписью доктора Donald L.Lush (от 19 июня 1991 года). Эта фирма состоит членом Canadian Environmental Group, пользующейся авторитетом у профессионалов канадской и мировой горной обществности. Письмо адресовано профессору, доктору G. Leonhardt, в Правление консалтинговой и инжиниринго-

вой службы СГАО «Висмут». Письмо написано по результатам обследования предприятий СГАО «Висмут».

«Мы находимся под впечатлением тех достижений, которых достиг Ваш коллектив в области горной техники, которую он разработал и применял. Особо впечатляют Ваши решения в области механики горных пород и предотвращения горных ударов. Члены нашей группы на встречах с канадской горной обществностью расскажут о Вашем положительном опыте.

Западная пресса дает очень негативную картину прежней ГДР и Вашей фирмы (СГАО «Висмут» — прим. ред.). Но что касается Вашего предприятия — СГАО «Висмут», то мы считаем такое утверждение несправедливо преувеличенным. То, что мы увидели, — это, в основном, технически высокосовременные рудники и перерабатывающие предприятия, соответствующие международному уровню».

* * *

Но не только добыча урана была результатом деятельности «Висмута». Не менее важным было и создание атмосферы сотрудничества и дружбы между представителями двух народов, вчера смертельных врагов. Тяжело и медленно забываются обиды и несправедливости, но дух товарищества и уважения, ясность и понятность поставленных целей перед коллективом, хорошо оплачиваемый труд и нормальные социальные условия жизни создали сплоченный советско-германский коллектив общества «Висмут».

Некоторые критики, ерничая по поводу советско-германской дружбы, называли советских специалистов чужаками среди «друзей» (Fremd bei «Freunden»). Но добрые товарищеские отношения, возникавшие между советскими и немецкими специалистами во время их работы в «Висмуте», не только сохранились, но даже укрепились по прошествии времени. Вот почему мы всегда рады встречам, рады крепким дружеским рукопожатиям и воспоминаниям.

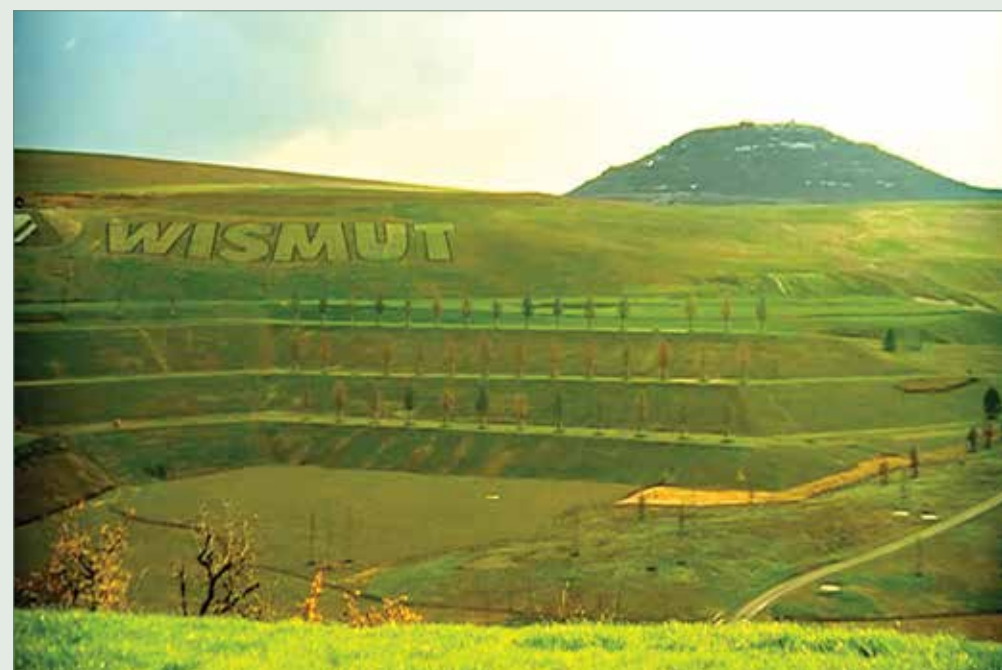
Но время неумолимо. Все больше наших товарищей-друзей уходят от нас. Поэтому мы посвятили эту книгу памяти живых и ушедших висмутян. И хотели бы, чтобы лица, ответственные за принятие судьбоносных решений, не бредили старые раны и обиды, а использовали опыт формирования делового сотрудничества и дружеских отношений между людьми, который был выстрадан нашим коллективом на протяжении многих лет после кровавой катастрофы.

Последняя вагонетка Дрозена

Карьер (начало рекультивации)

Зеленый ландшафт на месте бывшего карьера

Памятные камни, которыми выложены границы Роннебургского рудного поля.

Огромная горняцкая лампа установлена на самой высокой части культивированного отвала ("Schmirchauer Hohe" +373 м) и видна за несколько километров вокруг, а ночью ее свет виден издалека. (Из архива А.Г. Андреева, 2013 г.)

Вокруг лампы на культурном отвале выложены памятными камнями границы шахтных полей рудников, отработывавших Роннебургское рудное поле.

На камне написано: "Не зная прошлое, не познаешь будущее". Это понимают Надя и Нина Андреевы — потомки висмутянина

Вот ради мирной жизни таких мальцов трудились висмутяне (Из архива А.Г. Андреева)

Висмутяне продолжают дружить: Альфред Фильмут, Вернер Рихтер, Клаус Хинке, Георгий Андреев с внуком Георгием. (Из архива Г.Г. Андреева, июнь 2013 г.)

Альфред Фильмут с супругой, Оттомар Буссе с супругой, Гюнтер Дукс с супругой, Вернер Рихтер, Георгий Андреев, Нина и Андрей Андреевы. (Из архива Г.Г. Андреева, июнь 2013 г.)

Встреча представителей Некоммерческого Партнерства содействия развитию деловых, культурных и социальных связей «Висмутяне» с председателем Общества сохранения горных традиций "Висмута" Б. Крамером и руководством ГмБХ "Висмут"

Г.Г. Андреев и председатель Общества горняков «Висмута» профессор Б. Крамер (г. Фрайберг, 2013)

Встреча в архиве ГмБХ «Висмут»: Е. Синёв, Вернер Рихтер, руководитель архива Томас Хайнике, Г.Г. Андреев, руководитель ГмБХ «Висмут» Харди Мессинг (январь 2013)

Встреча советских и немецких ветеранов СГАО «Висмут» в Хемнице (бывший Карл-Маркс-Штадт). Январь 2013 г.

И.В. Мельниченко, А.А. Андреев, Г.Г. Андреев, Бернхард Крамер, В.А. Булатов, В. Рихтер (г. Фрайберг, 2013 г.)

Председатель общества горняков «Висмут» округа Хемниц Гунтер Шликке (слева) и Вернер Рихтер (справа).

Горный диспетчер «Висмут» Жорж Ендрук

Горный диспетчер «Висмут» Жорж Ендрук (90 лет) рассказывает о прошлом Г.Г. Андрееву

V-й конгресс «отцов» и «детей» – висмутян; на фото – участники Некоммерческого Партнерства содействия развитию деловых, культурных и социальных связей «Висмутяне». 12.12.2013 г.

Рогизный В.Ф., Дёмин Н.В., Петросов А.А., Найденко Ю. М.

Лопатин В.В., Назаркина А.М., Андреев Г.Г.

Кастуев О.М., Рудычев А.А., Савицкий В.И

Волощук С.С., Андреев А.А.

УРАН для МИРА
ИСТОРИЯ СГАО «ВИСМУТ»
1945–1990

Автор текста и составитель: Андреев Г.Г.

Редакторы: Бородина С.Л., Андреев А.А.

Дизайн и верстка: Бородина С.Л., Кучковский А.А.

Корректор: Бялая Т.М.

Подписано в печать 29.07.2014 г.
Формат 60x90/8. Гарнитура Charter. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Объем 65 усл. п.л.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии